

ИНСТИТУТ
АРХЕОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

ESSAYS
ON THE HISTORY
OF RUSSIAN
ARCHAEOLOGY

Issue V

Moscow 2019

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ОЧЕРКИ
ИСТОРИИ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
АРХЕОЛОГИИ

Выпуск V

Москва 2019

УДК 902/904
ББК 63.4
О95

Редакционная коллегия:
П.Г. Гайдуков, И.В. Тункина (ответственные редакторы),
Д.С. Коробов, С.В. Кузьминых, И.А. Сорокина

Ответственный редактор выпуска
И.А. Сорокина

Рецензенты: А.А. Масленников, Ю.Б. Цетлин

Очерки истории отечественной археологии. Выпуск V. –
М.: ИА РАН, 2019. 456 с.: ил.

В сборник включены статьи, основой которых послужили выступления на прошедшей в феврале 2019 г. в Институте археологии РАН конференции «У истоков советской археологии: организации и учреждения археологического профиля в новых реалиях». Настоящий сборник, как и конференция, являются частью мероприятий, посвященных 100-летию академической археологии в России. Статьи сборника освещают историю российской археологической науки в сложный период от революционных событий 1917 г. до начала 1930-х гг. Рассматриваются процессы структурной перестройки музеев, научных обществ, учебных заведений, административных органов, связанных с археологическими исследованиями в России и Украине. Прослежены судьбы дореволюционных институций, создание и реформирование первых советских организаций, деятельность ученых того времени. Авторы статей – признанные специалисты из Москвы, Санкт-Петербурга, Ижевска, Воронежа, Ростова-на-Дону, Симферополя, Твери, Кемерово, Новосибирска, Саратова, Казани и ряда других городов России, а также из Киева и Одессы (Украина).

Сборник будет интересен археологам, историкам, краеведам, всем, интересующимся археологическим наследием и его историей.

ISBN 978-5-94375-301-5

DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-301-5

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии РАН, 2019
© Авторы статей (фамилии выделены в содержании), 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	9
<i>Алкин С.В.</i> Археология Забайкалья, Приамурья и Якутии в 1920-е годы.....	20
<i>Белова Н.А., Медведева М.В.</i> Архив Академии истории материальной культуры в 1920–1930-е годы и документальные собрания археологических учреждений двух столиц	46
<i>Бойко А.Л., Толочко И.В.</i> При явно неблагоприятных условиях: археология Дона в 1920–1931 годах.....	66
<i>Бухарин М.Д., Тункина И.В.</i> Постоянная Туркестанская комиссия РАИМК в 1921 году.....	88
<i>Жукова Е.Н.</i> Археология в Тверской губернии в 20-е годы XX века	104
<i>Захарова Е.Ю., Бояркин М.В.</i> У истоков «советской науки на местах»: 1920-е годы в истории воронежской археологии	122
<i>Китова Л.Ю.</i> У истоков советской археологии в Сибири: организации и учреждения в новых реалиях	139
<i>Левченко В.В.</i> Процесс институционализации археологии на Юге УССР в 1917–1930-х годах	154
<i>Малов Н.М.</i> Археология Нижнего Поволжья: государственные учреждения и общества в первое советское десятилетие (к 100-летию первой археологической экспедиции Саратовского университета)	185
<i>Мельникова О.М.</i> Советский проект развития археологии в 1920-е годы: опыт реализации в Вотской автономной области, Вятской и Пермской губерниях	201
<i>Непомнящий А.А.</i> «Что можем, делаем...»: охрана культурного наследия в Крыму в 1917–1920 годах	219
<i>Палиенко С.В.</i> Институциональная история археологии на Украине (1917 – начало 1930-х годов)	237
<i>Панкратова Е.Г.</i> «Террористическая организация ГАИМК» (1936 год): обзор материалов архивно-следственного дела ..	263
<i>Руденко К.А.</i> Организации и учреждения археологического профиля в 1917 – начале 1930-х годов в Казанской губернии – ТАССР.....	277

<i>Савенко С.Н.</i> Археологические исследования Северного Кавказа: местные учреждения и персоналии в ранний советский период.....	305
<i>Сорокина И.А.</i> Полевая археология в России в 1918 – начале 1930-х годов: организация, динамика, тенденции.....	336
<i>Сташенок Д.А.</i> Становление самарской археологии: 1918–1930 годы.....	351
<i>Тихонов И.Л.</i> Археологическое образование в российских университетах в 1920-е годы.....	361
<i>Щавелёв С.П.</i> Ликвидация провинциальной археологии в Советской России на рубеже 1920–1930-х годов: «Дело краеведов ЦЧО».....	380
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	405
ABSTRACTS.....	408
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	422
ИЛЛЮСТРАЦИИ.....	429

CONTENTS

INTRODUCTION.....	9
<i>Alkin S.V.</i> Archaeology of Transbaikalia, Amur Region and Yakutia in the 1920s.....	20
<i>Belova N.A., Medvedeva M.V.</i> Archive of the Academy of the History of Material Culture in the 1920–1930s and documentary collections of archaeological institutions of the two capitals.....	46
<i>Boyko A.L., Tolochko I.V.</i> Under obviously unfavourable conditions: The archaeology of the Don in 1920–1931.....	66
<i>Bukharin M.D., Tunkina I.V.</i> The Permanent Turkestan Commission of the RAHMC on January 8, 1921.....	88
<i>Zhukova E.N.</i> Archaeology in Tver province in the '20s of the XXth century.....	104
<i>Zakharova E.Yu., Boyarkin M.V.</i> At the origins of “Soviet science in the places”: The 1920s in the history of Voronezh archaeology.....	122
<i>Kitova L.Yu.</i> At the origins of Soviet archaeology in Siberia: Organisations and institutions in the new realities.....	139
<i>Levchenko V.V.</i> The process of institutionalisation of archaeology in the south of the Ukrainian SSR, 1917–1930s.....	155
<i>Malov N.M.</i> Archaeology of the Lower Volga Region: State institutions and societies in the first Soviet decade (to the 100th anniversary of the first archaeological expedition of the University of Saratov).....	185
<i>Melnikova O.M.</i> The Soviet development of archaeology in the 1920s: Implementation experience in the Votka Autonomous Region, Vyatka and Perm Provinces.....	201
<i>Nepomnyashchy A.A.</i> “We do what we can ...”: Protection of the cultural heritage in the Crimea in 1917–1920.....	219
<i>Palienko S.V.</i> The institutional history of archaeology in Ukraine (1917 – early 1930s).....	237
<i>Pankratova E.G.</i> “Terrorist Organisation SAHMC” (1936): Review of the investigation case in archival investigation documents.....	263

<i>Rudenko K.A.</i> Organisations and institutions of the archaeological profile in the 1917 – early 1930s in the Kazan province – TASSR.....	277
<i>Savenko S.N.</i> Archaeological research of the North Caucasus: Local institutions and personalities in the early Soviet period....	305
<i>Sorokina I.A.</i> Field archaeology in Russia from 1918 to the early 1930s: Organisation, dynamics, trends.....	336
<i>Stashenkov D.A.</i> The Formation of Samara archaeology: 1918–1930.....	351
<i>Tikhonov I.L.</i> Archaeological education at Russian universities in the 1920s.....	361
<i>Shchavelev S.P.</i> Elimination of provincial archaeology in Soviet Russia at the late 1920s – beginning 1930s: “The Case of Local History Specialists of the CBER.....	380
ABOUT THE AUTHORS.....	405
ABSTRACTS.....	408
ABBREVIATIONS.....	422
ILLUSTRATIONS.....	429

ВВЕДЕНИЕ

В 1917 году две революции кардинальным образом перекроили весь политический, социальный и культурный ландшафт Российской империи. Этот год абсолютно правомерно становится самым главным рубежом российской истории XX века, значимым во всех смыслах – политическом, социальном, культурном и, прежде всего, историческом. Неудивительно, что вся отечественная историография, и археологическая в том числе, проводит границу между этапами развития научной мысли по 1917 году. Трагические и судьбоносные события этого времени уже становились предметом особого внимания специалистов по истории археологии.

С приходом новой власти поменялись границы, исчезли в вихре Гражданской войны и террора многие яркие личности, полностью изменилась вся структура государственных учреждений. На смену традиционным ценностям пришли новые. Особенно остро встал вопрос о сохранении культурного наследия, складывавшегося веками, а если говорить об археологическом наследии – тысячелетиями. Не менее актуальной проблемой стало и пополнение «кадрового» состава ученых. Россию покинула целая плеяда археологов, занимавших в предреволюционные годы ключевые позиции в науке (А.А. Бобринской, Н.П. Кондаков, М.И. Ростовцев, П.С. Уварова и др.). Оставшиеся ученые и краеведы в первые годы советской власти смогли сберечь научные традиции и передать их новому поколению, основав, таким образом, целые школы будущей советской археологии.

Теме развития археологии в первые десятилетия советской власти посвящен настоящий сборник, представляющий собой материалы прошедшей в 2019 г. конференции – четвертой в серии научных мероприятий по истории археологии в России, традиционно проводящихся Отделом теории и методики Института археологии РАН. Начало было положено в феврале 2013 г., когда состоялся круглый стол «История археологической науки для настоящего и будущего». В нем участвовали ученые из ведущих научных учреждений Москвы, Санкт-Петербурга, Воронежа, Ижевска, Красноярска, Курска, Самары, Киева. Материалы круглого стола были опубликованы в четвертом выпуске серии «Очерков истории отечественной археологии» (Очерки истории..., 2015). Следующей

была конференция «Ученые и идеи: страницы истории археологического знания» (Москва, февраль 2015 г.). Количество докладов существенно возросло, Некоторые были опубликованы полностью в виде статей в Кратких сообщениях ИА РАН (КСИА. Вып. 240–243. 2015, 2016). Интерес к проблемам истории археологии, который явно прослеживается не только в России, но и за рубежом, привел к организации в ноябре 2016 г. Всероссийской конференции «Развитие взглядов на интерпретацию археологического источника». Целью ее стало освещение истории идей в археологической науке – эволюции взглядов как на ключевые археологические проблемы, так и на частные аспекты развития археологических культур, периодизаций, памятников, категорий находок. На этом фоне Международная конференция «1917 год: российская археология на переломе эпох» (Москва, апрель 2017 г.) явилась закономерным продолжением вышеупомянутых форумов, но имела свою специфику. Она прошла в год 100-летия двух российских революций. Была поставлена задача: обсудить явления и идеи в российской археологии, на которых это бурное время, так или иначе, отразилось (1917 год..., 2017). Это и направления археологических исследований, и парадигмы в контексте новой идеологии, и административная организация нашей науки в связи с двукратной переменой власти, и процессы в археологическом образовании, и социально-культурный состав подвигающихся на этой ниве. Сюда вписываются и история археологических институций, и судьбы личностей. На конференции были представлены свыше 30 докладов ученых из почти двух десятков учреждений России и Украины, в которых дан анализ опубликованных и ранее неизвестных документов, как из центральных, так и региональных архивов. Много внимания уделено переписке ученых, их дневникам и мемуарам, на страницах которых отражены живые впечатления очевидцев драматических событий 1917 года и последующих лет становления советского государства. Однако далеко не все вопросы, связанные с кардинальными изменениями, произошедшими в отечественной археологии в этот период, получили одинаковое освещение в ходе означенного мероприятия. Прежде всего, это касается значительных перемен, произошедших в области организации науки – в исчезновении старых и появлении новых археологических учреждений. Они исчезали и возникали после октябрьских событий. Процесс сложения археологических институций, привычных нам сегодня, растянулся почти на полто-

ра десятилетия и завершился в той или иной степени лишь к концу 1920-х – началу 1930-х гг. Освещению разных сторон этого сложного, порой запутанного процесса была посвящена конференция «У истоков советской археологии: организации и учреждения археологического профиля в новых реалиях», проходившая в стенах Института археологии РАН в феврале 2019 г., в год 100-летнего юбилея Российской академии истории материальной культуры. Следует отметить, что это далеко не первая попытка осмысления организационных процессов становления советской археологии – подобные вопросы, например, представляли интерес для археологов-теоретиков последней трети XX в.

Большинство представленных на конференции докладов охватывало период становления и формирования археологических организаций в новых советских реалиях 1917 – начала 1930-х гг. Это и формирование нового научного подхода к изучению культуры, и работа археологов в возникавших новых государственных образованиях наподобие Дальневосточной республики, и сложные взаимоотношения представителей археологической науки и советской власти на Дону, в Сибири и Поволжье, в Крыму и на Кавказе. Много внимания было уделено особенностям организации археологической деятельности в этих непростых условиях становления новой государственности: формированию архивов, обустройству музейных экспозиций, проведению полевых изысканий, преподаванию археологии в высших учебных заведениях. Важный вклад в сохранение археологических памятников вносился археологами в первые годы советской власти в условиях полной дезорганизации и фактического отсутствия государственных структур в некоторых регионах. Одним из главнейших трендов в новой советской реальности становится широкое краеведческое движение, впоследствии подвергшееся жесточайшему разгрому. Не обойдены молчанием трагические события, затронувшие российских ученых и краеведов в годы большевизма. Экономическая разруха и голод, политические репрессии и ужасы Гражданской войны привели к гибели многих лучших людей России того времени. За скупыми данными архивов проступают подлинные человеческие трагедии – голодная смерть В.В. Латышева в Петрограде в 1921 г. или использование в археологических экспедициях подневольного труда узников ГУЛАГа.

Предлагаемый вниманию сборник статей, представляющий собой пятый выпуск серии «Очерки истории отечественной ар-

хеологии», основанной в 1991 г. А.А. Формозовым, в значительной степени отражает содержание прозвучавших на конференции докладов. Его публикация замыкает череду мероприятий, посвященных 100-летию академической археологии в России.

Сборник открывает статья **С.В. Алкина**, посвященная археологии трех регионов Дальнего Востока в период существования Дальневосточной республики (1920–1922 гг.) и последующие годы после вхождения их в РСФСР. Показано, как развивалось краеведение, как работали музеи и другие институции. Освещена деятельность ученых и краеведов, описаны проведенные ими археологические полевые исследования. Таким образом, была заложена основа будущего археологического изучения Забайкалья, Приамурья и Якутии, до этого момента остававшихся белым пятном на археологической карте России.

Работа **Н.А. Беловой** и **М.В. Медведевой** посвящена анализу архивного фонда Российской академии истории материальной культуры и документальных собраний археологических учреждений двух столиц, накопленных в 1920–1930-е годы. Авторы поднимают вопросы сохранения рукописей и фотоматериалов, движения документов из одного архивного собрания в другое, происходившее в связи с постоянными реорганизациями первых лет советской власти. Подчеркнута роль сотрудников РАИМК, сумевших отстоять право на хранение профильных документов в собственном архиве данного учреждения. В результате удалось сохранить документальные коллекции дореволюционных организаций и учреждений первых лет советской власти практически в той же комплектности, в какой они попали в архив ГАИМК в 1920–1930-е гг.

Непростое положение, в которое попали археологи на Дону, подробно освещается в статье **А.Л. Бойко** и **И.В. Толочко**. Здесь в трагические годы революции и Гражданской войны продолжали работать музейные организации, был даже открыт Донской археологический институт. Победившая власть проводила политику лихорадочной «советизации», в ходе которой закрывались старые культурные и просветительские учреждения и создавались новые, зачастую весьма недолговечные. Непрерывающаяся борьба антисоветского подполья сделала практически невозможным археологическое изучение региона в рассматриваемый период.

М.Д. Бухарин и **И.В. Тункина** публикуют протокол первого заседания Постоянной Туркестанской комиссии РАИМК, который интересен не только как источник по истории первых лет деятель-

ности Академии, но и как основа для реконструкции научной биографии С.Ф. Ольденбурга. Из документа становится очевидным, насколько важной для ученого была попытка возобновить в начале 1921 г. научные исследования в Туркестане, прерванные войной шестью годами ранее.

Археологическая жизнь в Тверской губернии в 1920-е годы рассматривается в статье **Е.Н. Жуковой**. Революция 1917 г. активизировала творческую работу по созданию новых музеев, вузов и библиотек. С начала 1920-х гг. начинается расцвет местного краеведческого движения, которое развивается при поддержке ведущих археологов обеих столиц, чему способствует само географическое расположение Твери. Однако растущий со второй половины 1920-х гг. идеологический прессинг закономерно приводит к существенному сокращению археологической активности на территории губернии.

Аналогичные процессы прослеживаются и в других регионах Советской России. Так, в статье **Е.Ю. Захаровой** и **М.В. Бояркина**, освещающей 1920-е годы в истории воронежской археологии, рассмотрена деятельность Воронежской ученой архивной комиссии, ставшей основой местного краеведения еще с начала XX столетия, а также Воронежского университета и Губернского музея. Показана подвижническая работа местных археологов и краеведов по изучению и сохранению древностей Черноземья, проходившая под непрерывно усиливающимся прессом тоталитарной власти и практически прекратившая свое существование к началу 1930-х гг.

Интересные процессы становления местной археологической школы, проходившие в рассматриваемый период в Сибири, анализируются **Л.Ю. Китовой**. Здесь за короткое время правления А.В. Колчака формируется новый университет в Иркутске, ставший вторым сибирским высшим учебным заведением после Томска. Преподавательский и студенческий состав этих вузов формируется в основном за счет эвакуированных профессоров и студентов Казанского и Пермского университетов, а также бежавших от советской власти представителей интеллигенции. На короткое время открывается Институт исследования Сибири, с которым связаны имена известных археологов С.И. Руденко, С.А. Теплоухова, В.Ф. Смолина. После становления советской власти некоторые из учреждений закрываются, появляются новые, однако, как и повсюду, к началу 1930-х гг. происходит разгром региональных центров по изучению истории края.

Не менее головокружительные пертурбации происходили с археологическими учреждениями на Юге УССР. Отдельные этюды о форме и структуре археологического образования и научно-исследовательских учреждений, взаимоотношениях археологической общественности с властью, состоянии материально-технической и финансовой базы музеев и вузов предлагаются в публикации **В.В. Левченко**. Автор подчеркивает, что ведущая роль в изучении и сохранении археологических древностей на обозначенной территории к началу XX в. принадлежала местным исследовательским силам, к 1920-м гг. наметилось тесное сотрудничество местного археологического сообщества со специалистами республиканских и союзных научных центров, трагически оборвавшееся в конце десятилетия.

1919 г. стал годом проведения первой археологической экспедиции на территории Саратовской губернии. История организации археологических изысканий на территории Нижнего Поволжья, связанная с историко-филологическим факультетом Саратовского университета, рассматривается в статье **Н.М. Малова**. Здесь в начале 1920-х гг. развернулась активная полевая работа под руководством Ф.В. Баллода и, в особенности, П.С. Рыкова и его учеников. К сожалению, и эту археологическую школу не миновала волна репрессий, прокатившихся по стране в 1920–1930-е гг.

Первые годы становления советской власти сопровождались активным подъемом национальных движений в самых разных уголках нашей страны. Этот процесс формирования местных археологических школ в Вотской автономной области, Вятской и Пермской губерниях на протяжении 1920-х гг. подробно проанализирован **О.М. Мельниковой**. Исследование местных археологических древностей, проводившееся сотрудниками университетов и музеев Уральской области, шло здесь бок о бок с активной просветительской краеведческой деятельностью, в которой принимали участие некоторые ученые из Москвы и Ленинграда. К концу 1920-х – началу 1930-х гг. на общем фоне репрессий происходит отход от этнически окрашенной истории, и развитие региональной археологии постепенно затухает. Новый толчок местным археологическим исследованиям дается уже в послевоенное время.

Политические пертурбации всегда крайне отрицательно влияют на состояние дел с охраной культурного наследия. Уничтожение и разграбление археологических памятников практически повсеместно сопровождало годы Гражданской войны и становления

советской власти. Весьма интересную ситуацию, сложившуюся в 1917–1920 гг. в Крыму, описывает **А.А. Непомнящий**. Здесь, как и в уже рассмотренных выше областях, находившихся под управлением Белого движения, сосредотачивается значительное количество ученых, в том числе историков, пытавшихся скрыться от новой власти. Активная позиция, занимаемая, прежде всего, членами дореволюционных организаций – Таврической ученой архивной комиссии и Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы – способствует борьбе с расхищением древностей и спасению археологических коллекций, которая ведется здесь, несмотря на все ужасы революции и длительной Гражданской войны.

Становление советской власти в 1920-е гг. на территории Украины сопровождалось значительными изменениями в работе археологических учреждений. **С.В. Палиенко** в своей работе подробно рассматривает данный процесс, происходивший в разных сферах археологического сообщества: в рамках структур охраны памятников, институций Украинской академии наук, образовательных учреждений, музеев и научных обществ. Освещена история создания и попыток организации Археологического комитета и Археологической комиссии, Всеукраинского археологического комитета и Киевского археологического института. В результате инициативы, во многом шедшей «снизу», во второй половине 1920-х украинская археология достигла своего расцвета. Археологическими исследованиями была охвачена значительная часть территории республики, позволившая заполнить многие лакуны, начали работать первые новостроечные экспедиции. Однако в результате событий следующего десятилетия, оригинальная и во многом неповторимая украинская археология была практически полностью уничтожена.

Трагические события «роковых» 1930-х гг. также не оставлены без внимания в настоящем сборнике. Весьма подробно материалы архивно-следственного дела 1936 г. о «террористической организации ГАИМК» излагаются **Е.Г. Панкратовой**. Особенная ценность данной публикации заключается в анализе первоисточника – документов, хранящихся в Архиве управления ФСБ по Санкт-Петербургу. Организованное после убийства С.М. Кирова 1 декабря 1934 г. дело стало одним из звеньев кровавой цепи сфабрикованных ОГПУ/НКВД дел против «троцкистско-зиновьевских террористических организаций». Волна арестов в кругах административного и научного состава ленинградских академических учреждений затронула и ГАИМК, где

были арестованы и приговорены к расстрелу С.Н. Быковский, Ф.В. Кипарисов, М.Г. Худяков и В.С. Адрианов. Дело «о террористической организации ГАИМК» было лишь одним из множества судебных процессов о «контрреволюционной сети» среди разнообразных групп населения Ленинграда, трагически сломавших жизни многих жителей северной столицы.

Интересна судьба организаций и учреждений археологического профиля, находившихся в 1917 – начале 1930-х годов в Казанской губернии. Анализ их деятельности содержится в работе **К.А. Руденко**. Здесь археологическое сообщество встретило начало XX в. с весьма солидным научным багажом, а на волне революционного энтузиазма появилась надежда, что в Казани наступает «археологическая эра», прежде всего благодаря активной деятельности членов Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Однако в начале 1920-х гг. этому старейшему археологическому учреждению был нанесен непоправимый урон, когда органы новой власти стали активно вмешиваться в жизнь корпоративных внутриуниверситетских структур. 1920-е годы проходят под знаком национального подъема и активного развития местного краеведения, создания новых музеев и обществ. Правда, век их оказался недолог – в начале 1930-х гг., как и в других регионах, большая часть таких учреждений была упразднена.

Истории местных учреждений археологического профиля и некоторым персоналиям, внесшим вклад в развитие археологии Северного Кавказа, посвящена публикация **С.Н. Савенко**. Автор подробно описывает судьбу местных музеев, высших учебных заведений и общественных организаций, работу руководителей археологических экспедиций. Особая роль видится в планомерной работе Северокавказской экспедиции РАИМК – ГАИМК под руководством А.А. Миллера, а также активной деятельность Северо-Кавказского института краеведения. Наступившие 1930-е гг. прервали поступательное развитие археологии в северокавказском регионе, как и по всей стране.

С точки зрения развития археологической науки в Советской России в 1920-е – начале 1930-х годов весьма показателен анализ полевой деятельности, который проводится **И.А. Сорокиной**. В работе осуществляется обобщение статистической информации о выдаче открытых листов, проведенное с помощью уникальной базы данных по полевой археологии с 1859 по 2010 г., разрабатываемой автором на протяжении ряда лет. Весьма показательной для

первых лет советской власти является неопределенность самой процедуры выдачи этого ключевого для любого полевого археолога документа, которая неоднократно менялась на протяжении рассматриваемого периода. Статистическая информация о проведенных полевых исследованиях 1919–1932 гг. блестяще подтверждает основные тенденции, прослеживаемые другими авторами данного сборника: резкий спад археологической активности в годы Гражданской войны, расцвет полевой археологии во второй половине 1920-х гг. в связи с деятельностью многочисленных краеведческих организаций и наступившее сокращение полевых работ с конца 1920-х гг., последовавшее за разгромом регионального краеведения.

Довершают картину развития поволжской археологии в 1920-е гг. материалы, представленные **Д.А. Сташенковым** и характеризующие путь развития археологии в Самарской губернии. Особое внимание уделяется деятельности членов Общества археологии, истории, этнографии и естествознания при Самарском университете и Высших этнолого-археологических курсов. Подчеркнута роль ученицы В.А. Городцова, выпускницы Московского археологического института В.В. Гольмстен. Она возглавила ряд учреждений, в тяжелых условиях войны и голода проводила полевые исследования.

Работа **И.Л. Тихонова** посвящена проблемам археологического образования в российских университетах в 1920-е годы. «Пионерами» в складывании специального археологического образования, начавшегося как раз в годы революции и Гражданской войны, следует считать Петроградский и Московский археологические институты, включенные в 1920-е гг. в состав факультетов общественных наук столичных университетов. Автор уделяет особое внимание формированию учебных программ первых археологических отделений, а также развитию палеоэтнологического направления, тесно связанного с университетскими факультетами, обучавшими антропологии и географии. В начале 1930-х гг. в связи с резко усилившейся идеологизацией гуманитарного образования и непродуманными реформами структуры университетов специальное археологическое образование практически прекращает свое существование. Однако с середины этого десятилетия постепенно появляются специализированные кафедры археологии на исторических факультетах ЛГУ и МГУ, а в послевоенное время этот процесс постепенно затрагивает и другие университеты страны.

Завершающей работой, представляющей весьма знаковой для настоящего сборника, является статья **С.П. Щавелёва**. Автор характеризует процесс ликвидации провинциальной археологии в Советской России на рубеже 1920–1930-х гг. Собранные данные о «Деле краеведов ЦЧО» (Центрально-Чернозёмной области) свидетельствуют о том, что атака большевистских властей и на прежних академиков, и на краеведческое движение готовилась, по сути, с самого начала становления советской власти. Но первый сокрушительный удар по местной интеллигенции, трудившейся на археологической ниве, был нанесен в самом конце 1920-х гг. Приводятся данные о некоторых сфабрикованных процессах, например, о знаменитом «Академическом деле», которое затронуло краеведов Черноземья. В статье публикуется уникальная фотокопия графической «Схемы Воронежской монархической организации “Краеведы”», за принадлежность к которой был арестован ряд местных археологов. Всего по делу краеведов ЦЧО прошло 92 человека, пятеро из которых приговорены к расстрелу, подавляющее большинство к заключению в концлагерь сроком от 3 до 10 лет и лишь несколько человек – к высылке в Северный край, Западную Сибирь, Казахстан. С этих пор и вплоть до послевоенного периода на местах некому стало вести разведки и раскопки памятников археологии, квалифицированно разбирать, хранить и экспонировать коллекции древностей. В какой-то мере от этого удара археология Черноземья, да и в целом всей нашей страны, не оправилась до сих пор.

Не приходится сомневаться в том, что проблемы, затронутые в сборнике, вызовут живой интерес у археологов нынешнего столетия, поскольку истоки современной российской археологии в большой степени сформировались именно тогда, в начальные советские годы, неся с собой как некоторые положительные стороны (например, возросший демократизм научной жизни и вовлечение широких слоев населения в изучение прошлого на гораздо более обширной территории, чем это было до 1917 г.), так и несомненный груз проблем, который советская археология несла с собой до рубежа 1980–1990-х гг. – идеологический пресс государства, оторванность от европейской и мировой научной мысли, значительный схематизм в теоретических построениях и пр. Преодоление старых проблем и поступательное развитие археологической науки в наши дни невозможно без осмысления ее истоков, особенно сейчас, когда в текущем году отмечается столетний юбилей акаде-

мической археологии в России. Надеемся, что настоящий сборник внесет свой позитивный вклад в этот процесс осознания российской археологией своего исторического места.

Д.С. Коробов, И.А. Сорокина

Литература

- 1917 год..., 2017. 1917 год: российская археология на переломе эпох. Материалы Международной научной конференции / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: ИА РАН. 92 с.
- Очерки истории..., 2015. Очерки истории отечественной археологии. Вып. IV / Отв. ред. П.Г. Гайдуков, И.В. Тункина. М.: ИА РАН. 266 с.

С.В. Алкин

АРХЕОЛОГИЯ ЗАБАЙКАЛЬЯ, ПРИАМУРЬЯ И ЯКУТИИ В 1920-е ГОДЫ

Резюме. В период Гражданской войны и в первые годы советской власти основная работа по изучению археологии Забайкалья, Приамурья и Якутии (современные Забайкальский край, Республика Саха (Якутия), Амурская область и Хабаровский край) проводилась в рамках деятельности РГО и местных краеведческих музеев. Важным переходным этапом был период ДВР, когда была предпринята в целом успешная попытка сохранить музейные кадры, поддержать краеведческое движение, использовать знания и опыт археологов-профессионалов. В результате была заложена основа для организации археолого-краеведческих исследований после вхождения Дальнего Востока в состав РСФСР, что способствовало интенсификации археологического поиска во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. Важным было участие академических экспедиций из учреждений центральной России. Пополнялись археологические фонды музеев, поводилось картографирование памятников археологии, местные специалисты были подключены к процессу развития археологии в стране.

Ключевые слова: Забайкалье, Приамурье, Дальневосточная республика, история археологии, краеведение, музейное дело.

Накануне революции 1917 г. на Дальнем Востоке России действовали отделения Императорского Русского географического общества (ИРГО) и около десятка краеведческих музеев, которые с 1880–1890-х гг. стали важным фактором комплексного изучения региона и базой краеведческих исследований, включая поиск и регистрацию археологических памятников. В музейных экспозициях выставлялись некоторые археологические материалы, собранные учеными и энтузиастами. Часть из этих музеев находилась в Забайкалье и Приамурье: в Нерчинске (открыт в 1886 г.), Благовещенске (1891), Якутске (1891), Кяхте (1894), Хабаровске (1894) и Чите (1895). Организация этих музеев была связана, в основном, с деятельностью Приамурского отдела ИРГО и его

филиалов (Чита, Хабаровск, Кяхта). Так же, как и в других регионах Дальнего Востока, они пользовались активной поддержкой администрации, общественных деятелей и ученых и создавались при научных обществах (Чита, Хабаровск, Якутск) или при городских самоуправлениях (Благовещенск, Николаевск-на-Амуре). Работа краеведческих музеев была направлена на изучение края и просветительскую деятельность. Важным источником пополнения фондов явились экспедиции научных обществ и самих музеев, а также пожертвования донаторов из числа представителей администрации и представителей общественности.

В период Гражданской войны и в первые годы советской власти основная работа по изучению археологии и по распространению знаний о древностях дальневосточных регионов, включая и сохранение археологических предметов и объектов археологического наследия, по-прежнему велась краеведческими музеями, хотя сообразно моменту эта работа сталкивалась с существенными трудностями.

Одним из первых решений после установления советской власти на Дальнем Востоке в январе 1918 г. была национализация музеев, которые передавались в ведение Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса). Частая смена правительств в период Гражданской войны и интервенции (1918–1922 гг.) не способствовала развитию музейного дела и краеведения, но все же музеи в условиях вполне лояльного отношения новых, хотя и временных властей, продолжали по мере возможности выполнять свою функцию охраны накопленных фондов и просвещения населения.

Установление власти в формате Дальневосточной республики (ДВР) вернуло государственную поддержку музеям и научным обществам, сохранив сложившуюся ранее систему от разрушения. Однако возможности такой поддержки были ограничены. Представители властей обычно лишь констатировали плохое физическое состояние музейных зданий, коллекций, недостаток средств на поддержание текущей деятельности, выдавать рекомендации, но реально оказать существенную помощь не могли.

Забайкалье

Несколько иначе развивалась ситуация в Чите, которая на время приобрела статус столицы вновь образованного государства ДВР. До 1917 г. основная работа по изучению археологии на территории Забайкальской области осуществлялась в рамках дея-

тельности Забайкальского отделения ИРГО и его краеведческого музея. Но, как и в других регионах страны, во время Гражданской войны в Забайкалье краеведческая работа не прекращалась. Известно, что председатель исполкома первого большевистского правительства в Чите И.А. Бутин планировал организацию краеведческой работы в школах (*Жеребцов, Закаблукская, Мясников, 2002. С. 258*).

Особо плодотворным для развития краеведения стало время, когда Забайкалье вошло в состав ДВР. Это буферное государство между Советской Россией и Японией было создано весной 1920 г. ДВР включила в себя территории к востоку от оз. Байкал до Тихоокеанского побережья, в том числе прежнюю Забайкальскую область Российской империи. С октября 1920 г. столицей нового государственного образования стал г. Чита. Перед руководством ДВР стояли военно-политические задачи, которые были успешно выполнены к концу 1922 г., что повлекло за собой вхождение территорий Восточной Сибири и Дальнего Востока в состав советского государства.

Период ДВР стал временем определенной стабилизации хозяйственной и культурной жизни в регионе после ликвидации белой государственности. Правительство ДВР уделяло большое внимание восстановлению системы образования, а также поддержке Забайкальского отделения РГО и его краеведческого музея. Таким образом, в новых условиях были продолжены музейная и просветительская деятельность, важной частью которых было изучение и популяризация археологии края.

В 1921 г. правительство ДВР взяло на себя финансирование ЗОРГО и музея, передав его в ведение Министерства народного просвещения. 9 сентября 1921 г. был создан Государственный институт народного образования (ГИНО; после ликвидации ДВР – Читинский государственный университет), где преподавали местные краеведы и музейные работники, а также оказавшиеся здесь в связи с событиями Гражданской войны педагоги и научные работники с Урала и Дальнего Востока. Учащиеся не только слушали лекции по истории края, но также принимали участие в экскурсиях в окрестностях города, помогали в каталогизации фондов краеведческого музея. Для привлечения большего количества экскурсантов из числа учащихся, учителей и «просто интересующихся археологией», заведующий курсами по внешкольному образованию при Министерстве народного просвещения обращался к ми-

нистру транспорта с просьбой о безбилетном проезде участников экскурсий (ГАЗК. Ф. Р-1545. Оп. 1. Ед. 4. Л. 18).

М.К. Азадовский¹ назвал образование ГИНО в Чите самым крупным событием первой половины рассматриваемого периода (Азадовский, 1926. С. 122).

Законы ДВР способствовали развитию массового краеведческого движения. Музеи региона были объявлены общенародной собственностью и переданы в ведение Министерства народного просвещения. В декабре 1920 г. впервые были утверждены штатные расписания музеев. Для Читинского – 27 человек, но вскоре число работников было сокращено до 16, а в 1923 г. оставалось всего 10 сотрудников (Вся Чита..., 1993. С. 39). Значительно увеличилось число посетителей музея в Чите: с ноября 1920 г. по июль 1921 г. – 11300 человек (Закаблуконская, 2002. С. 264). К началу 1926 г. фонды отдела археологии насчитывали примерно 10 тыс. единиц хранения (Закаблуконская, 1994. С. 4).

В Читинском музее в рамках программы инструкторских курсов для учителей проводились занятия по археологии, на которых лекции читал Алексей Кириллович Кузнецов (1845–1928). Студент-биолог, осужденный по процессу Нечаева и с 1872 г. отбывший шестилетнюю каторгу в Каре, А.К. Кузнецов создал два музея — в Нерчинске и Чите, и получил особую известность также благодаря археологическим открытиям в Забайкалье (Михалкин, 1929; Патронова, Константинов, 2011).

А.К. Кузнецов, руководивший музеем и одновременно отделом археологии, пользовался большим авторитетом в Сибири и на Дальнем Востоке. 4 августа 1921 г. правительство Дальневосточной Республики признало заслуги А.К. Кузнецова и присвоило Читинскому музею его имя (Вся Чита..., 1923. С. 39). Он продолжал руководить музеем до 1928 г., участвовал в работе ряда археологических и этнографических экспедиций, издавал свои труды.

В связи с 80-летним юбилеем музейного деятеля и исследователя в 1928 г. в Иркутске был проведен Первый Восточно-Сибирский краеведческий съезд (Константинов, 2008. С. 61). Благодаря многогранной деятельности А.К. Кузнецова Читинский краеведческий музей в 1920–1930-е гг. продолжал оставаться одним из крупнейших краеведческих центров за Уралом.

¹ Русский и советский фольклорист, литературовед и этнограф. Член Союза советских писателей.

Ближайшим сотрудником А.К. Кузнецова был Елпидифор Иннокентьевич Титов (1896–1938). В 1923 г. он закончил Иркутский государственный университет по историко-филологическому отделению. Выходец из кружка народоведения ИГУ, которым руководил Б.Э. Петри, Е.И. Титов работал в Чите преподавателем ГИНО и учителем в школе. В его подходе к археологическим и этнологическим исследованиям, очевидно, отразились взгляды Б.Э. Петри в области методики музейной и краеведческой работы (Алкин, 2009). В ходе экскурсий, которые он проводил со своими учениками, Е.И. Титов открыл ряд археологических памятников в окрестностях Читы. Результаты этой работы и рассуждения на тему привлечения краеведческих материалов для преподавания в школе курса первобытной истории он представил в специальной статье (Титов, 1924). Она весьма примечательна для характеристики его педагогического таланта и представлений о методике проведения археологических разведок. Экскурсии с учениками школы 1-й ступени проводились в окрестностях г. Читы по левой террасе р. Ингода в районе пос. Засопка.

Судя по описанию места и состава собранной коллекции находок, можно предположить, что Е.И. Титов и его ученики были первооткрывателями ряда археологических памятников, включая первое русское поселение на месте города и местонахождений поздней поры палеолита на Титовской сопке. В ходе работ производились съемка местности и пробная шурфовка. Затем был заложен небольшой раскоп, который Титов разбил на квадраты со стороной в один метр. Все участники раскопок занимались своим делом: мальчики «стояли на лопатах», девочки разбирали слой ножами, остальные очищали находки и упаковывали их в пакеты из мягкой оберточной бумаги со специальными регистрационными карточками. Нельзя не заметить, что в этой методике просматриваются навыки полевой и камеральной работы, приобретенные в иркутском кружке Б.Э. Петри. Исследователь отмечает, что, кроме артефактов, были обнаружены остатки двух древних кострищ. Собранные находки были сопоставлены с коллекциями из экспозиции краеведческого музея. Елпидифор Иннокентьевич называет в статье имена наиболее отличившихся школьников и сообщает, что один из его учеников после приобретенного опыта самостоятельно обнаружил стоянку неолитического времени в окрестностях своей родной деревни Каштак на противоположной окраине города. Подчеркивая, что условия Забайкалья, изобилующего па-

мятниками доисторических культур, позволяют расширять подобную экскурсионную работу со школьниками, Е.И. Титов снабдил свою статью «Практическими указаниями для проведения археологических экскурсий в окрестностях г. Читы». В них он перечисляет известные местонахождения стоянок от неолита до раннего железного века. В памятке указывается на геоморфологический аспект поисков памятников в этом районе, подробно описана последовательность работы исследователя по фиксации новых местонахождений и обращению с найденными артефактами.

В апреле – июне 1924 г. Читу посетил известный исследователь Дальнего Востока В.К. Арсеньев (*Тарасова*, 1985. С. 308). Вероятно, тогда с ним познакомился Е.И. Титов. Позднее, в 1924–1925 гг. Титов посетил Хабаровск, где В.К. Арсеньев приступил к руководству краеведческим музеем. Сотрудничество ученых оказались достаточно плодотворным. В скором времени появились совместные научные работы, посвященные описанию и анализу современного положения коренных народов Дальневосточного края. Вплоть до настоящего времени ценным источником сведений об этносах Восточной Сибири и Дальнего Востока, данных по демографии и этнографии коренного населения двух смежных регионов в начале XX в. является брошюра «Быт и характер народностей Дальневосточного края» (*Арсеньев, Титов*, 1928).

В 1927 г. Е.И. Титов уезжает в Харбин, где будет находиться до 1932 г. Формально он не был членом Общества изучения Маньчжурского края (ОИМК), но принимал участие в его работе. Весной 1928 г. на выдувах к западу от г. Хайлар Е.И. Титов собрал коллекцию каменных изделий неолитического облика. Это положило начало комплексному (при участии геологов, почвоведов, ботаников) изучению археологического микрорайона с достаточно хорошо атрибутируемыми неолитическими памятниками. Работа Титова, написанная в соавторстве с В.Я. Толмачёвым (*Титов, Толмачёв*, 1928), вошла в золотой фонд российского периода археологического изучения Маньчжурии. Район исследований находился в китайском Приаргунье, в сотне с небольшим километров от линии прохождения российско-китайской границы. Это позволило сравнить собранные там материалы с забайкальскими, которые обоим авторам статьи были хорошо известны. В приложении к статье содержался обширный список литературы и суждения о степени изученности восточносибирского неолита, о существовавших тогда представлениях происхождения неолити-

ческих культур Евразии. Отдав дань популярной теории об азиатском происхождении европейских неолитических культур, авторы представили в высшей степени квалифицированную публикацию археологических материалов из района Хайлара. Сам факт появления этой статьи является интересным результатом сотрудничества двух российских археологов, принадлежавших к разным поколениям. В ней можно видеть не только высокий профессиональный уровень В.Я. Толмачёва (полученный им в Петербурге и Екатеринбурге), уже бывшего на момент приезда в Харбин известным археологом, но и результат хорошей археологической подготовки Е.И. Титова в иркутском кружке Б.Э. Петри, а также опыт работы обоих в Чите (Алкин, 2011).

Уральский археолог Владимир Яковлевич Толмачёв (1876–1942) который по пути в эмиграцию некоторое время находился в Чите, внес значительный вклад в изучение археологии Забайкалья (Алкин, 1999). По прибытии в Читу он поступает на службу в Областную земскую управу; в конце ноября 1920 г. назначен на должность инструктора отдела искусств секции охраны памятников искусств и старины, а затем заведующего отделом мастерской учебных коллекций Минпроса» Дальневосточной республики (ГАЗК. Ф. Р-32. Оп. 2. Ед. 1. Л. 6, 12 об.). Приказом по министерству от 3 сентября 1921 г. В.Я. Толмачёв был назначен преподавателем ГИНО «с определением его на кафедре согласно его специальности». В институте он преподавал курс первобытной культуры (ГАЗК. Ф. Р-32. Оп. 2. Ед. 1. Л. 40). Имя В.Я. Толмачёва есть в протоколе заседания Комиссии по реорганизации краевого музея от 19 ноября 1920 г. (Обзор деятельности..., 1924. С. 61). Комиссия была собрана при содействии министра просвещения правительства Дальневосточной Республики М.П. Малышева. Толмачёв вошел в нее вместе с членами РГО.

Работа Читинского отделения Приамурского отдела РГО велась довольно активно. В 1921 г. было проведено 11 общих собраний. По предложению Временного совета Читинского краевого музея на общем собрании отделения 15 февраля 1921 г. В.Я. Толмачёв был принят его действительным членом (ГАЗК. Ф. Р-1545. Оп. 1. Ед. 1. Л. 1), а затем избран в Совет.

Поскольку занятия по археологии на инструкторских курсах при краеведческом музее уже проводил А.К. Кузнецов, то В.Я. Толмачёв руководил занятиями по энтомологии, бывшей его любимым хобби, и принимал участие в экскурсионной работе

(Обзор деятельности..., 1924. С. 81). Результаты разведок по берегам оз. Кенон, расположенного между городом и с. Засопка, были представлены на общем собрании 8 мая 1921 г. в докладе «Об археологических находках в окрестностях г. Читы». В обсуждении принял активное участие А.К. Кузнецов (ГАЗК. Ф. Р-1545. Оп. 1. Ед. 1. Л. 22–22 об.). Большое количество находок со стоянок железного века Толмачёв передал в краеведческий музей (Обзор деятельности..., 1924. С. 76; ГАЗК. Ф. Р-1545. Оп. 1. Ед. 1. Л. 20 об.).

В октябре 1921 г. В.Я. Толмачёв просит об увольнении со службы в мастерской учебных пособий (ГАЗК. Ф. Р-32. Оп. 2. Ед. 1. Л. 70), а 14 февраля следующего года выбывает из числа преподавателей ГИНО. В июле 1922 г. он приезжает в Харбин, где начинаются двадцать лет его жизни в эмиграции. Пока это было возможно, В.Я. Толмачёв поддерживал контакты с коллегами в Советской России. Он смог опубликовать в России статью о двух погребениях из юго-восточного Забайкалья. Одно из них было случайно обнаружено в районе г. Сретенска, второе точно не локализовано (Толмачёв, 1929). Оба с большим числом изделий из кости. С этими материалами В.Я. Толмачёв ознакомился в Читинском музее. Это единственная статья исследователя об археологии Забайкалья и последняя из его опубликованных в России работ. Очевидно благодаря его содействию с 1923 г., в библиотеку Читинского музея начинают поступать издания ОИМК (ГАЗК. Ф. Р-1545. Оп. 1. Ед. 9. Л. 54–63).

Материалы по археологии и методике краеведческой работы публиковались в изданиях МНП. Министр народного просвещения ДВР профессор ГИНО Александр Александрович Половинкин (1887–1955) в 1922 г. подготовил для учащихся брошюру «Что было на Чёртовом бугре», которая признана первым учебным пособием по археологии Забайкалья, где были представлены элементы методики работы со школьниками (Константинов, 2008. С. 198–200).

Продолжалась археолого-краеведческая работа на юго-западе ДВР в г. Кяхта – одном из старейших музейных центров на Востоке страны (Окладников, 1976). С 1 января 1922 г. директором Кяхтинского музея стал Пётр Саввич Михно (1867–1938) (ГАЗК. Ф. Р-32. Оп. 2. Ед. 2), который с начала 1890-х гг. имел опыт самостоятельного археологического поиска в приграничных районах Забайкалья, Монголии и Маньчжурии. Новый руководитель уделял большое внимание пополнению археологических фондов музея (Константинов, 2008. С. 64–65). В 1927–1929 гг. П.С. Михно произ-

вел сборы плейстоценовой фауны и археологических материалов в районе Кяхты (левый берег р. Савы и у с. Дурёны). Часть находок он показал в Ленинграде Г.П. Сосновскому, который подтвердил их палеолитический возраст. В то время, как отмечал В.Е. Ларичев, палеолитические материалы из Забайкалья редко публиковались и были плохо известны специалистам (*Ларичев, 1969. С. 200*). Сын Петра Саввича, геолог Н.П. Михно вместе с сотрудниками музея на рубеже 1920–1930-х гг. приступил к изучению четвертичных отложений юго-западного Забайкалья, одновременно фиксируя палеолитические местонахождения (*Ларичев, 1972. С. 84–86*).

После присоединения территории ДВР к РСФСР и с переводом во Владивосток в 1923 г. Читинского (ныне Забайкальского) университета многие специалисты покинули Забайкалье, а некоторые и Россию. Научная жизнь вновь сконцентрировалась вокруг местного отделения РГО и краеведческого музея.

Интерес к археологии лидера краеведов региона А.К. Кузнецова, работа со школьниками Е.И. Титова, активность музейных работников по-прежнему способствовали популяризации знаний о древней истории края и пополнению археологических коллекций Читинского краеведческого музея. Если в 1920–1922 гг. не было опубликовано ни одной специальной работы по археологии Забайкальского края, то, начиная с 1924 г., публикуются результаты работ периода ДВР. В 1925 г. во Владивостоке была напечатана итоговая книга А.К. Кузнецова о многолетних исследованиях в долине р. Аргунь, посвященная, прежде всего, памятнику монгольского времени «Кондуйский городок» (*Кузнецов, 1925; Крадин, Бакшеева, 2018. С. 305–314*). В этом труде были также приведены первые сведения о петроглифическом памятнике в урочище Мехачиниха, в изображениях которого автор увидел отражение медвежьего культа у аборигенов края (*Кузнецов, 1925. С. 55–56*). Была издана брошюра «Опыт указателя литературы по археологическим памятникам» (*Михалкин, Хороших, 1929*). В 1924 г. А.В. Харчевников составил обзор деятельности ЗОРГО и музея за 30 лет (1894–1925 гг.), где он дал периодизацию для этапа с 1914 по 1925 г.: «первый – по ноябрь 1920 г. – период постепенного упадка, период оживления и, наконец, полного прекращения работ отдела; только с конца 1920 г., с момента окончания борьбы, в тесной связи с начинающимся организационным строительством вновь возобновилась деятельность отдела» (цит. по: *Азадовский, 1926. С. 123*).

В ЗККМ имеются данные о проведении экспедиции-сплава школьников Читинского детского дома по р. Шилка в 1924 г. Можно предположить, что они посещали «древние городки» в среднем течении реки, известные по описаниям краеведов с 1910-х гг. (З.Н., 1915).

К 1920–1930 гг. относятся многие случайные находки, пополнившие фонды музея. В фондах ЗККМ хранится коллекция подъемных сборов И.И. Михалкина 1929 г. из района оз. Иван Иваново-Арахлейских (Беклемишевских) озер, расположенных в 40–50 км к северо-востоку от г. Читы (ЗККМ. ГИК ВСП. № 346). Керамика, собранная тогда, находит аналогии в талаканской культуре раннего железного века в Среднем Приамурье (Нестеров, Алкин, 2003. С. 83).

В 1923 г. состоялась первая в истории новой российской государственности археологическая экспедиция в районы Забайкалья. Она была организована РАИМК при участии Русского музея (г. Петроград). Руководил ею С.И. Руденко. У пос. Дурунгуй в долине р. Онон он открыл памятник с палеолитическими материалами, типологически близкими, по его мнению, артефактам, обнаруженным на Енисее и Ангаре (Археологические..., 1963. С. 24; Ларичев, 1969. С. 194–195).

В июле–августе 1924 г. по заданию ВСОРГО несколько маршрутов по Забайкалью прошел на тот момент студент ИГУ, ученик Б.Э. Петри Георгий Францевич Дебец (1905–1969). Г.Ф. Дебец первым стал применять термин «культура» для археологических комплексов каменного века региона, выделив селенгинскую (поздней поры палеолита) и даурскую (неолитическую) культуры. Затем, вплоть до 1928 г., он проводил разведки на территории Бурятии и Забайкалья; в Чите и Кяхте работал с музейными коллекциями. Работы Г.Ф. Дебеца показали сложный характер культур каменного века региона и привлекли внимание исследователей к своеобразным памятникам, которые были открыты его предшественниками еще в конце XIX в. (Дебец, 1925; 1929; Ларичев, 1969. С. 196–198; Константинов, 2008. С. 70).

Тогда же в районе Кяхты на р. Саве проводил сборы палеолитических материалов гидролог С.Н. Лаптев, работавший в составе академической Монгольской экспедиции (Археологические..., 1962. С. 29; Ларичев, 1969. С. 196).

В дальнейшем на западе Забайкалья, преимущественно на территории Бурят-Монголии, в 1928–1929 гг. работала академическая

экспедиция под руководством Г.П. Сосновского. Перед ней была поставлена цель сбора материалов для разработки классификации древних культур региона. В конце первого полевого сезона сотрудники экспедиции побывали в Чите, где проработав музейные коллекции, подтвердили выводы Г.Ф. Дебеца о наличии палеолитических артефактов в сборах из долин Ингоды и Онона (Археологические..., 1962. С. 58; Ларичев, 1969. С. 201–203; Длужневская, 2005. С. 102–103). Результаты двух лет работы экспедиции Г.П. Сосновского в Забайкалье утвердили в науке представление о новой области распространения палеолита в Северной Азии. Можно сказать, что Забайкалье не осталось в стороне от того взрывного роста открытий в области изучения археологии палеолита, которым характеризуются в нашей стране 1920-е гг.

Таким образом, период ДВР послужил переходным моментом от дореволюционного этапа археологического изучения территории Забайкалья, когда была предпринята в целом успешная попытка сохранить музейные кадры, поддержать краеведческое движение, использовать знания и опыт оказавшихся в Чите археологов-профессионалов. В результате была заложена основа для организации археолого-краеведческих исследований после вхождения Забайкалья в состав РСФСР.

Среднее Приамурье

С 1918 до начала 1920-х гг. Благовещенский городской публичный музей практически приостановил свою работу. Для посетителей он был закрыт. Во время мартовского 1918 г. антибольшевистского восстания бежал в китайский Сахалин (ныне – г. Хэйхэ) директор М.К. Толмачёв, оставив музей под надзор сторожа. Назначенный областным Советом новый директор П.А. Слемпковский в сентябре того же года при эвакуации из Благовещенска отрядов большевиков эмигрировал, не организовав охраны музея. Многие экспонаты и книги были расхищены (Рубан, 2007).

Некоторое оживление наступило с установлением советской власти. Музей был передан в ведение отдела народного образования (ОНО). С 1921 г. заведующим был А.В. Гюльденштуббе, который проводил работу по инвентаризации коллекций. Осенью 1924 г. заведующим музеем, переименованным в Амурский губернский (с 1926 г. – Амурский окружной музей), назначен учитель В.А. Попов. Крошечный штат не позволял вести активную работу в области археологии, а собственные научные интересы самого В.М. Попова

лежали в области изучения флоры и фауны края, и работа велась, в основном, по естественнонаучному направлению.

В сентябре 1926 г. краевым советом РГО было сформировано Благовещенское отделение, задачей которого стала научно-исследовательская деятельность Благовещенского музея по изучению края, включая его археологические древности. Однако основную работу по поиску, фиксации и охране памятников вел археолог-энтузиаст Алексей Яковлевич Гуров (1872–1932). Родоначальник амурской археологии увлекся поиском и изучением древностей родного края еще в юности, когда в течение года обучался в Иркутской учительской семинарии. Несколько прослушанных тогда лекций Д.А. Клеменца о памятниках каменного века в окрестностях Минусинска, частые посещения краеведческого музея способствовали тому, что, вернувшись на родину, он приступил к сбору подъемного археологического материала в окрестностях с. Поярково. А.Я. Гуров на протяжении всей своей жизни был на военной казачьей службе, работал школьным учителем, станичным казначеем, при советской власти – заведующим отделом ЗАГС (1922), председателем кредитного общества, заведующим метеостанцией, но все свое свободное время он посвящал археологическому поиску и защите памятников археологического наследия Приамурья (Холкина, 1992; Коваленко, 2019).

С 1889 по 1932 г. А.Я. Гуров занимался описанием древних памятников, сбором подъемного материала, раскопками памятников на левом берегу Амура от г. Благовещенска до станции Екатерино-Никольской Хабаровского края. В начале своей деятельности часть собранных материалов он передал в Приамурский отдел ИРГО, в Гродековский музей в Хабаровске, а для вновь созданного Благовещенского городского музея именно его коллекция подъемных материалов стала началом формирования археологических фондов. Уже к 1910 г. А.Я. Гуров был признанным специалистом по археологическим древностям Среднего Приамурья, автором археологической карты, на которой он разместил все известные ему памятники. Накануне 1917 г. он принимал участие в организации академической экспедиции под руководством С.М. Широкогорова в районах Верхнего и Среднего Приамурья (1915–1916 гг.). А.Я. Гуров сыграл решающую роль в том, что в ходе экспедиции было обследовано множество археологических памятников и собрана представительная коллекция артефактов разных эпох (Деревянко, 1970. С. 11; Деревянко, 1973. С. 32; Сирина, 2018.

С. 76–77). К сожалению, в годы Гражданской войны и после нее А.Я. Гуров уже не имел возможности активно работать в области археологии, но он занимался общественной деятельностью, предпринимая попытки обратить внимание общественности и властей на необходимость в связи хозяйственного освоения территорий Приамурья с изучением и сохранением памятников археологии. В конце 1920-х гг. он подготовил подробную археологическую карту региона и комментарий к ней (Коваленко, 2019). Всего к моменту своего ареста и казни в 1932 г. А.Я. Гуров обследовал более 60 археологических памятников, опубликовал около трех десятков сообщений в местной прессе (Деревянко, Сапунов, 1970. С. 20–21). Свои публикации в газете «Амурская Правда» он подписывал: «Археолог-любитель А. Гуров».

Заведующий Благовещенским ОНО С. Иванов в 1925 г. представил в Главное управление научных, научно-художественных и музейных учреждений (Главнаука Наркомпроса РСФСР) такую информацию: «хотя в музее и имеются сведения о ряде мест залегания археологических остатков, разбросанных преимущественно по берегу среднего Амура, но эти сведения настолько кратки, что не могут удовлетворить анкетным запросам. Отсутствие подробных сведений объясняется тем обстоятельством, что до сих пор в Амурской губернии не производилось научных исследований археологических остатков и вообще не было специальных работ по изучению местной археологии» (цит. по: Нестеров, 2009. С. 153). В списке археологических памятников Амурской губернии С. Иванов указал заниженное число известных археологических местонахождений (всего 19 пунктов).

Немалую роль в расширении археологических исследований в Среднем Приамурье сыграл Григорий Степанович Новиков-Даурский (1881–1961), принятый в 1927 г. на должность помощника В.М. Попова, а также ставший и заведующим культурно-историческим отделом. Он включился в научную работу по изучению археологических памятников Приамурья (Киселёва, 2007. С. 171).

В 1928–1929 гг. Г.С. Новиков-Даурский обследовал древнее городище в пади Степанихау с. Игнатьево, могильник у с. Марково, и ряд других памятников в районе Благовещенска, сел Екатеринбург и Сергеевка (Новиков-Даурский, 1930). В следующее десятилетие территория его исследований охватывает практически всю область, включая и северные ее районы в бассейне реки Селемджа (Деревянко, Сапунов, 1970. С. 21).

В основном Г.С. Новиков-Даурский занимался разведками, проверял ранее полученные сведения (установление мест нахождения памятников, описание, определения типа и составление схематического плана). Не производя раскопки, краевед оперативно реагировал на все сообщения местных жителей о находках древних предметов, выезжал на места и по возможности собирал полную информацию об обнаруженном памятнике (*Новиков-Даурский*, 1961. С. 15–66). Исследователь уделял внимание школьному краеведению и школьным музеям, участвуя в организации походов школьников по Приамурью, прежде всего, для знакомства с памятниками археологии.

Несмотря на понятные сложности периода, к концу десятилетия Амурский музей возродился как комплексное научно-исследовательское учреждение по изучению Приамурья, в котором поступательно шло изучение археологических древностей. Имевшиеся достижения были зафиксированы на рубеже 1920–1930-х гг. появлением первых археологических карт Среднего Приамурья. Их составителями были Н.Г. Харламов (1928 г., карта хранится в РО НА ИИМК РАН. 1929. Ф. 2. Д. 135. Ч. II. Л. 121) (цит. по: *Нестеров*, 2013. С. 154) и А.Я. Гуров (1932 г., карта хранится в Амурском областном краеведческом музее).

Нижнее Приамурье

Центром, который собирал вокруг себя научные силы, был созданный в 1894 г. Музей Приамурского отделения ИРГО (Гродековский музей ПОИРГО). Особенно продуктивно шла работа по формированию археологической части музейных фондов с того момента, когда на должность его директора был избран в 1910 г. В.К. Арсеньев, находившийся на этой должности до мая 1919 г. (*Корнева*, 2002). Именно в Хабаровске В.К. Арсеньев опубликовал работу, в которой подвел первые итоги своей археологической деятельности (*Арсеньев*, 1913), сформулировав вывод о том, что музеи дальневосточных окраин России должны максимально оживить работу по сбору археологических коллекций и по сохранению археологических памятников.

Годы Гражданской войны привели к тому, что музей находился в запущенном состоянии, коллекции расхищались, на работу принимались случайные люди, а осенью 1918 г. музей закрыли для посетителей, так как в нем расположилась французская военная миссия. Ситуация изменилась, когда для руководства был вновь

приглашен переехавший из Владивостока в Хабаровск известный путешественник и исследователь В.К. Арсеньев. Практически ежедневно после работы (он в тот период был сотрудником Управления рыбными промыслами Дальнего Востока) занимался разбором коллекций музея (*Хисамутинов*, 2005. С. 100–101).

За короткий период его директорствования (с 30 октября 1924 г. по 18 декабря 1925 г.) была намечена программа восстановления исследовательской и культурно-образовательной деятельности музея, были приведены в порядок коллекции, активизирована работа по обеспечению сохранности и пополнению фондов музея (*Время и события...*, 2019. С. 329). Планировал Арсеньев и археологическую экспедицию, получив открытый лист на производство археологических работ (*Хисамутдинов*, 2005. С. 142). Однако археолого-краеведческая работа все же не была в числе приоритетов музейной работы в Хабаровске этого времени, да и сам В.К. Арсеньев в своей экспедиционной деятельности сконцентрировался на обследовании заселяемых районов и этнографической работе, а вскоре был вынужден покинуть Хабаровск из-за пристального внимания со стороны ОГПУ.

В.К. Арсеньев развивал сотрудничество с коллегами в Чите (*Алкин, Васильев*, 2017). В 1923 г. он организовал там выставку этнографических картин, которые направлялись на Всероссийскую сельскохозяйственную и кустарно-промышленную выставку в Москву. Затем они были переданы в Читинский краевой музей (хранятся в ЗККМ: ЧОМ. № 9678–9686). «Как автор и инициатор десяти этнографических картин туземных народностей Восточной Сибири <...> я ничего не имею против того, чтобы они остались в краевом музее имени А.К. Кузнецова в г. Чите. Полагаю, что в руках Алексея Кирилловича [Кузнецова] они будут наиболее сохранены и найдут наилучшее применение. В. Арсеньев. г. Чита. 21 июня 1924 года» (цит. по: *Петряев*, 1968. С. 303).

В.К. Арсеньев был одним из первых, кто обратил внимание при обработке коллекций Хабаровского музея на то, что многие кости плейстоценовых животных имеют следы преднамеренного раскалывания и пребывания в огне. Он связывал это с деятельностью древнего человека, не сомневаясь в том, что на Дальнем Востоке могут быть обнаружены памятники эпохи палеолита (*Ларичев*, 1969. С. 204).

В 1926–1927 гг. по заданию ВСОРГО и поручению студенческого кружка при ИГУ на Амуре и Уссури проводил исследования

заведующий археологическим отделом Иркутского краеведческого музея Михаил Михайлович Герасимов (1907–1970). Он открыл десять древних стоянок, среди которых привлекают внимание две с наиболее архаичным материалом у дер. Осиповка (*Герасимов, 1928*). Было положено начало изучению осиповской археологической культуры – яркого феномена раннеолитического времени на Дальнем Востоке.

В 1931 г. по заданию ГАИМК и Института по изучению народов СССР при Академии наук во время поездки на Амур провел разведку памятников каменного века и раскопки землянок древненивхской культуры ленинградский этнограф Александр Михайлович Золотарёв (1907–1943) (*Длужневская, 2005. С. 106–107; Артёмова, 2003. С. 196*).

В конце 1920-х гг. укрепляется ведущее положение Хабаровского краеведческого музея Дальневосточного края в области экспозиционной работы. В его структуре было 11 отделов, в том числе отделы археологии и нумизматики. Сотрудники первого принимали участие в работах М.М. Герасимова, пополняя экспозицию и фонды артефактами, найденными при строительстве железнодорожного моста через р. Амур и железнодорожной ветки у пристани в Хабаровске, при раскопках на р. Чердымовка и в других местах (*Рубан, 2007*).

Отдельным сюжетом изучения археологии Дальнего Востока и Восточной Сибири в годы Гражданской войны были поездки известного японского исследователя Восточной Азии, основоположника современной японской археологии, профессора Токийского императорского университета Тории Рюдзё (1870–1953). Целям, которые ставил перед собой Тории Рюдзё, способствовало нахождение на российской территории японских войск, принимавших участие в интервенции западных держав (1918–1922). Помимо посещения музеев, библиотек и памятников археологии он ставил целью общение с русскими учеными-краеведами. Первый этап его исследований здесь начался в июне 1919 г. Вторая поездка состоялась в июне – августе 1921 г. В 1919 г. Тории осмотрел петроглифы в окрестностях с. Сикачи-Алян (*Тории, 1924*). Отметил стилистическое сходство антропоморфных изображений и фигурок догу каменного века Японии.

Якутия

В изучаемый период работа по археологическому изучению региона велась Якутским краеведческим музеем, местными краевед-

ческими обществами (включая отделение РГО) и академическими экспедициями. Интересно, что становление музея как современного научного и просветительского центра было связано с Забайкальем. Значительный вклад в этот процесс и в формирование его коллекций и организацию экспозиции внес А.К. Кузнецов, сосланный в Якутию из Читы как активный участник первой русской революции. Когда в 1915 г. музей перешел в ведение Якутского отдела ИРГО, новым консерватором музея стал политический ссыльный М.И. Губельман (Е.М. Ярославский). По итогам двух лет работы он оставил систематизированные каталоги всех коллекций (около 19 тыс. единиц хранения). За вклад Ярославского в развитие музея 17 ноября 1924 г. ЯЦИК ЯАССР присвоил его имя музею. В апреле 1920 г. Якутский музей стал государственным, перейдя в ведение вновь созданного подотдела исследований Якутской губернии при Якутском ОНО. С марта 1921 г. музей передан в ведение уполномоченного подотдела исследований Сибири при Сибнаробразе, с 12 августа 1922 г. – Научного отдела Наркомпроса ЯАССР (История музея..., 2019). Однако все это время фактическое руководство музеем оставалось за Якутским отделом РГО.

Якутский отдел ИРГО был создан в 1913 г. и к 1917 г. насчитывал 95 членов. По инициативе научного отдела НКП ЯАССР в сентябре 1922 г. на его базе было образовано Якутское краевое географическое общество. При нем действовали историческая и этнографическая секции. В мае 1924 г. Якутское краевое географическое общество ликвидировано и восстановлена деятельность Якутского отдела РГО.

Постановлением СНК СССР от 7 апреля 1925 г. была создана Комиссия АН СССР по изучению ЯАССР. Одним из пунктов программы работы этого учреждения было определено укрепление научной работы в Якутском музее. Немало способствовало этому укрепление материальной базы – в 1926 г. музею было передано перестроенное двухэтажное каменное здание бывшего архиерейского дома, в котором это учреждение располагается до настоящего времени. 7 ноября 1926 г. состоялось открытие экспозиции музея в новом здании. Кадровая работа включала приглашение на должность директора музея этнографа из Ленинграда М.М. Измайловой (с 1925 по 1928 г.). С этого времени фонды музея пополняются материалами по археологии и этнографии региона из числа коллекций, собранных отрядами академической экспедиции. Работа музея была тесно связана с деятельностью местного

научно-исследовательского общества «Саха кэскилэ». На базе музея работал кружок «Юный краевед».

С краеведческим музеем связана деятельность первого профессионального археолога Якутии Ефима Дмитриевича Стрелова (1887–1949). После окончания в 1912 г. Московского археологического института с дипломом археолога, он работал в Якутии до 1933 г. До увольнения в 1928 г. с должности заведующего Якутским Центрархивом в качестве «социально чуждого элемента», Е.Д.Стрелов успел поработать консерватором областного музея (до 1920 г.), заведующим археологической секцией подотдела изучения Якутской губернии при Губнаробразе (1920–1921), членом научного отдела Наркомпросздрава ЯАССР и Якутского краевого географического общества (1922–1923). С 1925 г. был членом правления и председателем исторической секции Общества «Саха Кэскилэ». В 1927 году был награжден Малой серебряной медалью Российского географического общества и избран членом-корреспондентом Центрального бюро краеведения. В 1933 г. переехал в Новосибирск, где работал директором краеведческого музея (*Степанова, 1972*)

Будучи оппонентом Б.Э. Петри в вопросе происхождения и ранней истории якутов, Е.Д. Стрелов опубликовал ряд работ по этой тематике (*Стрелов, 1926а; 1926б*). В 1925 г. в программной работе «Важнейшие задачи истории в Якутии» исследователь определил основополагающую роль археологии в комплексном изучении древнейшего прошлого этой территории. В рамках общей программы работ он наметил сбор материалов по петроглифическим памятникам региона (писаницам) (*Федосеева, 1999. С. 16–20*). К 1929 г. им были проведены раскопки около двух десятков погребений в разных районах бывших Якутского и Вилюйского округов (*Стрелов, 1927*). Благодаря его деятельности активно пополнялись археологические коллекции Якутского областного краеведческого музея. Сотрудники музея реагировали на сообщения о самовольных раскопках древних погребений или ограблении арангасов (традиционных воздушных погребений якутов). Е.Д. Стрелов как заведующий секцией «Саха кэскилэ» обращался в правоохранительные органы. Если удавалось получить предметы, извлеченные из могил, они передавались в фонды музея (*Бравина, Попов, 2008. С. 18–20*).

Важные результаты были получены при проведении полевых работ в Заполярной Якутии. В 1925 г. археологические раскопки

на Медвежьих островах провел Г.У. Свердруп. Он обследовал несколько эскимосских жилищ, позднее отнесенных А.В. Мачинским к стадии бирник эскимосской культуры I тыс. н.э. (*Свердруп*, 1930; *Мачинский*, 1941). М.М. Ермолаев в 1927 г. обнаружил на о. Большом Ляховском фрагмент бивня мамонта предположительно со следами обработки, что позволило ему сделать вывод о возможном о распространении культуры палеолита вплоть до Северного Ледовитого океана (*Ермолаев*, 1932).

Н.Б. Какшо осуществил первые на территории Якутии раскопки неолитической стоянки Сюра-Ары на р. Алдан. Особенностью памятника являлось то, что культурный слой залегал в слое вечной мерзлоты. Исследователь провел комплексное изучение памятника не только собрав разнообразный археологический (керамика, костяные и каменные изделия), археоботанический и археозоологический материалы, но и обратил пристальное внимание на стратиграфию памятника (*Какшо*, 1933; *Громов*, 1933). Эта работа стала первой в изучении выделенных позднее сылахской и белькачинской неолитических культур Якутии (*Мочанов, Федосеева*, 2013. С. 34).

Среди местной интеллигенции особо выделяется фигура Гавриила Васильевича Ксенофонтова (1888–1938). В 1920–1923 гг. он являлся сотрудником ИГУ, где его руководителем был Б.Э. Петри. С начала 1920-х гг. Г.В. Ксенофонтов приступил к разработке темы происхождения якутов. В 1921–1927 гг. он по заданию кафедры археологии и этнографии ИГУ занимался экспедиционной работой в Якутии, собирая этнографические и фольклорные материалы, одновременно обследуя археологические памятники. С 1928 г. проживал в Иркутске. Основные результаты его исследований происхождения якутов изложены в фундаментальном труде «Ураангхай–сахалар» и других сочинениях по этнографии региона (*Ксенофонтов*, 1977; 1992а; 1992б).

В 1921 г. Г.В. Ксенофонтов открыл в 40 км вверх по Лене от Якутска многослойную стоянку Куллаты. Коллекция была передана в Иркутский краеведческий музей, где с ней ознакомился А.П. Окладников. В дальнейшем памятник стал опорным для изучения археологии неолита Якутии. В 1924 г. во время поездки по северным районам Якутии Г.В. Ксенофонтов зафиксировал арангасы и наземные захоронения.

В 1925–1926 гг. участники отряда Якутской экспедиции АН СССР под руководством С.Е. Шрейбера осмотрели арангасы

в Вилюйском и Олёкминском округах. Гробы из двух захоронений были доставлены в Ленинград и вскрыты в 1927 г. при участии Л.Я. Штернберга (*Бравина, Попов, 2008. С. 20*).

Среди наиболее успешных направлений археологического изучения Якутии в рассматриваемый период было продолжение начатого до революции исследование памятников наскального искусства. Е.Д. Стрелов провел обследование некоторых писаниц, открытых ранее в долинах Лены, Олёкмы и Май, подчеркнув особую важность такого типа источников и необходимость расширения работ по их регистрации и изучению (*Стрелов, 1925. С. 58–59*). Эта позиция сразу нашла отклик у местных исследователей-краеведов. Публикации в местной прессе (например, в газете «Автономная Якутия») привлекли внимание читателей, что поспособствовало сбору сведений от местного населения и научной фиксации как известных ранее, так и новых местонахождений петроглифов в долинах Олёкмы и Токко². Характерной особенностью формировавшегося научного подхода к изучению писаниц было то, что они анализировались с привлечением данных фольклора и этнографии.

Важный вклад в изучение наскальных изображений Якутии внес Г.В. Ксенофонтов. В докладе на заседании Археологической комиссии ВСОРГО, опубликованном в виде небольшой заметки (Ксенофонтов, 1927) он проанализировал обследованные на р. Лена в районе Якутска писаницы с привлечением этнографических материалов. Несмотря на несовершенство методики поиска и фиксации наскальных изображений Г.В. Ксенофонтов дал точные географические привязки местонахождений и снабдил их публикацию таблицами изображений девяти писаниц по левому берегу р. Лены. Наряду с изображениями, выполненными охрой, в одном случае им были зафиксированы граффити.

В 1931 г. геолог Н.Б. Кякшто сообщил о писанице Шаманкамень на р. Нюкжа (правый приток р. Олёкмы) у пос. Средняя Нюкжа. Это была первая подробная публикация о наскальных изображениях из района на границе Якутии и Приамурья с подробным описанием техники нанесения изображений и приложенной копией рисунков, выполненных геологом В.С. Соболевым (*Кякшто, 1931*).

² Подробно история изучения петроглифов Якутии в 1920-х гг. рассмотрена в работе Н.Н. Кочмара. См.: *Кочмар, 1994*.

Подводя итоги изучения археологии Забайкалья, Приамурья и Якутии в рассматриваемый период можно видеть, что в период до 1925 г. наблюдался серьезный кризис в музейной и краеведческой деятельности, что отразилось на интенсивности археологического поиска. Этот кризис был преодолен во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг., когда в Советской России завершился этап выделения археологии как отдельной научной дисциплины, что происходило на фоне становления новых отношений между наукой и властью в нашей стране. Необходимо отметить позитивный процесс музейного строительства, нашедший отражение в восстановлении музеев как научно-просветительских центров, в их деятельности, в том числе в области изучения археологии. Важную роль сыграла активизация деятельности музеев Дальнего Востока, что позволило пополнять их археологические фонды, способствовало первичному картографированию памятников археологии, подключению местных специалистов к процессу развития археологии в регионе. Однако это было бы невозможно без помощи энтузиастов и членов отделений РГО.

Сохраненный в трудные годы Гражданской войны и накопленный в первый период восстановления опыт в дальнейшем затормозился стремлением власти превратить музеи в центры политического просвещения. В 1929 г. Главнаука издала ряд распоряжений, направленных на перестройку всей музейной политики, на вытеснение традиционного краеведения из музеев. Проводником новой политики в регионе стал уполномоченный Главнауки, близкий идеологии Пролеткульта Н.Н. Билибин. Он считал, что «история Дальневосточного края есть сплошной мрак», и видел смысл ее изучения только как историю классово-борьбы. Известно его заявление о том, что при подготовке всесоюзных музейного и археологического съездов «преобладающее влияние имеет мелкая буржуазия, почти безраздельно господствующая в научных обществах, имеющая со стороны музейного дела и археологии отношение к истории в целом» (Рубан, 2002. С. 96). Во взглядах этого деятеля отразились изменения в отношении государства к гуманитарной науке в целом. Сперва в начале 1920-х гг. была проведена «чистка» университетов от социально-чуждой старой профессуры. А вскоре власти перешли к репрессиям по отношению к тем опытным и получившим образование до революции специалистам в музеях и научных обществах, которые, оставшись в стране, сотруд-

ничали с новой властью. Начало 1930-х гг. отмечено ликвидацией общественно-научных факультетов в вузах. Подготовка археологов прекратилась. Судьба многих из специалистов, внесших вклад в изучение археологии страны в первое десятилетие после революции, была трагичной. В равной мере это сказалось на ситуации с краеведением и археологией Забайкалья и Дальнего Востока.

Литература

- Азадовский М.К.*, 1926. Этнография в Сибири: обзор этнографического изучения Сибири за 1918–1925 гг. // Северная Азия. С. 111–132.
- Алкин С.В.*, 2011. Забайкальские связи русских археологов – исследователей Маньчжурии // Приграничное сотрудничество и внешнеэкономическая деятельность: История и современность: Материалы международной научной конференции. 11–15 октября 2011 г. (г. Чита – г. Маньчжурия) / Отв. ред. М.В. Константинов. Чита: Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т. С. 148–152.
- Алкин С.В.*, 2005. Археолог Владимир Яковлевич Толмачёв // На пользу и развитие русской науки / Отв. ред. А.Д. Столяр, Ю.В. Иванова. 2-е изд, доп. и перераб. Новосибирск: СО РАН. С. 90–100.
- Алкин С.В.*, 2009. Исследователь коренного населения Восточной Сибири Елпидифор Иннокентьевич Титов // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937 гг.: Материалы всероссийского семинара, посвященного 125-летию Бернгарда Эдуардовича Петри. Иркутск, 3–6 мая 2009 г. / Отв. ред. Г.И. Медведев. Иркутск: Амтера. С. 10–21.
- Алкин С.В., Васильев С.Г.*, 2017. «Этнографические картины туземных народностей Восточной Сибири» В.К. Арсеньева // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии: Материалы II международной конференции, посвящ. 80-летию д.и.н., проф. П.Б. Коновалова / Отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН. С. 258–260.
- Арсеньев В.К.*, 1913. Материалы к изучению древнейшей истории Уссурийского края // Записки Приамурского отдела Императорского общества востоковедения. Вып. 1. Хабаровск. С. 15–66.
- Арсеньев В.К., Титов Е.И.*, 1928. Быт и характер народностей Дальневосточного края. Хабаровск–Владивосток: Книжное дело. 84 с.
- Артёмова О.Ю.*, 2003. А.М. Золотарёв: трагедия советского ученого // Репрессированные этнографы. Вып. 2 / Отв. ред. Д.Д. Тумаркин. М.: Восточная литература. С. 193–226.
- Археологические..., 1962. Археологические экспедиции Государственной академии истории материальной культуры и Института археологии Академии наук СССР: Указатель. М.: АН СССР. 264 с.
- Брагина Р.И., Попов В.В.*, 2008. Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV–XX вв.) / Отв. ред. А.И. Гоголев. Новосибирск: Наука. 296 с.
- Время и события..., 2018. Время и события: календарь-справочник Дальневосточного федерального округа на 2019 г. / Ред. Г.А. Бутрина. Хабаровск: ДВГНБ. 424 с.

- Вся Чита..., 1993. Вся Чита и Забайкалье: Торгово-промышленный справочник-путеводитель 1923 г. Чита: ФотоМир. 69 с. (репринтное издание).
- Герасимов М.М., 1928. Новые стоянки доисторического человека каменного периода в окрестностях города Хабаровска // Известия ВСОРГО. Иркутск. Т. 53. С. 135–140.
- Громов В.И., 1933. Остатки фауны из культурных слоев с р. Алдан // Проблемы истории докапиталистических обществ. № 9–10. С. 14–15.
- Дебец Г.Ф., 1925. Итоги и задачи палеоэтнологии в Западном Забайкалье // Бюллетень ВСОРГО. № 6. С. 82–84.
- Дебец Г.Ф., 1929. Последние палеоэтнологические исследования в Восточной Сибири // Северная Азия. Кн. 1. С. 131–133.
- Деревянко А.П., 1970. Новопетровская культура Среднего Амура / Отв. ред. А.П. Окладников. Новосибирск: Наука. 204 с.
- Деревянко А.П., 1973. Ранний железный век Приамурья / Отв. ред. А.П. Окладников. Новосибирск: Наука. 354 с.
- Деревянко А.П., Сапунов Б.С., 1970. История археологических исследований в бассейне Среднего Амура // Записки Амурского областного музея краеведения. Т. 6. Вып. 2. С. 10–27.
- Длужневская Г.В., 2005. Древности восточной части Евразии в материалах Научного архива ИИМК РАН / Науч. ред. Б.Б. Овчинникова. СПб: ИИМК РАН. 140 с.
- Ермолаев М.М., 1932. История открытия Новосибирского архипелага, его исследования и развития островных промыслов // Полярная географическая станция на о. Большом Ляховском. Ч. 1. Л. С. 148–158.
- Жеребцов Г.А., Закаблукская Н.Н., Мясников А.В., 2002. Краеведение // Энциклопедия Забайкалья. Читинская область. Т. I. Общий очерк / Гл. ред. Р.Ф. Гениатулин. Новосибирск. С. 259–265.
- З.Н., 1915. Древние «городки» // Вестник Азии. № 35–36. Харбин. С. 89–91.
- Закаблукская Н.Н., 1994. Из истории Читинского областного краеведческого музея имени А.К. Кузнецова (по отчетам музея 20-х – 30-х годов) // Материалы научно-практической конференции музеев области. Чита: ЧОКМ. С. 3–8.
- Закаблукская Н.Н., 2002. Музейное дело // Энциклопедия Забайкалья. Читинская область. Т. I. Общий очерк / Гл. ред. Р.Ф. Гениатулин. Новосибирск. С. 257–259.
- История [Якутского] музея, 2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://yakutmuseum.ru/about/istoriya-muzeya/> Дата обращения 12.11.2019.
- Киселёва О.В., 2007. Амурский областной краеведческий музей им. Г.С. Новикова-Даурского: страницы истории // Амурский краевед. № 24. С. 165–174.
- Коваленко С.В., 2019. Алексей Яковлевич Гуров – первый археолог Амурской области // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры / Отв. ред. Е.А. Липнина, И.М. Бердников. Иркутск: ИГУ. Вып. 8 (в печати).
- Константинов М.В., 2008. Провинциальная археология / Научно-редакционный центр «Энциклопедия Забайкалья». Чита: Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т. 296 с.
- Корнева Л.В., 2002. У истоков музейного дела на Дальнем Востоке России (1884–1917). Хабаровск: Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н.И. Гродекова. 188 с.
- Кочмар Н.Н., 1994. Писаницы Якутии / Отв. ред. В.Е. Ларичев. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 262 с.

- Крадин Н.Н., Бакшеева С.Е.*, 2018. Города Монгольской империи // Города средневековых империй Дальнего Востока / Отв. ред. Н.Н. Крадин. М.: Изд-во восточной литературы. С. 281–314.
- Ксенофонтов Г.В.*, 1977. Элэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов / Отв. ред. А.П. Окладников. М.: Наука. 247 с.
- Ксенофонтов Г.В.*, 1992а. Ураангхай-сахалар: Очерки по древней истории якутов. Якутск: Нац. изд-во Респ. Саха (Якутия). 416 с.
- Ксенофонтов Г.В.*, 1992б. Шаманизм: избранные труды (публикации 1928–1929 гг.) / Сост. А.Н. Дьячкова. Якутск: Север–Юг. 317 с.
- Ксенофонтов Г.В.*, 1927. Изображения на скалах реки Лена в пределах Якутского округа // Бурятоведение. Верхнеудинск. Вып. 3–4. С. 64–70.
- Кузнецов А.К.*, 1925. Развалины Кондуйского городка и его окрестности // Записки ЗОРГО. Вып. 16. Владивосток. 64 с.
- Кякитто Н.Б.*, 1931. Писаницы Шаман–Камня // Сообщения ГАИМК. № 7. С. 29–30.
- Кякитто Н.Б.*, 1933. Каменные вещественные памятники на Алдане // Проблемы истории докапиталистических обществ. М. № 7–8. С. 77–78.
- Ларичев В.Е.*, 1969. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Ч. I. Азия и проблема родины человека (история идей и исследований) / Отв. ред. А.П. Окладников. Новосибирск: Наука. 391 с.
- Ларичев В.Е.*, 1972. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Ч. II. Азия и проблема локальных культур / Отв. ред. А.П. Окладников. Новосибирск: Наука. 416 с.
- Мачинский А.В.*, 1941. Древняя эскимосская культура на Чукотском полуострове // КСИИМК. Вып. IX. С. 80–90.
- Михалкин И.И.*, 1929. А.К. Кузнецов как археолог // Памяти Алексея Кирилловича Кузнецова. Чита. С. 57–65.
- Михалкин И.И., Хороших П.П.*, 1929. Опыт указателя литературы по археологии Забайкалья // Материалы Читинского краевого музея им. А.К. Кузнецова. Вып. 1. Археология. Иркутск; Чита. С. 3–17.
- Мочанов Ю.А., Федосеева С.А.*, 2013. Очерки дописьменной истории Якутии. Эпоха камня. Т. I. Якутск: Центр арктической археологии и палеоэкологии человека. 504 с.
- Нестеров С.П.*, 2009. Очерк истории археологического изучения Амурской области // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937 гг.: Материалы всероссийского семинара, посвященного 125-летию Бернгарда Эдуардовича Петри. Иркутск, 3–6 мая 2009 г. / Отв. ред. Г.И. Медведев. Иркутск: Амтера. С. 153–158.
- Нестеров С.П., Алкин С.В.*, 2003. Забайкальское направление связей талаканской культуры раннего железного века Западного Приамурья // Забайкалье в геополитике России: Материалы международного симпозиума «Древние культуры Азии и Америки», 26 августа – 1 сентября 2003 г., г. Чита / Отв. ред. М.В. Константинов. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН. С. 82–84.
- Новиков-Даурский Г.С.*, 1930. Археологические разведки в окрестностях сел Игнатьево, Марково, Екатериновки и г. Благовещенска // Записки Амурского окружного музея и краеведческого общества. Вып. 1. Благовещенск. С. 25–33.
- Новиков-Даурский Г.С.*, 1961. Историко-археологические очерки. Статьи. Воспоминания. Благовещенск: Амурское книжное изд-во. 192 с.

- Обзор деятельности..., 1924. Обзор деятельности Забайкальского отдела РГО и Краевого музея им. А.К. Кузнецова за 30 лет (1894–1924). Чита. 92 с.
- Окладников А.П., 1976. Кяхтинский музей и его вклад в археологию Забайкалья // История и культура Бурятии / Ред.-сост. В.Е. Ларичев. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во. С. 255–275.
- Патронова А.Г., Константинов М.В., 2011. Кузнецов Алексей Кириллович // Малая энциклопедия Забайкалья: Археология / Гл. ред. Р.Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука. С. 185–186.
- Петряев Е.Д., 1968. Впереди огни. Очерк культурного прошлого Забайкалья. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во. 340 с.
- Рубан Н.И., 2002. Взгляды уполномоченного Главнауки на Дальнем Востоке Н.Н. Билибина на музейное дело на рубеже 20-х – 30-х гг. XX в. // Записки Гродековского музея. Вып. 4. Хабаровск. С. 92–97.
- Рубан Н.И., 2007. Музеология. История музейного дела. Музейное дело на Дальнем Востоке России. Основные направления и формы музейной деятельности: Учебное пособие. Хабаровск: Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н. И. Гродекова, 2007. 320 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://studfile.net/preview/1722324/> Дата обращения 28.09.2019.
- Свердруп Г.У., 1930. Плавание на судне «Мод» в водах морей Лаптевых и Восточно-Сибирского [1920–1925 гг.] // Материалы комиссии по изучению ЯАССР. Л.: АН СССР. Вып. 30. 440 с.
- Сирина А.А., 2018. Маньчжурская экспедиция С.М. и Е.Н. Широкогоровых // Этнография / Ethnografia. № 1. С. 64–85.
- Степанова М.М., 1972. Историк-архивист, ученый-археолог Е.Д. Стрелов // Якутский архив. Вып. IV. С. 95–101.
- Стрелов Е.Д., 1925. Важнейшие задачи истории в Якутии // Сборник трудов исследовательского общества «Саха Кэскиле». Якутск. Вып. I. С. 35–39.
- Стрелов Е.Д., 1926а. К вопросу доисторическом прошлом якутов (по вопросу брошюры Б.Э. Петри «Доисторические кузнецы в Прибайкалье») // Сборник трудов исследовательского общества «Саха Кэскиле». Якутск. Вып. III. С. 5–25.
- Стрелов Е.Д., 1926б. Курганы в районе сел Большая и малая Марха (Отчет Якутскому краеведческому отделу РГО) // Сборник трудов исследовательского общества «Саха Кэскиле». Якутск. Вып. III. С. 59–67.
- Стрелов Е.Д., 1928. Лук, стрелы и копье древнего якута (Материалы по археологии якутов) // Сб. тр. исследоват. о-ва «Саха Кэскилэ». Якутск. Вып. I. С. 58–74.
- Тарасова А.И., 1985. Владимир Клавдиевич Арсеньев: Русские путешественники и востоковеды / Отв. ред. В.С. Мясников. М.: Наука. 344 с.
- Титов Е.И., 1924. Научные открытия учащихся школы I ступени (из заметок руководителя экскурсии) // Вопросы просвещения на Дальнем Востоке. Кн. 5. Хабаровск. С. 76–80.
- Титов Е.И., Толмачёв В.Я., 1928. Остатки неолитической культуры близ Хайлара // Вестник Маньчжурии. № 7. С. 63–68.
- Толмачёв В.Я., 1929. Предметы «костяного века» из Восточной Сибири // Сообщение ГАИМК. Т. II. Л. С. 334–338.
- Тори Рюдзо, 1924. Дзинруйгаку оёби дзинсюгакудзэ: ёри митару То:хоку Адзия Сибэриа, Хокуман, Карафуту [人類学及人種学上より見たる北東亜細亜 西伯利, 北滿, 樺太 Северо-Восток Азии (Сибирь, Северная Маньчжурия, Сахалин)

с точки зрения антропологии и этнографии]. Ока сёин, Токио, 1924. 501 с. (на яп.яз.).

Федосеева С.А., 1999. Археология Якутии и ее место в мировой науке о происхождении и эволюции человечества: Очерки по дописьменной истории Якутии / Отв. ред. Ю.А. Мочанов. Якутск. 132 с.

Хисамутдинов А.А., 2005. Владимир Клавдиевич Арсеньев. 1872–1930 / Отв. ред. А.В. Постников. М.: Наука. 224 с.

Холкина Т.А., 1992. А.Я. Гуров. Неизвестные страницы биографии // Амурский краевед. № 1. С. 10–14.

Н.А. Белова, М.В. Медведева

**АРХИВ
АКАДЕМИИ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
В 1920–1930-е ГОДЫ И ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ
СОБРАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
УЧРЕЖДЕНИЙ ДВУХ СТОЛИЦ¹**

Резюме. В течение 1920–1930-х гг. в России произошла полная реформация структуры отечественной науки. В эти годы в хранении Академии истории материальной культуры оказались целиком или частично документальные коллекции археологических учреждений Санкт-Петербурга–Петрограда–Ленинграда и Москвы, преобразованных или расформированных в первые десятилетия советской власти. Среди них архивы Императорской археологической комиссии, Русского археологического общества, Московского археологического общества, Петербургского археологического института и других организаций. Документы Научного архива ИИМК РАН позволили восстановить историю их поступления на фоне формирования архива самой Академии и становления архивного дела в России.

Ключевые слова: Академия истории материальной культуры, архивные документы, научные учреждения, архивное дело, археология.

В 1920–1930-е годы в России произошла полная реорганизация структуры научных учреждений, связанная, прежде всего, с политическими переменами в стране. Археологические и исторические общества, комитеты, комиссии и институты Санкт-Петербурга и Москвы, активно работавшие в дореволюционный период, уже в начале 1920-х гг. стали закрываться или преобразовываться. Все они обладали накопленными за годы богатейшими коллекциями музейных предметов и бесценными собраниями документов и книг, поэтому сразу же возник вопрос о сохранении их архивов,

¹ Исследование проведено в рамках выполнения работы по теме государственного задания № 0184-2018-0002.

музеев и библиотек. В это же время происходило становление музейного и архивного дела в советской России, формировались такие понятия, как единый государственный архивный и музейный фонды, концентрация/комплектация фондов. В отношении имущества прекративших свою деятельность учреждений еще не была выработана единая политика. В результате их материалы оказались рассеяны по различным архивным, музейным и библиотечным собраниям, а частично утрачены. Пути перетекания архивных и музейных коллекций часто были непредсказуемы, достаточная сопроводительная документация присутствовала не всегда, поэтому до сих пор бывает сложно собрать воедино коллекцию одного учреждения. Среди археологических организаций больше всего в этом смысле повезло Императорской археологической комиссии (ИАК), которая не была уничтожена и продолжала свою деятельность в преобразованном виде. Ее наследнице – Российской академии истории материальной культуры – удалось не только сохранить документальные комплексы комиссии в целостности, но и значительно пополнить архив в 1920–1930-х гг. за счет материалов закрытых в этот период учреждений, так или иначе имевших отношение к археологии и охране памятников. Архивные коллекции Академии истории материальной культуры наглядно демонстрируют, как происходил документооборот по передаче архивных, музейных и книжных коллекций дворцов, музеев, храмов, научных обществ в годы активного перераспределения имущества ликвидированных после 1917 г. организаций.

Российская академия истории материальной культуры (РАИМК, с 1926 г. – ГАИМК) была учреждена 18 апреля 1919 г. Декретом Совета народных комиссаров в системе Народного комиссариата просвещения на базе Российской государственной археологической комиссии в Петрограде (*Мусин, Платонова, 2009. С. 1100–1102*). Все имущество Археологической комиссии, в том числе библиотека и архив, перешли в распоряжение Академии. В дореволюционный период архивное и книжное собрание не выделялись в отдельные структурные единицы и входили в состав библиотеки Императорской археологической комиссии. Рукописные документы составляли отдел старых дел, графические хранились в отделе книг, карт, чертежей и рисунков, негативы находились у фотографа ИАК, фотографии – в кабинетах членов комиссии, полевая съемка – у руководителей работ (*Доманская, Пескарёва, 1979. С. 29*). Огромная коллекция фотографий, связанных с архитектурно-археологическими и ре-

ставрационными исследованиями, располагалась отдельно. За ее пополнением, хранением и регистрацией следил академик архитектуры П.П. Покрышкин. На альбомах и сейчас можно увидеть дореволюционные шифры. Осенью 1919 г. была разработана структура РАИМК, куда, помимо научных подразделений, вошли рукописный архив, библиотека и фотоархив как самостоятельные вспомогательные отделы (*Доманская, Пескарёва, 1979. С. 32; Длужневская, 2006. С. 130*).

В марте 1921 г. состоялась перевозка архива из Зимнего в Мраморный дворец, где размещалась Академия. Рукописный архив в тот момент насчитывал 8546 дел фонда ИАК за 1859–1919 гг. и более 7000 церковных метрик. В основу фотоархива легла коллекция негативов фотографа ИАК И.Ф. Чистякова и многотысячное собрание фотографий ИАК. Первые записи в инвентарной книге фотоархива датируются 1918 г. (*Длужневская, 2013. С. 295*).

С 1919 г. начинает активно формироваться и собственный документальный архив Академии истории материальной культуры. Первое поступление материалов зафиксировано в 1920 г. из канцелярии РАИМК в количестве 94 единицы хранения (далее – ед. хр.) за 1919 г.; в 1921 г. поступило 40 ед. хр. за 1920 г.; в 1922 г. – 63 ед. хр. за 1921 г.; в 1923 г. – 58 ед. хр. за 1922 г.; в 1924 г. – 75 ед. хр. за 1923 г.; в 1925 г. – 127 ед. хр. за 1924 г.; в 1926 г. – 163 ед. хр. за 1925 г. В дальнейшие годы архив продолжал планомерно пополняться документацией, образованной в результате каждого года деятельности Академии.

Помимо ежегодных вливаний, в 1929 г. из Главного управления научными, научно-художественными и музейными учреждениями при Наркомпросе РСФСР (Главнаука) в архив ГАИМК поступили отчеты и материалы по археологическим исследованиям, по учету археологических памятников и по составлению археологических карт за 1917–1929 гг.; в 1930 г. – дела разрядов русского зодчества и греко-римского искусства ГАИМК за 1919–1929 гг.; в 1931 г. – протоколы заседаний Комиссии по нумизматике и глиптике за 1919–1929 гг. В 1934 г. фонд пополнился делами бывшей Эгейской комиссии за 1909–1930 гг. и дневниками Северо-Кавказской и Таманской экспедиций за 1923–1931 гг., обнаруженными в секторе полевых исследований Академии. В 1935 г. в архив перешли материалы по организационной и учетно-хранительской работе фотоархива за 1919–1934 гг., документы Института археологической технологии за 1922–1933 гг. и Президиума РАИМК – ГАИМК за 1923–1934 гг.

В 1964 г. архив Института археологии АН СССР передал в архив 307 дел, в том числе материалы Московской секции ГАИМК за 1919–1937 гг. (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1). Первые описи рукописного фонда Академии были составлены в 1930-е гг.

В настоящее время рукописное собрание РАИМК – ГАИМК насчитывает 6827 дел за 1919–1937 гг., объединенных в 8 описей: описи научно-организационной и полевой документации РАИМК – ГАИМК, рукописи и научные труды, диссертации, личные дела сотрудников Академии, бухгалтерская документация, «трудовые списки», материалы по личному составу Академии, документы без дат (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2).

Фотоархив РАИМК – ГАИМК формировался из фотодокументов, отражавших работу учреждения в целом, а также научно-исследовательскую, педагогическую и просветительскую деятельность сотрудников Академии. Материалы включали полевые экспедиционные снимки, съемку обнаруженных археологических находок и музейных предметов, фотографии, связанные с камеральной обработкой, подготовкой к публикации сводных изданий и учебных пособий, работой Института археологической технологии, диапозитивы к лекциям. Немногочисленные фотоматериалы, пополнившие архив в первые годы существования Академии, были представлены преимущественно фоторепродукциями, изготовленными в фотолаборатории Академии по заказам сотрудников для их преподавательской и издательской деятельности. Первые снимки полевых работ начинают поступать в фотографический фонд Академии в 1925 г., хотя в коллекциях фонда содержатся фотоматериалы экспедиций более ранних лет (например, Туркестанской экспедиции 1921 г. под руководством А.П. Удаленкова), однако их описание было сделано гораздо позже – в конце 1920-х – в 1930-е гг. До этого времени фотографии, видимо, оставались у руководителей работ. Фотофонд ГАИМК складывался как из вновь созданных документов, так и за счет старых дореволюционных коллекций. В 1924 г. составляются списки рисунков, чертежей и фотографий, находящихся в разрядах, затем с середины 1920-х гг. и, особенно, в 1930-х в архив активно поступают фотоматериалы из различных разрядов Академии, которые до этого использовались сотрудниками в их повседневной работе в качестве иллюстраций и хранились в помещениях разрядов. После передачи в фотоархив все фотодокументы систематизировались, описывались и приобретали статус архивного хранения.

За счет этих материалов в конце 1920-х – в 1930-е гг. значительно увеличились фонды ИАК и ГАИМК. К 1950 г. фотографический фонд Академии истории материальной культуры (ФО НА ИИМК РАН. Ф. 46) содержал 36719 негативов, 27838 отпечатков и 3877 диапозитивов (*Девель*, 1950. С. 302–309).

Академия истории материальной культуры располагалась в Мраморном дворце с 1919 по 1937 г. и поэтому оказалась в эпицентре перераспределения всего дворцового имущества, владельцами которого до революции были великие князья из ветви Константиновичей. После переезда Академии были составлены акты осмотра имущества Мраморного дворца, в 1920 г. при активном содействии сотрудников РАИМК началась передача предметов из дворца. Часть библиотеки была передана в Пушкинский дом и в Педагогический институт, картины – в Русский музей и Эрмитаж. Во дворце находился и большой архив семьи Романовых. В мае 1922 г. по итогам доклада ученого секретаря Академии Б.В. Фармаковского на заседании правления РАИМК было принято постановление хранить архив Мраморного дворца по особой описи (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 – 1922. Д. 2. Л. 28 об.). В сентябре 1923 г. появился Декрет ВЦИК и СНК о сосредоточении в Центрархиве, контролировавшем распределение архивных коллекций государственного значения, архивов семьи Романовых и высокопоставленных лиц последних двух царствований. Согласно положениям Декрета «все находящиеся на территории РС.Ф.С.Р. в ведении учреждений, организаций и должностных лиц, <...> архивные материалы семьи Романовых (бывшей царской фамилии) <...> подлежат сосредоточению в политической секции единого государственного архивного фонда. Все учреждения, организации, должностные и частные лица, в ведении или обладании коих находятся вышеуказанные материалы (официальные документы, проекты бумаг, мемуары, дневники, личная переписка, ученые труды и исследования в рукописном виде, записные книжки, заметки, фотографические коллекции и т.п.), должны немедленно заявить об этом Управлению Центрального архива РСФСР по адресу: Москва, Воздвиженка, Ваганьковский переулок, N 8, для последующей сдачи означенных материалов в единый государственный архивный фонд в порядке, устанавливаемом Управлением Центрального архива» (*Копылова*, 2010. С. 99). Во исполнение данного постановления из Мраморного дворца в Петроградское отделение Центрархива было вывезено «два с по-

ловиной воза» архивных бумаг (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 – 1923. Д. 41. Л. 41). Оставшиеся во дворце материалы состояли на постоянном учете и контроле Академии по решению правления РАИМК. В Рукописном отделе архива ИИМК РАН содержатся акты и описи передач документов из Мраморного дворца в ЛЦИА в 1928–1931 гг., в том числе фотографий, альбомов, гравюр (РО НА ИИМК РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 30). Сохранились описи имущества разных лет, списки украденных из дворца в течение 1920-х гг. предметов, документы переписки о передаче имущества дворца (картин, скульптуры, церковного облачения из дворцовой церкви, книг и т.д.) в книжный и музейный государственные фонды, в Академию наук, Пушкинский дом, библиотеку Военного округа, Российскую публичную библиотеку и другие места.

Примечательно, что фотографические коллекции Мраморного дворца, хранившиеся в библиотеке и, по сути, являвшиеся персональной фотоколлекцией великих князей генерал-адмирала Константина Николаевича и его сына, президента Академии наук Константина Константиновича, не были сданы в Центрархив и остались на месте, несмотря на положения вышеупомянутого Декрета. Во второй половине 1920-х гг. это собрание (около 6 тыс. негативов и отпечатков) поступило на хранение в фотоархив Академии истории материальной культуры, хотя, как показывают документы передачи дворцового имущества в различные места, в Мраморном дворце хранилось гораздо больше фотодокументов. В настоящее время в фотоколлекции великих князей (ФО НА ИИМК РАН. Ф. 45) в Научном архиве ИИМК представлены сброшюрованные альбомы и отдельные высококачественные снимки памятников архитектуры и искусства, видовые фотографии, панорамы и снимки этнологического характера, выполненные известными европейскими и русскими мастерами фотографии (*Длужневская*, 2005, 2011а, 2011б). Фонду присвоили название библиотеки Мраморного дворца, видимо, в попытке завуалировать истинное происхождение документов. Одновременно сотрудники архива убрали, заклеили и скрыли, по возможности, все знаки принадлежности материалов великим князьям. Такая деятельность требовала определенной степени мужества, если вспомнить, что поводом к раскручиванию «Академического дела» и к аресту академика С.Ф. Платонова и других историков послужило именно сокрытие информации о хранении документов, подлежавших сдаче в государственные архивы (*Павленко*, 1999). Благодаря сотрудни-

кам фотоархива основная часть фотоколлекции Мраморного дворца, поступившей в 1920-е гг., до сих пор сохранилась в виде единого комплекса в составе архива ИИМК РАН. В Центрархив в 1930-е гг. были переданы только снимки, на которых оказались запечатлены представители семьи Романовых. О том, что этот фонд принадлежал великим князьям Константину Николаевичу и Константину Константиновичу открыто стали говорить только в 1990-е гг., с тех пор постоянно ведется работа по атрибуции его фотоматериалов.

В 1920–1930-е гг. многие научные учреждения и общества дореволюционного периода были преобразованы или просто закрыты. Все они обладали определенным имуществом, недвижимостью и научными коллекциями. После революции начался передел их собственности. В результате нескольких последовательно вышедших в первой половине 1920-х гг. распоряжений, общества фактически потеряли право распоряжаться своей собственностью самостоятельно, она была признана государственной (*Синельникова*, 2015; 2018. С. 454–460).

В 1919 г. Русское археологическое общество (РАО) лишили помещения на Литейном проспекте. Деятельность Общества угасла в начале 1920-х гг., а в 1924 г. его ликвидировали как юридическое лицо². Еще до закрытия Общества архив, музей, библиотека и склад изданий были перевезены в Фонтанный дом, где они хранились до 1925 г. в нераспакованном виде. В РАИМК с 1921 г. неоднократно поднимался вопрос о предоставлении РАО помещения в Мраморном дворце. И, наконец, в марте 1925 г. библиотека и архив учреждения поступили в Академию (РО НА ИИМК РАН. Ф. 3. Дело фонда. Л. 3). Музейные предметы, в основном, пополнили коллекции Эрмитажа. В архив РАИМК были переданы материалы четырех отделений РАО, протоколы совета, общих собраний, рукописи докладов и статей членов РАО, годовые отчеты, материалы археологических исследований, дневники, рисунки, восточные рукописи, переписка о приобретении древностей и другие документы за 1846–1924 гг. Некоторых протоколов не хватало, поэтому Академией была предпринята рассылка писем сотрудникам РАО в попытке обнаружить недостающие материалы (РО НА ИИМК РАН. Ф. 3. Дело фонда. Л. 7–15). Позже, в 1930 г. Р.Р. Фасмер сдал в архив протоколы Нумизматического отделения за 1904–1924 гг.

² О последнем периоде существования РАО подробнее см.: *Жебелёв*, 2017. С. 17–172.

(РО НА ИИМК РАН. Ф. 3. Дело фонда. Л. 6), часть записей протоколов за последние годы существования Общества поступила вместе с фондом архитектора К.К. Романова и хранится в его личном фонде в архиве ИИМК РАН. В 1934 г. из Эрмитажа дополнительно к фонду РАО были переданы рисунки и фотографии из материалов Общества, в то же время Эрмитаж через А.А. Иессена получил 3 тома инвентарных книг музея РАО для работы с вещевыми коллекциями общества, поступившими в Эрмитаж (РО НА ИИМК РАН. Ф. 3. Дело фонда. Л. 4). Рукописи из собрания РАО отправились на хранение в Российскую публичную библиотеку и Археографическую комиссию.

В 1932 г. поверочная комиссия Ленинградского отделения Центрального исторического архива утвердила к списанию ряд материалов РАО, выделенных в ГАИМК. Туда вошли документы по издательской деятельности Общества, финансовой отчетности, переписка по рассылке публикаций РАО и присылке книг в его библиотеку в дар, об изготовлении медалей к 50-летнему юбилею, копии протоколов и общих собраний общества и т.д. После всех передач в 1935 г. архивный фонд РАО в составе архива ГАИМК насчитывал 724 дела.

Фотоматериалы были выделены из фонда в процессе черновой разборки и переданы в фотоархив ГАИМК, образовав там отдельный фонд. К сожалению, коллекция фотографий малочисленна и охватывает лишь отдельные моменты деятельности Общества: материалы раскопок Н.К. Рериха, П.А. Путятина, В.В. Хвойко, Н.И. Репникова и др. (*Девель*, 1950. С. 297–298). В 1934 г. дополнительно из рукописного архива поступили фотографии памятников Кавказа, Туркестана, ряда древностей, а также фотоматериалы, связанные с первым археологическим изучением Старой Ладogi. Последние выполнены в процессе работ выдающегося представителя отечественной археологии Н.Е. Бранденбурга и архитектора В.В. Суслова. Особенно выразительны несколько снимков, выполненных фотографом П.Н. Петровым, на которых запечатлены великолепные панорамные виды Старой Ладogi и окрестностей 1884 г. Уникальный «Туркестанский фотоальбом» (*Длужневская*, 2011в. С. 61–65; *Горшенина*, 2007. С. 321–337), подготовленный в 1871–1872 гг. по распоряжению первого генерал-губернатора русского Туркестана Константина Петровича фон Кауфмана, из собрания РАО сначала попал вместе с книгами в библиотеку, и только в 1930 г. его передали в фотоархив по типу хранения.

Здесь надо отметить, что и впоследствии документы обществ и организаций чаще всего изначально поступали всем массивом в рукописный архив и библиотеку ГАИМК, и только после этого пересматривались на предмет наличия фотографий. Фотографии затем передавались по акту в фотоархив, где условия хранения наиболее соответствовали этому особому типу документов. Иногда материалы еще в течение нескольких лет вычленились и передавались внутри подразделений Академии – из рукописного в фотоархив и, наоборот, из библиотеки в фотоархив и рукописный, как оказалось и в случае с «Туркестанским альбомом».

Еще одним ценным поступлением в архив стали фотоматериалы Петроградского (Санкт-Петербургского) археологического института (ПАИ). Археологический институт не был закрыт, в 1922 г. его присоединили к Петроградскому университету. Археологическое отделение университета первые годы работало на базе института и размещалось до 1925 г. в здании института в доме 22 на набережной реки Фонтанки (Тихонов, 2003. С. 147–148). Затем началась его реформация, произошел переезд в главное здание университета, в то же время документация ПАИ стала поступать в архивные хранилища. В 1925 г. в фотоархив ГАИМК было передано более 2 тысяч негативов фотосъемки с рукописей, текстов, гравюр, портретов, разных предметов древности, снимки из раскопок Успенского собора во Владимире 1880-х гг., альбом с видами Кракова и фотографии с видами Польши из коллекции бывшего Археологического института.

Большая часть архивного фонда ПАИ за весь период существования института (1877–1924) была передана в Ленинградское областное архивное бюро и сейчас хранится в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга. Основной комплекс документов поступил в 1928 и 1930 гг., материалы продолжали поступать в 1940–1950-е гг. из Областного государственного архива Октябрьской революции, Центрального государственного исторического архива СССР в Ленинграде и филиала Центрального государственного военно-исторического архива в Ленинграде. В фонде содержатся материалы по научно-организационной и учебной деятельности института, личные документы слушателей и сотрудников и др. (Кольчицына, 2010).

В 1926 г. вышел еще один Декрет Совнаркома о сдаче Центрархиву РСФСР архивных материалов, согласно положениям которого в архивохранилища Центрархива необходимо

было сдать архивные материалы всех государственных учреждений и общественных организаций дореволюционного периода³. Дореволюционные фонды РАИМК тоже попадали под это постановление.

Однако в этом же Декрете содержался пункт, дающий шанс оставить архивы на месте хранения, который в дальнейшем использовался Академией. «В случае, если подлежащие сдаче архивные материалы, находящиеся в ведении того или иного государственного учреждения или предприятия, или же общественной организации, необходимы последним для текущей работы, Управлению Центрального архива РСФСР и его местным органам предоставляется право оставлять указанные материалы во временное пользование заинтересованного учреждения, предприятия или организации с соблюдением существующих на этот предмет правил».

Взаимоотношения Центрархива с учреждениями Главнауки Наркомпроса РСФСР к этому моменту уже были довольно напряженные. Центрархив настаивал на централизации всей архивной системы и признавал недопустимым хранение при музеях и других научных учреждениях документальных собраний, «за исключением архивов текущего делопроизводства этих учреждений». Главнаука же не поддерживала инициативу изъятия документальных собраний из всех музеев, архивов и научных организаций и пыталась защитить право учреждений, имеющих собственные архивы, на хранение своих материалов. Эти вопросы неоднократно обсуждались на заседаниях коллегии Центрархива и на архивных съездах (*Копылова, Хорхордина, 2010. С. 81–86; Копылова, Хорхордина, 2018; Вторая конференция..., 1927; Протоколы..., 1926*).

В мае 1927 г. из Главнауки в РАИМК пришло письмо за подписью ее руководителя Ф.Н. Петрова, где сообщалось, что «для всесторонней проработки вопроса об оставлении в научных и музейных учреждениях некоторых категорий архивных материалов, на сдаче каковых органам Центрархива, последний настаивает, Главнаука НКП считает необходимым созвать при Главнауке особое совещание в составе представителей: Академии наук, Академии истории материальной культуры, Государственной библиотеки им. Ленина, Гос. исторического музея, Оружейной палаты, Об-ва

³ Декрет Совета народных комиссаров РСФСР от 13 марта 1926 г. о сдаче Центральному архиву РСФСР архивных материалов (СУ. 1926. 14. Ст. 110).

любителей естествознания, антропологии и этнографии, Музея революции СССР, Историко-бытового отдела Русского музея и Детскосельских и Гатчинских дворцов и персонально академика Платонова⁴, академика Ольденбурга, академика Богословского.

На комиссию возлагается:

1. Определение списка тех научных и музейных учреждений, при которых должны быть оставлены организованные архивохранилища.

2. Определение категории документов (меморативных, эпистолярных, научных отчетов и проч.), которые не подлежат концентрации в Центрархиве.

3. Определение характера архивных материалов, неразрывно связанных с вещественными коллекциями и не подлежащих изъятию из научных и музейных учреждений.

4. Установление порядка передачи архивных материалов <...>» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 28. Л. 3).

Совещание состоялось 28 мая 1927 г. (РО НА ИИМК РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 28. Л. 5–20). В результате обсуждений был выработан «список музеев и научных учреждений, имеющих организованные архивные хранилища, подлежащие сохранению в указанных учреждениях как имеющих общесоюзное значение», где перечислялось 16 учреждений Москвы и Ленинграда, в том числе Государственный исторический музей, Оружейная палата «с памятниками Кремля», Эрмитаж, Русский музей, Государственная публичная библиотека и др. Первым номером по Ленинграду в этот список вошла Государственная академия истории материальной культуры. Кроме того, участники совещания утвердили порядок передачи архивных дел в Центрархив и список материалов из научных и музейных учреждений, не подлежащих концентрации в Центрархиве. Среди прочего в него вошли «дела и материалы письменные и графические для научных экспедиций и полевых исследований», «научное делопроизводство научных обществ и научных учреждений, музеев и научных библиотек, выражающее результаты научно-исследовательской работы <...>, дневники археологических раско-

⁴ С.Ф. Платонов в первые годы советской власти возглавлял Петроградское отделение Главархива, регулировавшего формирование единого государственного архивного фонда в Петрограде. В 1923 г. был вынужден уйти в результате проведения кадровой «чистки», «коммунизации» состава сотрудников и преобразования Главархива в Центрархив (Копылова, Хорхордина, 2018).

пок, описи отдельных музейных коллекций», «письменные годовые отчеты научных учреждений, музеев, библиотек, научных обществ, а также другие материалы, характеризующие общий характер работы указанных учреждений и личный научный состав последних» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 28. Л. 18). Постановление комиссии «о порядке передачи архивных материалов органам Центрархива» poslali на рассмотрение в Наркомпрос.

11 июня 1927 г. в ГАИМК поступило письмо из Ленинградского губернского архивного бюро. В нем предлагалось сдать в бюро весь архивный материал бывшей Императорской археологической комиссии за период с 1859 по 1918 г. и материалы РАИМК за 1918–1921 гг. В ответ ГАИМК уведомила, что «не имеет возможности назначить день сдачи Губархивбюро архива б. Археологической комиссии и Академии, т.к. вопрос о порядке сдачи органам Центрархива архивов научных учреждений находится в настоящее время в стадии рассмотрения в Наркомпросе, до окончательного решения этого вопроса Академия не имеет права передавать архив, притом архив Академии является ее неотъемлемой частью, имеющей актуальное значение для работ, и изъятие архива грозило бы парализовать деятельность Академии» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 28. Л. 1–2).

Осенью 1927 г. Центрархив вновь обратился ко всем научным учреждениям, подведомственным Главнауке, с предложением сдать архивные документы, но уже с поправками и исключениями согласно решениям вышеупомянутого совещания (РО НА ИИМК РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 28. Л. 21–23). В Академии «подлежали оставлению дела, необходимые для постоянного пользования», и, по согласованию с Главнаукой, большая часть материалов археологических учреждений не попала под изъятие в Центрархив как документы, «необходимые для текущих научно-исследовательских работ». В итоге для передачи в Центрархив выделили, а в 1928 г. передали в ЛЦИА всего 348 дел (РО НА ИИМК РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 31. Л. 2–14) из фонда ИАК за разные годы. После вхождения ГАИМК в состав Академии наук Институт истории материальной культуры был сразу включен в список учреждений АН, имеющих «специальное архивохранилище» и «постоянно нуждающихся для своих научных работ в архивных материалах» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 7. Л. 2), поэтому в 1938 г. все дела ИАК вернулись обратно в архив на основании постановления Проверкома УЦГАЛ (РО НА ИИМК РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 31. Л. 17).

Кроме Центрахива и Губархивбюро на архивные документы ГАИМК претендовали и другие организации. В начале 1930-х гг. в ГАИМК делались запросы от Централных государственных реставрационных мастерских, от Академии художеств о передаче им иллюстративной документации по изучению и реставрации архитектурных памятников в конце XIX – начале XX вв. Однако Академия ответила отказом, так как чертежи являлись «неотъемлемой частью исторического архива Академии и тесно связаны с рукописями, отчетами и всей научной перепиской по данным памятникам архитектуры, хранящимся в том же архиве. Передача чертежей нарушит целостность архивных фондов, что не допускается существующим архивным законодательством» (РО НА ИИМК РАН. Д. Р-1. Л. 27).

На рубеже 1920–1930-х гг. удалось сохранить целостность уже сложившихся к тому времени документальных коллекций в составе архива ГАИМК. Более того, в 1929 г. на совещании Президиума РАНИОН было выдвинуто предложение о концентрации археологических архивов в ГАИМК (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 – 1929. Д. 6. Л. 51). Нельзя точно сказать, в силу ли этого постановления или по причине собственного реформирования, но уже в том же году Главнаука передала в архив Академии 219 археологических отчетов за 1920–1928 гг., 34 дела с документами археологического характера, в том числе по учету памятников и составлению археологических карт, и комплекс отчетной документации по палеоэтнологическим исследованиям (РО НА ИИМК РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 28).

Приблизительно в это же время разворачивалась история по передаче части архива Московского археологического общества в ГАИМК. После его ликвидации в 1923 г. документальное наследие МАО также должно было быть сдано в Центрархив и стать частью единого государственного архивного фонда, но вмешалась Главнаука, и архив до 1929 г. оставался на месте, что не способствовало обеспечению его сохранности (*Серых*, 2012). В январе 1929 г. в ГАИМК поступило письмо из Научно-исследовательского института этнических и национальных культур народов Востока об обнаружении в помещении института в доме 18 по Берсеневской набережной материалов архива Московского археологического общества и о получении разрешения от Главнауки от 28.12.1928 г. о передаче этих материалов в ГАИМК (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 – 1929. Д. 6. Л. 3). Почти сразу из ГАИМК было направлено письмо в Московскую секцию с просьбой принять докумен-

ты МАО (Серых, 2012. С. 129). Весной 1929 г. архив вместе с изданиями был перевезен из Москвы и разобран архивариусом Академии А.В. Суловым (РО НА ИИМК РАН. Ф. 4. Дело фонда. Л. 4–5). Архив включал анкеты о майданах (1880-е гг.), материалы по составлению археологических карт губерний, церковные метрики северо-западных губерний (1890-е гг.), анкеты об архивах (1900-е гг.), черновики статей и рефератов сотрудников МАО, дела о сборе денег на памятники первопечатнику Ивану Фёдорову, патриарху Гермогену и архимандриту Дионисию (1910 г.), переписку по денежной и хозяйственной части МАО, библиографический карточный указатель. В ноябре 1929 г. заведующий складом изданий ГАИМК Р.Р. Корновский дополнительно передал в архив четыре ящика с архивными материалами МАО, которые поступили из Главнауки вместе с изданиями Общества (РО НА ИИМК РАН. Ф. 4. Дело фонда. Л. 1). Среди них находились рукописи XVII–XVIII вв., фотографические снимки раскопок, документация по археологическим съездам, церковные метрики, статьи членов МАО и других лиц, curriculum vitae сотрудников Общества. В декабре 1929 г. Академия обратилась в Ленинградское отделение Центрального исторического архива (ЛОЦИА) с сообщением о поступившем в ГАИМК материале МАО. В письме содержалась составленная сотрудниками Академии перечневая опись материалов МАО, где были выделены документы, которые желательно было бы оставить в архиве ГАИМК – церковные метрики, материалы по составлению археологической карты, сведения о майданах, материалы по съездам, рукописи, статьи и черновики к ним, фотографии, рисунки М.В. Фармаковского, библиографические указатели (РО НА ИИМК РАН. Ф. 4. Дело фонда. Л. 10–12). Вместе с тем, в письме сообщалось о комплексе рукописей XVII–XVIII вв. из материалов МАО с просьбой указать, должны ли они быть сданы в ЛОЦИА или другое архивохранилище. В сентябре 1930 г. сотрудником архива ГАИМК А.С. Марковым была составлена опись этих рукописей, после чего Академия несколько раз обращалась в ЛОЦИА для решения их судьбы, и 28 сентября 1930 г. рукописи в количестве 111 номеров по описи и 27 связок были отправлены в ЛОЦИА (РО НА ИИМК РАН. Ф. 4. Дело фонда. Л. 14). В 1934 г. из архива в библиотеку ГАИМК были переданы 134 гравюры, а в фотоархив – 85 фотографий из материалов МАО. На 5 сентября 1938 г. фонд насчитывал 281 ед. хр., состоящую из 30 связок. Сейчас фонд полностью обработан, состоит из 1119 дел. Фотоматериалы МАО не

были выделены в самостоятельный фонд, а пополнили коллекции ИАК и ГАИМК.

В мае 1929 г. в ГАИМК обратился председатель Ликвидкома Ленинградского государственного музейного фонда Главнауки Наркомпроса с просьбой о возможности срочной передачи в Академию дел Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины в количестве 66 единиц. Письмо было направлено в ГАИМК согласно распоряжению Управления уполномоченного Наркомпроса за № 2865 от 20.05.1929 г. по причине закрытия музейного фонда 01.06.1929 г. Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины существовало с 1909 по 1917 г. и занималось вопросами охраны и реставрации памятников, в основном архитектурных; собирало материалы обо всех памятниках искусства и старины в России; устраивало выставки и научные лекции; осуществляло реставрационную деятельность. В его состав входили выдающиеся русские историки, искусствоведы, музейные работники, художники, литераторы, библиографы (*Медведева*, 2007). Переданные в ГАИМК документы Общества включали материалы переписки по охране и реставрации памятников архитектуры, живописи, прикладного искусства, о производстве раскопок, об издании книг по искусству, об организации отделений общества в городах Российской империи. В январе 1967 г. материалы образовали фонд Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины (РО НА ИИМК РАН. Ф. 68), включивший 66 дел. Одновременно в фотоархив поступили уникальные фотоматериалы Ленинградского государственного музейного фонда⁵ (ФО НА ИИМК РАН. Ф. 4). Ранее из этого же источника в ГАИМК были переданы фотографии и негативы из собрания Шуваловского дворца после расформированного находящегося там с 1919 по 1925 г. музея быта (ФО НА ИИМК РАН. Ф. 8) (*Длужневская*, 1999).

В 1920–1930 гг. через архив Академии истории материальной культуры прошли и материалы Императорского Палестинского православного общества. В 1923 г. Палестинское общество было ликвидировано по постановлению НКВД (*Грушевой*, 1995. С. 135; *Синельникова*, 2015. С. 526–527). В том же году Ф.И. Успенский, являвшийся в тот момент председателем Общества, представил

⁵ О Ленинградском отделении Государственного музейного фонда подробнее см.: *Иванов*, 2018.

в РАИМК докладную записку о необходимости охраны имущества Палестинского общества и возможности перевозки его в Мраморный дворец. В итоге, РАИМК принял музей и библиотеку Ближнего Востока от администрации Палестинского общества, а 22.12.1924 г. ученый секретарь Академии Б.В. Фармаковский представил на заседании Правления РАИМК акт о передаче архива Палестинского общества на учет Ленинградского отделения Центрархива. В 1925 г. Палестинское общество возобновило свою деятельность и нашло «временный приют в стенах РАИМК» (Грушевой, 1995. С. 146). Позже постановлением Главнауки от 14.10.1929 г. Палестинское общество было присоединено к ГАИМК, а Н.Я. Марра назначили его председателем (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 – 1929. Д. 6. Л. 72). В архиве Академии есть копия его нового устава, также сохранилась переписка о возврате музея, библиотеки и склада изданий обратно в распоряжение Общества, как и ряд описей его имущества. Архивные документы Общества продолжали оставаться в Центрархиве на особом хранении, и еще на протяжении всего периода 1930-х гг. сотрудники ГАИМК передавали туда и в Институт востоковедения разрозненные документы и библиотеку Общества⁶.

Уникальная фотографическая коллекция Палестинского общества в 1925 г. поступила на хранение в фотоархив, где продолжала оставаться до ее передачи в Институт востоковедения в 1938 г. Сотрудники фотоархива за эти годы успели обработать фотоматериалы, составили их опись, зашифровали и влили эти несколько тысяч фотодокументов в общее хранение, также была произведена работа по выявлению особо ценных документов среди фотографических материалов Палестинского общества. В настоящее время фотособрание Палестинского общества входит в состав коллекций Государственного музея истории религии (Терюкова, Федотов, 2017), но на фотографиях и сейчас можно увидеть штампы с шифрами ГАИМК.

В 1930 г. в архив ГАИМК поступили материалы издательства Комитета популяризации художественных изданий при ГАИМК (РО НА ИИМК РАН. Ф. 19). В 1920 г. в ведение Академии перешло художественное издательство Общины Св. Евгении, которое вело свою деятельность с 1896 г., в начале XX в. активно сотруднича-

⁶ О судьбе архива Палестинского общества см.: Грушевой, 1995.

ло с профессиональными фотогра́рами (С.М. Прокудин-Горский, А.Н. Павлович) и известными художниками (К.Е. Маковский, И.Я. Билибин, А.Н. Бенуа, Н.К. Рерих, И.Е. Репин и др.) и выпустило больше 6 тысяч номеров открыток с изображениями произведений искусства и архитектурных памятников России общим тиражом более 30 млн. экземпляров. В 1920 г. на его базе было организован Комитет популяризации художественных изданий, который продолжил просветительскую работу издательства, печатая работы ведущих художников и искусствоведов, путеводители по музеям страны, устраивая художественные выставки. Художник М.В. Добужинский разработал для издательства специальный книжный знак, которым маркировались все его публикации. Издания были выполнены на самом высоком полиграфическом уровне. Сейчас они невероятно высоко ценятся на букинистических рынках⁷.

В 1930 г. Комитет популяризации художественных изданий был ликвидирован, и в архив ГАИМК поступили материалы из ленинградского и московского магазинов издательства. Из них 800 кг материалов были переданы в Ленинградское областное архбюро в январе 1931 г. Тогда же Академия наняла артель «Универсальный труд» для разборки отобранных материалов Комитета в соответствии с инструкциями Централрхива. По договору, заключенному исполняющим обязанности председателя Академии С.Н. Быковским, артель должна была разобрать фонд за 10 дней и получить за работу 240 рублей (РО НА ИИМК РАН. Ф. 19. Дело фонда). В 1934–1935 гг. фонд пополнился документами, случайно обнаруженными в отделе полевых исследований и на складе. По данным 1950 г. фонд состоял из 42 дел и некоторым количеством незаинвентаризованного материала. В настоящее время в фонде 62 дела, включающие переписку по изданию рукописей и продаже изданий, рукописи, корректуры изданий. Фотоматериалы КПХИ составили отдельный фонд в фотоархиве. В нем содержится около 2 тыс. художественных снимков предметов искусства и архитектурных памятников России (ФО НА ИИМК РАН. Ф. 7).

В течение 1920–1930 гг. прослеживается два всплеска пополнения архива Академии истории материальной культуры документами ликвидированных, закрывшихся и реформированных

⁷ Подробнее об издательской деятельности Общины Св. Евгении и Комитета популяризации художественных изданий см.: *Мозохина*, 2009; *Романенкова*, 2000.

научных учреждений. В начале 1920-х гг. поступили материалы учреждений дореволюционного времени, которые закончили свое существование в первые годы советской власти. Второе активное вливание архивов происходит на рубеже 1920–1930 гг. и связано с началом «великого перелома» в науке и эпохой реформации уже тех учреждений, которые были созданы после революции для контроля за сохранением и распределением по хранилищам культурного наследия Российской империи.

История формирования архивных фондов Академии истории материальной культуры неотделима от создания в молодой советской стране общей системы архивного дела. Следует признать, что в своем построении архивных фондов Академия, с одной стороны, строго подчинялась всем вышедшим законным постановлениям. Когда невозможно было противостоять напору и инициативе из центра, как, например, в случае с архивом семьи Романовых, документы передавались в Центрархив. Однако при необходимости сохранения в своем архиве археологических материалов положения декретов ВЦИК и СНК, как и варианты их исполнения, трактовались чаще всего неоднозначно, их исполнение затягивалось. Сотрудники при поддержке Главнауки пытались противостоять принципам централизации и отстаивать право учреждения на хранение профильных документов в собственном архиве Академии.

В итоге успешно удалось избежать многих изъятий и сохранить документальные коллекции дореволюционных организаций и учреждений первых лет советской власти практически в той же комплектности, в какой они попали в архив ГАИМК в 1920–1930-е гг. С точки зрения целостности состава фондов, как уже упоминалось, больше всего посчастливилось документальному наследию Императорской археологической комиссии. Фонд учреждения до сих пор остается тем единым практически нетронутым комплексом, сформированным еще в процессе активной деятельности самого учреждения, и является бесценным источником информации о дореволюционных археологических и архитектурных исследованиях в России. Кроме всех уже перечисленных организаций архивные материалы Академии истории материальной культуры содержат важные сведения о судьбах вещественных и документальных коллекций Археологического института в Константинополе, Русского историко-генеалогического общества, Исаакиевского собора, Эрмитажа, Русского музея и других музейных и архивных собраний России.

Литература

- Вторая конференция..., 1927. Вторая конференция архивных работников РСФСР 11–15 января 1927 г. (краткий отчет) // Архивное дело. Вып. XI–XII. С. 3–82.
- Горшенина С.М., 2007. Крупнейшие проекты колониальных архивов России: утопичность тотальной туркестаники генерал-губернатора Константина Петровича фон Кауфмана // *Ab Imperio*. № 3. С. 291–354.
- Грушевой А.Г., 1995. Императорское Палестинское общество (по петербургским архивам) // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге / Под ред. И.П. Медведева. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 135–156.
- Доманская Э.С., Пескарёва К.М., 1979. Ленинградское отделение Института археологии АН СССР (ЛОИА) // Краткий справочник по научно-отраслевым и мемориальным архивам АН СССР / Отв. ред. Б.В. Лёвшин. М.: Наука. С. 29–44.
- Девель Т.М., 1950. Обзорение коллекций собрания фотоархива Института истории материальной культуры им. Н.Я. Марра АН СССР // *СА*. Т. XII. С. 289–336.
- Длужневская Г.В., 1999. Коллекция снимков графов Шуваловых // Коллекционеры и меценаты дореволюционного Урала // *Очерки истории Урала*. Вып. 8. Меценаты и коллекционеры Урала. Екатеринбург. С. 113–121.
- Длужневская Г.В., 2005. Фонд «Библиотека Мраморного дворца» в научном архиве ИИМК РАН // *Археологические вести*. № 12. СПб. С. 274–290.
- Длужневская Г.В., 2006. Деятельность Академии истории материальной культуры в области востоковедения в 1919–1940 гг. // *Восточный архив*. № 14–15. С. 128–138.
- Длужневская Г.В., 2011а. Фотографии из Мраморного дворца: собрание великих князей генерал-адмирала Константина Николаевича и августейшего президента Академии наук Константина Константиновича // *Фотография. Изображение. Документ*. Вып. 1(1). СПб.: РОСФОТО. С. 4–14.
- Длужневская Г.В., 2011б. Генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич – государственный деятель, реформатор флота и собиратель фотодокументов по истории и культуре Российской империи // *Пятые Елагинские чтения*. СПб.: Остров. С. 87–98.
- Длужневская Г.В., 2011в. Археологические исследования в Центральной Азии и Сибири в 1859–1959 гг. (по документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН). СПб.: ЭлекСис. 296 с.
- Длужневская Г.В., 2013. Научный архив Института истории материальной культуры РАН: история архива и хранители «вечности» // *Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.)* / Отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 292–318.
- Иванов Д.В., 2018. Революции и коллекции: Петроградское (Ленинградское) отделение Государственного музейного фонда и Музей антропологии и этнографии. СПб.: МАЭ РАН. 208 с.
- Жебелёв С.А., 2017. Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования. 1897–1921: Исторический очерк. Приложение: Библиографический словарь членов РАО (1846–1924) / Отв. ред., сост., авт. вступит. статьи И.В. Тункина. М.: Индрик. 672 с.
- Колышницына Н.В., 2010. Обзор документов фонда Петроградского археологического института // *Вестник архивиста*. № 4 (112). С. 205–219.

- Копылова О.Н.*, 2010. Государственный архив РСФСР (1920–1925 гг.) // История Государственного архива Российской Федерации. Документы. Статьи. Воспоминания / Отв. ред. С.В. Мироненко; отв. сост. О.Н. Копылова. М.: РОССПЭН. С. 66–99.
- Копылова О.Н., Хорхордина Т.И.*, 2010. «Спасены архивные дела, фактически спасены от гибели». Из протоколов руководящих органов управления архивным делом в 1918–1928 гг. (1923–1928 гг.) // Отечественные архивы. № 6. С. 74–100.
- Копылова О.Н., Хорхордина Т.И.*, 2018. Центрархив РСФСР в 1920-е гг.: новый курс руководства архивной отраслью [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rusarchives.ru/publikacii/otechestvennyye-arhivy/4582/kopylova-horhordina-centrarhiv-rsfsr-v-1920-e-novyy-kurs-rukovodstva-arhivnoy-otraslyu>. Дата обращения 10.01.2019.
- Медведева М.В.*, 2007. Из истории «Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины» // Археологические вести. № 14. С. 259–267.
- Мозохина Н.А.*, 2009. Открытки Общины св. Евгении как художественный проект мастеров объединения «Мир искусства». Проблемы истории и художественной практики: Дисс. ... канд. искусств. Научно-исследовательский институт теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств. М. 366 с.
- Павленко Н.И.*, 1999. «Академическое дело». Историки под прицелом ОГПУ [Электронный ресурс] // Наука и жизнь. № 11. Режим доступа: <https://www.nkj.ru/archive/articles/9908/>. Дата обращения: 30.01.2019.
- Платонова Н.И., Мусин А.Е.*, 2009. Императорская Археологическая Комиссия и ее преобразование в 1917–1919 гг. // Императорская Археологическая комиссия (1859–1917 гг.) К 150-летию ее основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Науч. сост. А.Е. Мусин, общ. ред. Е.Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 1064–1115.
- Протоколы..., 1926. Протоколы первого съезда архивных деятелей РСФСР. 14–19 марта 1925 г. М.; Л. 312 с.
- Романенкова О.А.*, 2000. Комитет Популяризации Художественных изданий как тип специализированного издательства по изобразительному искусству. Дисс. ... канд. филологических наук. СПбГУКИ. СПб. 167 с.
- Серых Д.В.*, 2012. Как ликвидировали Московское археологическое общество // Евразийский археолого-историографический сборник / Под ред. А.С. Вдовина, И.В. Тункиной. СПб.; Красноярск. С. 124–130.
- Синельникова Е.Ф.*, 2015. Имущественные отношения советской власти и научных обществ Петрограда-Ленинграда в первое послереволюционное десятилетие // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция (2015). Т. 2: История естествознания и техники. М.: ЛЕНАНД. С. 523–527.
- Синельникова Е.Ф.*, 2018. Конструируя советскую науку: научные общества в 1920-е годы // Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации: сборник научных трудов. Екатеринбург: Уральский ГУ. С. 454–463.
- Терюкова Е.А., Федотов П.В.*, 2017. Коллекция фотографий Императорского Православного Палестинского Общества из собрания Государственного музея истории религии. М.: Вече. 192 с.
- Тихонов И.Л.*, 2003. Археология в Санкт-Петербургском университете. Историко-графические очерки. СПб.: СПбГУ. 332 с.

А.Л. Бойко, И.В. Толчко

**ПРИ ЯВНО НЕБЛАГОПРИЯТНЫХ УСЛОВИЯХ:
АРХЕОЛОГИЯ ДОНА В 1920–1931 ГОДАХ¹**

Резюме. Статья посвящена начальному периоду становления археологии на Дону в условиях режима победившей в Гражданской войне советской власти. Авторы анализируют комплекс оригинальных условий развития науки в обстановке «политического бандитизма» (1920–1922 гг.) и последующие годы восстановления региона. Рассматриваются различные варианты отношений советской власти к сохранившимся краеведческим научным обществам и музеям Донской области. Особое внимание уделено истории Донского археологического института, созданного в 1918 г. и с 1920 г. испытывавшего административно-идеологическое давление со стороны местных органов власти, подчиненных Наркомату образования. Закрытие Донского археологического института произошло в 1922 г., несмотря на попытки Российской академии истории материальной культуры сохранить учебное заведение путем включения в собственную структуру. Потенциал, накопленный донскими археологами и краеведами, был использован в период работы на Дону Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК под руководством А.А. Миллера с 1923 г. Работа крупной академической экспедиции на Нижнем Дону и перенос в Ростов-на-Дону административной столицы Северо-Кавказского края стали важными факторами в дальнейшем развитии местной археологии, прерванной политическими репрессиями против «буржуазных краеведов» в 1931 г.

Ключевые слова: Донской археологический институт, Российская академия истории материальной культуры, краеведение, археологические исследования, Северо-Кавказская экспедиция ГАИМК.

Один из ключевых вопросов, обсуждаемых специалистами в области истории отечественной археологии уже несколько деся-

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации проекта: «Политические и социально-экономические риски и угрозы устойчивому развитию юга России» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 20 (№ 00-19-П20/8).

тилетий – это проблема ее периодизации и критерии выделения периодов. Сегодня общепризнана необходимость использования и региональных шкал периодизации истории археологии в различных областях России.

Необходимость дробного деления предвоенного времени в истории отечественной археологии на ряд изолированных микропериодов связана с событиями институционально-административного характера, во многом совпадающих с изменениями историко-культурных парадигм, выделенных Г.С. Лебедевым (*Лебедев, 1993. С. 2*). Многочисленные изменения территориального подчинения регионов юга России меняли не только сложившуюся систему организации краеведческих организаций или высших учебных заведений, но саму систему связей между учеными и их объединениями. Потому совершенно справедливым можно считать мнение А.А. Формозова о существовании, наряду с общей периодизацией отечественной археологии, «не совсем совпадающей с ней периодизации для истории археологии в отдельных регионах» (*Формозов, 1994. С. 223*). Количество общих и региональных вариантов периодизации отечественной археологии исчисляется десятками (если не сотнями), если учитывать обязательный для любой диссертации историографический обзор с неременной периодизацией развития представлений о конкретном памятнике, археологической культуре, научной школе и пр. На наш взгляд, множество критериев периодизации определяет обоснованность хронологии выделяемых периодов и определения границ между ними, что совпадает с мнением О.М. Мельниковой (*Мельникова, 2006. С. 435–438*).

События января – февраля 1920 г. – взятие частями Красной армии городов Ростова и Новочеркасска, центров Всевеликого войска Донского, знаменовали собой заключительный этап в истории Гражданской войны, фронты которой стремительно переместились к побережью Черного моря и в Крым.

На обширных землях юга России, ставших в 1918 г. Всевеликим войском Донским, возникли и исчезли в ходе административно-территориальных реформ последовательно существовавшие Донская область, Юго-Восточный, Северо-Кавказский и Азово-Черноморский края, а в 1937 г. была создана, существующая в современных границах, Ростовская область. Региональная специфика заставила довольно четко определить несколько микропериодов, охватывающих сравнительно небольшой промежуток времени между установлением советской власти в столицах Дона в январе –

феврале 1920 г. и окончательным освобождением Ростовской области от немецко-фашистских захватчиков в августе 1943 г.

Для выделения каждого из микропериодов развития донской археологии необходимы обоснованные научно-организационные критерии, среди которых важнейшими выступают:

1. Система объединений археологов и краеведов (общества, бюро, секции и пр. значительно отличались не только решаемыми научными задачами, но и степенью добровольности участия в их деятельности, численностью и социальным составом участников).

2. Система подчинения местных организаций различным центральным научным учреждениям (от Главнауки до профильных научных организаций (прежде всего, структуры Российской академии истории материальной культуры (РАИМК), позднее реформированной в Государственную академию истории материальной культуры (ГАИМК)).

3. Уровень решаемых научных и производственных задач, характер взаимоотношений с крупными исследовательскими объединениями (прежде всего Северо-Кавказской экспедицией ГАИМК), производство собственных археологических работ (учитываемых по официально выданным открытым листам).

4. Система перемещений научных кадров, зачастую вследствие решений партийных или советских органов в отношении краеведческой (в том числе и археологической) деятельности, открытие следственных дел по принадлежности к краеведческим организациям.

5. Издательская деятельность как показатель научной востребованности; характер публикаций – от периодических изданий к научным сборникам и монографиям. Именно научные издания наиболее точно отражают методологию научного поиска, систему отношения к выявленным историческим источникам.

При всем многообразии существующих на сегодняшний день периодизаций истории отечественной археологии, практически все исследователи выделяют в единый период время от 19.04.1919 г. (создание РАИМК) до 1929 г. (начало развития «теории стадийности» и организованное советской властью давление на краеведческое движение, вылившееся в 1930–1931 гг. во множество местных политических судебных процессов над «буржуазными краеведами», среди которых оказалось и значительное количество археологов). Такие временные рамки вполне подходят для археологии Дона с уточнениями, связанными с реалиями Гражданской войны – установлением «красной диктатуры» в 1920 г. и началом

в 1931 г. следственного дела № 23782 против донских краеведов, подозреваемых в серьезных политических преступлениях.

Как же можно охарактеризовать 1920-1931 гг. в истории развития археологии на Дону? В период Гражданской войны сложилась достаточно четкая система взаимоотношений любых вариантов политических диктатур с системой учреждений, занимающихся археологическими исследованиями в провинции:

1. Покровительственное отношение к музеям – местам хранения материально и социально значимых предметов, определявшихся как собственность государства.

2. Позитивно-нейтральное – к учебным заведениям, бывшим оплотом стабильности государственных устоев и местом, где могли осуществляться контакты с интеллигенцией в лице профессуры и студенчества.

3. «Негативно-подозрительное» – к научным обществам и другим формам общественных организаций, считавшихся носителями либерально-демократических идей.

В условиях окончания Гражданской войны ситуация коренным образом изменилась: учебные заведения, прежде всего высшие, испытывают все возрастающее давление власти, реализуемое как идеологический диктат в области программ обучения. Задачи научных обществ, система их взаимоотношений с властью теперь были кардинально пересмотрены, что стало поворотным моментом к расцвету краеведческого движения в Советской России до начала 30-х гг. XX в. Но положение музеев в этой системе было относительно неустойчивым, поскольку их существование в системе Наркомпроса резко изменяло привычные функции и систему финансирования.

Самому серьезному нажиму подверглись массовые краеведческие общества и самое крупное из них – Ростовское-на-Дону общество истории и древностей, основанное в 1917 г. путем реформирования Ростовского-на-Дону общества истории, древностей и природы. Инициатива его создания исходила от преподавателей эвакуированного на Дон в 1915 г. Варшавского университета – профессоров А.М. Придика, А.И. Яцимирского и И.И. Закотина. Идею реорганизации местного краеведческого общества, существовавшего с 1909 г., поддержали преподаватели местных учебных заведений и малочисленные представители ростовской интеллигенции: В.А. Альгин, А.М. Ильин, В.И. Калинин, Г.М. Левитский, А.Т. Стефанов, А.П. Фёдоров.

Через три дня после окончания битвы за Ростов и победы конницы С.М. Буденного руководству Ростовского-на-Дону общества истории и древностей пришлось принимать непростые решения, поскольку новая советская организация «Отдел Нарпросвета, Подотдела искусств К[омитета] о[храны] п[амятников] ис[кусств] а» распоряжением от 23 января 1920 г. потребовал: «В[есьма] спешно... Подотдел искусств предлагает председателю общества, или лицу его заменяющему, не позднее 12 час[ов] дня, 26 сего января, доставить следующее: 1) протоколы заседаний с начала деятельности общества по 1919 г. включительно, вместе с денежным отчетом; 2) список предметов, поступивших в музей после напечатания каталога с отметкой от кого и когда поступили; 3) печатный каталог в 2 экз[емплярах]; 4) командировать для сотрудничества в Комитет по охране памятников искусства и старины 2 членов общества: одного специалиста по изобразительным искусствам и другого – по археологии и этнографии...» (ГАРО. Ф. 2577. Оп. 1. Д. 29. Л. 1).

Денежные суммы и все оговоренные материалы были переданы образованному 17 января 1920 г. в г. Ростове-на-Дону КОПИСу как подотделу ДОНО. Именно эта организация и стала первой советской научно-образовательной структурой, в задачу которой входили вопросы организации археологических работ, охраны памятников древности и деятельности музеев.

Процесс «советизации» существовавших на Дону музеев – Новочеркасского (Донского, 1899 г. создания), Ростовского (1909 г.), Таганрогского (1914 г.) и Азовского (1917 г.) занял предельно короткий срок – январь–апрель 1920 г. (в г. Ростове-на-Дону с 23.01 по 2.03.1920 г.). Механизм был сведен к обязательной передаче в ведение новой власти печатей организаций, денежных активов и каталогов музеев (Бойко, 2014. С. 236). Сотрудники музеев обязаны были вступить в создаваемые профессиональные союзы, участвовать в выборах администрации и других советских мероприятиях. Ротация сотрудников на этом этапе не проводилась, однако были проведены масштабные структурные изменения: Ростовский городской музей получил название Донского областного (советского) музея искусств и древностей, а музей в Новочеркасске стал на время его филиалом (имевшим свой филиал в виде «древлехранилища имени Степана Разина» в ст. Старочеркасской).

Ярким символом смены политических приоритетов в области культуры стала беспрецедентная, даже с учетом условий брато-

убийственной войны, мера – вывоз из Новочеркасска войсковых реликвий (а с ними и части археологической коллекции), хранившихся в Донском музее. Этот акт проводился как тщательно продуманная и организованная военная операция, во главе которой стоял создатель и директор музея – Харитон Иванович Попов (1834–1925)². Кроме командированных с казачьими реликвиями и музейными коллекциями сотрудников, прочие служители музея во главе с директором остались на своих рабочих местах, ожидая прихода новой власти. С ее окончательным установлением в Новочеркасск был направлен И.Б. Березарк³, ревизовавший Донской музей и описавший состояние ряда памятников древности Донской области на весну 1920 г.

Интерес советской власти к Донскому музею не был проявлением простого любопытства или стремления присвоить хранившиеся там ценности. Понимая важную роль этого символа казачьего духа и самобытности донской истории, новая власть стремилась поставить под контроль все стороны деятельности учреждения, прежде всего удалив от руководства антисоветски настроенного Х.И. Попова, что и было реализовано через несколько месяцев, несмотря на стремление коллектива музея сохранить полномочия своего лидера как выборного руководителя от профсоюза сотрудников музея.

Сложности идейно-политического характера усугублялись проблемами материального плана, поэтому большинство участников научных исследований начала и середины 1920-х гг. могли представлять сразу несколько организаций, различных по своей организационно-правовой форме, работать во множестве общественных комиссий или комитетов. Не смотря на обилие различных учреждений, задачей которых являлось или декларировалось проведение археологических исследований, их участниками был сравнительно небольшой круг лиц, значительное количество

² Среди членов большой семьи Х.И. Попова были: уже убитый к тому времени большевиками его сын, священномученик о. Николай (1864–1919) и известный деятель казачьего движения, организатор Степного похода, генерал от кавалерии П.Х. Попов (1867–1960), один из последних донских атаманов в эмиграции и любитель-археолог.

³ Зять немецкого социалиста К. Либкнехта, донской знакомый В. Хлебникова и член поэтического объединения «Ничевоки». Позднее журналист, оставивший мемуары о встречах с С.А. Есениным, В.В. Маяковским, А.М. Горьким и многими другими известными деятелями советской культуры.

которых стало заинтересованно относиться к древностям еще в предвоенное – предреволюционное время. Актив крупных краеведческих организаций, в чьем ведении находилось большинство музеев Дона, «вышел» к 1920 г. с относительно незначительными потерями. Это, безусловно, чисто «математическая» характеристика времени очередной российской смуты, получившей и на Дону своих мучеников среди деятелей культуры и образования⁴.

Если специфика отношения советской власти к донским музеям определялась характером их собраний и лояльностью служащих, то видимые изменения в области образования были не сразу заметны. Процессы «советизации» образования предполагали развитую систему не только карающих органов (ВЧК – ОГПУ), но и различные надзирающие учреждения, вплоть до студенческого профсоюза университета, обладавшего значительными политическими правами.

В этой непростой обстановке определенным оплотом стабильности был Донской археологический институт (ДАИ) (*Римская*, 1998. С. 22–24 и др.). Это была единственная организация, ставившая своей целью реализовать весь комплекс научных исследований в области археологии: подготовку кадров, поиск древностей, их открытие, изучение и участие в их экспонировании. В вузе существовало и собственное собрание артефактов, необходимое для образовательных целей. Как вуз коммерческого профиля (по Уставу ДАИ, принятому 18.09.1918 г.), он не только удерживал в своих стенах значительное количество учащейся молодежи, но и аккумулировал денежные потоки. Сегодня неизвестно, в какой мере эти средства были обращены на образовательный процесс, но очевидно, что именно они создавали возможность физического выживания для университетской профессуры. О программе института существуют противоположные мнения. Список предметов из расписания уже советского времени показывает стандартный набор дисциплин для существовавших еще до революции столичных Археологических институтов и их филиалов в провинции (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 – 1921. Д. 69. Л. 6–6 об.). Безусловно, были добавлены предметы, отражающие специфику времени: «Социальная философия», «Учение о государстве и основы со-

⁴ Первым в этом ряду стал создатель музея в Азове М.А. Макаровский (1893–1918), повешенный в центре города карательным отрядом белоказачьего офицера осетина Икаева 27 сентября 1918 г.

временного государства (Конституция РСФСР)». Но набор дисциплин на отделениях археологии, этнографии, археографии и истории искусств был строг и последователен. Конечно, чтение лекций могло быть слишком академичным, по крайней мере, так это виделось приехавшей из Москвы юной Нине Берберовой, характеризовавшей всю ростовскую профессуру того времени весьма не лестно: «...я слушала греческий, археологию, историю искусств, языковедение, но во всеобщем распаде того года (1920-го) я редко умела сосредоточиться, скучала на лекциях, мало училась дома. Профессора были замучены страхом и голодом, большинство из них перешло из Варшавского университета, люди тусклые и старомодные» (Берберова, 2016. С. 71)⁵.

Острым являлся вопрос об организации практических занятий – археологических раскопок, возможность которых была прямо сопряжена с безопасностью их участников.

Данные о первых раскопках ДАИ связаны с именем его ректора А.И. Яцимирского (рис. 1). 27 июня 1920 г. он произвел «раскопки в районе Кизитиринского городища», которые носили «показательный характер» (ГАРО. Ф. 2577. Оп. 1. Д. 8. Л. 38). Профессору-слависту сложно было ориентироваться в маловыразительном материале I–III вв. н.э. Однако для показательных лекций в Городском саду его опыта вполне хватало, учитывая огромную научную эрудицию и ораторское мастерство известного профессора. Есть данные и об археологической разведке летом 1920 г. на территории Елизаветовского городища, а также и о раскопках кургана вблизи г. Ростова-на-Дону, но они имеют характер административного доноса и пока не могут быть уточнены.

Основным идеологом полевой археологии в ДАИ был С.А. Локтюшев (рис. 2) (Павлова, 1993. С. 12–13). Проект масштабных полевых работ, созданный им, единственным авторитетным археологом-практиком в составе преподавателей Донского археологического института, предполагал не только обширный район проведения работ но и их значительный объем. В составе преподавателей было еще два археолога, с опытом проведения собственных раскопок: А.М. Ильин (как и С.А. Локтюшев, выпускник

⁵ Тем не менее, занятия древней историей и археологией в Ростове-на-Дону не прошли для «железной женщины» Н. Берберовой бесследно. Можно вспомнить один из ее рассказов 1950-х гг. «Памяти Шлимана», в завершающих абзацах которого заметно определенное студенческое усердие будущей писательницы.

Московского археологического института и П.П. Сахаров, копавший курганы по разрешениям Комиссии по устройству Донского музея (в районе Верхне-Кундрюченской станицы в 1912 г.). Однако руководством РАИМК их опыт для проведения практики студентов и выполнения значительного по размаху служебного задания был признан недостаточным.

В докладной записке, направленной в Секцию охраны памятников и искусств Донского отдела народного образования (далее ДООНО), планы ДАИ были сформулированы в виде вопросов:

1. Определить возможности находок *in situ* в «костных остатках мамонтовой фауны» каменных поделок.
2. Определение местоположения «стоянок и мастерских каменного периода» по руслам рек Дона и Донца.
3. «Выяснение культур бронзовой эпохи» и определение связи их с культурами этого периода на Северном Кавказе.
4. «Тщательное обследование курганов и городищ» по побережью Азовского моря, рекам Дону и Северному Донцу с целью определения «их типов и устройства».
5. «Выяснение типов погребений поздних кочевников».
6. «Выяснение типов ... погребений в каменных цистах».
7. «Выяснение типов славянских погребений».

Документ имел подпись: «Действительный член Московского археологического общества ученый археолог С. Локтюшев. 10.04.1921 Ростов н/Д» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 – 1921. Д. 97. Л. 3).

Вероятно, план С.А. Локтюшева очень заинтересовал членов КОПИСа. Это было вызвано, прежде всего, решением Государственного ученого совета от 15.10.1920 г. о передаче ДАИ на «счет казны» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 – 1921. Д. 69. Л. 4) и преобразовании его в Институт культуры при непосредственном контроле РАИМК.

Поскольку местные средства растрачивались быстро, то предполагалось, что государственное финансирование существенно выправит ситуацию. КОПИС еще весной 1920 г. ставил своей целью посещение «особенно интересных в историко-археологическом и этнографическом отношениях» мест Донской области, среди которых Новочеркасск, Старочеркасск, Таганрог и Азов. Отдельным пунктом Протокола № 8 от 6 апреля было заявлено предложение секретаря КОПИСа Турского о «желании поехать в Елизаветовскую на Пасху от Секции для обследования городища, чтения лекций» (ГАРО. Ф. 2577. Оп. 1. Д. 6. Л. 11 об.). К осени эти планы были вы-

полнены, а на следующий, 1921 г. планировались уже комплексные краеведческие экспедиции с возможностью начать и систематические раскопки.

За судьбой донских краеведческих обществ и ДАИ пристально наблюдали специалисты из РАИМК. Интерес был разносторонний, учитывая как археологический потенциал Дона, так и сохранившиеся научные и личные связи, прежде всего у А.А. Миллера, бывшего последовательно членом Комиссии по устройству Донского музея (Новочеркасск), Ростовского-на-Дону общества истории, древностей и природы (Ростов-на-Дону) и его трансформаций по революционному времени. РАИМК был заинтересован в расширении своего представительства в регионах, поэтому письма о судьбе ДАИ следовали из Петрограда в Донисполком как курировавшую ДОНО организацию. РАИМК просила оказать ДАИ «всяческое содействие в поддержке правильного хода его работы», начиная с сентября 1920 г., когда усиленно обсуждался вопрос о вариантах реформирования института. Более того, РАИМК специально обращалась в Отдел высших учебных заведений Наркопроса с просьбой об отпуске в адрес ДАИ необходимых для полноценного существования средств. Деньги были получены, работа ДАИ в учебном 1920/1921 году продолжалась относительно спокойно. Возможность проведения масштабной экспедиции сотрудниками ДАИ была весьма реальной.

В 1921 г. ситуация на Дону изменилась, многочисленные музеи и краеведческие ячейки, открытые на волне энтузиазма, вызванного окончанием на юге России Гражданской войны, стали испытывать неразрешимые сложности финансового характера. Использовать их в качестве баз планируемой КОПИСом экспедиции возможности не было. В этих условиях присоединение ДАИ к государственному финансированию рассматривалось как наиболее эффективная мера для выполнения собственных планов работ. Надо учитывать и то обстоятельство, что ректор ДАИ А.И. Яцимирский, С.А. Локтюшев и большинство других преподавателей института и университета были добровольно (зачастую и принудительно!) членами или консультантами того же КОПИСа или Секции музеев ДОНО.

Все заинтересованные организации, РАИМК и КОПИС запросили у С.А. Локтюшева планы работ, что привело к появлению их нескольких вариантов в текстовом и графическом исполнении. Каждая сторона вносила свои изменения. Это привело к суще-

ствованию нескольких схожих документов, однако расходящихся в объемах и деталях планируемых работ (мы используем наиболее «красочный» и подробный вариант документа, составленный для столичных научных организаций).

Так появилась карта с текстовыми пояснениями (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1 – 1921. Д. 97. Л. 6), которые существенно корректировали первоначальные планы, предполагая и участие в них различных местных краеведческих сил (рис. 3).

Теперь предполагалась комплексная экспедиция, цель которой определялась так:

1. «Выяснить культуры неолитических стоянок» по течению Дона и его притоков.

2. Определить характер «неолитической индустрии» по находкам из Донской области, хранящихся в музеях Новочеркаска, Таганрога и Екатеринодара (сказывалась «каменная» специализация С.А. Локтюшева).

3. Произвести раскопки курганов с целью «выяснить культуры бронзового века» Донской области с целью выяснения их связи с культурами эпохи бронзы Северного Кавказа.

4. «Попутно выяснить – культуры ранней средней поры железных орудий».

Для реализации этих масштабных задач предполагалось:

1. «Открытия неолитических стоянок в местах, где ранее часто были находимы разными лицами неолитическая индустрия...».

2. Раскопки 25 курганов, расположенных от побережья Азовского моря вверх по Дону, вплоть до места впадения Северского Донца.

3. «Ознакомление с хранящейся неолитической индустрией» в музеях Новочеркаска, Таганрога и Екатеринодара (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1 – 1921. Д. 97. Л. 2–2 об.).

План раскопок был разработан достаточно детально, с указанием тех пунктов, где были известны находки неолитического облика. Обращает на себя внимание «книжность» данных С.А. Локтюшева, который приводил названия и административную принадлежность памятников еще по «царскому» времени (по округам Области войска Донского). Интерес автора концепции к конкретным памятникам вполне закономерен, учитывая его научную специализацию, сложившуюся еще в дореволюционное время. Разработки С.А. Локтюшева с сопроводительным письмом

ДОНО были отправлены в адрес РАИМК 23.04.1921 г. за № 2782, в том числе и с визой заведующего КОПИСом Я.А. Яктонович-Назаренко. Необходимость такого письма диктовалась и требованием соблюдения специального циркуляра Научного отдела Наркомпроса «О запрещении самовольных археологических раскопок» от 21.01.1921 г., который был принят к исполнению Донисполкомом (ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 9. Л. 20–22).

Территория проведения работ и мест раскопок конкретных памятников была достаточно детально показана на карте. Этот огромный объем исследований предполагалось выполнить в течение «1 – 1,1/2 месяца». Складывается впечатление, что эти планы не опирались на какие-то конкретные материальные предпосылки. ДАИ находился в состоянии затянувшегося реформирования, которое рушило сложившуюся систему научно-педагогической работы, основным элементом которой была аудиторная и практическая работа со студентами. При этом теперь не руководство ДАИ, а государственные органы (то же ДОНО) определяли финансовую сторону организации обучения. Сложилась парадоксальная ситуация: политические чистки студенчества выводили из состава слушателей наиболее обеспеченных учащихся; политически грамотные и социально адаптированные студенты не имели средств для оплаты обучения. Государственное же финансирование оставалось недостижимой мечтой. Количество студентов продолжало неуклонно сокращаться: на момент набора в 1918 г. – 365 слушателей всех отделений; 1920 г. – 210 студентов; 1921 г. – 161 студент; 1922 г. – 83 студента. Поэтому вопрос проведения экспедиции был равносителен вопросу о существовании самого ДАИ. Единственный из реальных путей выживания виделся в подчинении института РАИМК и включении в ее систему финансирования.

Однако в печать попадали сведения, как правило, недостоверные, об огромных государственных субсидиях ДАИ: «Археологическому институту отпущено из доходных предприятий Донобнаробраза 25 милл. руб. согласно постановления ДИКа»⁶ (Трудовой Дон, 1922. С. 2). При этом запросы института были гораздо скромнее, в пределах 600 000 руб. на полугодие (без учета инфляции). Проведение раскопок ДАИ в 1921 г. было необходимо по следующим причинам:

⁶ В данном случае ДИК – Донской исполнительный комитет, Доннаробраз – один из вариантов названий ДОНО.

- Доказательство научной состоятельности института перед РАИМК.
- Проведение заявленной научной практики (раскопок) для выполнения учебного плана и выпуска студентов 1921 г.
- Возможность показать самостоятельность от местных административных структур в плане принятия научных и производственных решений.

Ректор ДАИ А.И. Яцимирский 5 мая 1921 г. письмом № 133 информировал РАИМК о том, что по «по неофициальным данным, предполагается закрыть Донской археологический институт и использовать его силы и имущество, по одной версии, для открываемого археологического института, кажется в Краснодаре, по другой – для организации художественно-литературного отделения на факультете общественных наук Донского университета» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп.1 – 1921. Д. 69. Л. 5–5 об.). К письму были приложены данные о штате ДАИ и список предметов по курсам обучения. Реальное положение дел в ДАИ было таково, что денег могло хватить только на раскопки одного небольшого памятника (кургана).

Руководство РАИМК очень внимательно отнеслось к информации из Ростова-на-Дону и решило проверить ситуацию, отправив на Дон специалистов – А.А. Миллера и Г.И. Боровку. Особенно важное значение придавалось участию А.А. Миллера, донского уроженца, блестящего полевого археолога, знакомого не только с большинством донских ученых, но и спецификой раскопок в казачьем крае. РАИМК использовала ставшую традиционной еще при Императорской археологической комиссии форму научной командировки «с двойным дном». Формально – раскопки курганов в Черкасском округе, реально – сбор информации о положении ДАИ, крупнейших музеев и научных обществ Донской области.

А.А. Миллеру и Г.И. Боровке руководством РАИМК было предложено, помимо раскопок, «ознакомиться на месте с работой института и предоставить <...> доклад». Причем ДАИ, за счет собственного финансирования должен был провести следующие работы: 1) осмотр состояния Нижне-Гниловского, Недвиговского и Елизаветовского городищ; 2) сбор у местных жителей случайных находок; 3) осмотр предполагаемых к исследованию неолитических стоянок и сборы находок «не производя раскопок и разрушения поверхности», о чем необходимо было сообщить в РАИМК

(РО НА ИИМКРАН. Ф. 2. Оп. 1 – 1921. Д. 69. Л. 9). К пакету документов командированных ученых был приложен и более ранний негативный отзыв А.А. Миллера на план работ С.А. Локтюшева, который помимо всех прочих вышеописанных сомнительных положений показывал полное незнание автором даже местной географии (достаточно посмотреть на расположение станиц Гниловской и Нижне-Кундрюченской, одних из основных центров проведения работ).

Отсутствие прямого финансирования экспедиции ДАИ со стороны РАИМК, инспекторская роль петроградских ученых сыграли в последующих событиях важную роль. В составе преподавательского актива ДАИ был председатель КОПИСа Я.А. Яктонович-Назаренко. Дальнейшее не сложно предугадать. Отрицательный отзыв Академии на планы института прямо подрывал планы ДОНО, которому сложно было предъявлять какие-то реальные показатели собственных работ в области археологии, о чем ранее много писалось в местной печати.

Приехавшие в Новочеркасск А.А. Миллер и Г.И. Боровка представили оформленные по всем правилам Академии документы, в том числе и разрешение на раскопки от 5.05.1921 г. за № 724 в Черкасском округе Донской области. Директор Новочеркасского музея Н.М. Шерстюков, которому они были предъявлены, известил об этом центральные структуры в Ростове-на-Дону и 14.07.1921 г. уже Отдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины ДОНО письмом в РАИМК № 4289 запрашивал Академию о посланных на Дон сотрудниках, их поручениях и требовал «указать точные пункты и объекты намеченных изысканий для выдачи открытых листов». Собственно этим, реально, миссия на Дон сотрудников РАИМК с целью проведения раскопок и закончилась, учитывая значительную разницу в характере планирования работ.

Письмо директора Новочеркасского музея, а по совместительству и местного руководителя секции ДОНО было связано с тем, что эта организация уже отправляла в Мраморный дворец план своих археологических работ на 1921 г. При этом требовалось командировать на Дон ученых-археологов, снабдив их «всевозможными утвержден[ными] тарифными став[ками] особой оплаты труда и охранными свидетельствами на право производство таковых». Следовательно, на 1921 г. существовало минимум 3 плана проведения археологических работ, совершенно не учитывающих реальные условия.

Российская академия истории материальной культуры	Донской археологический институт	Новочеркасский Подотдел музеев и охраны памятников ДОНО
ПЛАН		
Памятники (курганы) в Черкасском округе	Неолитические поселения и мастерские по Дону. Раскопки 25 курганов.	Обследование городищ: Кобяковского, Семикаракорского; станиц Черкасской и Раздорской; места обнаружения Федуловского клада 1903 г. (ст. Богаевская).
ФАКТ		
Не проводились	Исследован 1 курган с 2 погребениями эпохи бронзы. Материалы опубликованы.	Не проводились

Военно-политическая обстановка в месте предполагаемых раскопок – Черкасском округе – не соответствовала научным планам. Здесь, в начале 1921 г., бойцами бригады Г.С. Маслакова (красного командира, поднявшего мятеж против советской власти) был уничтожен Новочеркасский продотряд, убиты сотрудники выездной сессии Донревтрибунала, расстреляны местные милиционеры и др. Советским специалистам – потомственному дворянину А.А. Миллеру и еврею по происхождению Г.И. Боровке пребывание в этих местах ничего хорошего не сулило, поэтому остается вопрос, выехали ли они вообще на место предполагаемых раскопок (Бойко, 2017. С. 16–24). Показательно, что период 1920–1922 гг. в истории Дона определяют как время «политического бандитизма», когда само проведение раскопок на значительном отдалении от городских центров было просто опасно для жизни. Пребывание и в Ростове-на-Дону пришлось А.А. Миллеру сократить до минимума. Донская ЧК вела тогда известное «Дело

князя К.Э. Ухтомского» (предполагалось существование военной контрреволюционной организации на Дону, готовившей вооруженное восстание против советской власти) и легко можно было вспомнить о некоторых страницах биографии А.А. Миллера, по образованию военного инженера. Возвращенный в 1905 г. из отставки и занятий археологией в Париже, он участвовал в подавлении революционных событий 1905–1907 гг., за что был награжден орденом св. Владимира 4 ст. с бантом и званием капитана.

Итог миссии Миллера и Боровки на Дон в 1921 г. был достаточно противоречивым. Собственных раскопок провести им не удалось. Помочь ДАИ они не могли даже самыми благожелательными рецензиями, а в его работах участия не приняли. С другой стороны, знание реального положения дел с охраной памятников древности на Дону и возможностей местных организаций стали подлинным «научным капиталом». Состояние конкретных памятников археологии требовало проведения оперативных раскопок в условиях начавшейся реконструкции народного хозяйства РСФСР. Объектами исследований могли стать те памятники, изучение которых прежде тормозилось сложными отношениями в вопросах собственности и подчинения объектов недвижимости различным ведомствам царской России. Это обстоятельство могло стать поворотным пунктом в стремлении А.А. Миллера реализовать на берегах Дона долговременный научный проект, который с 1923 г. претворялся в жизнь в виде Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК.

Сам А.А. Миллер теперь не был скован различными ограничениями, препятствовавшими ему ранее, еще с дореволюционных времен, в проведении раскопок на Дону⁷. Даже важнейший объект, исследованный А.А. Миллером на Дону – Кобяковское городище – представлял собой в известной степени «семейный объект»: первые раскопки его в начале XX в. (1901 г.) предпринял В.В. Богачёв, тогда еще студент естественного отделения физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета. К моменту при-

⁷ Раскопки в Танаисе (Недвиговском городище) были невозможны исключительно из-за проблем личных взаимоотношений семей Мартыновых и Миллеров. А раскопки Н.И. Веселовского, с которым у А.А. Миллера были далеко не дружеские отношения, окончательно поставили крест на возможности работ на территории Недвиговского городища. Другое дело – Елизаветовское городище. Здесь ситуация была прямо противоположной, учитывая брак его брата – М.А. Миллера с М.П. Дедусенко, приходившей из казачьего населения этой части дельты Дона.

езда А.А. Миллера в Новочеркасск он закончил работу в бывшем Донском, а теперь Новочеркасском (областном) музее природы, старины и искусства и вновь возвращался к научной карьере как профессор Азербайджанского университета в г. Баку. Как близкий родственник (шурин, женатый на родной сестре А.А. Миллера – Марии Александровне Миллер), он вполне мог передать археологам накопленные материалы по геологии и древней истории Дона, которые и сыграли значительную роль в подготовке и успешном проведении Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК.

Единственной организацией, которой удалось провести раскопки летом 1921 г., стал ДАИ. Материалы работ были достаточно оперативно опубликованы С.А. Локтюшевым (*Локтюшев*, 1928. С. 12–14), но следует обратить внимание на тот факт, что в научной публикации и полевой отчетной документации указываются различные варианты расположения раскопанного кургана по отношению к г. Ростову-на-Дону (*Бойко*, 2017. С. 16–24). То, что ДАИ удалось провести раскопки даже одного кургана, можно рассматривать как своего рода научный подвиг. Однако ему суждено было остаться единственным в своем роде, это событие не могло изменить общего хода событий в крае.

Следующий, 1922 год стал временем коренных изменений в области отношения к культуре и образованию, что проявилось в:

- реформировании гуманитарного образования в Донском университете и создания факультета общественных наук с фактическим исключением из сетки учебных программ исторических дисциплин;
- окончательном закрытии, несмотря на открытые протесты студентов, Донского археологического института;
- ликвидации Ростовского-на-Дону общества истории и древностей как достаточно «закрытой» структуры с четко определенными правилами членства, целями и задачами «старого краеведения».

Трагичной стала судьба и большинства донских музеев, поскольку к 1 января 1923 г. на Дону сохранилось только 2 действовавших музея: Донской областной музей в г. Ростове-на-Дону и Музей природы и старины в г. Новочеркасске (с филиалом в ст. Старочеркасской – древлехранилище им. С. Разина).

Создание на руинах разрушенных организаций нового научного общества – Донского общества археологии и истории искусств в августе 1922 г. – на время заполнило нишу в краеведческом движении

на Дону. Общество давало возможность делать доклады на темы археологии и древней истории ученым университета, позволяло хранить коллекции ликвидированного ДАИ и постепенно наращивало свои материальные активы, чтобы стать тем фундаментом, на котором выросло монументальное Северо-Кавказское краевое общество археологии, истории и этнографии, которое в 1925–1930 гг. было крупнейшей краеведческой организацией в Северо-Кавказском крае, столицей которого стал с 1925 г. Ростов-на-Дону.

Вторая половина 20-х гг. стала временем расцвета краеведческой периодической печати. Последовательно выходили издания крупнейших научных обществ, параллельно с ними и общекраевые издания: «Записки краевого Северо-Кавказского общества археологии, истории и этнографии» (1927–1929); «Бюллетень Северо-Кавказского бюро краеведения» (1926–1927); «Краеведение на Северном Кавказе» (1928–1929); «Северокавказский краевед» (1930).

Плодотворным было совместное проведение работ местных краеведов с Северо-Кавказской экспедицией РАИМК – ГАИМК, развернувшей в 1923–1928 гг. масштабные работы на Нижнем Дону. Их проведение временами осложнялось традиционными конфликтами между приезжими специалистами и местными работниками культуры: распределение рабочих мест и характер оплаты труда, система хранения находок и вывоз наиболее значимых находок в Петроград. Споры вызывали методика полевой работы и «выборочность» объектов для работы экспедиции А.А. Миллера.

Под руководством А.А. Миллера в дельте Дона проводились широкомасштабные разведки и разведочные раскопки на нижнедонских городищах (*Миллер*, 1925. С. 1–42; *Миллер*, 1926. С. 71–142; *Книтович*, 1934. С. 111–198). В своих работах А.А. Миллер использовал практически все доступные на тот момент факты и методы: историко-археологический с привлечением античной литературной традиции, сравнительно-картографический и гидрографический, заключавшийся в изучении рельефа района, нивелировке отдельных участков дельты и закладке специальных зондажей в местах предполагаемого прохождения древних русел реки для получения стратиграфических колонок. Трагическая гибель ученого⁸ помеша-

⁸ Репрессирован. Арестован в октябре 1933 г. и в конце 1934 г. сослан в г. Петропавловск в Казахстане, где работал в местном музее. Умер 14 января 1935 г. от кровоизлияния в мозг. Похоронен в Петропавловске. Реабилитирован в 1956 г. О нем см.: Родословная..., 1994.

ла завершить и опубликовать монографию об итогах широкома- штабных комплексных исследований протоков Дона, проведенных Северо-Кавказской экспедицией ГАИМК. Частично результаты ра- бот были опубликованы Т.Н. Книпович.

В итоге разведок, главной целью которых была рекогносци- ровка всей территории дельты Дона, «точное определение место- нахождения остатков древних поселений и характера их культу- ры» (Миллер, 1925. С. 1), была составлена карта поселений дельты Дона, сняты топографические планы Елизаветовского городища, а также Кобякова, Гниловского и Хапровского, глазомерные пла- ны Подазовского городища и Танаиса.

В 1920-е гг. на Кобяковом городище А.А. Миллер провел разве- дочные раскопки и подчистки слоев «для стратиграфического опи- сания памятника и зарисовки стратиграфии в красках». Во время полевых работ в качестве основной проблемы стоял вопрос высот- ных соотношений отдельных точек в раскопе. Раскоп был привя- зан к сетке метровых квадратов с высотными отметками относи- тельно уровня воды в Дону. Борты раскопа были вертикальными, точно вымеренными для наглядной стратификации памятника. Описание памятника выполнялось «по слоям» – этим термином Миллер обозначал пласты, которые явно отличались от соседних по цвету и составу. Методика комплексных полевых исследова- ний, разработанная А.А. Миллером, в своей основе используется до настоящего времени. На Кобяковом городище в 1924, 1925, 1926 и 1928 гг. в результате комплексных исследований были выделены слои и постройки доскифского, римского и средневекового време- ни, определены кости рыб и животных, происходившие из слоев, а также выполнен металлографический анализ шлаков, что позво- лило доказать существование местного металлургического произ- водства в «самое раннее время» (Миллер, 1926. С. 135).

Постепенное сворачивание работ на Дону и перенос центра работы Северо-Кавказской экспедиции на Тамань и Предкавказье создало принципиально новую ситуацию: на смену специалистам одной школы пришли другие ученые, представляющие совсем иные методологические позиции и традиции. Май 1928 г. стал временем непосредственного знакомства В.А. Городцова с донскими древно- стями и местными специалистами. Замечательные лекции имени- того ученого об археологических открытиях на Ближнем Востоке, контактах культур бронзового века Месопотамии и Кавказа вызва- ли неподдельный интерес у ростовчан. События тех лет подробно

отражены в дневниках самого В.А. Городцова и воспоминаниях его молодого тогда коллеги Б.В. Лунина. Знаковыми итогами встреч и знакомства донских краеведов стали не только совместные археологические экскурсии, но и коллективная фотография, запечатлевшая весь цвет донского краеведения тех лет (рис. 4).

1928 год стал переломным для краеведческого движения в стране. К этому времени Центральное бюро краеведения из подчинения Академии наук перешло в ведение Главнауки Наркомпроса, а краеведческие организации оказались под пристальным вниманием органов НКВД. В Циркуляре НКВД от 30.05.1928 г. за № 158 «О порядке утверждения научных, литературных и научно-художественных обществ, не преследующих целей извлечения прибылей» все губернские отделы Управления НКВД должны были требовать от учредителей этих обществ, чтобы представляемые ими на утверждение уставы организаций соответствовали «Нормальному уставу научных, литературных и научно-художественных обществ», утвержденному НКВД, НКП и НКЮ (Нормальный устав..., 1928). Всем зарегистрированным ранее обществам полагалось в трехмесячный срок переработать свои уставы применительно к указанному документу. «Нормальный устав...» предусматривал ежегодное предоставление списков членов общества в зарегистрировавший общество орган НКВД, сообщение о составе избранного Правления и обо всех происходящих в нем изменениях, а также закрытие общества по распоряжению правительства (Штавдакер, 2012. С. 188).

В конце января 1931 г. вышло постановление об аресте и привлечении к ответственности группы ростовских археологов и историков: И.П. Козловского, Е.А. Черноусова, А.М. Ладыженского, Б.В. Лунина, М.Б. Краснянского, А.Т. Стефанова, С.А. Вязигина, Л.А. Ширман. Их обвиняли в том, что, начиная с 1925 г., они систематически собирались в домашней обстановке и обсуждали в контрреволюционном духе мероприятия советской власти и партии, а также занимались контрреволюционной пропагандой. На допросах, осознав всю серьезность своего положения, начали активно сотрудничать со следствием Б.В. Лунин, С.А. Вязигин и Л.А. Ширман. Самый возрастной краевед – М.Б. Краснянский – давал показания сдержанно, был немногословен, в предъявленном обвинении (участии в нелегальной контрреволюционной группировке) виновным себя признал. «Группировка, участником которой я был, создавалась на почве научных целей, но так как все были

анти-марксистами, группировка разрешала все научные вопросы в анти-марксистском духе и, кроме того, участники ее вели контрреволюционные разговоры», «темами разговоров были: продовольственные затруднения, тяжелое положение с коллективизацией, тяжелое положение на фронте исторической науки ввиду перехода ее на рельсы марксизма, который для нас, стариков, был непонятен и труден и проч. в том же роде» (из протокола допроса обвиняемого М.Б. Краснянского (АФСБ РФ РО. Следственное дело № 23782. Л. 226).

Но история донской археологии тем и примечательна, что процесс развития археологических организаций пошел по иному пути, чем в других районах Европейской части СССР. Учитывая раскол в группе осужденных краеведов и сотрудничество со следствием их значительной части, наказания последовали крайне мягкие (в условиях того времени): «условный» арест, краткосрочная административная высылка и др. Тем не менее, при явно неблагоприятных условиях, сопровождавших весь этот период, практически все «молодые» краеведы получили возможность вернуться к работе в реформированных краеведческих организациях, музеях и вузах и возобновить археологическую деятельность с возможностью публикации результатов раскопок. Это обусловило существование еще нескольких микропериодов в развитии донской археологии вплоть до 1943 г. И каждому из них можно посвятить полноценное научное исследование.

Литература

- Берберова Н.Н.*, 2016. Курсив мой. Автобиография. М.: АСТ. 688 с.
- Бойко А.Л.*, 2014. О механизмах «советизации» музеев Дона (1920–1923) // Краеведческие записки. Вып. 11. Ростов н/Д: Альтаир. С. 234–240.
- Бойко А.Л.*, 2017. О нижней хронологической границе «советского» периода в истории донской археологии // Проблемы археологии Восточной Европы и Дальнего Востока. Материалы XII Международной археологической конференции студентов и аспирантов (Ростов-на-Дону, 26–29 ноября 2017 г.) / Ред. Е.В. Вдовченков (отв. ред.) и др. Ростов н/Д; Таганрог: ЮФУ. С. 16–24.
- Городцов В.А.*, 1940. Археологические изыскания на Дону и Кубани в 1930 г. (Предварительное сообщение) // Памятники древности на Дону. Материалы к описанию и изучению археологических памятников Подонья-Приазовья. Ростов-н/Д; Рост. кн. изд-во. С. 3–6.
- Книпович Т.Н.*, 1934. Опыт характеристики городища у станции Елизаветовской по находкам экспедиции Гос. Академии истории материальной культуры

- в 1928 г. // Известия ГАИМК. № 104 (Из истории Боспора). М.; Л.: ОГИЗ. С. 111–201.
- Лебедев Г.С.*, 1993. Опыт периодизации истории отечественной археологии // Проблемы истории отечественной археологии. Тезисы докладов научной конференции. СПбГУ, 11–13 декабря 1990 г. СПб.: СПбГУ. С. 2–4.
- Локтюшев С.А.*, 1928. Погребение бронзовой эпохи из кургана близ города Ростова-на-Дону // ЗСКОАИЭ. Т. III. Кн. I. Вып. 3–4. С. 12–14.
- Мельникова О.М.*, 2006. Историография археологии: в поиске новых смыслов? // Современные проблемы археологии России: Материалы Всероссийского археологического съезда (23–28 октября 2006 г., Новосибирск) / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 435–437.
- Миллер А.А.*, 1925. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции Академии в 1923 г. // Известия ГАИМК. Вып. IV. С. 1–42.
- Миллер А.А.*, 1926. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции Государственной Академии истории Материальной Культуры в 1924 и 1925 гг. // СГАИМК. Л. С. 71–124.
- Нормальный устав..., 1928. Нормальный устав научных, литературных и научно-художественных обществ, не преследующих целей привлечения прибыли и состоящих в ведении Главнауки Наркомпроса // Бюллетень НКВД. 1928. № 12 (15 июня).
- Павлова И.Н.*, 1993. Памяти Сергея Александровича Локтюшева // Древние культуры Подонцовья. Сборник научных трудов / Отв. ред. С.Н. Санжаров. Луганск: Ред.-изд. отдел облуправления по печати. Вып. 1. С. 7–27.
- Римская З.Н.*, 1999. Донской археологический институт // Донская археология. 1999. № 2. С. 69–76.
- Родословная Миллер, поместных дворян Войска Донского / Сост., ред. К. Антич. Мюнхен, 1994. 23 с.
- Трудовой Дон, 1922. 20 апреля. № 221. С. 2.
- Формозов А.А.*, 1994. О периодизации истории отечественной археологии // РА. 1994. № 4, С. 219–225.
- Штавдакер Л.А.*, 2012. Краеведческие учреждения и организации на Дону и в Приазовье (1920–30-е годы) // Донской временник. Год 2012-й. Краеведческий альманах. Вып. 20. С. 185–189.

М.Д. Бухарин, И.В. Тункина

**ПОСТОЯННАЯ ТУРКЕСТАНСКАЯ КОМИССИЯ РАИМК:
ПЕРВЫЙ ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ 8 ЯНВАРЯ 1921 ГОДА¹**

Резюме. В статье публикуется первый протокол заседания Постоянной Туркестанской комиссии Российской академии истории материальной культуры, который хранится в личном фонде С.Ф. Ольденбурга в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. В этой комиссии сосредоточилась работа Разряда археологии Средней Азии и Разряда мусульманской археологии РАИМК, главной задачей которой стала организация экспедиции совместно с Главным управлением музеев для изучения памятников мусульманской архитектуры в Самарканде и Бухаре.

Ключевые слова: РАИМК, Постоянная Туркестанская комиссия, С.Ф. Ольденбург, В.В. Бартольд, С.М. Дудин, первый протокол заседания.

Коренной слом старой институциональной структуры русской науки (Тункина, 2003. С. 637–659) после двух революций 1917 г. сопровождался постепенной ликвидацией старых и организацией новых научных учреждений, немалую роль в создании которых сыграли академики-востоковеды Российской академии наук.

Сразу после возвращения в Петроград из 2-й Русской Туркестанской экспедиции (1914–1915 гг.), прервавшейся в годы Первой мировой войны, академик С.Ф. Ольденбург² (рис. 1)

¹ Исследование М.Д. Бухарина проведено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-09-00213, исследование И.В. Тункиной проведено при финансовой поддержке грантов РФФИ № 18-09-00213 и № 18-09-40116.

² Ольденбург Сергей Федорович (1863–1934), востоковед-индолог, организатор науки, общественно-политический деятель; магистр санскритской словесности (1894); адъюнкт по Историко-филологическому отделению (литература и история азиатских народов) (1900), экстраординарный (1903), ординарный (1908) академик Имп. АН, неперменный секретарь Императорской/Российской/Всесоюзной АН (1904–1929), директор Азиатского музея (1916–1930) – Института востоковедения АН СССР (1930–1934). В 1909–1910 и 1914–1915 гг. руководил двумя Русскими Туркестанскими экспедициями, снаряженными РКИСВА (Бухарин, Попова, Тункина, 2018), материалы которых по большей части остались неопубликованными и только сегодня вводятся в научный оборот. См.: Восточный Туркестан, 2018а; 2018б; 2018в.

не оставляя надежды вернуться в Восточный Туркестан и продолжить незаконченные исследования, но его планам не суждено было сбыться из-за социально-политических потрясений, захлестнувших Россию. В тяжелейшие годы Гражданской войны Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и лингвистическом отношении (РКИСВА), который после смерти В.В. Радлова³ возглавил С.Ф. Ольденбург, 19 октября 1918 г. принял решение о продолжении своей археолого-этнографической экспедиции в Китайский Туркестан и 21 октября того же года запросил Восточный отдел Наркомата по иностранным делам РСФСР о выделении на эти цели средств (СПбФ АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 97. Л. 26, 79; *Назирова*, 1992. С. 62–63). Но инициатива РКИСВА в условиях Гражданской войны, иностранной военной интервенции и экономической разрухи не была поддержана. К 1921 г. РКИСВА, размещавшийся в Музее антропологии и этнографии РАН (Кунсткамере), фактически прекратил существование⁴, перенеся свою деятельность в Коллегию востоковедов и Российскую академию истории материальной культуры.

18 апреля 1919 г. на базе ликвидированной Российской государственной археологической комиссии (РГАК, бывшей Императорской археологической комиссии) решением Малого совета Совнаркома РСФСР была создана Российская академия истории материальной культуры (РАИМК). РАИМК стала главным археологическим учреждением страны, состоявшем в ведении Народного комиссариата просвещения РСФСР и работавшим в тесном контакте с Отделом по делам музеев и охране памятников искусства и старины с целью исследования, учета и охраны памятников древности, искусства и старины по всей стране, организации планомерных археологических исследований (разведок и раскопок), теоретической разработки вопросов археологии

³ Радлов (Radloff) Василий Васильевич (Фридрих Вильгельм) (1837–1918), востоковед-тюрколог, этнограф, музеевед; ординарный академик по истории и древностям азиатских народов Имп. АН (1884), директор Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН (1894–1918), председатель РКИСВА (1903–1918), председатель правления Общества изучения Сибири и улучшения ее быта (1908–1918), инициатор создания Этнографического отдела Русского музея императора Александра III.

⁴ После переподчинения Наркомпросу с марта 1919 г. деятельность РКИСВА едва теплилась. В условиях новой советской действительности комитет был окончательно ликвидирован в мае 1923 г. См.: *Назирова*, 1992. С. 31, 32.

и истории искусства, художественно-исторической оценки вновь открываемых памятников, издания научных трудов по археологии и истории искусств, сбора художественно-исторических памятников, происходящих из России, для содействия распространению знаний по археологии и научным исследованиям в этой области и пр. Председателем РАИМК был избран академик Н. Я. Марр⁵, в ее первый состав вошли академики В. В. Латышев⁶, С. Ф. Ольденбург, В. В. Бартольд⁷ и другие ученые — члены РАН, а также профессора Петроградского университета, бывшие члены РГАК, археологи, искусствоведы, музеологи, реставраторы, художники и др. (*Фармаковский*, 1921; *Пескарёва*, 1980).

В РАИМК было создано три отделения — Этнологическое, Археологическое и Истории искусств, состоявшие из нескольких разрядов, названия и число которых с 1919 по 1923 г. постоянно менялись. В со-

⁵ Марр Николай Яковлевич (1864–1934), востоковед-кавказовед, лингвист, археолог; адъюнкт по Историко-филологическому отделению (литература и история азиатских народов) (1909), экстраординарный (1912), ординарный (1912) академик Имп. АН. Профессор и декан (1919–1922) факультета общественных наук Петроградского университета. Председатель РГАК (1918–1919), РАИМК – ГАИМК (1919–1920, 1923–1934), заведующий Разрядом древних культур Кавказа и яфетического мира (с 1919). Создатель (1917) и директор (1922) Кавказского историко-археологического института РАН в Тифлисе, директор Яфетического института – Института языка и мышления АН СССР (1920–1934) и Государственной публичной библиотеки (1924–1930), председатель Бюро Коллегии востоковедов при Азиатском музее РАН (1921–1930). См.: *Востоковедение...*, 1923. С. 22; *Академическая археология...*, 2013. С. 365

⁶ Латышев Василий Васильевич (1855–1921), филолог-классик, историк античности, специалист по истории и эпиграфике античного Причерноморья, агиограф, директор Санкт-Петербургского историко-филологического института (1900–1918); секретарь Классического отделения РАО (1885–1890), председатель Петербургского общества классической филологии и педагогики (1896–1918), товарищ председателя ИАК (1900–1919), член Совета (с 1903), председатель (1918–1921) Имп. Православного Палестинского общества. См.: *Тункина*, 1999; 2019а; 2019б.

⁷ Бартольд Василий Владимирович (1869–1930), историк, филолог, тюрколог, арабист, иранист; академик Петербургской АН (1913), управляющий Восточным отделением РАО (1918–1923), секретарь РКИСВА (на 1918–1922 гг.), директор Музея антропологии и этнографии РАН (1918–1921), профессор Петроградского университета. В РАИМК – ГАИМК: заведующий Разрядом археологии Средней Азии и Разрядом мусульманской археологии (с 1919 г.), председатель Постоянной Туркестанской комиссии (с 1921 г.), товарищ председателя по ученой части (1921–1922), председатель II (Археологического) отделения, член Комиссии по раскопкам, заведующий Разрядом Центральной Азии (1929–1930). См.: *Наука...*, 1920. С. 90; *Востоковедение...*, 1923. С. 20; *Академическая археология...*, 2013. С. 331.

стве Археологического отделения действовали разряды: археологии Древнего Востока во главе с Б.А. Тураевым⁸, археологии Кавказа и яфетического мира, который возглавил Н.Я. Марр, археологии Ирана, Индии и Дальнего Востока под руководством С.Ф. Ольденбурга, археологии Средней Азии во главе с В.В. Бартольдом (*Алёшкин, 2013. С. 101*). К январю 1926 г. Археологическое отделение, председателем которого был академик В.В. Бартольд (рис. 2) включало Разряд археологии Индии и Дальнего Востока (заведующий С.Ф. Ольденбург, ученый сотрудник В.М. Алексеев⁹, научный сотрудник С.М. Дудин¹⁰), Разряд археологии Средней Азии (заведующий В.В. Бартольд, регистратор А.Ю. Якубовский¹¹), Разряд «археологии и искусства мусульманского» (заведующий Ф.А. Розенберг¹²,

⁸ Тураев Борис Александрович (1868–1920), востоковед-египтолог, коптолог, специалист по агнографии; академик РАН (1918), действительный член РАИМК (1919–1920), ординарный профессор историко-филологического факультета Петроградского университета (1911–1920), лектор Богословского института.

⁹ Алексеев Василий Михайлович (1881–1951), филолог-китаевед, коллекционер китайских лубочных картин; член-корреспондент РАН (1923), академик АН СССР (1929). С 1918 г. старший ученый хранитель Китайского отдела Азиатского музея РАН, доцент (1917–1918), профессор (с 1918) кафедры китайской словесности факультета общественных наук Петроградского университета, профессор ЛГИЛИ – Географического института, ЛВИ, РИИИ; действительный член Коллегии востоковедов (с 1921 г.) и Института по изучению литератур и языков Запада и Востока.

¹⁰ Дудин Самуил Мартынович (1863–1929), художник, фотограф, археолог, этнограф, спутник С.Ф. Ольденбурга по двум Туркестанским экспедициям (1909–1910, 1914), штатный фотограф (на 1918 г.), заведующий Отделом изображений (на 1926 г.), заведующий Отделом (ученый хранитель) туркестанских древностей (на 1918–1926 гг.) и секретарь Совета (на 1926 г.) Музея антропологии и этнографии РАН/АН СССР, преподаватель Географического института (на 1923 г.), старший ассистент кафедры рисования и фотографии, заведующий кабинетом фотографии Географического факультета ЛГУ (на 1926 г.), заведующий библиотекой Общества им. А.И. Куинджи (на 1926 г.). О нем см.: Наука..., 1920. С. 4; Наука..., 1923. С. 39; Востоковедение..., 1923. С. 62; Наука..., 1926. С. 16–17, 88, 151–152, 263; *Прищепова, 2011. С. 608–649*.

¹¹ Якубовский Александр Юрьевич (1886–1953), археолог, историк-востоковед; член-корреспондент АН СССР (1943), действительный член АН Таджикской ССР (выпускник историко-филологического (1913) и факультета восточных языков (1924) Санкт-Петербургского-Петроградского университета, ученик В.В. Бартольда, аспирант РАИМК (1925). См.: *Академическая археология...*, 2013. С. 400.

¹² Розенберг Фёдор (Фридрих, Фридрих-Август-Герман) Александрович (1867–1934), иранист; член-корреспондент АН СССР по Отделению исторических наук и филологии по разряду лингвистики (востоковедение, иранистика) (1923), старший хранитель Азиатского музея РАН – Института востоковедения АН СССР (1912–1931), Ученый сотрудник РАИМК (с 1919 г.) систематизировал и каталогизировал архивные и книжные фонды музея, опубликовал большое количество согдийских рукописей.

регистратор В.А. Эberman¹³) (Наука..., 1926. С. 88). Разряд буддийской археологии, которым руководил С.Ф. Ольденбург, и Разряд мусульманской археологии во главе с В.В. Бартольд, упоминавшиеся в документах РАИМК в 1919–1920 гг., к этому времени были ликвидированы.

С.Ф. Ольденбург как руководитель Разряда буддийской археологии в 1920 г. задумал провести разведки в Средней Азии для поиска буддийских древностей «в недрах земли Русского Туркестана». Из-за недостаточного финансирования РАИМК, поступавшего с постоянными перебоями, руководство Академии в обращениях к властям неизменно подчеркивало, что необходима организация научной работы по соответствующим специальностям, независимо от территориальной или иной близости подлежащего изучению материала, имея в виду не только территорию РСФСР, но и сопредельные республики и страны (*Алёшкин*, 2013. С. 101–104).

В начале 1921 г. В.В. Бартольд и С.Ф. Ольденбург организовали в РАИМК Постоянную Туркестанскую комиссию, деятельность которой практически не привлекала внимание специалистов. Известный историк востоковедения Б.В. Лунин ошибочно относил начало ее деятельности к апрелю того же года: «В 1921 г. в Петрограде была образована постоянная Туркестанская комиссия РАИМК в составе В.В. Бартольда, С.Ф. Ольденбурга, К.К. Романова¹⁴, Н.Б. Бакланова¹⁵,

¹³ Эberman Василий Александрович (1899–1937), востоковед-арабист, выпускник факультета общественных наук Петроградского университета (1921), научный сотрудник РАИМК, Азиатского музея (1919–1930), Института литератур и языков Запада и Востока (1925), преподаватель ЛГУ (1924–1929). Репрессирован в 1937 г.

¹⁴ Романов Константин Константинович (1882–1942), архитектор, реставратор, историк древнерусской архитектуры, этнограф, археолог, хранитель Этнографического отдела Русского музея императора Александра III (1911–1921), профессор кафедры истории русского искусства в Высшем художественном училище Имп. Академии художеств (1914–1918), профессор Петроградского университета – ЛГУ (1922–1928), член Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Наркомпросе при Всероссийском музейном отделе (с 1918), преобразованном в Реставрационные мастерские (1922). В РАИМК – ГАИМК: действительный член (1919), заведующий Разрядом древнерусского зодчества (с 1919 г.), товарищ председателя Комиссии по учету и охране палеоэтнологических памятников.

¹⁵ Бакланов Николай Борисович (1881–1959), художник, архитектор, профессор Института гражданских инженеров (1918), Института живописи, скульптуры и архитектуры Всероссийской Академии художеств (1932), действительный член РАИМК (1919) и ученый секретарь Московской секции (1919), член Секции общей архитектуры РАИМК (на 1926 г.). См.: Наука..., 1923. С. 7; Наука..., 1926. С. 89, 91; *Пескарёва*, 1980. С. 29; Академическая археология..., 2013. С. 330.

А.П. Удаленкова¹⁶, С.М. Дудина. С 10 апреля 1921 по 9 марта 1924 г. состоялся ряд заседаний этой комиссии. Рукописные подписные экземпляры протоколов хранятся в бартольдском архиве» (Лунин, 1981. С. 138–139, прим. 1). Б.В. Лунин, видимо, не подозревал, что самый первый протокол от 8 января 1921 г. сохранился среди бумаг личного фонда С.Ф. Ольденбурга, последующие протоколы за 1921–1924 гг. находятся в личном фонде В.В. Бартольда в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 444). Эти документы требуют полной комментированной публикации.

Протокол первого заседания Постоянной Туркестанской комиссии РАИМК интересен не только как источник по истории первых лет деятельности РАИМК, но и для реконструкции научной биографии С.Ф. Ольденбурга. Как следует из документа, ученый и в начале 1921 г., по прошествии шести лет после внезапного завершения Второй Русской Туркестанской экспедиции из-за Первой мировой войны, не оставлял надежды снова отправиться в Дуньхуан и продолжить там работу, не завершенную им в 1915 г.

Толчком к созданию Постоянной Туркестанской комиссии РАИМК, безусловно, послужили результаты успешной командировки В.В. Бартольда в 1920 г. в Среднюю Азию. Еще при Временном правительстве, в сентябре 1917 г. В.В. Бартольд как член Комиссии РАН по охране «важных в археологическом и историческом отношении земельных участков» в связи с подготовкой земельной реформы подчеркнул плачевное состояние памятников Русского Туркестана из-за отсутствия в стране полноценного законодательства об охране памятников. Член-корреспондент Императорской АН и действительный член Археологической комиссии Н.И. Веселовский (1848–1918) главными причинами разграбления древностей в Российской империи справедливо считал отсутствие надлежащего законодательства об охране памятников и существующее право собственников земли на археологические находки. В 1906–1907 гг. он предлагал объявить исторические древ-

¹⁶ Удаленков Александр Петрович (1887–1975), архитектор, историк архитектуры, реставратор, специалист по восточному искусству. В РАИМК (1919–1929): действительный член (1919), председатель Комиссии по учету и охране палеоэтнологических памятников, заведующий Реставрационной мастерской и Секцией общей архитектуры (на 1926 г.), член Совета Общества «Старый Петербург – Новый Ленинград» (1921–1926). См.: Наука..., 1926. С. 89, 262; Пескарёва, 1980. С. 29; Академическая археология..., 2013. С. 391.

ности государственной собственностью и возложить функции охраны памятников не на Археологическую комиссию, не имевшую для этого ни юридических полномочий, ни штата, ни средств, а на разветвленную структуру Министерства внутренних дел, полагая, что обладая «изумительным археологическим наследством», Россия его губит «самым возмутительным образом» (Тункина, 2010. С. 82). Вот фрагмент текста записки В.В. Бартольда, представленной в Министерство земледелия Временного правительства, где названы основные археологические памятники региона, на которых было акцентировано внимание членов Туркестанской комиссии РАИМК.

«На Туркестанский край, по сообщению Временного правительства, не предполагается распространить закон о передаче всей земли трудящемуся народу; тем не менее и в Туркестане необходимо принять меры для охраны участков земли, представляющих археологическую и историческую ценность. Необходимо позаботиться о том, чтобы политические перемены не отразились на судьбе тех памятников прошлого, охрана которых была признана необходимой при прежнем строе после ряда ходатайств со стороны ученых учреждений. Едва ли не самый ценный из таких памятников — городище Афрасиаб к северу от Самарканда. Как показали раскопки, городище соответствует домусульманскому Самарканду, окончательно покинутому только после монгольского нашествия 1220 г. Самарканд был если не всегда политическим, то экономическим и культурным центром жизни всего края как в домусульманское время, так и в средние века. Археологические изыскания на месте такого города представляли исключительный интерес и облегчались тем, что площадь городища после XIII в. была лишена орошения и не имела хозяйственной ценности; для науки была потеряна только южная часть Афрасиаба, еще до русского завоевания занятая кладбищами, мусульманским и еврейским. При русском владычестве интересы науки потерпели дальнейший ущерб; кладбище беспрепятственно подвигалось к северу внутри городища; в северной части Афрасиаба частный предприниматель получил возможность устроить мельницу и сад. Несколько раз потребовалось вмешательство ученых учреждений, чтобы спасти для науки, что было возможно. В 1883 г. по ходатайству Императорской археологической комиссии были приостановлены хищнические раскопки, производившиеся по распоряжению генерал-губернатора Черняева. В 1904 г. протестом Русского

комитета для Средней и Восточной Азии был остановлен проект обращения городища в свалочное место. В 1914 г. тем же комитетом было выяснено, что кладбищем занята уже четвертая часть городища и что остальная часть теперь распахивается туземцами, тогда как прежде на Афрасиабе земледелия не было. По ходатайству того же комитета в 1916 г. было постановлено обнести стеной кладбище, чтобы приостановить его расширение, и остальную часть городища оградить от захватов и самовольных раскопок, для чего нанять сторожа с назначением ему содержания из сумм генерал-губернатора. Необходимо принять меры к тому, чтобы достигнутое с таким трудом при прежнем строе не было уничтожено при новом.

Афрасиаб представляет самый яркий, но далеко не единственный в Туркестане пример земельной площади, требующей охраны от захватов ради интересов исторической науки. Помимо значительного числа городищ на всем пространстве Туркестана, сюда относится, например, несторианское кладбище близ города Пишпека в Семиреченской области, охранявшееся в конце восьмидесятых и начале девяностых [так в подлиннике. – *М.Б., И.Т.*] годов; о дальнейшей судьбе его сведений не имеется. Необходимо объявить все такие площади государственной собственностью и поручить охрану их хотя бы местным научным организациям, подобно тому, как охрана площади города Болгара на Волге поручена Обществу археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Насколько возможно, необходимо распространить то же самое на курганы, земля которых, отдохавшая в течение многих столетий, считается превосходным удобрением и потому свозится на пашни. Это касается не только курганов-могильников, но и так называемых жилых курганов, остатков укрепленных жилищ местной земельной аристократии домусульманского периода и первых веков ислама» (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 – 1917. Д. 239. Л. 445–445 об.; *Дьяконов, Латышев, Ростовцев, Марр, Бартольд*, 1917. С. 1229–1230). Однако инициатива академиков, стремившихся сделать заповедными охраняемыми зонами важнейшие историко-археологические объекты на территории России, при Временном правительстве так и не была реализована (*Тункина*, 2017. С. 79–82).

В 1919–1920 гг. В.В. Бартольд планировал раскопки в Мерве, на городище Афрасиаб близ Самарканда и в окрестностях Хивы. Разведочная поездка академика в Среднюю Азию состоялась в 1920 г. и в условиях чудовищной инфляции времен Гражданской войны обо-

шласть РАИМК в астрономическую сумму — 250 тыс. руб. В сентябре 1920 г. В.В. Бартольд вместе с А.Э. Шмидтом¹⁷, Е.К. Бетгером¹⁸, В.Л. Вяткиным¹⁹ совершил поездку в Бухару для осмотра памятников старины и принятия мер для их охраны. Организационным результатом поездки В.В. Бартольда стало создание в ноябре 1920 г. Туркестанского комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы (Туркомстарис), в состав которого с 1922 г. вошел представитель РАИМК А.А. Семёнов²⁰. Вернувшись из командировки, академик Бартольд доложил руководству РАИМК, что организация археологической экспедиции возможна только при условии открытия сообщения Петрограда с Туркестаном (Алёкишин, 2013. С. 104). Уже в июне 1921 г. экспедиция РАИМК, возглавляемая А.П. Удаленковым, на средства Академии

¹⁷ Шмидт Александр Эдуардович (1871–1939), арабист, исламовед; член-корреспондент АН СССР (1926). С 1920 г. жил в Ташкенте, профессор Ташкентского восточного института, профессор (с 1920 г.), декан Историко-филологического факультета (1920–1921), заместитель декана (1924–1925), декан (1925–1931) Восточного факультета Среднеазиатского государственного университета, заместитель председателя Ученого совета при Наркомпросе Туркестанской АССР, член Научной комиссии по изучению быта коренного населения Туркестанского края при СНК Туркестанской АССР (1920–1921).

¹⁸ Бетгер Евгений Карлович (1887–1956), историк-востоковед, арабист, библиоковед, библиограф, переводчик, выпускник историко-филологического факультета Университета Св. Владимира в Киеве (1914) и восточного факультета Среднеазиатского университета (1924), ученик А.Э. Шмидта, член Комиссии по реорганизации Туркестанской публичной библиотеки (с 1918 г.), директор Ташкентской государственной библиотеки (1922–1929).

¹⁹ Вяткин Василий Лаврентьевич (1869–1932), историк-востоковед, археолог, собиратель и комментатор восточных рукописей, член, библиотечарь и директор музея (с 1896) Самаркандского статистического комитета. Вяткин обнаружил и провел первые раскопки обсерватории Улугбека близ Самарканда (1908–1909, 1914), исследовал городище Афрасиаб, с 1903 г. – штатный смотритель памятников Самарканда.

²⁰ Семёнов Александр Александрович (1873–1958), филолог, историк, востоковед, специалист по иранской филологии, персидской духовной и материальной культуре, исмаилизму; член-корреспондент АН УзССР (1943), действительный член АН ТаджССР (1951). Выпускник Лазаревского института восточных языков (1900), переведен в Ташкент из Ашхабада летом 1906 г. для работы в канцелярии Туркестанского генерал-губернатора Н.Н. Продекова, с 1906 г. член Наблюдательного комитета за ведением дел Туркестанской публичной библиотеки и музея, преподаватель (с 1919 г.), профессор Среднеазиатского государственного университета в Ташкенте, научный сотрудник РАИМК, действительный член Туркестанского отделения РГО, член Общества для изучения Таджикистана. См.: Наука..., 1928. С. 372; Васильков, Сорокина, 2003. С. 345–346.

провела обмеры в медресе Улугбека и мавзолее Шах-и-зинда в Самарканде «с производством чертежей, планов и рисунков», причем собственно археологические раскопки планом работ не предусматривались. Именно в Туркестанской комиссии сосредоточилась работа Разряда археологии Средней Азии и Разряда мусульманской археологии РАИМК. Главной задачей комиссии стала организация экспедиции в Туркестан совместно с Главным управлением музеев для изучения памятников мусульманской архитектуры в Самарканде и Бухаре (Алёшкин, 2013. С. 104, сн. 12).

Текст первого протокола заседания Постоянной Туркестанской комиссии РАИМК написан ее секретарем С.М. Дудиным черными чернилами, выцветшими от времени. Документ публикуется согласно «Правилам издания исторических документов» (1990) по современной орфографии, с сохранением некоторых стилистических особенностей оригинала. Топонимы и ононимы переданы так же, как в документе. Сокращенные слова восстанавливались без оговорок в случаях, не имеющих другого толкования. Пропущенные и восстановленные по смыслу слова и цифры заключены в угловые скобки.

Первое заседание Постоянной Туркестанской комиссии 8 января 1921 г.

Присутствовали: В.В. Бартольд, С.Ф. Ольденбург, Н.Б. Бакланов, С.М. Дудин.

Не присутствовал К.К. Романов.

<1.> По открытии заседания С.Ф. Ольденбург предложил заняться сконструированием комиссии, для чего избрать председателя и секретаря, причем от имени присутствующих предложил избрать председателем В.В. Бартольда, а работу секретаря С.М. Дудин.

Принято единогласно.

В.В. вступил в исполнение своих обязанностей председателя комиссии.

<2.> С.Ф. Ольденбург ввиду необходимости пополнения состава комиссии, который будет нарушаться отъездами Н.Б. Бакланова, <предложил> дополнить ее приглашением архитектора Удаленкова.

Предложение принято.

<3.> Председатель В.В. Бартольд наметил ближайшую очередную работу, которая должна взять на себя комиссия для упорядочения работ по охране, изучению и реставрации исторических памятников

Туркестана, предпринятых местным отделом. Такой работой покамест должна быть – ознакомление отдела с теми материалами по регистрации, описанию и обмерам, которые были в свое время исполнены для упомянутых памятников, главным образом, г. Самарканда и хранятся в различных ученых учреждениях г. Петрограда. Для этого необходимо немедленно приступить к регистрации упомянутых материалов, так как иной прием — в виде копий разного рода за отсутствием необходимых принадлежностей и дороговизны работы сейчас совершенно почти невозможен. Регистрацию необходимо поручить какому-нибудь сведущему лицу.

Предложение принято.

4. С.Ф. Ольденбург предложил в качестве регистратора пригласить мусульманиста Эбермана.

Предложение принято.

5. Н.Б. Баклановым поставлен на обсуждение вопрос о снаряжении экспедиции в Самарканд для обследования местных исторических памятников и других ввиду того, что отделом также организуется экспедиция, которая имеет <цель> преследовать те же задачи. Отстаивая необходимость экспедиции, Н.Б. Бакланов объяснил, что местные работники не скрывают того, что среди них ощущается недостаток архитекторов, и они охотно станут работать в контакте с работниками из центра. Присутствие последних может оказать самое серьезное влияние на характер работы местных сил, удерживая их в пределах разумной, определяемой обстоятельствами данного времени реставрации и направляя определенным образом и все остальные работы. Отрицая, безусловно, перекладку и другие ответственные работы, Н.Б. Бакланов допускает только временное (рассчитанное на 5–6 лет) укрепление частей зданий, грозящих падением, временные легкие перекрытия и т.п. Отделом, по сообщению Н.Б., все подлежащие обследованию памятники Туркестана разбиты на четыре группы по степени их важности для скорейшей обработки, а именно:

1-я группа: Биби-ханым²¹, Мирза Улуг-бек²², Гур-эмир²³,

²¹ Мечеть Тамерлана Биби-ханым (узб. «старшая принцесса»), построена в 1399–1404 гг. в Самарканде, выдающийся памятник архитектуры.

²² Имеется в виду медресе выдающегося ученого-астронома, математика, политического деятеля, поэта (1394–1449) в Самарканде (построено ок. 1420 г.).

²³ Гур-Эмир (перс. «гробница эмира») – усыпальница Тамерлана (Амира Тимура) в Самарканде (построена в 1404 г.).

Тилиа-кори²⁴, Шир-дор²⁵ и Шах-зинде²⁶.

2-я группа: Хаджи-ахрор²⁷, Намазга²⁸, Ишрот-хана²⁹, Хаджи-абду-дару³⁰ и Чупан-ата³¹, обсерватория Мирзы Улут-бека³², Ак-сарай³³ и усыпальница Шейбанидов³⁴.

3-я группа: памятники Бухарского ханства³⁵ и

4-я группа: памятники Старого Мерва³⁶ и Анау³⁷.

Прежде чем решать, за что должно приняться экспедиции, нужно войти в сношения с отделом и установить план работ

²⁴ Тилиа-кори (узб. «позолоченное» (медресе)) – выдающийся памятник среднеазиатской архитектуры, построенный в Самарканде к 1660 г.

²⁵ Шердор (перс. «(медресе) со львами») – выдающийся памятник среднеазиатской архитектуры (построен в Самарканде в 1636 г.); вместе с Тилиа-кори и медресе Улутбека образует единый архитектурный ансамбль.

²⁶ Шахи-зинда (перс. «живой шах») – комплекс из 11 мавзолеев караханидов и тимуридов в Самарканде; возведен в XIV–XV вв.

²⁷ Хаджи-ахрор – ансамбль зданий культового и духовно-просветительского назначения к югу от Самарканда; сложился в XV–XX вв. Ансамбль назван по имени Насыр-ад-дин Убайдуллаха ибн Махмуд Шаши, известного как Ходжа Ахрор (1404–1489) – крупного политического и религиозного деятеля Мавераннахра.

²⁸ Намазга-тепе – важнейший памятник энеолита Средней Азии (V–II тыс. до н.э.); расположен в 80 км от Ашхабада.

²⁹ Ишрот-хана (Ашрат-хана) – некрополь, предположительно, предназначенный для представительниц рода тимуридов; возведен в Самарканде в 1451–1469 г.

³⁰ Абди-Дарун (Абду-Дарун) – комплекс зданий мемориального и духовно-просветительского назначения на Старом кладбище Самарканда, возведенных в XII–XX вв. у могилы известного исламского правоведа IX в. Абд-аль-Мазеддина.

³¹ Чупан-ата – возвышенность к северо-востоку от Самарканда с мазаром XV в., место постройки обсерватории Улут-бека в 1424–1428 г.

³² Имеется в виду обсерватория Мирзы Улут-бека, возведена в 1428 г. в Самарканде.

³³ Ак-сарай (узб. «Белый дворец») – резиденция Тимура в Шахрисабзе; построена в 1404 г.

³⁴ Шейбаниды – узбекская династия правителей в Бухарском ханстве с центром в Самарканде и Бухаре (XVI в.); имеется в виду медресе Шейбани-хана (1451–1510) – основателя династии, расположенное в Самарканде.

³⁵ Вероятно, имеются многочисленные памятники Бухары, из которых выделяются постройки домонгольского периода – мавзолей саманидов и молитвенная площадка Намазгох (IX в.), минарет Калян (1127 г.), а также мечеть Магоки-Аттари (XII–XVI вв.).

³⁶ Старый Мерв – древнейшее городское поселение Средней Азии в 30 км от современного г. Мары (Турменистан); история Старого Мерва прослеживается вплоть до конца III тыс. до н.э.

³⁷ Пригород современного Ашхабада (Туркменистан), богатый памятниками древности, начиная с V тыс. до н.э.

по соглашению с ним. Отдел от экспедиции получит, разумеется, все копии, а оригиналы будут представлены в распоряжение Российской академии истории материальной культуры. На замечание В.В. Бартольда, что копии сейчас очень нелегко сделать, Н.Б. отвечает, что их можно заменить временно фотографическими снимками, что и сейчас больших затруднений не составит. За посылку экспедиции говорит еще то обстоятельство, что она сможет прекратить ту слегка грабительскую тенденцию, которая имела место для всех почти местных экспедиций (выемка изразцов, случайные раскопки с целью находок и т.п.), что также будет весьма существенно в смысле охраны памятников.

По обмену мнений постановлено: экспедицию отправить. Что же касается характера ее работ, то, в первую очередь, необходимо закончить все начатые, но не законченные в свое время работы по обмерам, а затем только приступить к обмерам остальных памятников, принимая в соображение степень их разрушения и художественную и историческую ценность.

6. По вопросу о необходимости иметь в отделе представителя от Академии материальной культуры постановлено по обмену мнениями: представительство возложить на профессора Семенова (научный сотрудник Академии материальной культуры), о чем его и уведомить.

7. По вопросу о раскопках по обмену мнений постановлено: от раскопок городища Афрасиаб воздержаться. Что касается чисто архитектурных раскопок в целях уяснения плана зданий и тому подобных, то таковые производить, соблюдая при этом все предосторожности в целях ненарушения целостности зданий.

8. Н.Б. Бакланов доводит до сведения комиссии, что отдел, предприняв ряд работ по реставрации памятников в Самарканде, не считает, по-видимому, необходимым испрашивать на этот счет указаний и санкции Академии материальной культуры.

По обмену мнений постановлено:
Настаивать на применении Устава.

Обе экспедиции — отдела и Академии материальной культуры организовать под фирмой Академии истории материальной культуры и отдела.

9. По вопросу о дальнейших работах по организации экспедиции, определения деталей плана работ и т.п.

Постановлено: поручить это Н.Б. Бакланову.

10. Н.Б. Бакланов просит о содействии комиссии по выявле-

нию материалов по обмерам и т.п. мечети Биби-ханым, медресе Мирза Улуг-бек, мавзолея Гур-эмир и мавзолея Шах-зинда.

Постановлено: оказать просимое содействие.

11. С.Ф. Ольденбург вносит предложение выяснить ту территорию, которая должна войти в компетенцию комиссии. По его мнению, она должна быть расширена, в ее границы должен, например, войти Китайский Туркестан. Подробные указания по этому С.Ф. отлагает до следующего заседания комиссии.

Постановлено: принять к сведению.

Председатель³⁸

Секретарь С. Дудин.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 192. Л. 80–82. Автограф С.М. Дудина.

Литература

- Академическая археология..., 2013. Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.) / Отв. ред.-сост. Е.Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин. 416 с.
- Алёшкин В.А., 2013. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). Глава 4 / Отв. ред.-сост. Е.Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 100–159.
- Бухарин М.Д., Попова И.Ф., Тункина И.В., 2018. Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX – первой трети XX века / Под общ. ред. М.Д. Бухарина. В 3-х т. Т. 2: Географические, археологические и исторические исследования (Архивы Российской Академии наук и Национальной академии наук Кыргызской Республики). М.: Памятники исторической мысли. С. 9–35.
- Васильков Я.В., Сорокина М.Ю., 2003. Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991). СПб.: Петербургское востоковедение. 496 с.
- Востоковедение..., 1923. Востоковедение в Петрограде. 1918–1922. Памятка Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской академии наук / Сост. Вл. Котвич. Пг.: Российская государственная академическая типография. 90 с.
- Восточный Туркестан, 2018а. Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX – первой трети XX века. Под общей редакцией М.Д. Бухарина. В 3-х т. Т. 1: Эпистолярное наследие. М.: Памятники исторической мысли. 702 с.
- Восточный Туркестан..., 2018б. Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX – первой трети XX века. Под общей редакцией М.Д. Бухарина. В 3-х т. Т. 2: Географические, археологические и исторические исследования (Архивы Российской академии наук и Национальной академии наук Кыргызской Республики). М.: Памятники исторической мысли. 706 с.

³⁸ Подпись отсутствует.

- Восточный Туркестан..., 2018в. Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX – первой трети XX века. Под общей редакцией М.Д. Бухарина. В 3-х т. Т. 3: Первая Русская Туркестанская экспедиция 1909–1910 гг. академика С.Ф. Ольденбурга: Фотоархив из собрания Института восточных рукописей Российской академии наук. М.: Памятники исторической мысли. 527 с.
- Дьяконов М.А., Латышев В.В., Ростовцев М.И., Марр Н.Я., Бартольд В.В.*, 1917. Об охране земельных участков с памятниками историческими и археологическими // Известия РАН. Т. 11. № 15. С. 1221–1230.
- Лунин Б.В.*, 1981. Жизнь и деятельность академика В.В. Бартольда: Средняя Азия в отечественном востоковедении. Ташкент: Фан. 223 с.
- Назирова Н.Н.*, 1992. Центральная Азия в дореволюционном отечественном востоковедении. М.: Наука, изд. фирма «Восточная литература». 195 с.
- Наука..., 1920. Наука в России. Справочный ежегодник. Данные к 1 января 1918 г. Издан Российской академией наук и редакцией журнала «Природа» при содействии Книжной палаты / Под наблюдением неперменного секретаря РАН академика С.Ф. Ольденбурга. Вып. 1: Петроград. СПб.: Российская государственная академическая типография. 146 с.
- Наука..., 1923. Наука в России. Научные работники Петрограда. Справочник. Данные к началу 1922 года. Составлен Комиссией «Наука в России» при Российской академии наук. Под наблюдением неперменного секретаря РАН академика С.Ф. Ольденбурга. М.-Пг.: Государственное издательство. 168 с.
- Наука..., 1926. Наука и научные работники СССР. Справочник, составленный Комиссией «Наука и научные работники СССР» под наблюдением и непосредственным руководством неперменного секретаря Академии наук академика С.Ф. Ольденбурга и председателя комиссии академика Е.Ф. Карского. Ч. II: Научные учреждения Ленинграда. Л.: АН СССР. 407 с.
- Наука..., 1928. Наука и научные работники СССР. Справочник, составляемый Комиссией «Научные учреждения и научные работники СССР» под наблюдением и непосредственным руководством неперменного секретаря Академии наук академика С.Ф. Ольденбурга и председателя комиссии академика Е.Ф. Карского. Ч. VI: Научные работники СССР без Москвы и Ленинграда. Л.: АН СССР. 810 с.
- Пескарёва К.М.*, 1980. К истории создания Российской академии истории материальной культуры // КСИА. Вып. 163. С. 26–32.
- Прищепова В.А.*, 2011. К 150-летию со дня рождения С.М. Дудина — художника, этнографа (по материалам МАЭ РАН). [Электронный ресурс]. Режим доступа http://www.intelros.ru/pdf/Antropo_Forum_online/2011_15/prischepova2.pdf.
- Тункина И.В.*, 1999. В.В. Латышев: Жизнь и ученые труды (по материалам рукописного наследия) // Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга / Под ред. И.П. Медведева. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 172–288.
- Тункина И.В.*, 2003. К истории сборника «Русская наука» // Комиссия по истории знаний: 1921–1932 гг. Из истории организации историко-научных исследований в Академии наук. Сб. док-тов / Сост. В.М. Орел, Г.И. Смагина. СПб.: Наука. С. 637–659.
- Тункина И.В.*, 2010. История изучения // Античное наследие Кубани: В 3-х т. / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина, В.Д. Кузнецова. М.: Наука. Т. 1. С. 23–107.

- Тункина И.В.*, 2017. Нереализованные проекты 1917 г. Российской академии наук в области охраны памятников истории и культуры // 1917 год: российская археология на переломе эпох. Материалы Международной научной конференции / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: ИА РАН. С. 79–82.
- Тункина И.В.*, 2019а. В.В. Латышев: нереализованные проекты 1917–1921 годов // У истоков советской археологии: Организации и учреждения археологического профиля в новых реалиях. Материалы Международной научной конференции 26–27 февраля 2019 г. / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: ИА РАН. С. 52–53.
- Тункина И.В.*, 2019б. «Беззаветный труженик науки» (Б.В. Фармаковский. Незданный некролог академика В.В. Латышева) // *Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology*. № 4. С. 371–387.
- Фармаковский Б.В.*, 1921. К истории учреждения Российской академии истории материальной культуры. Пг.: б/и. 11 с.

Е.Н. Жукова

АРХЕОЛОГИЯ В ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ В 20-е ГОДЫ XX ВЕКА

Резюме. Статья посвящена вопросам изучения и охраны археологических памятников в Тверской губернии в 20-х гг. XX в. Основную роль в этом процессе играли краеведческие организации. Благодаря их деятельности проводились полевые исследования, публиковались научные работы. Лидерами краеведческого движения в Твери 20-х гг. стали сотрудники двух государственных учреждений: губернского музея и педагогического института (И.А. Виноградов, А.Н. Вершинский). Взаимодействие с ведущими научными центрами Москвы и Ленинграда осуществлялось в виде координации действий и методической поддержки археологов-краеведов в полевых исследованиях.

Ключевые слова: Археологическое краеведение, охрана памятников, Тверской пединститут, Тверской музей, А.А. Спицын, Общество изучения Тверского края.

Первое десятилетие советской власти на территории Тверской губернии проявилось в преобразовании организаций, занимающихся археологическим изучением края. Наиболее эффективные приемы археологического краеведения дореволюционного времени стали применяться в 20-е гг. XX в. – в полевых исследованиях, публикации материалов и организации музейного дела. События революции 1917 г. активизировали творческую инициативу интеллигенции. Открывались новые музеи, библиотеки, вузы. В этом отношении показательна мысль, высказанная в 1927 г. первым директором Тверского пединститута Н.Д. Никольским: «...шла все более дружная – кипучая, несшаяся быстрым темпом сначала ломка, потом постройка: новых вузов, научных учреждений, новых педагогов, новых планов, новых взаимоотношений, создание новой литературы, новых книг, нового искусства и нового отношения к науке» (ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 1. Д. 82. Л. 15). Не случайно в период «оттепели» 1960-х гг. А.Л. Монгайт одним из первых высоко оценил деятельность краеведов 1920-х гг.: «...и в чисто научной обла-

сти краеведческие общества, научно-исследовательские институты краеведения, а также провинциальные университеты и педагогические институты, публиковавшие в своих трудах и записках материалы по археологии, помогли сделать много интересных наблюдений и археологических открытий» (*Монгайт*, 1963. С. 78).

Политические события 1917 г. оказали влияние на состояние историко-культурного наследия Тверского края. Во-первых, вследствие национализации увеличилось количество общественных и государственных музеев и библиотечных собраний, во-вторых, даже кратковременный период безвластия принес хаос в охранные мероприятия, в-третьих, изменился кадровый состав деятелей науки и культуры – определенная часть старых специалистов отошла от дел, и, по сравнению с дореволюционным временем, появилось большее количество низко образованных кадров. Перечисленные выше обстоятельства послужили причиной для проведения региональных съездов работников культуры. 15–21 июля 1921 г. состоялся Тверской съезд по делам музеев и по охране памятников искусства, старины, народного быта и природы. В работе съезда приняли участие сотрудники Петроградского археологического института А.А. Спицын, А.А. Миллер, А.С. Николаева, К.К. Романов и И.Л. Маяковский. Большая часть времени в работе съезда отводилась для решения организационных вопросов – формирования единой губернской системы культурно-просветительской работы. Однако учитывая, что «местный работник по необходимости должен быть и археологом, и музееведом, и архивистом» (*Маяковский*, 1922. С. 300) на съезде проводились практические семинары по всем направлениям. Кроме того, на съезде была принята резолюция, определяющая охранные мероприятия. Наблюдение за проводимыми на территории губернии археологическими раскопками и возбуждение судебного преследования за разрушение памятников возлагались на региональные исполнительные органы (Губмузей и Губернский исполнительный комитет) и федеральный орган управления культурным наследием (Главмузей) (ГАТО. Ф. Р-2691. Оп. 1. Д. 18. Л. 21).

Организационно после Октябрьской революции 1917 г. постепенно все дореволюционные общественные организации Тверской губернии прекратили свое существование. Однако образовавшаяся пустота в области регионального гуманитарного знания существовала не долго. Осенью 1920 г. было создано Общество изучения Тверского края, действовавшее на протяжении 10 лет.

Накопленный опыт в деле изучения истории региона Тверской ученой архивной комиссией, Тверским обществом любителей истории, археологии и естествознания, Тверским епархиальным историко-археологическим комитетом органично вошел в методику работы новой структуры. Немаловажным фактором стал и состав членов нового объединения. К сожалению, из трех человек, составлявших правление ТУАК, ведущего исторического Общества губернии, только «правитель дел» И.А. Виноградов продолжил активную общественную деятельность. В 1920 г. он выступил в качестве одного из организаторов губернского краеведческого Общества. Председатель ТУАК И.А. Иванов отошел от дел – вышел на пенсию и уехал на родину в с. Трехбратское Смоленской губернии; товарищ председателя В.И. Колосов скончался в 1919 г. Положительным моментом для вновь образовавшегося Общества было вхождение в его состав краеведов-археологов: А.Н. Вершинского, А.А. Виноградова, М.В. Рубцова. Общество состояло из четырех секций: естественно-исторической, историко-культурной, общественно-бытовой и народно-хозяйственной. Краеведческие организации были созданы и в уездных городах: Бежецке, Вышнем Волочке, Кашине, Кимрах, Осташкове, Ржеве, Старице. В их работе принимали участие около 100 краеведов. По результатам деятельности издавался журнал «Летопись краеведения» (позднее стал называться «Материалы Общества изучения Тверского края») и отдельные издания в районных организациях.

Приоритетным направлением в исследованиях краеведов 20-х гг. была естественная история края, заключающаяся в подробном описании и изучении геологии, биологии, почвоведении, а также тем, связанных с экономикой и хозяйством губернии, демографией. Актуальными становятся темы, имеющие прямое прикладное значение. Наиболее показательной в этом отношении явилась работа комплексной Верхне-Моложской экспедиции 1925 г. Она была организована во взаимодействии с Ассоциацией по изучению производительных сил Российского Центра. В задачи экспедиции входило изучение лесного и травяного покрова, крестьянского хозяйства, промыслов (*Вершинский, 1927*), сбор этнографического материала. Обобщая работу краеведов 20-х гг., тверские историки М.М. Фрейнденберг и Л.А. Котлярская выделили основные направления их деятельности: «... музейное дело, организация экскурсий (экспедиций), ученые заседания и издательские мероприятия – остаются основными в краеведческой работе тверской

интеллигенции в 20-х гг. Ни отыскания и спасения архитектурных памятников, ни сохранения документальных свидетельств, ни археологических раскопок, ни всего того разнообразия учебных занятий, которыми так богата была в эти годы деятельность “Старой Москвы” и “Общества по изучению Москвы и Московского края”, здесь не было» (*Котлярская, Фрейденберг, 1990. С. 66–67*). Однако вызывает сомнение утверждение об отсутствии археологических раскопок. Безусловно, их было меньше по сравнению с предыдущими годами. В 1920-е полевые археологические изыскания плохо вписывались в исследования, ориентированные на практическую связь науки с производством. Следовательно, финансирование сводилось к минимуму, в отличие от последующих десятилетий – времени интенсивного промышленного строительства и подведенного под эту основу обязательного археологического изучения всех подвергавшихся разрушению археологических памятников. На частные средства, как это делалось до революции, в силу известных причин, организовывать раскопки памятников было также невозможно. И, тем не менее, археологические исследования на территории губернии продолжали проводиться (табл. 1).

Как и в дореволюционные годы, губерния, расположенная между двумя столицами, получала преимущество во взаимодействии с ведущими научными центрами Москвы и Ленинграда. В первой половине 20-х гг. археологические исследования, организуемые силами краеведов, проходили под явным влиянием А.А. Спицына. Состоявшийся ученый сам начинал свою профессиональную деятельность в Вятке как краевед и возлагал на краеведческое движение в целом большие надежды. В работе 1926 г. Спицын указывал, что «краеведы могут выступать здесь в одной из своих наиболее блистательных ролей, производя учет известных памятников древности, разыскивая новые и точно, с чертежами их описывая. В большинстве случаев это вполне доступная задача, требующая лишь доброй решимости и достаточно крепких ног» (*Спицын, 1926. С. 171*). При этом, по мнению А.А. Спицына «научные археологические работы очень облегчены в тех губерниях и областях, где памятники древности уже приведены в большую или меньшую известность, где уже имеются удовлетворительные собрания древностей и были ведены предварительные разведочные раскопки» (*Спицын, 1908. С. 4–5*).

Тверская губерния соответствовала подобным требованиям. Археологические коллекции Тверского музея начали фор-

мироваться практически с момента его образования (во второй половине XIX в.). А.А. Спицын неоднократно приезжал в Тверь и лично знакомился с коллекциями музея. В своей переписке с С.Ф. Платоновым в преддверии II Областного археологического съезда в 1902 г. Спицын дал характеристику состоянию коллекций: «В музее отдел первобытной археологии у них [тверичей] в безобразном состоянии и не видно, чтобы они что-нибудь задумали в нем улучшить для съезда...» (Цит. по: *Тихонов*, 1991. С. 270). В работе А.А. Спицына 1921 г. можно увидеть диаметрально противоположную оценку: «Честь Тверскому музею! Мы уже ездим туда учиться, но настанет время, когда мы будем сюда – паломничать. Это будет музей много большего размера, чем теперяшний» (Архив ТГОМ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 434. Л. 51). На основе анализа предметов, хранившихся в музее, А.А. Спицыну удалось создать типологические и хронологические построения археологических памятников губернии. Систематизированные материалы должны были стать справочным пособием для пополнения сведений об археологической карте губернии, опубликованной В.А. Плетнёвым еще в 1903 г. (*Плетнёв*, 1903).

Безусловно, важной составляющей в организации краеведческой работы были показательные раскопки. Поскольку процесс разрушения памятников неизбежен (в данном случае действуют природный и антропогенный факторы), в научных раскопках памятников Александр Андреевич выделил два мотива при полевом исследовании: «... необходимость 1) немедленных раскопок в опасных пунктах, 2) назначения систематических предупредительных раскопок памятников, внушающих особые надежды» (*Спицын*, 1910. С. 6). Примечательно, что оба археологических памятника на территории губернии, в раскопках которых принимал участие Спицын, отвечали этим требованиям: либо аварийная ситуация на памятнике, либо научный интерес – курганы из курганных групп у д. Дуденево Тверского уезда (*Спицын*, 1904) (в рамках II Областного археологического съезда 1902–1903 гг.) и у пог. Бежецы Бежецкого уезда (1920 г.) (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Д. 92). Именно на краеведов-любителей были ориентированы публикации А.А. Спицына, посвященные организации полевой работы. В изданиях по полевой методике А.А. Спицын суммировал опыт предшествующих разработок и поставил новые современные задачи полевого источниковедения. С 1895 по 1927 г. вышло в свет четыре подобных издания (*Спицын*, 1895; 1908; 1910;

1927). В начале XX в. людей, желающих заниматься изучением археологических памятников в России, было намного больше, чем археологов-профессионалов. На преодоление этого разрыва были нацелены пособия Спицына. В своих работах автор, с одной стороны, ведет речь о необходимости квалифицированного подхода к раскопкам, с другой – отмечает, что «в высшей степени важно, чтобы необходимые предварительные разведки сделаны были теми рабочими силами, которые постоянно или случайно входят в непосредственное соприкосновение с памятниками старины на месте» (Спицын, 1908. С. 5). Автор раскопок, по мнению А.А. Спицына, должен обладать следующими профессиональными качествами: владеть знаниями по археологии; обладать практическими навыками из области минералогии, геологии, почвоведения, антропологии, биологии и зоологии; иметь первичные навыки составления чертежей, рисунков, фотографирования (Спицын, 1910. С. 10–12). Поскольку планка требований была достаточно высокой, то основной целью пособий Спицына была помощь в освящении некоторых из этих вопросов. Александр Андреевич охарактеризовал все известные ему виды археологических памятников на территории страны, выделил особенности их строения, а также способы полевого исследования. Однако чрезмерная универсальность пособий не давала возможности краеведам эффективно действовать в конкретных полевых условиях, поэтому «... автор уже составил описание губерний и выжидает благоприятного момента для их издания» (Спицын, 1927. С. 7). В 1921 г. А.А. Спицын подготовил «Археологический очерк Тверской губернии» (Архив ТГОМ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 267). К 1925 г. эта работа, озаглавленная как «Памятники древности в Тверском крае» (3 печатных листа), в числе других археологических материалов была подготовлена к печати для публикации в трудах Общества изучения Тверского края (ТАТО. Ф. Р-1213. Оп. 1. Д. 55. Л. 145). Но в печати она появилась не целиком, а в двух фрагментах – в изданиях Ржевского (Спицын, 1926) и Бежецкого (Спицын, 1921) краеведческих обществ с характеристикой типичных памятников для этих уездов.

Примечательно, что первые полевые исследования советского времени на территории губернии провел сам А.А. Спицын, раскопав в 1920 г. разрушающийся курган у пог. Бежецы Бежецкого уезда. Через четыре года членами Бежецкого научного общества по изучению местного края А.И. Голынским, А.И. Михайловым и С.Д. Синицыным были организованы разведочные работы на

территории уезда по течению р. Мологи (Архив ТГОМ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1). Участники экспедиции – характерные представители местной интеллигенции. Андрей Иванович Гольнский преподавал физику в школе 2-ой ступени г. Бежецка, Александр Иванович Михайлов – выпускник историко-филологического факультета Московского университета – возглавлял краеведческое общество, а Сергей Дмитриевич Синицын на момент проведения разведочных работ только поступил на отделение этнографии Ленинградского географического института (Волкова, 2011). Исследователи зафиксировали 6 курганных групп, 3 жальника, 4 городища (из которых одно однозначно определено как городище дьякова типа, другое отнесено к древнерусскому времени) (Гольнский, 1926). По всей видимости, А.И. Гольнский руководствовался указаниями А.А. Спицына. Об этом свидетельствует методика организации и проведения экспедиции, уровень анализа полученных результатов. Перед разведочными работами А.И. Гольнский изучил местную краеведческую литературу и попытался определить местоположение опубликованных в печати памятников, в частности, найти «...упомянутое в работе Плетнёва, по описаниям Митропольского (стр. 436)» городище в районе с. Рыбинское (Архив ТГОМ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 11). Описания найденных типов памятников, а также подъемного материала на них, хронологические определения и методика раскопок основана на работе Спицына по классификации памятников Бежецкого уезда. Кроме того, как и А.А. Спицын, А.И. Гольнский доисследовал два разрушающиеся кургана в районе д. Мокшицы.

В Ржевском уезде в 20-х гг. работы по изучению древностей также координировало краеведческое общество. Разведки разновременных памятников по Ржевско-Зубцовскому течению р. Волги провел известный в будущем исследователь памятников античности Павел Николаевич Шульц. Археолог открыл стоянки каменного века, городища и селища дьякова типа, древнерусские курганы и городища, а также раскопал курган у д. Петровское (Шульц, 1926; РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. 1925. Оп. 1. Д. 142). Это были первые самостоятельные полевые исследования начинающего археолога – выпускнику Петроградского университета было около 25 лет (Щеглов, 1984). В проведении экспедиции ему помогал отец, Н.П. Шульц, биолог, в молодости участник кружка выпускников Санкт-Петербургского университета «Маленькие ботаники» (Рихтер, Глебов, Рихтер, 2018. С. 21). Он проводил топографиче-

скую съемку памятников (ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 1. Д. 55 а. Л. 76). И точно так же, как и с работами Гольинского в Бежецком уезде, в отчете П.Н. Шульца чувствуется влияние работы А.А. Спицына по древностям Ржевского края. В 1924 г. П.Н. Шульц совместно с Сергеем Леонидовичем Бычинским, директором в 1923–1925 гг. историко-археологического музея Ржева, сменившим на этом посту П.Ф. Симсона, провел исследования на Ермоловском городище на окраине Ржева (*Бычинский*, 1926). Собранный в результате раскопок материал позволил авторам отнести памятник к раннему железному веку.

Памятники эпохи неолита в районе г. Ржева были опубликованы в работе Е.Н. Басовой (*Басова*, 1926). Евгения Николаевна Басова в 1911 г. закончила Ржевскую гимназию, преподавателем которой был Павел Федорович Симсон, исследователь памятников каменного века Ржевско-Старицкого течения Волги (*Симсон*, 1903). Страстный краевед, преподаватель истории и географии П.Ф. Симсон не мог оставить гимназистов равнодушными к своему увлечению. Вряд ли можно назвать простым совпадением тот факт, что кандидатское сочинение в Московском археологическом институте Е.Н. Басова писала у Ю.В. Готье по неолиту. В 1918 г. она самостоятельно обследовала неолитические стоянки под Ржевом (*Захаров*, 1929). К моменту публикации в сборнике краеведческого общества Евгения Николаевна была уже состоявшимся исследователем, сотрудником ГИМ и Московской секции ГАИМК. В своей работе по каменному веку она поддержала мнение А.А. Спицына о принадлежности этих памятников к эпохе неолита в отличие от позиции Симсона, стремившегося доказать их палеолитический характер (*Жукова*, 2016).

В 1924 г. Тверском уезде (на границе со Старицким) И.А. Виноградов (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 - 1924. Д. 149) раскопал древнерусские курганы в районе деревень Беседы (3 насыпи), Дуденево (4 насыпи), Кошево (15 насыпей). Иван Александрович Виноградов, выпускник Санкт-Петербургского археологического института, с 1919–1927 гг. – заведующий Тверским музеем. Полевой опыт И.А. Виноградова не был достаточно большим. До революции он чаще выступал с докладами на заседаниях ТУАК и публиковал научные исследования на основе письменных источников. Однако интерес к археологическим памятникам губернии наиболее ярко проявился именно в 20-е гг. XX в., когда краевед находился на должности заведующего губернским музеем. Изучение истории края и, в част-

ности, археологии, не предполагало затрагивание общественно-политических тем в работе, а это, в свою очередь, давало возможность оставаться нейтральным по отношению к идеологическим установкам новой власти. Тем не менее даже подобное отношение к политике государства в сфере общественных наук вызывало негативную реакцию партийных функционеров. В этом отношении представляет интерес характеристика, данная И.В. Виноградову одной из сотрудниц музея в связи с разбирательством по обвинению его в политической неблагонадежности в 1927 г.: «Узкий специалист. Свою специальность, т.е. археологию любит очень. Целые вечера просиживает над своими камешками или же за описанием старинных чеканки, гравировки и т.д.» (ТЦДНИ. Ф. 784 а. Д. 11015 с. Л. 33).

Объект исследования, выбранный Виноградовым, довольно традиционен для бывших членов ТУАК – курганы. Методика раскопок также выдержана в русле дореволюционного времени и хорошо прослеживается не только по полевым отчетам, но и по результатам раскопок на памятниках. Это удалось зафиксировать при современных исследованиях курганной группы Беседы-2 (Калининский район) (Степанова, Жукова, 2002). Виноградов раскапывал курганы широкой траншеей до погребения. Перед началом работ закладывался пробный шурф. В 2001 г. при изучении многослойного поселения на памятнике у д. Беседы (раскоп был заложен в межкурганном пространстве) была обнаружена квадратная яма с вертикальными стенками, размерами 1 × 1 м, прорезавшая культурные напластования, начинавшаяся сразу под дерном, но не доведенная до материка. Можно предположить, что это был пробный шурф Виноградова, поскольку кроме него на памятнике до конца 90-х гг. XX в. раскопки никто не проводил, а грабительские ямы не имеют подобной конфигурации. Шурф не был доведен до материка (его глубина 0,7 м от современной дневной поверхности) поскольку он попал в план полуземлянки дьяковского времени, максимальная глубина которой от современной дневной поверхности составляет 1,55 м.

На 1927 г. И.А. Виноградов запланировал раскопки стоянки в Кашинском уезде (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 315. Л. 126). Открытый лист он собирался взять на свое имя. Предварительно находки со стоянки он показал В.А. Городцову. В качестве научных консультантов И.А. Виноградов пригласил руководить работами В.А. Городцова и Б.С. Жукова. Однако этим планам не суждено было сбыться: И.А. Виноградов был арестован. Можно толь-

ко предположить, что именно эту стоянку Б.С. Жуков раскопал в 1928 г. (у д. Языково).

Кроме заведующего Тверским музеем, с 1926 г. один из его сотрудников Ф.И. Иванов начинает вести археологические исследования. Он раскопал 3 кургана у д. Борисовское Бежецкого уезда (Архив ТГОМ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 9). Примечательно, что из местных краеведов только Ф.И. Иванов в 1950-е гг. продолжил археологические исследования в Калининской области.

В 1924 г. в Весьегонском уезде еще один бывший член ТУАК, учитель местной сельской школы, директор архива и музея Александр Александрович Виноградов, продолжил изучение курганной группы у д. Бодачево (*Виноградов, 1924*), раскопки которой он начал, будучи студентом, в 1911–1913 гг. (*Виноградов, 1914*) А.А. Виноградов был незаурядной личностью. До революции учился в Московском археологическом институте, считал себя учеником В.А. Городцова: в письмах, адресованных В.А. Городцову так и обращался к маститому археологу – «дорогой учитель мой» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 385. Л. 31), неоднократно по делам педагогической работы встречался с А.В. Луначарским, В.И. Лениным. В 20-е гг. собирал археологический и этнографический материал Весьегонского уезда для организации школьного музея (ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 1. Д. 52. Л. 81 об.).

Воздействие работ А.А. Спицына на тверских исследователей проявлялось не только в области полевого исследования, но и в практике исторических обобщений. В частности, И.А. Виноградов составил работу, посвященную славянской колонизации края (ГАТО. Ф. Р-2691. Оп. 1. Д. 296), которая носила скорее реферативный характер, основанный на исследованиях А.А. Спицына. Более творческий подход к наследию А.А. Спицына демонстрировала деятельность преподавателя Калининского педагогического института Анатолия Николаевича Вершинского, выпускника Санкт-Петербургского университета, Археологического института, ученика проф. И.А. Шляпкина. Написанная в свое время выпускная работа была оценена профессором С.Ф. Платоновым самой высокой отметкой – «весьма удовлетворительно» (ГАТО. Ф. Р-2691. Оп. 1. Д. 111. Л. 1). И в курсах лекций, и в научных статьях А.Н. Вершинский придерживается классификации памятников, предложенной Спицыным, делал ссылки на его работы, разделял мнение А.А. Спицына о влиянии викингов на процесс объединения славянских племен. К сожалению, большинство ра-

бот А.Н. Вершинского по археологии края осталось не опубликованными, а докторская диссертация, одна из глав которой носила название «Заселение верхнего Поволжья в X–XII вв.», осталась незаконченной (ГАТО. Ф. Р-2691. Оп. 1. Д. 56. Л. 2) .

Со второй половины 20-х гг. в изучении археологических памятников губернии все более активно начинают участвовать профессиональные археологи. Близость двух столиц в очередной раз сыграла свою положительную роль. Начинающие археологи выбирают территорию Верхневолжья для проведения разведок и раскопок. В 1926–1927 гг. две ученицы В.А. Городцова Л.А. Евтюхова и М.Е. Фосс, вскоре после окончания Московского университета, проводили исследования в губернии. Л.А. Евтюхова занималась раскопками городищ Белый Городок и Прислон в Кимрско-Калязинском течении Волги (*Евтюхова*, 1928). Другая молодая сотрудница ГИМ М.Е. Фосс в 1927 г. провела разведки в районе оз. Пирос, на самой северо-западной границе губернии. В 1929 г. П.Н. Третьяков, студент Ленинградского университета, сотрудник ГАИМК проводил разведочные работы в поречье р. Мста в рамках организации методической поддержки краеведческих исследований. В 20-е гг. в Вышневолоцком уезде учитель одной из местных школ Н.И. Гумилевский собирал материалы по местонахождениям каменного века. Проверять эти сборы сначала, в 1927 г. был командирован директор Изюмского музея Н.В. Сибилев, а затем и П.Н. Третьяков.

Немаловажную роль в общественно-научной жизни Тверской губернии 20-х гг. играло первое высшее учебное заведение региона – педагогический институт. Он был открыт по инициативе тверских педагогов, в период между двумя революциями – 2 ноября 1917 г. И по количеству учащихся (несколько десятков человек), и по преподавательскому составу (в основном преподаватели тверских гимназий и училищ) это было довольно скромное учебное заведение, в первые годы своего существования испытывавшее самые острые материальные проблемы: отсутствие собственного здания, учебных пособий, денег на коммунальные услуги и оплату работы преподавателей, обеспечения продовольствием студентов (*Барина*, б/д). В вузе готовили учителей по основным отраслям знания: гуманитарные дисциплины, естественные и точные науки. Изучение исторических дисциплин предполагалось на социально-историческом факультете (1917–1924 гг.), позднее преобразованном в отделение языка и литературы (1925–1930 гг.) и с 1930 г. на историко-экономическом отделении общественно-

литературного факультета. В пединститут приезжали читать лекции преподаватели из Москвы (в большей степени) и, в наименьшей степени, из Петрограда. Исторические дисциплины преподавали Н.П. Грацианский, С.Д. Сказкин, И.Н. Радциг (ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 1. Д. 93. Л. 80; ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 1. Д. 156. Л. 81; ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 2. Д. 107. Л. 111–112). Наиболее яркой фигурой среди местных преподавателей являлся А.Н. Вершинский. С 1922 по 1930 г. он руководил работой отделения языка и литературы.

Наиболее объемно дисциплины исторического цикла читались в первой половине 20-х гг. Например, программа по подготовке учителей истории за 1922/23 учебный год предусматривала курсы по древней истории (первобытная культура, история Востока, Греции и Рима), курсы по отечественной истории (в том числе и местного края), занятия по теории и методике истории (методика, методология и философия истории, историография) и т.д. (ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 1. Д. 10. Л. 2). Курс истории первобытного общества предусматривал знакомство с археологическими памятниками и их ролью в изучении древних обществ. Однако ведущее место в обучении гуманитариев в Тверском пединституте принадлежало занятиям по краеведению. Основными составными частями предмета являлись темы по изучению природы, экономики и истории региона. История края изучалась анкетным, экскурсионно-экспедиционным и стационарным методами, предполагалось использование как письменных, так и вещественных источников (ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 1. Д. 66. Л. 125). Студенты-гуманитарии принимали участие в экспедиционных работах: в Верхне-Моложской экспедиции, в Верхневолжской этнологической экспедиции РАИМК. Вторая половина 20-х гг. в целом характеризуется активизацией проведения краеведческих обследований в области: 1927 г. – в районе оз. Селигер, 1928 г. – в Тверском и Кимрском районах, 1929 г. – в Вышневолоцком уезде (ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 1. Д. 46. Л. 99). В отличие от краеведения исторические дисциплины во второй половине 20-х гг. на отделении языка и литературы практически не читались. Два-три курса, предлагавшиеся для изучения студентам, выбирались в соответствии со сборником программ по общественному минимуму (Сборник программ..., 1926) и были посвящены либо промышленно-экономическому развитию страны, либо истории революционного движения (ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 1. Д. 66. Л. 124–124 об.). Активно применялись методы краеведческой работы европейских стран. Профессор Ю.М. Соколов,

лингвист, фольклорист и этнограф, включал в лекционные курсы материалы научной поездки по странам Западной Европы (ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 1. Д. 96. Л. 70), состоявшейся, предположительно, в 1924–1925 г. (Германия, Австрия, Чехословакия, Франция) (ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 1. Д. 32. Л. 3). С 1924 г. в пединституте работал кабинет краеведения, в задачу которого входила методическая помощь студентам и учителям школ, просветительская работа (ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 1. Д. 135. Л. 1).

В целом в 20-е гг. преподавательский состав пытался сохранить и развить традиции дореволюционной высшей школы в новом учебном заведении. Одновременно этот период отличался постоянным поиском новых методов обучения. Такие нововведения как коллективные методы отчетности и самоподготовки студентов, так называемый «бригадно-лабораторный метод обучения», продемонстрировали свою нежизнеспособность и не получили дальнейшего развития, а вот сочетание лекционных и семинарских занятий, введение учебных практик и экскурсий были поддержаны со стороны профессорско-преподавательского состава. Необходимо отметить, что в Тверском пединституте не было обостренного конфликта между «старой профессурой» и представителями нового поколения профессорско-преподавательского состава. В частности, предметную комиссию общественных наук пединститута, призванную по мысли руководителей Наркомпроса подорвать авторитет профессоров дореволюционного времени, возглавлял А.Н. Вершинский, умевший находить компромиссные решения в организации учебного процесса, не понижавшие качество преподавания. Кроме того, студенчество провинциальных вузов, по справедливому замечанию Е.С. Постникова, придерживалось «патриархальных» взглядов, стремилось «... в массе своей жить и учиться в условиях старой школы» (Постников, 1996. С. 68), поэтому идеологически-выдержанный актив тверского студенчества не мог оказать существенное влияние на основные направления педагогического процесса.

Кроме преподавательской деятельности работа в высшей школе предусматривала научные исследования. Государство стремилось контролировать деятельность научной интеллигенции страны. С 1922 г. на базе пединститута начало действовать Тверское отделение общероссийской организации – Секции научных работников. Первоначально основными направлениями в работе организации были улучшение условий жизни работников (обеспечение

продуктами, жильем, повседневными товарами, забота об отдыхе и здоровье) и координация научной и педагогической деятельности. В состав профессионального союза входили преподаватели и сотрудники высших и средних специальных учебных заведений, губернского музея, архива, а также исследователи, ведущие индивидуальную научную деятельность. На протяжении 20-х гг. количественный состав организации принципиально не менялся и составлял около 50 человек (ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 1. Д. 52. Л. 27). Трое из них жили в районах области. Например, членом организации был А.А. Виноградов, в 20-х гг. по семейным обстоятельствам живший и работавший учителем в сельской школе Весьегонского уезда.

К концу 20-х гг. в протоколах заседаний и отчетах о работе Секции научных работников все более стал ощущаться идеологический прессинг. В 1927 г. был поднят вопрос об исключении, арестованного по политическим мотивам заведующего Тверским музеем И.А. Виноградова. Краевед был не только осужден и снят с должности, но и выслан на три года из губернии. Со второй половины 20-х гг., так или иначе, происходит вытеснение с руководящих должностей представителей научной интеллигенции дореволюционного поколения. В Твери, в частности, в 1929 г. от заведования кафедрой истории был отстранен А.Н. Вершинский. Однако масштабные политические процессы в Твери не проходили. С начала 30-х гг. Тверское отделение Секции научных работников полностью подчиняется задачам внедрения в научную среду региона марксистско-ленинской идеологии. Партийное руководство стремилось регламентировать, в числе прочих сфер жизни, и творческую деятельность научной интеллигенции. Например, индивидуальный годовой отчет о научной работе предусматривал жесткую схему, состоящую из нескольких основных аспектов: преподавание отдельных дисциплин, воспитательная работа среди студентов, общественная работа. Научный работник был обязан применять марксистско-ленинские идеологические установки, использовать политехнизм в преподавании, принимать участие в соцсоревновании. Непосредственно содержанию научно-исследовательской работы был отведен самый последний пункт – № 11, который состоял из самой краткой формулировки: «Ваша научно-исследовательская работа» (ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 1. Д. 146. Л. 254).

В 20-е гг. все так же остро стоит вопрос об охране памятников древности на территории губернии. По законодательству исключительно государственные структуры имели полномочия контроля над состоянием памятников. Смена власти не повлияла на

активность грабительских раскопок. Как и до революции, курганы распахивались крестьянами, раскапывались в поисках кладов. Но к хозяйственной необходимости и праздному любопытству прибавилась еще и невежественность советских чиновников, имеющих весьма отдаленное представление об историко-культурном наследии края. В качестве иллюстрации можно привести пример ответа председателя Губернского подотдела по делам музеев и охране памятников К. Краснова на вопрос начальника Вельегонской уездной милиции П.О. Смердыня (5 апреля 1920 г.) по поводу охранных мероприятий на территории уезда: «... курганы представляют собою могильные насыпи народа славянского племени, жившего в этих местах в IX–XII вв. по Р.Х., но никак не могилы людей, погребенных во время Литовского нашествия; в курганах этих материальных ценностей никаких нет. Производить раскопку курганов возможно лишь с ведома и согласия Центрального отдела по делам музеев ...» (ГАТО. Ф. Р-488. Оп. 5. Д. 20. Л. 69).

В целом необходимо отметить, что в 20-е гг. идет переобразование организационных структур, занимающихся изучением древностей региона. Процесс шел одновременно и в губернском центре, и в уездах. Структура общества формировалась скорее по сетевой схеме (опираясь на инициативу на местах), нежели по иерархической (со стороны государственной власти). Не случайно, перечисляя общественные гуманитарные организации, сложившиеся после революции, авторы юбилейного выпуска, посвященного первой годовщине Губернского общества краеведения, дают список из 21 наименования и оставляют его открытым, предлагая направлять информацию о созданных и создаваемых организациях секретарю общества (Научные общества..., 1922).

Полевые исследования 20-х гг. шли в русле традиций дореволюционного времени: наибольший интерес проявляется к раскопкам курганов. При этом формируется новое направление – изучение разновременных поселенческих памятников. Анализ количественных показателей полевых исследований с середины XIX в. дает основание сделать вывод, что сохраняется тенденция, свойственная предыдущим десятилетиям. Возрастание количества полевых работ в регионе было обусловлено организацией и проведением значимых научных форумов: антропологической выставки 1879 г., областного съезда 1903 г. В остальное время наблюдается устойчивое, относительно небольшое количество экспедиций с участием местных исследователей (табл. 1).

Существенно меняется количество публикаций: в 20-е гг. оно значительно сокращается (табл. 2). Конечно, основная причина – недостаточность финансирования. Даже внешний вид журналов и брошюр (низкое качество оформления, бумаги и печати) отличает издания советского времени изданных до революции. Анализ архивных документов краеведческого движения позволяет сделать вывод, что подготовленных к печати материалов краеведческих обществ 20-х гг. явно больше, чем опубликованных работ этого времени. Немаловажным фактором в снижении объема публикаций было также отсутствие возможности выступить, обсудить и опубликовать свою исследовательскую тему на представительных научных форумах.

Таким образом, государственное вмешательство, особенно в первой половине 20-х гг. XX в., еще не было настолько решающим, чтобы оказать влияние на объективные процессы последовательного развития краеведческого движения в регионе, вектор развития которого был заложен в дореволюционное время.

Литература

- Барина Л.П.*, б/д. Мои воспоминания о строительстве Тверского (Калининского) пединститута и первых шагах его существования (1917–1920 гг.) / Рукопись. Научная библиотека ТвГУ. Запись 28.09.1967 г.
- Басова Е.Н.*, 1926. Памятники труда человека каменного периода под г. Ржевом Тверской губернии // Ржевский край. № 1 / Под ред. Н. Шульца, Б. Абрамова, Н. Вишнякова. Ржев: Ржевское общество краеведения. С. 65–73.
- Бычинский С.Л.*, 1926. Ермоловское городище // Ржевский край. № 1 / Под ред. Н. Шульца, Б. Абрамова, Н. Вишнякова. Ржев: Ржевское общество краеведения. С. 150–157.
- Вершинский А.Н.*, 1927. Промыслы Помоложья // Верхнемоложская экспедиция. Вып. 1. Тверь: Тверск. педагогич. инст-т; Ком-т Ассоциации по изучению производительных сил Тверск. губ. 176 с.
- Виноградов А.А.*, 1914. К археологии Весьегонского уезда: Археологические исследования курганов по реке Рене. Тверь: ТУАК. 15 с.
- Виноградов А.А.*, 1924. Бодачевский курганно-образный могильник. Весьегонск: Весьегонский советский музей. 8 с.
- Волкова М.В.*, 2011. Бежецкое научное общество по изучению истории и культуры местного края (1920–1929). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://old-www.tverlib.ru/tpd/2011/bezhetsk_science_society.html.
- Гольинский А.И.*, 1926. Памятники прошлого в Бежецком крае // Материалы общества изучения Тверского края. Вып. 4 / Ред., ком.: И.А. Виноградов, К.И. Никольский, А.Н. Вершинский, В.Д. Серов. Тверь: Гостипография им. Калинина. С. 26–31.

- Евтюхова Л.А.*, 1928. Городище у д. Прислон // Труды секции археологии РАНИОН. Т. 4. С. 213–219.
- Жукова Е.Н.*, 2016. Систематизация памятников каменного века на территории Тверской губернии А.А. Спицына // Современные тенденции развития мировой, национальной и региональной индустрии гостеприимства: Сб. ст. V Международной научно-практической конференции. Тверь, 3–4 декабря 2016 г. / Отв. ред. А.В. Винник, О.К. Ермишкина. Тверь: ТвГУ. С. 94–106.
- Захаров А.А.*, 1929. Е.Н. Басова // Записки Северо-Кавказского Краевого общества археологии, истории и этнографии. Кн. 1 (Т. III). Вып. 5–6. Ростов н/Дон. С. 85–86.
- Котлярская Л.А., Фрейденберг М.М.*, 1990. Из истории тверской культуры: Анатолий Николаевич Вершинский (1888–1944). Тверь: ТвГУ. 160 с.
- Маяковский И.Л.*, 1922. Тверской съезд по делам музеев и по охране памятников искусства, старины, народного быта и природы (15–21 июля 1921 года) // Русский исторический журнал. № 8.
- Монгайт А.Л.*, 1963. Возникновение и первые шаги советской археологии // История СССР. № 4. С. 75–94.
- Научные общества..., 1922. Научные общества и учреждения Тверской губернии // Общество изучения Тверского края. Краткая историческая справка и устав общества. Тверь: Тип. Тверского губсоюза. С. 22–24.
- Плетнёв В.А.*, 1903. Об остатках древности и старины в Тверской губернии: К археологической карте губернии. Тверь: Тип. губернского правления. 519 с.
- Постников Е.В.*, 1996. Российское студенчество в условиях нэпа. Тверь: ТвГУ. 188 с.
- Рихтер Я.А., Глебов М.П., Рихтер Т.Я.*, 2018. Дорога в будущее: К истории кружка «Маленьких ботаников» // Историко-биологические исследования. Т. 10. № 4. С. 7–38.
- Симсон П.Ф.*, 1903. Каменный век под г. Ржевом: Опыт разработки доисторической археологии России по местным находкам и изысканиям. Тверь: ТУАК. 146 с.
- Спицын А.А.*, 1895. Производство археологических раскопок. СПб.: Тип. Гл. упр. Уделов. 70 с.
- Спицын А.А.*, 1904. Раскопки близ деревни Дуденева // Известия Археологической комиссии. Вып. 6. СПб. С. 6–11.
- Спицын А.А.*, 1908. Археологические разведки. СПб.: Тип. Гл. упр. Уделов. 99 с.
- Спицын А.А.*, 1910. Археологические раскопки. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг. 125 с.
- Спицын А.А.*, 1921. Бежецкие древности // Бежецкий край. Первый выпуск статей Бежецкого научного общества по изучению местного края. Бежецк: Гос. изд. Тверское отд. С. 1–20.
- Спицын А.А.*, 1926. Ржевские древности // Ржевский край. № 1 / Под ред. Н. Шульца, Б. Абрамова, Н. Вишнякова. Ржев: Ржевское общество краеведения. С. 156–171.
- Спицын А.А.*, 1927. Разведки памятников материальной культуры: Пособие для краеведов. Л.: ЦБК. 142 с.
- Степанова Ю.В., Жукова Е.Н.*, 2002. Археологические исследования комплекса памятников у д. Беседы в 2000–2001 гг. // Из архива тверских историков: Сб. науч. трудов. Вып. 3 / Науч. ред. Т.И. Любина. Тверь: ТвГУ. С. 14–24.
- Тихонов И.Л.*, 1991. Из эпистолярного наследия А.А. Спицына (письма к С.Ф. Платонову) // СА. № 2. С. 265–276.
- Шульц П.Н.*, 1926. Археологические разведки в Ржевском уезде за 1923–1925 гг. // Сб. Ржевского общества краеведения. № 1 / Под ред. Н. Шульца, Б. Абрамова, Н. Вишнякова. Ржев: Ржевское общество краеведения. С. 172–194.
- Щеглов А.Н.*, 1984. Памяти Павла Николаевича Шульца // СА. № 3. С. 285–287.

Таблица 1. Распределение раскопанных археологических памятников Тверской губернии по десятилетиям

Годы	Количество раскопанных памятников			Итого
	Неорганизованными исследователями	Местными исследователями	Столичными исследователями	
1850-е	1	–	–	1
1860-е	5	–	–	5
1870-е	15	7	6	28
1880-е	23	5	2	30
1890-е	8	7	–	15
1900-е	5	15	49	69
1910-е	2	15	3	20
1920-е	–	8	3	11
Всего	59	57	63	179

Таблица 2. Распределение научных публикаций тверскими археологами-краеведами по десятилетиям

Годы	Количество
1870-е	2
1880-е	5
1890-е	0
1900-е	29
1910-е	19
1920-е	8
Всего	63

Е.Ю. Захарова, М.В. Бояркин

У ИСТОКОВ «СОВЕТСКОЙ НАУКИ НА МЕСТАХ»: 1920-е ГОДЫ В ИСТОРИИ ВОРОНЕЖСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Резюме. Нарастающие с середины 1920-х гг. противоречия между внутренней логикой развития науки и идеологизацией всех сфер советского общества обусловили репрессивный механизм внедрения марксизма в археологию. Эти ведущие тенденции рассмотрены на материалах Воронежской губернии. Показано, что после пяти лет советской власти, когда на короткий срок неоднократно складывались, но вскоре разрушались благоприятные условия для формирования профессиональной археологической среды на базе высших учебных заведений, единственным учреждением Воронежа, в деятельности которого сохранялось археологическое направление, остался Губернский музей. А после его реорганизаций второй половины 1920-х гг. развитие в Воронеже археологии, как сферы научно-исследовательской и просветительской деятельности, в 1930-е гг. происходило только благодаря непрерывающимся полевым работам в регионе экспедиций ГАИМК.

Ключевые слова: археология, Воронежский губернский музей, Воронежский университет, Воронежское отделение Московского археологического института, Воронежское краеведческое общество, С.Н. Замятнин, 1920-е гг.

*Этот вихрь,
от мысли до курка,
и постройку,
и пожара дым
прибирала
партия
к рукам,
направляла,
строила в ряды.*

В.В. Маяковский («Хорошо», 1927)

В Воронеже, как и в большинстве губернских городов европейской России, в первое десятилетие XX в. сформировалось

краеведческо-археологическое сообщество, объединившееся вокруг губернской ученой архивной комиссии (ВУАК) и местного церковного историко-археологического комитета. Его деятельность «по изучению края в археологическом отношении» при отсутствии в губернии профессиональных археологов, в основном, была откликом на директивные указания или инициативы столичных учреждений и обществ, но с опорой на присущий любителям энтузиазм приобрела регулярный характер и заняла полноправное место среди краеведческих занятий (Потапкина, 2006; Захарова, 2015. С. 19–20).

Организационно этот процесс на одном из заседаний ВУАК даже предлагалось закрепить образованием так называемой «комиссии по раскопкам», но дальнейшего развития эта инициатива не получила. Между тем, группа лиц, занимавшихся археологическими изысканиями, была более или менее постоянна по своему составу (С.Е. Зверев, А.И. Милотин, В.Д. Языков, М.П. и М.К. Паренаго, А.Л. Дольский, А.М. Мартинович, М.Н. Писарев и др.). Ее ядром были преподаватели Воронежского Михайловского кадетского корпуса. Осознавая, что результативность их практической деятельности существенно снижается из-за недостаточной профессиональной теоретической подготовки, краеведы-археологи на заседаниях ВУАК многократно обсуждали вопрос о необходимости налаживания системы подготовки местных кадров.

Сложившийся уклад археолого-краеведческой деятельности в Воронеже был скорректирован реалиями Первой мировой войны, но системных изменений не претерпел. Некоторые члены ВУАК из числа военных вернулись к строевой службе (военврач А.И. Мартинович, полковник В.Д. Языков). Губернский город, находившийся в ведомстве Московского военного округа и бывший крупным транспортным узлом, с первых недель конфликта обрел значение как тыловой центр. Здания многих учреждений, в том числе и музея, были переданы организациям военно-санитарного характера и превратились в госпитали, казармы, пункты приема и содержания военнопленных. В этой ситуации музейная работа объективно была сведена к решению задачи сохранения/спасения коллекций, в том числе и самой массовой категории – археологической. Но и в условиях военного времени эпизодически возобновлялись полевые исследования: в 1915 г. С.Е. Зверев и А.Л. Дольский раскопали еще четыре насыпи в урочище «Частые курганы» (Замятин, 1946. С. 36–48); в 1916–1917 гг. первые разведки провел С.Н. Замятин (РО НА ИИМК РАН. Ф. 69. Д. 85. Л. 25 об.).

Не оставляя идеи иметь возможность готовить специалистов своего дела в Воронеже, с 1916 г. инициативная группа ВУАК начала предпринимать усилия по созданию здесь отделения Московского археологического института, обратившись с соответствующим проектом к его ректору (Чесноков, 1987. С. 81–82). В это же время активизировались действия воронежской общественности и власти по устройству столь желанного в городе университета. При этом обсуждалась как возможность перемещения в губернский центр Юрьевского университета, так и открытие нового (Карпачёв, 2013. С. 49–60).

Наступивший 1917 г. не стал рубежным в развитии перечисленных выше инициатив. В условиях административно-управленческой неразберихи, объединившись вокруг музея, краеведы, насколько позволяли суровые реалии «окаянных дней», целенаправленно собирали/сохраняли/спасали исторические и художественные ценности. С осени 1918 г. это подвижничество получило мощный импульс, который был дан, с одной стороны, декретами новой власти в области охраны историко-культурного наследия, а с другой – включением Воронежского музея в разряд государственных учреждений, подведомственных губернскому отделу народного образования (ГубОНО), с содержанием сотрудников и выплатой заработной платы (ГАВО. Ф. Р-904. Оп. 1. Д. 1. Л. 1).

Нововведения были восприняты в среде краеведов с энтузиазмом. «В связи с признанием за музеями государственного значения и принятием служащих на государственное снабжение, материальное положение последних значительно улучшилось, а равно окрепло и самое дело». К тому же, как продолжает очевидец тех событий, местные представители революционной власти в лице заведующего ГубОНО П.Д. Смирнова и заведующей музейным подотделом А.Ф. Боевой не только «не отказывали музею в содействии», но и «всегда отстаивали его интересы» (Шестова, 1925. С. 26).

По времени это совпало с началом деятельности Воронежского университета, в составе которого были открыты, в том числе, и два гуманитарных факультета (историко-филологический и юридический). Среди приехавших из ликвидированного Юрьевского университета профессоров историко-филологического факультета не было специалистов, в сфере интересов которых ведущее место занимала бы археология в ее строгом понимании, но маститых ученых всегда отличала широта познаний. К примеру, в молодости успешно изучал древности Малой Азии и Фракии авторитетный византинист В.Э. Регель, ставший первым ректором (Лантева,

1991. С. 130–140; *Немировский*, 2004; *Пряхин*, 2013. С. 9–15). Прекрасным знатоком сюжетов рисунков на античной керамике был филолог и искусствовед Э.Р. Фельсберг, опубликовавший ряд трудов на эту тему (*Хайкин, Немировский*, 1975. С. 111).

Главное, к моменту эвакуации в Воронеж в Юрьевском университете уже сложилась устойчивая академическая традиция чтения курсов для гуманитариев с использованием обширных собраний собственных музеев изящных искусств и отечественных древностей. По свидетельству профессора Г.А. Замятина, в середине октября 1918 г. наряду с другим оборудованием прибыли в Воронеж «9 мест Музея древних коллекций и 65 мест Музея изящных искусств». Удалось вывезти и сохранить практически все подлинники из указанных собраний (*Хайкин, Немировский*, 1975. С. 113–114; *Котлярова*, 2008. С. 71–73). В 1920 г. открылся Музей древностей и изящных искусств Воронежского университета. Его подробное описание первых лет существования содержится в публикации старшего хранителя Н.М. Беззубцева, согласно которой экспонируемая коллекция была очень разноплановой и включала артефакты эпох неолита и бронзы, древнеегипетские раритеты, богатейшее собрание античности, русской иконописи и живописи, предметов декоративно-прикладного искусства (*Беззубцев*, 1924. С. 44–48).

Поначалу музею со стороны ученой коллегии университета уделялось много внимания, сказывалось и то, что им очень дорожил В.Э. Регель. Будучи свидетелем пресечения высшего гуманитарного образования, с которым концептуально связывался музей, он видел путь к его спасению в реформировании по подобию Румянцевского музея в общедоступный. Предполагалось объединить фонды университетской и публичной воронежской библиотек и разместить в этом же здании коллекции университетского музея (*Котлярова*, 2008. С. 73–74). Пост директора музея на короткое время стал для ученого почетной должностью после смещения с поста ректора (1925–1926 гг.), но повлиять на дальнейший ход развития событий он уже не мог. С середины 1920-х годов в своем традиционном виде музей переставал быть нужным университету; его богатейшие коллекции оказались не востребованы ни в научном, ни в широком просветительском плане. Под угрозой Наркомпроса вывезти материал из музея за пределы ЦЧО, по решению Президиума облисполкома в 1933 г. они были переданы во вновь образованный Областной художественный музей (*Хайкин, Немировский*, 1975. С. 120).

После некоторого отступления вернемся вновь к событиям 1918 г. 22 августа в Губернском музее состоялось особое, посвященное чествованию нового университета, заседание ВУАК «в целях установления живой связи с деятелями науки», на которое были приглашены профессора историко-филологического и юридического факультетов (*Шестова*, 1925. С. 26). Как и следовало ожидать, ученые-гуманитарии не замедлили включиться в работу краеведов, войдя в состав коллегии музея и возглавив соответствующие отделы: литературный – профессор Е.В. Петухов (декан), историко-археологический – профессор И.И. Лаппо. Первый из них усилил инициативную группу, хлопотавшую об открытии воронежского филиала Московского археологического института (*Акинъшин и др.*, 2004. С. 130); второй выступил с проектом организации научного института для изучения воронежского края в его прошлом и настоящем (*Шестова*, 1925. С. 27). Таким образом, начался столь долгожданный для воронежских краеведов процесс формирования местного ученого сообщества.

Появившаяся, наконец, возможность получения гуманитарного образования, воодушевила воронежскую молодежь. Тем более, что поступить в университет могли все желающие старше 16 лет. Осенью 1918 г. был объявлен прием на историко-филологический факультет, и в начале 1919 г. на нем числилось уже около 1000 студентов нового набора (*Акинъшин, Карпачёв*, 2003. С. 10). Среди них были старшие дети авторитетного воронежского краеведа-археолога С.Е. Зверева – Михаил (1892–1920) и Георгий (1895–1920?), Сергей Николаевич Замятнин (1899–1958), уже сотрудничавший к тому времени с ВУАК, в будущем известный археолог.

Выпускник губернской гимназии С. Замятнин, подавший прошение в сентябре 1918 г., после упразднения исторического отделения продолжил образование на факультете общественных наук. Но знаний, которые он там получал, ему было недостаточно для занятий «исследовательской работой по своей специальности». В январе 1923 г. он переводится на отделение естественных наук физико-математического факультета, которое и закончил в 1924 г. (*Акинъшин*, 2013. С. 10–11). Следующей образовательной ступенью стала для него аспирантура ГАИМК.

Братья Зверевы написали заявление в один день (12 октября 1918 г.), несмотря на уже имевшееся высшее гуманитарное образование. В данном случае (согласимся с уже высказанным мнением) побудительным мотивом была не столько необходимость получе-

ния знаний, сколько понимание, что «университет в это время давал статус занятости, давал паяк, давал, наконец, ощущение причастности к новому обществу» (Акинъшин, 2013. С. 9).

Однако уже в конце 1918 г. Воронеж оказался в зоне активных боевых действий Гражданской войны. Перебои в работе учреждений стали закономерным следствием беспрестанных передвижений в городе войск. В главном здании университета (бывшем Кадетском корпусе) разместились военные лазареты и иные красноармейские подразделения, так что зимой 1918–1919 гг. он почти не работал. К тому же, согласно решению советского правительства, была проведена реорганизация гуманитарных факультетов: 23 декабря 1918 года закрылся юридический факультет, от историко-филологического в начале 1919 г. осталась только филологическая часть (упразднена в 1921 г.). Вместо них был создан факультет общественных наук (ФОН), просуществовавший в Воронежском университете до 1923 г. (Карпачёв, 2013. С. 105, 127).

Несмотря на все тяготы военного времени, Губернский музей отпраздновал свой 25-летний юбилей (22 сентября 1919 г.), и, как справедливо заметила одна из участниц тех событий, «это был последний большой сбор сплоченной старой музейной семьи, – после него вскоре семья эта сильно поредела» (Шестова, 1925. С. 27–28; рис. 1). В конце 1919 г. умер В.Н. Тевяшов, благодаря раскопкам которого музей располагал представительной коллекцией эпохи бронзы. Весной 1920 г. скончались от тифа лидер воронежского краеведения, известный и своими многолетними археологическими исследованиями, С.Е. Зверев и продолжатель его дела – сын Михаил.

Во время оккупации Воронежа белыми войсками (1–24 октября 1919 г.) была предпринята попытка возродить историко-филологический факультет. Местная газета «Воронежский телеграф» сообщала, что профессора Я.Ф. Озе, Н.И. Коробка, Д.Н. Кудрявский, С.Н. Введенский вновь приступили к чтению своих курсов (Карпачёв, 2013. С. 108). Но после восстановления советской власти продолжаться эта акция, конечно, не могла. Более того, с белыми (или в этот период) покинула Воронеж часть профессоров университета, в том числе и упомянутые выше И.И. Лаппо и Е.В. Петухов.

Очередная реорганизация гуманитарного образования произошла в 1921 г. В университетах, в том числе и в Воронежском, были созданы многопрофильные педагогические факультеты. В рамках его общественно-экономического отделения определенное место

занимала подготовка учителей истории и обществоведения, поэтому незначительные кадры историков воронежский университет сохранял. Их усилиями поддерживалось очень скромное и почти бессистемное преподавание истории (*Акинъшин, Карпачёв, 2003. С. 11–12*). В такой ситуации говорить об археологической составляющей в университетском образовании и вовсе не приходится. Можно лишь предполагать, что какие-то отдельные сведения из области археологии профессор Г.А. Замятин включал в свои курсы по истории Западной Европы, профессор М.Н. Крашенинников – по истории древнего мира, а доцент С.Н. Введенский – по русской истории и по истории края. Привлекались к преподаванию в университете известные в Воронеже краеведы В.В. Литвинов и Т.М. Олейников, последний из которых непосредственно участвовал в археологических экспедициях воронежского музея.

Но даже столь ограниченные возможности получения гуманитарного образования использовали молодые воронежцы, интересовавшиеся археологией. В 1920 г. поступила на историческое отделение факультета общественных наук выпускница женской гимназии Мария Евгеньевна Фосс (1899–1955), но уже через год вынуждена была продолжать обучение на общественно-педагогическом отделении (ГАВО. Ф. 33. Оп. 3. Д. 971. Л. 1–2). Спустя еще год, как следует из опубликованной выдержки черновика автобиографии, она «перевелась в 1 Московский университет на археологическое отделение факультета общественных наук» (*Якушкина, 2010. С. 771*). Одна из учениц В.А. Городцова, М.Е. Фосс стала признанным специалистом в изучении эпохи неолита, ведущим сотрудником Государственного исторического музея (*Формозов, 1998. С. 214–228*).

Последовательно учился на физико-математическом и педагогическом факультетах с 1921 г. сотрудник музея Дмитрий Дмитриевич Леонов (1903–1983). Из-за работы в экспедициях он не всегда успевал вовремя сдавать экзамены и в итоге был отчислен со второго курса социально-исторического отделения педагогического факультета в 1924 г. Присоединимся к мнению, что, вероятно, он уже и «не видел в университетском образовании дальнейших возможностей для пополнения знаний» (*Акинъшин, 2013. С. 13–14*).

Все археологи из первого поколения студенчества Воронежского университета (С.Н. Замятин, М.Е. Фосс, Д.Д. Леонов) для получения профильного образования параллельно поступили на археологическое отделение местного филиала Московского ар-

хеологического института (ВО МАИ). В 1920 г., наконец, положительно был решен вопрос о его открытии в составе трех факультетов: археологического, археографического и истории искусств. Истории этого учебного заведения посвящена отдельная публикация (*Акинъшин и др.*, 2004). Здесь же уместно вкратце охарактеризовать археологическое направление в его деятельности.

Задачей открытого филиала в «Положении о Воронежском отделении МАИ» объявлялась следующая: «подготовка кадров квалифицированных работников в деле охраны памятников искусства и старины для местного края» (*Эпизоды...*, 2003. С. 201–202). Для ее реализации предусматривалось чтение студентам-археологам дисциплин, общих для всех факультетов (среди них отметим русскую историю, русскую историческую географию, чтение древних рукописей, греческую эпиграфику и палеографию и др.), и специальных, таких как первобытная археология, христианская археология, история учреждений, музееведение, бытовая археология, история археологических открытий, нумизматика и др. (*Акинъшин и др.*, 2004. С. 132–134). К реализации столь обширной программы приступили ученые из Москвы, профессора закрытых гуманитарных факультетов Воронежского университета и опытные краеведы. К сожалению, ВО МАИ просуществовало недолго. В июне 1922 г. оно было закрыто вместе с головным учреждением и другими провинциальными филиалами (*Акинъшин и др.*, 2004. С. 137). Ликвидация института, без сомнения, была predetermined, поскольку он наглядно демонстрировал не только возможность, но и плодотворность преемственности с традициями «буржуазного» гуманитарного образования.

В сложившейся ситуации воронежцы по примеру москвичей открыли историко-археологические курсы при местном Обществе с аналогичным названием, которое стало приемником существовавшего параллельно с ВО МАИ Общества по исследованию памятников древности (ГАВО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 822. Л. 62, 63). Курсы имели почти ту же программу и состав преподавателей, что и ликвидированное отделение; была лишь несколько реорганизована их структура (*Акинъшин и др.*, 2004. С. 138–139). К примеру, археологическое отделение было преобразовано в археолого-этнографическое.

Но в первый же месяц занятий (октябрь 1922 г.) в канцелярии и учебных аудиториях курсов представителями ГПУ и Губполитпросвета был произведен обыск, часть комнат была опечатана. Проверка документов курсов велась и в январе 1923 г.

Точная дата закрытия курсов пока не установлена, но летом 1923 г. набор уже не проводился. По мнению авторов указанной выше статьи, некоторый свет на причины закрытия курсов проливает архивно-следственное дело 1935 г., по которому проходили бывшие профессора и студенты ВО МАИ. К 1922–1924 гг. чекисты отнесли создание контрреволюционной организации интеллигенции «Союз спасения России» (Акинъшин и др., 2004. С. 142).

За три неполных года существования ВО МАИ (включая курсы) из 128 слушателей всех отделений на археологическом училище 60 человек. Данные неполные, основаны на сохранившихся в архиве и опубликованных личных делах (Акинъшин и др., 2004. С. 143–159). Помимо перечисленных выше студентов упомянем сотрудников музея В.К. Быстржинского, В.И. Сухорукову, тульского исследователя М.А. Дружинина. Но едва намечившаяся возможность получения в Воронеже археологического образования была пресечена.

Таким образом, после пяти лет советской власти, когда на короткий срок неоднократно складывались, но вскоре разрушались благоприятные условия для формирования профессиональной археологической среды на базе высших учебных заведений, единственным учреждением Воронежа, в деятельности которого по-прежнему сохранялось археологическое направление, остался Губернский музей (в 1922 г. Воронежский губернский историко-археологический, с 1923 г. – Воронежский государственный историко-культурный).

Общие тенденции развития советской музейной системы в 1920-е гг. в полной мере нашли отражение в его истории. До середины десятилетия работа учреждений и в новом административно-правовом поле разворачивалась в рамках сложившейся еще до революции научно-просветительской модели. Затем, как известно, начинается реструктуризация музейной системы в масштабах всего государства с целью принципиального изменения ее функции в обществе. От музейных деятелей требовалось научную работу перестроить, исходя из методологических основ марксизма-ленинизма, а в просветительской – перейти от «культурничества» к политическому просвещению народных масс. Музей, таким образом, должен был превратиться в «политпросветкомбинат» (Резолюция..., 2010. С. 666). Одним из радикальных способов достижения поставленной цели стала смена кадров при физическом уничтожении неугодных.

В Воронежском музее первой половины 1920-х гг. продолжал развиваться существовавший с момента открытия отдел первобытных древностей. В феврале 1921 г. его возглавил уже проявивший себя в должности музейного инструктора Губернского управления музеев и охраны памятников искусства, старины, народного быта и природы (Губмузея) молодой и энергичный С.Н. Замятнин (ГАВО. Ф. 33. Оп. 3. Д. 12624. Л. 8). Вместе с ним на поприще археологии трудились Д.Д. Леонов (с 1921 г.), В.К. Быстржинский (с 1923 г.), Н.В. Валукинский (с 1923 г. сотрудник, с 1925 г. заведующий музеем, заместитель заведующего) при поддержке таких опытных краеведов, как М.К. Паренаго (с некоторыми перерывами заведующий музеем с 1920 до начала 1925 г., репрессирован) и Т.М. Олейников (в 1920–1930 гг. бессменный хранитель (заведующий) исторического отдела под разными его названиями, репрессирован).

Первая «мягкая» чистка руководящего состава воронежского музея, как и университета, была проведена в 1925 г., и тогда же музей претерпел реорганизацию «по инициативе правления» для выполнения «ударной задачи по увязке работы с хозяйством данного района» и «боевой задачи по открытию общественно-экономического отдела» (ГАВО. Ф. Р-904. Оп. 1. Д. 11. Л. 45 об.–46). При этом планировалось заменить название учреждения на «Воронежский Государственный музей областного краеведения» (ГАВО. Ф. Р-904. Оп. 1. Д. 17. Л. 64), что и было сделано через несколько лет, а в том же 1925 г. принципиально изменилась его структура, в которой отдел первобытных древностей навсегда утратил и свое название, и самостоятельность, став одним из многочисленных подотделов (археологии и истории) с одним сотрудником (ГАВО. Ф. Р-904. Оп. 1. Д. 11. Л. 16, 30).

К 1925 г. музейным археологам удалось упорядочить фондовую работу и развернуть экспозиционную. О результатах можно судить на основании отчетной документации музея (ГАВО. Ф. Р-904. Оп. 1. Д. 1. Л. 3 об., 4) и сохранившейся серии фотографий, одну из которых приводим (рис. 2). Отражены они и в научной публикации (*Шестова*, 1925. С. 28–29). В наиболее сжатом виде характеристика содержится в «Акте обследования музея № 184 от 24 января 1923 г. по предписанию Вор. Губ. РКИ»: «По отделу первобытных древностей имеется совершенно полный инвентарный каталог, выделенный из общего; все предметы проведены по их логической классификации и нашиты на таблицы, которые пронумерованы, как по общему инвентарю цифровому, так и буквенно на самом

картоне. Вся работа по этому отделу выполнена на 75%» (ГАВО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 955. Л. 29 об.).

Особенно ценной в свете последующих утрат является начатая С.Н. Замятниным работа по публикации наиболее значимых предметов из археологических коллекций музея (*Замятнин*, 1922). Предполагалась серия таких изданий (ГАВО. Ф. Р-904. Оп. 1. Д. 11. Л. 4).

С 1921 г. вплоть до начала Великой Отечественной войны становятся ежегодными полевые археологические исследования сотрудников музея, которые в условиях эпизодического финансирования экспедиционной работы проводились, как правило, в составе академических экспедиций, реже за счет собственных средств. С.Н. Замятнин, еще будучи студентом и отдавая себе отчет в недостаточном профессионализме, сумел привлечь внимание авторитетных археологов В.А. Городцова и П.П. Ефименко к возобновившимся в крае раскопкам¹. Академическая экспедиция под руководством П.П. Ефименко, проводившая работы в Воронежской губернии с 1923 до 1941 г. (с некоторыми перерывами), стала научно-образовательным центром для оставшихся в Воронеже археологов-краеведов. Д.Д. Леонов, лишь однажды организовав самостоятельные полевые исследования (*Краеведческая хроника*, 1925. С. 46–47), являлся одним из постоянных участников ленинградской экспедиции. Н.В. Валукинский, первый полевой сезон которого датируется 1923 г., с начала 1930-х гг. совмещал работу под руководством П.П. Ефименко и собственные раскопки (*Захарова, Клепикова*, 2008. С. 143–150).

С.Н. Замятнин и после переезда в 1925 г. в Ленинград еще на протяжении десяти лет, уже в качестве сотрудника ГАИМК, регулярно проводил разведки и раскопки в Центральном Черноземье, в том числе и в Воронежском крае (*Праслов*, 1999. С. 7–8).

Поскольку до конца 1921 г. С.Н. Замятнин, как мы уже писали, работал также в должности инструктора Губмузея, он стал координатором работы по учету и сохранению археологических памятников и находок на территории губернии (ГАВО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 592. Л. 8–8 об.). 27 июля 1921 г. по постановлению девятого Губернского съезда «Губмузей принял на учет курганы Воронежской губернии; поручил музейному инструктору Замятнину составить археологическую карту Воронежской губернии; разослал по уездным от-

¹ Этот сюжет уже был подробно рассмотрен в отдельной публикации. См.: *Бессуднов, Захарова*, 2017. С. 203–207.

делам народного образования анкету с указаниями по собиранию первобытных древностей; входит в сношение с местными любителями древностей о наблюдении за сохранностью уцелевших курганов; Губмузей по охране курганов вошел в сношение с Академией истории материальной культуры, которой принадлежит высшее наблюдение за курганами и раскопками Республики» (ГАВО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 592. Л. 9–10 об.). В рамках проводимой работы С.Н. Замятнин в 1921 г. опубликовал свою первую статью «По поводу археологической карты Воронежской губернии» (*Замятнин*, 1921. С. 43–47), а по ее результатам 15 июня 1922 г. защитил дипломное исследование «Археологические карты, их научное значение и методы их составления (с приложением археологической карты Воронежской губернии)» на археологическом факультете ВО МАИ (ГАВО. Ф. 33. Оп. 3. Д. 12624. Л. 7).

Завершая характеристику музейной археологии в воронежском крае, хотим отметить активную работу по сохранению и пополнению археологических фондов сотрудника Острогужского музея и одновременно уездного инструктора Губмузея Г.В. Ерёмченко – опытного краеведа с дореволюционным стажем, впоследствии репрессированного (*Котлярова*, 2008. С. 95).

Говоря о развитии воронежской археологии 1920-х годов, наряду с анализом деятельности учреждений нельзя не учитывать динамику функционирования местного краеведческого движения, одним из направлений которого она де-факто стала еще в предыдущие десятилетия. Тенденции в развитии советского краеведения этого периода, прослеженные специалистами и на уровне его руководящего органа – Центрального бюро краеведения (ЦБК) (*Соболев*, 2000. С. 535–541; *Козлов*, 2012. С. 16–30), и на губернском (*Акинъшин*, 2012. С. 31–38; *Хаберкорн*, 2018. С. 118–127), аналогичны.

В первые годы своего развития оно было направлено на решение в основном научных и просветительских задач при координирующей роли ЦБК, созданного в 1922 г. под эгидой Российской академии наук. Объединившись к началу 1924 г. в Общество изучения Воронежского края, ядром которого стали «члены бывших Архивной комиссии и [Церковного] Историко-археологического комитета», воронежские краеведы планировали по образцу ЦБК организовать работу трех «разрядов»: экономического, естественно-исторического и культурно-исторического (Воронеж..., 1925. С. 18). В рамках последнего определенное место заняли и археологические исследования научного характера.

Об их результатах Д.Д. Леонов регулярно сообщал на заседаниях общества: «Курган 14 в урочище “Частые курганы”» (29.04.1924), «Археологические разведки в Валуйском и Острогожском уездах» (26.09.1924) (ГАВО. Ф. Р-904. Оп. 1. Д. 3. Л. 14 об.). Информация о проведенных разведках и раскопках публиковалась на страницах местных краеведческих изданий (Краеведческая хроника, 1925. С. 46–47; *Замятнин*, 1925а. С. 19–21). Программным в этой связи можно считать доклад С.Н. Замятнина «Доисторические культуры Центрально-Чернозёмной области и задачи краеведческих обществ в их изучении» на прошедшей в 1924 г. в Воронеже первой областной конференции по изучению производительных сил Чернозёмного края (Первая областная..., 1924. С. 18). В дополнение к нему, исполняя резолюцию конференции (Первая областная..., 1924. С. 20), докладчик опубликовал «Инструкцию для изучения первобытных древностей», в которой изложены методы сбора сведений об археологических памятниках, возможные меры по их охране, а также регламент проведения раскопок. Показательно, что такого рода деятельность именовалась им «насущнейшей задачей ближайшего времени» (*Замятнин*, 1925б. С. 41–44).

По мере сложения тоталитарного режима, сопровождающегося всеохватывающей централизацией, краеведческим исследованиям все чаще стали придавать утилитарный характер. Уже в конце 1924 г. передача ЦБК в ведение Главнауки Наркомпроса аргументировалась необходимостью «тесной связи краеведения не только с научными учреждениями,... но и с хозяйственным, просветительным и партийным строительством» (От редакции..., 1925. С. 2). Дальнейшее закрепление избранного курса отражено в циркуляре Наркомпроса 1927 г. исполкомам местных Советов в исполнение резолюции XIII Всероссийского съезда Советов. В нем предлагалось «проводить планомерное развитие сети краеведческих организаций путем создания фабричных, заводских и сельских краеведческих обществ, ячеек, музеев, библиотек...» и «...вовлекать их в разработку основных вопросов местного хозяйственного и культурного строительства» (Циркулярное обращение..., 1927. С. 297–298). В такой ситуации, как уже было подмечено, изучение местной старины, во всем ее многообразии, борьба за сохранение памятников истории и культуры становились сначала ненужными, а затем и вредными; за массовостью неизбежно терялся исследовательский характер краеведения (*Акинъшин*, 2012. С. 33).

К 1930-му году, знаменующему начало «нового этапа в краеведении», при внесении в него политики и идеологии уже была проведена смена руководства движением, ликвидированы «вредные издания», фактически прекращено государственное финансирование местных обществ. В таких условиях успех «...замены старых задач академического краеведения новыми, отвечающими эпохе диктатуры пролетариата», к которой призывала передовая статья первого номера нового журнала «Советское краеведение», был предрешен (Новый этап..., 1930. С. 1).

Изменение вектора государственной политики, произошедшее за несколько лет, опытные краеведы Центрального Черноземья прекрасно осознавали. Яркой иллюстрацией тому является публикация «в духе времени» известного историка, краеведа и археолога П.Н. Черменского «Археолог-любитель. Петр Емельянович Кудинов-Фёдоров», в которой автор предлагает читателям брать пример с 66-летнего сельского жителя, хранящего в своем небольшом домике «на полу второй, “чистой” комнаты» коллекцию древних предметов, «добытых с таким трудом и ценных в научном отношении» как «объект для экскурсий школьников и взрослых обширного района» (Черменский, 1929. С. 19–21).

К сожалению, тенденция выхолащивания исторического, а с ним и археологического, краеведения в Центральном Черноземье приобрела масштабы подлинной трагедии, приведшей к гибели или отказу от продолжения своей деятельности наиболее авторитетных краеведов (Акинъшин, 1992. С. 208–235; Щавелёв, 2007).

Дальнейшее развитие в Воронеже археологии как сферы научно-исследовательской и просветительской деятельности в 1930-е гг. происходило только благодаря непрерывающимся полевым работам экспедиций ГАИМК, в которых участвовал и сотрудниками, и финансами областной краеведческий музей.

Литература

- Акинъшин А.Н., 1992. Трагедия краеведов (по следам архива КГБ) // Русская провинция. Воронеж: Центрально-Чернозёмное книжное изд-во. С. 208–235.
- Акинъшин А.Н., 2012. Воронежское губернское краеведческое общество 1920-х гг. // Шестые всероссийские краеведческие чтения / Отв. ред. В.Ф. Козлов, сост. А.Г. Смирнова. М.: Изд. центр «Краеведение». С. 31–38.
- Акинъшин А.Н., 2013. Первое студенчество Воронежского университета. Архивная мозаика // Университетская площадь. № 6. С. 6–14.

- Акинъшин А.Н., Карпачёв М. Д., 2003. Исторический факультет: вехи истории // Исторический факультет Воронежского государственного университета. Воронеж: ВГУ. С. 9–54.
- Акинъшин А.Н. и др., 2004. Акинъшин А.Н., Алленова В.А., Сафонов И.Е. Воронежское отделение Московского археологического института (1920–1923 гг.) // Исторические записки. Вып. 10. Воронеж: ВГУ. С. 129–161.
- Беззубцев Н.М., 1924. Музей древностей и изящных искусств ВГУ // Воронежский краеведческий сборник / О-во для изучения Воронеж. края. Вып. 1. Воронеж: Тип. губсоюза. С. 44–48.
- Бессуднов А.Н., Захарова Е.Ю., 2017. Костёнковско-Борщевский археологический район в научном наследии В.А. Городцова // Естественнаучные методы в изучении и сохранении памятников Костёнковско-Борщевского археологического района: материалы Международной научно-практической конференции (Воронеж, 15–17 сентября 2016 г.) / Отв. ред. В.Н. Ковалевский. Воронеж: ВГУ. С. 203–207.
- Воронеж..., 1925. Воронеж // Известия ЦБК. № 1. С. 18.
- Замятин С.Н., 1921. С.Н.З. По поводу археологической карты Воронежской губернии // Воронежский историко-археологический вестник. Вып. 1. Воронеж. С. 43–47.
- Замятин С.Н., 1922. Очерки по доистории Воронежского края: (каменный и бронзовый век в Воронежской губернии). Воронеж: Тип. 1 отд-ние автономного управления. 16 с.
- Замятин С.Н., 1925а. Археологические исследования в Острогском и Россошанском уездах в июне и июле 1925 г. // Известия Воронежского краеведческого общества: краеведческий ежемесячник. № 2. Воронеж: Тип. губсоюза. С. 19–21.
- Замятин С.Н., 1925б. Инструкция для изучения первобытных древностей // Воронежский краеведческий сборник / О-во для изучения Воронеж. края. Вып. 2. Воронеж: Тип. губсоюза. С. 41–44.
- Замятин С.Н., 1946. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем: (Раскопки Воронежской ученой архивной комиссии 1910–1915 гг.) // СА. Т. VIII. М.; Л. С. 1–48.
- Захарова Е.Ю., Клепикова Л.Н., 2008. Среднее Подонье в археологических исследованиях Н.В. Валукинского // Из истории отечественной археологии. Вып. 1. Воронеж: ВГУ. С. 143–150.
- Захарова Е.Ю., 2015. История археологии Центрального Черноземья России (последняя четверть XVIII в. – 1970-е гг.). Автореф. дис....докт. ист. наук. Воронеж. 40 с.
- Карпачёв М.Д., 2013. Воронежский университет: вехи истории. 1918–2013. Изд. 2-е, испр. и доп. Воронеж: ВГУ. 560 с.
- Козлов В.Ф., 2012. Центральное бюро краеведения (ЦБК) как руководящий орган краеведческого движения в 1920-е гг. // Шестые всероссийские краеведческие чтения / Отв. ред. В.Ф. Козлов, сост. А.Г. Смирнова. М.: Краеведение. С. 16–30.
- Котлярова И.В., 2008. Музеи Воронежского края (вторая половина XIX – первая треть XX вв.). Воронеж: ВГУ. 163 с.
- Краеведческая хроника..., 1925. Краеведческая хроника. 1. Археологические разведки в Воронежской губ. // Воронежский краеведческий сборник / О-во для изучения Воронеж. края. Вып. 2. Воронеж: Тип. губсоюза. С. 46–47.

- Литвева Л.П.*, 1991. Ретель как византинист // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. Сборник статей / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М.: МГУ. С. 130–140.
- Немировский А.И.*, 2004. Василий Ретель как археолог // Воронежский курьер. 17 апреля. Новый этап..., 1930. Новый этап в краеведении // Советское краеведение. № 1–2. С. 1–2.
- От редакции..., 1925. От редакции // Известия ЦБК. № 1. С. 1–4.
- Первая областная..., 1924. Первая областная конференция по изучению производительных сил Центрально-Черноземной области: г. Воронеж, 10–13 июля 1924 г.: краткий отчет / Под ред.: Б.А. Петерс, С.Н. Введенского. Воронеж: Союз обществ и организаций по изучению производительных сил ЦЧО. 25 с.
- Поташкина Н.А.*, 2006. Деятельность воронежских краеведов по исследованию исторических древностей края (конец XIX – начало XX вв.). Автореф. дисс... канд. ист. наук. Воронеж. 23 с.
- Праслов Н.Д.*, 1999. Сергей Николаевич Замятин: основные вехи жизни и творчества (21.04.1899–5.11.1958 гг.) // Stratum plus. № 1. С. 7–9.
- Пряхин А.Д.*, 2013. Археология в Воронежском госуниверситете (1918 – начало 90-х гг. XX в.). Книга 1. Воронеж: ИПЦ ВГУ. 140 с.
- Резолюция..., 2010. Резолюция съезда «Принципы и формы массовой политпросветработы в музее» // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков: сб. документов и материалов / Отв. ред. Э.А. Шулепова. М.: Этерна. С. 665–669.
- Соболев В.С.*, 2000. Академия наук и краеведческое движение // Вестник РАН. Т. 70. № 6. С. 535–541.
- Формозов А.А.*, 1998. М.Е. Фосс и проблемы неолитических культур // Очерки истории отечественной археологии / Отв. ред. А.А. Формозов, И.С. Каменецкий. Вып. 2. М.: Богородский печатник. С. 214–228.
- Хаберкорн Т.*, 2018. Центральное бюро краеведения и Воронежский государственный историко-культурный музей в 1920-е гг. // Из истории воронежского края: Сборник статей. Вып. 25 / Отв. ред. А.Н. Акинъшин. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное изд-во. С. 118–127.
- Хайкин С.Р., Немировский А.И.*, 1975. Из истории Воронежского музея изобразительных искусств // Из истории Воронежского края. Вып. 5. Воронеж: ВГУ. С. 110–124.
- Циркулярное обращение..., 1927. Циркулярное обращение Наркомпроса к председателям Исполкомов о содействии краеведной работе // Известия ЦБК. № 9. С. 297–298.
- Черменский П.Н.*, 1929. Археолог-любитель. Петр Емельянович Кудинов-Федоров // Бюллетень областного бюро краеведения Центрально-Черноземной области. Воронеж: [б. и.]. 32 с.
- Чесноков В.И.*, 1987. Начало советского архивного строительства в Воронежской губернии // Записки воронежских краеведов. Вып. 3. Воронеж. С. 59–84.
- Шестова С.Н.*, 1925. Воронежский государственный историко-культурный музей (Краткий исторический очерк) // Сборник Воронежского государственного историко-культурного музея. Вып. I. Воронеж: Тип. губсоюза. С. 3–32.
- Щавелёв С.П.*, 2007. «Дело краеведов ЦЧО» 1930–1931 годов (Курский «филиал»). Курск: КГМУ. 272 с.
- Эпизоды..., 2003. Эпизоды из культурной и общественной жизни Воронежского края по документальным источникам (1919–1926 гг.). Публ., предисл. и коммент. О.Г. Ласунского; примеч. А.Н. Акинъшина // Из истории Воронежского

края: Сб. статей. Вып. 11 / Отв. ред. А.Н. Акиншин. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное изд-во. С. 201–204.

Якушкина М.М., 2010. Личный архив М.Е. Фосс в Отделе письменных источников Государственного исторического музея // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009) / Отв. ред. И.С. Каменецкий, А.Н. Сорокин. М.: Гриф и К. С. 770–780.

Л.Ю. Китова

У ИСТОКОВ СОВЕТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ В СИБИРИ: ОРГАНИЗАЦИИ И УЧРЕЖДЕНИЯ В НОВЫХ РЕАЛИЯХ

Резюме. В статье рассмотрена деятельность сибирских учреждений и организаций по выявлению, изучению и сохранению археологических памятников в Сибири до революции, в годы Гражданской войны и в начале советского периода. Определено, что такие учреждения как губернские статистические комитеты, архивные ученые комиссии, общества истории и древностей появились в Сибири намного позже, чем в европейской части России и действовали в области археологии только по настоятельным запросам Императорской археологической комиссии, Русского и Московского археологических обществ. Большей активностью и глубиной исследований отличались в дореволюционный период местные музеи, отделы Императорского Русского географического общества. Выявлено, что в годы Гражданской войны несмотря на все тяготы существования людей и учреждений появились совершенно новые возможности для развития археологии и исторического образования в Сибири. С созданием историко-филологических факультетов в Томского университета и в открытом при А.В. Колчаке Иркутском университете, а также в связи с эвакуацией в сибирские университеты высококвалифицированных специалистов в области гуманитарных наук из западной части России появилась возможность читать студентам лекции по археологии, этнологии, древней истории, музеологии и охране памятников, вести полноценные археологические исследования, создать в Иркутске первую сибирскую археологическую школу. Советское государство в силу недостатка финансовых средств и ряда идеологических причин отказалось от развития исторического образования в Сибири, свернуло деятельность краеведческих организаций. К началу 1930-х гг. были уничтожены все археологические центры Сибири, что затормозило развитие провинциальной археологической науки на несколько десятилетий.

Ключевые слова: археология, музеи, отделы Императорского Русского географического общества, Томский университет, Иркутский университет, Общество изучения Сибири.

До революции в Российской империи сведения об археологических памятниках регионов собирали губернские статистические комитеты, архивные ученые комиссии, общества истории и древностей, отделы Императорского Русского географического общества (ИРГО), местные музеи. Последние три категории учреждений наиболее активно брались и за их исследование. Координацией и руководством археологической деятельности занимались Императорская археологическая комиссия (ИАК), Русское и Московское археологические общества (РАО, МАО). Поиск и изучение археологических артефактов производили и немногочисленные университеты, преподаватели которых, начиная с XIX в., вводили информацию, в первую очередь об античных древностях, в курсы лекций по истории древней Греции и Древнего Рима, а позже и об отечественных древностях в лекции по отечественной истории.

В Сибири до революции обществ по изучению древней истории и археологии не было, не смотря на то, что в начале XX в. стала создаваться целая сеть общественных организаций, в том числе Общество изучения Сибири и улучшения ее быта (1908–1917 гг.) в Петербурге со своими отделами в Сибири (*Шиловский, 2019*).

Роль общественных организаций, кроме отделов ИРГО, во втором десятилетии XX в. стали выполнять сибирские губернские ученые архивные комиссии (ГУАК). Деятельность сибирских губернских статистических комитетов, появившихся во второй половине XIX в., в основном ограничивалась сбором статистических данных по сельскому хозяйству, промышленности, топографическому и экономическому описанию, т.е. статкомитеты выполняли те виды обязательных работ, которые запрашивал Центральный статистический комитет. Однако его запрос 1863 г., сделанный по просьбе ИАК, в Иркутский губернский статистический комитет о местах дислокации памятников древности для составления археологической карты губернии не был выполнен.

Деятельность сибирских губстаткомитетов активизировалась в 1880-е гг., и они стали откликаться на задания по археологии. С ними часто сотрудничали отделы ИРГО и вели совместные изыскания по географии, этнографии и археологии отдельных регионов. Комплексные исследования о ресурсах, экономическом и культурном развитии сибирских регионов проводили от Иркутского губернского статкомитета известный деятель сибирского областничества, географ, этнограф, фольклорист, член ИРГО Г.Н. Потанин и преподаватель педагогики, а затем директор

Иркутской учительской семинарии, член Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества (ВСОРГО) Н.Н. Агапитов; от Забайкальского областного статкомитета – революционер, краевед, музейевед, член Забайкальского отделения Приамурского отдела ИРГО А.К. Кузнецов; от Енисейского губернского статкомитета – директор Минусинского музея Н.М. Мартьянов, который являлся почетным членом Енисейского губстаткомитета. В 1882 г. Западно-Сибирский отдел ИРГО поручил Тобольскому губернскому статистическому комитету обследование археологических памятников в Тобольском и Ялуторовском округах Тобольской губернии (*Игумнов*, 2009. С. 89–93). По археологии это были рекогносцировочные исследования, не носившие систематического характера. Ни значительных денежных средств, ни подготовленных для ведения археологических полевых изысканий специалистов у статистических комитетов не было. В Сибири в целом был очень малочисленный слой интеллигенции, способный к глубоким исследованиям, поэтому одни и те же люди выступали в разных ипостасях. Сотрудники сибирских музейев и члены отделов ИРГО часто от лица того или иного губернского статкомитета собирали данные и предоставляли информацию об археологических объектах на территории регионов, о коллекциях в музеях и у частных лиц, которые можно было использовать для участия в международных и российских выставках и пр. Нередко в состав статкомитетов вводились члены ИРГО. Так, Г.Н. Потанин еще в 1865 г. был назначен секретарем Томского губстаткомитета, в 1887–1888 гг. эту должность занимал его ученик, общественный деятель, этнограф, археолог А.В. Адрианов.

Из известных исследователей, интересующихся археологией, действительными членами Енисейского губернского статкомитета были геолог, промышленник, И.А. Лопатин; директор учительской семинарии, открывший палеолитическую стоянку Афонтова гора, И.Т. Савенков; директор Музея Приенисейского края в Красноярске А.Я. Тугаринов (*Хорина*, 2012. С. 31).

В 1888 г. МАО обратилось в Иркутский, Енисейский и Томский губернские статистические комитеты с просьбой собрать информацию по предложенной им программе для составления археологической карты регионов (*Игумнов*, 2009. С. 91; *Хорина*, 2012. С. 32). Просьбы были адресованы именно в те статкомы, где работали заинтересованные сотрудники, являющиеся одновременно членами ИРГО и сотрудниками местных музейев.

Так, Енисейский губстатком выполнил задание благодаря информации, полученной от Н.М. Мартьянова и И.Т. Савенкова, а также от окружных исправников, за что получил от МАО благодарственное письмо (Хорина, 2012. С. 32).

Однако работа по составлению археологических карт сибирских регионов была только начата, и понадобятся еще десятки лет, чтобы составить своды археологических памятников и археологические карты областей Сибири.

Если губернские архивные ученые комиссии стали организовываться в европейской части России с 1884 г., то в Сибири таковая впервые была создана в Иркутске в 1911 г., далее были учреждены в 1912 г. Якутская, а в 1915 г. – Тобольская и Томская архивные ученые комиссии (Матханова, 2019). Тем не менее, деятельность Иркутской ГУАК до 1914 г. включительно не ограничивалась одной губернией, а распространялась на всю Сибирь и Дальний Восток (Отчет..., 1914. С. XI). Археологические изыскания не стояли на первом месте в деятельности Иркутской архивной комиссии, но одним из ее отцов-основателей и главным действующим лицом был Михаил Павлович Овчинников – краевед-подвижник, архивовед, который занимался и археологией. До создания ИГУАК он уже состоял членом ВСОРГО, был библиотекарем и консерватором музея ВСОРГО и с 1892 г. проводил рекогносцировочные археологические исследования в окрестностях Иркутска. Именно он, будучи сначала правителем дел, а затем товарищем председателя Иркутской архивной комиссии, ратовал за разработку проекта охраны памятников древности в Сибири (Отчет..., 1913. С. VI), выступал против разграбления курганов, торговли археологическими находками и переплавки бронзовых артефактов в современные изделия (Отчет..., 1914. С. XVI–XVII).

11 декабря 1911 г. был образован иркутский отдел Общества изучения Сибири и улучшения ее быта (Общество..., 2015), а с 1912 г. М.П. Овчинников стал руководить археологической секцией этого Общества (Овчинников..., 2019). От имени двух организаций – Иркутской архивной комиссии и Общества изучения Сибири – в 1912–1913 гг. он организовал археологические исследования студентов, в основном естественников, из университетов Петербурга, Москвы, Казани, Варшавы, приехавших на каникулы. Студенты под руководством М.П. Овчинникова провели археологическую разведку стоянок первобытного человека в окрестностях Иркутска – Царь-Девича, Верхоленская гора, Кузьмиха,

Межовка и др. В районе Межовки в 1912 г. студентами было раскопано погребение древнего человека с набором неолитических орудий, а в 1913 г. близ Кузьмихи будут исследованы два кургана эпохи металла (Отчет..., 1914. С. VIII–X, XVIII–XX). В плане археологических исследований из всех сибирских архивных комиссий деятельность Иркутской – самая весомая. Главными центрами по исследованию археологических памятников, изучению и сохранению археологических артефактов в Сибири были музеи и отделы ИРГО. К рубежу XIX–XX вв. в Сибири действовало около двух десятков музеев (Китова, 2015). Особенно выделялся Иркутск. Именно здесь был открыт первый сибирский музей в 1782 г., создан первый сибирский отдел ИРГО в 1851 г.

В Иркутск не по собственной воле попали три участника польского восстания 1863 г. – И.Д. Черский, А.Л. Чекановский, Н.И. Витковский, а позже был сослан народоволец М.П. Овчинников. Именно эти политические ссыльные, занявшиеся наукой и действовавшие по поручению отдела ИРГО, оказали большое влияние на формирование интереса к археологии каменного века в Иркутской губернии и внесли вклад в ее развитие. Они сотрудничали с местным музеем. Геологи И.Д. Черский и А.Л. Чекановский в последней трети XIX в. совершили открытие в области палеолита, которое вывело региональную археологию на общероссийский и европейский уровни. Ими была исследована первая палеолитическая стоянка в России, обнаруженная в 1871 г. при строительстве военного госпиталя под Иркутском. Находки каменных и костяных артефактов из бивня мамонта вместе с остатками плейстоценовой фауны позволили И.Д. Черскому датировать Иркутскую стоянку в хронологических границах плейстоцена (Черский, 1872. С. 167–172). В 1880–1881 гг. Н.И. Витковский раскопал первый неолитический могильник в России, в устье р. Китоя, левого притока р. Ангары. Затем им были исследованы глазковские погребения, а также поселения эпохи неолита, в связи с чем он предлагал определить все типы памятников неолита и составить археологическую карту Иркутской губернии (Витковский, 1889). М.П. Овчинников, уточняя соображения Н.И. Витковского, впервые высказал идею о культурно-хронологическом различии китойских и глазковских памятников, а также изложил долгосрочные задачи археологических исследований. Это: установление этнической принадлежности древних жителей Восточной Сибири, обнаружение путей их передвижения и контактов, а в конечном итоге реконструкция древней истории (Овчинников, 1906. С. 62–76). С точки зрения

представлений, которые высказывали исследователи по поводу обнаруженных археологических памятников Сибири, то они не были архаичными и базировались на позитивистских и палеоэтнологических концепциях того времени.

В Енисейской губернии в последнюю четверть XIX в. было создано несколько музеев: Минусинский (1877), Енисейский (1883), Ачинский (1887), Красноярский (1889), но регулярные археологические изыскания проводились совместно с отделами ИРГО только двумя музеями – Минусинским и Красноярским.

В Минусинске музей создал музейщик-подвижник, провизор Н.М. Мартянов, который привлекал к исследованиям любителей археологии: Д.А. Клеменца, А.В. Адрианова, И.П. Кузнецова-Красноярского, И.А. Лопатина. С Красноярским музеем до революции сотрудничали П.С. Проскуряков, И.Т. Савенков, А.С. Еленев, М.Е. Киборт, А.В. Адрианов, А.Я. Тугаринов, А.П. Ермолаев, С.М. Сергеев (*Макаров, Вдовин, 2018. С. 6–37*). Эти исследователи были избраны членами и членами-корреспондентами ИАК, МАО, ИРГО; получали разрешения на ведение раскопок и финансовую поддержку. Отметим только одно из самых знаменательных открытий: обнаружение И.Т. Савенковым в 1884 г. второй стоянки эпохи палеолита в Сибири на Афонтовой горе. Исследование этого памятника он продолжил в 1885–1889 гг., 1892–1893 гг. и 1914 г.

В таком губернском центре, как Томск до революции не было музея, но был открыт в 1888 г. первый Сибирский университет, правда, из-за финансовых и кадровых проблем только с одним – медицинским – факультетом. Тем не менее, так случилось, что попечителем Западно-Сибирского учебного округа был назначен выпускник медицинского факультета Казанского университета В.М. Флоринский, который активно интересовался древней историей и археологией. Он в 1882 г., еще до открытия университета, учредил при нем музей археологии и этнографии, отдав туда свои коллекции, а также привлек к пополнению фондов музея меценатов. Фонды музея комплектовались за счет раскопок библиотекаря Томского университета, выпускника историко-филологического факультета Казанского университета С.К. Кузнецова (*Китова, Боброва, 2018*) и известного исследователя А.В. Адрианова. Последний привел в порядок многие коллекции музея, составил описи материалов, хранящихся в фондах. В археологических изысканиях в Томской губернии участвовали профессор-зоолог Н.Ф. Кашенко и прозектор С.М. Чугунов (*Китова, 2014. С. 16*).

В 1898 г. в Томском университете были открыты юридический и физико-математический факультеты. 1 июля 1917 г. Временное правительство учредило историко-филологический факультет университета и естественное отделение физико-математического факультета, создав на последнем кафедру географии. Только на тридцатом году своего существования Томский университет получил набор всех факультетов, необходимых для деятельности классических университетов. Однако разразившаяся Гражданская война, а затем победа советской власти существенно скорректировали систему высшего образования в стране в целом и в Сибири в частности.

В 1918 г. правительством А.В. Колчака под напором иркутской общественности был образован второй сибирский университет с историко-филологическим и юридическим факультетами в Иркутске. По приказу А.В. Колчака в Томск и Иркутск были эвакуированы профессора и студенты Казанского и Пермского университетов. Так, бывший декан историко-филологического факультета Пермского университета, профессор-античник Б.Л. Богаевский с 1919 г. преподает в ТГУ, а в 1921–1922 гг. становится его ректором.

Некоторые преподаватели из европейской части России бежали в Сибирь от большевиков самостоятельно. Для преподавания дисциплин по кафедре географии ТГУ необходим был профессор, и декан физико-математического факультета В.Л. Некрасов в июле 1919 г. пригласил для этого уже известного в России этнографа и географа С.И. Руденко (СПбФ АРАН. Ф. 1004. Оп. 1. Д. 197. Л. 2). Сергей Иванович, будучи сверхштатным ассистентом кафедры географии и антропологии Петроградского университета (СПбФ АРАН. Ф. 1004. Оп. 1. Д. 268. Л. 1), в 1918–1919 гг. по предложению Комиссии по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран (КИПС) изучал совместно с этнографом Ф.А. Фиельструпом этнический состав населения Приуралья и занимался организацией базы у Миассова озера. Мятеж чехословацкого корпуса, выступление армии Колчака отрезали исследователей линией фронта от европейской части России, и, вероятно, повлияли на их решение перебраться в Томск. Перипетии Гражданской войны способствовали появлению в Томске археологов С.А. Теплоухова, В.Ф. Смолина, этнографа и географа А.К. Иванова (*Китова*, 2007. С. 33). Этот состав исследователей и займется археологическими изысканиями в 1920-е гг. от Томского университета.

Кроме того, в январе 1919 г. в Томске создан Институт исследования Сибири (ИИС), которому предписывалось в военный период исполнять обязанности Академии наук и проводить научно-практические обследования природы и населения Сибири с целью культурно-экономического становления края и рационального применения его богатств. В ИИС 12 октября 1919 г. был образован историко-этнографический отдел, секретарем, затем и председателем которого был С.И. Руденко, а его членами выступали Ф.А. Фиельструп, В.Ф. Смолин. Совместно с организованным В.Ф. Смолиным при ТГУ Обществом археологии, истории и этнографии на заседаниях отдела ИИС обсуждались научные проблемы, вопросы организации экспедиций, состояния архивов и библиотек Томска, охраны памятников древности и составления археологической карты Сибири (ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 23–25; Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 40. Л. 34–44). Членом и секретарем естественноисторического отдела ИИС был С.А. Теплоухов. На заседаниях этого отдела также рассматривались вопросы организации экспедиций и научных исследований естественников (ГАТО. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 20. Л. 22; Д. 32. Л. 22). К сожалению, после окончания Гражданской войны в январе 1920 г. ИИС был закрыт как учреждение, открытое при А.В. Колчаке.

С.И. Руденко и С.А. Теплоухов преподавали на естественном отделении физмата ТГУ, В.Ф. Смолин – на историко-филологическом факультете. Несмотря на смену власти, они не отказались от проведения запланированных на лето 1920 г. исследований. В.Ф. Смолин совместно со студентом историко-филологического факультета ТГУ И.М. Мягковым организовал археологические изыскания на Томском могильнике. Экспедиция в составе заведующего кафедрой географии, профессора С.И. Руденко, преподавателей С.А. Теплоухова, Ф.А. Фиельструпа, препаратора А.Н. Глухова и студентов М.П. Грязнова и Ю.М. Голубковой выехали в Минусинский край. Руденко проводил раскопки Бузуновского могильника скифского времени, а Теплоухов начал планомерные раскопки и исследование погребений эпохи бронзы и раннего железного века. Грязнов и Голубкова проходили географическую практику и собрали информацию о географии среднего течения р. Енисея, а также «заболели» археологией, во всяком случае, Михаил Петрович. Тем более что на естественном отделении физмата С.И. Руденко читал лекции студентам по географии, этнологии, антропологии, а С.А. Теплоухов по палеоэтнологии Сибири. В 1921 г. С.А. Теплоухов от ТГУ продолжит исследования вместе

со студентами физмата М.П. Грязновым, Е.А. Гуковским и студентом историко-филологического факультета Е.Р. Шнейдером в Минусинском крае. В научном отчете за 1921 г. о проведенных раскопках Сергей Александрович укажет три первые определенные им культуры из будущей классификации культур: афанасьевская, андроновская, карасукская или «культура гробниц» (ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 89. Л. 61–65). Эта деятельность приехавших в 1918–1919 гг. в Томск исследователей указывает на то, что они были заинтересованы в ее продолжении в ТГУ. Был создан коллектив, который мог решать исследовательские задачи, тем более что в ноябре 1920 г. С.И. Руденко был избран деканом физико-математического факультета ТГУ (ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 89. Л. 61–65).

Тем не менее, после окончания Гражданской войны в Сибири советское правительство очень быстро начало реформировать систему высшего образования в регионе по тем же правилам, что и в столицах. В 1921 г. все гуманитарные факультеты двух сибирских университетов были объединены в факультеты общественных наук (ФОН). Более того, была и своя особенность существования сибирских университетов: в рядах старой профессуры сразу стали искать пособников А.В. Колчака, поэтому началась активная пролетаризация и профессорско-преподавательского состава, и поступающих в вузы студентов. Средств для поддержания университетов в стране не хватало, но также слишком мало было подготовленных специалистов для промышленности, сельского хозяйства. Перед советским правительством стояли сложные задачи – ликвидировать неграмотность, подготовить кадры с высшим образованием для страны. И государство приняло решение сохранить в провинциальных университетах только факультеты, имеющие прикладное значение, а обучение сократить до 3-х лет. Таким образом, уже в 1922 г. закрывают ФОН в ТГУ, недоучившимся студентам предлагают перевестись в Иркутск или Петроград. Нависла угроза закрытия физико-математического факультета ТГУ. Из Томска уезжают ученые, в том числе Б.Л. Богаевский, В.Ф. Смолин, С.И. Руденко, С.А. Теплоухов, Ф.А. Фиельструп. За ними в Петроград переезжают студенты М.П. Грязнов, Е.Р. Шнейдер, И.М. Мягков, желающие дальше продолжить образование в области археологии, этнологии и истории.

Возможность получить высшее историческое образование в Сибири останется в Иркутске, но и здесь ФОН сохранится лишь до 1926 г. Организатор подготовки палеоэтнологов на факультете

Б.Э. Петри не просто руководил кафедрой первобытной культуры историко-филологического факультета Иркутского университета с 1918 г. (преобразованного в ФОН в 1922 г.), но и основал первую сибирскую школу археологов. Он разработал собственную систему подготовки научных кадров. Профессор Петри учредил музей этнографии, кабинет археологии и этнографии коренных народов Сибири, создал студенческий научный кружок. Каждому студенту на лето давалось индивидуальное задание по поиску и исследованию археологических памятников Восточной Сибири. На собрании студенческого кружка, которое часто проходило вместе с заседанием палеоэтнологической секции ВСОРГО, заслушивались и обсуждались самостоятельные доклады студентов по темам летних изысканий. Для подготовки студентов-археологов Б.Э. Петри написал и опубликовал очерки по палеолиту, неолиту и древней истории Сибири, разработал и издал программу исследования стоянок под открытым небом и др. (Петри, 1923а; 1923б; 1926; 1928).

Б.Э. Петри начал этнографические исследования в районе оз. Байкал в 1912 г. будучи сотрудником Кунсткамеры. В этот год он открыл неолитическую стоянку Улан-Хада, которая станет опорным памятником для создания культурно-хронологической периодизации неолита в Сибири. Исследования будут продолжены в 1913 и 1916 гг. В иркутский период жизни – 1918–1938 гг. – он возобновит свои изыскания. В археологическом плане активными будут первые 10 лет этого периода, когда Бернгард Эдуардович будет руководить кафедрой, кружком, музеем университета, читать студентам лекции по археологии, этнографии, музейному делу, методике раскопок археологических памятников. За этот период он пополнит университетский музей 82 археологическими коллекциями из 13511 предметов, собранными им в ходе раскопок в Прибайкалье, в том числе 4029 находок из камня, кости и рога со стоянки Верхоленская гора (раскопки 1919–1927 гг.), 2667 каменных, железных и керамических артефактов с памятника Царь-девица на Ангаре (раскопки 1923 г.), 1846 каменных и керамических предметов из раскопок в бухте Песчаная на Байкале и некоторых других (ГАНУ. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 52. Л. 1). Среди учеников Б.Э. Петри были первый председатель кружка Е.И. Титов, второй его председатель П.П. Хороших, члены кружка Г.П. Сосновский, Г.Ф. Дебеч, М.М. Герасимов, А.П. Окладников, О.И. Толстихина, Н.П. Попов, В.И. Сосновский, П.Г. Полторацнев, А.М. Попова, Н.Н. Мельников, А.П. Федоров, Ф.И. Полухина, Н.А. Лыткин, Л.М. Гуменская,

П.Н. Хлопов, М.П. Быкова и многие другие (Петри, 1928. С. 5). Членами кружка также были: выпускник юридического факультета ТГУ Г.В. Ксенофонтов, занимавшийся научной работой в 1920–1923 гг. под руководством Петри; Я.Н. Ходукин, сотрудник, а затем директор Иркутского музея. Г.В. Ксенофонтов и Я.Н. Ходукин были ассистентами Б.Э. Петри в Иркутском университете.

Несмотря на все успехи в подготовке кадров, в изучении и сохранении памятников древности Прибайкалья, в 1926 г. закрываются кафедра, и ФОН в Иркутском университете. Выпускники Б.Э. Петри уезжают в аспирантуру столичных научных учреждений: в 1926 г. – Г.П. Сосновский, в 1927 г. – Г.Ф. Дебец, в 1932 г. – М.М. Герасимов, в 1934 г. – А.П. Окладников. В 1930 г. закрывают весь университет, правда, через год его восстанавливают, но уже без гуманитарных факультетов. В отличие от столиц в сибирских университетах историческое образование будет возрождено лишь в 1940 г.

Из музеев своей археологической деятельностью в 1918–1920-е гг. выделялся Музей Приенисейского края в Красноярске. Здесь Гражданская война свела в один коллектив четырех исследователей: дипломированного археолога Н.К. Ауэрбаха, ученика В.А. Городцова; добровольного сотрудника археологического отдела МАЭ, окончившего Петроградское коммерческое училище Г.П. Сосновского; любителя палеонтологии, первооткрывателя Афонтовой горы П.В.И. Громова; австрийского профессора геологии, географии, антропологии и археологии Геро фон Мергарта, плененного в ходе Первой мировой войны и сосланного в Сибирь (Китова, 2007. С. 51–70; Макаров, Вдовин, 2018. С. 39–52, 59–87). Деятельность этого научного коллектива позволила открыть и исследовать памятники разных эпох в Приенисейском крае, изучить и систематизировать музейные коллекции, наметить долгосрочные планы работ, создать кружок и привлечь школьников и студентов техникумов для раскопок памятников, сформировать интерес у жителей Красноярска к древнему прошлому региона. Особое значение, конечно, имели дальнейшие изыскания палеолитических стоянок на Афонтовой горе. Коллектив просуществовал в этом составе недолго.

Осенью 1920 г. Г.П. Сосновский переезжает в Иркутск, поступает в университет и начинает работать хранителем Иркутского музея, но не оставляет сотрудничество с Красноярским музеем и летние полевые работы в крае.

Н.К. Ауэрбаху, дворянину по происхождению, поддерживающему А.В. Колчака, и В.И. Громову, служившему в Белой ар-

мии, пришлось уехать на север Красноярского края, чтобы не быть объявленными пособниками белогвардейцев. После возвращения в 1921 г. Н.К. Ауэрбах и В.И. Громов работали в музее Приенисейского края на общественных началах. Зарабатывать на жизнь приходилось преподаванием в школах и техникумах Красноярска. Несмотря на это исследователи организовывали так называемые летние экскурсии школьников старших классов и студентов техникумов на археологические памятники и проводили раскопки.

После заключения большевистской Россией мира с Германией, Г. Мергарт хотел вернуться на родину, что ему и позволено будет сделать в 1921 г.

Н.К. Ауэрбах и В.И. Громов покинут Красноярск в 1926 г. В.И. Громов поступит в аспирантуру в Ленинграде, а Н.К. Ауэрбаха пригласят в столицу вновь образованного Западно-Сибирского края – г. Новосибирск. Здесь в январе 1925 г. было создано Сибирское научно-исследовательское общество, которое в декабре 1926 г. было переименовано в Общество изучения Сибири и ее производительных сил – ОИС (ГАНУ. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 1. Л. 11–12; Д. 3. Л. 17). Руководство края предложило Николаю Константиновичу должность ученого секретаря ОИС. На фоне роста числа краеведческих организаций общество должно было объединить и скоординировать их деятельность в то русло, которое необходимо было государству. Основной целью деятельности ОИС провозглашалось всестороннее изучение потенциала Сибири для дальнейшего освоения ее природных богатств. Н.К. Ауэрбаха привлекла вторая задача организации Общества – комплексное исследование культуры коренных народов, в том числе их древней истории. Н.К. Ауэрбах создал в 1926 г. палеоэтнологическую подсекцию в обществе изучения Сибири, которая должна была контролировать археологические исследования в крае, осуществлять охрану памятников древности (ГАНУ. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 12. Л. 9–10; Д. 38. Л. 33–34).

ОИС не обладало большими финансовыми средствами и крайне редко могло ассигновать средства на какие-либо археологические исследования. Тем не менее, Н.К. Ауэрбах как ученый секретарь Общества, оказывал всем методическую помощь, в том числе и молодым археологам, прибывшим работать в Сибирь, например, В.П. Левашёвой. Он вел значительную переписку и с профессионалами, и с краеведами-любителями. Н.К. Ауэрбах противостоял незаконным раскопкам; утверждал, что полевые исследования

должны проводить профессиональные археологи, и добился того, чтобы исследователи ежегодно отправляли в ОИС отчеты об археологических изысканиях, о публикациях археологических материалов, о работе археологических отделов музеев и палеоэтнологической секции ВСОРГО.

В 1927 г. палеоэтнологическая подсекция ОИС с помощью местных исследователей провела анкетное обследование археологических отделов сибирских музеев. Благодаря этой ревизии во многих сибирских музеях была проведена инвентаризация археологических коллекций. Стараниями Н.К. Ауэрбаха в ОИС были сконцентрированы статистические данные по музеям Сибири, позволившие сравнить сохранность археологических фондов музеев в первые годы советской власти, и, самое главное, поставить на учет находящиеся в музеях региона археологические находки (ГАНУ. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 52. Л. 26).

Так как в конце 1920-х гг. началась индустриализация страны, то Н.К. Ауэрбаху по вопросу сохранности памятников древности пришлось включиться в общение с организациями, которые занимались хозяйственным строительством в Сибири. В этой работе ему помогали сотрудники музеев и местные краеведы. Ученый секретарь ОИС разработал и разослал им инструкцию по учету и охране археологических памятников, в которой были определены все этапы этой работы (ГАНУ. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 65. Л. 4–5).

Общество изучения Сибири занималось и пропагандой знаний о регионе. ОИС были подготовлены и изданы 4 тома Сибирской советской энциклопедии (ССЭ), в которой в том числе были напечатаны современные на тот период сведения по разным археологическим эпохам и культурам Сибири. Эти статьи были написаны как сибирскими исследователями, так и учеными из центра, работающими в регионе. Н.К. Ауэрбах являлся одним из редакторов и авторов ССЭ. ОИС имело и свой собственный журнал «Сибиреведение» (ГАНУ. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 27. Л. 72–73; Д. 29. Л. 12), в котором печатались научно-популярные статьи по многим отраслям знаний, в том числе по археологии, этнографии, древней истории региона.

В 1920-е гг. активно начала развиваться краеведческая археология. В.А. Городцов в эти годы помог укомплектовать ведущие сибирские музеи своими учениками-археологами. В Омске и Минусинске трудилась В.П. Левашёва, в Бийске и Горно-Алтайске – С.М. Сергеев, в Красноярске – В.Г. Карцов. Некоторые из учеников Городцова,

как С.В. Киселёв, Л.А. Евтюхова, П.А. Дмитриев, Е.Н. Липеровская, систематически организуют археологические экспедиции в Сибирь из Москвы.

В.П. Левашёва, С.М. Сергеев, В.Г. Карцов стали активными членами ОИС. Своей самоотдачей, многогранной и планомерной работой отличалась В.П. Левашёва. Она в течение 1926–1929 гг. заведовала археологическим отделом Омского краеведческого музея и впервые в истории региона планомерно исследовала археологические памятники Омского Прииртышья. За этот период Варвара Павловна создала первую развернутую археологическую экспозицию в музее, провела инвентарную обработку и систематизацию археологических материалов и коллекций, хранящихся в фондах, начала работу по составлению каталога памятников, кладов и случайных находок Омского округа, а также археологическую карту Омского Прииртышья, подготовила и издала путеводитель по археологическому отделу музея. В результате систематических разведок и раскопок 1926–1929 гг. В.П. Левашёва наметила отдельные культурные этапы развития древней истории Омского Прииртышья. Она была одним из постоянных корреспондентов ОИС и ежегодно присылала в общество отчет об археологических исследованиях. По заданию общества она подготовила инструкцию по регистрации археологических памятников и составлению археологической карты региона, а при музее создала школьный археологический кружок.

В.Г. Карцов в 1928–1929 гг. также занимался составлением археологической карты Красноярского округа, ставил на учет и под охрану ОИС памятники древности. Он первым из сотрудников Красноярского музея исследовал поселения и погребения эпохи железа в окрестностях г. Красноярска и проявил специализированный интерес к малоизученным средневековым памятникам, чем восполнил пробел в изучении недостающих периодов древней и средневековой истории региона.

В 1930 г. Общество изучения Сибири ввязалось в работу по сбору новых (археологических и этнографических) материалов для экспорта за границу и получения молодым советским государством дополнительных средств для индустриализации (*Китова, Вдовин, 2018*). Эта деятельность для ОИС не увенчалась успехом, сборы не оправдали себя. Над участниками экспедиций, особенно над Н.К. Ауэрбахом как одним из организаторов этой работы начали сгущаться тучи. Это негативное отношение усугублялось и тем, что в стране в целом против краеведов стали выдвигаться

идеологические обвинения. Николай Константинович очень переживал по этому поводу и скоропостижно скончался от инфаркта 12 декабря 1930 г.

В 1931 г. Общество изучения Сибири было ликвидировано как чрезмерно увлекающее археологическими исследованиями. В 1930 г. ВСОРГО переименован в Краевое общество по изучению производительных сил Восточной Сибири и переориентирован только на изучение экономики и географии края. Затем в 1937 г. и эта организация была распущена.

Таким образом, подводя итоги, можно отметить следующее. В 1918 г. был открыт второй сибирский университет в Иркутске. В 1918–1926 гг. в Томском и Иркутском университетах впервые началось чтение студентам лекций по археологии, этнологии, палеоэтнологии, антропологии и древней истории региона. В 1919–1920-е гг. профессиональные археологи ТГУ и ИрГУ проводили целенаправленные исследования, осуществляли подготовку учеников. Последнее характерно для Иркутска, где под руководством Б.Э. Петри сложилась первая археологическая школа. Однако преобразование историко-филологических факультетов в ФОНы в 1921 г, а затем и их закрытие (1922 – в ТГУ, в 1926 г. – ИрГУ) привело к оттоку исследователей из Сибири, уничтожению исторического образования и иркутской археологической школы. Разгром краеведческого движения и репрессии против краеведов на рубеже 1920–1930-х гг. довершили удручающее положение с общественными организациями, ведавшими археологическими исследованиями на местах. Уничтожение провинциальных археологических центров подорвало развитие науки в Сибири на несколько десятилетий.

Литература

- Витковский Н.И.*, 1889. Следы каменного века в долине р. Ангары // Известия ВСОРГО. Т. XX. № 1. С. 12–17.
- Игумнов Е.В.*, 2009. Создание статистических комитетов в Сибири и их деятельность по изучению Сибирского региона во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Алтайского ГУ. № 4. Т. 1. С. 88–95.
- Китова Л.Ю.*, 2007. История сибирской археологии (1920–1930-е годы): изучение памятников эпохи металла. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 272 с.
- Китова Л.Ю.*, 2014. История археологии Сибири: идеи и исследования (XVII в. – середина XX в.): учебное пособие. Кемерово: КемГУ. 228 с.

- Китова Л.Ю.*, 2015. Социокультурные и общенаучные предпосылки становления археологии Сибири // Ученые и идеи: страницы истории археологического знания / Отв. ред. П.Г. Гайдуков, И.В. Тункина. Тезисы докладов Международной научной конференции. Москва, 24–25 февраля 2015 г. М.: ИА РАН. С. 25–26.
- Китова Л.Ю., Боброва Л.Ю.*, 2018. Археологическая деятельность С.К. Кузнецова в Сибири // Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Галины Вацлавны Длужневской). СПб.: ИИМК РАН. С. 205–211.
- Китова Л.Ю., Вдовин А.С.*, 2018. Судьбы историко-культурного наследия народов Сибири. Из истории организации экспорта археологических и этнографических коллекций в 1920–1930 годы. 2-е изд., перераб. и доп. Кемерово: ГБУ ДПО «КРИПО». 176 с.
- Макаров Н.П., Вдовин А.С.*, 2018. Археология в Красноярском краевом краеведческом музее. 125 лет истории. Красноярск: Сибирский ГУ. 208 с.
- Матханова Н.П.* Архивные ученые комиссии // Библиотека сибирского краеведения. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bsk.nios.ru>. Дата обращения 08.03.2019.
- Общество изучения Сибири и улучшения ее быта // Энциклопедия и новости Приангарья. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://irkpedia.ru>. Дата обращения 26.03.2019.
- Овчинников М.П.*, 1906. Материалы для изучения памятников древностей в окрестностях г. Иркутска // Известия ВСОРГО. Т. 35. № 3. С. 62–76.
- Овчинников...*, 2019. Овчинников М.П. // Энциклопедия и новости Приангарья. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://irkpedia.ru/>. Дата обращения 23.03.2019.
- Отчет..., 1913. Отчет о деятельности Иркутской ученой архивной комиссии со дня ее открытия в 1911 г. // Труды Иркутской ученой архивной комиссии. Вып. 1. Иркутск: Иркут. учен. арх. комиссия. С. I–XXIII.
- Отчет..., 1914. Отчет о деятельности Иркутской ученой архивной комиссии за год, считая с заседания 18 ноября 1912 г. // Труды Иркутской ученой архивной комиссии. Вып. 2. Иркутск: Иркут. учен. арх. комиссия. С. I–XXVI.
- Петри Б.Э.*, 1923а. Программа исследования стоянок под открытым небом. Иркутск: ВСОРГО. 15 с.
- Петри Б.Э.*, 1923б. Сибирский палеолит. Иркутск: ИГУ. 47 с.
- Петри Б.Э.*, 1926. Сибирский неолит. Иркутск: ИГУ. 39 с.
- Петри Б.Э.*, 1928. Далекое прошлое Прибайкалья. Иркутск: ИГУ. 73 с.
- Хорина В.В.*, 2012. Енисейский губернский статистический комитет: к истории создания и деятельности // Вестник Томского государственного педагогического университета. № 9 (124). Вып. 1. С. 29–35.
- Черский И.Д.*, 1872. Несколько слов о вырытых в Иркутске изделиях каменного периода // ИСОРГО. Т. III. № 3. С. 167–172.
- Шиловский М.В.* Общество изучения Сибири и улучшения ее быта // Библиотека сибирского краеведения. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bsk.nios.ru>. Дата обращения 26.03.2019.

В.В. Левченко**ПРОЦЕСС ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ АРХЕОЛОГИИ
НА ЮГЕ УССР В 1917 – НАЧАЛЕ 1930-х ГОДОВ**

Резюме. Становлению региональной археологии в системе советской исторической науки посвящен анализ процесса формирования и развития институционализации археологии на юге УССР в рамках новой советской модели науки. Проведено исследование основных этапов и вопросов процесса институционализации археологических исследований в регионе в 1917–1930-е гг. Отмечены изменения позиции правительства в области высшего археологического образования. Прослежены особенности реформы высшего образования в 1920–1930-х гг. В это время основные силы одесских археологов были объединены в Одесском историко-археологическом музее. Ведущие специалисты впоследствии преподавали на кафедре истории древнего мира и археологии открытого в 1934 г. исторического факультета Одесского государственного университета. Процесс институционализации археологических исследований в историко-археологических музеях Николаева, Одессы, Херсона проходил в сложных и нестабильных общественно-политических и социально-экономических условиях. Несмотря на катаклизмы первых послереволюционных времен, постоянные трансформации сети вузов и научных учреждений, преследования и смерть многих специалистов, южноукраинские ученые-археологи этого периода смогли сохранить традиции российских археологов, сложившиеся на протяжении XIX в. и передать их преемникам.

Ключевые слова: археология, наука, институционализация, юг УССР, Одесса, Николаев, Херсон, региональная археология.

В контексте растущего в исторической науке интереса к схолярной проблематике в целом и к изучению региональных научных учреждений в частности, актуальным является исследование процесса институционализации археологии на юге УССР в послереволюционное время – раннесоветский период: 1917–1930-е гг. В это время существенные изменения произошли в организаци-

онной структуре, системе управления, методологии и философии науки. Рассматривая дискуссионные вопросы о причинах и последствиях подобных новаций, проследим трансформационные процессы в институционализации археологии в Николаеве, Одессе и Херсоне – трех ведущих образовательно-научных центрах на юге СССР.

Территории, на которых с конца XVIII в. происходило развитие этих трех северночерноморских городов, издавна были богаты археологическими сокровищами – памятниками античной культуры, артефактами разных периодов истории. Они являлись передовым регионом Российской империи, аккумулирующим научные исследования по классической археологии на протяжении XIX – начала XX в. Это обстоятельство способствовало созданию в упомянутых городах первых в Российской империи государственных хранилищ древностей. Первое такое собрание в формате Кабинета древностей было образовано в Николаеве в 1803 г. при Черноморском депо карти и просуществовало до 1856 г. Инициатором его создания стал командир Черноморского флота и портов адмирал И.И. Траверсе. Следующее подобное учреждение появилось в августе 1825 г. в Одессе в формате Городского музея древностей (директор И.П. Бларамберг). Это событие произошло после представления в апреле 1825 г. генерал-губернатором Новороссийского края М.С. Воронцовым императору Александру I доклада с предложением создать на юге Российской империи Музей древностей (Охотников, 2010. С. 18, 25–26). Открытие музея ознаменовало собой новую эпоху в становлении археологии как науки в России, дав начало широкому научному изучению археологических древностей, переходу от случайных раскопок к планомерному исследованию старины, собиранию коллекций, составлению необходимой документации и разработке классификаций древних артефактов. Музей опередил в этих вопросах более чем на тридцать лет основанную в 1859 г. Императорскую археологическую комиссию (ИАК), на которую возлагались полномочия выдачи открытых листов на право проведения раскопок, собирание полевой документации и коллекций, публикация ежегодных отчетов о всех известных ей раскопках и случайных находках на территории Российской империи, печатание профильных периодических изданий и т.п.

Аналогичными функциями, возложенными на ИАК, в южном регионе Российской империи было наделено Императорское Одесское общество истории и древностей (ИООИД), действовав-

шее с 23 апреля 1839 г. и, согласно Высочайшему указу императора Николая I от 14 ноября 1839 г., получившее право на производство археологических изысканий на всех южных землях Российской империи (Охотников, 2010. С. 33). Таким образом, благодаря активной роли местных исследовательских сил общество стало первой российской научно-исследовательской структурой в области археологии со всеми полномочиями государственного учреждения. В 1840 г. при обществе был открыт музей, который в 1858 г. объединили с Одесским городским музеем древностей. С 1844 по 1919 г. общество издало 33 тома «Записок». Следствием активной деятельности членов ИООИД стало оформление Одессы как самостоятельного регионального центра в области археологии, своеобразной «столицы» Северного Причерноморья, активно аккумулировавшей научные исследования по классической археологии.

Несмотря на положительные моменты в становлении и развитии археологии как научной и образовательной дисциплины на Юге России, в этом процессе сохранялись определенные трудности: отсутствовал закон об охране памятников культуры; археологические исследования проводились не систематично; в структуре историко-филологического факультета Императорского Новороссийского университета не было кафедры археологии; преподавание археологии как самостоятельной дисциплины в нем не проводилось. Росту профессионального уровня археологических знаний среди преподавателей и студентов не способствовала разобщенная деятельность профессоров университета – авторитетных специалистов в различных областях исторической науки, представлявших разные научные центры Российской империи (Ф.К. Брун, Н.П. Кондаков, Ф.А. Струве, Ф.И. Успенский, Б.В. Фармаковский, Э.Р. Штерн, В.Н. Юргевич и др.) и т.п.

По состоянию на 1917 г. ведущими центрами научных исследований по археологии на юге Российской империи традиционно были ИООИД (1839–1922), Новороссийский университет (1865–1920), Херсонский городской музей древностей и изящных искусств (открыт в 1890 г. В.И. Гошкевичем) и Николаевский естественно-исторический музей (открыт в 1913 г. под руководством С.И. Гайдученко). В 1917 г. полевые исследования проводились только в Ольвии. Их возглавлял выпускник Санкт-Петербургского археологического института и ученик Б.В. Фармаковского – Г.П. Крысин. Из четырех выше перечисленных образовательных и научно-исследовательских учреждений на юге Российской им-

перии именно в Новороссийском университете в последней трети XIX – начале XX вв. происходило аккумулятивное накопление научных исследований в области классической археологии, перманентно развивался процесс становления археологического образования и науки. В мае 1917 г. профессор Е.П. Трифильев анонсировал начало чтения лекций по русской археологии с демонстрацией диапозитивов в 1917/18 учебном году (ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 2007. Л. 12). Несмотря на незначительные попытки со стороны преподавательского состава ввести в учебный план курс лекций по археологии как самостоятельной дисциплины, реформирование преподавания и научных исследований в институциональную систему не состоялось.

Революционные события 1917–1920 гг. привнесли изменения в жизнь всей страны и ее жителей, в том числе и южной части государства. Политические катаклизмы этого периода на развитие археологии повлияли в первую очередь в экономическом аспекте, что послужило причиной для прекращения проведения полевых исследований. В остальных составляющих ее развития ситуация продолжала оставаться на дореволюционном уровне. Ни в одном из центров на юге России не было археологического института; в Новороссийском университете не было специальной кафедры археологии, отдельные аспекты этой науки преподавали на двух кафедрах: теории и истории изящных искусств и классической филологии, и в трех учебно-вспомогательных подразделениях: Минц-кабинете и Музее изящных искусств (1865–1923) (*Левченко В.В., Левченко Г.С., 2012*), Археологическом кабинете (1908–1920) (*Музичко, 2012. С. 178–179*). На основании археологических, нумизматических и письменных источников изучение древностей вели профессор Б.В. Варнеке, Н.П. Кондаков, М.И. Мандес и приват-доценты А.Л. Коцейовский, Н.Л. Окунев. В эти же годы, в сложных экономических условиях продолжали работать музеи в Николаеве, Одессе и Херсоне.

Радикальные изменения в развитии археологии на юге России, равно как и во всех сферах жизнедеятельности, начали происходить с 1920 г., что было связано с установлением советской власти. После этого большая часть территории южной России была включена в состав УССР, провозглашенной 10 марта 1919 г. Начиная с 1920 г. и до середины 1930-х гг. органы власти УССР неоднократно проводили головокружительные трансформации в области археологического образования и науки, затронув все составляющие их аспекты: формы и структуры вузов и научно-исследовательских

учреждений; научное сообщество; проведение полевых раскопок; взаимодействие ученых-археологов и власти; коммуникационную и информационную системы; материально-техническую и финансовую базы; систему издания научной продукции; систему внедрения результатов научной деятельности в практику и т.п. Соответственно очередности представленных аспектов институционализации археологии на юге УССР рассмотрим их в формате отдельных этюдов.

Этюд первый

Форма и структура высшего археологического образования

В первые годы советской власти в структуре и форме организации археологического образования на юге УССР произошли масштабные изменения. В 1920 г. согласно распоряжениям НКП УССР все структурные единицы высшей школы Одессы были реорганизованы в сеть профильных институтов. Историко-филологический факультет Новороссийского университета со всеми учебно-вспомогательными подразделениями стал частью Одесского гуманитарно-общественного института (*Левченко, 2008*). Перед началом 1921/22 учебного года он был трансформирован, в результате чего все структурные подразделения историко-филологического факультета бывшего университета были переведены в Одесский институт народного образования (ОИНО), ставшего главным преемником университета и ведущим вузом Одессы в 1920-е гг. (*Левченко, 2010*). Вследствие этих и последующих пертурбаций структурные единицы историко-филологического факультета, способствовавшие ознакомлению студентов с классической археологией, были ликвидированы. Кафедры теории и истории изящных искусств и классической филологии вместе с Археологическим кабинетом расформировали в 1920 г. Фонды Музея изящных искусств и Минц-кабинета передали в собрания разных одесских учреждений культуры. Коллекции археологических находок, нумизматики, керамики и книг по истории античной культуры вместе с оборудованием в 1924 г. были переданы в Одесский государственный историко-археологический музей (ОГИАМ) (*Левченко В.В., Левченко Г.С., 2012. С. 112*). Таким образом, в 1921 г. имперские традиции университетского археологического образования в Одессе, как и в целом в УССР, были прерваны. Начиная с 1912 г. и далее в 1918, 1919 и 1920 гг., одесская научная элита делала попытки организовать в Одессе Археологический

институт (ОАИ), который осуществлял бы подготовку квалифицированных кадров в области археологии, музейного и архивного дела (Дложевский, 1921. С. 57–58).

Вопрос об открытии ОАИ оставался неразрешенным до весны 1921 г., когда сформированная в марте инициативная группа профессоров высшей школы Одессы (Б.В. Варнеке, Р.М. Волков, С.С. Дложевский, Ю.Г. Оксман, М.Е. Слабченко, Д.К. Третьяков, Е.П. Трифильев, А.В. Флоровский, А.Я. Шпаков) была преобразована Одесским губернским комитетом профессионально-технического и специально-научного образования (Губпрофобр) в организационную комиссию по созданию вуза. Ознакомившись с общими принципами работы и учебными планами археологических институтов в Германии, Австрии, Парижской *École de arts*, Киевского и Петроградского археологических институтов, в начале мая 1921 г. комиссия подала проект устава ОАИ и все дополнительные материалы в Губпрофобр для представления в центральные органы на утверждение (Дложевский, 1921. С. 59). 13 сентября в соответствии с приказом Одесского губисполкома на основании постановления Малой коллегии Украинского главного комитета профессионально-технического и специально-научного образования (Главпрофобр) от 25.06.1921 г. в Одессе было торжественно открыто инициированное местной научной элитой первое и до того времени единственное «высшее специальное научно-учебное учреждение» исторического профиля – Археологический институт, который «имел целью: а) научное изучение памятников старины и искусства первобытных, античных, украинских и соседних культур – великорусской, польской, белорусской, и документальных источников по истории местного края, а также б) подготовку научно-квалифицированных профессиональных рабочих по археологии, архивоведению, этнографии и музееведению» (ЦГАВОВ Украины. Ф. 166. Оп. 2. Д. 1157. Л. 1, 3). Таким образом, ОАИ после Санкт-Петербургского, Московского, Киевского и Донского археологических институтов стал пятым вузом археологического профиля на территории бывшей Российской империи.

Положительное решение инициативы одесских ученых-историков относительно открытия ОАИ было связано не с демократическими веяниями в стране, а с тем, что с 1920 г. в УССР проводилась реформа системы высшего образования и науки. В результате этого университеты были ликвидированы, вместо них и других вузов созданы профильные институты, которые имели узкую специ-

ализацию. Соответственно этой политике в 1920–1922 гг. все вузы и научно-исследовательские учреждения досоветской эпохи были реорганизованы. Не исключением стала и подготовка специалистов-археологов, которая обрела новые формы и методы. В сети высшей школы Одессы эти нововведения проявились в организации ОАИ.

Руководящим административным центром ОАИ было Бюро в составе четырех человек – Ю.Г. Оксмана, Е.П. Трифильева, С.С. Дложевского и Б.В. Варнеке (ЦГАВОВ Украины. Ф. 166. Оп. 2. Д. 1107. Л. 2; Д. 1157. Л. 8). Администрация вуза находилась в помещении Одесского губернского архива по адресу ул. Щепкина, 10, а занятия проходили в двух аудиториях в здании закрытого с 1 мая 1920 г. историко-филологического факультета Новороссийского университета (ул. Преображенская, 24). На то время оно принадлежало Институту народного хозяйства. Финансовые расходы на содержание института выделялись из средств Главпрофобра. Общая сумма финансирования на учебный год составила 327 315 000 рублей (ЦГАВОВ Украины. Ф. 166. Оп. 2. Д. 1157. Л. 9).

В учебном процессе первого и единственного академического года ОАИ работал 21 лектор. Преподавание велось по 30 дисциплинам (ЦГАВОВ Украины. Ф. 166. Оп. 2. Д. 1157. Л. 4–5):

- геология и палеонтология (А.К. Алексеев);
- античная археология и спецкурс по римским древностям эпохи Августа (Б.В. Варнеке);
- украинская этнография (Р.М. Волков);
- музееведение и латинский язык (А.Г. Готалов-Готлиб);
- римская эпиграфика, семинар по IV книге Геродота и спецкурс по римским бытовым древностям эпохи империи (С.С. Дложевский);
- рассказы иностранцев про Русь-Украину (как часть истории местного края) (Е.А. Загоровский);
- история античной культуры и спецкурс (М.И. Мандес);
- введение в архивоведение и семинар по изучению местного архивного материала (Ю.Г. Оксман);
- экономический быт Украины (М.Е. Слабченко);
- теория эволюции (Д.К. Третьяков);
- украинская археология (Е.П. Трифильев);
- историческая география Украины (А.В. Флоровский);
- правовые древности Украины и спецкурс по искусству эпохи возрождения (А.Я. Шпаков);

- спецкурс по истории народного песенного творчества (Н.И. Привалов);
- турецкий язык (Менцель); французский язык (П. Пересветов); украинский и польский языки (В.П. Павловский); английский язык (И.В. Поликовский); греческий язык (И.М. Троцкий); немецкий язык (М.Л. Гурфинкель); итальянский язык (Е.А. Загоровский).
- практические занятия по изучению археологических памятников (М.Ф. Болтенко).

Также при вузе функционировал кабинет античных культур (библиотекарь И.М. Троцкий, помощник библиотекаря Г.Д. Штейванд) (ГАОО. Ф. Р-1395. Оп. 1. Д. 3. Л. 326).

Перечень преподаваемых в ОАИ дисциплин свидетельствует о том, что его организаторы при формировании учебного плана исходили из двух главных моментов. Первый – наличие научных сил в городе. Второй – роль вуза как второй ступени высшего образования (на примере археологических институтов Российской империи) в системе профессиональной подготовки (соответственно современной системе высшего профессионального образования это вторая ступень – магистратура, следующая после бакалаврата). Было организовано «...преподавание названных <...> наук и вспомогательных к ним дисциплин преимущественно практическими методами, как средствами, направленными на творческие трудовые процессы в области археологии, археографии и этнографии...» (Дложевский, 1921. С. 59). Поэтому недовольство С.Я. Борового относительно учебного плана ОАИ, в котором он видел «...много непродуманного, случайного, не выдерживающего критики с позиций современных научных представлений и установок» (Боровой, 1979. С. 99), некорректно.

В целом деятельность ОАИ развивалась плодотворно, несмотря на некоторые недостатки, но весной 1922 г. возникли экономические трудности, помешавшие его дальнейшему существованию. В первую очередь из-за экономического кризиса Научное бюро Одесского Губпрофобра 26 мая 1922 г. подняло вопрос о сокращении штата при сохранении вуза (ЦГАВОВ. Ф. 166. Оп. 2. Д. 1157. Л. 11). Но центральное руководство (Главпрофобр) отказалось от дальнейшего финансирования ОАИ и передало его в подчинение Научному комитету НКП УССР, который руководил деятельностью всех научных учреждений в республике. Из-за нехватки финансовых средств ОАИ не нашлось места в структуре НКП УССР.

Поэтому 22 августа 1922 г., несмотря на положительную характеристику профессоров Б.В. Варнеке и Р.М. Волкова о деятельности вуза на основании резолюции заведующего Губпрофобром Т.М. Внукова от 20.08.1922 г., ОАИ был закрыт. Административный, педагогический и технический персонал вуза считались освобожденными от служебных обязанностей. Научно-исследовательская работа его сотрудников передавалась руководству Научного бюро. В результате проведения реорганизационных действий вся учебная и материальная часть ОАИ вошла в ОИНО как музейно-архивно-библиотечное и лекторское отделения факультета политпросвещения (ГАОО. Ф. Р-1593. Оп. 1. Д. 404. Л. 1). ОАИ функционировал на протяжении одного учебного года – 1921/22, а календарно меньше одного года – с 13 сентября 1921 по 20 августа 1922 г.

Среди студентов ОАИ, переведенных в ОИНО, было 5 человек (А.Б. Варнеке, Э.Г. Оксман, В.А. Пора-Леонович, С. Ротенберг-Шведова и Г.Б. Цомакион), которые стали его выпускниками в конце 1924 г. (ГАОО. Ф. Р-134. Оп. 1. Д. 1197. Л. 8). Бывшие студенты ОАИ, закончившие обучение в ОИНО, получили два удостоверения (диплома). В первом указывалось название отделения и факультета ОИНО, а во втором отмечалось – «...прослухав курс ... по факультету б[увшої] політосвіти, б[увшого] археологічного відділу». После защиты самостоятельной (дипломной) работы такие удостоверения получили В.А. Пора-Леонович (22 октября 1924), С. Ротенберг-Шведова и Г.Б. Цомакион (оба 21 ноября 1924), Э.Г. Оксман (17 января 1925) и А.Б. Варнеке (20 февраля 1925) (ГАОО. Ф. Р-1593. Оп. 1. Д. 460. Л. 1–1 об.). Таким образом, выпуск первого дипломированного археолога в истории высшей школы Одессы состоялся в октябре 1924 г. Первый выпуск в высшей школе Одессы в середине 1920-х гг. дал 5 специалистов. Несмотря на все трудности, ОАИ за один год своего существования сыграл важную роль в развитии культуры. Его выпускники (А.Б. Варнеке, Э.Г. Оксман, В.А. Пора-Леонович, Г.Б. Цомакион) плодотворно реализовали свой научный потенциал в развитии археологии и других областях исторической науки, первые двое пополнили штат высшей школы. Показательно, что в среде студентов ОАИ сформировалась одесская генерация советских археологов 20-х – 40-х гг. XX в., научные наработки которых ознаменовали существенные достижения и привели к реализации научного потенциала в развитии различных разделов археологии, эти изыскания стали частью формирования научных взглядов в отечественной археологии.

Положительная инициатива создания ОАИ и налаживания подготовки квалифицированных кадров археологов в первой половине 1920-х гг. на юге УССР оказалась единичным случаем. Инициированная местными одесскими научными силами подготовка археологов прервалась. В Николаевском и Херсонском институтах народного образования (1920–1930), созданных на базе педагогических институтов и курсов и по инфраструктуре соответствующих уровню средне-специальных учебных заведений, подготовка археологов не велась. В 1930-е гг. ни в одном из научных центров южного региона УССР (Николаев, Одесса, Херсон), даже несмотря на открытие в 1934 г. кафедры истории древнего мира и археологии (заведующий Б.В. Варнеке) на историческом факультете учрежденного в 1933 г. Одесского государственного университета (ОГУ), не было вуза, проводившего подготовку специалистов в области высшего археологического образования. Наличие данной кафедры не свидетельствует о проведении в ОГУ полноценного обучения специалистов-археологов. Главной проблемой являлась нехватка профессиональных кадров преподавателей. Это привело к тому, что курс археологии вели научные работники ОГИАМ. Все эти факторы негативно сказывались на подготовке студентов-историков и, в частности, молодых кадров археологов. Подготовка студентов по специальности археология была возрождена на юге УССР только спустя почти 70 лет на кафедре археологии и этнологии Украины, основанной В.Н. Станко на историческом факультете ОГУ имени И.И. Мечникова в 1993 г.

Этюд второй

Формы и структуры научно-исследовательских учреждений

Начало 1920-х гг. было временем поиска советской властью УССР рациональных организационных форм научных институций, способных заменить имперские учреждения. Досоветская «университетская форма» ведения исторических исследований была заменена разнообразием организационных форм: научно-исследовательские кафедры с филиалами, научные общества, музеи, библиотеки, архивы. В такой атмосфере в период 1920–1930-х гг. в УССР составляющими организации научных исследований стали культурно-просветительские и академические учреждения. Новой формой культурно-просветительского учреждения для проведения археологических исследований стали историко-археологические музеи, оформившиеся в централизованную сеть научных музеев УССР.

Вследствие этого, в начале 1920-х гг. в научных центрах УССР, в том числе и на юге, произошла трансформация структуры действующих музеев. Николаевский естественно-исторический музей реорганизовали в Николаевский государственный историко-археологический музей (НГИАМ), Музей ИООИД – в ОГИАМ, Херсонский городской музей древностей и изящных искусств – в Херсонский государственный историко-археологический музей (ХГИАМ, в 1931–1941 гг. – Херсонский краеведческий музей). Первоначально музеи входили в структуру Главпрофобра НКП УССР, а после реформы 1925 г. они были переподчинены Главному управлению научными учреждениями НКП УССР (Главнаука). Ежеквартальные и годовые отчеты о своей деятельности музеи отправляли в три инстанции – НКП УССР, Окружной инспектуре Губпрофобра и Всеукраинскому археологическому комитету (ВУАК) при ВУАН.

В начале 1920-х гг. в Одессе, одновременно с созданием культурно-просветительского учреждения археологического профиля, педалировались идеи организации академического учреждения. Первая попытка в этом направлении была сделана в июне 1922 г., когда Губпрофобр в сети научно-исследовательских учреждений Одессы создал Научно-исследовательскую кафедру (НИК) истории культуры и археологии (заведующий Б.В. Варнеке) с секциями античной и западноевропейской культуры и философии¹; этнографии, русской и украинской культуры² и археологии³ (ЦГАВОВ. Ф. 166. Оп. 2. Д. 465. Л. 22–23, 26, 29). Проблемы комплектации штата, контингента аспирантуры, инвентаря, оплаты труда, обеспечения литературой, коммуникативными связями с другими научными учреждениями не позволили кафедре вернуть полноценную деятельность.

В следующем году продолжилось инициирование новых идей по налаживанию сети археологических научных учреждений в Одессе. С 1 апреля 1923 г. согласно очередному проекту Губпрофобра должна была начать деятельность НИК археологии в новом формате (заве-

¹ Заведующий М.И. Мандес, действительные члены С.С. Дложевский, С.Л. Рубинштейн, М.И. Гордиевский, научные сотрудники И.М. Троцкий, К.П. Добролюбовский.

² Заведующий Р.М. Волков, действительные члены Е.А. Загоровский, М.Е. Слабченко, А.В. Музыка.

³ Заведующий Б.В. Варнеке, научный сотрудник М.Ф. Болтенко.

дующий Б.В. Варнеке, действительный член М.И. Мандес, научные сотрудники М.Ф. Болтенко, И.М. Троцкий и С.А. Семёнов-Зусер, аспиранты Розенблюм и Мотвеевич). Но вмешательство представителей местных органов власти в организацию научных учреждений привело к негативным последствиям. Заведующий Губпрофобра Т.М. Внуков в докладной записке председателю Главпрофобра Я.П. Ряпшо отмечал, что в составе научных учреждений задействовано большое количество сотрудников бывшего Новороссийского университета, в связи с этим штаты некоторых кафедр у него вызывают замечания. В первую очередь у него были замечания по кадрам кафедры археологии, которая, по его мнению, вообще «лишняя», так как научная работа по археологии осуществлялась в ОГИАМ (Дложевский, 1927. С. 3). В результате с 1 июня 1923 г. в Одессе продолжила существование одна НИК ОГИАМ (ЦГАВОВ. Ф. 166. Оп. 2. Д. 465. Л. 50–53, 74–75, 79–79 об., 94). В Николаеве и Херсоне научно-исследовательские учреждения академического формата не были созданы (Бюлетень..., 1924. С. 10–11).

В состав НИК ОГИАМ вошли: заведующий, профессор С.С. Дложевский (директор музея с 23 апреля 1920 г. до 23 октября 1930 г.), действительный член М.Ф. Болтенко (ученый-хранитель с 15 февраля 1921 г., директор с 25 октября 1930 г. до 1932 г.) и В.И. Селинов (заведующий отделом феодализма и торгового капитализма в причерноморских странах с 25 октября 1930 г.), научные сотрудники К.М. Милисавлевич (заведующий нумизматическим кабинетом с 30 марта 1920 г.), А.К. Драгоев (библиотекарь), В. Фоменко (библиотекарь с 12 февраля 1928 г.), А. Аничков (фотограф-реставратор), С. Карузо (художник) и аспиранты. При кафедре действовал Ученый совет по защите научных работ. В его состав входили председатель С.С. Дложевский, секретарь М.Ф. Болтенко и члены – профессор Р.М. Волков, А.К. Драгоев, К.М. Милисавлевич, профессор Д.К. Крайнев. В 1927 г. в Совете была проведена защита диссертации на степень доктора истории культуры киевского ученого К.Ф. Штеппы, официальным оппонентом выступил М.Ф. Болтенко (ГАОО. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 62. Л. 7, 16–17, 27 об., 31). На заседаниях Ученого совета, в отличие от современных подобных коллегиальных органов, кроме защит диссертаций проходили апробацию научные работы аспирантов кафедры.

Анализ деятельности НИК ОГИАМ позволяет утверждать, что в 1920-е – в начале 1930-х гг. она была центром археологической

науки на юге УССР. Это был период, когда подготовка археологов-профессионалов осуществлялась не в университетах, а в альтернативном научно-исследовательском учреждении. Можно дискутировать об отдельных нюансах ее институциональной формы, но уже во второй половине 1920-х гг., хотя и с некоторыми aberrациями в научной плоскости, она сложилась в постоянную институциональную систему.

В августе 1923 г. в Одессе все же было организовано археологическое научно-исследовательское учреждение академического формата. Им стала археологическая секция (председатель С.С. Дложевский) Одесской комиссии краеведения при ВУАН (ОКК при ВУАН). По состоянию на октябрь 1925 г. секция объединяла 26 ученых из Одессы и других городов СССР: Днепропетровска, Кировограда, Краснодара, Ленинграда, Николаева, Симферополя, Херсона (*Дложевский*, 1925. С. 3). Под эгидой комиссии члены археологической секции проводили исключительно камеральные археологические исследования, хотя в отчетах давали информацию о проведении полевых изысканий, которые вели по основному месту работы. Осуществлять археологические раскопки члены комиссии не имели возможности, так как ВУАН не выделяла на это финансирование. Важной ролью ОКК при ВУАН стало то, что она явилась научным центром, объединившим археологов южного региона УССР.

Изменения, произошедшие в структуре науки в УССР в начале 1920-х гг., привели к тому, что единственным центром активной и плодотворной научной работы в развитии археологии на юге УССР на протяжении 1920-х – 1930-х гг. являлся ОГИАМ.

Этюд третий

Научное сообщество археологов

Формирование научного сообщества археологов в трех ведущих научных центрах Северного Причерноморья на протяжении XIX – в начале XX в. происходило по двум линиям: приглашение специалистов извне, получивших образование в ведущих вузах Российской империи (Ф.К. Брун, Б.В. Варнеке, А.Н. Грабар, В.И. Гошкевич, Г.П. Крысин, Н.П. Кондаков, А.Л. Коцейовский, Н.Л. Окунев, Ф.А. Струве, Е.П. Трифильев, Ф.И. Успенский, И.В. Фабрициус, Э.Р. Штерн, В.Н. Юргевич и др.) и привлечение выпускников Новороссийского университета (М.Ф. Болтенко, С.И. Гайдученко, А.В. Добровольский, Б.В. Фармаковский и др.).

Вследствие окончательного изменения в 1920 г. общественно-политического устройства страны многие ученые эмигрировали, в том числе и специалисты в области археологии – А.Н. Грабар, Н.П. Кондаков, Н.Л. Окунев и др. Кадровые ряды южноукраинских археологов существенно поредели. В Одессе работали М.Ф. Болтенко, Б.В. Варнеке, Е.П. Трифильев; в Николаеве – С.И. Гайдученко; в Херсоне – В.И. Гошкевич, И.В. Фабрициус.

На рубеже 1910-х – 1920-х гг. научное сообщество пополнили трое новых ученых. В 1919 г. в Одессу переехал выпускник Киевского университета С.С. Дложевский, занявший должность приват-доцента на кафедре классической филологии Новороссийского университета. Он был среди того небольшого числа представителей научной интеллигенции (В.И. Селинов, И.Я. Фаас и др.), которая с наступлением большевистских войск перебралась из Киева на юг. После установления в Одессе в феврале 1920 г. советской власти уже через два месяца С.С. Дложевский был назначен директором ОГИАМ и в научном сообществе археологов стал олицетворением новой власти. По специальности являлся филологом, теоретических и практических навыков ведения полевых и камеральных археологических исследований не имел.

В 1920 г. в Николаев приехал С.А. Семёнов-Зусер, который уже осенью 1921 г. переехал в Одессу. В 1914 г. он закончил Санкт-Петербургский археологический институт с дипломом первой степени. Во время учебы под руководством одного из первых исследователей северо-причерноморских древностей профессора Н.И. Веселовского он изучал первобытные древности. В Одессе работал старшим ассистентом ОАИ (1921–1922) и ОИНО (1921–1923), а также хранителем ОГИАМ. Одновременно являлся представителем Государственной академии истории материальной культуры по охране древнегреческой колонии Ольвии. В 1926 г. он переехал в Ленинград. В первой половине 1920-х гг. в научном сообществе археологов он был единственным ученым, кто имел высшее образование по специальности «археология».

В мае 1923 г. директором НГИАМ стал Ф.Т. Каминский, бывший свободным слушателем Санкт-Петербургского археологического института и имевший опыт участия в работе экспедиции Г. Картера.

Пополнение состава южноукраинских археологов тремя учеными не исправило ситуацию в лучшую сторону. Одной из основных проблем деятельности Николаевского и Херсонского историко-археологических музеев являлось незначительное

число их сотрудников, штат которых на протяжении 1920-х гг. насчитывал 3 человека. В НГИАМ в штат входили директор (Ф.Т. Каминский), научный сотрудник и технический работник (Коротке звіт, 1928. С. 9). В ХГИАМ штат состоял из директора (В.И. Гошкевич до 1925 г., И.В. Фабрициус с 1925 г.), заведующего праисторическим отделом (А.В. Добровольский с 1926 г.), заведующего античным отделом (Г.П. Крысин с 1926 г.) (Короткий звіт, 1929. С. 8). Поэтому насущной заботой научного сообщества археологов в 1920-х гг. являлся вопрос подготовки профессиональных кадров, которая была решена лишь на короткий срок, когда в ОГИАМ в 1926–1930 гг. имелся институт аспирантуры.

В ОГИАМ подготовка археологов велась среди выпускников исторического отделения факультета профессионального образования ОИНО. За годы существования кафедры в ней обучалось семь аспирантов: В.А. Вениаминова, Э.Г. Оксман, В.А. Пора-Леонovich (с 1 октября 1926), Н.Н. Виркау, Г.Д. Штейнванд (с 1 октября 1927), Т.Г. Теохариди (с 1 октября 1928) и Е.П. Белен де Баллю (с 1 октября 1929). На протяжении трех лет они совершенствовали знания в области археологии. Для этого научными сотрудниками кафедры были разработаны программы спецкурсов по античной архитектуре и скульптуре (С.С. Дложевский), первобытной археологии, керамике, этнографии (М.Ф. Болтенко). Были проведены семинары: по изучению античных амфорных клейм (С.С. Дложевский), античной архитектуры и скульптуры (М.Ф. Болтенко), археологической технологии – керамики (А.К. Драгоев), рисованию и фотографированию, греческого языка (ГАОО. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 62. Л. 7, 9 об., 16, 21, 29–30). Помимо выполнения задач аспирантской программы и участия в семинарах аспиранты активно готовились к научно-исследовательской работе. Э.Г. Оксман, проводя подготовку к участию в археологических экспедициях на о. Березань и Ольвии, изучал отчеты профессоров Э.Р. Штерна и Р.А. Пренделя. Аспиранты В.А. Вениаминова, Н.Н. Виркау и Г.Д. Штейнванд при подготовке к участию в раскопках изучали отчеты профессоров Э.Р. Штерна и Б.В. Фармаковского.

Институт аспирантуры в ОГИАМ способствовал совершенствованию и укреплению лидирующих и координирующих позиций одесской школы археологов в регионе. Основными характеристиками его деятельности в 1920-х гг. стало создание системы подготовки кадров в рамках специализации по археологии; организация планомерного систематического изучения региона; координация деятель-

ности археологических структур и отдельных исследователей всего южноукраинского сегмента советской археологии.

В развитии археологии в СССР творческая свобода не зависела от монополии государственной идеологии до конца 1920-х гг., когда эта монополия начала проявляться в виде различных методов тотального контроля, в том числе и репрессивных, которые ощутили на себе многие археологи. В 1930 г. в ОГИАМ был ликвидирован институт аспирантуры. На фоне отсутствия притока научных сил и их концентрации, а также системы стабильной подготовки кадров политика советской власти не способствовала успешному решению задачи по сохранению отлаженной институциональной системы на качественно высоком уровне. В 1930-х гг. своеобразие процесса формирования научного сообщества археологов определялось советской властью и коммунистической партией, которые контролировали кадровую ситуацию, тематику исследований, доступ к материалам, держали под наблюдением жизнь и деятельность ученых. В связи с этим на протяжении 1930-х гг. штаты учреждений оставались малочисленными.

В 1920-х гг. региональная археология юга УССР, организующим началом которой выступало одесское ядро ученых, приобретает облик сложившегося научного организма уже в рамках иной системы – советской исторической науки.

Этюд четвертый

Направления научно-исследовательской деятельности

В начале 1920-х гг. в проведении научных исследований в археологии на юге УССР продолжились традиции дореволюционной российской археологии. К середине 1920-х гг. в регионе местные археологи восстановили сложившуюся в имперский период систему археологических изысканий и наметили новые направления в ее развитии. Возобновление археологической научной деятельности было связано с дальнейшим функционированием ОГИАМ, НГИАМ, ХГИАМ. Она имела три составляющие: внутреннюю научную, научно-техническую, научно-исследовательскую вне музеев.

Сотрудники ОГИАМ С.С. Дложевский и М.Ф. Болтенко в первой половине 1920-х гг. в рамках музейной работы проводили инвентаризацию и каталогизацию уцелевших коллекций, устраивали заново экспозиционный зал, налаживали публикацию археологических материалов. В своих исследованиях они стремились продолжать работу по тем направлениям, которые оформи-

лись в предшествующие десятилетия. Научные изыскания сотрудники проводили по разным направлениям.

С.С. Дложевский составил научный инвентарный список амфорных ручек из раскопок и список научной литературы для библиотеки, следил за составлением общей инвентарной книги монет нумизматического кабинета, за работой реставраторов и общим исполнением оперативных планов. Он делал новые приобретения археологических вещей для музея с предварительным обзором и оценкой, вел переписку с зарубежными научными учреждениями по делам музейной работы, руководил аспирантами и следил за планами работ и их выполнением, предоставлял справки и указания музейных и архивных материалов командированным ученым. С целью совершенствования научной работы С.С. Дложевский написал несколько докладов в НКП УССР: план организации аспирантской работы при музее, план работы Научного совета, о состоянии нумизматического кабинета и перспектив его работы. Но все эти ходатайства не дали положительного результата (ГАОО. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 62. Л. 7). М.Ф. Болтенко провел инвентаризацию и упорядочение 1500 предметов керамики из старых раскопок на о. Березань профессора Р.А. Пренделя (1884) и профессора Э.Р. Штерна (1904–1913). Составил список вещей, которые были найдены в имперский период на территории степной УССР и Бессарабии, а затем размещены в музеях Российской империи. Под его наблюдением и по его указаниям было проведено фотографирование древних плит, скульптур и деревянных вещей из собрания музея, ряда керамических и бронзовых экспонатов для иллюстрированного каталога, находок из раскопок возле с. Усатова и т.п. (ГАОО. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 62. Л. 7 об., 16–17). Ряд технологических наблюдений провел А.К. Драгоев. К.М. Милисавлевич закончил иллюстрированные каталоги польских монет, древних греческих монет из 39 населенных пунктов и монет Венеции, Рагузы и Риги (ГАОО. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 62. Л. 8, 16 об.).

Научные исследования велись в ОГИАМ как индивидуально, так и коллективно. М.Ф. Болтенко вместе с аспирантом Э.Г. Оксманом провели сортировку, описание и подготовку для монтирования на картоне артефактов из последних раскопок у поселков Усатово (1921–1926), Б. Куяльник (1921–1926) и на о. Березань (1927), которые затем были продемонстрированы во время доклада на Всеукраинском археологическом комитете в Киеве и на выставке достижений археологии за 10 лет суще-

ствования советской власти. Также они провели путешествие-разведку на Сухой лиман и сделали контрольные раскопки. С А.К. Драговым М.Ф. Болтенко изучал керамический материал из раскопок Э.Р. Штерна возле с. Петрени и его собственных вблизи с. Усатово. С аспиранткой В.А. Пора-Леонтович он совершил путешествие-разведку контрольного характера в Лузановку (ГАОО. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 62. Л. 7 об., 16, 17 об.).

ОГИАМ был одним из немногих научно-исследовательских учреждений на юге УССР, который широким фронтом вел плановые коллективные археологические исследования. С.С. Дложевский организовал археологические экспедиции в Ольвию (1926 и 1927 гг.). М.Ф. Болтенко проводил ряд экскурсий образовательного и научного характера в музеи и на местах раскопок возле сел Усатово и Б. Куяльника. Также он вел археологические экспедиции на о. Березань и контрольные раскопки на Сухом лимане возле Одессы (ГАОО. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 62. Л. 9 об., 17–17 об.).

В ОГИАМ, помимо выполнения задач аспирантской программы и участия в семинарах, научно-исследовательской деятельностью также активно занимались аспиранты. занимался промывкой и регистрацией березанских находок. Результатом его аспирантской работы стал доклад на тему «Тиринт и его раскопки», которая была заслушана на публичном заседании Научного совета. Также он подготовил и издал «Библиографический указатель литературы по охране памятников материальной культуры». Аспирантка В.А. Пора-Леонтович занималась составлением дополнительного каталога карт и чертежей. В связи с предстоящей экспедицией в Ольвию проштудировала труды Б.В. Фармаковского. Как смотритель отдельного участка и заведующая техническими делами участвовала в раскопках Ольвии (с 1 августа по 3 сентября 1927). По командировке музея она ездила в Ленинград для ознакомления с керамикой, скульптурой и стеклом в фондах Эрмитажа. Ее доклад «Эволюция частного дома в эллинистическую эпоху» как результат аспирантской работы был заслушан Научным советом в публичном заседании. Аспиранты проходили практикум раскопок в Ольвии (2–25 августа 1927), где ознакомились с территорией заповедника, исторической литературой о раскопках города, классификацией находок, техникой предварительной очистки, упаковкой и инвентаризацией найденного материала. Как часть аспирантской работы В.А. Вениаминова подготовила доклад «Дорийский стиль и святилище Афайи по А. Фуртвенглером» (ГАОО. Ф. Р-39. Оп. 1.

Д. 62. Л. 7, 8–8 об., 16 об., 18–18 об.). Аспиранты Т.Г. Теохариди и Е.П. Белен де Баллю подготовили работы: соответственно «Депю литейщика палеожелезной эпохи, найденного в 1856 г. у Тилигульского лимана» и «Промышленная база древнегреческой колонизации в Северном Черноморье» (ГАОО. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 56. Л. 93; Д. 62. Л. 18, 30–30 об.).

Следовательно, вторую половину 1920-х гг. можно назвать «золотым временем» советской эпохи в подготовке высококвалифицированных кадров археологии на юге УССР. Сотрудники ОГИАМ внесли немалый вклад в разработку отдельных вопросов археологии, истории древнего мира, этнографии, нумизматики и воспитали плеяду молодых ученых, продолжали развитие археологической науки на Юге УССР. Ведущие специалисты музея (С.С. Дложевский и М.Ф. Болтенко) обеспечили передачу научных традиций молодому поколению. Именно оно своей деятельностью сохранило преемственность в развитии археологии в Северном Причерноморье и определило структуру, проблематику и основные направления развития археологической науки на последующие годы. В первую очередь это Э.Г. Оксман, В.А. Пора-Леонович, Т.Г. Теохариди и Г.Д. Штейнванд – представители первой советской генерации одесских археологов. В своих исследованиях они вышли за рамки унаследованных от своих предшественников научных тем, изменяя структуру первобытной археологии (северный неолит, степные культуры эпохи бронзы и ранних кочевников и т.д.). Поэтому в первой половине 1920-х гг. развитие археологии проходило в русле тех исследовательских задач, которые были намечены учеными досоветского поколения, где особое внимание уделялось палеоэтнологическому направлению, которое было нацелено на изучение отражения законов развития живых этнических культур в материальных остатках культур археологических. Начиная со второй половины 1920-х гг. археология все более теряла специфику предыдущих исследований, постепенно растворяясь в проблемах социологии с идеологическим привкусом социалистических веяний.

Научно-исследовательская работа сотрудников НГИАМ в 1920-х гг. внутри музея преимущественно сводилась к систематизации, обработке, инвентаризации и экспонированию артефактов из раскопок в Ольвии в 1920, 1926 и 1927 гг. Вне музея их деятельность сводилась к участию в работе Ольвийской археологической экспедиции. В ней принимали участие директор музея Ф.Т. Каминский и научный сотрудник Л.С. Кузнецов (Коротке звітання..., 1928. С. 3, 4).

В 1920-е гг. сотрудники ХГИАМ проводили активные археологические изучения на Херсонщине. В.И. Гошкевич вместе с хранителем музея И.В. Фабрициус в 1924 г. проводил раскопки Аджигольского городища возле Ольвии. Самостоятельно И.В. Фабрициус вела раскопки кургана белозерской археологической культуры вблизи села Лукьяновка в 1924 г., раскопки Любимовского постскифского городища в 1925–1929 гг., в 1931 г. обследовала окрестности села Ивановки, а в 1927 г. провела разведки на Тендре и острове Бабий. В 1927 г. вместе с Г.П. Крысиным она также работала в составе Ольвийской экспедиции. Среди полевых исследований Г.П. Крысина на территории Херсонщины привлекают внимание раскопки в 1928 г. городища на р. Ингулец. В течение 1920-х гг. коллекции ХГИАМ активно пополнял один из его сотрудников – А.В. Добровольский (Костенко, 2015. С. 56–59). В 1920-х – 1930-х гг. сотрудники ХГИАМ, сохраняя свой научный потенциал в силу своих возможностей, продолжали пополнение археологических фондов музея.

На рубеже 20-х – 30-х гг. XX в. направленность научных исследований на юге УССР и уровень их развития определялись работами столичных, в первую очередь академических, экспедиций. Именно они сыграли основополагающую роль в изучении и сохранении археологического наследия Северного Причерноморья, заложили основы современного научного подхода к этой проблеме. В это время было реализовано планомерное обследование территории на соответствующем времени методическом уровне в рамках решения определенных научных задач; полученные материалы составили золотой фонд археологических коллекций местных археологических музеев; основные результаты работ нашли отражение в центральных научных изданиях и местной прессе. В это же время наблюдается активизация археологической деятельности местных организаций и учреждений (музеев и высших учебных заведений), но векторы их направленности были разными. Областные археологические музеи активно сотрудничали с представителями академической науки, финансируя (в полном объеме или частично) экспедиции. В ответ столичные деятели не только пополняли археологические коллекции музеев, но и оказывали помощь в организации археологических экспозиций. Значительным недостатком этого периода являлось не участие в экспедициях студентов исторического факультета ОГУ.

Благодаря усилиям одесских археологов наряду с активным сотрудничеством в рамках работы столичных экспедиций, про-

должался процесс институционализации археологии. В первой половине 1930-х гг. одесские археологи работали на паритетных началах с сотрудниками академических учреждений, а к середине 1930-х гг. взяли на себя функции консолидирующего центра региональной археологии на юге УССР. Во второй половине 1930-х гг. экспедиционная деятельность академических учреждений организовывалась в соответствии с общесоюзным планом научно-исследовательских работ по археологии, контролировалась ИИМК АН СССР, Управлением в делах искусства при СНК УССР и ГАИМК им. академика Н.Я. Марра (Давидов, 1936). Отличительной чертой этого процесса является преобладание научного интереса при выборе объекта полевых работ. Научные интересы обусловили возобновление работ в южном регионе УССР на тех объектах, начало исследования которых относится еще к досоветскому времени. Например, экспедиции в Ольвию, последний предреволюционный сезон которых был в 1917 г., затем работы возобновили в 1920-е гг., в начале 1930-х гг. они были прерваны и возобновлены вновь в середине 1930-х гг. (Левченко, 2018. С. 158–159).

Оценивая направления научно-исследовательской деятельности южноукраинских ученых в 1920–1930-х гг. в процессе археологического изучения Северного Причерноморья, констатируем, что именно они стали связующим звеном в научном осмыслении вопросов в области археологии региона между исследователями имперского периода и современными учеными (в их взаимосвязи с другими крупными историко-культурными областями). Они сохраняли и передавали профессиональные навыки региональной школы молодому поколению ученых, сыграли значительную роль в популяризации археологического знания и сохранении археологического наследия.

Этюд пятый

Взаимодействие ученых-археологов и власти

В конце 1920-х гг. в процессе институционализации археологии на юге УССР, равно как и всего СССР, помимо идеологической ломки, ставшей началом утверждения марксистского подхода в науке, произошла и подлинная трагедия, приведшая к гибели или отказу от продолжения своей деятельности значительного числа археологов.

Конец 1930 г. стал временем испытаний для ОГИАМ. Во время проверки научно-исследовательских учреждений Одессы 17 ноября 1930 г. из состава аспирантов музея были исключены два человека:

В.А. Пора-Леонович – за невыполнение плана и отрыв от научной работы и Т.Г. Теохариди – за непролетарское происхождения и расхождение с марксистско-ленинской методологией. Э.Г. Оксман был арестован 22 октября 1930 г., а 18 февраля 1931 г. приговорен к заключению на 10 лет в исправительно-трудовых лагерях (Левченко, 2009). Авторитетный археолог М.Ф. Болтенко в 1934 г. получил пятилетний срок ссылки. Т.Г. Теохариди 16 декабря 1937 г. арестован, а 4 февраля 1938 г. расстрелян (Левченко, 2017в).

Трагически сложилась судьба директора НГИАМ Ф.Т. Каминского. В сентябре 1929 г. его арестовали и обвинили в причастности к сфабрикованному делу «Союза освобождения Украины». 29 января 1930 г. коллегия ГПУ УССР вынесла решение о его пятилетнем содержании в концлагере на Дальнем Востоке. В 1933 г. он вернулся в УССР, а в 1937 г. снова был арестован. В этот раз он отбывал наказание в Никополе (до 1949 г.), а потом Петропавловске.

В начале 1930-х гг. проводились репрессивные меры и относительно сотрудников ХГИАМ. В апреле 1931 г. И.В. Фабрициус освободили от должности директора во время «чистки» по первой категории – как родственницу «бывшего царского министра» В.А. Сухомлинова и жену «бывшего царского полковника» И.И. Кономопуло. Предчувствуя неизбежные репрессии, из ХГИАМ уволились коллеги и друзья И.В. Фабрициус – А.В. Добровольский и Г.П. Крысин. 20 марта 1934 г. был арестован руководитель отдела археологии ХГИАМ А.К. Тахтай (Костенко, 2015. С. 59–60).

Трагические события рубежа 20–30-х гг. XX в. коренным образом изменили ситуацию в процессе институционализации археологии на юге УССР. Вследствие этого состояние археологии на местах было плачевным. В штатах музеев в лучшем случае было по одному специалисту, хотя бы в какой-то степени знакомому с археологией, которые лишь обеспечивали посильную помощь специалистам из академических структур, продолжавших работу в регионе. Репрессии против научной интеллигенции привели к упадку полевой археологии на территории УССР. Главной проблемой, сдерживающей возобновление активной учебной и научной деятельности в ОГУ, была кадровая. Подобная ситуация привела к тому, что на три южноукраинских центра было всего несколько археологов, ведущих самостоятельные полевые исследования. Из одесских археологов в конце 1930-х гг. раскопки проводили Е.Ф. Лагодовская и В.И. Селинов. В двух других областных центрах дело обстояло еще хуже.

Репрессии затронули ученых не только старой школы, старшего поколения, но и представителей молодой генерации, тех, кто старался приспособиться к правилам игры советской власти. Аресты, проработки, увольнения пугали людей, и далеко не все из тех, кто заявлял о своем признании новой идеологической концепции, был искренен. Между тем южноукраинских археологов не арестовывали за высказывание каких-либо политических идей и тем более за профессиональную деятельность. Они становились заложниками разных жизненных ситуаций, как правило, не связанных с их профессией. Однако ясно, что в те трагические моменты жизни они думали лишь о том, как бы выжить и сохранить возможность работать.

Этюд шестой

Материально-техническая и финансовая базы

Материальной базой археологических музеев трех научных центров юга УССР являлось государственное субсидирование по линии Главпрофобра НКП УССР (Бюлетень..., 1924. С. 6). Основными проблемами деятельности музеев в изучаемый период были дефицит их бюджета, отсутствие норм труда научных сотрудников, что не давало возможности правильно дифференцировать их работу, достаточное финансирование полевых исследований.

Материальная база и финансовое положение всех структур в сфере археологии особенно тяжелыми были на рубеже 1910–1920-х гг. Например, в это время ОГИАМ переживал острый кризис. За годы империалистической и Гражданской войн была полностью разрушена экспозиция музея, ценные коллекции упакованы в ящики и сложены в вестибюле музея, у многих экспонатов были утрачены паспорта. После национализации музея в 1920 г. в нем находились груды перемешанного археологического материала. Небольшой коллектив музея в тяжелых материальных условиях в сжатые сроки смог построить новую экспозицию и восстановить утраченные коллекционные паспорта (Синицын, 1960. С. 11).

Чрезмерно маленький штат большого по объему хранения ОГИАМ и отсутствие технического персонала препятствовали проведению научной работы в достаточных объемах. Теснота помещений не давала возможности располагать экспонаты, развернуть работу читального зала и лаборатории. Заработную плату и стипендию получали не все сотрудники и аспиранты. За 1927 г. музею насчитали 12 321,31 руб. (научные расходы – 3 031,83, опе-

рационные расходы – 4 166,94, штат – 5 122,54), которые не покрывали всех расходов (ГАОО. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 62. Л. 10).

Археологические экспедиции в целом имели материальную-техническую базу, соответствующую общему уровню того времени, которая посильно обеспечивала проведение археологических полевых исследований и камеральную обработку артефактов. Экспедиции под руководством М.Ф. Болтенко на о. Березань в 1927–1931 гг. обеспечивались необходимыми средствами водного транспорта.

Приведенные факты относительно материально-технического и финансового обеспечения археологов иллюстрируют обобщенный тип археологических полевых и камеральных работ на юге УССР. При детальном изучении каждого отдельного случая всплывала нехватка того или иного инвентаря, расходного материала, жилья для сотрудников или технических помещений, технических устройств (фотоаппаратов), упаковочного материала, канцтоваров и т.п. Имелись ограничения в транспортно-коммуникационных средствах. Несмотря на эти трудности, научные достижения южноукраинских ученых – энтузиастов археологии – выглядят впечатляюще.

Этюд седьмой

Коммуникационная и информационная системы

В первой половине 1920-х гг. процесс централизации науки в УССР еще не был налажен. Южноукраинские археологи не имели централизованной связи с ВУАК при ВУАН. Несмотря на это в первое послереволюционное десятилетие они не только не прекратили научную деятельность (как это случилось в области геральдики, генеалогии и др.), но и сделали определенный шаг вперед. Тесные научные контакты с киевскими коллегами одесские археологи начали налаживать только в апреле 1925 г., когда в ВУАК при ВУАН были командированы М.Ф. Болтенко и С.С. Дложевский (*Дложевський*, 1925. С. 3).

К середине 1920-х гг. местными археологии была восстановлена сложившаяся в имперский период система взаимодействия с археологическими учреждениями Ленинграда, Москвы и других городов СССР. В это же время также еще сохранялись связи отечественных археологов с зарубежными. Сотрудники ОГИАМ выступали с докладами на конференциях, собраниях обществ и комиссий. Они поддерживали регулярные научно-организационные

контакты с исследовательскими учреждениями и обществами Одессы (ОКК при ВУАН, Научным обществом при ВУАН, филиалом Всеукраинской научной ассоциации востоковедения), Киева, Харькова, Каменец-Подольска, Севастополя и других городов, в том числе и за рубежом. Укреплению отношений, взаимодействия и взаимопомощи ученых ОГИАМ с учеными СССР и другими странами способствовали встречи во время конференций, съездов, семинаров, практикумов и экскурсий. С.С. Дложевский выступал с докладами «Южная Украина и древний малоазийский культурный комплекс – Ольвия и Милет» на I Всеукраинском съезде востоковедов (Харьков, 1927), «Современное состояние изучения амфорных клейм» (в ОКК при ВУАН), «Современное состояние археологических исследований Ольвии» (в Каменец-Подольском научном обществе). Он посетил с целью изучения эпиграфического материала и орнаментированных люстр Херсонский, Николаевский и Днепропетровский музеи, где провел семинары по изучению амфорных клейм и ряд экскурсий. Также он был участником Керченской археологической конференции (1926), в марте 1928 г. был приглашен на международный съезд, посвященный проблемам этрускологии, проходивший в Италии. В качестве делегата от УССР в 1929 г. он сделал доклад о раскопках в Ольвии на I Международном археологическом съезде в Берлине, посвященном 100-летию Германского государственного археологического института, и был избран действительным членом этого института. Э.Г. Оксман подготовил доклад «Сокровища Эрмитажа в католических церквях Степной Украины» для выступления на II конференции археологов СССР (Херсонес, 1927). Во время этого научного форума археологов он участвовал в экскурсиях на Гераклеийский полуостров, остров св. Климента и в Георгиевский монастырь. А.К. Драгоев посетил музеи Москвы для изучения археологической технологии и музейного дела (ГАОО. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 62. Л. 9–9 об., 16 об., 17). Связи с зарубежными исследователями поддерживали и сотрудники ХГИАМ. В 1928 г. с коллекциями фондов этого музея работал финский археолог А.Н. Тальгерн (*Костенко*, 2015. С. 57).

Одесские ученые делали попытки провести научный форум в Одессе как центре археологических исследований в Северном Причерноморье. С этой целью из состава археологической секции ОКК при ВУАН Главнаука утвердила организационный комитет по подготовке Первой Всеукраинской археологической конференции в Одессе. В его состав вошли три человека из Одессы

(М.Ф. Болтенко, С.С. Дложевский и Д.К. Третьяков), по одному из Николаева (Ф.Т. Коминский) и Херсона (В.И. Гошкевич) (*Дложевський*, 1925. С. 3). Из-за субъективных и объективных причин конференция не состоялась.

Международные научные коммуникации южноукраинских археологов в период 1926–1929 гг. были достаточно успешными, но начиная с 1930 г. постепенно ограничивались. Ситуация с поездками на всесоюзные и зарубежные научные форумы радикально менялась. Первоочередной причиной было не недостаточное финансовое обеспечение, а политический контроль, который стал решающим фактором. Командировки, переписки и встречи с коллегами на рубеже 1920–1930-х гг. стали восприниматься как возможные обвинения в шпионаже, антисоветской деятельности или вредительской работе. Уже в конце 1920-х гг. резко сократилось число археологов, получавших командировки. Поддерживать научные связи разрешалось только небольшой группе ученых, которая официально представляла советскую научную элиту. Постепенно получение разрешения на научные командировки становилось проблемным даже для тех, чье имя было довольно известным в научном мире, что не способствовало задействованию всего спектра коммуникационных взаимоотношений для развития археологии.

Этюд восьмой

Система издания научной продукции

Активное развитие историографии в 20–30-е гг. XX в., сформировало своеобразную культуру, проявившуюся, в первую очередь в практике регулярных публикаций обзоров и тематических указателей археологической литературы. Подобная тенденция имела место и в историографическом сегменте науки на юге УССР.

Результаты археологических исследований членов археологической секции ОКК при ВУАН были опубликованы в отдельном номере ее печатного органа – «Вісник Одеської комісії краєзнавства при Українській академії наук» (*Вісник...*, 1930). В этом издании печатались краткие отчеты о полевых археологических исследованиях, публикации отдельных памятников, статьи и сообщения археологов из Одессы, Николаева и Херсона. Результатом издательской деятельности ХГИАМ стали два выпуска восстановленных «Літописів Музею» со сведениями о научно-фондовой деятельности, а также сообщениями об археологических раскопках с участием сотрудников (*Короткий звіт...*, 1929).

Популярным видом периодических изданий среди музейных учреждений УССР в 1920-е гг. стала форма опубликованных отчетов об их деятельности (*Дложевський*, 1929; *Коротке звітання...*, 1928). Жанровое своеобразие публикаций археологов определялось направленностью издания, через которое, как и через систему обмена между региональными изданиями, постепенно формировалась исследовательская культура авторов. В опубликованных отчетах упоминалось о всех сферах деятельности музеев.

Несмотря на наличие в УССР в 1920-е гг. периодических печатных изданий, на страницах которых свои научные труды могли публиковать археологи, в целом издательство научной продукции оставалось не налаженным. Отчеты, материалы раскопок, статьи многих ученых не были опубликованы. Например, неопубликованный отчет С.А. Семёнова-Зусера о раскопках в Ольвии в 1920–1921 гг. хранится в рукописном архиве Института археологии АН УССР (*Левченко*, 2018. С. 150), как и труды других ученых.

На рубеже 1920–1930-х гг. условия и обстоятельства публикаций начали меняться, идеологическое давление все ощутимее распространялось на науку. Растущие тенденции централизации и бюрократизации общественной жизни негативно повлияли на состояние научных исследований. В эти годы резко сократился объем изданий, что привело к тенденции отхода от академической науки и переходу к публицистическому жанру в публикациях.

В середине 1930-х гг. прокатилась новая волна репрессий против научной интеллигенции. Одновременно прекратилось печатание и без того малого количества научных изданий. В результате соответствующей политики советской власти немалое количество изъятых из научного оборота материалов бесследно исчезло, другие – еще долго будут оставаться изолированными от общества в хранилищах).

В результате процесса политизации и идеологизации науки сфера научных изданий подверглась тоталитарному контролю. Тематика и содержание научных исследований все теснее были связаны с усилением административного давления на ученых и желанием государства подчинить их своему диктату. Существенно сократился объем исследований и ограничились научные коммуникации, что привело к резкому уменьшению количества научных изданий и публикаций. Основным местом публикаций ученых стали газеты, академические и вузовские издания, где перед тем, как выходила статья, она проходила многоуровневую «фильтрацию». Отметим

значение научной периодики как источника изучения истории отечественной науки в сложных общественно-политических и социально-экономических условиях 1920–1930-х гг.

* * *

Подводя итоги в изучении процесса институционализации археологии на юге УССР в 1917 – начале 1930-х гг., подчеркнем, что ведущая роль в последовательной реализации идеи изучения и сохранения археологических древностей на обозначенной территории формировалась на протяжении XIX – начала XX в. и принадлежит местным исследовательским силам. В рамках их деятельности периодически проводились раскопки в регионе; была создана первоначальная информационная база по археологии; состоялось открытие историко-археологических музеев в Николаеве, Одессе и Херсоне как трех ведущих научных центров с самостоятельными археологическими отделами; налажены коммуникативные связи с коллегами из других научных центров. Реформы конца 1910-х – начала 1930-х гг. способствовали не только популяризации археологических знаний среди научного сообщества региона, но и сыграли важнейшую роль в процессе институционализации археологии, в оформлении профессиональной культуры археологов, постепенно формируя требования к научным исследованиям. Начиная с 1920 г. поступательно развивался процесс оформления на базе существующих образовательно-научных заведений и учреждений новых, самостоятельных в организационном и познавательном аспектах, государственных научных археологических учреждений. С середины 1920-х гг., в условиях существования традиций имперской археологии (М.Ф. Болтенко, Г.П. Крысин, Б.В. Фармаковский и др.) и введения новых направлений советской науки в рамках марксистско-ленинской идеологии (С.С. Дложевский, Ф.Т. Каминский и др.), на юге УССР имело место продуктивное сотрудничество местных археологов со специалистами республиканских и союзных научных центров (совместные экспедиции, совершенствование музейной деятельности, первый опыт подготовки кадров на местном уровне), трагически оборвавшееся в конце десятилетия. Процесс институционализации региональной археологии на юге УССР был продолжен в начале второй трети 1930-х гг., что было связано с открытием в 1934 г. на историческом факультете ОГУ кафедры истории древнего мира и археологии, которая, несмотря на статус профильной университетской

кафедры, обеспечивающей подготовку специалистов и преемственность научных исследований, не стала средоточием формирования основ археологического центра в регионе. Планомерных действий между всеми научными заведениями и учреждениями в организации и участии в экспедициях, координации деятельности археологического сообщества в регионе, и в частности в Одессе, не было, что не способствовало доведению процесса институционализации на юге УССР до логического завершения.

Литература

- Боровой С.Я.*, 1979. К истории создания Одесского археологического института и его археографического отделения // Археографический ежегодник за 1978 год. М. С. 96–101.
- Бюлетень...*, 1924. Бюлетень Наркомосвіти. № 3–4. С. 1–11.
- Вісник...*, 1930. Вісник Одеської комісії краєзнавства при Українській академії наук. Ч. 4–5. Секція археологічна. Одеса, 1930. 187 с.
- Давидов Л.*, 1936. Почались археологічні розкопки в Ольвії // Чорноморська комуна. 28 серпня.
- Дложевский С.С.*, 1921. Организация Археологического института в Одессе: Историческая справка // Народное просвещение. № 2–5. С. 57–63.
- Дложевський С.*, 1925. Звіт Бюро Комісії (3 1/V 1924 до 1/X 1925) // Вісник Одеської комісії краєзнавства при Всеукраїнській академії наук. Ч. 2–3. С. 1–4.
- Дложевський С.С.*, 1927. Одеський державний історично-археологічний музей. К. 19 с.
- Дложевський С.С.*, 1929. Звіт про діяльність Одеського державного історично-археологічного музею за рр. 1927 рр. Одеса. 22 с.
- Коротке звідомлення...*, 1928. Коротке звідомлення про діяльність Миколаївського історично-археологічного музею за 1927 р. Миколаїв: Видання Миколаївського історично-археологічного музею. 15 с.
- Короткий звіт...*, 1929. Короткий звіт про діяльність Херсонського державного історично-археологічного музею за 1927/1928 рік // Літопис музею 1927/28. Херсон. Вип. 9. С. 7–10.
- Костенко А.В.*, 2015. Археологічні фонди краєзнавчого музею: формування, зберігання, використання (на прикладі Херсонського обласного краєзнавчого музею): дис. ... канд. іст. наук. К. 295 с.
- Левченко В.В.*, 2004. Діяльність науково-дослідної кафедри Одеського історико-археологічного музею (1922–1930) // Проблеми славянознавства. Сборник научных статей и материалов. Вип. 6. Брянск: БГУ. С. 104–109.
- Левченко В.В.*, 2008. Одеський гуманітарно-суспільний інститут (1920–1921): до питання спадкоємності традицій університетської освіти // Записки історичного факультету. Одеса. Вип. 19. С. 207–216.
- Левченко В.В.*, 2009. Тричі засуджений Емануїл Оксман (1899–1961): до 110-річчя від дня народження // Юго-Запад. Одессика. Историко-краеведческий научный альманах. Вип. 7. Одесса. С. 242–257.

- Левченко В.В.*, 2010. Історія Одеського інституту народної освіти (1920–1930 рр.): позитивний досвід невдалого експерименту / Відп. ред. В.М. Хмарський; наук. ред. Т.М. Попова. Одеса: ТЕС. 428 с.
- Левченко В.В.*, 2016. Коротка історія Одеського археологічного інституту: від зародження ідеї до її реалізації за ініціативою «знизу» та ліквідації «зверху» (до 95-річчя від дня заснування) // Стародавнє Причорномор'я. Випуск XI. Одеса: ОНУ імені І.І. Мечникова. С. 291–299.
- Левченко В.В.*, 2017а. Из истории археологии в Одессе: профессор В.И. Селинов // Древний мир: История и археология: Труды Международной научной конференции «Дьяковские чтения» кафедры истории древнего мира и средних веков им. проф. В.Ф. Семенова, МПГУ (3 декабря 2016 г.) / Отв. ред. Н.И. Винокуров. М.: МПГУ. С. 245–251.
- Левченко В.В.*, 2017б. Организационно-структурные основы деятельности Одесского археологического института (1921–1922): к 95-летию со дня основания // 1917 год: российская археология на переломе эпох. Материалы Международной научной конференции / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: ИА РАН. С. 39–41.
- Левченко В.В.*, 2017в. Точки біфуркації у долі історика: фрагменти біографії Теохарія Юрійовича Теохаріди // Грецька громада Ніжина: історія та сучасність. Матеріали міжнародної наукової конференції / Упор. О.С. Морозов. Ніжин: Видавець ПП Лисенко М.М. С. 104–118.
- Левченко В.* Роль одеських вчених-істориків у дослідженні, охороні та збереженні Ольвії у першій половині ХХ століття // Краєзнавство: науковий журнал. 2018. № 1. С. 143–160.
- Левченко В.В., Левченко Г.С.*, 2012. Музей изящных искусств Императорского Новороссийского университета: фонды, персоналии, судьба // Вопросы музеологии. СПб. № 2 (6). С. 105–113.
- Музичко О.Є.*, 2012. Одеський осередок археологічної педагогіки наприкінці ХІХ – 20-х роках ХХ ст. // Археологія і давня історія України: Зб. наук. пр. К.: ІА НАН України. Вип. 9. С. 177–180.
- Охотников С.Б.*, 2010. Археология в Одессе. 185 лет Одесскому археологическому музею (1825–2010). Одесса: СМІЛ. 160 с.
- Синицын М.С.*, 1960. Развитие археологии в Одессе // Записки Одесского археологического общества. Одесса. Т. 1 (34). С. 7–14.

Н.М. Малов

**АРХЕОЛОГИЯ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
В ПЕРВОЕ СОВЕТСКОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ:
ГОСУДАРСТВЕННЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ И ОБЩЕСТВА
(К 100-ЛЕТИЮ ПЕРВОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА)**

Резюме. Автор рассматривает археологическую деятельность государственных учреждений и обществ по изучению Нижнего Поволжья, Волго-Уральского и Волго-Донского междуречья в первое советское десятилетие. Анализируется деятельность археологов Саратовского университета, Нижне-Волжского института краеведения, краеведческих музеев и государственных научных обществ. Используются архивные документы.

Ключевые слова: археология, Поволжье, Волго-Уральское междуречье, Волго-Донское междуречье, Саратовский университет, музеи краеведения.

На первое советское десятилетие приходится революционная перестройка в археологической деятельности государственных учреждений: вузов, научных обществ и историко-краеведческих музеев. В бывшем Императорском Саратовском университете (СГУ) открывается историко-филологический факультет. Речь о его создании велась еще при обсуждении проекта вуза, но все старания и хлопоты долгое время оставались напрасными. Реализовались они только по решению Временного правительства от 1 июля 1917 г. (Малов, 1999. С. 25; Малов, 2006а. С. 7). После Февральской революции 1917 г. «...Были направлены ходатайства в комиссию И.М. Гревса, ведавшую делом расширения Саратовского университета; комиссия их поддержала, и в начале 1917/1918 учебного года историко-филологический факультет был открыт» (ГАСО. Ф. Р-332. Оп. 1. Д. 3. Л. 1 об.). Новый факультет создали в самом начале так называемой «переломной эпохи». Он стал функционировать, когда власть захватили большевики.

В ноябре 1918 г. перед коллективом университета была поставлена задача по изменению идейно-политического содержа-

ния лекций и созданию для пролетарского студенчества условий неограниченного доступа во все библиотеки и архивы для самостоятельной работы по овладению наукой (Саратовский университет..., 1959. С. 16–32). В мае 1919 г. вводится предметная система обучения. Кроме лекций и практических занятий проводились семинары для чтения и обсуждения рефератов, знакомства с библиографией изучаемого предмета. В первые годы советской власти закладывались основы новой пролетарской высшей школы. В 1922 г. университету присвоили имя революционного демократа Н.Г. Чернышевского.

В гуманитарном университетском образовании начинает господствовать марксистское направление. Вводятся курсы: о развитии общественных форм, исторического материализма, истории коммунистической партии и основам ленинизма (*Генинг*, 1982. С. 22–23). Известный историк Е.Н. Кушева, учившаяся тогда в СГУ и все 1920-е гг. принимавшая участие в археологических экспедициях, вспоминала: «Занятия по программе историко-филологических мужских факультетов продолжались более двух лет, когда историко-филологический факультет был заменен факультетом общественных наук. Я кончила этот факультет в конце 1922 г. Только в последний год был введен на факультетах курс истмата» (*Кушева*, 1993. С. 131).

Первыми преподавателями по археологии, истории древнего мира, истории искусств, античному и средневековому искусству в СГУ были Ф.В. Баллод, А.С. Башкиров, А.А. Захаров и П.С. Рыков (ГАСО. Ф. Р-332. Оп. 1. Д. 3. Л. 2 об.; ГАСО. Ф. Р-332. Оп. 1. Д. 107. Л. 14, 41, 51 об.). Они были связаны с московской археологической школой, Государственным историческим музеем и классиком отечественной археологии профессором В.А. Городцовым (*Малов*, 2006а. С. 7–8, 13–15). Василий Алексеевич заинтересовался археологическими памятниками и культурами Нижнего Поволжья еще в начале XX в. Посещая в 1914 г. музеи ряда поволжских городов, профессор познакомился с археологической коллекцией музея СУАК, в Памятной книге которого оставил благожелательную записку (*Малов*, 2003а. С. 59).

Бывшую СУАК реорганизуют в другую государственную институцию – Общество истории, археологии и этнографии (Истархэт) при СГУ, финансируемое из советского госбюджета. Истархэт, просуществовавшее до осени 1925 г., издало ряд выпусков своих трудов. В первом выпуске за 1923 г. опубликованы археоло-

гические статьи А.А. Спицына, П.С. Рыкова, Б.В. Зайковского, А.А. Кроткова и П.Н. Шишкина. В конце 1925 г. при СГУ вместо Истархэт образуется другая государственная организация – Нижневолжское областное общество краеведения, также публиковавшее научные издания. Археологии был посвящен только один сборник трудов, содержащий шесть статей, авторами которых были Н.К. Арзютов, А.А. Гераклитов, А.А. Кротков, А.Н. Кушева, Т.М. Минаева и П.Д. Рау (Малов, 2017а. С. 404).

Среди преподавателей, стоявших у истоков историко-филологического, археологического и искусствоведческого образования в СГУ, особое место занимает профессор Ф.В. Баллод (Балодис), проработавший здесь с 1918 г. по весну 1923 г. (Малов, 2015а. С. 87–90). Франц Владимирович читал курсы по истории искусств и археологии, вел семинары по классической филологии, египетским и греческим текстам. Когда он возглавлял историко-филологический факультет, открыли новое отделение истории искусств и археологии. В СГУ Ф.В. Баллод руководил первыми профессиональными археологическими исследованиями, был автором первой статьи о раскопках на Увеке и монографии по археологии Нижнего Поволжья (Малов, 2015а).

В 1919 г. историко-филологический факультет СГУ совместно с Подотделом ГубОНО и Пединститутом провел первую археологическую экспедицию на Увекском городище, которой руководил Франц Владимирович. Раскопки охранного характера были связаны с предполагаемым строительством железнодорожного моста через Волгу и сооружением одного из форпостов Саратовского укрепрайона. Летом этого года губерния переживала один из опасных эпизодов Гражданской войны. Армия А.И. Деникина близко подошла к «красному» Саратову, ставшему прифронтовым городом. В экспедиции, проходившей с 10 по 25 июня 1919 г, участвовали в качестве рабочих 33 студента, получавших дополнительный паек хлеба. Последующие университетские экспедиции СГУ, возглавляемые Ф.В. Баллодом, поддерживаемые М.Н. Покровским и В.А. Городцовым, обследовали значительную территорию Нижнего Поволжья. Профессор внес существенный вклад в процесс становления гуманитарного образования и археологической науки в СГУ, в исследование древностей Нижнего Поволжья и городищ Золотой Орды. С целью изучения Нижнего Поволжья и смежных районов в 1920 г. при университете создали научно-исследовательский Археологический институт, первым

директором которого становится Франц Владимирович. На этой должности в 1924 г. его сменил профессор П.С. Рыков.

Профессора и преподаватели СГУ, воспитанные старой научной школой, не пользовались особым доверием у партийной и советской власти. К тому же некоторые из них были награждены при царском режиме орденами св. Станислава 3-й ст. (Баллод, Рыков) и св. Анны 2-й ст. (Баллод). «Обстановка недоверия прошла» после январской городской конференция 1924 г., посвященной итогам первого Всероссийского съезда научных работников, где выступал и П.С. Рыков. В заключительном слове историк профессор С.Ю. Юшков произнес: «Мы с чистым сердцем берем руку, которую протягивает нам партия» (Саратовский университет..., 1959. С. 31). В этой связи, напомним, что тогда в местных периодических изданиях преподавателей СГУ порой обвиняли даже в саботаже советской власти, печатались публицистические заметки, направленные на формирование негативного представления о деятельности профессоров. При этом требовали «<...> оказать давление на г.г. профессоров, нежелающих оставить старые приемы», а Губернский совет народного образования полагал, что «<...> Октябрьская революция совсем не коснулась высшей школы» (Соломонов, 1991; Малов, 2008б. С. 234).

После того, как Ф.В. Баллод и Б.М. Соколов покинули Саратов, в Альманахе-справочнике на 1925 г. появилась заметка, не соответствующая действительности. Ее автор негативно отозвался о результатах проведенных ими археологических и этнографических исследований: «<...> позднейшие работы Ф.В. Баллода «Привожские Помпеи», 1922 и «Старый и Новый Сарай», 1923, не прибавили ничего и интересны как сводка материала», «<...> Б.М. Соколов, который выпустил компилятивный труд «Саратовский этнографический сборник», 1922 г., точно также и его пресловутые этнографические экспедиции не дали никаких результатов, где он работал по методу незабвенного! грибоедовского Репетилова» (Соколов, 1925. С. 89–90).

Судя по изданиям, существенное количество которых многие советские десятилетия хранились на истфаке СГУ, одним из основных археологических учебников для студентов второй половины 1920-х годов служила книга профессора Ю.В. Готье (*Готье*, 1925). Вскоре эту работу подвергли резкой критике, а ее автора арестовали и сослали в Самару (Формозов, 2006. С. 40, 52, 192). Название археологической кафедры в СГУ изменялось (теории и истории ис-

куст; археологии; археологии и этнографии; истории материальной культуры) в зависимости от организационных обстоятельств и смены вех в советской археологии (Малов, 2017а. С. 403).

Подлинно широкий размах археологические исследования приобрели под руководством ученика В.А. Городцова – П.С. Рыкова, деятельность которого была непосредственно связана с СГУ, Саратовским областным музеем краеведения (СОМК) и Нижне-Волжским институтом краеведения (Саратовский университет..., 1959. С. 101–108; Малов, 2010б). Павлу Сергеевичу, многие годы возглавлявшему крупные экспедиции, удалось воспитать из числа бывших студентов СГУ плеяду молодых археологов, в которую входили Н.К. Арзютов, А.Н. Кушева-Грозевская (рис. 1), Т.М. Минаева, П.Д. Рау, И.В. Сеницын и П.Д. Степанов (Кушева, 1993. С. 151; Сеницын, 1959; Сеницын, Степанов, 1964. С. 129).

П.С. Рыков начал в 1920 г. работать в СГУ, где с 1923 по 1927 г. возглавлял педагогический факультет. По распоряжению Академического центра Наркомпроса от 21 июня 1924 г. при СГУ создается Нижне-Волжский институт краеведения (НВИК), финансируемый из государственного бюджета. С этого времени и вплоть до своего ареста бессменным его директором был П.С. Рыков (Малов, 2017а. С. 404–405). В институте существовали культурно-историческая и историческая секции. Это государственная организация издавала свои «Известия», первый том которых вышел в 1926 г. В ней была штатная аспирантура по специальности «археология и история доклассового общества». По распоряжению Наркомпроса за счет НВИК в 1928 г. П.С. Рыкова командировали в Германию для изучения музейного дела. Под руководством Рыкова НВИК систематически организовывал археологические экспедиции и проводил крупномасштабные полевые исследования в Поволжье, Прикаспии, Волго-Уральском и Волго-Донском междуречье. Благодаря успешной работе института был накоплен солидный свод археологических источников по обширному региону юго-восточной России от каменного века до позднего средневековья. При этом НВИК сотрудничал по археологической экспедиционной деятельности с Государственным историческим музеем. В 1925–1926 гг. П.С. Рыков и Б.Н. Граков провели совместные исследования курганов в Палассовском районе Царицынского Заволжья. В 1925 г. по поручению ГИМ Б.Н. Граков принял участие в раскопках П.С. Рыкова на территории АССР Немцев Поволжья (Отчет..., 1926. С. 71). Около с. Блюменфельд (Цветочное) Б.Н. Граков

раскопал знаменитый курган А12 и назвал первую савроматскую ступень блюменфельдской культурой (Смирнов, 1964. С. 11, 17).

В результате открытия историко-филологического факультета и исследований Нижне-Волжского института краеведения существенно расширились масштабы полевых работ, возросло количество новых и важных источников по археологии. Ф.В. Баллод и П.С. Рыков, руководившие в 1920-е гг. историко-филологическим и педагогическим факультетами, непосредственно контактировали с В.А. Городцовым, занимавшим высокие должности в Наркомпросе и способствовавшим становлению научной школы академического типа по археологии Нижнего Поволжья в СГУ (Малов, 2010а С. 38–39). П.С. Рыков был членом различных научных обществ, состоял в Археологической комиссии Московской секции ГАИМК.

В 1920-е гг. на севере степного Заволжья, значительная часть районов которого сейчас входит в состав Саратовской области, активные исследования ежегодно проводились экспедициями Общества археологии, истории, этнографии и естествознания при Самарском государственном университете под руководством В.В. Гольмстен (Рыков, 1932. С. 8–10; Матвеева, 1975. С. 5–12). В этих полевых работах участвовали слушатели университетских Высших этнолого-археологических курсов, среди которых был начинающий археолог А.И. Тереножкин. Развитие археологии в Саратовском и Самарском Поволжье было непосредственно связано с активной деятельностью П.С. Рыкова и В.В. Гольмстен, возглавлявших провинциальные археологические центры. Они восприняли от своего научного учителя В.А. Городцова стремление к изучению широкого культурно-хронологического круга памятников и систематизации археологических материалов.

История саратовского музейного дела в то время была теснейшим образом связана с историко-филологическим факультетом СГУ (Малов, 2006б. С. 195–196, 233). Профессора и деканы историко-филологического факультета играли существенную роль в реформировании СУАК и реорганизации ее музея, где хранились археологические коллекции. С мая 1918 г. в Наркомпросе РСФСР функционируют специальная Коллегия и Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины, который до 1927 г. возглавляла Н.И. Седова – жена Л.Д. Троцкого. В отчете П.С. Рыкова об археологических исследованиях в Саратовской губернии и Области Немцев Поволжья (лето 1923 г.) хранится открытый лист, завизированный заведующей Отделом по делам

музеев Н.И. Троцкой (рис. 2) (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 – 1923. Д. 116. Л. 6). В первое советское десятилетие организаторская деятельность В.А. Городцова имела прямое отношение к Наркомпросу, где он участвовал в музейном строительстве и реформировании музеев, а также заведовал Археологическим подотделом Отдела по делам музеев (*Белозёрова*, 2001). В 1920, 1927 и 1929 гг. В.А. Городцов приезжал в Саратов, Хвалынский и Царицын с целью изучения состояния музеев, археологических коллекций и памятников (*Малов*, 2010а. С. 38–39).

П.С. Рыков вел большую работу по линии советского музейного строительства. Профессор заведовал Археологическим музеем, затем с 1923 по 1937 г. был директором СОМК, состоял в Государственном ученом и научно-методическом советах Музейного отдела Наркомпроса (*Синицын, Степанов*, 1964. С. 126–127). В одной из статей итогового характера П.С. Рыков констатировал, что в первое десятилетие после Октября 1917 г. основной задачей музеев Саратовской губернии стало стремление сделать их одним из центров культурно-просветительной и научно-исследовательской работы, благодаря которой широкие массы трудящихся могли бы с наибольшей легкостью приобщиться к познанию своей страны (*Рыков*, 1927. С. 1). В 1920-е гг. музеи активно ведут полевые исследования, пополняют и создают собственные археологические фонды. При этом организационно-методическую функцию центрального государственного учреждения в регионе выполнял СОМК, в котором продолжало активно комплектоваться самое крупное археологическое собрание. 100 лет назад, в 1919 г. начали работать Пугачёвский и Хвалынский краеведческие музеи, где существенное место отводилось археологии. С 1925 г. приступили к формированию археологических фондов два новых государственных краеведческих музея – Покровский и Царицынский (впоследствии Сталинградский, Волгоградский).

Заметным событием явилась Саратовская областная музейная конференция. В ней приняли участие 28 организаций (музеи, государственные учреждения и общества) из Саратова, Пензы, Уральска, Покровска, Марксптадта, Вольска, Кузнецка, Петровска и Сердобска (*Саратовская...*, 1926). На конференции представили выставку, в том числе и археологических находок экспедиции СОМК за 1926 г. П.С. Рыков прочитал два доклада. Первый – «Итоги изучения Нижнее-Волжской области в археологическом отношении за последнее время». В решении конференции по этому

докладу были отмечены не только значительные и ценные результаты, но также рекомендовано увеличить средства на археологию, укрепить кафедру археологии педагогического факультета и расширить культурно-историческую секцию НВИК. Во втором докладе («Положение музейного дела в области, его современное состояние и перспективы развития») П.С. Рыков представил развернутую характеристику и анализ музейной деятельности Нижневолжской области. По итогам этого доклада конференция приняла самое большое и развернутое решение из 16-ти пунктов, существенная часть которых не потеряла свою актуальность и сейчас (Малов, 2006б. С. 244–245). Рассмотрим деятельность музеев региона.

Саратовский областной музей краеведения

После национализации музей СУАК реорганизуется в СОМК и финансируется советской властью. В 1918 г. Ф.В. Баллод непосредственно занимался процедурой регистрации коллекций музея СУАК (Малов, 2006б. С. 203, 266. Приложение № 2). С 1919 г. собрания древностей, ранее принадлежавшие СУАК, составили основу Археологического музея, который в 1924 г. стал отделом Саратовского государственного областного музея (Рыков, 1927. С. 5). С 1921 г. СГУ и СОМК организовывали и проводили крупные совместные экспедиции, возглавляемые П.С. Рыковым, основной целью которых было систематическое археологическое изучение районов области и раскопки курганов разных эпох по бассейнам главных рек. По мнению П.С. Рыкова «...Музей в результате упомянутых работ обогатился коллекциями настолько, что его можно считать одним из ценных и интересных в научном отношении музеев Республики, судя по тем компетентным отзывам ученых, которые с ним знакомились. Достаточно назвать такие имена, как проф. В.А. Городцов или финский археолог проф. А.М. Тальгрэн» (Рыков, 1927. С. 6).

В 1925–1927 гг. областной музей контактировал с Академией истории материальной культуры, ГИМ, Финляндским музеем по разработке вопросов бронзовой эпохи и с профессором А.М. Тальгреном, а также хранителем Будапештского Национального музея Ф.В. Феттихом, получил каталоги Вашингтонского и Люценского музея (Научный архив СОМК. Оп. 1. Ед. хр. 77а. Л. 17–18; Малов, 2006б. С. 253). При этом кафедра археологии и этнографии педагогического факультета СГУ строила свою научно-исследовательскую работу по фондовым материалам

СОМК (Рыков, 1927. С. 5). В 1925 г. для ознакомления с состоянием музейного дела Саратов посетили академик С.Ф. Ольденбург и профессор И.Г. Гревс (Научный архив СОМК. Оп. 1. Ед. хр. 69а (номер по описи 24). Л. 72; Малов, 2006б. С. 238).

В 1927 г. в Археологическом отделе СОМК работали два научных сотрудника: Т.М. Минаева (старший помощник хранителя) и Н.К. Арзютов (младший помощник хранителя) (Научный архив СОМК. Оп. 1. Ед. хр. 77а; Малов, 2006б. С. 251–252). При их участии П.С. Рыков составил научно-популярное издание по археологии Нижневолжского края (Рыков, 1928). Экспозиция размещалась следующим образом: «I-я Зала заполнена экспонатами, характеризующими неолитическую и культуры бронзовой эпох, II-я – культуры скифо-сарматских племен, III-я культуру финнов (городища, селища, могильники), IV-я – культуру поздних кочевников (курганый материал), VI–VII заняты древностями Золотой Орды. Кроме того, имеется вестибюль, в котором выставлены муляж первобытной пещеры и муляж в вертикальном разрезе кургана бронзовой эпохи, а также вывешены таблицы археологической классификации Городцова <...>» (Научный архив СОМК. Оп. 1. Ед. хр. 77а. Л. 40–47, 51). Коллекции отдела изучали профессор 1 МГУ В.А. Городцов (в течение недели августа 1927 г), директор Музея восточных культур профессор Б.П. Денике и директор Рязанского областного музея С.Д. Яхонтов. В 1929–1930 гг. с экспонатами краевого музея также работали: «В Археологическом отделе изучал древности Золотой Орды сотрудник ГАИМК А.Ю. Якубовский и антропологические материалы аспирант Антропологического института им. А.В. Анучина – тов. Дебец» (Научный архив СОМК. № 433. Оп. 1. Ед. хр. 95. Л. 4; Малов, 2006б. С. 257). После перехода Т.М. Минаевой в Сталинградский музей заведующим Археологическим отделом назначили Н.К. Арзютова (Малов, 2006а. С. 258). Минаеву перевели в Царицынский музей против ее желания в связи с тем, что она поддерживала дружеские отношения с П.Д. Рау. Вероятно, это было сделано для ее ограждения от процессов, начинающихся в Немецком педагогическом институте г. Покровска по делу «буржуазно-националистической группы», в которую включили и Рау.

Покровский музей АССР Немцев Поволжья

С июля 1925 г. заведующим отделом археологии и заместителем директора (с ноября 1929 г.) Покровского центрального музея АССР Немцев Поволжья был талантливый археолог П.Д. Рау

(Мальшиев, Семёнова, 1992; Малов, 2006в. С. 211–212). Под руководством Пауля Давыдовича на средства музея ежегодно проводились крупные полевые археологические исследования. В итоге было раскопано около 200 курганов и 350 древних погребений от эпохи раннего бронзового века до позднего средневековья. Это позволило сформировать в музее ценный археологический отдел (Рыков, 1932. С. 8). П.Д. Рау оперативно вводил в научный оборот материалы своих раскопок, публикуя их в «Известиях» Центрального музея АССР Немцев Поволжья, издававшихся на немецком языке. Все русскоязычные отчеты и некоторые полевые дневники археолога хранятся в Научном архиве ИИМК РАН.

Новые источники из раскопок П.Д. Рау заинтересовали А.М. Тальгрена, посетившего в 1928 г. Покровский музей. Об этом визите кратко сказано в одной из газетных заметок, хранящейся в Энгельском краеведческом музее (Инв. № ЭКМ 542): «29-го и 30-го июля известный финский ученый профессор Гельсингфоргского университета А.М. Тальгрэн посетил Покровский центральный музей изучал его доисторические коллекции. Заведыв. археолог. отделом музея тов. Рау получил от проф. Тальгрена приглашение печатать часть своих научных работ ежегодно в финском государственном археолого-этнографическом периодическом органе, издаваемом Тальгреном. 31-го проф. Тальгрэн выехал на Кавказ» (Профессор..., 1928). После этого визита в музее хранится мотыга бронзового века, параметры которой 15,7 × 16, 13 см (рис. 3), вероятно подаренная А.М. Тальгреном (Инв. № ЭКМ 1962).

Пауль Давыдович использовал научные связи с учеными Штутгарта, Ганновера и Франкфурта-на-Майне, что во время «Академического дела» не приветствовалось ГПУ (Формозов, 1997. С. 21). В результате проверки на благонадежность преподавателей Немецкого педагогического института «выявили и разоблачили буржуазно-националистическую группу», организаторами которой определили профессора Г. Дингеса, В. Синолапова и доцента П. Рау (Герман, 2004. С. 290–291). После допросов и гонений, будучи главой семьи и отцом двоих детей, Пауль Давыдович решил уйти из жизни и покончил с собой. В предвоенные 1930-е гг. Покровский музей уже не проводил полевых археологических работ.

Хвалынский краеведческий музей

Организация возникла на основе остатков от частной коллекции М.А. Радищева. После получения в 1919 г. государственного статуса

в учреждении возрастает количество археологических экспонатов. Начало формирования археологически фондов музея было положено полевыми работами М.А. Радищева и В.Ф. Орехова, поддерживавших контакты с А.А. Спицыным и В.А. Городцовым.

Была открыта и обследована серия хвалынских городищ городецкой культуры, качественно раскапывались грунтовые могильники, курганы и поселения различных эпох. При этом существенное значение имело то, что В.Ф. Орехов был единственным членом СУАК, получившим профессиональное образование в Санкт-Петербургском археологическом институте. Из исследованных В.Ф. Ореховым памятников позднего бронзового века наиболее известны Ивановское селище и курганы около с. Адоевщины. Хвалынские археологи целенаправленно обследовали место обнаружения Сосново-Мазинского клада и дополнили его коллекцию. В.А. Городцов не обошел своим вниманием такой опорный и металлоемкий комплекс как Сосново-Мазинский клад, на основе которого выделил хвалынскую культуру конца бронзового века (Малов, 2010а. С. 37–38). К тому же Василий Алексеевич впервые выделил памятник срубной культуры в Нижнем Поволжье по материалам раскопок В.Ф. Орехова близ с. Адоевщины. Мнение основоположника изучения городецких древностей В.А. Городцова сыграло определяющую роль в культурной оценке хвалынских городищ.

После окончания Гражданской войны и до конца своей жизни Василий Федорович трудился в Хвалынском краеведческом музее, продолжая исследовать по открытым листам разновременные памятники Вольско-Хвалынского региона. Он провел третьи раскопки на Ивановском селище эпохи поздней бронзы и раскопки на Старо-Яблоновском мордовском могильнике. В 1927 г. В.Ф. Орехов нашел на острове Хорошевском среди костей животных эпохи палеолита часть черепного свода и обломок плечевой кости ископаемого Ното. Этот памятник привлек внимание В.А. Городцова, побывавшего здесь вместе с В.Ф. Ореховым во время посещения Хвалынска для осмотра места находки.

Пугачёвский краеведческий музей

С 20 декабря 1921 г. музеем заведовал К.И. Журавлёв. До конца первого советского десятилетия г. Пугачёв входил в состав Самарской области, поэтому по проблемам функционирования и археологической деятельности музей был непосредственно связан с самарскими учреждениями и исследователями. В 1920-е гг.

под руководством Константина Ивановича, работавшего по открытым листам, музей провел археологические исследования разновременных бытовых и погребальных памятников на значительной территории северной части степной зоны Саратовского Заволжья (*Синицын*, 1947. С. 96, 206; *Гарустович и др.*, 1998. С. 113–119). В разведочных маршрутах К.И. Журавлёва активное участие принимал школьник А.И. Тереножкин, который, став студентом, исследовал ограниченную часть Успенского селища срубной культуры. В результате обследования берегов рек Волги, Большого и Малого Иргизов, Камелика, Сестры, Чагры и Чернавы было выявлено свыше 80 селищ позднего бронзового века. На некоторых разрушаемых поселениях проводились небольшие охранные раскопки и шурфовка (*Сергеева*, 2012. С. 139–173).

Царицынский краеведческий музей

Целенаправленное комплектование археологических коллекций в музее начинается во второй половине 1920-х гг. Тогда этим занимались археологи П.Н. Шишкин и Т.М. Минаева, приехавшие в Царицын из Саратова (*Малов*, 2016б. С. 7–17; *Малов*, 2017б. С. 38–44). Член Истархэт П.Н. Шишкин работал в Сталинградском музее с 1925 г. Здесь же в должности заведующего историческим отделом трудилась Т.М. Минаева. Петр Николаевич и Татьяна Максимовна активно комплектовали фонды археологии, проводя полевые исследования древних памятников различных эпох.

Из-за экстремальных обстоятельств (Гражданская война, разруха, чудовищный голод 1921–1922 гг., тиф) нижеволжским археологам изначально было затруднительно проводить крупные археологические полевые исследования. Тогда предстояло решать вопрос, как выжить людям, а не как жить и дальше развиваться науке (*Формозов*, 1995. С. 29). Около середины первого советского десятилетия ситуация стала более благоприятной. Работа по археологическому обследованию и выявлению древних памятников велась различными государственными организациями региона. Археологи СГУ и музеев краеведения использовали различные формы научной коммуникации с зарубежными коллегами, публиковались (П.С. Рыков, Т.М. Минаева, П.Д. Рау) в финском журнале А.М. Тальгрена, свободно обменивались литературой, переписывались и поддерживали информационные контакты с западными археологами.

Однако в условиях ужесточения политики государства в области науки с конца 1920-х гг. решающее значение приобретает монополизация отдельных научных направлений и финансирования их развития (Черных, 1998. С. 127–129). Стремление монополизировать перестройку теоретических основ археологической науки в определенной степени и характеризуют дискуссии за создание «советской археологии», в которых участвовали столичные исследователи. В отличие от более молодых московских археологов – аспирантов В.А. Городцова, П.С. Рыков никогда не отрекался от своего учителя (Малов, 2003б. С. 187–190). Некоторые исследователи считали В.А. Городцова «стихийным марксистом». Тем не менее, после его увольнения из Государственного исторического музея и лишения других постов, ученики Василия Алексеевича А.В. Арциховский, А.Я. Брюсов, С.В. Киселёв и А.П. Смирнов публично отреклись от него (Формозов, 2006. С. 51).

П.С. Рыков не участвовал в дискуссиях по проблемам разработки и внедрения марксистской парадигмы в советскую археологию. Однако в этой связи профессор констатировал: «Припомним, что К. Маркс еще отмечал важность собирания и изучения остатков далекой от нас во времени жизни, в целях правильного понимания структуры современных социально-экономических формаций» (Рыков, 1929. С. 3). Кроме того, будучи директором НВИК, СОМК и деканом, П.С. Рыков исполнял свои обязанности, руководствуясь постановлениями ЦК ВКП(б), Совета народных комиссаров и Наркомпроса. В 1930 г. Павел Сергеевич вступает в Коммунистическую партию. В историографическом контексте П.С. Рыков относится к числу археологов, пытавшихся совместить разработки В.А. Городцова с историческим материализмом.

Термин «стадия», за который его советские историографы автоматически включали в число сторонников теории Н.Я. Марра, П.С. Рыков использовал для характеристики поступательно-эволюционного процесса исторического развития (Малов, 2016а. С. 349). Понятие и термин «стадия», представленные в трудах Э. Тейлора и Л. Моргана, использовали многие отечественные археологи, а не только академик Н.Я. Марр (Генинг, 1982. С. 181–187).

В 1929–1930 гг. по всей стране прошли аресты краеведов, в том числе и по «Делу о контрреволюционной группировке в ЦБК». Это фактически и послужило основанием для ликвидации всех аналогичных государственных краеведческих обществ по решениям Всероссийской конференции (март 1930 г.) и Пленума (январь 1931 г.) Центрального бюро краеведения.

Становление регионального научного центра по археологическому изучению Нижнего Поволжья, Волго-Уральского и Волго-Донского междуречий в Саратовском государственном университете протекало в чрезвычайных обстоятельствах переломных 1920-х годов. Знаковым событием начала репрессий советской власти против учеников П.С. Рыкова стало самоубийство П.Д. Рау. Своего апогея преследование и осуждение представителей саратовской археологической науки как «врагов народа» достигнет в предвоенном десятилетии.

Литература

- Андреева Т.В., Соломонов В.А.*, 2006. Историк и власть: Сергей Николаевич Чернов. 1887–1941 / Отв. ред. А.Н. Цамутали. Саратов: Научная книга. 376 с.
- Баллод Ф.В.*, 1923. Приволжские «Помпеи» (Опыт художественно-археологического обследования части правобережной Саратовско-Царицынской правобережной полосы). М.-Пг.: Гос. изд.-во. 132 с.
- Белозёрова И.В.*, 2001. Городцов Василий Алексеевич // Российская музейная энциклопедия. Т. 1. Ст. 280. М.: Прогресс Рипол Классик. С. 143.
- Воспоминания..., 1993. Воспоминания Е.Н. Кушевой. Предисловие / А.И. Клибанова // Отечественная история. № 4. С. 126–151.
- Гарустович Г.А., Ракушин А.И., Яминов А.Ф.*, 1998. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – XV веков) / Отв. ред. В.А. Иванов. Уфа: Гилем. 336 с.
- Генинг В.Ф.*, 1982. Очерки по истории советской археологии (У истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20-е – первая половина 30-х годов) / Отв. ред. Ю.Н. Захарук. Киев: Наукова думка. 226 с.
- Герман А.А.*, 2004. Большевицкая власть и Немецкая автономия на Волге (1918–1941) / Рецензии: А.И. Аврус, Т.С. Иларионов. Саратов: СГУ. 520 с.
- Готье Ю.В.*, 1925. Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы до основания первого русского государства. Т. I. Л.: Брокгауз-Ефрон.
- Малов Н.М.*, 1999. Поволжская региональная археология в Саратовском университете: страницы истории и персоналии // Саратовское Поволжье: История и современность / Отв. ред. В.Н. Данилов. Саратов: СГСЭУ. С. 22–36.
- Малов Н.М.*, 2003а. Из истории Саратовского областного музея краеведения: Памятная книга посещения музея и библиотеки Саратовской ученой архивной комиссии (1895–1918 гг.) // Краеведы и краеведение Поволжья в контексте общественного развития региона: история и современность / Отв. ред. Н.М. Малов. Саратов: СГТПП. С. 40–59.
- Малов Н.М.*, 2003б. Погребения покровской культуры с наконечниками копий из Саратовского Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Вып. 5. Саратов: Научная книга. С. 157–219.
- Малов Н.М.*, 2006а. Советская археология в Саратовском государственном университете: организационное становление, развитие и репрессии // АВЕС. Вып. 4. Саратов: СГУ. С. 4–28.

- Малов Н.И.*, 2006б. Советская государственная музейная сеть в Саратове (1917–1930 гг.): организационное становление, страницы истории и музейные деятели // Народы Саратовского Поволжья: этнология, этнография, духовная и материальная культуры. Труды СОМК. Вып. 10. Саратов: Триумф. С. 192–279.
- Малов Н.М.*, 2006в. Рау Пауль Давидович // Немцы России. Энциклопедия. Т. 3. М.: Эрн. С. 211–212.
- Малов Н.М.*, 2010а. Василий Алексеевич Городцов и археология Нижнего Поволжья (к 150-летию со дня рождения исследователя) // Известия СГУ. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. Т. 10. Вып. 2. С. 36–41.
- Малов Н.М.*, 2010б. Советский археолог Павел Сергеевич Рыков. К 125-летию со дня рождения // Человек и древности: Памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009) / Отв. ред. И.С. Каменецкий, А.Н. Сорокин. Тула: Гриф и К. С. 721–733. Илл. 60–63.
- Малов Н.М.*, 2015. Профессор Франц Баллод (к 95-летию первой археологической экспедиции Саратовского университета) // Известия СГУ. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. Т. 15. Вып. 1. С. 87–90.
- Малов Н.М.*, 2016а. Профессор П.С. Рыков – исследователь позднего бронзового века Поволжья, Волго-Уральского и Волго-Донского междуречья // Известия СГУ. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. Т. 16. Вып. 3. С. 346–351.
- Малов Н.М.*, 2016б. Татьяна Максимовна Минаева в истории археологии Нижнего Поволжья // АВЕС. Вып. 12. Саратов: СГУ. С. 7–17.
- Малов Н.М.*, 2017а. Археология в Саратовском университете и Нижнее-Волжском институте краеведения на переломе эпох (1920–1930-е годы) // Известия СГУ. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. Т. 17. Вып. 3. С. 403–406.
- Малов Н.М.*, 2017б. Археологическая деятельность П.Н. Шишкина в Саратовском и Волгоградском Поволжье // Нижневолжский археологический вестник. Т. 16. № 1. Волгоград: ВГУ. С. 38–44.
- Мальшиев А.А., Семенова И.В.*, 1992. Павел Давидович Рау // РА. № 1. С. 164–277.
- Матвеева Г.И.*, 1975. Изучение археологических памятников Куйбышевской области // Вопросы отечественной и всеобщей истории / Отв. ред. Б.Д. Козенко, Л.В. Храмов. Куйбышев: Куйб. ГУ. С. 5–21.
- Отчет..., 1926. Отчет Государственного исторического музея за 1916–1925 гг. М.: ГИМ.
- Профессор..., 1928. Профессор А.М. Тальгрэн в Покровске // Трудовая Правда. № 92 (1196). Покровск, 4 августа 1928 г.
- Рыков П.С.*, 1923. Краткий отчет о деятельности Отдела археологии Саратовского общества истории, археологии и этнографии за 1916–1922 г. // Труды Об-ва ист., археол. и этногр. при СГУ (Бывш. Уч. архивн. комиссия). Вып. 34. Ч. I. Саратов: Сарполиграфпром. С. 1–2.
- Рыков П.С.*, 1927. Музейная работа в Саратовской губернии за X лет // Нижнее Поволжье. Саратов: Сар. Губплан. Отд. оттиск. С. 1–10.
- Рыков П.С.*, 1928. Культурно-исторические (археологические) экскурсии по Нижнее-Волжскому краю / сост. при участии Н.К. Арзютова и Т.М. Минаевой. Саратов.
- Рыков П.С.*, 1929. Нижнее Поволжье по археологическим данным 1926–1927 гг. М.; Саратов. 17 с.

- Рыков П.С.*, 1932. Археологические работы в Среднем и Нижнем Поволжье с 1917–1932 гг. (К 15-летию Октябрьской революции) // Известия Саратовского Нижне-Волжского института краеведения. Т. V. Историческая секция. Саратов. С. 5–17.
- Саратовский...*, 1959. Саратовский университет 1909–1959. Саратов: СГУ.
- Саратовская...*, 1926. Саратовская Областная музейная конференция. (12–15 октября 1926 г.). Саратов.
- Сергеева О.В.*, 2012. Раскопки поселений эпохи поздней бронзы в Заволжье в 1920-е годы // АВЕС. Вып. 9. Саратов: СГУ. С. 139–173.
- Синицын И.В.*, 1949. Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья // СА. Вып. XI. М.; Л. С. 195–224.
- Синицын И.В.*, 1959. Итоги археологического изучения древней истории Нижнего Поволжья // Уч. зап. СГУ. Т. 68. Вып.: Исторический. Саратов. С. 3–14.
- Синицын И.В., Степанов П.Д.*, 1964. Памяти Павла Сергеевича Рыкова // СА. № 1. С. 126–130.
- Смирнов К.Ф.*, 1964. Савроматы (ранняя история и культура сарматов) / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Наука. 379 с.
- Соколов С.*, 1925. Саратовские деятели краеведения // Весь Саратов. Альманах-справочник на 1925 г. Саратов. С. 89–91.
- Соломонов В.А.*, 1991. Саратовский университет в первые годы советской власти // Вопросы отечественной и всеобщей истории: сборник статей молодых историков Саратова / Отв. ред. И.Д. Парфенов. Саратов: СГУ. С. 65–70.
- Формозов А.А.*, 1995. Русские археологи до и после революции. М.: ИА РАН. 114 с.
- Формозов А.А.*, 1997. О немецком краеведении в Нижнем Поволжье // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей / Науч. ред. А.И. Юдин. Энгельс: СГПИ. С. 20–21.
- Формозов А.А.*, 2006. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. 2-е изд., доп. М: Знак. 342 с.

О.М. Мельникова

СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ РАЗВИТИЯ АРХЕОЛОГИИ В 1920-е ГОДЫ: ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ В ВОТСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ, ВЯТСКОЙ И ПЕРМСКИХ ГУБЕРНИЯХ

Резюме. В статье определяются методологические подходы в изучении истории региональной археологии в 1920-е гг. Подчеркивается влияние особенностей административного деления страны и политико-правовой статуса территории на определение целей и задач археологического изучения регионов. На примере Вотской автономной области показано, что в национально-территориальных образованиях в 1920-е гг. ключевую роль играла задача создания этнически ориентированной региональной истории. Определяется смена исследовательских программ в изучении региональной археологии с начала 1930-х гг., отразившейся в деятельности ряда известных научных экспедиций ГАИМК – ИИМК в Прикамье.

Ключевые слова: история региональной археологии, Прикамье, Научное общество изучения Вотского края, местная исследовательская традиция, Вятский НИИ краеведения, Пермский университет, А.В. Шмидт, А.П. Смирнов, С.Г. Матвеев.

Революционные события 1917 г. отразились на всех сферах жизни российского общества, не обйдя и археологию, еще только обретавшую свои предметные очертания. Весьма интересный контекст организационных, содержательных, методологических, административных, личностных трансформаций, связанных с социальными изменениями, просматривается в истории региональной археологии.

Если в предреволюционные годы в Российской империи сформировался некий общий организационный формат археологической деятельности, поддерживаемый научным и общественным интересом, коррелировавший с задачами государства и местных сообществ, то послереволюционные события потребовали встраивания археологии в новые общественно-политические отношения. Сложившиеся научные коммуникации были «рас-

сечены» новыми административными границами, неустойчивость которых ощущалась вплоть до конца 1930-х гг. Новые административно-территориальные образования, в особенности национальные, впервые получили возможность государственного строительства, приобщения к современным формам жизни, составной частью которых были научные занятия.

Это не могло не повлиять на процессы становления советской археологической науки в регионах страны, в особенности в первой половине в 1920-х гг. Изучение региональной специфики институциональной истории археологии требует еще ряда методологических пояснений. Во-первых, важно осознать проблему соотношения регионального и национального, поскольку «регион – не уменьшенная копия страны, а страна не сводима к сумме своих регионов» (Репина, 2017. С. 35). Во-вторых, для 1920–1930-х гг. следует принимать во внимание изменчивость конфигурации административных границ между субъектами РСФСР, которые влияли на частоту, плотность взаимосвязей, взаимообмена, взаимовлияний как внутри территорий, так и за их пределами.

В-третьих, следует учитывать взаимодействия науки с новой властью, которая (особенно в национально-территориальных образованиях) задавала вектор развития региональной науки в целом и археологии в частности. Этнонизация региональной истории, направленная на конструирование этнического самосознания, предопределила в национальных регионах страны на все десятилетие 1920-х гг. содержательную специфику и направление археологических исследований (Загребин, Мельникова, 2014. С. 165–181).

Наконец, ключевой проблемой, в особенности для вновь созданных национально-территориальных образований, стала кадровая. Основная часть населения этих регионов проживала в сельской местности, была неграмотной, а традиционный уклад жизни не предполагал занятий наукой. В водовороте Первой мировой войны и революций краеведческие силы были подорваны и не могли восполнить потребности советского государства в научных знаниях. Создание интеллигенции из числа коренных народов находилась в зачаточном состоянии: новая генерация местных деятелей только начала формироваться и зачастую была еще не подготовлена к решению неотложных научных задач. Поэтому в новых национальных республиках и областях необходим был культурный трансфер (Минеева, 2016), который бы позволил перенести черты, характерные для индустриального общества, из сложившихся на-

учных центров в регионально-культурную среду, зачастую сельскую по образу жизни. Формирование новой культурной среды для регионов, решавших вопросы модернизации всей общественной жизни, осуществлялось столичными государственными учреждениями (Наркомпрос РСФСР, Главнаука, ГУС, Главмузей), научными (ГАИМК), музейными (ГИМ, Центральный музей народоведения и др.), образовательными организациями (университеты и институты). Ученые, работавшие по просьбе местных органов власти, одновременно выполняли просветительскую работу среди населения и способствовали профессиональной социализации местных работников, призванных отвечать за состояние науки в регионах.

Культурный трансфер был направлен в первую очередь на духовную жизнь регионального сообщества: коллекции, полученные в результате археологических изысканий, выставленные в музеях местного края, и их осмысление в научных публикациях имели большое значение для развития научной культуры в автономных областях. Археологические материалы, соединенные с данными этнографии, получали историческую интерпретацию, вписывая их (и народ) в широкий национальный, европейский и всемирно-исторический контекст, повышая статус региона (и народа) в собственных глазах. Готовность местных деятелей к «импорту» культурных идей, позволила переосмыслить традиционные исторические представления, столетиями существовавшие в рамках устной исторической прозы, и открыла путь к письменной этнически ориентированной истории национальных регионов РСФСР с древнейших времен.

В целом каждое из вновь созданных национально-государственных и административных образований по-своему отвечало на вызовы времени. Развитие археологии в регионах шло в контексте новых реалий, определяясь особенностями научного и образовательного ландшафта, сложившегося к моменту революции, глубиной административно-территориальных преобразований, политико-правовым статусом региона, активностью местных деятелей. Рассмотрим эти процессы в Камско-Вятском регионе, сделав акцент на примере Вотской автономной области (ВАО), предварительно обозначив специфику их развития в соседних Пермской и Вятской губерниях.

Пермская губерния в 1923 г. вошла в состав обширной Уральской области. Пермь была широко известна до революций 1917 г. в археологическом мире России. Благодаря деятельности

Пермской ученой архивной комиссии (ПУАК), Пермского отделения Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ) «к началу “советского” периода истории археологической науки на территории Среднего Урала были выявлены и подвергнуты изучению несколько десятков поселений, могильников, святыщ эпохи железа и средневековья, выявлены писаницы, изучены первые поселения каменной эпохи. Были систематизированы многие коллекции “чуждских” вещей, в том числе коллекции звериного стиля, находки художественного восточного серебра. Были заложены научные основы систематизации и охраны памятников археологии» (Игнатьева, Крыласова, Белавин, 2009. С. 660).

Пермский музей, основанный еще Пермской комиссией УОЛЕ, обладал значительными археологическими коллекциями, но научных изысканий не проводил. Поэтому ключевую роль в развитии археологии в Перми стал играть университет, который был открыт в 1916 г. как отделение Петроградского университета. Прибывшие в Пермь преподаватели придали новый импульс развитию археологии (Мельникова, 2003. С. 39–45). Он получил развитие в двух направлениях. Первое было связано с развитием краеведения. В 1916 г. был образован Кружок по изучению Северного края (КИСК) во главе с профессором-антиковедом Б.Л. Богаевским. Сменивший его фольклорист, профессор П.С. Богословский, одновременно руководивший Пермским музеем и губернским архивом, рассматривал археологию как часть усилий местного сообщества по развитию краеведения (инструкции по сбору археологических сведений, доклады на заседаниях КИСКА об археологических памятниках, создание музея русского Севера, публикации в «Пермском краеведческом сборнике»).

Толчок развитию научной археологии был дан созданием (профессором Б.Л. Богаевским) музея изящных искусств и древностей, хранителем которого с октября 1917 г. стал профессорский стипендиат по кафедре всеобщей истории А.В. Шмидт. В Петрограде под руководством профессоров Б.А. Тураева и М.И. Ростовцева он изучал Древней Восток и Рим, поэтому с 1919 г. вел курсы по истории Древнего Востока и истории первобытной культуры как преподаватель. Одновременно с работой в университете с 1920 г. А.В. Шмидт заведовал археологическим отделом в Пермском музее, где руководил работой по систематизации археологической коллекции наследников А.Е. Теплоухова. Это позволило ему подготовить курсы по доисторической археологии и истории Пермского

края (Мельникова, 2003. С. 42) и приступить к полевому изучению прикамских материалов совместно с Музеем антропологии и этнографии (МАЭ) АН СССР (Археологические..., С. 20). Летом 1920–1921 гг. он совершил поездки по губернии, в Екатеринбург, Сарапул, Казань. Научное осмысление пермских материалов было дано в работах «Некоторые мотивы искусства Пермской чуди» и «Первобытные обитатели Прикамья и их культура». С первой из них А.В. Шмидт выступил в УОЛЕ и в Обществе философских, исторических и социальных наук (Мельникова, 2003. С. 44).

В 1924 г. Шмидт покинул Пермь в связи с избранием его научным сотрудником 1 разряда Музея антропологии и этнографии АН СССР. Но археология Прикамья стала с тех пор предметом его научных изысканий. В ходе целенаправленных работ, последовавших на протяжении 1925–1927 гг., он обследовал ряд районов области, провел раскопки поселений и могильников, пополнившие коллекции музея древностей и МАЭ (Археологические..., 1962. С. 20).

Новый этап работы А.В. Шмидта в Прикамье начался в 1932–1937 гг. Он был частью государственных проектов, осуществляемых центральными научными учреждениями страны. Крупнейшей советской экспедицией в довоенный период в Прикамье стала возглавляемая Шмитом Камская, организованная ГАИМК и МАЭ АН СССР для изучения камских памятников в зоне расположения будущей Камской ГЭС. Позже, в 1933–1937 гг. КАЭ возглавил Н.А. Прокошев. За 6 лет работы при участии А.В. Збруевой, П.И. Борисковского, М.В. Талицкого была обследована зона затопления, подвергнуты раскопкам многие памятники (Археологические..., 1962. С. 75–76). Одновременно участники экспедиции выполняли функции проводников культурной революции: они занимались культурно-просветительской работой, в частности по антирелигиозной линии (Лычагина, 2011. С. 144). Е.Л. Лычагина пишет, что «сотрудники экспедиции консультировали Пермский краеведческий музей по вопросам экспозиции исторического отдела и организации при музее Кабинета истории материальной культуры. В то же время Н.А. Прокошев отмечал, что музейные работники не проявляют особого интереса к работам археологов, музей не имеет должной археологической экспозиции, а все материалы раскопок КЭ [Камской экспедиции. – О.М.] ГАИМК идут мимо него» (Лычагина, 2011. С. 144).

Работы экспедиций ИИМК будут продолжены до конца 1930-х гг. В 1938–1940 гг. Прикамская экспедиция во главе

с М.В. Талицким совместно с Кудымкарским музеем проведет разведки в верховьях Камы и раскопки Островской палеолитической стоянки. В 1940 г. Чусовская экспедиция под руководством Н.А. Прокошева осуществит разведки в бассейне р. Чусовой.

Развитие научных знаний об археологии пермского Прикамья в 1920–1930-е гг. тематически расширило взгляд на «проблемы этногенеза и древней истории народов Прикамья, происхождения и развития древнего искусства и религии народов Урала, были созданы методики классификации археологических культур, дана их периодизация и хронология. Значимо осмысление прикамских материалов с позиций марксистской методологии: о родовых отношениях, уровне развития производительных сил в отдельные археологические периоды» (Оконникова, 2002. С.116–122).

Таким образом, главные усилия в области археологических изысканий в Перми в 1920-е гг. связаны с университетом. Работа шла в двух направлениях: строго научной академической и просветительской краеведческой деятельности. При всей значимости, масштабы были невелики по сравнению с территорией региона. Слабая материальная база и отсутствие археологов на местах не позволяли проводить регулярные археологические изыскания. Усилия А.В. Шмидта придали новые акценты в изучении прикамской археологии. МАЭ АН СССР, ГАИМК, позднее ИИМК стали теми ведущими центрами, из которых вплоть до предвоенной поры исходили импульсы по археологическому изучению территории Уральской области.

В первые советские годы части территории Вятской губернии вошли в состав Пермской губернии, Татарской АССР, Марийской и Вотской автономной областей (ВАО), а в 1929 г. она была упразднена, войдя в состав Нижегородской области. Эти изменения, несомненно, повлияли на содержание, характер, организацию исследований и направление научных коммуникаций. До революции в Вятке ряд общественных институций работал в области археологии. С 1919 г. центром сосредоточения научных сил стал созданный на базе учительского института пединститут, при котором в 1922 г. по решению ГУС Наркомпроса РСФСР был открыт Вятский научно-исследовательский институт краеведения. Но его работа имела, главным образом, «научно-прикладной характер, связанный с научно-исследовательской, научно-консультационной, научно-просветительской, научно-организационной работой и подготовкой научных кадров» (Загребин, Иванов, 2008. С. 5).

Особую миссию выполняли музеи местного края. Но, несмотря на то, что среди организаторов музейной работы был А.С. Лебедев, в юности раскапывавший Пижемское городище на Вятке и практически на протяжении 1920–1930-х гг. поддерживавший переписку с финским археологом А.М. Тальгреном (Надо торопиться жить..., 2008. С. 171–200), развитие археологии в Вятке не ставилось как первоочередная краеведческая задача. Отчасти ее (краеведческую задачу) пытались решать в Малмыже, где в январе 1918 г. по инициативе М.Г. Худякова было учреждено Историческое общество, имевшее целью сбор материалов по истории, археологии и этнографии уезда. Оно проводило археологические экскурсии, результаты которых публиковались в рукописных «Трудах». Но уже в 1919 г. Общество прекратило свою работу по причине отъезда из города его учредителей, хотя открытый в 1920 г. музей в Малмыже продолжил практику сбора археологического материала (Юрталов, 2010. С. 71–74).

Позже, уже в 1927 г. М.Г. Худяков во время обучения в аспирантуре ГАИМК в Ленинграде совершил поездку на р. Вятку, где провел раскопки Воробьевского и Вичмарского могильников пьяноборской культуры (Археологические..., 1962. С. 48).

Интересную реплику по поводу археологии в Вятке в 1920-е гг. удалось обнаружить в ЦГА УР. Она связана с именем А.А. Спицына, участвовавшего в работе съезда краеведов летом 1922 г., созванного по инициативе Вятского НИИ краеведения: «В заключительный день съезда для делегатов была дана экскурсия на ближайшее от г. Вятки городище, где проведена археологическая раскопка под руководством Спицына, материал в виде черепков и костей доставлен в Вятский областной музей. Экскурсия была весьма интересной и сопровождалась полезными указаниями» (ЦГА УР. Ф. Р-174. Оп. 1. Д. 135. Л. 240–240 об.).

Таким образом, в Вятской губернии работа в области археологии в первые советские годы состояла преимущественно в сохранении уже имевшихся археологических коллекций, в подготовке кадров музейных и научных работников, оказании научно-методической помощи краеведам и органам власти соседних автономных областей, в том числе по созданию первых трудов по истории этих регионов.

Особняком стоят исследования, инициированные из Москвы и Ленинграда в 1920-е гг. В 1926–1930 гг. Антропологический институт МГУ под руководством Б.С. Жукова организовал ком-

плексную антропологическую экспедицию, Вятско-Пижемский отряд которой под руководством М.В. Талицкого в 1929 г. провел разведки и раскопки памятников по р. Вятке (Археологические..., 1962. С. 39). В 1938 г. в крае работала Кировская экспедиция ИИМК во главе с Н.А. Прокошевым. Ею были обследованы городища в Кировском, Котельничском и Слободском районах Кировской области (Археологические..., 1962. С. 118). По существу работы столичных исследователей выполнялись в контексте решения задач направивших их учреждений и, в целом, не оказали существенного воздействия на развитие местной археологии в эти годы.

Вновь образованная ВАО оказалась равноудаленной от центров с уже со сложившимися региональными археологическими традициями: Вятки, Перми, Казани. Если вятские деятели способствовали подготовке для нее музейных и краеведческих кадров, а пермская археология в 1920–1930-е гг. не оказывала существенного воздействия на соседнюю ВАО, то иной была роль Казани. Откуда шли наиболее мощные импульсы к развитию археологии на территорию соседнего региона. Обществом археологии, истории и этнографии при Казанском университете (ОАИЭ) ставились задачи методической поддержки вновь созданных соседних национальных образований и подготовки для них научных кадров. Созданный в 1917 г. Северо-Восточный археологический и этнографический институт в Казани (СВАЭИ) прямо претендовал на то, чтобы стать центром по подготовке кадров посредством разработки эффективной программы обучения археологов, этнологов, архивистов с акцентом на финно-угорскую и тюркскую тематики. Одновременно через содержание обучения он формировал круг актуальных научных проблем региональной археологии (*Кузьминых, Смирнов, 2015. С. 214–240; Мельникова, 2018. С. 294–298*).

Вопросы, связанные с развитием национальной науки, в особенности гуманитарной, во вновь образованных автономных областях понимались незначительным образованным кругом представителей местных народов. Участвуя в создании государственных институтов, они полагали, что обученные специалисты смогут вести активную просветительскую работу в среде местного населения.

Для ВАО это было важнейшей задачей. Ее решение осложнялось тем, что первоначально сформированная по Декрету ВЦИК и СНК от 04.11.1920 г. ее территория включала части четырех уездов Вятской губернии. На этом пространстве фактически не оказалось городов (за исключением удаленного от основной части области

уездного г. Глазова, на короткое время успевшего побывать столицей области). Уездный Сарапул, известный до революции своим земским музеем, Обществом изучения Прикамского края, контактами с научным археологическим миром (А.М. Тальгрэн, А.А. Спицын), оказался в составе Уральской области. Столичные функции взял на себя поселок Ижевского завода, хотя и являвшийся по переписи 1897 г. самым крупным селом в Российской империи, но все же сельским поселением с соответствующим кругом институций.

Эти обстоятельства привели к тому, что в ВАО не было ни специалистов, готовых решать вопросы развития науки, ни научных учреждений, ни влиятельных просветительских организаций, ни музеев. Но энтузиазм создателей автономии был чрезвычайно велик: в развитии науки они видели важнейший ресурс развития народа. Не случайно еще в 1918 г. на I Всероссийском съезде удмуртов подчеркивалась необходимость передачи «культурного просвещения всех мелких народностей Поволжья <...> в руки самого народа» (Из протокола..., 1957. С. 328), а спустя год на II Всероссийском съезде удмуртов указывалось на необходимость немедленно «приступить к изучению родного края, собирая памятники старины, сказки, песни» (Резолюции..., 1960. С. 18).

Но переход от деклараций к практике проведения научных исследований требовал значительных организационных, кадровых, финансовых усилий. Властными органами ставилась ключевая задача изучения истории, культуры, языка в первую очередь самими удмуртами. «Удмурты из экзотического объекта изучения превратились в народ-исследователь» (Владыкин, Христюлова, 1984. С. 53). Но ее решение упиралось в отсутствие подготовленных национальных кадров.

«Грамотные силы» «культурных работников-вотяков» (Резолюции..., 1960. С. 18) были представлены немногочисленным учительством, получившим образование, как правило, в Казани, и уже там участвовавшим в работе общественных организаций, незначительной частью профессиональных революционеров, демобилизованных солдат, которых Первая мировая война приобщила к современным формам жизни, родиноведами дореволюционной поры. Поэтому на протяжении 1920–1930-х гг. в ВАО, как и в других национальных образованиях страны, проводилась политика коренизации (удмуртизации), в том числе началась ускоренная подготовка удмуртской интеллигенции путем предоставления квот в столичных вузах (Васильева, 2000. С.420).

Именно в среде студенчества при участии профессоров ряда университетов и институтов в Москве в сентябре 1922 г. возникло Общество по изучению вотской культуры («Бöляк»), призванное объединить «все культурные силы вотяков и других национальностей, так или иначе интересующихся и работающих в области вотяковедения» (Жизнь..., 1926. С. 79).

Для молодой интеллигенции преодоление неграмотности стало главным направлением работы. Археология не рассматривалась изначально в круге наук, призванных обеспечить просвещение народа. Основные усилия были направлены на развитие родного языка. Ближе к этим задачам стояла этнография: через описание материальной и духовной культуры народа проще было усваивать нормы письменной речи.

Вслед за созданием в 1921 г. в структуре Наркомпроса РСФСР Академического центра стали организовываться подобные структуры во вновь образованных национальных регионах РСФСР как советский проект для организации научно-исследовательских работ. В ВАО Академцентр был создан в октябре 1923 г. при ОблОНО со следующими функциями: «1) научное изучение вотского языка; 2) выработка программно-методический указаний, мероприятий по реализации вотского языка в школах и в учреждениях; 3) участие и содействие ОБОНО в научно-педагогической и методической работе, г.о. в организации вотских школ, курсов и т.д.; 4) критический разбор вотских книг и рукописей, идейное руководство изданием вотских книг; 5) изучение вотского края» (ЦГА УР. Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 159. Л. 21–21 об.). То есть специальная задача изучения края в историческом, в том числе археологическом отношении, даже не ставилась, хотя и предполагалось, что секции Академцентра должны координировать связи с научными учреждениями и научными работниками СССР, Москвы, Казани, развивать связи с областными финскими народностями по изучению языка, истории, культуры.

Вследствие кадрового дефицита организация работала на добровольных началах, в связи с чем ее деятельность в части организации науки была не эффективной. Возможно, поэтому в апреле 1924 г. ГУС при Наркомпросе РСФСР рекомендовал облисполкому ВАО упразднить Академцентр и на его месте создать отдельный методический совет для выработки научных рекомендаций по развитию удмуртского языка и научное общество по изучению края (ЦГА УР. Р-195. Оп. 1. Д. 159. Л. 94). Местные власти сопротивлялись

этой рекомендации, полагая, что «организации особого научного общества следует считать нежизненными, так как частное научное общество, являясь любительской, а не государственной организацией, не сможет вести самостоятельную систематическую работу, требующую лучших местных сил и значительных материальных ресурсов, а организация научно-методической комиссии и научного общества взамен объединяющего Академцентра внесет распыление вотских культурных сил, которыми область и так бедна, поэтому от организации общества, неоднократные попытки создания которого уже были в прошлом, следует воздержаться и сохранить Академцентр в неизменном виде» (ЦГА УР. Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 159. Л. 95). Тем не менее, в октябре 1924 г. вотский Академцентр был ликвидирован. Возлагавшуюся на него работу распределили между методическим бюро, издательским бюро и Научным обществом по изучению Вотского края (НОИВК) (ЦГА УР. Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 159. Л. 508).

Это последнее замечание крайне важно, поскольку вносит коррективы в наши представления о становлении археологии в Удмуртии в первые советские годы. В прежних работах я связывала создание НОИВК исключительно с инициативой местных краеведов (*Мельникова*, 2017. С. 76–82). Однако, как видим, создание Общества было составной частью политики государства по организации научных исследований в регионах, где отсутствовали научные учреждения.

28 февраля 1925 г. в Ижевск было учреждено Научное общество изучения Вотского края с целью «научного исследования и всестороннего изучения края в его прошлом и настоящем; изучения культуры и быта вотской и других народностей» (*Мельникова*, 2014. С. 79). Уставные задачи предполагали сбор материалов, в том числе археологических, силами Общества, организацию научно-исследовательских экскурсий, экспедиций, оказание содействия проведению таковых в пределах края под своим контролем.

Значимой оказалась роль К.П. Герда. Он учился в аспирантуре НИИ этнических и национальных культур народов советского Востока РАНИОН. Но в 1925 г. был отозван облисполкомом из аспирантуры в Ижевск для работы директором музея местного края. Контакты, установленные им в Москве, позволили за достаточно короткий период времени организовать столичные научные экспедиции. Благодаря его участию при Вотском облисполкоме была создана Постоянная комиссия по экспедициям, которую он

и возглавил. На протяжении 1920-х гг. была проведена целая серия этнографических, антропологических, этнографических, лингвистических экспедиций к удмуртам, которые в совокупности должны были через изучение археологических, этнографических, лингвистических, антропологических, фольклорных данных способствовать созданию письменной истории удмуртского народа, а через нее – укреплению этнической идентичности.

Активные контакты К.П. Герда в НИИ этнических и национальных культур народов советского Востока позволили придать комплексный археолого-этнографический характер исследованиям в ВАО. Идея их проведения обозначена в письме в облисполком директора Центрального музея народоведения профессора Б.А. Соколова (его брат Ю.А Соколов был научным руководителем К.П. Герда в аспирантуре): «...Согласование с археологической экспедицией могло бы выразиться в выборе общей территории для работы в производстве археологических раскопок поздних XVI–XVII вв. вотских могильников, важных для сравнительного изучения быта вотяков с современным» (Мельникова, 2014. С. 98).

Движение в сторону археологических изысканий в ВАО было положено письмом из Главнауки в облисполком в мае 1926 г., где указывалось, что Главнаука «считает весьма желательным производство археологических раскопок в Вотской автономной области в текущем году и поддерживает предположения сотрудников Научно-исследовательского института археологии и искусствознания А.Я. Брюсова и С.Г. Матвеева в этом направлении. <...> В дальнейшем, при условии развития и углубления работ и представления мотивированного плана, возможны будут ассигнования и суммы из Центра» (Мельникова, 2016. С. 21–22).

Участником раскопок должен был стать А.Я. Брюсов. К 1925 г. он завершил обучение на ФОН МГУ, был аспирантом НИИ археологии и искусствознания РАНИОН, работал в ГИМе. Не исключено, что его участие могло быть связано с фактом личной биографии К. Герда: в начале 1920-х гг. он вел переписку с В.Я. Брюсовым и учился в Высшем литературно-художественном институте, носившем имя поэта. Но приезд А.Я. Брюсова в ВАО по невыясненным причинам не состоялся.

Руководителем экспедиции стал С.Г. Матвеев. Биографические факты о нем весьма скупы. Известно, что он был учеником В.А. Городцова по ФОН МГУ и ИАИ РАНИОН, под его руководством работал ученым секретарем в Археологическом подгото-

ле в системе Главнауки. В.А. Городцов вписал его имя в «Список наиболее выдающихся учеников». Известно, что С.Г. Матвеев был отчислен из аспирантуры ИАИ «в виду непредставления к 01.10.1928 года диссертации» (Мельникова, 2017. С. 49). Вновь выявленные архивные данные позволяют установить еще одно место работы С.Г. Матвеева. Письмо в Вотский облисполком зимой 1927 г. он подписывает как «научный сотрудник Научно-исследовательского института археологии и Государственного исторического музея» (ЦГА УР. Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 498).

Пока нет точных данных о том, как в составе экспедиции оказался А.П. Смирнов, в эти годы так же, как и С.Г. Матвеев, бывший аспирантом ИАИ РАНИОН. Для него работы в ВАО оказались судьбоносными в будущей научной биографии.

Задачи экспедиции были сформулированы С.Г. Матвеевым: «а) исследование древнего быта; б) выяснение последовательности смены культур, начиная с древних; в) определение культурных особенностей народностей, населявших территорию Вотской области и их связи с современным населением; г) выяснение древнейших культурных связей Вотской области с Востоком и Юго-Востоком и путей распространения этих связей». Эти задачи совпадали с интересами местной власти (установление древности культуры удмуртского народа и доказательства преемственности его древней культуры с современной). Раскопки организовывались также с целью пополнения коллекций музея местного края (Мельникова, 2014. С. 98).

Оценивая результаты первого года работ в ВАО, А.П. Смирнов писал: «Материал, добытый мной, по мнению московских ученых, например, профессора В.А. Городцова, представляет большой научный интерес, и пока эта коллекция по размеру и полноте единственная и, мне кажется, публикация результатов раскопок является общественно необходимым» (ЦГА УР. Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 498. Л. 205 об). Он рисует контуры древней истории удмуртского народа, встраивая ее в общий ход исторического процесса, и заключает: «Раскопки позволили очень полно и подробно осветить картину жизни края X–XII вв.» (ЦГА УР. Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 498. Л. 205 об).

С.Г. Матвеев как руководитель экспедиции предвидел успешность ее результатов. Планируя работы на 1927 г., он указывал: «Археологические исследования в Ижевском и Глазовском уезде ВАО, произведенные летом 1926 г., дали достаточно полные и интересные в научном отношении материалы о быте, культурном состоянии, торговых связях, обрабатывающей и добывающей про-

мышленности и жилище населения на территории ВАО в позднюю пору неометаллической эпохи, точнее в X–XII вв. н.э. Результаты исследований 1926 г. могут быть названы весьма удачными, а коллекции данного времени (X–XII вв.) исключительными по своей полноте. Высказывалось даже мнение лицами, видевшими эти коллекции, что их следует оставить в московских музеях. Однако ВАО настолько богата археологическими памятниками, древнейшие материальные культуры, бытовавшие на ее территории настолько мало исследованы, что предстоит еще большая работа» (ЦГА УР. Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 498. Л. 85).

С.Г. Матвеев сформулировал не только краткосрочные задачи археологического изучения территории ВАО, но и фактически определил ключевые направления развития удмуртской региональной археологии на весь XX в., которые будут решаться уже последующими поколениями ученых: «На очереди стоят следующие вопросы: 1. Отыскание и изучение остатков древнейших культур на территории Вотобласти, относящиеся к бронзовой эпохе и каменному периоду. 2. Установление древнейшей даты заселения человека территории ВАО. 3. Установление даты поселения на территории ВАО финской народности. 4. Установление связи древних культур края с культурами ананьинской, костеносных городищ, сибирскими, южноуральскими, уральскими, приволжскими. 5. Всестороннее изучение их на основе добытого археологического материала культурного состояния и происхождения древнего населения края и выводы отсюда к современным проблемам. 6. Исследование и установление данных о племенной и культурной связи древнего населения с современным. 7. Разработка материала по составлению археологической карты области. 8. Создание археологического отдела в Вотском музее в Ижевске. В частности, желательно в 1927 г. произвести раскопки на Идна-кар городище, являющимся, по-видимому, *центральным и богатым городищем на Чепце*» (ЦГА УР. Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 498. Л. 85 об).

Археологическая экспедиция проработала в Удмуртии в течение нескольких лет: 1926–1932, 1936 гг. Начиная с 1927 г. руководителем экспедиции был А.П. Смирнов. Научные результаты раскопок нашли отражение в отчетах, отправленных в ГАИМК и Главнауку.

Впервые в послереволюционные годы материалы раскопок на территории Удмуртии включались в широкий исторический контекст: они были опубликованы А.П. Смирновым в научных статьях в столичных изданиях, став достоянием научного сообщества. Культурная

рецепция научных текстов С.Г. Матвеева и А.П. Смирнова стараниями ученого секретаря НОИВК Ф.В. Стрельцова входила в сознание местного сообщества через публикацию им рефератов в «Трудах» общества, в обзоре экспедиций в местной периодике. Разъясняя обывателю научную терминологию, Ф.В. Стрельцов стремился донести до читателя ключевые научные идеи в доступной форме.

Результаты работы археологических экспедиций получили высокую оценку в удмуртском сообществе. На 1-й конференции удмуртской интеллигенции в июне 1929 г. подчеркивалось, что из 45 археологических и этнографических экспедиций, проведенных в СССР за 1919–1928 г. 4 было организовано в Глазовский уезд Вотобласти. При этом признавалось, что именно «археологическая экспедиция Главнауки под руководством Матвеева и Смирнова» является «первой и серьезной экспедицией» (Реконструктивный..., С. 38).

Но уже с конца 1920-х гг. изменились задачи, которые государство ставило перед учеными. Как справедливо указывала Н.И. Платонова, «рухнула этнолого-антропологическая парадигма эпохи нэпа, рассматривавшая археологические работы как один из аспектов комплексного изучения человека, необходимого для выработки разумной национальной и экономической политики» (Платонова, 2010. С. 249).

Отказ от этнически окрашенной археологической истории имел свои последствия для судеб археологии в Удмуртии. Последние археологические работы А.П. Смирнова были проведены в 1936 г.: по инициативе Удмуртского НИИ были обследованы южные и юго-западные районы республики. После этого археологические (и этнографические) исследования в Удмуртии замерли на долгие годы, несмотря на создание в 1931 г. Удмуртского пединститута и Удмуртского научно-исследовательского института. В УдНИИ задачи исторического изучения региона выпали на долю секции истории и археологии. Она планировала создание систематического курса истории удмуртского народа, но все было осложнено кадровыми проблемами. Местные деятели, связанные с организацией археологических изысканий в 1920-х гг., были репрессированы по делу «Союза освобождения финских народностей» (Куликов, 1997), сфабрикованному ОГПУ в отношении первой генерации местных исследователей. В Удмуртском НИИ только за первые десять лет его существования сменилось пять директоров (Загребин, 2011. С. 7).

Наметившийся классовый подход к изучению истории выразился, в частности, в критике экспонирования археологических ма-

териалов в музее местного края на страницах журнала «Советский музей»: «Как ни странно, но посетитель Ижевского музея почти ничего не знает о промышленности республики. И одновременно будет прекрасно информирован об экономике древних времен по материалам могильника “Чем-Шай”» (*Ильинский*, 1936. С. 5).

Таким образом, в изучении истории археологии Прикамья в 1920–1930-е гг. мы видим, с одной стороны, структуру и логику сходных явлений и процессов, с другой стороны очевидны и специфические региональные черты становления советской археологии. Вновь образованные административные структуры в Прикамье имели разные стартовые возможности для развития археологических исследований в советском формате, но в автономных областях процесс развития археологической науки приобретал в 1920-е гг. этноцентристские очертания. В национальных административных образованиях археология рассматривалась как составная часть проектов по созданию этнической истории народа, получившего право строить свою государственность. Отсутствие местных квалифицированных кадров, даже при активности краеведческого сообщества, вынуждало местные власти обращаться за поддержкой к центральным научным учреждениям, закладывавшим как интеллектуальные основы осмысления археологического прошлого, так и будущие научные коммуникации, которые будут активно использоваться в последующие годы новой генерацией региональных археологов.

Конец 1920-х – 1930-е гг. – этап, связанный с созданием научно-образовательных институций, усилением роли государства в организации и проведении археологических исследований, внедрением марксистской методологии. В национальных регионах страны произойдет отказ от этнически окрашенной истории, в том числе основанной на археологических материалах, что предопределил генерационный разрыв в развитии региональной археологии. Усилиями О.Н. Бадера и его учеников уже в послевоенные годы будут формироваться новые контуры развития региональной археологии в Прикамье.

Литература

Археологические..., 1962. Археологические экспедиции Государственной академии истории материально культуры и Института археологии Академии наук СССР. 1919–1956 гг. Указатель. М.: АН СССР. 663 с.

- Васильева О.И., 2000. Коренизация // Удмуртская Республика: Энциклопедия. Ижевск: Удмуртия. С. 419–420.
- Владыкин В.Е., Христоробова Л.С., 1984. История этнографии удмуртов. Краткий историографический очерк. Ижевск: Удмуртия. 140 с.
- Жизнь..., 1926. Жизнь общества // Вотяки. Сборник по вопросам экономики, быта и культуры вотяков. Кн. 1 / Под ред. К.П. Герда и В.П. Налимова М. С. 79–82.
- Загребин А.Е., 2011. УдНИИ – УИИЯЛ УрО РАН – 80 лет: Время анализа / Загребин и др. // Библиографический указатель трудов УИИЯЛ УрО РАН. 1931–2011 гг. Ижевск: б/и. С. 5–15.
- Загребин А.Е., Иванов А.А., 2008. Введение // Революция для всех: Анкеты Вятского научно-исследовательского института краеведения «Влияние революции на быт нацмен» (1924–1927 гг.). Ижевск; Йошкар-Ола. 500 с.
- Загребин А.Е., Мельникова О.М., 2014. Конструирование национальной истории Удмуртии: от устной исторической прозы к письменной истории (1920-е – начало 1930-х гг.) // Диалог со временем. Вып. 48. С. 165–181.
- Игнатьева О.В., Крыласова Н.Б., Белафин А.М., 2009. Императорская археологическая комиссия и археология Пермской губернии // Императорская Археологическая комиссия (1859–1917 гг.) К 150-летию ее основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Научн. ред.-сост. А.Е. Мусин, под общ. ред. Е.Н. Носова. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 637–660.
- Из протокола..., 1957. Из протокола заседания I Всероссийского национального съезда удмуртов в г. Елабуге 27 июня 1918 г // Октябрьская социалистическая революция в Удмуртии. Ижевск: Удмуртское книжное изд-во. С. 328.
- Ильинский В. А., 1936. По музеям периферии (Из блокнота краеведа) // Советский музей. № 3. С. 48–51.
- Кузьминых С.В., Смирнов А.С., 2015. Археология в Северо-Восточном археологическом и этнографическом институте // Поволжская археология. № 1(11). С. 214–240.
- Куликов К.И., 1997. Дело «СОФИН» / Науч. ред. Алло Юлтонен. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. 338 с.
- Лычагина Е.Л., 2011. Деятельность Камской экспедиции ГАИМК на территории Пермского края // РА. № 4. С. 140–145.
- Мельникова О.М., 2003. Пермская научная археологическая школа О.Н. Бадера (1946–1955 гг.). Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 7. Ижевск: УдГУ. 183 с.
- Мельникова О.М., 2014. Археология в российской провинции: исследователи, научные общества, парадигмы (По материалам археологических исследований на территории Удмуртии в 1900–1930-х гг.). Ижевск: Ин-т компьютерных иссл. 134 с.
- Мельникова О.М., 2016. Археологические исследования Главнауки в Удмуртии в 1920-х гг.: идеологические установки и культурологические ожидания // Седьмые Берсовские чтения: сборник статей Всероссийской археологической научно-практической конференции с международным участием, 2–4 декабря 2014 г. Екатеринбург: Квадрат. С. 17–25.
- Мельникова О.М., 2017. Археология в Удмуртии в 1920-е гг. – начале 1930-х гг.: от культурно-исторических исследований к марксизму // 1917 год: российская археология на переломе эпох. Материалы Международной научной конференции / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: ИА РАН. С. 48–50.

- Мельникова О.М.*, 2018. Северо-Восточный археологический и этнографический институт в Казани: на переломе исторических эпох (1917–1921 гг.) // Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Галины Вацлавны Длужневской) / Отв. ред. Н.Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН. С. 294–300.
- Минева И.Н.*, 2016. Культурный трансфер: от истории идеи к методологии // Филологические исследования. Т. 4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://academy.petsu.ru/journal/article.php?id=3006>. DOI: 10.15393/j100.art.2016.3006. Дата обращения 11.01.2019.
- «Надо торопиться...», 2008. «Надо торопиться жить, торопиться работать...»: письма А.С. Лебедева А.М. Тальгрену / Публ. подгот. С.В. Кузьминых, О.М. Мельникова, К.В. Ванюшева // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2008. Вып. 2. С. 171–200.
- Оконникова Т.И.*, 2002. Формирование научных традиций в археологии Прикамья. Ижевск: Удмуртский университет. 173 с.
- Платонова Н.И.*, 2010. История археологической мысли в России (вторая половина XIX – первая треть XX вв.). СПб.: Нестор-История. 316 с.
- Резолюции..., 1960. Резолюции II Всероссийского съезда удмуртов по народному образованию и организационному вопросу 27–28 сентября 1919 г. // К истории образования Удмуртской автономии. Ижевск: Удмуртское книжное изд-во. С. 18.
- Реконструктивный..., 1930. Реконструктивный период и задачи краеведения // Просвещение в Вотобласти. № 1. С. 38–42.
- Репина Л.П.*, 2017. Вместо введения. Преодолевая границы государств и цивилизаций: макроисторический опыт современной историографии // Реконструкция мировой и региональной истории: от универсализма к моделям межкультурного диалога / Под общ. ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон. С. 9–72.
- Юрпалов А.Ю.*, 2010. Этнографические исследования Малмыжского музея местного края в 1920-е гг. // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. Вып. 1. С. 71–74.

А.А. Непомнящий

**«ЧТО МОЖЕМ, ДЕЛАЕМ...»:
ОХРАНА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В КРЫМУ
В 1917–1920 ГОДАХ**

Резюме. В статье восстановлена практика организации мер по охране памятников истории и культуры в Крыму в сложный период революционного лихолетья, который для полуострова характеризовался частой сменяемостью властей и, соответственно, учреждений, курировавших культуру и памятникоохранные мероприятия. Рассмотрена попытка слияния всех научных сил региона в Комитет объединенных научных учреждений и обществ Таврической губернии для организации работы по сохранению движимых и недвижимых памятников. Показаны инициативы председателя Таврической ученой архивной комиссии Арсения Маркевича и руководителя музея и раскопок в Херсонесе Лаврентия Моисеева в организации специальных органов – кураторов памятникоохранной деятельности.

Ключевые слова: Крым, охрана культурного наследия, Комитет объединенных научных учреждений и обществ Таврической губернии, Таврическая ученая архивная комиссия, Государственная археологическая комиссия, А.И. Маркевич, Л.А. Моисеев.

Крым, располагающий значительными историко-культурными ценностями, является уникальным регионом по плотности сосредоточения и разнообразию памятников мирового значения. Накануне революционных событий 1917 г. список античных городищ пополнила Керкинитиды, которая чуть не была погребена под бурно застраивавшимися новыми кварталами центра Евпатории. Усилия Л.А. Моисеева и М.И. Ростовцева сохранили уникальное городище (*Непомнящий*, 2000. С. 285–287). В отличие от других регионов бывшей Российской империи революционные события 1917 г. и последующие перипетии Гражданской войны не свели в Крыму на нет деятельность местного ученого сообщества. Наоборот, на полуострове активизировалась научная работа, в том числе по охране археологических памятников. В Крыму, в связи с массовым бег-

ством интеллигенции от новой власти, оказалось много крупных российских ученых, в том числе – историков. Сюда бежали из университетских центров известные гуманитарии: историк искусства член-корреспондент Академии наук Дмитрий Власевич Айналов, философ и теолог Сергей Николаевич Булгаков, историки Георгий Владимирович Вернадский и Борис Дмитриевич Греков, историк искусства, академик Никодим Павлович Кондаков, литературовед Евгений Вячеславович Петухов, профессор Новороссийского университета Иван Андреевич Линниченко и многие другие деятели науки. Был открыт Таврический университет (*Непомнящий*, 1998).

Не случайно в периодических изданиях той эпохи мы имеем сразу два содержательных материала о деятельности научных организаций полуострова разного профиля, работавших в этот сложный период. Для представления о развитии научных исследований в Крыму несомненный интерес представляет и малоизвестная публикация Павла Семеновича Гальцова «Русская наука и ученые в Крыму (1917–1920 гг.)», напечатанная в берлинском периодическом издании «Новая русская книга» (*Гальцов*, 1922). Революционные годы автор статьи – выпускник естественного отделения Московского университета, ученый-ихтиолог – провел в Севастополе. Он служил заведующим Севастопольской биологической станцией, ректором открытого в сентябре 1917 г. и просуществовавшего короткое время городского народного университета. В 1920 г. П.С. Гальцов эмигрировал в Константинополь. Конечным пунктом его скитаний стали США, где он сотрудничал в Woods-Hole и Department of Agriculture (*Ковалевский*, 1960. С. 20). Более известной по данному вопросу и, соответственно, чаще цитируемой, стала статья В.И. Вернадского «О научной работе в Крыму в 1917–1921 гг.» (*Вернадский*, 1921). Научные сообщества, занимавшиеся изучением истории и охраной культурного наследия, там упоминаются, так же, как и отдельные подвижники, проявившие себя на этом поприще.

Активно действовавшими учеными общественными организациями на полуострове являлись Таврическая ученая архивная комиссия (ТУАК), основанная в 1887 г., и Крымское общество естествоиспытателей и любителей природы (основано в 1910 г.), заявившие о себе авторитетными сборниками научных исследований, многочисленными научными работами своих членов. Еще в досоветские годы обе организации немало сделали в сфере изучения и охраны археологических объектов на полуострове. Их председа-

тели – соответственно Арсений Иванович Маркевич (1855–1942) и Сигизмунд Александрович Мокржецкий (1865–1936) – были признанными научными лидерами в крымоведении (*Непомнящий*, 2018). Крах самодержавия и начавшаяся чехарда смены властей ставила перед местными деятелями задачу сделать все возможное для сохранения многочисленных крымских исторических и художественных памятников. Особенную тревогу у краеведов вызывали в первую очередь частные коллекции. Известность имело собрание древностей в имении великого князя А.М. Романова Ай-Тодор, где сохранялись мраморные скульптуры и рельефные изображения богов, керамика, светильники, нумизматическая коллекция из раскопок римской крепости Харакс первых веков н.э. Значительное собрание произведений искусства находилось в имении Новый Свет Л.С. Голицына. Бесценными были коллекции книг, карт, нумизматики, этнографическая и ювелирная, хранившиеся в доме крупного знатока Крыма – инженера, археолога-любителя А.Л. Бертге-Делагарда (*Андросов*, 2004. С. 128; *Непомнящий*, 2016. С. 148–154). В национализированных Временным правительством царских дачах Ай-Даниль, Курпаты, Ливадия, Массандра, Ореанда (дворцы с находившимся там имуществом) требовался учет предметов искусства и перемещение их в музей.

Лидерство в инициативе привлечения общественного внимания к проблемам сохранения культурных ценностей принадлежало ТУАК. В фонде «Канцелярия Таврического губернского комиссариата Временного правительства», отложившемся в Государственном архиве Республики Крым, хранится дело «О государственном перевороте в России по почину Исполнительного комитета IV Государственной Думы, ч. 3: Воззвания, объявления, телеграммы». Там сохранился уникальный документ – автограф А.И. Маркевича – «Воззвание Таврической ученой архивной комиссии ко всем жителям Таврической губернии», датированное 22 апреля 1917 г.

«Таврическая ученая архивная комиссия, имеющая своей задачей охрану памятников старины, обращается к гражданам Таврической губернии с покорнейшей и горячей просьбой беречь исторические и художественные памятники, как-то: древние здания, развалины храмов, крепостей, городов, башни, иконы, церковную утварь, статуи, картины, портреты, древнее оружие, старинные предметы домашнего обихода и украшения, курганы, могилы, кладбища, равно как книги, рукописи, архивы, как казенные, общественные, волостные, так и частные.

Граждане Тавриды! Знайте и не забывайте, что все эти предметы – это памятники истории вашего края, вашей собственной истории. Все не только образованные, но и некультурные народы берегут памятники своей прошлой жизни, как народную святыню. У многих существуют и соответственные на этот предмет законы.

Наша благословенная Таврида богата остатками древности и старины, но очень многие из них, к сожалению, уничтожены от недостатка охраны, людского невежества и небрежности, и корысти злонамеренных людей. Теперь, когда достоинство русского гражданина так возвышено, долг каждого заботиться о сохранении, а не уничтожении этих памятников истории и искусства.

Граждане тавричане! Любя свое Отечество, свою Родину, ее славу и величие, берегите памятники своей истории, это драгоценное наследство от наших предков, – все равно, напоминают ли они нам светлые или темные страницы прошлого. Порча и уничтожение этих предметов причиняет непоправимый вред не только их прямым владельцам, но и всем нам, нашему Отечеству, так как исторический памятник или произведение искусства есть достояние всей страны, есть государственная ценность. Председатель А. Маркевич» (ГАРК. Ф. Р-1694. Оп. 1. Д. 32. Л. 124–125).

Воззвания к населению о необходимости сохранения культурного наследия, составленные А.И. Маркевичем, ТУАК помещала и в местных газетах. Так, симферопольские «Южные ведомости» 7 мая 1917 г. опубликовали информацию «От Таврической ученой архивной комиссии», подписанную ее председателем: «Таврическая ученая архивная комиссия обращается ко всем землевладельцам Таврической губернии с покорнейшей просьбой и мольбой передать ей в дар или на хранение имеющиеся у них вотчинные и родовые архивы, дела и документы. В настоящее тревожное время письменные памятники и собрания, находящиеся в помещичьих усадьбах и имеющие большое историческое значение, более всех других предметов подвержены опасности гибели. В Историческом архиве Комиссии они будут тщательно сохраняться и послужат ценным материалом для ученых исследований. Комиссия покорнейше просит все другие повременные издания в губернии перепечатать настоящее обращение. Председатель А. Маркевич» (*Маркевич*, 1917).

24 июня 1917 г. председатель ТУАК узнал от директора Феодосийского музея древностей Людвика Петровича Колли (1849–1917) об «удалении памятника императору Александру III» в Феодосии. 22 июня по постановлению местного Совета рабо-

чих и солдатских депутатов» ввиду непрекращающихся эксцессов у памятника, начаты были работы по снятию с пьедестала фигуры. Решили отправить ее для переплавки. Матросы, случайно проходившего судна и солдаты ускорили эту вандальную работу, ставив фигуру канатами» (Протокол..., С. 287). Маркевич немедленно обратился к таврическому губернскому комиссару: «Узнав о снятии по постановлению Совета рабочих и солдатских депутатов памятника императору Александру III в Феодосии, Таврическая ученая архивная комиссия, не входя в оценку этого обстоятельства, честь имеет покорнейше просить Вас, господин комиссар, принять все зависящие от Вас меры к тому, чтобы фигура императора не была отослана на завод для переплавки, а оставлена в Феодосии и помещена в местный музей, где для нее будет легко найдено место ввиду не особенно большой высоты фигуры» (ГАРК. Ф. Р-1694. Оп. 1. Д. 31. Л. 321–322).

В результате статуя императора была помещена во дворе феодосийского пожарного обоза для хранения.

Несмотря на активную работу отдельных научных обществ, в Крыму все громче говорили о необходимости объединения сил всей научной интеллигенции для выживания при прекращении финансирования из центра и развития в новых исторических условиях: «В пору обновления и переустройства жизни всей страны необходима особо интенсивная, дружная работа всякой культурной организации, основой чему может послужить объединение деятельности и взаимная поддержка организации, непосредственная же польза работы их для края может быть достигнута тесной связью их с учреждениями краевого самоуправления, земскими и городскими» (Отчет..., 1919. С. 3). С таким призывом ко всем организациям России выступило Московское археологическое общество «дабы дать таким образом культурному элементу возможность защищать и спасать памятники прошлого» (Протокол..., 1919. С. 309). 25 июля 1917 г. в Крыму на учредительном съезде был создан Комитет объединенных научных учреждений и обществ Таврической губернии, получивший также наименование Таврической научной ассоциации (ТНА). Возглавил организацию энтомолог С.А. Мокржецкий. В момент создания ТНА в нее вошло десять научных организаций. Позже к ним примкнули практически все жизнеспособные общественные научные силы Тавриды: Таврическая ученая архивная комиссия, Севастопольская биологическая станция, музеи в Керчи и Херсонесе, Крымское обще-

ство естествоиспытателей и любителей природы, Феодосийский музей древностей, Ялтинское отделение Крымско-Кавказского горного клуба, зоопарк Ф.Э. Фальц-Фейна, Симеизское отделение Пулковской астрономической обсерватории, Карадагская научная станция, Национальный заповедник на местах бывшей царской охоты, Салгирская помологическая станция, Естественно-исторический музей в Симферополе, Севастопольская морская обсерватория и др. (*Мокржецкий*, 1917; *Отчет...*, 1919. С. 1–2). Состоялось объединение научных и научно-практических организаций и обществ Тавриды. Предполагалось, что Ассоциация создаст больше возможностей для консолидации научных сил в крайне неблагоприятных для науки условиях. Именно ТНА возлагала на себя функцию посредника между научным миром Крыма и органами власти для выделения на развитие науки средств в связи с прекращением сообщения с Петроградом. Помимо прочего, Комитету вменялась в обязанности работа по организации действенной защиты памятников науки и культуры. В качестве основного способа реализации этих задач рассматривались так называемые «всеобщие съезды Комитета». На них ставились различные вопросы развития науки и организации научной жизни.

Уже на первом съезде ТНА 26 июля Лаврентий Алексеевич Моисеев (1882–1946), руководивший музеем и раскопками в Херсонесе, предложил организовать в Крыму сеть заповедников на «территориях с памятниками древности и старины», признав эти земли государственной собственностью. Это предложение горячо поддержал А.И. Маркевич, который обратил внимание собравшихся на то, что пещерные города, остатки некоторых крепостей, курганы, городища, древние церкви, как и «равно находящиеся в недрах земли предметы древности», находятся в частных владениях и не могут вследствие этого должным образом обследоваться и охраняться научными организациями (ГАРК. Ф. Р-661. Оп. 1. Д. 18. Л. 4).

Руководитель ТУАК А.И. Маркевич выступил с программным докладом «О бедственном положении Таврической ученой архивной комиссии в материальном отношении». Ученый отметил не только отсутствие государственных субсидий, но и правового обеспечения деятельности научного содружества краеведов по организации обследования и сохранения архивных бумаг. В постановлении отмечено, что состояние большей части архивов Тавриды неудовлетворительное. Ученые призвали к проведению в стране архивной реформы и активизации научной разработки

местных архивов. Маркевича обязывали к следующему заседанию представить детальный доклад о планах по исследованию и публикации архивных бумаг. Комиссия опять просила для размещения Исторического архива и своих собраний достойное помещение. Постановили отправить прошения в Петроград (Академию наук, Министерство народного просвещения, Союз архивных деятелей) для организации материальной поддержки деятельности ТУАК (Отчет..., 1919. С. 8).

При поддержке ТНА в Бахчисарайском ханском дворце 4 октября 1917 г. был открыт Национальный музей крымских татар. Таврический губернский комиссар Н.Н. Богданов по представлению научной общественности назначил его заведующим художника-декоратора, подвижника изучения крымскотатарской культуры У.А. Боданиского. В созданный музейный совет вошли представители Бахчисарайского отдела Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. За первый же год работы благодаря массовым пожертвованиям местного населения фонды коллекций увеличились до 1000 единиц (*Непомнящий*, 2013. С. 197–199).

Залогом эффективной деятельности крымоведов по изучению старины были постоянные контакты с академическими структурами, известными учеными из столиц. Практика, заведенная А.И. Маркевичем в досоветское время, насколько это было возможно, продолжалась и в смутные годы революционной неразберихи. Информация обо всех новостях крымской исторической науки уходила коллегам в Москву и Петроград. Так, сохранились четыре письма председателя ТУАК, датированные 1917 г., адресованные академику Василию Васильевичу Латышеву. В них – информация о найденных чертежником Мартином Ивановичем Скубетовым во время раскопок в Херсонесе новых надписях и уведомление об избрании В.В. Латышева в Почетные члены ТУАК (СПбФ АРАН. Ф. 110. Оп. 2. Д. 29. Л. 20–32). В это время Таврическая ученая архивная комиссия готовила специальный выпуск своих «Известий», посвященный А.Л. Бертье-Делагарду. В письме в Москву к Алексею Васильевичу Орешникову А.И. Маркевич просил его принять участие в этом выпуске (ОПИ ГИМ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 35. Л. 56). Этот вопрос обсуждался и в последующих письмах.

Подводя итоги деятельности Таврической ученой архивной комиссии в 1917 г. Арсений Иванович констатировал: «Год тревог и волнений, надежд и разочарований, позора и развала России, сверкнувший искрой свободы и сейчас же покрывший черными

тучами и мраком эту зарю нашей свободы, истекший 1917-й год был злосчастнейшим годом в истории России и бедственным годом для русской науки, русского просвещения. Даже столичные научные учреждения с трудом проявляли в истекшем году свою жизнь и деятельность, а положение разбросанных по лицу русской земли провинциальных научных учреждений стало критическим. <...> Несмотря на ужасные обстоятельства времени, ни в одном году за все время существования Комиссии не было такого количества ее заседаний, как в истекшем году. Это вызывалось, с одной стороны, весьма значительным количеством сообщений, полученных для помещения в «Известиях» Комиссии и важностью вопросов, связанных с самим существованием ее, требовавших наискорейшего обсуждения, а с другой стороны, общим желанием членом Комиссии почаще собираться, чтобы в живом общении и обмене мыслей, связанных с чтением докладов, посвященных далекому прошлому Тавриды и России вообще, находить некоторое успокоение, давать уставшим и больным нервам необходимый отдых и, переносясь в прошлое, хотя бы на время забывать настоящее» (Маркевич А., Романюк А., Маслов П., 1918. С. 377, 380–381).

В январе 1918 г. в Симферополе вооруженным путем была установлена советская власть. Новое руководство, не имея в Крыму широкой социальной базы, сделало основную ставку на революционно-силовые методы управления жителями полуострова. Крым захлестнула волна репрессий. В это переменчивое время с 3 по 6 января 1918 г. в Симферополе собрался третий съезд Комитета объединенных научных учреждений и обществ Таврической губернии. Среди прочих были заслушан доклад А.И. Маркевича «О мерах к сохранению архивных материалов Таврической губернии». Докладчик подробно ознакомил научную общественность Крыма с «печальным положением архивов» и предложил ряд мер для «упорядочения архивного нестроения». Особое внимание было обращено на необходимость сохранить частные, особенно помещичьи, документальные собрания (личные архивы). В частности, речь шла о сохранности личного собрания В.С. и П.В. Поповых, архивов бывших правительственных учреждений, которые теперь остались без хозяев и подвергались постепенному расхищению. Комитет постановил просить докладчика составить обращения к городским и земским самоуправлениям, где обозначить ценность данных собраний и аргументировать необходимость создания центрального архива в Крыму

(Отчет..., 1919. С. 15–19). Именно благодаря незамедлительному вмешательству ТНА были спасены архивы семьи Поповых и подвергшейся реорганизации Таврической губернской земской управы (Протоколы..., С. 325). В программе был заявлен и доклад В.Д. Геймана «О необходимости собирания и хранения всех печатных изданий и материалов по крымоведению и созданию книгохранилища “Таврида”». Однако докладчик не смог приехать из Феодосии, и текст озвучил С.А. Мокржецкий. Сообщение вызвало бурное обсуждение. Были предприняты шаги к организации такого собрания на базе имевшихся в Симферополе профильных библиотек. С интересом участники съезда выслушали доклад Л.А. Моисеева «О древнем городе Каркините», в котором археолог сообщал о последних исследованиях в центре Евпатории.

В феврале 1918 г. в ведение Управления национализированными именными Крыма перешло 60 поместий. В их числе были Алушка Воронцовых-Дашковых, Гаспра С.В. Паниной, Карасан Раевских, Кичкине великого князя Д.К. Романова, Мисхор О.П. Долгорукой и др. Новая власть признала их ценность как культурных объектов общегосударственного значения, которые подлежали обязательной охране. Объявление о национализации не гарантировало неприкосновенности находившихся в этих усадьбах культурных ценностей. Серия хищений предметов из имений прокатилась по всему Крыму. В этих условиях был назначен уполномоченный по защите научных учреждений и памятников (Андросов, 2004. С. 130–131). Однако эффективность его деятельности была небольшой. Благодаря настойчивым усилиям ТУАК А.Л. Бертье-Делагард получил документ, спасавший его дом от непрошенных властных визитеров и постоя (Непомнящий, 2016. С. 151).

1 марта 1918 г. Арсений Иванович писал в Москву сотруднику Исторического музея А.В. Орешникову: «Страшно стало жить. Мы здесь приняли меры к сохранению его [А.Л. Бертье-Делагарда. – А.Н.] дачи <...> как государственного заповедника. Что будет с коллекцией неизвестно <...>. Если в Москве замерла научная жизнь, то что же сказать про нашу окраину. Но все-таки Архивная комиссия не прекращает своей работы. **Что можем, делаем** [выделено нами. – А.Н.]. В начале этого года мы издали интересную книгу: Описание сенатских дел архивов нашей комиссии» (ОПИ ГИМ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 35. Л. 62 об.–63).

Для характеристики общественного быта того времени характерно письмо А.И. Маркевича к А.В. Орешникову, написанное

7 марта 1918 г.: «Как я живу? – Вот как. Я получаю с прибавкой на дороговизну 78 рублей... Жена-старуха, пройдя курсы бухгалтерии, работает в городской продовольственной лавке в качестве бухгалтера и секретаря за плату. Вот в складчину и живем. При мне три сестры и племянница, беженки из Гродна, лишившиеся всего имущества, и из них только одна работоспособна: племянница еще учится, а две сестры – старухи <...>. Ф.Ф. Лашков жил с женой в своем имении в 8 верстах от Симферополя. Оба убиты грабителями – «товарищами» – солдатами. Он застрелен, а она задушена. Все не только бывшие в доме деньги и драгоценности, но даже платья и белье взяты грабителями. Надо было купить ей рубашку и платье для погребения. Л.П. Колли, получавший 48 руб. пенсии, умер, по определению врача, от «продолжительного недоедания», другими словами от голода, так как в последнее время не мог найти никакой работы в добавок к пенсии» (ОПИ ГИМ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 35. Л. 65–65 об.).

22 марта 1918 г. Таврический ЦИК объявил Крымский полуостров Социалистической Советской Республикой Тавриды. Был образован Совет Народных Комиссаров. Новая власть поддержала существование Комитета объединенных научных учреждений и обществ Таврической губернии. Председателю исполнительного бюро Комитета С.А. Мокржецкому Таврический ЦИК поручил организовать защиту научных учреждений, памятников природы, искусства и старины от расхищения (ГАРК. Ф. Р-2237. Оп. 1. Д. 14. Л. 8–8 об.).

1 мая 1918 г. Крым был оккупирован германскими войсками. Стремясь оторвать полуостров от Советской России и утвердить здесь свое влияние, кайзеровцы понимали, что обозначившееся все явственнее поражение Германии в Первой мировой войне лишает их права управления Крымом сугубо диктаторскими методами. Довольно быстро выяснилось, что властвовать в Крыму с его многонациональным населением, многочисленными беженцами всех политических оттенков и высоким образовательным и культурным уровнем населения как в колонии невозможно. Нереальной оказалась и опора только на немногочисленное немецкое население полуострова. В связи с этим германские власти, стремясь удержаться в Крыму и обеспечить на полуострове относительную стабильность, начали разыгрывать различные политические комбинации. Одной из основных задач оккупантов было максимальное изъятие в Крыму имущества и продовольствия для своей страны, которая после войны находилась в состоянии глубокого кризиса. Спустя

два с половиной месяца с благословения оккупационной администрации было создано Крымское краевое правительство во главе с генерал-лейтенантом М.А. Сулькевичем. 25 июня 1918 г. оно обнародовало декларацию «К населению Крыма», где сообщалось, что «Крымское Краевое Правительство ставит своей задачей сохранение самостоятельности полуострова до выяснения международного положения его и восстановления законности и порядка» (История..., 2018. Т. 2. С. 420). Для поддержания суверенитета Крыма намечалось осуществить ряд мер, включая демаркацию границы с Украиной, формирование собственной армии, введение института крымского гражданства. Декларация определила и символы государственности. Заявив об отмене всех большевистских декретов, правительство М.А. Сулькевича вернуло все частные национализированные имения прежним владельцам. Лишь имения, принадлежавшие царской семье, остались в собственности Крыма. Однако их сохранность никого не волновала. Мебель из Ливадийского дворца, например, была перемещена в здание Совета министров в Симферополе (бывший дом губернатора). При этом истинные хозяева Крыма – немецкие военные – по своему усмотрению изымали и вывозили художественные ценности.

К этому периоду относится интересная попытка научных сил объединить усилия музейных работников по охране культурных ценностей. 16 июня 1918 г. директор музея и раскопок в Херсонесе Л.А. Моисеев отправил М.А. Сулькевичу докладную записку, где представил проект организации Главного управления музеев, раскопок и охраны памятников искусства и старины Тавриды. Новый орган должен был заниматься «сохранением уже имеющихся учреждений по охране памятников» и создавать новые учреждения «как 1. Историко-археологический институт для всестороннего научного исследования Крыма. 2. Центральный археологический музей Тавриды, куда должны быть возвращены из музеев Петрограда и Москвы все вещи, найденные в пределах Крыма» (ГАРК. Ф. Р-999. Оп. 1. Д. 62. Л. 14–15 об.). Основной задачей нового Управления Л.А. Моисеев видел разработку законопроекта об охране памятников. Крымовед разработал «Положение о Главном управлении музеев, раскопок и охраны памятников искусства и старины Тавриды» и примерную смету на содержание этого учреждения (Научный архив Гос. историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический». Д. 1554. Л. 4–6). Одновременно председатель ТУАК А.И. Маркевич представил

в Совет министров Крымского краевого правительства свой проект по созданию специального государственного органа, который должен был «взять на себя все высшее руководство делом охраны памятников искусства и старины в Крыму» (*Непомятый*, 2005. С. 103–108). Предполагалось внести этот проект на рассмотрение Совета министров Крымского краевого правительства, но не сложилось из-за очередной смены власти.

В ноябре лишившееся поддержки германских вооруженных сил правительство С.А. Сулькевича было смещено. 15 ноября 1918 г. приступило к деятельности второе Крымское краевое правительство, которое возглавил феодосийский землевладелец и предприниматель караим С.С. Крым. Осенью 1918 г., после поражения Германии и ее союзников в Первой мировой войне, германские воинские контингенты были выведены из Крыма. Крым оккупировали войска Антанты. Одновременно на полуостров вошли части Добровольческой армии А.И. Деникина. В апреле 1919 г. бóльшая часть Крыма была захвачена советскими войсками, но уже 1 июля 1919 г. полуостров был полностью занят Добровольческой армией. При новой власти вопросы охраны культурного наследия находились в компетенции специального отдела Управления народного просвещения – Разряда охраны памятников искусства и культуры части изящных искусств и древностей. В октябре 1919 г. Управлением народного просвещения всем попечителям и инспекторам учебных округов был разослан специальный циркуляр, в котором помещались рекомендации по организации сохранения раритетов искусства. Работники на местах должны были срочно представить в Симферополь «точные сведения о вновь образованных советских музейных фондах искусства и древностей, включавших коллекции, принадлежавшие ранее монастырям, усадьбам, частным лицам». Собиралась информация и о разрушенных и пострадавших от сожжения дворцах, часовнях и монументах. Предлагалось привлечь «и заинтересовать лучшие народные силы в лице местных людей и представителей культурно-просветительных организаций к охранению и собиранию расхищенных произведений искусства» (*Андросов*, 2001. С. 135).

Несмотря на круговерть событий, члены Таврической ученой архивной комиссии продолжали в 1919 г. ежедневную методическую работу по изучению и охране памятников. Сохранилось свидетельство научного сотрудничества в этот период А.И. Маркевича с состоявшим ординарным профессором по кафедре теории и исто-

рии искусств Таврического университета Дмитрием Власьевичем Айналовым (член ТУАК с 3 июня 1919 г.) – их переписка. 31 июля 1919 г. Арсений Иванович писал Д.В. Айналову: «Согласно Вашему желанию, представляю Вам сведение о тех предметах нашего музея, которые Вы нашли интересными и заслуживающими обследования в особой статье» (СПбФ АРАН. Ф. 737. Оп. 2. Д. 55. Л. 1). Далее председатель ТУАК поместил описание и истории обнаружения рельефного изображения Геракла, серебряного блюда, снимка с фрески. Учитывая научные интересы Д.В. Айналова, автор письма добавил, что «имеются в музее удачные снимки с остатков фресковой живописи в одной из мангупских церквей» (СПбФ АРАН. Ф. 737. Оп. 2. Д. 55. Л. 2). Предлагая известному петроградскому ученому, оказавшемуся в Крыму, написать статью специально для «Известий Таврической ученой архивной комиссии», А.И. Маркевич уточнял: «Следующий выпуск “Известий” выйдет в 1920 г., если у Комиссии будут средства для его печатания» (СПбФ АРАН. Ф. 737. Оп. 2. Д. 55. Л. 2 об.). Д.В. Айналов подготовил для этого сборника объемную публикацию, посвященную средневековому искусству (Айналов, 1920).

Бурную деятельность в новых политических условиях развил Лаврентий Алексеевич Моисеев, который обратился в Управление внутренних дел при Особом совещании с просьбой предоставить функции существовавшей в России и курировавшей изучение памятников материальной культуры Императорской археологической комиссии директору музея и раскопок в Херсонесе. Это обставлялось как организация Государственной археологической комиссии. В записке на имя начальника Управления внутренних дел Особого совещания В. Носовича Л.А. Моисеев отметил, что со времен царского периода и деятельности в Крыму Императорской археологической комиссии на полуострове постоянно пребывали ее сотрудники, работавшие в Керчи (музей древностей) и Севастополе (Херсонес). «Являясь в настоящее время единственным представителем Государственной археологической комиссии в районе Добрармии», Моисеев просил считать его единственным законным правопреемником бывшей Археологической комиссии. При этом местом пребывания местного варианта Археологической комиссии он выбрал Севастополь (ГАРК. Ф. Р-2235. Оп. 1. Д. 28. Л. 91–92). Лаврентий Алексеевич провозгласил себя председателем комиссии, однако приказом по Управлению народного просвещения при Особом совещании от 29 ноября 1919 г. не был

признан властями в этой должности. Власти, получившие для рассмотрения и проект А.И. Маркевича, посвященный организации аналогичного учреждения, считали более целесообразным учредить в Симферополе особый коллегиальный орган – Комиссию для «заведывания памятниками истории и древности». В ее состав должен был войти губернатор (председатель), представители от историко-филологического факультета Таврического университета, от бывшей Археологической комиссии (заведующие раскопками в Керчи и Херсонесе), председатель Таврической ученой архивной комиссии, а также иные компетентные деятели науки. Губернатор Н.А. Тагищев отвечал Л.А. Моисееву, что «Означенная комиссия, заменяя Государственную археологическую комиссию, могла бы вести дело охраны памятников древности и производство необходимых раскопок до восстановления государства российского и возобновления связи нашей окраины с политическим центром России» (ГАРК. Ф. Р-2235. Оп. 1. Д. 28. Л. 93–93 об.).

Калейдоскоп политических событий тем временем не переставал вносить свои коррективы в повседневную жизнь крымских обывателей. 4 апреля 1920 г. приказом А.И. Деникина главнокомандующим вооруженными силами на юге России был назначен генерал-лейтенант барон П.Н. Врангель. При Врангеле, который имел имперские амбиции и говорил о Крыме исключительно как о колыбели для возрождения былого государства, настойчивые письма Л.А. Моисеева возымели свое действие. Приказом П.Н. Врангеля по Гражданскому управлению 30 сентября 1920 г. № 167 была образована Государственная археологическая комиссия, а Л.А. Моисеев назначен ее председателем (Андросов, 2017. С. 13). В ведении комиссии теперь находились музеи древности в Керчи и Херсонесе, Бахчисарайский ханский дворец и комплекс памятников Севастопольской обороны вместе с Музеем Севастопольской обороны. Политический и последовавший вскоре военный хаос не позволил вновь созданной комиссии, возглавляемой Л.А. Моисеевым проводить какие-либо памятникоохранные мероприятия.

После смерти в Ялте 14 февраля 1920 г. А.Л. Бертье-Делагарда Таврическая ученой архивная комиссия активно поднимала вопрос о сохранении его дома «как государственного заповедника». Благодаря ходатайствам ТУАК еще 17 апреля 1918 г. Народный комиссариат внутренних дел Социалистической Советской Республики Тавриды направил Ялтинскому уездному совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов распоряжение «принять

самые энергичные меры к охране от разгрома библиотеки известного ученого А.Л. Бертье-Делагарда, его собрания карт историко-географических и рисунков, касающихся Крыма, оставив таковые в его ведении» (ОПИ ГИМ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 35. Л. 62 об.). Однако действенных мер по охране ценнейшего собрания предпринято не было. Это подтверждает сообщение В.И. Вернадского, опубликованное в 1921 г.: «Нельзя не отметить еще одно имеющееся в Ялте собрание, имеющее большое научное значение – это библиотека Таугіса и археологически-нумизматическое собрание археолога и инженера Делягарда (1920 г.). Библиотека, собиравшаяся десятки лет, была им завещана Историческому музею в Москве. Для Крыма потеря ее очень тяжела, так как она полнее Стевенсоновской Таугіса и очень богата собранием карт Черного моря и Крыма – печатных и рукописных. К сожалению, ее судьба сейчас вызывает тревогу. Она хранилась до последнего времени в ящиках в Ялте. Археолого-нумизматическое собрание Делягарда частью ушло, частью уходит за границу. Среди массы научных ценностей, уже ушедших от нас к более сейчас богатым и умным соседям, прибавится еще одно» (Вернадский, 1921. С. 8). Вопрос о сохранении и передаче в Симферополь архива и библиотеки А.Л. Бертье-Делагарда Арсений Иванович обсуждал также с его сестрой Софьей Львовной Белявской (письма от 1 и 6 июня 1920 г.) (Центральный музей Тавриды, фонды. КП. 23038. Д. 8753; ГАРК. Ф. 538. Оп. 1. Д. 83. Л. 29; *Непомнящий*, 2016. С. 153–154).

Последний, седьмой по счету, съезд Комитета объединенных научных учреждений и обществ Таврической губернии проходил в 1920 г. Открытие съезда было запланировано на 22 октября на 12 часов, оно должно было состояться в зале губернской земской управы. Лекции должны были пройти 22, 25 и 28 октября. Занятия распределялись на семь секций – математическую, земельно-геодезическую, естественноисторическую, метеорологическую, агрономическую, медицинскую и секцию гуманитарных и социальных наук. Также предусматривались общие собрания, на которых с речами должны были выступить профессора А.А. Байков, Н.М. Крылов, И.П. Четвериков, Ф.Г. Яновский и др. (Съезд..., 1920а). На съезде планировалось разработать «воззвание к ученым всего мира» (Обращение..., 1920) от имени русских ученых в Крыму. Был расчет на то, чтобы обратить внимание на положение русской культуры на полуострове и указать на необходимость в оказании посильной помощи местной ученой интеллигенции.

В газете «Таврический голос» опубликовано подробное описание хода заседания: «Работа съезда открылась в 6 час. вечера проникновенной речью академика В.И. Вернадского, избранного председателем съезда, заявившего, что, несмотря на то, что фронт приблизился к нам, и, может быть, даже поэтому, работа научной мысли не должна прерваться ни на минуту. Россия будет, во что бы то ни стало, и ей мы должны подготовить кадры сильным научным знанием работников» (VII съезд..., 1920). Газета сообщала, что «27 октября в вечернем заседании были прочитаны доклады профессора Н.К. Гудзия «История культуры и история литературы» и профессора А.П. Кудрявцева «Судьба русской философии XIX века». Утром 25 октября заседание решено было посвятить докладам В.И. Вернадского и профессора А.В. Репрева. Наибольшее впечатление на слушателей произвел доклад А.В. Репрева «Неполное голодание», нарисовавший «мрачную картину питания современных горожан, как в Крыму, так и в Совдепии, питания, имеющего все признаки неполного голодания, влекущего за собой вырождение и гибель» (Съезд..., 1920б). Вечером были заслушаны доклады профессора В.И. Смирнова «Памяти двух великих русских математиков» и Б.П. Вологодина «Роль государства, земли и общества в деле народного образования» (Съезд..., 1920а).

Ужасы революции и длительной Гражданской войны, которые в Крыму носили особенно ожесточенный характер, массовая эмиграция с полуострова многих владельцев дворцов, где находились уникальные коллекции, поставила многие памятники культуры на грань уничтожения. Сразу после окончательного установления советской власти, уже 17 ноября 1920 г. при подотделе изобразительных искусств отдела народного образования Крымревкома была образована Секция по охране памятников старины и искусства (КрымОХРИС). Позже официальное название этой организации в документах звучало так: Крымский отдел по делам музеев и охраны памятников искусства, старины, природы и народного быта. Эту организацию возглавил известный этнограф и археолог Крыма Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский (1890–1943). КрымОХРИС сразу предложил широкую программу охраны памятников культуры. Однако главной его задачей на первом этапе было «изъятие предметов культурно-исторической ценности, брошенных на произвол судьбы или находящихся в ненадежных руках частного владельца, путем реквизиции» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 67. Оп. 1. Д. 87. Л. 2). Начиналась новая эпоха...

Литература

- Айналов Д.В., 1920. История древнерусского искусства: Киев – Царьград – Херсонес // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 57. С. 136–248.
- Андросов С.А., 2004. Судьба культурного наследия Крыма на изломе исторической эпохи, 1917–1920 гг. // Историческое наследие Крыма. № 3/4. С. 126–138.
- Андросов С.А., 2017. Крымская археологическая комиссия: неосуществленный проект революционной эпохи // Археология Северо-Западного Крыма: материалы III Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию создания заповедника «Калос Лимен» и 30-летию открытия Черноморского историко-краеведческого музея. Симферополь. С. 5–16.
- Вернадский В.И., 1921. О научной работе в Крыму в 1917–1921 гг. // Наука и ее работники. № 4. С. 3–12.
- Гальцов П., 1922. Русская наука и ученые в Крыму (1917–1920 гг.) // Новая русская книга. № 1. С. 27–31.
- История..., 2018. История Крыма: в 2-х т. / Ин-т российской истории РАН; под ред. А.В. Юрасова. 2-е изд. М.: Кучково поле. Т. 2. 800 с.
- Ковалевский П., 1960. Наши достижения: роль русской эмиграции в мировой науке. Вып. I. Мюнхен: Изд-во Центрального объединения политических эмигрантов из СССР. 50 с.
- Маркевич А., 1917. От Таврической ученой архивной комиссии // Южные ведомости. 7 мая.
- Маркевич А., Романюк А., Маслов П., 1918. Отчет о деятельности Таврической ученой архивной комиссии за 1917-й год // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 55. С. 377–384.
- Мокржецкий С.А., 1917. Объединение научных учреждений Таврической губернии // Южные ведомости. № 165. 23 июля.
- Непомнящий А.А., 1998. Новые источники о развитии исторического краеведения Крыма // Отечественные архивы. № 4. С. 25–28.
- Непомнящий А.А., 2000. Музейное дело в Крыму и его старатели (XIX – начало XX века): Биобиблиографическое исследование. Симферополь: ТНУ им. В.И. Вернадского. 360 с.
- Непомнящий А.А., 2005. Арсений Маркевич: страницы истории крымского краеведения. Симферополь: Бизнес-Информ. 432 с. («Биобиблиография крымоведения». Вып. 3).
- Непомнящий А.А., 2013. Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины и древности Херсонеса: новые источники // Праці Центру пам'яткознавства: зб. наук. Праць. Вип. 24. Київ: НАН України. С. 196–205.
- Непомнящий А.А., 2016. К истории личных коллекций Александра Львовича Бертье-Делагарда: по документальным материалам // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. Т. 18. № 3(154). С. 145–156.
- Непомнящий А.А., 2018. Арсений Иванович Маркевич // Вопросы истории. № 11. С. 29–48.
- Обращение..., 1920. Обращение к ученым всего мира // Крымский вестник. 21 окт. (3 нояб.).

- Отчет..., 1919. Отчет о деятельности Таврической научной ассоциации (Комитета объединенных научных учреждений и обществ Таврич. губ.) за 1917–1918 гг.: год I. – Симферополь. 26 с.
- Протокол..., 1919. Протокол заседания Таврической ученой архивной комиссии 13 апреля 1917 г. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 56. С. 308–310.
- Протоколы..., 1919. Протоколы заседаний Таврической ученой архивной комиссии // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 56. С. 267–319.
- VII съезд Таврической научной ассоциации // Таврический голос. 1920. 24 окт. (6 нояб.).
- Съезд..., 1920а. Съезд научной ассоциации // Таврический голос. 21 окт. (3 нояб.).
- Съезд..., 1920б. Съезд научной ассоциации // Таврический голос. 27 окт. (9 нояб.).

С.В. Палиенко

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИИ НА УКРАИНЕ (1917 – НАЧАЛО 1930-х ГОДОВ)

Резюме. Статья посвящена развитию археологических институций на территории УССР (по состоянию на 1920–1934 гг.) в период после Февральской революции 1917 г., когда предпринимаются первые попытки создания независимых от бывшего имперского центра археологических и памятникоохранных структур, до начала 1930-х годов (не позже 1934 г.), когда прекратили свое существование или были реорганизованы практически все институции, существовавшие в 1920-е годы. В публикации рассматривается история археологических учреждений и общественных объединений, существовавших как в столице, так и в регионах.

Ключевые слова: история археологии, институциональная история, украинская археология, УССР, 1920-е годы.

1920-е годы – это уникальный период в развитии археологии на территории современной Украины. Тогда, после потрясений, вызванных революционными событиями 1917 г. и последующей Гражданской войной, ситуация стабилизировалась, и в республике сформировалась национальная археология – система различных научно-исследовательских и памятникоохранных институций, развитие которых было трагически прервано в следующем десятилетии. Этот опыт становления археологических учреждений в условиях экономической и политической нестабильности и финансового кризиса может быть актуальным и полезным в современных непростых условиях, особенно в части избегания ошибок.

Необходимо отметить, что данный период в истории археологии Украины является довольно хорошо изученным. Имеются публикации, посвященные истории многих институций: Археологического комитета ВУАН (*Нестуля*, 1997; 1997 [1998]), Киевского (*Матяш*, 1999; *Горькова*, 2012; *Ставицька*, 2013) и Одесского археологических институтов (*Ставицька*, 2012), Украинского научно-исследовательского института истории материальной культуры (*Принь*, 2016), Археологической секции кафедры географии и ан-

тропологии при ХИНО (Яненко, 2012), Комиссий порайонного исследования истории Украины при ВУАН (Вербиленко, 2008), Музея (кабинета) антропологии и этнологии им. Ф.К. Вовка (Пудовкина, 2011), Всеукраинского археологического музея (Колеснікова, 2011). Также история археологических учреждений рассматривалась в более широком контексте: общей истории археологических знаний про Украину (Курінний, 2013), исторической науки в УССР в 1920-е гг. (Водотика, 2006), общей истории советской археологии 1920–1930-х гг. (Генинг, 1982), истории Украинской академии наук (Полонська-Василенко, 1955; 1958), истории Института археологии НАН Украины (Абашина, Колеснікова, 2015), музейной археологии (Яненко, 2016). Безусловно, данный список не полный, так как историография данной темы заслуживает отдельной статьи или даже монографии, однако институциональная история украинской археологии этого периода в целом до сих пор не была предметом отдельного самостоятельного исследования. Поэтому цель настоящей статьи – показать на основе перечисленных выше публикаций развитие украинских археологических институций в обозначенный период как в столице, так и в регионах. Основной акцент сделан на развитии центральных учреждений, так как ограниченный объем статьи не позволяет детально остановиться на региональном измерении.

Хронологические рамки исследования охватывают период после Февральской революции 1917 г., когда предпринимаются первые попытки создания независимых от бывшего имперского центра археологических и памятникоохранных структур, до начала 1930-х годов (максимум до 1934 г.), когда прекратили свое существование или были реорганизованы практически все археологические и памятникоохранные структуры, существовавшие в 1920-е годы.

Территориальные рамки исследования – территория Украинской Социалистической Советской Республики по состоянию на 1920–1934 гг. Так как многие регионы современной Украины входили в состав других государств, то и развитие археологической науки на тех территориях должно рассматриваться в контексте соответствующей национальной археологии.

Археология на территории Украины в 1920-е гг. развивались в рамках памятникоохранных структур, институций Украинской академии наук, образовательных учреждений, музеев и научных обществ. Рассмотрим каждую категорию более подробно.

Памятникоохранные структуры в 1917–1919 гг.

Первой новой структурой, чья деятельность была связана с археологией и охраной памятников, на территории Украины в период революции, можно считать Центральный комитет охраны памятников старины и искусства на Украине – ЦКОПСИУ (Центральный комітет охорони пам'яток старовини і мистецтва в Україні – ЦКОПСІМУ). Он был создан в Киеве 12 мая 1917 г., и в его состав вошли: Н.Ф. Беляшевский (председатель), И.С. Свенцицкий (заместитель), П.П. Куренной (секретарь), Н.П. Василенко, М.С. Грушевский, Д.И. Дорошенко, С.А. Ефремов, В.Е. Козловская, Н.В. Пахаревский, В.Л. Модзалевский, Д.И. Яворницкий, Д.М. и В.М. Щербаковские, В.И. Щербина и другие (*Нестуля*, 1997. С. 11; *Курінний*, 2013. С. 108).

Основной задачей новосозданной структуры являлась охрана памятников истории и культуры на территории всей Украины, а также регистрация памятников, бывших в общественной и частной собственности, наблюдение за ними, создание для них архивов и собраний, оказание помощи местным музеям и памятникоохранным комитетам, координация научного исследования памятников. Изначально ЦКОПСИУ позиционировался как общественная организация, но в июле 1917 г. на общем собрании Комитета было принято решение обратиться к Центральной Раде с просьбой причислить Комитет к числу ее институций на правах бывшей Императорской археологической комиссии.

Однако 28 июля 1917 г. на совещании Генерального секретариата народного образования было решено создать в его структуре Отдел охраны памятников старины и музеев во главе с Н.Ф. Беляшевским. Полномочия этого нового учреждения во многом совпадали с прописанными в уставе ЦКОПСИУ. Но, так как именно отдел получил полномочия органа официальной государственной власти в сфере охраны памятников, было объявлено, что Комитет переходит под его начало. На практике же совет ЦКОПСИУ в августе 1917 г. предложил Генеральному секретариату народного образования утвердить себя в качестве коллективного органа управления отделом, что и произошло в ноябре 1917 г. При этом именно ЦКОПСИУ при Генеральном секретариате народного образования фигурировал в инструкциях, рассылаемых на места, а также в проекте Закона УНР об охране памятников старины и искусства, подготовленного в начале 1918 г. После установления власти П.П. Скоропадского ЦКОПСИУ прекратил свою

деятельность, а отдел во главе с П.Я. Дорошенко вошел в структуру Главного управления искусств и национальной культуры, сохранив свои функции (*Нестуля*, 1997. С. 12–15).

За время существования Комитету удалось организовать учет и фотографирование памятников Киева и Украины, выполнить перевод лекций для учителей Киевского и Уманского уездов, стимулировать создание краевых исторических музеев в Умани, Хороле, Сумах, Старобельске, Черкассах, музеев при школах и Просвитах, возобновить археологические исследования, в том числе и Софийского собора (*Курінний*, 2013. С. 108).

Отдел охраны памятников старины и музеев продолжал свою памятникоохранную деятельность при Скоропадском и при Директории УНР до февраля 1919 г., когда после прихода в Киев большевиков был создан Всеукраинский комитет охраны памятников искусства и старины – ВУКОПИС (Всеукраїнський Комітет Охорони Пам'яток Мистецтва і Старовини – ВУКОПМІС), имевший свои подразделения в губернских и уездных центрах. Однако в августе 1919 г. перед взятием Киева денкинскими войсками ВУКОПИС был упразднен, а памятникоохранные функции начал выполнять Комитет по охране памятников старины, созданный при Украинской академии наук. Возглавил его академик И. Багалей.

Комиссии и комитеты в составе Украинской академии наук в 1919–1921 гг.

При основании Украинской академии наук в ноябре 1918 г. поступило предложение организовать кафедру археологии Украины и ее вспомогательных наук. При ней предполагалось создать археологическую комиссию, которая должна была курировать все вопросы, связанные с проведением раскопок на территории государства. В мае 1919 г. Н.Ф. Беляшевский был избран на должность действительного члена Академии по отрасли знания «археология Украины» (*Абашина, Колесникова*, 2015. С. 11).

Беляшевский выступил инициатором создания Комиссии по составлению археологической карты Украины. Как указывалось в отчете, в 1919 г. силами Комиссии готовились к печати некоторые научные работы, отбирались и систематизировались материалы для исследования быта княжеской эпохи на основе достижений археологии (*Історія Академії...*, 1993. С. 228). Вторым постоянным членом Комиссии в 1920 г. становится Л.Е. Чикаленко, а позже – Н.Е. Макаренко и В.Е. Козловская.

Следует отметить, что комиссия избрала не территориальный, а культурно-хронологический принцип составления карты, когда каждому периоду или культуре должна была соответствовать отдельная карта. Поэтому, например, Л.Е. Чикаленко было поручено составить карту доисторической эпохи. На каждой карте предполагалось обозначить местность, обстоятельство находки свидетельств древности, характер находки, полный реестр найденных вещей, самую полную библиографию про находку и место ее хранения. Также был обозначен круг источников для осуществления этой работы, рассмотрена и утверждена карточка-образец, обсуждены и внедрены украинские археологические термины (Колеснікова, 2012. С. 117).

Еще одной структурой Украинской академии наук, деятельность которой была связана с археологией, явился упомянутый выше Комитет по охране памятников старины, созданный в августе 1919 г. Во время смены власти в Киеве он взял под свою опеку музейный фонд, созданный из культурных ценностей, оставленных прежними владельцами или национализированных советской властью. А в начале сентября специальная комиссия, избранная Комитетом, провела осмотр памятников Киева, пострадавших от боевых действий. Однако в дальнейшем комитет не смог наладить отношения с денкинской администрацией, которая вообще крайне негативно относилась к деятельности УАН. Поэтому многие члены памятникоохранного комитета были вынуждены перейти в подобный комитет при университете св. Владимира, возглавляемый М.В. Довнар-Запольским. Однако и там отношения не сложились, поэтому бывшие сотрудникам комитета при УАН пришлось из его состава.

Аналогичный Комитет охраны памятников старины и искусства при УАН действовал во время польской оккупации Киева в мае–июне 1920 г. Главой комитета был избран Н.Ф. Беляшевский, его заместителем – Н.Е. Макаренко, а секретарем – И.В. Моргилевский. После восстановления советской власти в июне 1919 г. возобновили свою работу и советские памятникоохранные органы – губернский и уездный комитеты охраны памятников искусства и старины, поэтому комитет при УАН был упразднен (Нестуля, 1997. С. 20–22). Вместо него в этот период в структуре УАН создается Археологический комитет.

Этот орган возглавил профессор В.Ю. Данилевич (из-за хронологического недомогания Н.Ф. Беляшевского), а секретарем стал И.В. Моргилевский. Однако программная деятельность комите-

та определена не была, и не состоялось ни одного заседания. При этом одной из его актуальных задач была обозначена реорганизация Киевского археологического института (учебное заведение по подготовке профессиональных исследователей, созданное в 1917 г., о котором речь пойдет ниже.). В декабре 1920 В.Ю. Данилевич подал в отставку с поста председателя комитета.

1920 г. был особенно тяжелым для украинских ученых. Это было связано со сменой власти, перебоями в финансировании, всеобщей разрухой и отъездом из голодного и холодного Киева некоторых сотрудников. В этот период приходит в упадок и работа Комиссии по составлению археологической карты, что также во многом было связано с состоянием Н.Ф. Беляшевского (*Колеснікова*, 2012. С. 117).

Попытки воссоздания Археологического комитета

После отставки В.Ю. Данилевича с поста председателя Археологического комитета 31 января 1921 г. Н.Е. Макаренко Общим собранием УАН было поручено провести организационное заседание для создания нового комитета. Оно состоялось 1 февраля 1921 г., Н.Е. Макаренко был избран председателем, а И.В. Моргилевский – секретарем. Присутствующие поддержали предложение предоставить комитету права широкой издательской деятельности и полномочия по образцу бывшей Императорской археологической комиссии, которые должны распространяться на всю территорию Украины. Также к сфере компетенции комитета были отнесены археография, изучение древней архитектуры, охрана памятников древности и изучение церковной археологии (НА ІА НАНУ. Ф. ВУАК. Ед. хр. № 3. Л. 4).

5 февраля 1921 г. состоялось следующее заседание Археологического комитета, на котором был избран его личный состав из 14 местных членов: Е.Н. Антонович-Мельник, Н.Ф. Беляшевский, Н.П. Василенко, И.Ю. Гермайзе, А.С. Грушевский, А.С. Дахнович, Л.П. Добровольский, Ф.Л. Эрнст, В.Е. Козловская, Г.Ф. Красицкий, В.В. Мияковский, Н.В. Пахаревский, Д.М. Щербакковский и В.И. Щербина. На третьем заседании 12 февраля некоторые члены комитета уже получили исследовательские задания, а также было решено обратиться к УАН с предложением создать при Археологическом комитете фотолабораторию (НА ІА НАНУ. Ф. ВУАК. Ед. хр. № 3. Л. 5–6). Однако дальнейшей стабильной работе помешал конфликт с Общим собранием УАН.

Члены Археологического комитета считали его самоуправляемой, автономной от УАН институцией, тогда как Общее собрание УАН рассматривало его как одну из своих постоянных комиссий, и именно оно должно было утверждать членов Президиума. Поэтому кандидатура Н.Е. Макаренко была утверждена только при условии, что эту должность займет Н.Ф. Беляшевский после своего возвращения в Киев (*Нестуля*, 1997. С. 25). На нескольких заседаниях были предприняты попытки найти компромисс, однако они успехом не увенчались. Поэтому на шестом заседании 26 марта 1921 г. Комитет постановил прекратить свою работу (НА ІА НАНУ. Ф. ВУАК. Ед. хр. № 3. Л. 7–9).

29 марта 1921 г. Общее собрание УАН утвердило новый состав Комитета, включив в него представителей различных отраслей исторической науки, среди которых было семеро академиков (Н.Ф. Беляшевский, В.С. Иконников, А.Е. Крымский, О.И. Левицкий, Ф.И. Мищенко, А.В. Старков и П.А. Тутковский) и шесть профессоров (В.И. Барвинок, В.А. Кордт, В.В. Мияковский, В.А. Романовский, И.И. Соколов, В.И. Щербина). Но так как группы ученых по-разному видели роль и функции Археологического комитета, то попытка наладить его работу успеха не имела – Комитет не провел ни одного заседания (*Абашина, Колесникова*, 2015. С. 13).

Деятельность Украинского научного общества в Киеве

С 1907 г. в Киеве функционировало Украинское научное общество (УНО) – укр. Українське наукове товариство (УНТ) – научное общество академического типа, основанное по инициативе М.С. Грушевского с целью организации и развития украинской науки. В рамках его исторической секции еще до Первой мировой войны в незначительном объеме разрабатывалась и археологическая проблематика.

В сентябре 1918 г. постановлением Совета УНО была создана Секция искусств, в состав которой тогда вошло 33 члена, а на начало 1921 г. членов и сотрудников было уже 39. В президиум Секции вошли Г.Г. Павлуцкий (почетный председатель), Н.Е. Макаренко (председатель), Ф.Л. Эрнст (секретарь). На заседаниях Секции заслушивались научные доклады, часть из которых в 1922 г. была опубликована в сборнике. Также при Секции функционировали музей украинской старины (консерватор Г. Красицкий), библиотека, кружок (позже подсекция) по изучения современных и старинных музыкальных произведений. Секция организовывала экскур-

сии по памятным культурно-историческим местам и участвовала в реставрации Софийского собора.

В феврале 1920 по решению Совета УНО была основана Археологическая секция, председателем которой стал Н.Ф. Беляшевский. Секция имела программу археологических исследований на Украине, также предусматривалось создание в ее составе комиссий: для составления археологических карт Украины, библиографической, терминологической, для составления украинского археологического словаря, практической археологии, охраны памятников истории и культуры, издательской и экскурсионно-лекционной. Некоторые из них сразу начали свою работу. При Секции был открыт археологический музей (*Онопрієнко, Щербань, 2008. С. 68–69*).

После создания Украинской академии наук УНО пребывало с ней в конфронтации, даже не смотря на то, что многие ученые, работающие в УАН, были членами УНО. После прихода к власти Директории Общество даже предприняло неудачную попытку ликвидировать Академию. Эта конфронтация отчасти и объясняет предыдущую неудачную попытку по созданию Археологического комитета в рамках УАН, так как многие из тех, кто первоначально вошел в его состав, были членами УНО.

14 июня 1921 г. СНК УССР утвердил новый устав Академии наук, которая получила название Всеукраинской (ВУАН) и должна была координировать и организовывать научно-творческую деятельность всех научных институтов, объединений и отдельных граждан на пользу коммунистического общества, согласно указаниям НКО, то есть, таким образом, ВУАН теряла свою автономию. Позже Наркомпрос УССР выпустил инструкцию для ВУАН про порядок финансирования и отчетности научных учреждений, согласно которой Академия должна была также координировать и деятельность научных обществ (*Нестуля, 1997. С. 31*).

Несколько ранее – в начале 1921 г. – Наркомпрос УССР инициировал объединение УАН и УНО, с которым связана следующая попытка организации археологических структур в составе Академии наук.

Попытка создания Археологической комиссии

Согласно плану объединения УНО и УАН Археологическая секция отдела гуманитарных наук УНО и Археологический комитет при Общем собрании УАН объединяются в Археологическую секцию при историко-филологическом отделе УАН. После этого новая Секция заново избирает свой Президиум и формирует

Археологический комитет, куда могут войти представители других отделов УАН и учреждений Киева, заинтересованных в охране памятников, проведении раскопок и т.д.

5 июля 1921 г. состоялось объединенное заседание Археологического комитета в назначенном 29 марта составе и Археологической секции Научного общества. Собрание постановило поручить академику Ф.И. Шмиту разработать проект устава Археологической комиссии, согласно которому при ВУАН основывалась «Археологическая комиссия с организационными, консультативно-административными и контрольными функциями, с определенной программой деятельности и такой структурой: во главе избранной пленумом Комиссии президиум из 3 человек и совет, состоящий из руководителей 5 секций (археологической, материальной этнографии, архитектурно-монументальной, искусств и музееведения)» (НА ІА НАНУ. Ф. ВУАК. Ед. хр. № 3. Л. 36–36 об.). Председателем новосозданной Археологической комиссии был избран академик Ф.И. Шмит, заместителем председателя – академик М.Ф. Беляшевский, ученым секретарем – Ф.Л. Эрнст.

Помимо устава, в течение лета 1921 г. Комиссия разработала, обсудила и утвердила большое количество других нормативных документов, в частности «Инструкцию археологической секции АК», циркуляционное письмо «Всем учреждениям и обществам, которые разрабатывают вопросы археологии, истории искусства, материальной этнографии и музееведения и беспокоятся об охране памятников искусства, древности и природы», а также инструкции и планы деятельности для остальных секций. 31 августа 1921 г. был утвержден список членов Комиссии, который состоял из 33 ученых, тогда как археологическая секция насчитывала в своем составе 15 членов. Главой секции был избран Н.Е. Макаренко, товарищем главы – Е.Н. Антонович, секретарем – В.Е. Козловская (НА ІА НАНУ. Ф. ВУАК. Ед. хр. № 3. Л. 19–35). Таким образом, Археологической комиссией была подготовлена основа для дальнейшей плодотворной работы, однако и в это раз попытка создания центрального археологического учреждения оказалась неудачной.

Во время утверждения устава Археологической комиссии общим собранием в него были внесены правки, сужавшие автономию секций. Также возникли трудности с финансированием – не было возможности оплачивать работу всех ее членов. Существовали и другие противоречия, в том числе и межличностного характера. В результате всего этого в декабре 1921 г. секция искусства,

а затем и археологическая секция заявили о своей автономной работе и вышли из состава Археологической комиссии. В конце декабря Ф.И. Шмит сложил с себя полномочия председателя Археологической комиссии (*Нестуля*, 1997. С. 45–55). 2 января 1922 г. Советом (Общим собранием) ВУАН Археологическая комиссия как академическое учреждение была ликвидирована (*Історія...*, 1993. С. 479). В это же время прекратила свое существование Комиссия по составлению археологической карты, а также Софийская комиссия, проводившая исследования Софии Киевской.

Создание Всеукраинского археологического комитета

Ликвидировав Археологическую комиссию, Совет ВУАН обратился в Совнарком УССР с предложением о создании Академии истории материальной культуры, однако оно не было поддержано. В рамках ВУАН продолжали работать вышедшие из Археологической комиссии секции археологии и искусств. Вначале была предпринята попытка добиться их представительства на Общем собрании ВУАН, которая успехом не увенчалась. Поэтому, чтобы сгладить существующие противоречия, 9 октября 1922 г. на общем собрании двух секций были проведены перевыборы их руководства. Председателем секции искусств избрали А.П. Новицкого, а археологической секции – Н.Е. Макаренко, который в то время отсутствовал, однако по возвращении наотрез отказался быть председателем. Эту проблему удалось решить только 16 марта 1924 г., когда председателем археологической секции избрали академика М.С. Грушевского. До этого секцией руководил товарищ председателя, а с февраля 1923 г. – постоянный член секции – Е.Н. Антонович, секретарем все это время была В.Е. Козловская. Основными своими заданиями секция определила: а) научные исследования археологического материала; б) распространение археологического знания среди общественности; а основной формой работы – научные заседания, где обсуждались результаты исследований. Аналогичным образом обстояли дела с работой и секции искусств. Таким образом, обе секции не исполняли координационных и памятникоохранных функций, как это в свое время было запланировано для Археологической комиссии (*Нестуля*, 1997. С. 60–63).

В апреле 1921 г. Всеукраинский комитет охраны памятников искусства и старины (ВУКОПИС) был разделен на Главное архивное управление (Главархив) и Главное управление по делам музеев, охраны памятников искусства, старины и приро-

ды (Главмузей). Последний в декабре 1921 г. был объединен с экскурсионно-выставочно-музейным подотделом Главного управления политико-просветительской работы Наркомпроса УССР. В результате это привело к коллапсу всей памятникоохранной системы в УССР. Поэтому 6 февраля 1922 г. Ф.И. Шмит на общем собрании ВУАК предложил Академии взять охрану памятников на себя и для этого создать Археологический комитет. Общее собрание поддержало эту идею и поручило Ф.И. Шмиту вместе с Н.Ф. Беляшевским и Н.П. Василенко создать комиссию с правом кооптации необходимых специалистов для разработки устава и плана организации. Однако члены комиссии фактически сразу начали выполнять функции Археологического комитета (Колесникова, 2012. С. 121).

Комитет решал широкий круг вопросов: сохранение движимых памятников во время кампании по конфискации церковных ценностей для помощи голодающим, организационное обеспечение памятникоохранной деятельности, вопросы музейного строительства и т.д. Работу его два года подряд обеспечивали только два штатных сотрудника: председатель Ф.И. Шмит и секретарь А.П. Новицкий, остальные работали на общественных началах. Расширение штата стало возможным только в 1924 г., после того, как в январе Наркомпрос в письме ВУАН признал такую необходимость, а также после предоставления комитету прав самостоятельного учреждения Академии наук. В результате в состав комитета вошли: Н.Б. Заглада, М.А. Новицкая, М.Я. Рудинский, Д.М. Щербаковский, В.Е. Данилевич, Ф.Л. Эрнст, В.А. Осьмак, А.З. Носов, П.П. Куренной, Н.Е. Макаренко, В.Е. Козловская, Е.Н. Антонович.

13 декабря 1924 г. Президиум Укрнауки утвердил Устав ВУАК, согласно которому, Всеукраинский археологический комитет определялся центральным органом по охране и исследованию древних памятников. 23 декабря 1924 г. прошли выборы Президиума ВУАК, на которых А.П. Новицкий был избран председателем, Д.М. Щербаковский – товарищем председателя (с июня 1927 – С.С. Гамченко), М.Я. Рудинский – секретарем (Абашина, Колесникова, 2015. С. 16).

21 ноября 1925 г. была предпринята попытка объединить Археологический комитет и секции археологии и искусств при ВУАН. На собрании Н.Ф. Беляшевский, А.П. Новицкий и М.Я. Рудинский попытались обосновать необходимость такого объединения, однако столкнулись с противодействием со стороны Е.Н. Антонович, Н.Е. Макаренко и В.Е. Козловской, которые были

готовы работать в рамках научного общества, но сохранить автономию секции. В результате чего решение принято не было.

23 февраля 1926 г. Общее собрание ВУАН утвердило новый устав ВУАК, согласно которому он являлся высшим научным учреждением в пределах УССР в деле исследования памятников культуры, а также научного надзора за охраной памятников природы и культуры в УССР, а его основными заданиями являлись: а) организация исследований памятников истории и культуры; б) подготовка научных кадров; в) научный надзор за состоянием памятников; г) популяризация памятников и воспитание уважительного к ним отношения со стороны общественности. Таким образом, за ВУАК закреплялся статус научного учреждения, которое было лишено административных функций в сфере охраны памятников, переданных главной и краевым инспектурам по охране памятников культуры Укрнауки НКО.

Такой порядок был закреплен в «Положении о памятниках культуры и природы», утвержденном ВУЦИКи СНК УССР, а также в «Инструкции о порядке ведения и работ между инспектурой по охране памятников культуры Укрнауки НКО и АК УАН». В непосредственном ведении ВУАК оставалось руководство научно-исследовательской работой, тогда как проблемы с охраной памятников было необходимо решать через инспектуру. Разрешения на право проведения археологических раскопок выдавал НКО УССР на основе выводов ВУАК. Отчеты же о раскопках направлялись в Укрнауку, а из нее – в ВУАК, где и хранились в архиве (*Нестуля*, 1997 [1998]. С. 20–24). Однако пока такой порядок не был окончательно утвержден, в 1925 и 1926 гг. открытые листы на проведение раскопок выдавал ВУАК.

Всеукраинский археологический комитет: 2-ая пол. 1920-х – начало 1930-х гг.

Изначально в составе ВУАК планировалась работа четырех секций (археологии, искусств, охраны природы и общеорганизационной), но так как НКО УССР создал инспектуру по охране памятников, то необходимость в последних двух отпала. Также в Комитет входило несколько постоянных комиссий: софийская; по изучению украинского золотого дела («золотарская»), по изучению источников по истории украинского искусства; по изучению памятников монументального искусства; трипольская. Также были предприняты попытки учредить комиссии бориспольскую,

острожскую и по исследованию великокняжеского Киева (*Нестуля*, 1997 [1998]. С. 34–47).

На 1925 г. Комитет насчитывал 20 человек, хотя при этом ВУАН финансировал только несколько штатных (изначально всего 2) и внештатных должностей. Несмотря на постоянные проблемы с финансированием, ВУАК удалось наладить связи с местными музеями, создать сеть корреспондентских пунктов, закрепить отдельных ученых за округами, где они работали в тесном контакте с местными инспектурами и властями, в том числе получая от них деньги на исследования. На 1926 г. удалось организовать 14 археологических экспедиций, а на конец 1920-х гг. – охватить археологическими исследованиями 30 из 44 округов тогдашней территории (72%).

Сотрудники ВУАК проводили и координировали исследования памятников всех хронологических периодов – от эпохи камня до средневековья. Наиболее известными из них были раскопки Н.Е. Макаренко Мариупольского неолитического могильника, трипольских поселений на Поднепровье, античных городов – Ольвии и на о. Березань, славяно-русских памятников в Киеве, Чернигове и т.д. Также в то время работали две большие экспедиции, связанные с новостройками: Днепроэльстановская в районе Днепровских порогов и БоГЭСская на Южном Буге (*Абашина, Колесникова*, 2015. С. 16–19).

После закрытия Киевского археологического института в августе 1924 г. ВУАК предпринял попытку открытия Высших археологических курсов. Для этого было разработано даже соответствующее Положение, однако разрешение на их открытие получено так и не было, и этот вопрос был окончательно снят в 1925 г.

Другим направлением деятельности ВУАК стала организация конференций и отчетных выставок. В 1924–1925 гг. была проведена подготовка Всеукраинского археологического съезда в Одессе, однако из-за отсутствия финансирования его провести не удалось. В 1926 г. представители ВУАК приняли участие в работе конференции археологов СССР, хотя Пленум ВУАК и постановил не считать ее всесоюзной, так как украинские учреждения не имели отношения к ее организации. В 1925, 1927 и 1931 гг. ВУАК организовал отчетные выставки, причем на последней экспозиция была построена уже на основе деления на общественно-экономические формации. К сожалению, не увенчалась успехом попытка создания Комитетом археологического музея, предпринимавшаяся в 1928 – начале 1930-х гг.

Также ВУАК уделял значительное внимание и издательской деятельности. Однако планы существенно тормозились из-за отсутствия достаточного количества финансов. Тем не менее, вышли в свет два номера периодического органа «Коротке звіттовлення ВУАК» за 1925 и 1926 гг., а в 1930–1931 гг. были опубликованы три выпуска издания «Хроніка археології та мистецтва», в 1930 г. был издан первый том «Записок Всеукраїнського археологічного комітету». Результаты отдельных работ сотрудников ВУАК также были опубликованы в виде монографий, например: В.Л. Модзалевский «Гути на Чернігівщині» (1926), Г.Г. Павлуцкий «Історія українського орнаменту» (1927), Н.Е. Макаренко «Маріопільський могильник» (1933), «Трипільська культура на Україні» под редакцией В.Е. Козловской и П.П. Куренного (1927) (Полонська-Василенко, 1955. С. 94).

Реорганизация ВУАК в Секцию истории материальной культуры Академии наук Украины (СИМК)

В структуре ВУАН в 1930 г. произошли изменения – в один социально-экономический отдел были объединены отделы историко-филологических и социально-экономических наук. А в конце 1931 г. ВУЦИК утвердил и новый устав ВУАН. Археологический комитет также претерпел изменения.

В это время в составе ВУАК было 53 действительных члена. Штатное расписание предусматривало 5 ставок: председатель – академик А.П. Новицкий, ученый секретарь – П.П. Куренной, С.С. Гамченко, В.Е. Козловская, В.И. Барвинок. Было заявлено, что старая структура ВУАК не отвечает задачам науки на современном этапе социалистического строительства. Также в вину вменялось отсутствие единого плана для всех археологических учреждений, формализм, эклектизм, невнимание к разработке методологических вопросов и т.д. В результате 13 октября 1932 г. старая структура ВУАК была упразднена. Вместо отделов и комиссий были созданы сектора, организованные в соответствии с социально-экономическими формациями: а) первобытного общества; б) рабовладения; в) феодализма; г) капитализма. Организация работы в секторах строилась по бригадному принципу, были также созданы бригады методологическая и методов археологического исследования. Кроме этого была признана необходимость создания лаборатории археологической технологии. В 1932 г. в штате было уже шесть человек: появились заме-

ститель председателя Ф.А. Козубовский и научный сотрудник Н.Е. Макаренко, а С.С. Гамченко выбыл (*Абашина, Колесникова, 2015. С. 24–26*).

Еще одним изменением, которое затронуло ВУАК в 1930 г., был запрет на прямые контакты с зарубежными археологами – даже вести переписку и обмениваться статьями. Их разрешалось иметь только при посредничестве ВОКС (Всесоюзное общество культурной связи). Также на Украину прекратился приток иностранной литературы.

В 1933 г. была создана Секция истории материальной культуры Академии наук Украины (СИМК), а ВУАК был ликвидирован. Одной из основных задач СИМК было определено уничтожение «оторванности» обществоведческих наук и направление их на исследование культуры человечества на марксистско-ленинской основе. Помимо ВУАК в СИМК также вошли Кабинет антропологии и этнологии, Музей археологии, Этнологический музей, Этнографическая комиссия, Кафедра преистории и ряд других структур (*Полонська-Василенко, 1958. С. 23–24*).

Киевский археологический институт

Решение о создании Киевского археологического института (КАИ) было принято еще в 1917 г., но полноценную работу он начал только в ноябре 1918 г. институт стал первым центром археологического образования на Украине, его директором был избран М.В. Довнар-Запольский, ученым секретарем – Н.Д. Полонская, казначеем – Л.П. Добровольский. Основной задачей КАИ изначально было изучение местного края и подготовка археологов, архивистов и библиотекарей (*Ставицька, 2013. С. 4–5*).

Институт начал работу как частное учреждение без государственных ассигнований, однако денег хватало на аренду помещения, оплату труда деловодам и курьерам, а работа лекторов и администрации не оплачивалась. Изначально в КАИ было два отделения: археологическое с историей искусств и археографическое (архивное), также позже было открыто и этнографическое. В действительные слушатели принимали как мужчин, так и женщин с высшим образованием, а в свободные слушатели – со средним. За первые годы существования КАИ там обучалось от 80 до 100 студентов.

Учебный курс был рассчитан на три года. На первом году читались лекции, на втором слушатели работали на семинарах, а также изучали фонды библиотек, архивов, музеев и посещали научные экскурсии (*Матяш, 1999. С. 269–275*). Студенты второго года обу-

чения принимали участие в экспедициях, обследованиях памятников, археологических раскопках, ремонтно-реставрационных работах (в Андреевской церкви, Михайловском и Софийском соборах). Археологической практикой, которая проходила в Киеве в апреле–июле 1919 г., руководили члены ВУКОПИС, большинство которых входило в профессорско-преподавательский состав КАИ: Д.И. Багaley, В.А. Барвинский, Н.Ф. Беляшевский, С.А. Гиляров, Г.К. Лукомский, В.Л. Модзалевский, И.В. Моргилевский, Ф.Л. Эрнст, Н.Е. Макаренко, Н.Ф. Сумцов, Ф.И. Шмит, А.П. Новицкий, Н.Д. Полонская и др. На третьем году обучения проходили практические занятия, куда входила организация музейной экспозиции на основе находок, сделанных во время практики (*Горькова*, 2012. С. 52–53).

Совет КАИ в апреле 1919 г. инициировал переход института в ведение ВУКОПИС, однако финансовой поддержки учреждение так и не получило. 9 июля 1920 г. деятельность КАИ было приостановлена. Реорганизацией работы института занялась специальная комиссия во главе с В.Ю. Данилевичем, созданная по решению Общего собрания Академии наук. Возобновив работу, КАИ стал одним из 9 вузов Киева того времени. Он включал три секции: украинскую, русскую и еврейскую с четырьмя отделениями: историко-археографическим, истории искусств, архивно-библиотечным, этнографическим. Русская секция имела слушателей на всех отделениях, в украинской секции они были только на археологическом и искусствоведческом отделениях, а еврейская секция вообще не делилась и распалась в середине года.

В феврале 1921 г. комиссия во главе с М.П. Гулей, который потом стал ректором, предприняла попытку коренным образом реорганизовать работу КАИ, превратив его в научно-исследовательское, а не учебное заведение. Однако в результате институт лишился государственного финансирования. В августе 1921 г. в КАИ возобновили чтение лекций, а в ноябре его структура была вновь изменена – создано 4 отделения: археологическое, этнографическое, истории искусств и археографично-архивное.

15 ноября 1922 г. институт получил статус Киевских археологических курсов при Научно-исследовательской кафедре искусствоведения (без финансирования), согласно постановлению Коллегии Главпрофобразования, просуществовав так почти год. Обязанности ректора и декана искусствоведческого отделения исполнял Ф.И. Шмит, декана археологического отделения – Н.Д. Полонская,

этнографического – А.М. Лобода, а археографическое отделение было сокращено при реорганизации (*Матяш*, 1999. С. 276–289).

18 августа 1924 г. КАИ был закрыт для реорганизации, но его работа так и не была возобновлена, не смотря на все попытки, предпринятые ВУАК, о которых речь шла выше.

Археологическая деятельность прочих учреждений

Археологический институт в Одессе начали создавать в марте 1921 г. Цель деятельности института была определена как научное исследование памятников старины и искусства и подготовка квалифицированных специалистов в области археологии, архивоведения, этнографии и музееведения. Поэтому в его структуре предполагалось два отделения: археологическое и археографическое. Официальное решение о создании ОАИ Одесский губисполком принял 21 июля 1921 г. Ректором был назначен Ю.Г. Оксман, а проректором – С.С. Дложевский.

Планировалось, что после двухлетнего курса слушатели, сдав экзамен, получат диплом специалиста-техника по археологии, архивоведению, этнографии или музееведению. После этого они смогут работать самостоятельно или продолжить обучение на третьем курсе для получения научной квалификации. Если изначально рассчитывали набрать на каждое отделение по 100 человек, то в действительности смогли только около 40. При этом посещение лекций было необязательным, и многие совмещали учебу со службой или учебой в других вузах. Однако уже 20 августа 1922 г. ОАИ ликвидировали, административный и технический персонал уволили, а научно-исследовательскую работу передали Научному бюро. Учебная часть вместе с материальной базой были переданы в Институт народного образования. Ректору профессору Р.М. Волкову так и не удалось убедить Научное бюро продолжить работу института. В 1923 г. в Одесском ИНО был создан музейно-библиотечно-архивный факультет (*Ставицкая*, 2012. С. 113–115).

Научно-исследовательская кафедра географии и антропологии при Харьковском ИНО была создана в 1920 г. с несколько другим названием. Секция археологии вошла в ее состав в 1924/25 г. и просуществовала до момента расформирования кафедры в 1930 г. Руководителем секции был А.С. Федоровский. Работа подразделения шла в двух направлениях: проведении научных исследований по археологии, а также подготовке и повышении квалификации научных и научно педагогических кадров в аспирантуре. Главными

темами научно-исследовательской работы являлись изучение городов Украины и, в частности, Харьковщины, а также исследование «пепелищ»/зольников. Кроме этого сотрудники секции занимались индивидуальными исследованиями. Практиковались различные формы работы: изучение литературы, выступления с докладами, проведение экскурсий и разведок, участие в раскопках. Результаты научной деятельности сотрудников кафедры были опубликованы (Яненко, 2012. С. 97).

После расформирования кафедры в 1930 г. ее традиции перешли в Украинский научно-исследовательский институт материальной культуры Наркомпроса УССР, директором которого стал А.С. Федоровский. В составе новой структуры был сектор археологии с секциями – передистории, археологии и эпиграфики (Принь, 2016. С. 71).

Также с археологией в определенной степени была связана деятельность и Харьковской научно-исследовательской кафедры истории Украины под руководством Д.И. Багалея. Хотя она и была создана в октябре 1921 г., однако нормальную работу смогла начать только осенью 1922 г. В 1926 г. название кафедры было изменено на «Историю украинской культуры», а с конца 1927 г. – присвоено имя Д. Багалея. В 1930 г. кафедру преобразовали в одноименный институт, а в 1934 г. ликвидировали.

В 1921–1923 гг. эта кафедра имело две секции (истории Украины и литературно-этнографическую) и три подсекции (истории украинской литературы (писательства), истории украинского искусства, археологии и этнографии). Во время последующей реорганизации подсекция археологии исчезла, но в 1926–1929 гг. в этнографической секции существовала подсекция материальной культуры (Водотика, 2006. С. 134–142).

В 1920-е гг. в структуре ВУАН существовали комиссии по районному изучению, чья деятельность была связана, в том числе, с охраной памятников и археологией. В 1924 г. были созданы комиссии по изучению истории Киева и Правобережья; Левобережной Украины; Комиссия Степной Украины, а с июня 1925 г. начала свою работу Комиссия Западной Украины. Председателем комиссий был назначен М.С. Грушевский, все они имели руководителя, секретаря, иногда – одного-двух штатных сотрудников. Однако работа комиссий проводилась не только силами академического центра, к ней привлекали местных краеведов-любителей из Киева, Харькова, Полтавы, Одессы, Чернигова и других городов.

Наиболее плодотворной была деятельность Комиссии Киева и Правобережной Украины, которая проводила активную памятникоохранную деятельность, при ней также работала группа по изучению и описанию киевского некрополя. Результаты научной работы сотрудников заслушивались на заседаниях в виде докладов (всего за 1924–1929 гг. более 200).

Комиссия Левобережной Украины занималась углубленным изучением Черниговщины и Новгород-Северщины, уделяя особое внимание описанию археологических и архитектурных памятников Чернигова.

Комиссия Южной (Полуденной) Украины сконцентрировала свою деятельность на изучении истории Степной Украины и Запорожья. Для дальнейшего сведения и систематизации собранных материалов были созданы 4 секции: палеолитической, античной и средневековой колонизации, истории Запорожской сечи, истории позднейшего заселения (новой). Комиссию Южной Украины также привлекли к работе в созданной при ВУАН в конце января 1927 г. Комиссии по исследованию Днепрэльстановской территории (Вербиленко, 2008. С. 49–50).

Археологическая деятельность музейных структур при ВУАН

Музей (Кабинет) антропологии и этнологии им. Ф.К. Вовка был создан 29 марта 1921 г. и до момента его включения в состав СИМК в 1933 г. активно работал в области археологии. Так, сотрудники Кабинета М.Я. Рудинский и М.С. Мушкет осуществляли на протяжении нескольких полевых сезонов разведки на территории Киевщины, Полтавщины, Подолья, Волыни, Поднепровья. Были возобновлены раскопки палеолитической стоянки Мезин, а также М.Я. Рудинским была открыта палеолитическая стоянка Пушкари и ряд других памятников. Полученные археологические материалы вводились в научный оборот, в том числе в виде публикаций в ежегоднике Кабинета «Антропология». Сотрудники учреждения подготовили некоторые коллекции к экспонированию, материалы Мезинского палеолитического комплекса к публикации. Также в Кабинете антропологии проводилась активная подготовка квалифицированных кадров археологов-«каменщиков» (Пудовкина, 2011. С. 253).

Киевский городской музей был национализирован и передан ВУКОПИС в 1919 г., получив название Первый государственный. После ликвидации памятникоохранного комитета в 1922 г му-

зей был отнесен к группе научных и подчинен Археологическому комитету УАН, а 16 августа 1924 г. его переименовали во Всеукраинский исторический музей им. Т. Шевченко. Позже было признано, что музей имеет государственное значение, и он получил право на аспирантуру в области украинского искусства, археологии и этнографии. Заведующей археологическим отделом музея была Валерия Евгеньевна Козловская. Она также выступила инициатором создания и руководила работой семинара, задачей которого была подготовка к разноплановой археологической работе и проработка вопросов по украинской археологии и музееведению. Участниками семинара были все желающие работать в области археологии, в основном – молодежь.

После того, как ВУАК принял решение основать в Музейном городке отдельный археологический музей, в него должны были войти материалы археологического отдела Всеукраинского исторического музея наряду с коллекциями Археологического музея ИНО – бывшего Университета Св. Владимира, которые перевезли на территорию Лавры в 1928 г. Официально Археологический музей в составе 1-го отдела ВУАН был создан 24 июня 1930 г. Правда, далее руководство музея было обвинено в формализме, неумении привлечь широкую общественность к работе в музее, общей бездеятельности и отсталости от современной науки. В результате В.Е. Козловская была уволена.

В 1934 г. Археологический музей был присоединен к вновь созданному Институту истории материальной культуры (ИИМК), а в следующем году археолого-этнографические фонды были переданы в исторический музей (Колеснікова, 2011. С. 428–430).

Археологическая деятельность прочих музеев Украины

Исследовательница истории украинских музейных учреждений 1920-х – начала 1930-х гг. А.С. Яненко выделяет в развитии полевой музейной археологии три этапа: организационный (1919–1923 гг.); процветания (1924–1930 гг.); упадка (1930–1934 гг.) (Яненко, 2016. С. 19–62). Она указывает, что музейная сеть УССР в это период включала приблизительно 100 учреждений, из которых 56 проводили экспедиционные археологические исследования, а сотрудники 22 учреждений принимали участие в археологических раскопках и разведках совместно с членами ВУАК и других научно-исследовательских институций. Другие же музеи не проводили плановых археологических работ из-за недо-

статка финансирования. Из 200 археологов, работавших в это время в республике, более 100 были музейными сотрудниками, проводившими археологические экспедиционные исследования. Среди них: А.С. Федоровский, М.Ф. Болтенко, Е.И. Сицинский, Д.И. Яворницкий, П.И. Смоличев и др.

На первом этапе (1919–1923 гг.), когда происходило становление и реструктуризация музейных учреждений как центров региональной археологии, экспедиционные исследования вели, прежде всего, музеи, созданные до 1919 г., а все остальные ограничивались лишь сбором бывших помещичьих коллекций. Это было связано с нестабильной социально-экономической и политической ситуацией. В этот период 436 памятников были исследованы сотрудниками 19 музеев.

На следующем этапе (1924–1930 гг.) большинство музеев проводило разведки, рекогносцировки и раскопки, а музейная сеть была объединена под началом Укрнауки Наркомпроса УССР. Сотрудники 50 музеев за это время исследовали 1719 местонахождений.

На третьем этапе (1930–1934 гг.) активность музеев в области археологических исследований существенно уменьшается, работы в основном проводят историко-археологические музеи всеукраинского значения, что связано с началом репрессивной политики и усилением централизации в области археологии. За этот период сотрудниками 18 учреждений было изучено всего 186 памятников.

В 1920-е – начале 1930-х гг. музейные учреждения выполняли функции региональных исследовательских центров, которые работали в тесной связи с центральными археологическими и памятникоохранными учреждениями (ВУАК, УКОПК и т.д.). При этом многие музейные сотрудники на местах являлись действительными членами ВУАК, уполномоченными ВУАК по изучению памятников старины и культуры, а также корреспондентами (уполномоченными) краевых инспектур УКОПК. Кооперация между местными музеями и центральными учреждениями проявлялась в обеспечении музейных археологических экспедиций квалифицированными сотрудниками и помощи с поиском финансирования на проведение полевых работ путем письменных обращений в местные исполкомы. Также региональные центры музейной археологии в рассматриваемое время период обеспечивали подготовку кадров в рамках аспирантур и семинаров. Такая подготовка аспирантов по археологии, искусствоведению и истории осуществлялась в 9 музеях. Другими формами повышения квалификации

были семинары, например, при Харьковском историческом музее и Всеукраинском историческом музее.

Популяризация археологии и краеведения на местах происходила в кружках, кабинетах и лабораториях. Многие сотрудники музеев и местная интеллигенция объединялись в рамках научных и краеведческих обществ при ВУАН.

Археологическая деятельность украинских научных обществ

Общественные объединения ученых являлись органической составляющей исторической науки в 1920-е годы, поэтому их деятельность была подобной другим исследовательским структурам: подготовка кадров, разработка исторических проблем, обнародование результатов исследований, проведение археологических раскопок, археографических и историко-этнологических экспедиций, издание трудов предшественников. Состав научных обществ был довольно разнообразный. Его основу составляли научно-исследовательские и научно-педагогические работники – сотрудники ВУАН и научно-исследовательских кафедр, музеев, библиотек, преподавателей вузов, аспиранты и краеведы. В периферийных обществах было много представителей широкой общественности – учителей, сотрудников культурно-образовательных учреждений, любителей истории. И хотя такие структуры и играли значительную роль в 1920-е гг., при советской власти они не были самостоятельными, а служили существенным дополнением к государственной системе исторических научных учреждений (Водотика, 2006. С. 168–169).

Научные и краеведческие общества при ВУАН были созданы в Полтаве (основано в 1918 г. как Украинское общество исследования и охраны памятников старины и искусства на Полтавщине, а в 1924 г. переименовано в Полтавское научное общество при ВУАН), Харькове (1920), Лубнах (1920), Днепропетровске (1924), Остре (1924), Каменце-Подольском (1925), Луганске (1926), Тульчине (1926), Шепетовке (1926), Чернигове (1926), Нежине (1927) и т.д. В них работали археологи, в том числе сотрудники музеев: Д.И. Яворницкий, А.С. Федоровский, Е.И. Сицинский, П.И. Смоличев и др. В изданиях указанных обществ публиковались результаты археологических исследований, проведенных сотрудниками местных музеев (Яненко, 2016. С. 48). Однако в УССР практически вся система научных обществ исторического направления была ликвидирована в 1930–1933 гг.

Заключение

Таким образом, в развитии украинской археологии в рассматриваемый период можно выделить несколько этапов:

- этап формирования (1917–1923 гг.), когда в условиях Гражданской войны, разрухи, экономической и политической нестабильности предпринимаются попытки создания новых научных и памятникоохраненных институций;
- этап стабилизации (1924–1929 гг.), когда удается наладить стабильную работу многоуровневой системы археологических научных институций, что привело к подъему деятельности археологов как в центре, так и в регионах;
- этап реорганизации (1930–1934 гг.), когда в виду ухудшения политической обстановки, начинается сворачивание модели развития археологии, построенной «снизу», происходит ее постепенная централизация и взятие под полный контроль государства.

Данная периодизация в целом совпадает с приведенной выше периодизацией развития музейной полевой археологии, предложенной А.С. Яненко.

Развитие археологии на Украине в 1920-х – начале 1930-х гг. имеет следующие особенности:

1. Основу научного сообщества составили специалисты, работавшие в археологии еще до революции. Многие объединения ученых уже были институционализированы в виде научных обществ.

2. Вся система научно-исследовательских и административно-контролирующих органов выстраивалась заново, готового заранее проекта, фактически, не существовало, хотя Императорская археологическая комиссия и служила неким ориентиром, особенно в начальный период.

3. Инициатива исходила, в основном, снизу, при этом конфликты с властью возникали только по вопросам наделения создаваемых структур административными функциями. Что касается сферы научных исследований, то в 1920-е годы государство в эту сферу вмешивалось мало.

4. Основной проблемой, которая сдерживала развитие украинской археологии в указанный период, была послереволюционная разруха и политическая нестабильность по началу, но самое главное – хроническая нехватка средств. Последние компенсировались энтузиазмом, так как многие исследователи были согласны работать даже бесплатно.

5. Инициатива «снизу» имела и свою негативную сторону – из-за постоянных конфликтов между представителями различных

груп учених, робота створюваних наукових і административних інституцій тормозилась, а нерідко і срывалась. При цьому навіть в складі самої ВУАН існували дублюючі структури, наприклад ВУАК і Секція археології ВУАН.

6. В результаті після стабілізації обстановки в країні в середині 1920-х гг. на Україні сформувалась багатоуровнева система науково-дослідницьких і пам'ятникових органів. Центральні установи, і, зокрема ВУАК, виконували координуючі і регулюючі функції в усьому українському масштабі. Регіональні центри в Харкові, Дніпропетровську і Одесі доповнювали їх роботу, координуючи її на місцях, де при музеях і наукових товариствах існували групи місцевих ентузіастів-краєведів.

7. Система не була жорстко ієрархічною: представники регіональних центрів були членами ВУАК, який також направляв своїх співробітників на допомогу місцевим музеям, якщо їм в них потрібні були. При цьому була налажена система підготовки кадрів, яка, незважаючи на невдачі з створенням Київського і Одеського археологічних інститутів, дозволила виховати нове покоління дослідників.

8. Завдяки цьому в другій половині 1920-х українська археологія досягла свого розквіту, археологічними дослідженнями, що дозволили заповнити багато прогалин, була охоплена значительна частина території республіки. Почали працювати нові експедиції.

Ці особливості в багатьох визначили оригінальний і неповторимий вигляд української археології. Однак в результаті подій наступного десятиліття вона була практично повністю знищена.

Литература

- Абашина Н.С. Колеснікова В.А.*, 2015. Нариси історії Інституту археології // Інститут археології Національної академії наук. 1918–2014. К. С. 11–97.
- Вербилієнко Г.А.*, 2008. Комісії порайонного дослідження історії України при ВУАН: створення, функції, архів // Український історичний журнал. № 6. С. 46–57.
- Водотика С.Г.*, 2006. Історична наука УСРР 1920-х років: соціополітичні, організаційні та концептуальні основи функціонування. Херсон: ХЮІ ХНУВС. 336 с.

- Генинг В.Ф., 1982. Очерки по истории советской археологии: У истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии, 20-е – первая половина 30-х гг. Киев: Наукова думка. 225 с.
- Горькова А.О., 2012. Пам'яткоохоронна діяльність студентів першого приватного археологічного інституту в Києві // Праці Центру пам'яткознавства: зб. наук. пр. Вип. 22. К.: Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПІК. С. 50–55.
- Історія..., 1993. Історія Академії наук України. 1918–1923 р. Документи і матеріали. К.: Наукова думка. 376 с.
- Колеснікова В.А., 2011. До історії Всеукраїнського археологічного музею // Сіверщина в історії України: Зб. наук. пр. Вип. 4. К.; Глухів. С. 427–432.
- Колеснікова В.А., 2012. Археологічні установи Української академії наук у перші роки її існування // Археологія. № 1. С. 115–122.
- Курінний П., 2013. Історія археологічного знання про Україну. Видання 3-те. Умань: ПП Жовтий. О.О., 153 с.
- Макаренко М., 1933. Маріупольський могильник. К.: Всеукр. акад. наук. 151, [5] с., LV арк.
- Матяш І.Б., 1999. Перший вищий навчальний заклад архівного профілю в Україні (3 історії Київського археологічного інституту) // Український археографічний щорічник. Вип. 3/4. С. 264–290.
- Модзалевський В., 1926. Гути на Чернігівщині. К.: З друк. Укр. акад. Наук. 191, [9] с.: табл., [3] арк. іл., портр. (Fontes artis ukrainicae; v. 1).
- Нестуля С.І., 1997. Археологічний Комітет Всеукраїнської академії наук: етапи становлення. Полтава: Археологія. 88 с.
- Нестуля С.І., 1997 [1998]. Становлення Всеукраїнського археологічного комітету ВУАН (середина 1920-х рр.). Полтава: Археологія. 102 с.
- Онопрієнко В.Л., Щербань Т.О., 2008. Джерела з історії Українського наукового товариства в Києві. К.: ДП «Інформ.-аналіт. Агентство». 352 с.
- Павлуцький Г., 1927. Історія українського орнаменту. Київ: Українська Академія наук. 27, [12] с.: іл.
- Полонська-Василенко Н.Д., 1955. Українська Академія наук: нарис історії. Ч. 1. Мюнхен: Друк. «Logos». 150 с. (Досліди і матеріали: серія 1; ч. 21).
- Полонська-Василенко Н.Д., 1958. Українська Академія наук : нарис історії. Мюнхен: Друк. «Logos». 214 с. (Досліди і матеріали: серія 1; ч. 43).
- Принь О.В., 2016. Археологічна діяльність Українського науково-дослідного інституту історії матеріальної культури у 1931 р. // X Міжнародна наукова конференція «Проблеми історії та археології України», присвяченої 125-річчю професора К.Е. Гриневича (м. Харків, 4–5 листопада 2016 р., ХНУ ім. В.Н.Каразіна). Харків. С. 71.
- Пудовкина А.С., 2011. Музей (кабинет) антропологии и этнологии им. Ф.К. Вовка (1921–1933 гг.): научно-исследовательская и музейная деятельность в области археологии // История археологии: личности и школы: материалы Международной научной конференции к 160-летию со дня рождения В.В. Хвойки, Киев, 5–8.10.2010. СПб.: Нестор-История. С. 248–254.
- Ставицька А.В., 2012. Одеський археологічний інститут (1921–1923 рр.) // Наукові записки з української історії: Збірник наукових статей. Вип. 32. Переяслав-Хмельницький. С. 113–117.
- Ставицька А.В., 2013. Київський археологічний інститут (1917–1924) як перший осередок галузевої освіти в Україні [Електронний ресурс] // Історія науки

і біографістика. №1. Режим доступу до журн.: https://inb.dnsgb.com.ua/2013-1/13_stavitska.pdf.

Трипільська культура на Україні = La culture de tripolie en Ukraine., 1926. Київ: Друк. УАН. Вип. 1 X, 209, [1] с., [28] арк. іл.

Яненко А.С., 2012. Археологічна секція кафедри географії та антропології при ХІНО // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы VIII Международной научной конференции (Харьков, 9–10 ноября 2012 г.). Харьков: НТМТ. С. 97.

Яненко А.С., 2016. Історія музейної археології УСРР (1919–1934). К.: Національний Києво-Печерський історико-культурний заповідник. 368 с.

Е.Г. Панкратова

**«ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ГАИМК»
(1936 ГОД):
ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА**

Резюме. Репрессии по отношению к научному и руководящему составу ГАИМК в 1936 г. повлекли за собой потерю позиций Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) в отечественной археологической науке и ее дальнейшее включение в состав АН СССР. Восстановить трагичные подробности этих событий возможно при помощи анализа материалов архивно-следственного дела П-23819, хранящегося в Архиве управления Федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Обвиняемыми по этому делу были привлечены: председатель ГАИМК Ф.В. Кипарисов, сотрудники С.Н. Быковский, М.Г. Худяков и В.С. Адрианов. Изучение протоколов допросов и очных ставок позволяет понять вектор направленности политических репрессий в 1936 г., а также увидеть абсурдность и бессмысленность обвинений, целью которых было уничтожение научной интеллигенции Ленинграда.

Ключевые слова: политические репрессии, история репрессий, античная археология, археологические раскопки, реабилитация

Убийство С.М. Кирова 1 декабря 1934 г. стало формальной причиной, повлекшей за собой волну арестов в кругах административного и научного состава ленинградских академических учреждений. Не стала исключением и ГАИМК, в которой на протяжении 1936 г. был арестован и расстрелян не только некоторые научные сотрудники, но и сам председатель – Ф.В. Кипарисов. Известие о «группе врагов народа», возглавлявших ГАИМК, нанесло сокрушительный удар по Академии – в 1937 г. она была расформирована и включена уже как Институт истории материальной культуры в состав АН СССР.

Основным источником для данного исследования являются недоступные ранее для ознакомления материалы архивно-следственного дела П-23819, хранящегося в Архиве управле-

ния федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (Архив УФСБ по СПб и ЛО). Поскольку по «делу ГАИМК», кроме Ф.В. Кипарисова, были осуждены С.Н. Быковский, М.Г. Худяков и В.С. Адрианов, то следственное дело достаточно объемное и включает в себя семь томов, сгруппированных по персоналиям. Основной состав документов: постановления о проведении арестов и обысков; акты изъятия и списки конфискованных материальных ценностей и документов (книг, рукописей, переписки, фотографий); постановления об избрании меры пресечения; анкеты арестованных; справки медицинских осмотров; протоколы допросов и очных ставок; текст предварительного обвинения; протокол закрытого судебного заседания; справки о расстреле и реабилитации¹. Из всех этих материалов до настоящего времени были опубликованы некоторые документы в отношении М.Г. Худякова (*Султанбеков*, 2002. С. 107–125), а также протоколы допросов Ф.В. Кипарисова и С.Н. Быковского (*Панкратова*, 2018).

Убийство С.М. Кирова 1 декабря и смерть 20 декабря того же 1934 г. Н.Я. Марра поставили ГАИМК в крайне уязвимое положение. Помимо потери официального руководителя, к которому было лояльно советское правительство, начиналась волна массовых репрессий по отношению к участникам «троцкистско-зиновьевских террористических организаций». Повсеместным арестам в большинстве случаев предшествовали многочисленные доносы. 28 марта 1935 г. В.Ф. Зыбковец² направил в канцелярию первого секретаря Ленинградского обкома и горкома ВКПб А.А. Жданова «заявление», в котором он обвинял практически весь руководящий и научный состав ГАИМК в двурушничестве, вхождении

¹ Документы из следственного дела приводятся в хронологическом порядке.

² Зыбковец (Атрошенко) Владимир Филатович (1908–1973) – родился в д. Тростать Новозыбковского района Западной области. В комсомольской организации с 1925; с 1928 – «был на секретной работе на Урале в трудовых лагерях», с 1930 – в составе отрядов по раскулачиванию Ровенского района; с 1930 по 1931 – в РККА, с 1932 – в ВКПб. Аспирант, председатель комсомольской ячейки ГАИМК (1932–1934); директор Новгородского (1934–1935), Псковского музеев (1935–1937). 20 августа 1937 арестован за принадлежность к контрреволюционной организации, 21 июня 1938 приговорен к заключению в ИТЛ сроком на 8 лет. После отбытия срока заключения, вплоть до реабилитации в 1955 находился на поселении. С 1955 – сотрудник сектора истории религии и атеизма ИИ АН СССР (ЦГАИПД. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1531. Л. 22–29; *Филимонов*, 2002. С. 189–190).

в троцкистско-зиновьевскую группу и измене Родине (ЦГАИПД. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1531. Л. 22–29). 1 апреля донос В.Ф. Зыбковца был зарегистрирован в канцелярии Ленинградского обкома, после чего была сформирована комиссия, которая проводила уточнение информации, приведенной в доносе. В итоговой резолюции подтверждалось, что в составе Академии работает большое количество «социально чуждых» сотрудников во главе с Ф.В. Кипарисовым, но вместе с тем, «одновременное изъятие вредного элемента из Академии невозможно, однако необходимо немедленно заменить и укрепить партийное руководство в Академии» (ЦГАИПД. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1531. Л. 116).

Определенной точкой отсчета в арестах по «Делу ГАИМК» следует считать вторичный арест А.Г. Пригожина³ (рис. 1) в Уфе в июле 1936 г. Для проведения судебного процесса он был переведен в Ленинград и заключен во внутреннюю тюрьму ОГПУ на Шпалерной, 25⁴. На допросе, который длился двое суток, он признался, что «вербовал в террористическую группу Ф.В. Кипарисова в конце 1933 г.» (рис. 2) (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819. Т. 7. Л. 24). По его свидетельству «уже тогда Ф.В. Кипарисов заявил, что у С.Н. Быковского была своя террористическая группа, в которую входили Б.А. Латынин⁵ и М.Г. Худяков» (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819. Т. 7. Л. 25).

³ Пригожин Абрам Григорьевич (1896–1937) – историк. Профессор Дальневосточного государственного университета (1927–1928.); профессор (1928), председатель кафедры всеобщей истории (1930–1931) Всесоюзного коммунистического университета им. И.В. Сталина. Ученый секретарь Общества историков-марксистов при ЛОКА (1931–1932). В 1932 г. начал работать в ГАИМК (член президиума, заместитель председателя) и ЛИЛИ (профессор по кафедре истории западноевропейского феодализма). В 1935 исключен из ВКПб, в этом же году арестован за связь с троцкистско-зиновьевской организацией и выслан в Уфу. Повторно арестован в июле 1936; 7 марта 1937 приговорен к высшей мере наказания. Реабилитирован в 1956. См.: Люди и судьбы, 2003.

⁴ Дом предварительного заключения – следственная тюрьма Ленинградского управления ОГПУ/НКВД на ул. Шпалерная, 25.

⁵ Латынин Борис Александрович (1899–1967) – археолог, этнограф, специалист по генезису и хронологии культур неолита. В ГАИМК с 1929, сотрудник Комитета по новостройкам ГАИМК (с 1934), секретарь комитета полевых исследований (1935). Первый арест – 1924, второй арест – 1935 с высылкой в Куйбышев, третий арест – 1937, осужден на 9 лет в ИТЛ на Колыме. Освобожден в 1946. Реабилитирован в 1957. См.: Люди и судьбы, 2003.

С.Н. Быковский⁶ был арестован 3 августа 1936 г. по обвинению в преступлениях, предусмотренных статьями 58-10 и 58-11 УК РСФСР⁷ (рис. 3). После обыска в его квартире по адресу ул. Халтурина, дом 5, квартира 6, были изъяты: паспорт, профсоюзный билет, револьвер и патроны к нему, книги Л.Д. Троцкого, Л.Б. Каменева и Г.Е. Зиновьева, а также личная переписка. В следственном деле был выявлен только один протокол допроса С.Н. Быковского. Допрос длился двое суток (8–9 августа), его проводили следователи Г.А. Лупекин⁸ и Л.Ф. Райхман. Изначально

⁶ Быковский Сергей Николаевич (1896–1936) – историк, этнограф. Родился 24 августа 1896 в г. Москве, окончил гимназию и первый курс Московского университета. Находился на службе в царской армии в чине прапорщика; в ВКПб с 1918, в РККА с 1919 по 1921, находился в запасе НКВД. В 1921 Особым отделом Западного фронта был судим за должностное преступление (превышение полномочий в ходе арестов и расстрелов; дискредитация советских работников действиями «особых троек», которые были подконтрольны С.Н. Быковскому на одном из участков Польского фронта (Советско-Польская война). В период 1921–1924 попал под влияние оппозиционной группы Т.В. Сапронова, однако за содействие следствию не был подвергнут партвзысканию. В 1925–1930 работал в Педагогическом институте г. Вятки. В начале марта 1930 был приглашен Н.Я. Марром в ГАИМК. Научный сотрудник I категории (1930); заведующий кафедрой доклассового общества (январь–февраль 1934) ГАИМК. Старший ученый специалист (февраль 1934), заместитель директора по научной части (с 1935) ИАЭ АН СССР (ЦГАИПД, Р-1728. Оп 1. Д 835530/3. Л. 40–44).

⁷ Статья 58-10 УК РСФСР: «Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений, а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания влекут за собой лишение свободы на срок не ниже шести месяцев. Те же действия при массовых волнениях или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс, или в военной обстановке, или в местностях, объявленных на военном положении, влекут за собой меры социальной защиты – расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и с лишением гражданства союзной республики и, тем самым, гражданства Союза ССР, и изгнание из пределов Союза ССР навсегда, с допущением при смягчающих обстоятельствах понижения до лишения свободы на срок не ниже трех лет, с конфискацией всего или части имущества»; статья 58-11 УК РСФСР: «Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, а равно участие в организации образованной для подготовки или совершения одного из преступлений, предусмотренных настоящей главой, влекут за собой меры социальной защиты...» (те же). См.: Открытый список.

⁸ Лупекин Герман Антонович (1901–1939) – окончил 5 классов городского училища в Киеве. С 1918 в РККА, с 1921 член РКПб. Служил при Информационных отделах ОГПУ Крымской АССР, Казахстана, Сибирского края, Белорусской ССР.

отрицая свою причастность к контрреволюционной организации, С.Н. Быковский признался в знакомстве с «разоружившимся троцкистом» А.Г. Пригожиным и о встречах на квартире последнего с «контрреволюционно настроенным» Ф.В. Кипарисовым и «троцкистом» М.Л. Ширвиндтом⁹. После чего заявил, что «решил показывать только правду и ничего не таить от следствия» и признался, что «являлся участником контрреволюционной троцкистско-зиновьевской организации, существовавшей в Ленинграде, в которую был вовлечен А.Г. Пригожиным зимой 1932–1933 гг.» (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819. Т. 1. Л. 10). Согласно его показаниям, помимо руководителя контрреволюционной организации, А.Г. Пригожина, в состав входили: Ф.В. Кипарисов, М.М. Цвибак, С.А. Лотте, М.М. Ширвиндт, Некрасова, Б.Л. Богаевский, Б.А. Латынин, П.П. Ефименко¹⁰.

16 августа 1936 г. в ОГПУ был подписан ордер на арест Ф.В. Кипарисова (рис. 4), однако сам арест состоялся 27 августа. В ходе обыска в его квартире по адресу ул. Халтурина, дом 5, квартира 5 были изъяты: паспорт, членский билет, профсоюзный билет, переписка, две фотографии, а также труды К. Каутского, Л.Д. Троцкого и Г.Е. Зиновьева, после чего комната была опечатана¹¹. В Постановлении об избрании меры пресечения указывалось,

Заместитель начальника НКВД по Курской области (1934–1935), начальник Секретно-политического Управления НКВД по Ленинградской области. С 1937 входил в составы особых троек по Восточно-Сибирской, Иркутской и Ростовской областях. Арестован в 1938, расстрелян в 1939 как участник антисоветской организации в НКВД. В реабилитации отказано. См.: Кадровый состав.

⁹Ширвиндт Максим Лазаревич (1893–1936) – историк философии. Заместитель директора Института языка и мышления АН СССР, заведующий кафедрой философии ЛО Института философии (1934–1935). Первый арест – 23 апреля 1933 по обвинению в контрреволюционной деятельности, дело прекращено; второй арест – 4 января 1935, осужден на ссылку сроком 4 года в г. Туруханск; третий арест – 6 июня 1936 по обвинению в террористической деятельности в контрреволюционной троцкистско-зиновьевской организации. 19 декабря 1936 приговорен к высшей мере наказания (расстрелян в один день с Ф.В. Кипарисовым и С.Н. Быковским). Реабилитирован 28 мая 1957. См.: База данных «Мемориал».

¹⁰ Фамилия П.П. Ефименко в протоколе допроса зачеркнута самим С.Н. Быковским, рядом его же рукой помета – «исправленному верить».

¹¹Скорее всего, младшие дети Ф.В. Кипарисова – Вадим (1920–[1941]) и Алексей (1929–2018), которые проживали вместе с ним в квартире по ул. Халтурина, после арестов его ближайшего окружения были вывезены в Москву. Старший, Георгий (1908–1941), которому на тот момент было 27 лет, остался в Ленинграде.

что «Ф.В. Кипарисов арестовывается по делу № 20362-36¹² и отличается в том, что он является активным участником контрреволюционной троцкистско-зиновьевской организации в Ленинграде. Обвинен по ст. 58-10, 58-11. Содержание под стражей в ДПЗ по 2 категории» (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819. Т. 1. Л. 1).

На первом допросе, состоявшемся 27 августа 1936 г., Ф.В. Кипарисов решительно опроверг выдвигаемые ему обвинения. 29 августа в ходе второго допроса в ответ на настойчивые требования Л.В. Когана¹³ перечислить участников троцкистско-зиновьевской организации ГАИМК ответил, что «среди моих связей действительно имеются троцкисты и зиновьевцы, с которыми я встречался до последнего времени, среди них – А.Г. Пригожин, М.Л. Ширвиндт, Г.С. Фридлянд, М.М. Цвибак, А.А. Бусьгин, Л.Г. Райский, А.И. Мальшев, С.Г. Томсинский, Г.С. Зайдель, С.Н. Быковский и Н.М. Маторин» (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819. Т. 1. Л. 1). Предъявляемые ему обвинения в подготовке убийства С.М. Кирова, Ф.В. Кипарисов продолжал отрицать¹⁴.

10 сентября 1936 г. был арестован еще один обвиняемый – М.Г. Худяков¹⁵, которому также вменялись статьи 58-8¹⁶ и 58-10 УК

¹² Вероятно под данным номером дела проходили арестованные ранее участники других «террористических организаций», потому что в отношении Ф.В. Кипарисова, С.Н. Быковского, М.Г. Худякова и С.В. Адрианова было сформировано отдельное следственное дело – № 21766, которому в октябре был присвоен новый номер – № 36358-36.

¹³ Коган Лазарь Вениаминович (1902–1939), сотрудник ВЧК-ОГПУ-НКВД СССР с 1920. В ВКПб с 1924; начальник СПО УНКВД по ЛО. 14 ноября 1938 арестован, 7 марта 1939 приговорен к высшей мере наказания (Ашнин, Алпатов, 1994. С. 220).

¹⁴ 29 августа датирована справка медицинского осмотра Ф.В. Кипарисова, в которой было указано: «Невроз сердца, годность к легкому труду. Следовать по этапу может» (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819. Т. 1. Л. 7).

¹⁵ Худяков Михаил Григорьевич (1894–1936) археолог, историк, этнограф, специалист в области изучения истории и культуры Волго-Камского региона. Аспирант (1926–1929), научный сотрудник, действительный член ГАИМК (с 1935). Арестован 9 сентября 1936; приговорен к высшей мере наказания 19 декабря 1936. Реабилитирован 27 июня 1957. См.: Кузьминых, Старостин, 1995. С. 157–172).

¹⁶ Статья 58-8 УК РСФСР: «Совершение террористических актов, направленных против представителей советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций, и участие в выполнении таких актов, хотя бы и лицами, не принадлежащими к контрреволюционной организации, влекут за собой меры социальной защиты – расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и с лишением гражданства союзной республики и тем самым гражданства Союза ССР навсегда, с допущением, при смягчающих обстоятельствах, понижения свободы на срок не ниже трех лет с конфискацией всего или части имущества». См.: Открытый список.

РСФСР¹⁷ (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819. Т. 3. Л. 3). В ходе обыска 9 сентября были изъяты: паспорт, партийный билет, две книги Н.И. Бухарина и одна Е.М. Ярославского, письмо Н.Ф. Калинина, а также инвентарная опись книг его личной библиотеки. Комната М.Г. Худякова по адресу ул. Халтурина, дом 12, квартира 15 была опечатана. 11 сентября на допросе М.Г. Худяков отрицал предъявляемые обвинения, но признался в «деловых связях с троцкистами: Н.М. Маториным, М.М. Цвибаком, Р.А. Озерской, А.Г. Пригожиным, Ф.В. Кипарисовым, С.Г. Томсинским, Г.С. Зайделем и С.А. Лотте» (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819. Т. 3. Л. 9).

29 сентября 1936 г. на втором допросе, который проводил Н.С. Драницын¹⁸, М.Г. Худяков признался в том, что его предыдущие показания были ложными, и он являлся участником контрреволюционной организации, созданной Н.М. Маториным в Ленинграде в 1930 г. (Артизов, 1994. С. 36). Согласно протоколу допроса, в террористическую группу ГАИМК он был завербован С.Н. Быковским в декабре 1932 г., после чего дал свое согласие на участие в подготовке террористического акта по убийству С.М. Кирова. Кроме него, «в группе на позициях террористической борьбы настаивали: Ф.В. Кипарисов, А.Г. Пригожин, М.М. Цвибак и С.Н. Быковский». На вопрос Н.С. Драницына об обстоятельствах вербовки В.С. Адрианова он ответил, что С.Н. Быковским было дано задание, проверить, «является ли В.С. Адрианов подходящим человеком для участия в террористической деятельности». После переговоров с В.С. Адриановым, он «убедился, что тот вполне пригоден, о чем и сообщил С.Н. Быковскому» (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819. Т. 3. Л. 18). После личной встречи С.Н. Быковского и В.С. Адрианова в начале 1935 г., последний дал свое согласие на вступление в контрреволюционную группу ГАИМК. Особенно подчеркивалось, что В.С. Адрианов должен был взять на себя роль физического исполнителя убийства А.А. Жданова, для чего «он собирался послать ему подробное письмо по каким-то культурным

¹⁷ На анкете арестованного в левом верхнем углу помета красным карандашом «58-10-11», такие же пометы на анкетах Ф.В. Кипарисова, С.Н. Быковского и В.С. Адрианова.

¹⁸ Драницын Николай Степанович (1912-?) – лейтенант ГБ, помощник начальника 4 отдела УНКВД Ленинградской области. Арестован 27 ноября 1938, осужден 10 июня 1939, 1 октября 1942 направлен на фронт. Информация о дате и месте смерти отсутствует. См.: Электронный архив.

вопросам, с тем чтобы его заинтересовать и добиться того, чтобы А.А. Жданов его принял» (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819. Т. 3. Л. 19)¹⁹.

В октябре вновь были продолжены допросы Ф.В. Кипарисова, которые проводили Л.Ф. Райхман и Н.С. Драницын. 22 октября он признал себя виновным в предъявляемых обвинениях и сознался, что является участником контрреволюционной троцкистско-зиновьевской группы, образованной в ГАИМК при активном участии А.Г. Пригожина в 1932 г.²⁰. Он так же показал, что группа Академии «являлась частью контрреволюционной троцкистско-зиновьевской организации, существовавшей до последнего времени в Ленинграде и объединявшей ряд контрреволюционных троцкистско-зиновьевских групп в научных учреждениях, в том числе и Комакадемии, с которой наша группа была связана через А.Г. Пригожина» (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819. Т. 1. Л. 29). Отказавшись подтвердить «террористические методы борьбы» он отметил, «что возможно я упустил из виду или забыл отдельные факты контрреволюционной деятельности нашей организации. Я постараюсь продумать все, вспомнить все, что я знаю и расскажу об этом следствию на следующих допросах» (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819. Т. 1. Л. 30). 28 октября Ф.В. Кипарисов признался, что «со слов руководителя организации А.Г. Пригожина был осведомлен о том, что наша организация стоит на позициях активной борьбы против руководства ВКПб и считает необходимым применение террористических методов в этой борьбе» (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819. Т. 1. Л. 38). Однако на требование назвать имена «террористов» и рассказать о детальной подготовке террористических актов заявил, что показал все что знал и добавить ему больше нечего. 3 ноября состоялся последний

¹⁹ 14 марта 1936 В.С. Адрианов действительно написал А.А. Жданову письмо с просьбой о финансировании и организации этнографических экспедиций для изучения народностей Севера. Это письмо, конверт и заключение сотрудника Отдела науки Ленинградского областного комитета подшито к делу В.С.Адрианова в качестве вещественного доказательства.

²⁰ Нетрудно понять, чем было обусловлено подобное изменение в показаниях. Совершенно очевидно, что с августа по октябрь на Ф.В. Кипарисова оказывалось психологическое давление, было и применение методов физического воздействия. Подобная методика получения нужных показаний подробно описывается в воспоминаниях бывших заключенных ДПЗ на ул. Шпалерная, 25. См.: *Чернавин*, 1999; *Заболоцкий*, 1995.

допрос Ф.В. Кипарисова. На требования Л.Ф. Райхмана назвать имена «террористов» в Москве и Ленинграде, Ф.В. Кипарисов, заявив о двурушничестве И.К. Луппола²¹, отказался говорить что-либо в дополнение к уже сказанному.

4 ноября 1936 г. по статьям 58-10 и 58-11 УК РФ был арестован «исполнитель убийства» А.А. Жданова – В.С. Адрианов. В ходе обыска 5 ноября у него были изъяты: паспорт, профсоюзные билеты, две тетради, копии дневников, переписка, винтовка Винчестер, 5 ножей, огнеприпасы и зажимы для патронов. Квартира В.С. Адрианова по адресу наб. Фонтанки, 145, кв. 23 опечатана не была, так как в ней «осталась жена арестованного». На допросе 9 ноября, который проводил следователь Н.С. Драницын, В.С. Адрианов на просьбу назвать своих близких знакомых упомянул таких ученых, как М.П. Грязнов, А.П. Круглов, Б.Б. Пиотровский, М.Г. Худяков, Г.В. Подгаецкий и Адлер (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819. Т. 7. Л. 6).

8 декабря сотрудник УНКВД Н.А. Завилович²² затребовал упомянутое выше письмо В.С. Адрианова к А.А. Жданову из архива Ленинградского областного комитета. Вместе с письмом в ДПЗ было направлено и «Заключение по вопросу о состоянии на научном фронте по этнографии и археологии». «Заключение» было подготовлено 29 октября 1936 г. сотрудником отдела науки Ленинградского городского комитета Муратовым, который отметил, что «предложение Адрианова заслуживает внимания и является одной лишь частью правды врага, умолчавшего зато о ряде других важных научно-политических фактах и выводах, касающихся состояния на фронте антропологии, этнографии и археологии».

²¹ Луппол Иван Капитонович (1896–1943), философ, литературовед; академик АН СССР (1939). Профессор кафедры исторического материализма этнологического факультета МГУ (1925–1931). Профессор, заведующий кафедрой марксистско-ленинской философии Института красной профессуры (1925–1938). Руководитель Главнауки (1929–1933). Директор Института мировой литературы им. М. Горького (1935–1936, 1940). В 1941 арестован и приговорен к высшей мере наказания, содержался в Саратовской тюрьме вместе с Н.И. Вавиловым. В 1942 смертная казнь была заменена заключением в ИТЛ сроком на 20 лет. Умер в заключении. Реабилитирован и восстановлен в звании академика в 1956. См.: *Санов*, 1995.

²² Завилович Ной Аронович (1903–1940), сотрудник ОГПУ/УНКВД. Член ВКПб с 1920, в Гб с декабря 1925. Арестован 26 мая 1938, осужден 3 мая 1940 ОСО при НКВД СССР. Умер в заключении. См.: Электронный архив.

логии в ленинградских научных учреждениях²³. Так, основным препятствием к развитию науки являлись «контрреволюционеры типа С.Н. Быковского, А.А. Бусыгина и Ф.В. Кипарисова (одни в Институте антропологии, этнографии и археологии, другие в ГАИМК), которые по существу проводили курс на ликвидацию археологии и этнографии как науки» (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819. Т. 7. Л. 43). Письмо и заключение были приобщены в качестве вещественных доказательств к следственному делу В.С. Адрианова.

После получения следствием этих неоспоримых «доказательств», 11 декабря состоялся очередной допрос В.С. Адрианова, на котором он заявил, что «...вы меня подозреваете, потому что в моем институте был арестован ряд лиц, с которыми я был в близких отношениях – С.Н. Быковский, А.А. Бусыгин, М.Г. Худяков» (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819. Т. 7. Л. 8). Однако на этом же допросе он признался в своем участии в составе контрреволюционной троцкистско-зиновьевской группы, в которую был завербован в марте 1936 г., с той оговоркой, что о всех подробностях «контрреволюционной деятельности мне не известно, так как я совсем недавно привлечен к участию в ней» (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819. Т. 7. Л. 10). На следующем допросе, 15 декабря 1936 г., следователь И.В. Фёдоров²⁴ предъявил ему показания М.Г. Худякова в части плана по убийству С.М. Кирова, обвинив В.С. Адрианова в сокрытии предполагаемых методов террористической борьбы. В.С. Адрианов заявил, что «показания Худякова по этому вопросу ложные. Я никогда никакой террористической деятельности не вел. Письмо Жданову действительно было послано мной, но с целью ознакомления его с положением на историческом фронте. Других целей к посылке письма не преследовал» (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819. Т. 7. Л. 22).

Одновременно с допросами, на протяжении ноября – первой половины декабря проводились очные ставки: между М.Г. Худяковым и В.С. Адриановым; М.Г. Худяковым, С.Н. Быковским и Ф.В. Кипа-

²³ Полный текст письма В.С. Адрианова и заключения готовятся в настоящее время к публикации.

²⁴ Фёдоров И.В. (1904–?), сотрудник ОГПУ. 28 ноября 1956 был осужден Военным трибуналом Ленинградского военного округа за фальсификацию судебного производства и применение недопустимых методов ведения следствия по делу «Российской национальной партии» в 1934 (Ашнин, Алтатов, 1994. С. 244).

рисовым; М.Г. Худяковым и С.Н. Быковским, а также (15 декабря) между Ф.В. Кипарисовым и С.Н. Быковским. Протоколы очных ставок не содержат новой информации, являясь заранее подготовленными и перефразированными «показаниями» на допросах.

19 декабря²⁵ было подготовлено предварительное заключение по обвинению С.Н. Быковского, Ф.В. Кипарисова, М.Г. Худякова и В.С. Адрианова, в котором была приведена краткая хроника образования и деятельности террористической группы ГАИМК. Текст заключения достаточно путанный, очевидно, что следователи не смогли логично выстроить полученную информацию. В 1930 г. С.Н. Быковский «был завербован террористом Н.М. Маториным в троцкистско-зиновьевскую группу в АН» и по контрреволюционной деятельности был связан с Н.М. Маториным, А.Г. Пригожиным и А.А. Бусыгиным. В 1932–1935 гг. С.Н. Быковским, «была создана в ГАИМК террористическая группа, которая вела подготовку террористических актов над товарищами С.М. Кировым и А.А. Ждановым». В 1932 г. обвиняемые С.Н. Быковский и Ф.В. Кипарисов вошли в состав террористической группы, созданной А.Г. Пригожиным в ГАИМК и в этот же период были проинформированы о переходе к террористическим методам борьбы с руководством ВКПб. Деятельность террористической организации ГАИМК и обвиняемых «обличается показаниями» ряда лиц, заключенных в это же время в ДПЗ и проходящих по делам о других контрреволюционных группах: А.Г. Пригожина, С.Г. Томсинского, Г.С. Зайделя и Г.К. Папаяна. Отмечалось, что обвиняемые считают показания этих лиц по делу ложными, «но объяснить почему все эти лица дали такие показания они не смогли» (Архив УФСб по СПб и ЛО. П-23819. Т. 7. Л. 34).

В этот же день (19 декабря) состоялось закрытое судебное заседание Военной коллегии Верховного суда РСФСР (рис. 5). На нем был зачитан приговор, в котором подтверждалось, что обвиняемые являлись «активными участниками контрреволюционной троцкистско-зиновьевской организации, осуществившей 1 декабря 1934 г. злодейское убийство т. С.М. Кирова и подготовившей в 1934–1936 гг. при помощи агентов фашистского Гестапо ряд террористических актов против руководителей ВКПб и совет-

²⁵ В следственных материалах опечатка – документ датирован 19 октября, но ввиду того, что в октябре В.С. Адрианов еще не был арестован, следует считать другую дату – 19 декабря.

ского правительства» (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819. Т. 7. Л. 36). Когда подсудимым было предоставлено последнее слово, Ф.В. Кипарисов заявил, что сказать в свое оправдание ему нечего; С.Н. Быковский повторил свои прежние показания; М.Г. Худяков попросил учесть его чистосердечное признание и отнестись к нему снисходительно; В.С. Адрианов заверил, что сделает все для того, чтобы искупить свои преступления. Суд постановил признать всех виновными и приговорил к высшей мере наказания с полной конфискацией имущества. Приговор был приведен в исполнение в день суда (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819. Т. 7. Л. 36). Место погребения остается неизвестным.

В конце 1954 – начале 1955 гг. заявление и материалы о «по- смертной реабилитации» были поданы Б.Б. Пиотровским высшему прокурору Ленинграда, А.А. Богданову (*Пиотровский*, 1995. С. 123). В декабре 1955 г. материалы личных дел, хранящихся в ИИМКАН СССР, были затребованы прокуратурой г. Ленинграда. 27 июня 1957 г. определением Военной коллегии Верховного суда было заявлено, что Ф.В. Кипарисов, С.Н. Быковский, М.Г. Худяков и В.С. Адрианов были привлечены к уголовной ответственности и осуждены необоснованно, «так как в результате дополнительной проверки, проведенной по их делам, вскрыты новые обстоятельства, опровергающие предъявленные им обвинения». Приговор был отменен, а уголовное дело прекращено за отсутствием состава преступления. В выданных родственникам справках о смерти сообщалось, что «Кипарисов Фёдор Васильевич, 1886 года рождения, был осужден Военной коллегией Верховного суда Союза ССР и, отбывая наказание, умер 4 мая 1939 года»; С.Н. Быковский умер 2 февраля 1940 г.; В.С. Адрианов умер 23 января 1939 г., запрос от родственников М.Г. Худякова о дате смерти не поступил (*Султанбеков*, 2002. С. 120)²⁶.

Дело «о террористической организации ГАИМК» было лишь одним из звеньев в цепи судебных процессов о контрреволюционной сети групп Ленинграда. Следствие по «делу ГАИМК» проводилось одновременно с несколькими судебными процессами, связанными с троцкистско-зиновьевскими группами ИАЭ АН СССР и ЛОКА. Формально начало следственного процесса по ГАИМК можно от-

²⁶ По данным родственников Ф.В. Кипарисова в свидетельстве о смерти и справке о реабилитации указаны разные даты, не совпадающие с фактической датой смерти.

нести ко времени ареста А.Г. Пригожина, в июле 1936 г.²⁷. Далее, на протяжении лета-осени 1936 г. были арестованы остальные обвиняемые (8 августа – С.Н. Быковский, 27 августа – Ф.В. Кипарисов, 9 сентября – М.Г. Худяков и 4 ноября – В.С. Адрианов). Аресты, обыски, дознания и иные следственные мероприятия проводились сотрудниками ОГПУ/УНКВД: Л.В. Коганом, Л.Ф. Райхманом, Н.С. Драницыным, В.С. Карповичем, Г.А. Лупекиным, И.В. Федоровым и Н.А. Завиловичем. Необходимо заметить, что при работе с данной группой архивных материалов, крайне важен не только источниковедческий, но и графологический анализ документов. Так, подпись М.Г. Худякова в ознакомлении с протоколом первого допроса, на котором он отказывался признавать выдвигаемые обвинения, очевидно, сделана дрожащей рукой, буквы размашистые, разного размера. В протоколе второго допроса, на котором уже были получены подтверждающие показания, почерк аккуратный, некоторые комментарии по тексту допроса вполне логичны и осмысленны. Совершенно четко прослеживается закономерность в проведении следственных мероприятий по данному делу. На первых допросах все отказывалось признавать выдвигаемые им обвинения в том или ином объеме. Затем, по мере оказываемого давления, следователи получали необходимые для вынесения обвинения показания. Согласно доступным материалам следственного дела, наибольшее количество допросов (27 августа, 29 августа, 22 октября, 28 октября, 3 ноября) пришлось вынести Ф.В. Кипарисову²⁸. Важно отметить, что подавляющее большинство названных им лиц уже было арестовано на момент дачи показаний.

Безусловно, данные материалы нуждаются в более подробном анализе, с привлечением данных из архивно-следственного дела А.Г. Пригожина и показаний третьих лиц для восстановления всех трагичных подробностей в «деле террористической группы ГАИМК».

²⁷ Примечательно, что хотя он был признан руководителем террористической организации ГАИМК, в состав обвиняемых по данному процессу он включен не был. Учитывая, что его следственное дело отсутствует в Архиве Управления ФСБ по Санкт-Петербургу, есть основания считать, что он был переведен в Москву для дачи показаний по другим судебным делам. К высшей мере наказания был приговорен 7 марта, расстрелян 8 марта 1937. Реабилитирован в апреле 1956. См.: Люди и судьбы, 2003.

²⁸ С.Н. Быковский – 8–9 августа, М.Г.Худяков – 11 и 29 сентября, В.С. Адрианов – 9 ноября, 11 декабря.

Литература

- Артизов А.Н., 1994. Судьбы историков школы М.Н. Покровского (середина 1930-х гг.) // ВИ. № 7. С. 34–48.
- Ашин Ф.Д., Аллатов В.М., 1994. «Дело славистов»: 30-е годы. М.: Наследие. 284 с. База данных «Мемориал». [Электронный ресурс] // База данных «Мемориал». Режим доступа: base.memo.ru. Дата обращения 20.04.2019.
- Заболоцкий Н.А., 1995. «Огонь, мерцающий в сосуде...». Стихотворения и поэмы. Переводы. Письма и статьи. Жизнеописание. М.: Педагогика-Пресс. 944 с.
- Кадровый состав. [Электронный ресурс] // Кадровый состав органов государственной безопасности СССР (1935–1939). Режим доступа: nkvd.memo.ru. Дата обращения 27.04.2019.
- Кузьминых С.В., Старостин В.И., 1995. Ленинградские годы в жизненном и творческом пути М.Г. Худякова // Санкт-Петербург и отечественная археология. Историкографические очерки. Труды семинара «Проблемы истории и историографии археологической науки» / Отв. ред. И.Л. Тихонов. Вып. 1. СПб.: СПбГУ. 1995. С. 157–172.
- Люди и судьбы. 2003. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991) / Под ред. Я.В. Василькова, М.Ю. Сорокиной. СПб.: Петербургское востоковедение. 496 с.
- Открытый список. [Электронный ресурс] // Проект «Открытый список». Режим доступа: <https://ru.openlist.wiki/> / справка: Статья_58_УК_РСФСР. Дата обращения 19.04.2019.
- Пиотровский Б.Б., 1995. Страницы моей жизни. СПб.: Наука. 288 с.
- Решетов А.М., 2003. Трагедия личности: Николай Михайлович Маторин. Вып. 2. М.: Восточная литература. 2003. 496 с.
- Султанбеков Б.Ф., 2002. Расстрелян как террорист... (по страницам следственного дела историка Михаила Худякова) // Гасырлар авазы – Эхо веков. № 1/2. С. 107–125.
- Филимонов А.В., 2002. Зыбковец (Атрошенко) Владимир Филатович // Псковский биографический словарь. Псков: Псковский ГПИ. С. 189–190.
- Чернавин В.В., 1999. Записки «вредителя». Побег из ГУЛАГа. СПб.: Канон. 328 с. Электронный архив. [Электронный ресурс] // Электронный архив Научно-исследовательского центра «Фонд Иофе». Режим доступа: arch.iofe.center. Даты обращения 18.04.2019 и 20.04.2019.

К.А. Руденко

**ОРГАНИЗАЦИИ И УЧРЕЖДЕНИЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ
В 1917 – НАЧАЛЕ 1930-х ГОДОВ
В КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ – ТАССР**

Резюме. В статье рассматриваются организации и учреждения в Казанской губернии начала XX в. связанные с археологией: Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете, Церковное историко-археологическое общество Казанской епархии, Северо-Восточный археологический и этнографический институт. Автор проанализировал работу Центрального музея Татарской Республики и других организаций, занимавшихся археологическим краеведением в 1920-х гг. Сделан вывод, что вследствие произошедших в 1917 г. в России перемен старые организации либо прекратили свое существование (Церковное общество), либо постепенно трансформировались, теряя свои основные организационные, структурные и даже целевые функции, все более политизируясь (Общество археологии и этнографии). В конечном итоге они прекращают свое существование как несовместимые с новой идеологией. Вместе с тем, именно в 1920-е гг. начинает реализовываться идея о воспитании собственных археологических кадров на базе Казанского университета и Северо-Восточного археологического и этнографического института, не получившая развития в силу субъективных причин. Не был исполнен и социальный заказ на национальные археологические кадры – археологи из татар в этот период так и не появились. Новый этап развития археологических учреждений в республике был связан с Центральным музеем ТАССР.

Ключевые слова: В.Ф. Смолин, М.Г. Худяков, Н.Ф. Калинин, Центральный музей ТАССР, Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете, Казанский университет, Северо-Восточный археологический и этнографический институт.

События 1917 г., кардинально изменившие исторический путь развития России, сказались на всех сторонах жизни страны. Не избежала этого и российская археология. Чтобы понять суть

изменений, происходивших в археологической науке в Казанской губернии после 1917 г., следует кратко остановиться на достижениях предыдущего этапа ее развития.

Казанская губерния в конце XIX – начале XX в. в археологическом отношении была одной из передовых в Российской империи. Древности, скрывавшиеся в ее земле, были хорошо известны археологическому сообществу. Это и находки из Ананьинского могильника, и многочисленные предметы и клады из руин древнего Болгара и с территории Билярского городища. Публикации о них появлялись в отечественной и зарубежной печати с начала XIX в. Во многом этому способствовал статус Казани как университетского города: в начале XIX в. приезжие немцы-профессора (Х. Френ, К. Фукс, Ф. Эрдман) проявляли значительный интерес к «экзотике Востока» в этом уголке Российской империи и многое сделали для того, чтобы о древностях этого края стало известно в Европе. Собранные ими коллекции монет и артефактов составили первые археологические собрания в губернии. Впоследствии и русская профессура университета (И.Н. Березин, С.В. Ешевский) продолжила это научное начинание. С не меньшим успехом продвижению археологии способствовало и частное коллекционирование, достаточно популярное среди дворян Казанской губернии с середины XIX в. (А.Ф. Лихачёв), а в последней четверти XIX – начале XX в. и среди купеческого, и даже разночинского сословия (В.И. Заусайлов, Н.Ф. Высоцкий, П.А. Пономарёв и др.) (Руденко, 2017). Тем не менее, попытки каким-то образом организационно объединить этих исследователей долгое время не предпринимались.

Созданное в мае 1869 г. Общество естествоиспытателей при Казанском университете археологические изыскания рассматривало только как малую часть своей деятельности, причем в основном в области антропологии (Руденко, 2014. С. 288, 292–297). Только проведение в 1877 г. IV Археологического съезда в Казани изменило ситуацию кардинально. На следующий год было организовано Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете (ОАИЭ) (1878–1931 гг.), которое объединило все краеведные силы не только в Казанской губернии, но и заполнило лакуну в организациях любителей археологии Волго-Уральского региона в целом, если принять во внимание возникновение чуть ранее Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ) (1870–1929 гг.) с центром в г. Екатеринбурге, а несколько позже – Оренбургской ученой архивной комиссии (1887–1918 гг.) (Виноградов, Валиахметова, 2018. С. 27).

Деятельность ОАИЭ продолжалась более 50 лет и значение его в этой области было велико. Однако, вместе с тем, Общество блокировало практически все другие направления археологических изысканий в губернии как в практическом, так и в организационном плане, являясь абсолютным монополистом. Кроме того, широкое представительство в Обществе как любителей, так и профессионалов в области археологии на долгие годы «заморозило» подготовку археологических кадров в Казани и Казанской губернии. ОАИЭ строило свою работу по образу и подобию университетской корпорации, о чем свидетельствуют сохранившиеся документы Общества и переписка его членов (*Порфирьева*, 2012). Это определяло его «кастовый» характер, далекий от демократических начал. ОАИЭ претендовало к тому же на независимость от археологических центров в Петербурге и Москве, стремясь сохранить свои позиции и статус единственного авторитетного научного центра региона.

Образованное в 1906 г. Церковно-археологическое общество Казанской епархии (ЦИАО КЕ, 1906–1918 гг.) (*Руденко*, 2013. С. 67–68, 92–93), серьезных археологических работ не планировало и не проводило, а его название и деятельность соответствовали направлению церковной археологии в России в целом. Впрочем, на его заседаниях нередко заслушивались и достаточно серьезные доклады по археологии, как например, доклад студента В.Ф. Смолина о исследованиях Греческой палаты на Болгарском городище (*Смолин*, 1917. С. 15–16). Многообещающим было открытие в Казани в октябре 1917 г. Северо-Восточного археологического и этнографического института (*Бречкевич*, 1919. С. 81–87), где предполагалось чтение археологических курсов и практические занятия, хотя изначально основным направлением его деятельности было архивоведение.

Однако реальную работу в области полевой археологии вело только ОАИЭ, которое, кроме многочисленных «экскурсий» (разведок), в 1910 г. добилось солидной государственной субсидии на стационарные археологические раскопки на Болгарском городище¹, осуществленные в 1914–1916 гг. Эти исследования обнажили все накопившиеся проблемы казанской археологии: отсутствие профессиональных археологов и любительский уровень практи-

¹ В 1912 г. были получены первые средства в размере 500 руб. Планировалось финансирование ОАИЭ на раскопки по 500 руб. ежегодно в течение четырех лет.

кующих исследователей, старение организационного ядра членов ОАИЭ и начало смены поколений исследователей, кризис музейного хранения артефактов, не сформированность системы археологических изысканий и отчетности. Крайне неохотно брали казанские любители-археологи открытые листы в Императорской археологической комиссии, предпочитая ограничиваться краткими отчетами в «Известиях» ОАИЭ и списками поступавших в музей Общества или в Казанский городской музей коллекций находок.

Вместе с тем, было немало и достижений. С середины XIX и до начала XX в. было проведено обследование центральных уездов Казанской губернии, прежде всего Спасского, собраны сведения о памятниках разных эпох у местных жителей, опубликованные стараниями членов статкомитетов (А.И. Артемьев, И.А. Износков) (*Износков*, 1878; 1880; 1884), на основе чего И.А. Износков в 1890 г. создал первую археологическую карту Казанской губернии (Руденко, 2014. С. 64–65, 742. Табл. 6). Перед началом Первой мировой войны и вплоть до событий 1917 г. эту работу продолжал И.М. Покровский (*Троепольская О., Троепольская Н., Руденко*, 2015. С. 240–261).

С 1880-х и до 1910-х гг. активно собирались сведения по памятникам эпохи камня и бронзы. В коллекциях А.Ф. Лихачёва и В.И. Заусайлова были представлены материалы по этим эпохам, преимущественно из окрестностей Казани (Руденко, 2017. С. 99, 124–125); А.А. Штукенберг и Н.Ф. Высоцкий впервые систематизировали каменный инвентарь и керамику неолита-бронзы с некоторых стоянок близ Казани. Активно изучались древности позднего бронзового и раннего железного веков, как погребальные памятники, так и «костеносные городища» (П.А. Пономарёв); особенное внимание уделялось материалам Ананьинского могильника, в обсуждении проблем датировки и культурной принадлежности которого приняли участие финские ученые И.Р. Аспелин и А.М. Тальгрэн.

К открытию IV Археологического съезда в Казани вышла в свет капитальная монография С.М. Шпилевского по средневековым памятникам губернии, где были собраны не только археологические данные, но и проанализированы письменные сведения как из русских источников, так и из доступных тогда сочинений восточных авторов (*Шпилевский*, 1877). В 1880–1890-х гг. П.А. Пономарёв определил местоположение крупнейших болгарских городов, известных по сообщениям русских летописей, доказал связь их с кон-

кретными археологическими памятниками, провел значительные работы на городищах раннего железного века.

Казанская археология встретила 1917 г. с солидным научным багажом: великолепными археологическими коллекциями, сосредоточенными в городском публичном музее и ведомственном музее ОАИЭ; первым опытом систематических стационарных полевых исследований, детальным разведочным обследованием центральных уездов губернии и составленной по этим данным археологической картой, и, конечно же, радужными перспективами. В 1922 г. планировались торжества по случаю 1000-летия принятия ислама волжскими булгарами, и было решено предварить их археологическими изысканиями в Болгаре и Биляре. Разработка этих планов велась под руководством Б.Ф. Адлера (*Зорин*, 2001. С. 17). Расширялась и география полевых работ: помимо Волго-Вятского региона, студенты университета (С.А. Теплоухов) в 1914–1915 гг. проводили разведочные изыскания на Урале и Западной Сибири, в том числе и на ставшем знаменитом Шигирском торфянике (*Китова*, 2007. С. 180–181; *Зорин*, 2001. С. 25).

Правда, теоретических и концептуальных прорывов в начале XX в. археологическому сообществу в Казанской губернии достичь не удалось. Молодые специалисты, знакомившиеся с археологией, тяготели к новым идеям петербургских археологов, старшее поколение предпочитало прислушиваться к мнению авторитетов: А.А. Сплицына и В.А. Городцова (*Платонова*, 2010. С. 102–104; 203–204). Позиции последнего затем стали превалировать в научных поисках археологов Самары, куда уехала летом 1919 г. ученица В.А. Городцова В.В. Гольмстен (*Кузьминых, Сафонов, Сташенков*, 2007), а чуть позже – и в Казани, в публикациях Н.Ф. Калинина. Попытки осмыслить древность Казанского края в историческом и культурном отношении, написать историю быта, как это делалось в области русских древностей (*Платонова*, 2010. С. 78–85), не предпринимались.

Революции 1917 г. первоначально особенных перемен в планы немногочисленных казанских археологов не привнесли².

² Изучение истории археологии Казанского края 1917–1920-х гг. сталкивается с проблемами источников. Если события конца XIX – начала XX в., документированы многочисленными материалами от писем и воспоминаний до отчетных и даже финансовых документов, то последующие два десятилетия являют достаточно печальную картину. Многие документы погибли или были уничтожены во

Руководство ОАИЭ, заняло выжидательную позицию, рассчитывая, что «смута» Октябрьской революции быстро пройдет, и все вернется к спокойному дореволюционному времени. В неразберихе военного мятежа белочехов и последующих событий Гражданской войны прекратило существование ЦИАО КЕ, хотя казанское православное духовенство и профессора из Духовной академии удерживали свои позиции в большинстве краеведческих учреждений в столице губернии и даже в Совете ОАИЭ при Казанском университете, после возвращения большевиков отстояв (при активной поддержке казанцев) до 1922 г. действующую Духовную академию.

В первые годы после революции стремительно выходило на научную стезю новое поколение археологов, студентов историко-филологического факультета Казанского университета, получивших опыт на раскопках в Болгарах в 1914–1916 гг.: Б.Е. Крелленберг, М.Г. Худяков и В.Ф. Смолин (*Кузьминых, Михайлов, Савенко, Старостин*, 2003. С. 36). Их восхождение было подобно взрыву: один за другим в голодные 1919–1922 гг. уходили авторитеты старшего поколения: П.А. Пономарёв (1919), Н.Ф. Катанов (1922) и многие другие, а молодежь занимала освободившееся место.

Начиная с 1918 г. заметную роль в археологической жизни Татарской Республики³ стал играть Северо-Восточный археологический и этнографический институт (СВАЭИ), где известными специалистами-археологами читались археологические курсы (*Кузьминых, Смирнов*, 2015. С. 214–240)⁴. Полный энтузиазма археолог-любитель и коллекционер, профессор университета и старейший член ОАИЭ Н.Ф. Высоцкий в 1918–1919 гг., несмотря

время переездов и арестов их владельцев, учреждения переживали организационные реформы, при этом нередко документы не архивировались и не хранились и т.д. Поэтому при обращении к этому периоду приходится опираться, в основном, на те материалы, которые сохранились в личных архивах (*Порфирьева*, 2012), отдельных делах НА РТ (*Шарангина*, 2004) и ОРРК НБ ПФУ, статьях периодической печати и малотиражных изданий, выпускавшихся различными краеведческими обществами и районными музеями в 1920–1930-х гг. (*Руденко*, 2018). Тем не менее, общая ситуация, сложившаяся в Казанской губернии после 1917 г., вырисовывается достаточно ясно.

³ До 1920 г. она называлась по-старому – Казанской губернией; с 27 мая 1920 г. – Автономной ТССР (АТССР) или Татреспубликой; с 1937 г. – ТАССР. Это название сохранялось до 30 августа 1990 г., когда она получила статус союзной республики – ТССР, а после распада СССР, в 1993 г., после провозглашения суверенитета, стала Республикой Татарстан.

⁴ В Казанском университете преподавания археологии не было.

на солидный возраст, неумоимо водил студентов СВАЭИ на археологические экскурсии в окрестностях Казани, делаясь своим опытом. Для посещения он выбирал в основном любимые им стоянки эпохи неолита-бронзы, в первую очередь у с. Займище, изучению которых он отдал много лет.

Археологические экскурсии со студентами-кружковцами в это же время, практиковал в университете и профессор Б.Ф. Адлер (Руденко, 2014. С. 400). Он хоть и не имел археологических навыков, но компенсировал это увлеченностью археологическими поисками и умением вдохновить и «вести» за собой молодежь. Экскурсии он проводил на знакомых ему от Н.Ф. Высоцкого стоянках близ Казани. Эту традицию в университете продолжил в 1921 г. В.Ф. Смолин, где он вел археологические занятия⁵.

На волне революционного энтузиазма появилась надежда, что в Казани наступает «археологическая эра», которая поднимется на плечах студентов, постигавших азы этой науки в Казанском университете и СВАЭИ, где читали курсы по археологии магистры ученые, специалисты в этой области, и молодые педагоги: сначала М.Г. Худяков, а затем В.Ф. Смолин⁶. Реализовать эту идею уже после Великой Отечественной войны в 1946–1951 гг. смог только Н.Ф. Калинин, преподававший в те годы в университете и создавший здесь студенческий археологический кружок (Руденко, 2014. С. 402).

Руководство ОАИЭ в этот период было занято поисками финансирования, ультимативно требовало от советской власти поддержку своей деятельности⁷, продолжая позиционировать себя

⁵ Участие в кружках до 1925 г. для студентов Казанского университета было обязательным (Бехтерева, 2004. С. 261). Б.Ф. Адлер руководил кружком любителей природы с секцией археологии. Правда, позже суть работы кружков несколько изменилась, поскольку новый контингент студентов был менее подготовлен к учебе. Поэтому в рамках рабфака создавались «малые группы» при кафедрах, выполнявшие функцию дополнительно внеаудиторного образования. С 1922 г. по специальному Декрету СНК была установлена летняя студенческая практика, в том числе и археологическая. Выбор практики, очевидно, был в какой-то мере связан и с работой кружков. См.: Бехтерева, 2004.

⁶ Интересно, что Займищенские стоянки оказались своеобразным «полигоном» для археологических практикумов и в Восточном педагогическом институте, «наследнике» СВАЭИ, где в 1924–1925 гг. для выпускников отдела востоковедения, в числе которых были будущие археологи Л.И. Вараксина и В.В. Орехова (Смолин, 1926. С. 75), проводил занятия В.Ф. Смолин.

⁷ Финансирование ОАИЭ при советской власти осуществлялось Татнаркомпросом. В 1918–1921 гг. вопрос финансирования привел к серьезному

как единственного лидера в археологии Казанской губернии. При этом в первые годы после революции Обществу удалось не только сохранить кадровый потенциал⁸, но и привлечь новых молодых членов – Н.Ф. Калинина, Е.И. Чернышева, В.В. Егерева. Более того, общее количество членов Общества в 1919 г. достигло 215 человек, превысив их число в дореволюционные годы. В начале 1920-х гг. состав Общества стал более демократичным – существенно увеличилось представительство национальной интеллигенции (не за горами была и советская политика «коренизации», направленная на замещение русскоязычных ученых, педагогов и служащих на представителей «коренной» национальности⁹) (Руденко, 2014. С. 353).

В 1919–1921 гг., несмотря на тяжелое материальное положение и начавшийся голод, ОАИЭ продолжало свою работу, в том числе и археологическую. Это произошло, в первую очередь, благодаря председательству в Обществе профессора Н.Ф. Катанова, избранного председателем ОАИЭ в 1919 г., а затем – К.В. Харламповича¹⁰, занявшего этот пост в 1922 г.¹¹ после смерти Н.Ф. Катанова. Позиция председателя ОАИЭ по многим вопросам, касавшимся археологии, была весьма принципиальной.

конфликту. В «Известиях» ОАИЭ, вышедших в 1923 г., были опубликованы данные о рекомендации со стороны партийных органов Татарской Республики о прекращении финансирования научных изданий. Новая власть расценила происшедшее как «контрреволюцию» (Сидорова, 2004. С. 383).

⁸ Не обходилось и без эксцессов. Так, осенью 1918 г., после освобождения Казани от белочехов, член Совета ОАИЭ К.В. Харлампович был условно приговорен к расстрелу за сотрудничество с белогвардейцами. С 1 января 1919 г. его лишили возможности преподавать в университете. Однако большевики не препятствовали его активному участию в различных общественных организациях, например, он состоял в Музейной комиссии при Академическом центре Татаркомпроса (Теплова, 2016. С. 227).

⁹ Нередко проводниками этой политики были представители русской интеллигенции. Например, профессор Казанского университета Н.Н. Фирсов был инициатором создания в 1923 г. Тюркско-татарского рабфака в Казани при Восточной академии. До этого он писал в казанской партийной прессе о необходимости подготовительных курсов для татар, в которых «нацкадры» проходили бы подготовку для поступления в вуз (Ермолаев, Литвин, 1976. С. 70–71).

¹⁰ Скорее всего, именно К.В. Харлампович, бывший членом ЦИАО КЕ и профессором Казанской Духовной академии, в 1918 г. сохранил от уничтожения революционными солдатами часть его архива (Руденко, 2013. С. 94).

¹¹ К.В. Харлампович был отстранен от Председательства в ОАИЭ в 1924 г., когда он был арестован и находился под следствием (Сидорова, 2004. С. 383).

Показателен такой случай: весной 1919 г., в разгар Гражданской войны¹², экспедиция Самарского государственного университета (Самарского археологического общества – САО) и Самарского губернского музея под руководством А.С. Башкирова при участии инженера П.Н. Ефимова и историка П.А. Преображенского провела археологические исследования на Болгарском городище. Работы велись в районе Малого минарета, в Чёрной палате и на валах городских укреплений; кроме того, была сделана инструментальная съёмка памятника (Смирнов А.П., 1951. С. 168). Летом этого же года А.С. Башкиров выступил в Совете ОАИЭ по итогам проведенных работ и услышал крайне негативную оценку этим действиям. Суть претензий заключалась не в научной стороне исследований, а в том, что изыскания проводились без согласования с ОАИЭ. Эту позицию поддержал Отдел по делам музеев и охране памятников искусства, старины и природы при Академцентре Наркомпроса, в результате чего были запрещены какие-либо несанкционированные ОАИЭ экспедиционные работы на городище (Фаттахова, Валеев, 2002. С. 78–79). До конца 1930-х гг. основными направлениями деятельности на этом памятнике стали архитектурные обмеры, фотофиксация, а также ремонтные работы на архитектурных памятниках (Корнилов, 1929).

Главный удар по ОАИЭ в начале 1920-х гг. был неожиданным. Советская власть начала методично разрушать корпоративные внутриуниверситетские структуры (к числу которых, безусловно, относилось и Общество), не без основания видя в них противников (Смирнов А.С., 2011. С. 123) и обращая особенное внимание на гуманитарные факультеты, где тлели угли идеологического «сопротивления»¹³ (Рожков, 2014. С. 203–204). Как следствие этого, 1 июня 1921 г. был упразднен историко-филологический факультет университета и образован факультет общественных наук (ФОН), на котором при обилии политизированных исторических и политэкономических курсов предполагалось создание кафедры археологии и музееведения (Рожков, 2014. С. 269). 11 марта 1922 г.

¹² Удивительно, но в организации и снабжении экспедиции большую помощь оказал Реввоенсовет Восточного фронта Советской России под командованием В.В. Куйбышева (Башкиров, 1928. С. 7).

¹³ В начале 1922 г. в Казанском университете произошла так называемая «профессорская забастовка» против нового положения об управлении вузами (Сидорова, 2004. С. 382).

был издан приказ об учреждении на базе ФОНа археологического кабинета, и началось его формирование, но постановлением Государственного ученого совета при Наркомпросе РСФСР 26 мая 1922 г. были ликвидированы ФОНЫ и, соответственно, все их структуры (Сидорова, 2012. С. 115).

В эти годы произошло и размежевание преподавателей Казанского университета по линии лояльности и поддержки советской власти. Проповедником новых взглядов в ОАИЭ из молодых ученых стал М.Г. Худяков, который в своих публикациях 1922–1923 гг., в основном исторического плана, истово обратился к новым идеологическим штампам и «классовым» интерпретациям прошедших времен. Не избежал этого «веяния времени» и В.Ф. Смолин, на одном из выступлений в Чебоксарах в 1921 г. сделавший доклад «Благословение русского правительства XVII–XVIII вв. на порчу археологических материалов Камско-Волжской Болгарии» (Михайлов, Кузьминых, 2003. С. 16).

Начало 1920-х гг. ознаменовалось серьезным кризисом в археологическом сообществе в Казани. В науку решительно вмешалась политика. Началось все с того, что в 1922 г. К.В. Харлампович, ставший Председателем ОАИЭ, и еще несколько членов Совета Общества¹⁴ забаллотировали выборы в Совет ОАИЭ сторонников советской власти, в том числе почетного члена общества профессора Н.Н. Фирсова (Ермолаев, Литвин, 1976. С. 71) и М.Г. Худякова¹⁵. Последний оказался отстраненным от дел. Скромная роль заведующего отделом в Центральном музее его не устраивала. Работа в Музейном отделе Наркомпроса ТАССР, а также учеными секретарями различных краеведческих обществ была не престижной и, самое главное, малоденежной. Совмещали такие должности¹⁶ практически все, кто имел отношения к гуманитарному знанию в Казани, но Михаилу Георгиевичу этого было недостаточно...

¹⁴ Виновным в этом объявили профессора И.А. Стратонова, которого сочли лидером антисоветского крыла профессуры Казанского университета и в том же году выслали из России (Сидорова, 2004. С. 382).

¹⁵ Очевидно, сказалось и отсутствие в Казани его покровителя – Б.Ф. Адлера, уехавшего в этом году в заграничную командировку. Узнав об арестах в ОАИЭ, в 1924 г. Б.Ф. Адлер в Казань не вернулся, устроившись на работу в Москве.

¹⁶ Зарплата у преподавателей даже столичных вузов в 1924 г. была сопоставима с доходом школьного сторожа. Даже после повышения в 1926 г. профессорская зарплата составляла 18% от того, что получал профессор до революции (Рожков, 2014. С. 204).

Эта ситуация усугубилась и личным конфликтом двух молодых ученых-археологов – М.Г. Худякова и В.Ф. Смолина. Случилось так, что после отхода из Казани Белых войск осенью 1918 г. туда из Малмыжа¹⁷ приехал М.Г. Худяков, которого его покровитель Б.Ф. Адлер, являясь в тот момент председателем ОАИЭ, активно продвигал на ключевые позиции в Обществе (библиотекарь Общества в 1918–1919 гг., член Совета в 1919–1921 гг.) и, затем, в начале 1920-х гг., в городском музее (заведующий археологическим отделом), где он сам был директором (с 1919 г.).

Полевые археологические изыскания М.Г. не привлекали, и после смерти своего учителя П.А. Пономарёва он их практически прекратил, сосредоточившись на поисках заработка, поскольку условия жизни в первые послереволюционные годы, для него, как и для многих других, были весьма тяжелые. Тем не менее, он писал статьи, публикуя в числе прочих материалы учителя или хранившиеся в музее находки из раскопок Болгарского городища в 1914 г., в которых он принимал участие (Худяков, 1919а. С. 117–120). Также Худяков стремился «захватить» те темы, которые были привлекательны и сулили научные дивиденды, а также возможность снискать уважение именитых коллег, таких, например, как финский археолог А.М. Тальгрэн, с которым он был знаком с 1915 г. (Гришкина, Кузьминых, 2008. С. 9). Выбор тут был прост: древности ананьинской культуры (Худяков, 1923. С. 72–126), очень интересовавшие финских ученых, которыми много занимался его учитель П.А. Пономарёв. Благо потенциальный соперник – В.Ф. Смолин – покинул Казань, как и многие университетские преподаватели, вслед за Белой армией (Кузьминых, Михайлов, Савенко, Старостин, 2003. С. 36–38) и не мог ему помешать.

Правда, М.Г. никак не ожидал, что в 1921 г. В.Ф. Смолин вернется и разрушит созданное им пространство единственного авторитетного специалиста в местной археологии. Очевидно, сказывалась и атмосфера тех лет, желание кардинально пересмотреть основы жизни и науки, сломать традиционный мир корпоративного существования и «отсталого», «реакционного» мышления, что особенно ярко проявлялось в руководстве ОАИЭ, как это, вероятно, представлялось М.Г. Худякову. Но больше всего М.Г. не давала покоя личная обида.

¹⁷ Там, на своей родине, он оказался после демобилизации из армии в апреле 1918 г. (Гришкина, Кузьминых, 2008. С. 7–8).

В отличие от Худякова, который, проведя почти два года по военной мобилизации в сборах и на фронте (с весны 1916 до весны 1918 г.), не успел полноценно завершить учебу из-за отъезда многих преподавателей и прифронтовой обстановки, связанной с боевыми действиями на территории Казанской губернии (*Кузьминых*, 2004. С. 30), освобожденный от призыва в армию по состоянию здоровья Смолин в 1918 г. сдал все экзамены по всем правилам, принятым в российских императорских университетах, и был оставлен для подготовки на должность профессора¹⁸. Но на момент возвращения Худякова в Казань Смолин уезжает в Томск, где, кроме преподавательской работы, активно практикуется в полевых археологических занятиях и добивается в этой области значительных успехов (*Китова*, 2007. С. 39–42). Занимался Виктор Фёдорович в Сибири и проблемой охраны археологических памятников (*Смолин*, 1919. С. 97–99; *Гребнева, Галанова*, 2012. С. 10–11), что нашло применение и в его дальнейшей работе в Казани. Поддержал В.Ф. Смолина по возвращении в Казань в 1921 г. и финский археолог А.М. Тальгрэн, с которым у М.Г. так же сложились дружеские отношения. Последний факт еще больше обострил конфликт.

В.Ф. Смолин, только вернувшись в Казань, уже летом 1921 г. возобновил полевые археологические работы, запросил открытый лист на проведение исследований в Чувашской области и совершил разведочную «экскурсию», которая оказалась очень результативной. Были открыты курганы у с. Абашево, изучение которых впоследствии имело большое научное значение в археологии эпохи бронзы Среднего Поволжья (*Михайлов, Кузьминых*, 2003. С. 14–15). Отчитавшись о своей поездке в ОАИЭ, В.Ф. Смолин продолжил развивать «курганную» археологическую тему в регионе, которая была во многом традиционной для казанской археологии конца XIX в.¹⁹ Однако по причинам, о которых пойдет речь ниже, вплотную к реализации этой программы ему удалось приступить только в 1925 г.

Провал на выборах в ОАИЭ в 1922 г. нанес по самолюбию М.Г. Худякова сильнейший удар: он, член Совета ОАИЭ, оказался отвергнутым его руководством – университетской профессурой,

¹⁸ Эту должность он получил по возвращении в Казань, поддержанный до-революционной профессурой

¹⁹ Этот сюжет, очевидно, был навеян раскопками А.С. Уварова курганных древностей в Центральной России.

восторженно принявший В.Ф. Смолина²⁰. Фактически, он оказался отстраненным и от отмечавшегося в этом году 1000-летнего юбилея принятия ислама волжскими булгарами, который готовился при участии его покровителя Б.Ф. Адлера²¹ (Зорин, 2001. С. 17). Причем перед юбилеем он опубликовал несколько работ на эту тему (Худяков, 1922), вступив в своеобразное соревнование со Смолиным (Руденко, 2014. С. 457–458). В 1923 г. М.Г. активно работает в Научном обществе татароведения, пытаясь там утвердить свое археологическое лидерство, выступая с докладами и предлагая различные программы по археологии (Фаттахова, Валеев, 2002. С. 62–63). Тематика его выступлений и ряда публикаций²² была до такой степени в «национальном» духе, что вызывала вопросы даже у самых либеральных членов НОТ, а в ОАИЭ подверглась серьезной и конструктивной критике (Порфирьева, 2004. С. 341–347).

Жгучая ненависть М.Г. к бывшим кумирам вылилась в довольно банальный донос²³ во время следствия, когда в 1923 г., после скандальной публикации в «Известиях» ОАИЭ деятельностью Общества заинтересовалось ОГПУ²⁴ (Сидорова, 2003. С. 72). В сентябре 1924 г. начались следственные действия, и председа-

²⁰ В многочисленных краеведных организациях, где, как правило, участвовали одни и те же люди, среди которых были В.Ф. Смолин и М.Г. Худяков, с 1922 г. они не работают вместе, да и в 1921 г. они только год одновременно преподавали в СВАЭИ.

²¹ М.Г. Худяков вместе с П.А. Пономарёвым в 1915–1916 гг. активно принимал участие в подготовительных работах (тогда М.Г. был неопытным студентом).

²² За одну из таких работ «Очерки по истории Казанского ханства» М.Г. Худяков получил от Татнаркомпроса премию в 20 000 руб. (Шарангина, 2004. С. 407).

²³ Этим дело не кончилось: в начале 1930-х гг., уже уехав из Казани и обосновавшись в Ленинграде, М.Г. Худяков по заказу руководства ГАИМК пишет книгу «Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов» (1933), где в чрезвычайно негативном виде выставляет практически всех представителей казанской археологии как пособников буржуазии и реакционеров (Руденко, 2014. С. 463–464). Есть основания считать, что в основе этой книги был конспект лекций, которые М.Г. читал в СВАЭИ. На какой стадии появились эти несправедливые оценки и характеристики трудно сказать, но, если это случилось еще в Казани, то позитивного отношения у студентов к предшественникам они явно вызвать не могли.

²⁴ В середине 1924 г. в советских вузах началась волна чисток, вызванных «оппозиционными» настроениями среди студенчества и части преподавателей (Рожков, 2014. С. 225). Интерес ОГПУ к университетской жизни и ее общественным организациям был не случаен.

тель ОАИЭ К.В. Харлампович, члены Совета и активисты Общества (И.И. Сатрапинский, С.П. Шестаков, В.Ф. Смолин, С.И. Порфирьев, Н.В. Никольский, И.М. Покровский) были арестованы. По решению суда наиболее деятельных «контрреволюционеров» выслали из Казани (Теплова, 2016. С. 228). Сам М.Г. Худяков, избежав суда, оказался в фактической изоляции у коллег после такого предательства. Он воспользовался своими знакомствами в Ленинграде и уже в конце января следующего, 1925 г., покинул Казань, что было принято здесь с немалым облегчением (Кузьминых, 2004. С. 41).

В октябре 1924 г. были проведены перевыборы в состав Совета ОАИЭ, в который вошли новые люди, лояльные к большевикам. Однако вывести всех членов старого состава Совета было невозможно, чтобы не парализовать его работу. Поэтому новый председатель профессор Н.Н. Фирсов, отстоял кандидатуру В.Ф. Смолина, назначив его казначеем ОАИЭ. С ноября 1925 г. по инициативе Г.С. Губайдуллина заседания ОАИЭ стали проводиться совместно с Научным обществом татароведения²⁵ (см. ниже), что практиковалось до 1929 г. Так реализовывалась идея большевистских партийных функционеров о размывании «профессорского» ядра ОАИЭ и постепенном поглощении его советскими краеведческими организациями (Сидорова, 2004. С. 387–388).

На фоне явного ослабления позиций ОАИЭ, где все больше стала приветствоваться историческая тематика и сюжеты по современности, археология отступает на дальний план. Набирает силу краеведческое движение, в ТАССР имевшее национальную специфику. Не случайно популярными и востребованными становятся публикации по истории края с новыми акцентами, например, книги профессоров Н.Н. Фирсова (1920) и В.Ф. Смолина (1921). Стоит сказать, что археологов из татар до 1917 г. не было. Краткие заметки по археологии писал в «Известиях» ОАИЭ татарский просветитель Г. Ахмеров (Ахмеров, 1894. С. 179–182), кстати, один из немногих членов ОАИЭ. Другие известные татарские историки и просветители этой наукой до революции не интересовались (Руденко, 2014. С. 437–438). Однако в начале 1920-х гг. в состав ОАИЭ были приняты известные татарские политические и общественные деятели: А.С. Аитов, С.П. Вахидов, С.Х. Габяши, Г.С. Губайдуллин, Г.Г. Ибрагимов, М.Ф. Муртазин и др.

²⁵ Г.С. Губайдуллин был членом обоих обществ.

Наступление на «краеведческом фронте» было организовано советской властью еще в апреле 1921 г., когда был создан Академический центр Наркомпроса ТАССР²⁶, задуманный для развития национальной татарской культуры и осуществлявший координацию молодых краеведных сил. Налаживались и связи с возникшими татарскими центрами в других областях, например, с Саратовской комиссией по изучению татарской культуры, которая курировала татароведение на Нижней Волге. Причем Наркомпрос ТАССР в 1922 г. даже выделил средства для проведения археологической экспедиции саратовского археолога Ф.В. Баллода на раскопки «татарских» городищ у сел Селитренное и Царёво (остатков столиц Золотой Орды – Старого и Нового Сараев), а затем оплатил издание результатов раскопок²⁷ (Баллод, 1923. С. 13).

В 1923 г. было образовано Научное общество татароведения (НОТ) на базе Восточной академии, причем деятельное участие в этом принял известный археолог И.Н. Бороздин. НОТ по структуре весьма напоминало ОАИЭ, причем и основные действующие лица там были те же (Руденко, 2014. С. 363). Впрочем, своего рода упрощенной калькой с ОАИЭ в той или иной степени были и другие возникавшие общества. НОТ взяло на себя в основном археографические исследования, хотя в 1924–1925 гг. планировались и археологические работы, но отсутствие финансирования не позволило их осуществить.

Стоит сказать, что археологические изыскания на территории республики в первой половине 1920-х гг. нередко осуществляли любители-краеведы. Так, в Чистопольском кантоне археологические обследования проводил сотрудник краеведческого музея А.К. Булич. Благодаря его стараниям были обследованы памятники у сел Старое Ромашкино и Сосновый Ключ, проведено предварительное датирование собранного материала (Булич, 1926. С. 77–79).

В 1922–1925 гг. бесспорным лидером казанской археологии был В.Ф. Смолин, о чем свидетельствуют его обобщающие публикации по археологии Казанского края (Смолин, 1925в. С. 5–70). Он пережил все перипетии слома дореволюционной системы

²⁶ У него был предшественник: Научный отдел Наркомпроса ТАССР, образованный в 1920 г., в составе которого имелся подотдел археологических и этнографических наук, возглавлявшийся М.Г. Худяковым. В целом, в этой структуре практически не было татар (Фаттахова, Валеев, 2002. С. 13–14).

²⁷ Часть материала из раскопок поступила в Центральный музей Татарской Республики.

образования и науки и на высоком уровне продолжил археологическую традицию в Казани. Свою деятельность он развернул в Северо-Восточном археологическом и этнографическом институте (СВАЭИ), где до 1922 г. неформально «правил» Б.Ф. Адлер. После преобразования СВАЭИ в 1920 г. в Восточную академию В.Ф. Смолин стал преподавать в ней археологию. В 1921 г. он был представлен на должность профессора старейшими членами ОАИЭ Н.Ф. Катановым и С.П. Шестаковым, заняв ее вместо М.Г. Худякова²⁸ (*Кузьминых*, 2004. С. 37). Должность эту он сохранил и после преобразования Академии в 1922 г. в Восточный педагогический институт (ВПИ) (*Кузьминых, Михайлов, Савенко, Старостин*, 2003. С. 40), в котором М. Г. Худяков уже не преподавал. Среди учеников В.Ф. Смолина были первые в казанской археологической науке девушки-археологи²⁹: З.А. Акчурина³⁰, Л.И. Вараксина, В.В. Орехова, принимавшие активное участие в полевых работах под руководством профессора³¹.

Широкий кругозор, знание конкретных памятников и музейных коллекций, позволили В.Ф. Смолину в первой половине 1920-х гг. составить археологическую карту Татарской Республики, в которой памятники «привязывались» к речным системам³². Небольшие разведки он провел в 1924 г. В этом же году он изучает найденный крестьянином Палатниковым у г. Чистополя денежно-вещевой клад второй половины – конца XIV в. (Джукетаусский клад)³³ и публикует в следующем году статью о нем (*Смолин*, 1925а. С. 16–28).

Для В.Ф. Смолина 1925 г. ознаменовался организацией ряда интереснейших раскопок. Первые из них, состоявшиеся 22–26 июня у с. Балымери в ТАССР, финансировались Совнаркомом ТАССР,

²⁸ Это обстоятельство М.Г. Худяков им не простил, обоглав и того и другого, в своей книге 1933 г. представив их в крайне негативном свете (*Руденко*, 2014. С. 463–464).

²⁹ После Гражданской войны, как и после Великой Отечественной в 1945 г., число девушек-студенток существенно превышало количество студентов-мужчин.

³⁰ Зулейха Асфандияровна Акчурина, родом из татарских купцов-предпринимателей Акчуриных, была первой женщиной-археологом из татарок в ТАССР.

³¹ В.Ф. Смолин смог настолько вдохновить археологией своих учениц, что они в той или иной степени продолжили свои занятия наукой в дальнейшем: З.А. Акчурина – в послевоенные годы с А.П. Смирновым на раскопках на Болгарском городище, Л.И. Вараксина – в 1930-х гг. с Н.Ф. Калининым в Центральном музее в Казани.

³² Этим же принципом руководствовались казанские археологи при составлении археологических карт во второй половине XX в.

³³ В 1929 г. поступил в ЦМТР (*Калинин*, 1930. С. 29).

по ходатайству Академического центра Наркомпроса республики. Вторые (10–27 июля 1925 г. в с. Абашево ЧувАССР) были финансово поддержаны ЦИК ЧувАССР. Профессор выезжал на раскопки со своими студентами-археологами Л.И. Вараксиной, В.М. Хвостовым, З.А. Акчуриной, Р.Ш. Тагировым, А.Г. Яковлевым, З.Б. Надеевой (*Михайлов, Кузьминых*, 2003. С. 23–24). Интересно, что первый памятник – городище именьковской культуры под названием Шелом, В.Ф. Смолин, изначально рассматривал как курган, на который действительно был похож огромный вал городища. Правда, после анализа материала и проведенных раскопок он достаточно верно определил категорию и дату памятника: городище VII–XIV вв. (*Смолин*, 1925. С. 116–118, 125). Он исследовал часть площадки городища (при этом были выявлены следы деревянных конструкций в виде клетей), а также ряд различных объектов, один из которых он интерпретировал как «жертвенный очаг». Он считал, что «сооружение камней с прикрытием его жерновом должно было иметь особое значение какого-то очага, имевшего, может, и культовое значение»³⁴ (*Смолин*, 1925. С. 123).

Заинтересовал его в этот период и вопрос о «подземной» Казани (легендарных подземных ходах, которые, якобы имелись в историческом центре города), активно обсуждавшийся казанскими краеведами до революции. Ему он посвящает небольшую заметку в газете «Красная Татария» (*Смолин*, 1925б).

В 1925 г. было образовано Татарское бюро краеведения (ТБК), заместителем председателя которого был выбран В.Ф. Смолин. Оно должно было курировать экскурсионную и музейную работу в районах (тогда называвшихся кантонами) республики. Отсутствие финансирования привело к тому, что уже на следующий год из работающих сотрудников Бюро остался только сам В.Ф. Смолин. В 1928 г., в связи с образованием еще одного Общества (Общества изучения Татарстана – ОИТ), ТБК было ликвидировано. Ценным в деятельности ТБК было, пожалуй, издание различных методических брошюр и рекомендаций, а также серии изданий «Материалы по изучению Татарстана», хотя в области археологии оно никак не отметилось. Также пропагандистскими по своей сути были ОИТ (1928–1930 гг.) и Дом татарской культуры (ДТК) (1927–1930 гг.), деятельность которых должна была содействовать социалисти-

³⁴ Эта версия В.Ф. Смолина, стала основой для интерпретации этого памятника в 1950-х гг. как святилища.

ческому строительству, привлекая к этому различные добровольные общественные объединения (Абдрашитова, 1975. С. 63–72). Каждое из этих обществ имело свой печатный орган, хотя отбор и публикация материалов, в том числе и археологических, там были достаточно избирательны³⁵. ДТК к 1930 г. поглотил НОТ, ОИТ, а также такие учреждения, как Общество татарских советских писателей, Татарское педагогическое общество, многие библиотеки, студенческие научные кружки и проч. (Руденко, 2014. С. 365). В изданиях этих обществ хоть и не часто, но публиковались статьи по археологии (Абдрашитова, 2006. С. 37–56; Руденко, 2018. С. 325–330).

Финансирование археологических работ в краеведческих организациях 1926–1927 гг. было скудным. Большая часть исследований, особенно на средневековых археологических памятниках, ограничивалась осмотрами, а на Болгарском городище – еще и обмерами архитектурных сооружений и их фотографированием³⁶ (Корнилов, 1929. С. 15). Испытывая недостаток средств на археологические полевые исследования, В. Ф. Смолин находит выход в участии в больших экспедициях, финансировавшихся из разных источников. Так, в 1926 г. его отряд работает в Чувашии в составе полеэтнологического отряда Средневожской экспедиции под руководством П.П. Ефименко, которая исследовала, в том числе, и абашевские древности на территории Чувашии (Смолин, 1927. С. 15–32; Кузьминых, Михайлов, Савенко, Старостин, 2003. С. 42).

Археологические работы в конце 1920-х гг. в ТАССР в рамках «национальных проектов» были сосредоточены в основном на памятниках болгаро-татарской культуры и проводились совместными усилиями нескольких обществ. Так, в 1928–1929 гг. средне-

³⁵ В «Осведомительный бюллетень» ОИТ принимались материалы как казанских, так и иногородних археологов. Так, в 1929 г. М.Г. Худяков, живший уже в Ленинграде, направил в ОИТ статью об археологических исследованиях Иски-Казани и окрестностей с. Красный Бор, но этот материал не был опубликован. Также остался без внимания и материал, присланный А.С. Башкировым под названием: «Краткие отчетные сведения об археологических исследованиях летом 1929 г. на территории Татарской С.С. Республики, произведенных на средства ТССР и Института народов Востока (Московского)» (Зулкарнеев, 2014. С. 60).

³⁶ Археологическая деятельность на Болгарском городище в 1919–1929 гг. свелась к многочисленным проектам, большая часть которых так и не была реализована из отсутствия финансирования. Удавалось только проводить историко-архитектурные обследования болгарских развалин и поддерживать в меру сил музей в Болгарах, выживавший по сути благодаря бескорыстному энтузиазму местного учителя истории В.М. Королёва.

вековые памятники в Татарии изучала объединенная экспедиция Дома татарской культуры, Общества татароведения, ОАИЭ и Центрального музея Татарии. Особое внимание было уделено исследованию татарских эпитафических памятников. Их изучение в рамках историко-этнографических экспедиций возглавил этнограф Н.И. Воробьев – директор ЦМТР, преемник Б.Ф. Адлера на этой должности, и татарский эпитафист А.Ш. Абдрахимов (Али-Рахим)³⁷ (*Али-Рахим*, 1930. С. 145–172). Подключился к этим работам и музейный археолог Н.Ф. Калинин, который, кроме татарских, изучал и болгарские надгробия конца XIII – XIV вв. Этими экспедициями в 1926, 1928 гг. были выявлены и описаны эпитафические памятники в Предкамье. В 1927–1928 гг. так же в их рамках А.М. Тамбовцев и Н.Ф. Калинин проводят разведочные работы по Волге и Свияге. Эпитафические памятники в Предкамье исследовались Али-Рахимом и И.Н. Бороздиным (*Корнилов*, 1929. С. 53–56).

В 1927–1928 гг. активизируется археологическая разведочная деятельность на базе ЦМТР и районных музеев. Так, Н.Ф. Калинин, сотрудник Центрального музея, проводил разведки в Тетюшском районе ТАССР по маршруту Казань–Камское Устье (*Калинин*, 1928. С. 8–13; *Руденко*, 2018а. С. 151).

Важной вехой в археологии Казанского края стал 1928 г. – юбилейный год ОАИЭ. К этому событию А.С. Башкиров выпускает книгу по архитектурным памятникам Болгарского городища, с посвящением юбилею ОАИЭ (*Башкиров*, 1928); в ДТК к этому событию была организована интереснейшая археологическая выставка, как подчеркивалось, первая в «татарской культурной жизни» (*Дульский*, 1929. С. 4, 6–7).

Тот же год также ознаменовался археологическими работами объединенной археологической экспедиции на Билярском городище. Это должен быть первый шаг по изучению крупнейших средневековых городищ. Работы в Биляре под руководством А.С. Башкирова проходили 17–27 июля 1928 г. В ходе их был снят план городища, сделаны разрезы валов и проведена шурфовка центральной части городища (было заложено 42 шурфа). В сообщении об итогах работы А.С. Башкиров выделил три хронологических пласта древностей Биляра: «булгаро-татарский», «позднебулгарский» и «раннебулгарский», связав с ними керамические находки из сделанных им разве-

³⁷ А.Ш. Абдрахимов (1892–1943) – писатель, лингвист Али-Рахим (настоящее имя Габдрахимов Мухамматгали б. Мухамматшакир).

дочных шурфов (*Башкиров*, 1929. С. 36). Это была первая схема периодизации археологического материала крупнейшего болгарского городища. К сожалению, продолжения работ не было³⁸.

А.С. Башкиров при участии Н.Ф. Калинина летом того же 1928 г. изучал Джукетауское городище, заложив две линии шурфов на его площадке, общим числом 20 (*Набиуллин*, 2011. С. 18). Отчетность по этим работам не сохранилась.

По инициативе Академцентра Татнаркомпроса летом 1928 г. под руководством И.Н. Бороздина и при участии Н.Ф. Калинина, были проведены археологические разведки в Казанском кремле для выяснения границ крепости татарской эпохи (*Бороздин*, 1929. С. 37; *Ситдиков*, 2006. С. 15–16). Тогда же И.Н. Бороздин исследовал Камаевское городище и Русскоурматское селище. Исследователь предполагал, что городище было укрепленным пунктом на случай опасности. Остатками самой Иски-Казани он считал Русскоурматское селище. Здесь он заложил 18 небольших шурфов, выявивших культурный слой с большим количеством обломков керамики, по определению исследователя, XIII–XIV вв. (*Бороздин*, 1929а. С. 200). Али-Рахимом тогда же были дополнительно изучены Иски-Казанские эпитафические памятники (*Бороздин*, 1930. С. 61–63). В этом же году Н.Ф. Калинин обследовал остатки Азелинского могильника в районе Старого стекольного завода в Казани, и Сюкеевский могильник (Чачлы-Куль) в Камско-Устьинском районе ТАССР (*Калинин*, 1928а. С. 113–116).

Небольшие археологические разведки в 1929 г. на территории ТАССР провел А.С. Башкиров, о чем свидетельствует его заявка на публикацию в «Осведомительном бюллетене» ОИТ (*Зулкарнеев*, 2014. С. 60).

Краеведный археологический энтузиазм в первой половине 1920-х гг. в основном реализовывался в возникших многочисленных районных музеях Татарской Республики: в Тетюшах, Арске, Мензелинске, Елабуге (*Руденко*, 2018а. С. 150–162). Родившиеся под эгидой новой власти как база краеведения, музеи стали не только альтернативой ОАИЭ, но и той силой, которая окончательно разрушила основы старой системы культурно-исторического

³⁸ Результаты исследований А.С. Башкирова использовались последующими учеными-булгароведами, в частности А.П. Смирновым. Выводы по анализу материала не оспаривались ни кем до начала работ на Биллярском городище в 1967 г. экспедиции под руководством А.Х. Халикова.

просвещения и пропаганды в Татарской Республике. Они же поставили точку в существовании ОАИЭ.

Смена руководства Общества в 1924 г., когда его возглавил лояльный к большевикам профессор Н.Н. Фирсов, и ориентация тематики заседаний на исторические и политические сюжеты ситуации не спасла, как и включение в состав ОАИЭ коммунистов, деятелей татарской культуры и политики. Опасной тенденцией для нормального функционирования ОАИЭ в 1922–1929 гг. стал отток гуманитарной русскоязычной интеллигенции из Казани, что существенно сказалось на составе Общества – число ее представителей составило в ОАИЭ на 1927 г. чуть больше 30% (Сидорова, 2004. С. 386).

Впрочем, в 1929 г. ОАИЭ отпраздновало свой 50-летний юбилей с весьма солидным представительством – более 400 делегатов приехали на торжества, и казалось, что у Общества есть будущее. Но участь ОАИЭ была уже предрешена: в 1930 г. представители Татарского отделения Общества историков-марксистов, вместе с Кабинетом марксизма-ленинизма и Истпарта предъявили руководству ОАИЭ обвинение в мелкобуржуазности, пропаганде великорусского шовинизма и татарского национализма, а руководивший им Н.Н. Фирсов был объявлен пособником буржуазии, стоявшим на эсеровских позициях (Сидорова, 2004. С. 392). Результатом стало возбуждение уголовного дела по статье 58 УК РСФСР и арест 8 членов ОАИЭ. Даже уехавший еще в феврале 1929 г. из Казани В.Ф. Смолин был арестован в Пятигорске по обвинению в подготовке «антисоветских и антимарксистских кадров», хотя за недостаточностью улик вскоре был освобожден (Кузьминых, Михайлов, Савенко, Старостин, 2003. С. 43). В марте 1931 г. по решению специальной комиссии ВКП(б) ОАИЭ было признано контрреволюционной организацией и распущено (Руденко, 2014. С. 356–357; Сидорова, 2004. С. 393).

Другим учреждением, где занятия археологией во второй половине 1920-х гг. носили достаточно регулярный характер, был Центральный музей Татарской Республики (ЦМТР)³⁹. С него начинается восхождение самой крупной (и, по сути, единственной) фигуры казанской археологии 1930–1940-х гг. – Н.Ф. Калинина (Ситдиков, Старостин, 2002). Работая в музее с 1924 г., он почти 15 лет поддерживал археологический «контент» в музее, как в хранении, так

³⁹ Ранее – Казанский городской научно-промышленный музей им. А.Ф. Лихачёва.

и в экспозиционной работе, возглавив восстановленный в 1929 г. археологический отдел ЦМТР (*Калинин*, 1930. С. 27). Ему пришлось выполнить трудоемкую и очень важную работу по инвентаризации и учету имевшихся археологических фондов музея⁴⁰ и новых поступлений, особенно из закрывшихся музеев ОАИЭ, Кабинета материальной культуры ВПИ и других собраний (*Калинин*, 1930. С. 27). С 1929 г. и до начала 1930-х гг. полевые исследования Николай Филиппович практически не проводил. Все его внимание было уделено экспозиции, вокруг которой в 1930-х гг. развернулась настоящая сражение. Активное участие в нем приняли наезжавший в Казань из Ленинграда М.Г. Худяков и его коллеги (*Руденко*, 2014. С. 372–374).

К этому стоит добавить, что именно в 1920-е гг. в Казани прекращается частное коллекционирование археологических предметов. Состоятельные заказчики исчезли, а вместе с ними и археологический антикварный рынок. Владельцы таких собраний продавали часть своих коллекций, особенно в 1918–1921 гг., во время голода, как например, Н.Ф. Высоцкий. Правда, его собрание пострадало еще и от революционных солдат, расквартированных в его доме в 1918 г. Остатки этой коллекции, были переданы вдовой Н.Ф. Высоцкого в Центральный музей ТАССР. В Казанской губернии большая часть частных коллекций была национализирована, многие, особенно в дворянских усадьбах, были разграблены. Но археологических предметов там было немного⁴¹.

⁴⁰ Давая в декабре 1925 г. характеристику увольнявшемуся из ЦМТР М.Г. Худякову, его начальник, заведующий историко-археологическим отделом А. Губайдуллин отмечал его «высокий профессионализм» в составлении инвентарной описи (*Шарангина*, 2004. С. 410). Однако, судя по сохранившимся материалам, описи составлял Н.Ф. Калинин, а М.Г. к ним не имел никакого отношения. Заведующий, очевидно, не хотел писать плохую характеристику, чтобы не скомпрометировать себя самого и своего предшественника, хотя директор музея Н.И. Воробьев не раз высказывал критические замечания о работе М.Г. и о пренебрежении им своими обязанностями (*Гришкина, Кузьминых*, 2008. С. 22).

⁴¹ Крупнейшими коллекционерами археологических предметов во второй половине XIX в. были Н.Ф. Высоцкий и В.И. Заусайлов. Коллекция первого стала основой собрания Казанского городского музея, а второго – оказалась в Национальном музее Финляндии. В начале XX в. великолепная археологическая коллекция была собрана Л.О. Сиклером. Его археолого-этнографическое собрание в 1920-х гг. попало в Центральный музей Татарской Республики, туда же перешла и часть собрания Н.Ф. Высоцкого. Коллекции профессоров университета, в частности А.А. Штукенберга, осели в университетских кабинетах и музеях, а после закрытия большей части из них затерялись в общих университетских собраниях.

Подводя итог истории организаций и учреждений археологического профиля в первые десятилетия советской власти в Казанской губернии, а затем ТАССР, можно констатировать, что общероссийские тенденции развития археологии и ее организационных институтов действовали и здесь. В результате политических трансформаций 1918–1920-х гг., оттока профессиональных кадров, отсутствия финансирования, тяжелых условий быта, начавшейся разрухи и голода дореволюционные общественные учреждения с краеведческим содержанием (ОАИЭ) постепенно сворачивали свою работу. Их начали вытеснять в начале 1920-х гг. новые краеведные структуры, создаваемые под эгидой государственных, а позже и партийных органов. В ТАССР к тому же они были нацелены на формирование национальной, прежде всего татарской, интеллигенции и культуры в целом, а также были призваны вытеснить устаревшие формы таких организаций, бытовавшие до этого. Правда век их оказался недолог – в начале 1930-х гг. большая часть таких учреждений была упразднена. Не удалось решить и проблему национальных археологических кадров в археологии – до второй половины 1940-х гг. они в ТАССР так и не появились.

По замыслу новой власти археологическая деятельность должна была быть перенесена в реформированные крупные музеи, попытки чего имели место в 1930-х и 1940-х гг. Однако в большинстве национальных республиках Среднего Поволжья и Прикамья археология со второй половины 1930-х гг. организационно стала развиваться в рамках подразделений региональных правительственных структур (научно-исследовательские институты языка, литературы, истории).

Сложнее всего оказалось решить в ТАССР кадровый вопрос с археологами: до 1917 г. профессиональных специалистов в этой области в Казани не было, и выучиться на археолога здесь было нигде. Эта проблема сохранилась и позже, хотя с 1914 по 1917 г. появились студенты, проявившие серьезный интерес к археологии после участия в археологических раскопках на Болгарском городище. Это М.Г. Худяков и В.Ф. Смолин. Они могли стать новым поколением ученых, пришедших на смену старшему поколению. К тому были и другие предпосылки, в первую очередь открытие осенью 1917 г. Северо-Восточного археологического и этнографического института. Казалось, что, несмотря на происходящие в России перемены, этот процесс успешно движется вперед, но вмешался субъективный фактор – личное соперничество этих археологов.

Итог: отъезд обоих из Казани и появление на научном горизонте новой фигуры – Н.Ф. Калинина. Другим следствием сложившейся ситуации стало участие в археологических изысканиях на территории ТАССР специалистов-археологов из столичных научных центров – А.С. Башкирова, И.Н. Бородина. Все это вместе взятое предопределило стагнацию археологической деятельности в ТАССР в 1930-х гг. и отсутствие молодых сил, готовых заниматься здесь археологией.

Литература

- Абдрашитова И.М.*, 1975. Из истории создания Общества изучения Татарстана (1928–1930 гг.) // Учен. зап. Казан. пед. ин-та. Вып. 145. С. 63–72.
- Абдрашитова И.М.*, 2006. Научные общества по изучению истории Татарстана (1923–1930 гг.) // Филология и культура. № 5. С. 37–56.
- Али-Рахим*, 1930. Татарские эпитафические памятники XVI в. // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников Татарстана. Вып. IV. Казань: Татполиграф. С. 145–172.
- Ахмеров Г.*, 1894. Городище Япанчино на реке Кубне // Известия ОАИЭ. Т. XII. Вып. 2. С. 179–182.
- Баллод Ф.В.*, 1923. Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды. Результаты археологических работ летом 1922 года. Казань: тип. им. Александра. 62 с.
- Башкиров А.С.*, 1928. Памятники булгаро-татарской культуры на Волге. Казань: Татполиграф. 118 с.
- Башкиров А.С.*, 1929. Экспедиция по изучению болгаро-татарской культуры летом 1928 года // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР. Вып. III. Казань: Татполиграф. С. 27–36.
- Бехтерева Л.Н.*, 2004. Роль учебных заведений Казани в подготовке кадров национальной интеллигенции в 1920-е годы // Материалы краеведческих чтений, посвященных 135-летию Общества естествоиспытателей при КГУ, 110-летию со дня рождения М.Г. Худякова / Ред. Г.С. Муханов. Казань: Школа. С. 255–264.
- Бородин И.Н.*, 1929. Археологические разведки в Кремле // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР. Вып. III. Казань: Татполиграф. С. 37–40.
- Бородин И.Н.*, 1929а. Из области татарской культуры (научно-исследовательская экспедиция в Татарской республике летом 1928 года) // Новый Восток. Кн. 25. С. 191–200.
- Бородин И.Н.*, 1930. Два татарских надгробия близ городища Иски-Казань // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР. Вып. IV. Казань: Татполиграф. С. 58–64.
- Бречкевич М.В.*, 1919. Северо-Восточный археологический институт в Казани // Известия ОАИЭ. Т. XXX. Вып. 1. С. 81–87.
- Булич А.К.*, 1926. Болгарские городища в Чистопольском кантоне ТССР // Вестник Научного общества татароведения. № 4–5. С. 77–79.

- Виноградов, Н.Б., Валиахметова З.А., 2018. Люди археологии Южного Зауралья (XVIII век – середина 1970х годов). Челябинск: АБРИС. 158 с.
- Гребнева Г.И., Галанова О.П., 2012. История формирования археологического собрания в ТОКМ // Томские музеи. Краеведческий музей им. М.Б. Шатилова. Муниципальные музеи: Материалы к энциклопедии «Музеи и музейное дело Томской области» / Ред. Э.И. Черняк. Томск: ТомГУ. С. 9–21.
- Гришкина М.В., Кузьминых С.В., 2008. М.Г. Худяков как историк (вместо предисловия) // Худяков М.Г. История Камско-Вятского края: избранные труды / Науч. ред. М.В. Гришкина, С.В. Кузьминых. Ижевск: Удмуртия. С. 5–48.
- Дульский П.М., 1929. Выставка болгарских древностей (По исследовательским материалам революционного периода). Казань: ДТК. 75 с.
- Ермолаев И.П., Литвин А.Л., 1976. Профессор Н.Н. Фирсов. Очерк жизни и деятельности. Казань: КГУ. 103 с.
- Зорин Н.В., 2001. Б.Ф. Адлер (1874– не ранее 1932). Казань: КГУ. 36 с.
- Зулкарнеев К.Д., 2014. Итоги экспедиционной деятельности «Общества Изучения Татарстана» в 1929 г. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 4 (42): в 2-х ч. Ч. II. Тамбов: Грамота. С. 59–65.
- Износков И.А., 1878. Заметки о городах, курганах и древних жилищах, находящихся в Казанской губернии и о встречающихся в них находках // Известия ОАИЭ. Т. I. Вып. 4–5. С. 10–124.
- Износков И.А., 1880. Заметки о городах, курганах и древних жилищах, находящихся в Казанской губернии и о встречающихся в них находках // Известия ОАИЭ. Т. II. С. 103–110.
- Износков И.А., 1884. Заметки о городах, курганах и древних жилищах, находящихся в Казанской губернии и о встречающихся в них находках // Известия ОАИЭ. Т. III. С. 73–84.
- Калинин Н.Ф., 1928. От Сюкеева к Камскому Устью: археологические разведки // Записки Тетюшского музея. Вып. 3. С. 8–13.
- Калинин Н.Ф., 1928а. Памятник пьяноборской культуры близ села Мордовские Каратаи // Известия ОАИЭ. Т. XXXIV. Вып. 1–2. С. 113–116.
- Калинин Н.Ф., 1930. Из жизни археологического отдела // Материалы Центрального музея ТССР. № 2. С. 27–29.
- Китова Л.Ю., 2007. История Сибирской археологии (1920–1930-е годы): изучение памятников эпохи металла. Новосибирск: ИАЭ СО РАН. 272 с.
- Корнилов П.Е., 1929. Болгарские памятники за годы революции (Охрана, ремонт и изучение) // Выставка болгарских древностей (По исследовательским материалам революционного периода). Казань: ДТК. С. 9–18.
- Кузьминых С.В., 2004. Казанские годы в жизненном и творческом пути М.Г. Худякова // Материалы краеведческих чтений, посвященных 135-летию Общества естествоиспытателей при КГУ, 110-летию со дня рождения М.Г. Худякова / Ред. Г.С. Муханов. Казань: Школа. С. 25–46.
- Кузьминых С.В., Михайлов Е.П., Савенко С.Н., Старостин П.Н., 2003. Виктор Федорович Смолин: основные вехи жизненного и творческого пути // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы международной конференции / Ред. О.В. Кузьмина. Чебоксары: ЧГИГН. С. 35–46.
- Кузьминых С.В., Сафонов И.Е., Стаиенков Д.А., 2007. Вера Владимировна Гольмстен: материалы к биографии / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Самара: Офорт. 168 с.

- Кузьминых С.В., Смирнов А.С., 2015. Археология в Северо-Восточном археологическом и этнографическом институте // Поволжская археология. № 1 (11). С. 214–240.
- Михайлов Е.П., Кузьминых С.В., 2003. В.Ф. Смолин и Абашево (К истории археологического изучения Чувашии) // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы международной конференции / Ред. О.В. Кузьмина. Чебоксары: ЧГИГН. С. 12–34.
- Набиуллин Н.Г., 2011. Джукетау – город булгар на Каме. Казань: Татар. кн. изд-во. 143 с.
- Платонова Н.И., 2010. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб.: Нестор-История. 316 с.
- Порфирьева И.В., 2004. С.И. Порфирьев и работа М.Г. Худякова «Очерки по истории Казанского ханства» // Материалы краеведческих чтений, посвященных 135-летию Общества естествоиспытателей при КГУ, 110-летию со дня рождения М.Г. Худякова / Ред. Г.С. Муханов. Казань: Школа. С. 339–347.
- Порфирьева И.В., 2012. И это все пройдет... Судьба и время: русские интеллигенты в начале XX в. Переписка Нестора Мемноновича Петровского и Сергея Ивановича Порфирьева (1899–1921 гг.). Казань: МОиН РТ. 264 с.
- Рожков А.Ю., 2014. В кругу сверстников. Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х гг. М.: Новое литературное обозрение. 640 с.
- Руденко К.А., 2013. Музеи Церковного историко-археологического общества Казанской епархии и Казанской духовной академии. Очерки по истории музейного дела Татарстана: XIX – первая половина XX века. Казань: Респ. центр мониторинга качества образования. 128 с.
- Руденко К.А., 2014. История археологического изучения Волжской Булгарии (X – начало XIII в.). Казань: Респ. центр мониторинга качества образования. 768 с.
- Руденко К.А., 2017. Казанские коллекционеры XIX века (из истории музейного дела Казанского края). Казань: Школа. 172 с.
- Руденко К.А., 2018. Археология в изданиях отдела по делам музеев Академического центра Татаркомпроса в конце 1920-х гг. // Актуальные вопросы развития искусствоведения в России, странах СНГ и тюркского мира: материалы Международной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения П.Е. Корнилова (1896–1981). Часть II / Сост., науч. ред. О.Л. Улемнова. Казань: ИЯЛИ АН РТ. С. 325–330.
- Руденко К.А., 2018а. Коммуникационные формы культуры Татарстана: генезис и эволюция (с древности до XX в.): учебное пособие. Казань: Школа. 164 с.
- Сидорова И.Б., 2003. Поступают «сведения о группировке черносотенного элемента в Обществе археологии, истории и этнографии при Казанском университете...» (ОАИЭ в первые годы Советской власти, 1917–1924 гг.) // Гасырлар авазы – Эхо веков. № 3–4. С. 65–81.
- Сидорова И.Б., 2004. ОАИЭ на последнем этапе своей истории (1924–1931) // Материалы краеведческих чтений, посвященных 135-летию Общества естествоиспытателей при КГУ, 110-летию со дня рождения М.Г. Худякова / Ред. Г.С. Муханов. Казань: Школа. С. 379–393.
- Сидорова И.Б., 2012. Судьба гуманитарных музеев Казанского университета в 1920-е гг. // Вопросы музеологии. № 1(5). С. 113–123.
- Ситдиков А.Г., 2006. Казанский кремль: историко-археологическое исследование. Казань: ИИ АН РТ. 288 с.

- Ситдииков А.Г., Старостин П.Н., 2002. Н.Ф. Калинин (1888–1959). Казань: КГУ. 24 с.
- Смирнов А.П., 1951. Волжские булгары. М.: ГИМ. 275 с. (Труды ГИМ. Вып. XIX).
- Смирнов А.С., 2011. Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории истории науки XIX – начала XX века) / Отв. ред. И.В. Тункина. М.: ИА РАН. 592 с.
- Смолин В.Ф., 1917. Следы христианской колонии в Волжской Булгарии // Отчет Церковного историко-археологического Общества Казанской епархии за 1916 год. Казань. С. 15–16.
- Смолин В.Ф., 1919. Организация археологического обследования Сибири // Труды съезда по организации Института исследования Сибири / Изд. под наблюд. председателя съезда профессора. Б. П. Вейнберга. Томск: Типография Сибирского товарищества печатного дела и Дома трудолюбия. С. 97–100.
- Смолин В.Ф., 1921. К вопросу о происхождении народности Камско-Волжских болгар (разбор главнейших теорий). Казань: Чуваш. отдел. Госиздата. 58 с.
- Смолин В.Ф., 1925. Раскопки «Шолома» в селе Балымерях Спасского кантона Татарской Республики в 1924–1925 гг. (краткий обзор) // Известия ОАИЭ. Т. XXXIII. Вып. 2–3. С. 113–130.
- Смолин В.Ф., 1925а. Клад восточных золотых предметов из болгарского города Джукетау // Вестник научного общества татароведения. № 3. С. 16–28.
- Смолин В.Ф., 1925б. К исследованию подземной Казани // Красная Татария. 6 февраля.
- Смолин В.Ф., 1925в. Археологический очерк Татарской Республики // Материалы по изучению Татарстана. Казань. Вып. 2. С. 5–70.
- Смолин В.Ф., 1926. Археологические заметки // Вестник Научного общества Татароведения. № 4–5. С. 75.
- Смолин В.Ф., 1927. Археологические разведки в Чувашской Республике в 1926 году // Известия ОАИЭ. Т. XXXIII. Вып. 4. С. 15–32.
- Теплова В.А., 2016. Западное влияние на культуру России XVII века в научном наследии В.О. Ключевского и К.В. Харламповича // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. Навуковы зборнік. Вып. 11. Мінск: БДУ. С. 226–231.
- Тропольская О.В., Тропольская Н.Е., Руденко К.А., 2015. О памятниках археологии в бывшей Казанской губернии из показаний крестьянского населения // Гасырлар авазы – Эхо веков. № 1–2. С. 240–261.
- Фирсов Н.Н., 1920. Чтения по истории Среднего и Нижнего Поволжья. 2-е изд. Казань: Гос. изд-во. 136 с.
- Фаттахова Г.А., Валеев Р.К., 2002. Академический центр Татарии: 1920-е годы. Казань: Тат. кн. изд-во. 95 с.
- Худяков М.Г., 1919. Разведки в Билярске летом 1915 г. // Известия ОАИЭ. Т. XXX. Вып. 1. С. 59–66.
- Худяков М.Г., 1919а. Китайский фарфор из раскопок 1914 г. в Болгарах // Известия ОАИЭ. XXX. Вып. 1. С. 117–120.
- Худяков М.Г., 1922. Мусульманская культура в Среднем Поволжье. Казань. 22 с.
- Худяков М.Г., 1923. Ананьинская культура // Казанский губернский музей за 25 лет. Казань. С. 72–126.
- Худяков М.Г., 1933. Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов. Л.: ГАИМК. 162 с.

- Шарангина Н.А.*, 2004. Документы Национального архива РТ об историке, археологе М.Г. Худякове // Материалы краеведческих чтений, посвященных 135-летию Общества естествоиспытателей при КГУ, 110-летию со дня рождения М.Г. Худякова / Ред. Г.С. Муханов. Казань: Школа. С. 405–411.
- Шпилевский С.М.*, 1877. Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань: Университетская типография. 620 с.

С.Н. Савенко

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
СЕВЕРНОГО КAVKAZA:
МЕСТНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ И ПЕРСОНАЛИИ
В РАННИЙ СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД**

Резюме. В статье анализируются, уточняются и обобщаются сведения об учреждениях и личностях в городах и районах Северного Кавказа, организовавших и проводивших археологические исследования в регионе в 1920-е годы. В ранний советский период необходимо было предотвратить утрату археологического наследия, расширить масштабы и проблематику его изучения. Эти задачи требовали преобразования уже существующих и создания новых учреждений, призванных их решать. Несмотря на кардинальные социально-политические и экономические перемены в стране, определившие структурную перестройку, сохранялась преемственность с завершающим этапом дореволюционного развития отечественной археологии. В рассматриваемый период в данной сфере работали в основном досоветские специалисты с их теоретическим и практическим багажом. Они стали активными участниками преобразования существующих и формирования новых структур и учреждений на местах (органы управления, общества, музеи, вузы, институты и др.), широкого краеведческого движения, преодолевали организационные и финансовые трудности. Их привлекали учреждения, создававшие местные филиалы. Развертывалась работа научных экспедиций в регионе. Новые кадры лишь нарождались под влиянием наставников и обрели самостоятельность к концу 1920-х гг. Археологические исследования неравномерно, но результативно продолжались в сложных меняющихся политических и организационных условиях до массовых репрессий и разгрома старого краеведения на рубеже 1920–1930-х гг., что привело к закрытию или новому преобразованию действовавших учреждений, очередным проблемам в сохранении и изучении культурного наследия.

Ключевые слова: Северный Кавказ, археология, ранний советский период, организация, учреждения, специалисты, экспедиции, результаты.

Вопросы организации и проведения археологических исследований на Северном Кавказе в 1920-е годы уже неоднократно находились в поле внимания ученых. Об этом писали еще в ходе проведения этих работ А.А. Миллер (*Миллер*, 1926. С. 83–92; 1929. С. 60–122 и др.), Б.В. Лунин (*Лунин*, 1925. С. 58–72; 1926 и др.), Д.М. Павлов (*Павлов*, 1927. С. 11–14; 1928. С. 65–66), Л.П. Семёнов (1928) и другие. Для оценки общей ситуации в области археологии всей страны, включая и ее южные районы, имеет значение статья патриарха молодой советской науки и системы управления археологическим наследием В.А. Городцова, обобщающая итоги археологических трудов в СССР за 10 лет (*Городцов*, 1928. С. 5–11). Немало данных по теме содержится в обобщающих статьях и монографиях таких кавказоведов, как А.А. Иессен, Е.И. Крупнов, Е.П. Алексеева, Т.М. Минаева, В.И. Марковин, В.А. Кузнецов, А.А. Формозов, В.Б. Виноградов и др.

В последние десятилетия об истории археологических исследований раннего советского времени в регионе, его частях, краях и республиках специально писали М.Е. Колесникова, Ю.М. Луценко, Л.П. Ермоленко, О.Н. Шматько, А.Н. Ткачёв, В.А. Алёкшин и др. Но проблематика, конечно, еще не исчерпана. Через 100 лет после структурного оформления ранней советской археологии целесообразно обобщить уже известные данные, конкретизировать и дополнить их новыми фактами, сюжетами, недостаточно осмысленными ракурсами.

Хронологические границы условного термина «ранний советский период» определяются в пределах с рубежа 1917–1918 гг. – времени установления советской власти в центре страны и первых попыток организации ее на юге России – до начала «великого перелома» в 1929 г. В этом я солидарен с отечественными и зарубежными историографами советской археологии, для которых этот рубеж считается определяющим в развитии не только общества, но и науки (М.А. Миллер, А.А. Формозов, Г.С. Лебедев, В.Ф. Геннинг, А.В. Жук, Н.И. Платонова и др.). Не лишено основания определение развития археологии этого периода как «предсоветского», в котором глубокие перемены преимущественно были структурными (*Платонова*, 2017. С. 55).

Из новых тенденций и явлений рассматриваемого периода выделялись: поиск форм организации и управления в области культурного наследия, науки и музейного дела, оформление системы государственной и местной охраны памятников старины и ис-

куства, под которые подпадали предметы и объекты древности и средневековья; формирование и преобразование центральных и местных структур и учреждений; бум в создании новых и в воссоздании существовавших ранее краеведческих обществ и музеев; налаживание советской системы образования и сети учебных заведений; осуществление перспективного планирования археологических работ уже в 1920–1921 и последующие годы; организация исследований и разнообразных научно-краеведческих изданий с публикацией материалов по археологии; развертывание работ экспедиций центральных учреждений во взаимодействии с местными краеведами, организациями, отделениями и т.п., совершенствование методики полевых исследований; более широкий территориально-тематический охват научных направлений и вопросов.

При всем этом, движущей силой развития археологических исследований на местах оставались «старые специалисты» – ученые, педагоги, их ученики и любители древностей. Они использовали короткий период буржуазных преобразований и неустойчивой деятельности временных правительств нескольких лет гражданского противостояния и заняли затем сдержанную и конструктивно-компромиссную позицию по отношению к советской власти, которая в течение первого десятилетия нового строя не могла еще обходиться без них и их опыта. Они, в большинстве своем, были самоотверженными поборниками науки и музейного дела, для которых сохранение и изучение отечественных археологических памятников представлялось более значимым, чем политические катаклизмы и личные лишения. При рассмотрении формирования и развития учреждений в интересующей нас сфере, становится понятным, что их сотрудничество с разными организациями часто определяло практическую причастность к развитию археологии последних. Все это подтверждается и на северо-кавказском материале судьбами людей, историей общественных движений и организаций.

В работе я исхожу из географического понимания Северного Кавказа как территории, находящейся между Кумо-Маньчской впадиной с левобережьем Нижнего Дона и гребнем Главного Кавказского хребта. Поэтому работы на северо-восточном побережье Черного моря, административно входящем в границы Краснодарского края (ранее Кубано-Черноморской области), не учитываются, за исключением Таманского полуострова до

г. Анапы. Не затрагиваю я и Нижний Дон. На юго-востоке региона существует еще одно традиционное ограничение. Северная часть Азербайджана вплоть до Апшеронского полуострова, географически расположенная к северу от осевой линии Кавказского хребта, не отрывается от административных границ государства и не рассматривается вместе с Южным Дагестаном, хотя ситуация в развитии археологии Азербайджана в 1920-е гг. была близкой к северокавказским субъектам советской России. Там складывались аналогичные общества, музеи, вузы, институты и археологические исследования часто осуществляли российские кавказоведы (В.М. Сысоев, И.И. Мещанинов, Е.А. Пахомов, И.П. Щерблык, А.А. Иессен и др.). При этом до Октябрьской революции национальная школа и центры по изучению памятников старины в Азербайджане еще не сложились (Алибекова, 2009. С. 34–44).

Исторические материалы свидетельствуют о том, что в России, как и в других странах мира, интерес к древностям и осознание их привлекательности и полезности сначала зарождались в умах отдельных людей, которые часто были государственными и религиозными деятелями и выносили свое отношение к прошлому на уровень государства, церкви и права. Затем в разной последовательности или параллельно образовывались общества, музеи, учебные заведения и специализированные научные учреждения в сфере сбора, изучения и сохранения археологического наследия. Поэтому представляется логичным рассматривать деятельность местных организаций в сфере археологии в 1920-е гг. по их категориям (местные органы управления, научно-краеведческие общества, музеи, образовательные учреждения, научно-исследовательские организации), придерживаясь географического принципа: Кубань – область и округа с Адыгеей и Карачаево-Черкессией, Кавминводы (центр между Кубанью и Терекком), Терская область (губерния, округ) с национальными республиками в бассейне Терека, Дагестан, предкавказское Ставрополье. Необходимо учитывать частые перемены в административно-территориальном делении региона, начиная с периода Гражданской войны (1918–1920 гг.). Важны и общие тенденции в регионе и в стране в целом.

Общий обзор имеющегося материала о состоянии организации и ведения археологических исследований на Северном Кавказе накануне революций 1917 г. и Гражданской войны свидетельствует о следующем. Несмотря на то, что в дореволюционной России не было специального законодательства и системы государственных

и местных органов в сфере охраны историко-культурного наследия (что особенно подчеркивалось в советской историографии), определенные правовые нормы, структуры и механизмы в этой области существовали еще с XVIII–XIX вв. На местах к археологическим памятникам и их изучению имели отношение губернские и областные статистические комитеты, губернские ученые архивные комиссии; действовали и механизмы взаимодействия местных органов и должностных лиц с Императорской археологической комиссией. К археологическим работам на Северном Кавказе были причастны не только центральные научные общества (РАО, МАО, ИРГО) и их местные отделения на Кавказе (Тифлис), но и самостоятельные региональные общества. Особое место в сфере наследия принадлежало музеям, которые существовали в Екатеринодаре, Пятигорске, Владикавказе, некоторых других городах и крупных станицах края. Часть из них успешно занималась археологией. В дореволюционной России не было государственных вузов, в которых специально осуществлялась подготовка археологов. Но с учебными заведениями были связаны многие археологи России. Поэтому в гимназиях, институтах и университетах выросли будущие практики исследований памятников древности. Специализированных научных учреждений, кроме музеев, на Северном Кавказе до революции также не было, но планы их создания уже вынашивались.

Все это подтверждает мнение сейчас уже многочисленных исследователей, считающих, что специфические проблемы и направления в археологии Кавказа, корни идей и практики преобразований археологических научно-исследовательских и музейных структур уходят в отечественную научную мысль и культуру предреволюционного периода (*Мерперт*, 1995. С. 4–6; *Платонова*, 2010. С. 215).

Годы революции и гражданского противостояния вели не только к трагическим потрясениям в человеческих судьбах, но и к большим утратам археологического наследия в стране. Это усугубляло и без того сложную ситуацию в данной области, сложившуюся на Кавказе накануне коренного политического перелома. Поэтому актуальной задачей первых лет советской власти была разработка действенных организационных и правовых мер приостановления этого разрушительного процесса и предотвращения невосполнимых социально-культурных потерь. Решать эту проблему в условиях идеологических установок на радикальную борьбу со всем старым было очень непросто. Развитие археологических ис-

следований выступало в качестве одного и самых эффективных средств.

В октябре 1917 г. на заседании Всероссийского съезда Советов все дела охраны памятников и музеев были переданы Народному комиссариату просвещения РСФСР. Сначала организовывались и действовали различные отраслевые комиссии и советы. И уже тогда стали возникать местные органы управления в этой сфере на уровне губерний, областей и даже уездов (Жуков, 1989. С. 92–96, 193–195, 223). Коллегия по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Наркомпросе была образована 21.03.1918 г. После переезда правительственных учреждений в Москву в мае 1918 г. в созданном 28.05.1918 г. при Наркомпросе Отделе по делам музеев и охраны памятников искусства и старины были образованы подотделы: провинциальной охраны памятников, провинциальных музеев и археологический во главе с В.А. Городцовым (Сорокина, 2016. С. 244–256). К археологии как научной дисциплине и музеям определенное отношение имел и созданный в то же время Научный отдел, реорганизованный потом в Научный сектор Наркомпроса. На местах в 1918–1920 гг. образовывались соответствующие подотделы при отделах народного образования (Гарданов, 1957. С. 11). В мае 1921 г. Наркомпрос издал «Положение» о губернских комитетах по делам музеев, значительно расширяющее функции местных органов (Ионова, 1957. С. 43). К концу 1921 г. ряд структур были объединены в рамках секции Академического центра Наркомпроса – Главного управления научными, научно-художественными и музейными учреждениями (Главнаука). Периодически реформируемый Музейный отдел продолжал функционировать до 1932 г. Реформировался и просуществовавший до конца 1926 г. Археологический подотдел в его составе. Сотрудники этих структур готовили нормативно-правовые акты, инструкции по сохранению памятников археологии, по созданию археологических отделов музеев, к открытым листам и т.п. В функции Археологического подотдела входила помощь музеям в приобретении, правильном экспонировании и хранении археологических находок (Сорокина, 2016. С. 245–246, 254). Все это должно было способствовать развитию научно-исследовательской работы в местных органах управления и музеях, через которые шло и центральное финансирование части полевых работ.

Основной упор по этой линии делался на музеи в центре и на местах. В 1924 г. была законодательно установлена обязательная

передача в них археологических находок. Но финансовое положение курируемых из центра местных музеев было сложным. В 1925 г. вынесено постановление Всероссийского ЦИК и СНК РСФСР о передаче большей части музеев на бюджет местных исполкомов (Ионова, 1957. С. 43–44; Сорокина, 2017. С. 315), что усилило стремление к объединению и закрытию учреждений с целью сокращения и так минимальных расходов на их содержание. Подавляющее большинство музеев Северного Кавказа оказалось на местном бюджете (Шматько, 2009. С. 462–463).

Большим подспорьем для развития местной археологии явилось сохранение бывшей Императорской археологической комиссии путем преобразования ее в конце 1917 – 1918 гг. в Российскую государственную археологическую комиссию (РГАК), а затем и развертывание на ее базе в 1919 г. Российской академии истории материальной культуры (РАИМК) как центрального археологического учреждения страны с более широким штатом, функциями и полномочиями (Носов, 2013. С. 10–11). В 1926 г. РАИМК была реорганизована и стала Государственной академией материальной культуры (ГАИМК). Эта организация, помимо собственной практической деятельности и участия в разработке нормативно-правовых документов общероссийского уровня, формировала отделения и филиалы, в частности, археолого-этнологические комиссии, курировала научный уровень археологических работ на местах. На начальном этапе деятельности возникали определенные трения и конфликтные ситуации со структурами Наркомпроса (Сорокина, 2016. С. 247–251). Преобразования и организационные сложности в центре отражались и на местном уровне. Но позитивные сдвиги на местах постепенно все же происходили.

Задача представления развития археологических исследований в ранний советский период на Кубани сейчас значительно облегчена тем, что соискатель Кубанского госуниверситета А.Н. Ткачѳв опубликовал в последние годы серию статей по теме и защитил кандидатскую диссертацию по истории археологического изучения Северо-Западного Кавказа в 1920-е – 1991 гг. Рукопись последней доступна в Интернете (Ткачѳв, 2018). Потребуется только обобщения и уточнения.

Еще в декабре 1917 г. на заседании Кубанской областной продовольственной управы было принято решение о создании Совета обследования и изучения Кубанского края (СОИКК). Эта первая в провинциальной России региональная научно-общественная

краеведческая организация (*Дубянский*, 1924. С. 414–415) задумывалась как комплексная структура. Она предвляла новый виток массового краеведческого движения в регионе. В Совете предполагалось создание и музейной секции. Музейными вопросами с 1918 г. ведал Отдел народного образования Кубанской советской республики, однако он не справлялся с охраной памятников и поддержкой учреждений. Бывший Войсковой музей он передал в распоряжение СОИКК, который также не мог реально его содержать, а только использовал ресурсы. В 1920 г., когда власть советов была восстановлена, в Кубанско-Черноморском областном отделе народного образования функционировал подотдел музеев и охраны памятников. Реальные дела этого органа в области содействия археологическим исследованиям пока не прослежены. Известно, наоборот, что проводимые преобразования значительно усложняли ситуацию в области культуры (*Корсакова*, 2016. С. 117–118). В 1922 г. СОИКК был преобразован в Кубано-Черноморский научно-исследовательский институт. Археологией он не занимался.

С 1920 г. местным отделам образования были подчинены городские и станичные музеи, что не улучшило их положения. Анапский музей просуществовал до Гражданской войны и был свернут, а затем воссоздан только в 1930-е гг. В 1920-е гг. предпринимались попытки воссоздания музея в ст. Баталпашинской. В 1921 г. в Кисловодске намечалось открытие при участии Д.М. Павлова (о нем ниже) Карачаевского музея (*Коваленко*, 1992. С. 38). В 1927 г. такое название имел музей в Баталпашинске. Государственный областной музей был открыт только в 1933 г.

В середине 1920-х гг. управленческие структуры начинают действовать экспедициям. Так, например, в 1926 г. работала экспедиция Института археологии и искусствознания РАНИОН при участии 1 МГУ под руководством профессора А.С. Башкирова. Она поддерживалась и Кубанским отделом по делам музеев (*Лукин*, 1927а. С. 20). В 1929 г. заведующим управлением по делам музеев, охраны памятников искусства, старины, народного быта и истории становится причастный к археологии ученый – геолог, краевед и публицист профессор Г.Г. Григор.

Действовавшее до революции Общество любителей изучения Кубанской области (ОЛИКО) в 1917 г. фактически приостановило работу. Его секретарь – историк, библиограф и публицист Б.М. Городецкий (1874–1941) стал сотрудничать с СОИКК и другими организациями. Но в 1922 г. он выступил за возрождение

Общества и празднования его 25-летия. По этому поводу был выпущен специальный сборник ОЛИКО под его редакцией как председателя (Известия., 1922). Однако состав этого интересного и содержащего много важных материалов краеведческого характера сборника и последующие издания Общества, функционировавшего до 1932 г., подтверждали, что к археологическим исследованиям оно имело лишь косвенное отношение. Ситуация не изменилась и во время, когда его возглавлял последний председатель – Г.Г. Григор.

Это же следует сказать и о многих районных и городских краеведческих объединениях Кубани. Редким исключением было созданное в 1924 г. Майкопское краеведческое общество, члены которого Л.В. Олейников, В.К. Лакси и другие с 1925 г. занимались разведками и небольшими раскопками на территории Адыгеи. В 1926 г., в частности, они провели палеолитические изыскания в районе станицы Бжедужской (Лукин, 1927. С. 39–40).

Особенно активным в области археологии стало Литературно-историческое и этнологическое общество (ЛИЭТО), созданное на базе Краснодарского пединститута в ноябре 1924 г. В нем объединилось около 50 преподавателей, ученых, студентов, краеведов. Секцию местной археологии и истории возглавил директор Кубанского научного музея А.Ф. Лещенко. С 1925 г. члены Общества, ведущее положение среди которых занял профессор Н.А. Захаров (1883–1938), развернули активную полевую и иную исследовательскую археологическую деятельность. О ней мы еще вспомним при характеристике музейных и образовательных учреждений края, работы их сотрудников.

На Кубани, как и в ряде других районов региона, работали члены обществ, созданных и работавших за пределами Кубанского края. Особенно это касается северокавказских краевых объединений и краеведческих структур, образовавшихся в Ростове-на-Дону: Донское общество археологии и истории искусств (1922), правопреемник Донского – Северо-Кавказское краевое общество археологии, истории и этнографии (1925), Северо-Кавказское бюро краеведения с секцией археологии, антропологии, истории и этнография (1926). К тому же, некоторые кубанские краеведы являлись членами этих организаций (С.Ф. Войцеховский, А.Н. Грен и др.).

Еще в условиях гражданского противостояния единственным учреждением, которое продолжало заниматься археологическими исследованиями на Кубани, являлся музей в г. Екатеринодаре. Несмотря на разорение, нанесенное красноармейцами музею

в первые месяцы советской власти, его директор Е.И. Гладкий (1862–1930) производил раскопки на севере области в Ейском отделе в сентябре 1918 г. (Ткачёв, 2012. С. 32–33), то есть когда город и часть края уже были заняты частями Добровольческой армии. Это обстоятельство, работа музея при белых, как и дворянская принадлежность Е.И. Гладкого, не были оставлены без внимания и привели к его аресту и смещению с поста директора в 1920 г. После этого он немного проработал заведующим историческим отделом. Тогда бывший Войсковой музей, картинная галерея им. А.Ф. Коваленко, обладавшая, в частности, большой археологической коллекцией, переданной в нее в 1908 г. В.М. Сысоевым, и городской музей наглядных пособий были объединены в Кубано-Черноморский областной музей (1920–1924). Объединение оценивалось отрицательно. Ключевым в его структуре стал художественный музей (Корсакова, 2016. С. 118). Археологический отдел и его коллекции хотя и сохранялись в структуре музея, однако исследовательские работы проводились часто на личном энтузиазме сотрудников.

В 1924 г. Е.И. Гладкий стал одним из первых репрессированных краеведов региона. Но в это время в музей приходит еще один археолог и краевед, преподаватель Краснодарского высшего пединститута А.Ф. Лещенко (1880–1952), ставший директором. Музей приобрел статус Кубанского научного (Есипенко, 2001. С. 7–8). При А.Ф. Лещенко экспедиции музея по изучению памятников края стали приобретать систематический характер. Археологические исследования и обработка музейных коллекций проводились с привлечением специалистов других учреждений, обществ и краеведов. До 1925 г., включительно, музей организовывал Абинскую, Ереванскую, Шапсугскую экспедиции, которые занимались фиксацией и описанием дольменов и других археологических памятников; проведение работ в районе станиц Усть-Лабинской и Некрасовской по охране исторических объектов и сбору археологических предметов; археологические разведки и сбор материалов в Темрюке, Голубицкой, Тамани; сбор находок палеолита на стоянке Ильской и другие работы (Григор, 1926. С. 2). Участвовали сотрудники музея во взаимодействии с обществами и учреждениями Кубани и в центральных экспедициях (СКЭ, Таманская и пр. РАИМК – ГАИМК, Института археологии и искусствознания РАНИОН, МГУ, ЛГУ), содействовали их сотрудникам в получении необходимого материала и решении научных задач.

Археологией занимались и другие музеи Кубани. Я не беру во внимание ранее существовавшие на Черноморском побережье Геленджикский и Новороссийский и вновь созданный Сочинский за редкими исключениями, когда, к примеру, экспедиция Новороссийского музея природы и истории Причерноморья под руководством Г.Ф. Чайковского работала на территории г. Анапы (*Мальшиев и др.*, 2018. С. 10).

В 1920 г. по инициативе учителей города (Е.Д. Новоселов) создан Темрюкский музей. С 1924 г. он становится историко-краеведческим, его возглавил краевед-энтузиаст рабочего происхождения С.Ф. Войцеховский. В течение 1920-х гг. он занимался античными древностями и геологией, составил карту археологических памятников Таманского полуострова (*Григор*, 1926. С. 3). К заслугам исследователя относится научное восстановление рельефа Таманского полуострова периода Страбона и позднейшего времени, определение Киммерийского вала как древнего гидротехнического сооружения, борьба с кладоискательством. Жизнь его, к сожалению, оборвалась трагически в шурфе горы Гнилой во время забора проб воды в 1931 г. (*Лунин*, 1932. С. 70–72).

В 1921–1922 гг. основана Таманская археологическая станция и музей. Музей включал археологический отдел и открытую веранду для крупногабаритных древностей. Заведующим его был ученый-агроном А.Г. Остроумов, участвовавший в археологических экспедициях (*Григор*, 1926. С. 3). Число городских и районных музеев края увеличивалось, но об их археологической деятельности в рассматриваемый период ничего не известно, хотя предметы археологии в них, конечно, поступали. Часть территории Кубани охватывали экспедиции Донского областного музея искусств и древностей (1920) в Ростове-на-Дону, преобразованного в 1926 г. в Краевой музей Северо-Кавказских народов.

С мая 1918 г. в Ростове-на-Дону появился территориально близкий к Кубани и всему Северному Кавказу Донской археологический институт. Создан он был как частное высшее учебное заведение группой профессоров Донского университета. Одним из основателей и ректором института стал А.И. Яцимирский (1873–1925), доктор славянской философии, палеограф, археолог, этнограф. С восстановлением советской власти в 1920 г. институт приобрел статус государственного, но в 1922 г. был закрыт. Не смотря на короткое время существования университета, в нем успел получить образование ряд археологов, исследовавших Нижний

Дон и Северный Кавказ, из которых наиболее яркой фигурой был Б.В. Лунин (*Карайчева*, 2008. С. 49–52).

Археология в начале 1920-х гг. развивалась и в высших учебных заведениях Краснодара, в частности, в Политехническом институте (создан в 1918 г.), в нем работал выходец из Таврического университета В.А. Пархоменко (1880–1942). Он был приглашен на кафедру истории института, которую затем возглавил, уже в 1920 г. был на Тамани для изучения Тмутаракани, с краеведом В.В. Соколовым обследовал Таманское городище и городище около ст. Сенной. Во время формирования РАИМК местных этнолого-археологических комиссий (ЭАК) он обосновывал необходимость создания Северо-Кавказского этнолого-археологического института, но смог добиться только учреждения в феврале 1921 г. центральной в регионе этнолого-археологической комиссии и стал ее председателем. В том же году вместе с членами комиссии В.А. Пархоменко продолжил работы на Таманском полуострове (Темрюк, Пересыпь, Голубицкие хутора, Ахтанизовская, Тамань и городище Фанагория). Он публиковал статьи по истории Тмутараканского княжества, а в 1924 г., после закрытия факультета общественных наук института, отбыл за пределы области.

В 1920 г. в Краснодаре была предпринята попытка открытия университета, который просуществовал 1 год и частично волился в Кубанский институт народного образования или пединститут. В нем также стала развиваться археологическое направление (*Ткачëв*, 2015. С. 202–214) в связи с тем, что в вузе работал профессор Н.А. Захаров (*Ткачëв*, 2014. С. 7–28). Из числа выпускников пединститута вышли специалисты в области археологии, успевшие еще 1920-е гг. внести свой вклад в изучение памятников древности и средневековья Кубани (М.В. Покровский, Ю.С. Крушкол). Но особенно результативной тогда была полевая и теоретическая работа самого Н.А. Захарова, его коллег (М.В. Клочков, А.Ф. Лещенко, Г.Г. Григор) и учеников (М.В. Покровский, Н.В. Анфимов). Важно, что он работал в рамках развивающегося в те годы перспективного этнологического направления отечественной археологии, как и видные кавказоведы (А.А. Миллер, А.А. Иессен и др.).

Практические исследования, проводимые по линии ЛИЭТО с участием Кубанского научного музея в тот период впечатляют (*Лунин*, 1927а. С. 36; 1928. С. 68–70 и др.). Уже с 1925 г. проводились интенсивные разведки кубанских городищ, охвачено было 10 городищ со следами как архаических культур, так и напластованиями

местных культур римского времени. В 1927 г. продолжено исследование городищ, в том числе совместно с экспедицией Кубанского научного музея (в урочище «Сад Троттнера», на о. Дубинки и др.). Н.А. Захаров в составе комиссии наблюдал за земляными работами и вел сбор находок на городище на месте строительства Краснодарской электростанции (КРЭС). Находки состояли из керамики римского времени и раннего средневековья, встречались части амфор, чернолаковой посуды, предметы из бронзы (фрагмент перстня-печати с изображением Гермеса). Были обнаружены и памятники конца XVIII – первой половины XIX в.: погребения, остатки кордона, карантина и менового двора. В районе ст. Пашковской осматривались разрушающиеся погребения «готского типа», обнаруженные руководителем историко-археологического кружка школы № 2 г. Краснодара М.В. Покровским и его членом Н.В. Анфимовым (1909–1989): обнаружены гемма из халцедона с изображением воинов в шлемах, фибулы, браслеты и т.п. Это хорошо известный сейчас Пашковский могильник. Наблюдение за ним велось до конца 1920-х и в 1930-е годы (Покровский, 1936. С. 159–162).

Захаров работал также в Анапе на месте только предполагаемой тогда Горгишии, обследовал устье р. Анапки, собирал подъемный материал, в том числе и первых веков н.э., снимал эстампы с надписей на камнях, хранящихся у местных жителей. В конце 1920-х гг. Захаров также исследует городище Краснобатареиное. Он первым в 1929 г. опубликовал сообщение о находке плиты со знаком Тиберия Евпатора (Ткачёв, 2012. С. 33–34).

Массовое краеведческое движение в рассматриваемый период охватывало и средние учебные заведения, в которых образовывались краеведческие кружки. Некоторые из них успешно работали. К числу таковых относился историко-археологический кружок Краснодарской школы № 2, получившей позднее № 8. Участие в работах ЛИЭТО и открытие важных для науки памятников на территории Краснодара и окрестностей, создали еще в конце 1920-х гг. заслуженный авторитет кружку и его руководителю М.В. Покровскому. В 1929 г. во время строительства дома на ул. Почтовой кружковцами был исследован меотский могильник (IV в. до н.э. – III в. н.э.). Находки школьников составили фонд музея, располагавшего более чем 10000 экспонатов (Покровский, 1935. С. 161–162).

В Краснодаре как областном центре в 1920-е гг. не сложились собственные научно-исследовательские организации, занимав-

шиеся археологическими исследованиями. Исключение – названная этнолого-археологическая комиссия (1920–1922). Кубанский край входил в сферу деятельности Северо-Кавказского НИИ, созданного в 1920 г. во Владикавказе и в 1926 г. переведенного в Ростов-на-Дону. Практические усилия этих институтов и их местных отделений в Пятигорске и Карачае были сосредоточены только в верховьях бассейна р. Кубани и в Адыгее.

Не раз уже упоминаемый ученый-кавказовед и краевед-общественник северокавказского масштаба Д.М. Павлов (1884–1931), сотрудничавший со многими организациями в Краснодаре, Ростове-на-Дону, Владикавказе, Махачкале, был, прежде всего, членом Кавказского горного общества, создателем и руководителем ряда научно-краеведческих структур в Пятигорске, в частности, Пятигорского отделения Северо-кавказского НИИ, и проживал в основном в этом городе. В начале 1920-х гг. он занимался изучением памятников старины и созданием археологической карты Карачая (Павлов, 1927), который мало исследовался тогда другими специалистами (Алексеева, 1992. С. 14).

В 1925 г. намечалась большая экспедиция в бассейны Верхней Кубани, Теберды, Большого и Малого Зеленчуков для их обследования в этнолого-лингвистическом и художественно-археологическом отношении. Однако она, вероятно, не состоялась (Минаева, 1971. С. 31). В 1927 г. заведующий отделом социальной культуры института в Ростове А.Н. Дьячков-Тарасов возглавил экспедицию в Карачай, целью которой были сбор этнографического материала и археологические исследования. Работы принесли много редких и интересных находок. На Амгате раскопана пещера с 12 частично мумифицированными погребениями. В Ростовский-на-Дону музей горских народов доставлены рубаха, штаны, замшевая обувь, остатки шубы, сукна, железный нож с костяной ручкой, бронзовые украшения, кости цыплят, мумифицированные тела щенят, амулет из медвежьего когтя и другие находки. В урочище Агур в глиняном кувшине были найдены бронзовые кельт и серп; на поляне Гонахир у Клухорского перевала – древнее погребение в ящике из березовой коры. В Карт-Джурте зарисован мавзолей. В Нижне-Маринского ауле были зарисованы средневековые предметы принадлежащие школьному учителю. Возле Сентинского храма в гробницах зафиксированы костяки с сохранившимися волосами, амулеты, бусы, свинцовый византийский крест, медный набалдашник от посоха в виде пятиконечной звезды, позолоченные бубенчики и пугови-

цы, керамические кувшины. Исследователю доставлена золотая византийская монета императора Василия II и брата его Константина (X в.), найденная при ремонте южного притвора вышеупомянутого храма (Лунин, 1928. С. 75–76).

Созданная в конце 1925 г. Северо-Кавказская ассоциация научно-исследовательских институтов в Ростове-на-Дону объединила до 10 институтов и несколько кафедр Ростова, Новочеркасска, Краснодара и Владикавказа. Среди организаций была и исследовательская кафедра истории, культуры и экономики Кубанского педагогического института. В отчете Ассоциации за 1926 г. фигурировало 8 (из 38) экспедиций в области культуры, включая этнографию и археологию с участием 8 ответственных руководителей и 5 научных сотрудников (Вельмин, 1927. С. 3–7).

Что касается самого Карачая, то не только научная археологическая, но и вся краеведческая работа в нем в 1920-е гг. развивалась слабо. О положении в музейном деле было уже сказано. Краеведческие издания пестрили указаниями на то, что дело в области обстоит плохо. Сообщалось, что карачаевская секция в Пятигорском отделении Северо-Кавказского института краеведения прекратила работу. То же произошло с одноименной секцией в Баталпашинском научно-техническом совете. (Горский краеведческий..., 1926. С. 20). А.Н. Дьячков-Тарасов (1867– после 1929), говоря о перспективах Карачаевского краеведческого общества в 1927 г., вопросы археологии не затрагивал (Дьячков-Тарасов, 1927. С. 73). Чуть лучше ситуация обстояла в Черкесском автономном округе (с 1928 г. – область) с центром в ст. Баталпашинской.

Более благополучно ситуация развивалась в Адыгейской (Черкесской) области, административные органы которой до 1936 г. располагались в г. Краснодаре. Здесь был Адыгейский историко-этнографический музей и в 1927 г. образовался институт краеведения. В Майкопском округе с центром в г. Майкопе, в течение 1924–1930 гг. существовавшем самостоятельно в составе Юго-Восточной области и затем Северо-Кавказского края, были свои: краеведческое общество, окружное бюро краеведения, другие краеведческие организации, музей. Местные археологические силы Адыгеи тогда только зарождались.

Мало-Карачаевский район Карачаево-Черкесской (1922), затем Карачаевской (1926) автономной области географически принадлежит к Кавминводам. Поэтому его территория в археологическом отношении опекалась специалистами из городов курортного региона.

В Терской области развитие системы организаций и учреждений, связанных с памятниками древности и археологией в начальный период установления советской власти было традиционно связано с Владикавказом и Пятигорском. С начала 1918 г. здесь формировались органы и структуры, которые предпринимали попытки организации и упорядочения дела охраны памятников и управления музеями.

Кавказское горное общество и два его музея сохранялись в 1918 г., но положение их было сложным. Члены Общества, оставшиеся в Пятигорске, проявляли активность в вопросах культуры. Когда в городе образовался Совет по народному образованию, то на майском 1918 г. его собрании председателем был избран тогда преподаватель естествознания и географии, а в дальнейшем известный российский антрополог М.А. Гремяцкий (1887–1963). Были на собрании и другие члены КГО, вероятно, поэтому на нем было решено «...урегулировать дело раскопок и хранения древностей» (Известия., 1918. С. 1). Новые органы даже стали планировать выделение средств на ремонты зданий Лермонтовской усадьбы, где располагались правление и музей Общества. Однако политическая ситуация в это время быстро менялась. Недолго – с сентября 1918 до января 1919 г. – просуществовали Особая комиссия по охране культурных ценностей при областном комиссариате народного просвещения и Дом науки и краеведения на базе бывшего Войскового музея во Владикавказе. Но даже в 1919 г., когда Кавминводы и Терская область были заняты Добровольческой армией, проводились раскопки (Крупнов, 1960. С. 41).

После окончательного установления советской власти историко-краеведческая работа в Пятигорске и Владикавказе активизировалась. На Кавминводах ее возглавили Д.М. Павлов и В.Р. Апухтин (1874 – после 1928 г.). В 1920 г. ими был образован Совет обследования и изучения Терского края, Прикумское (Пятигорское) отделение Северо-Кавказской этнолого-археологической комиссии в г. Краснодаре. Среди планируемых задач этих структур значилось изучение городищ Рим-Гора и Маджары (ГАСК. Ф. Р-1619. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 52). Много ими было сделано и в области развития музейного дела не только на Кавминводах и в Терской области, но и во всем регионе. Д.М. Павлов был руководителем Северо-Кавказского комитета по делам музеев, а В.Р. Апухтин возглавлял Тергубмузей. Павлов также руководил Пятигорским отделением Северо-Кавказского горского институ-

та краеведения (1922) и его карачаевской секцией. Исследователи вынашивали планы организации Северо-Кавказского археологического института, готовилась археологическая энциклопедия региона, карты памятников Терского края и Карачая.

В начале 1920-х гг. музей КГО был национализирован и преобразован в Терский окружной краеведческий музей. Само же Общество, временно прекратившее свою деятельность в конце 1918 г., было возрождено в 1924–1925 гг. бывшими и новыми его активистами (Краеведение., 1928. С. 69–70). Председателем его стал известный на Кавминводах Е.А. Ларин (1858–1928) – ученый, врач и краевед (*Павлов*, 1928б. С. 89). Он также увлекался древностями. В перерегистрированном в 1925 г. Уставе КГО предусматривалось создание секций, одной из которых стала краеведческая. В пятилетнюю программу секции включалось исследование городища Рим-Гора с разведочными раскопками, на что было получено разрешение Главнауки. В 1926 г. Общество готовилось отметить свое 25-летие (*Горский...*, 1926. С. 20–21). Тогда же прорабатывался вопрос об организации Терского окружного бюро краеведения в Пятигорске на базе музея по образцу краевого бюро в Ростове-на-Дону, в котором предполагалось развитие культурно-социального сектора (*Панасий*, 1926. С. 50–54). В конце 1926 г. оно было создано и первое время активно работало.

В Терском окружном музее особая роль в организации и проведении археологических исследований в 1920-е гг. принадлежала Н.М. Егорову (1876–1965), являвшемуся в 1924–1931 гг. директором этого учреждения. Его личности и вкладу в изучение археологии региона посвящен ряд статей и 2 сборника Кавминводского семинара памяти краеведов (2015, 2016), проводимого на базе Пятигорского музея. Им и другими сотрудниками и активистами-общественниками зафиксированы десятки археологических объектов различных эпох, открытых или учтенных в то время в окрестностях Пятигорска, Кисловодска, соседних районах Кабардино-Балкарии и других местах. Заметную роль играл преподаватель и альпинист Я.И. Фролов (1881–1960), возглавлявший музей короткое время до Н.М. Егорова. Он во время горных походов собирал предметы из разрушенных древних средневековых погребений на Кавминводах и в Кабардино-Балкарской республике. Данные о памятниках были сведены в рукописи «Краткий очерк древней истории района Кавказских Минеральных Вод», оформленной Н.М. Егоровым в 1939 г. В рассматриваемый период

Н.М. Егоров сблизился с профессиональными археологами, изучающими памятники Северного Кавказа, публиковался в периодических и в научных изданиях.

В 1926–1927 гг. проведены экспедиции членов КГО и Терского окружного музея на Рим-Гору. Примечательны работы 1927 г. (Смолин, 1928. С. 87–90), которые возглавлял профессор В.Ф. Смолин (1890–1932), тесно связанный тогда с Пятигорским краеведческим музеем и ставший в конце короткой жизни его научным сотрудником (Савенко, 2017. С. 17–24). Масштабные исследования разновременных бытовых объектов Кабарды и Пятигорья готовились в 1928 г. и были осуществлены СКЭ ГАИМК под руководством А.А. Миллера и с участием А.А. Иессена в 1929–1930 гг. С этого времени к археологии региона стали приобщаться яркие представители археологического краеведения послевоенного периода Н.Н. Михайлов и А.П. Рунич.

Однако существенное расширение объема археологических материалов усложняло задачи его хранения и экспонирования. Недостаток музейных площадей и фондовых помещений был хронической проблемой Пятигорского музея в 1920-е и последующие годы.

Высших учебных заведений на Кавминводах в 1920-е гг. еще не было. Пример из сферы образования связан с бывшей Пятигорской мужской гимназией, которая была преобразована в школу № 1. В ней в 1920–1921 гг. был археологический кружок и сохранялся дореволюционный музей гимназии. В школе и кружке состоял Б.В. Лунин, который еще в юном возрасте фиксировал раскопки курганов в районе Пятигорска и ст. Горячеводской (Лунин, 1927б. С. 3–17).

Во Владикавказе с 1920 г. деятельность областных органов народного просвещения и энтузиастов из числа ученых и любителей древностей в сфере культурного наследия сосредоточилась на базе преобразованного Терского областного музея. Дореволюционные историко-культурные общественные организации перестали существовать, прежде всего, потому, что ведущая роль в них часто принадлежала представителям казачьей интеллигенции, находившейся в крайней оппозиции к советской власти. Новые краеведческие общества образовывались преимущественно на национальной основе (например, Осетинское историко-филологическое общество – 1919, Ингушское литературное общество – 1924) и ориентированы были на фольклор, этнографию, язык и литературу народов Кавказа. Терское же бюро краеведения, как ука-

зывалось, развернуло свою работу в Пятигорске. Краеведческая комиссия автономной Чеченской области оформилась только в 1926 г. и занималась сбором разнообразных материалов о Чечне. Вопросы археологии в них затрагивались, но незначительно. Еще позже, в 1927–1928 гг., было создано Кабардино-Балкарское общество изучения местного края. В связи с тем, что в его организации видную роль сыграл директор Кабардино-Балкарского областного музея археолог-любитель М.И. Ермоленко, Общество должно было оказывать поддержку этому музею.

Основным достижением на территории бывшей Терской области стало создание в 1920 г. Северо-Кавказского горского научно-исследовательского института на базе областного музея, который действовал во Владикавказе до 1926 г. Заметная роль в этом принадлежала авторитетным деятелям осетинской культуры из местных управленческих структур и осетинского общества, заложивших в 1920 г. и основу национального музея. Что же касается самого бывшего Терского областного музея, то он стал государственным научным учреждением, был подчинен Музейному отделу Главнауки и введен в структуру НИИ краеведения. До января 1928 г. научный музей был одновременно и музеем Осетинской и Ингушской областей. Подобная схема потом была распространена на другие национальные субъекты Северного Кавказа, за исключением Кабардино-Балкарии. В национальных автономиях музеи и НИИ часто создавались параллельно, и музейные учреждения подчинялись институтам или закреплялись в их кураторство. В идеале это могло содействовать более эффективному развитию археологических исследований и пополнению коллекций древней и средневековой культуры на местах, но в действительности нередко такой механизм действовал не слаженно и не результативно. Об этом, в частности, писал крупный археолог-кавказовед Е.И. Крупнов, который в начале своего научного пути как сотрудник ГИМа дважды (в 1932 и 1935 гг.) посещал северокавказские краеведческие музеи и анализировал их состояние, сложившееся к рубежу 1920–1930-х гг. (*Подгорнова, Крупнов, 1933. С. 72–75; Крупнов, 1936. С. 106–111*). Но были в эти годы и позитивные примеры.

Ключевой фигурой в археологии центральных районов региона являлся профессор Л.П. Семёнов (1886–1959), к которому присоединились художник-архитектор И.П. Щеплыкин (1884–1947) и ряд ингушских и осетинских исследователей. Их усилиями была налажена системная работа по археолого-архитектурному изуче-

нию горных и плоскостных районов Осетии, Ингушетии и соседних территорий. В лице Л.П. Семёнова объединялись линии археологической работы музейных, образовательных и научных учреждений Владикавказа, сотрудником которых он был.

Институт, находившийся некоторое время в юрисдикции Горской Автономной Советской Социалистической Республики (1921–1924), являлся научно-исследовательским учреждением с двумя отделениями: естественно-историческим и антропо-географическим. В качестве задач ставил экспедиционную работу в Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Ингушетии, Чечне, учет и охрану памятников старины. Институт пытался охватить исследованиями Адыгею, Дагестан и районы горной Грузии, но удалось это в Осетии, Ингушетии и частично Балкарии, в частности, потому, что из общей республики уже в конце 1921 г. стали выделяться в автономные области бывшие округа: Кабардинский, Карачаевский, Чеченский, Балкарский. Дальнейшие административные преобразования в регионе привели к тому, что Северо-Кавказский институт краеведения в декабре 1926 г., был преобразован в Ингушский научно-исследовательский институт, а Северо-Кавказский горский институт краеведения стал работать в Ростове-на-Дону.

После реорганизации фонды научного музея Северо-Кавказского института краеведения были разделены: часть увезли в Ростов-на-Дону, где затем был создан Краевой музей горских народов Северного Кавказа, часть была передана Ингушскому НИИ, часть – Осетинскому научно-исследовательскому институту (Пономарёва, 1975. С. 3–6).

Еще в 1918 г. во Владикавказе был создан Учительский институт, который после преобразования в 1920 г. стал Северо-Осетинским государственным педагогическим институтом. В институте преподавал Л.П. Семёнов, и некоторые его студенты приобщались к археологии, в частности, Е.И. Крупнов (1904–1970). В Горском политехническом институте с 1922 г. существовал кабинет кавказоведения, который возглавлял Д.М. Павлов.

Работу этнолого-археологической комиссии во Владикавказе развернуть не удалось, но на территории Осетии уже в 1922–1923 гг. успешно исследовала памятники археологии в течение ряда сезонов СКЭ РАИМК (ГАИМК) под руководством А.А. Миллера. Нередко к участию в ней привлекались местные силы. Но и экспедиция Северо-Кавказского института краеведения проводила большой объем работ. В 1925 г. в горах Осетии велись раз-

ведочные раскопки в сс. Кобань, Даргавс, Какадур, Джимара. На плоскогорье Ингушетии фиксировались и обследовались Назрановское укрепление, развалины башни в Гамурзиево, ингушские и кабардинские стоянки и могильники, остатки крепости в ст. Слепцовской, известный с XVIII в. мавзолей Борга-Каш у селения Плиево. 1926 г. продолжены работы в плоскостной предгорной и горной Ингушетии и Сунженском округе. Маршрут экспедиции охватывал многие средневековые башенные комплексы, храм Тхаба-Ерды и другие объекты. Экспедицией отмечены различные виды памятников (башни и замки, святилища памятные столбы и плиты, наземные и полуподземные склепы, подземные могилы), характерные особенности их устройства, зафиксировано их местонахождение и степень сохранности. Получены новые находки: чашечный камень, камни с высеченными фигурами, много разнообразных предметов, в том числе знаменитой кобанской культуры. Л.П. Семёнов, И.П. Щёблыкин и сотрудник СКЭ ГАИМК М.И. Артамонов осматривали городище на юге Владикавказа, производили сбор керамики, ставили шурфы. Помимо полевых находок исследователи получили много выразительных случайных предметов из Осетии, Ингушетии, Дагестана: бронзовый котел, китайское зеркало и т.д. (Лунин, 1927а. С. 36–38). 1927 г. обследования горной Ингушетии, начатые в 1926 г. бывшим Северо-Кавказским НИИ краеведения, продолжены по линии Ингушского НИИ. Л.П. Семёнов, И.П. Щёблыкин, О.А. Мальсагов поднялись на Столовую гору с целью изучению древних святилищ и храмов, фиксации различных видов памятников. В горных селениях проводились небольшие раскопки, давшие многочисленные находки (Лунин, 1928. С. 76–77).

В 1928–1929 гг. исследования горных районов Ингушетии, включая Дарьяльское ущелье, продолжались. В них принимали участие сотрудники Ингушского института краеведения Л.П. Семёнов, О.А. Мальсагов, И.П. Щёблыкин, Х.Б. Ахриев, А.М. Шадиев, Е.И. Крупнов и др. По результатам этих экспедиций издан ряд публикаций (например, Семёнов, 1928; Щёблыкин, 1928).

Осетинский институт краеведения согласно «Положению» от 07.05.1926 г. имел музей материальной и духовной культуры Осетии и осетин (Известия ..., 1926. С. 567–571). Во 2-ой половине 1920-х гг. институт принимал меры к охране Кобанского могильника, вел научный надзор за памятниками в зоне строительства Дигорского канала и Гизельдонской гидростанции (ЦГА РСФСР-А.

Ф. Р-126. Оп. 2. Д. 76. Л. 3, 4, 7, 9; Ф. Р-759. Оп. 1. Д. 54а. Л. 232–234 и др.). В 1926 г. была создана разведочная экспедиция, которой зафиксированы курганы у входа в Дигорское ущелье и могильники в районе с. Хазнидон, сделаны находки из частично разрушенных погребений типа кобанской культуры.

В 1927 г. профессора Б.А. Алборов и Л.П. Семёнов при участии Е.Г. Пчелиной (тогда научного сотрудника ГИМа) вели разведки у с. Чми, в Кобанском, Даргавском и Куртатинском ущельях. Работы шли в с. Лац на «Нартском кладбище», где доисследован ряд погребений с разнообразным раннесредневековым инвентарем. Было собрано много сведений о памятниках, преданий о них. Находки отправлены в ГИМ. Из зоны строительства Дигорского канала и Гизельдонской ГЭС поступали предметы кобанского облика (Лунин, 1928. С. 77–79). В целом экспедициями научных учреждений и музеев, расположенных во Владикавказе, были достигнуты серьезные результаты в учете, спасении и исследовании археологических памятников центральных районов региона. Работы не прекращались и в конце 1920-х – начале 1930-х гг.

Особым, хотя и не единичным, явлением в области развития археологических исследований в регионе была деятельность в Нальчике с начала 1920-х гг. еще одного энтузиаста – М.И. Ермоленко (1867–1940), создавшего в 1921 г. Кабардинский (затем Кабардино-Балкарский) областной музей и формировавшего его археологические коллекции, фактически не имея на это средств. Прибыл он в Нальчик в начале 1921 г. как основатель «четвертого на его счету музея» из Владикавказа, где некоторое время работал хранителем музея при Северо-Кавказском институте краеведения. Ермоленко сразу занялся разведками памятников и предметов археологии и раскопками курганов и других объектов Кабарды. В январе 1923 г. ему был выдан мандат за подписями руководителей области на право проведения археологических разведок и раскопок, а также для сбора предметов этнографии в интересах музея с предписанием местным властям оказывать во всем этом содействие. Пользуясь этим разрешением, краевед проводил частичные раскопки и доисследование разрушающихся погребений в городе и окрестностях, выявлял бытовые объекты и собирал подъемный материал, забирал археологические предметы у находчиков. В 1923 г. на окраине г. Нальчика в кургане было раскопано погребение со скорченным окрашенным костяком, в нем найдены каменные орудия, керамические сосуды, уникальные [тогда. – С.С.]

каменные браслеты из мергеля. В 1927 г. помимо изучения курганов по трассе Пятигорского шоссе, шел сбор сведений о памятниках Кабардино-Балкарии для принятия мер по их сохранению, в том числе посредством раскопок. И примеров таких работ много (Ермоленко, 1927).

М.И. Ермоленко существенно повлиял на планы работы СКЭ РАИМК (ГАИМК) в Кабардино-Балкарской области. Кавказоведы и историки науки его хорошо знали, оценивали как его достижения, так и многие отрицательные стороны (низкий полевой профессионализм, отсутствие качественной документации, плохая уживчивость с коллегами) (Иессен, 1941. С. 13; Крутнов, 1960. С. 43–44; Аппаева, 2015. С. 105–107; Ермоленко, 1927. С. 61 и др.). Но все они сходились на признании большого вклада краеведа-энтузиаста в накопление археологических материалов, открытие и учет новых, в том числе очень значимых для науки памятников (например, Агубековское поселение), развитие музейного дела и краеведения Кабардино-Балкарии. Но основным детищем его был музей (Ермоленко, 1928), в котором он проработал, нередко в одиночестве, большую часть своей жизни. Уже в 1928 г. в музее были сосредоточены археологические коллекции, включавшие 5960 единиц хранения. В дальнейшем это число продолжало заметно расти.

В республике, между тем, в 1926 г. был создан областной НИИ с целью привлечение научных сил в Кабарду и Балкарию для всестороннего их изучения, в том числе в области археологии и этнологии (КБИГИ..., 2001. С. 7). В институте был предусмотрен историко-этнографический разряд, а в нем – историко-археологическое отделение. Однако местных специалистов в нем долгое время не было. Не наладились и деловые контакты с Кабардино-Балкарским музеем.

Кроме центральных экспедиций в Кабардино-Балкарии в рассматриваемый период поработали и члены Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии (Ростов-на-Дону). В 1927 г. группа под руководством А.М. Ильина, включавшая инженера М.Н. Ованесова и художника Л.Ф. Жлутченко, изучала археологические материалы Кабардино-Балкарского областного музея, вела обследование окрестностей г. Нальчика и памятников балкарских ущелий (Черекское, Чегемское, Баксанское). В горах осматривались, фотографировались, зарисовывались и описывались башни, «кешенэ» и другие памятники. Было оказано содействие М.И. Ермоленко в раскопках курганов по трассе Пятигорского шоссе (Лунин, 1928. С. 74).

В ноябре 1924 г. окружным отделом народного образования в г. Грозном был основан музей Чеченского автономного округа по истории культуры и религии, но в течение ряда лет он оставался простым хранилищем научных материалов (Асталов, 2006. С. 7). Только в 1930 г. появился Чеченский НИИ, преобразованный из научно-краеведческого общества. Археологических исследований сотрудники этих учреждений в то время не проводили из-за отсутствия квалифицированных кадров. Первая художественно-этнографическая экспедиция в горную Чечню была организована только в 1930 г. сотрудниками Музея горских народов в Ростове-на-Дону. Перед ней стояла задача «...изучения и собирания материалов, отражающих эволюцию быта чеченского народа начиная с древнейших времен» (Исаева, 2006. С. 65).

В Дагестанской области, Советской и затем Автономной Советской Социалистической Республике (1921) с установлением советской власти также формировались органы народного образования и структуры в области музейного дела и охраны памятников истории и культуры. Обстоятельное изучение этого вопроса является специальной задачей. Здесь же мы ограничимся обобщением известных данных и некоторыми выводами. В начале 1920-х гг. в республике также не хватало местных подготовленных кадров для ведения археологических исследований. Созданный в конце 1917 г. в Темирхан-Шуре (Буйнакске) первый в Дагестане педагогический институт в годы Гражданской войны закрылся, и к его восстановлению власти вернулись только в 1931 г. Не было и других вузов. Поэтому с начала 1920-х гг. управленческие структуры привлекают для исследования памятников древности и средневековья ученых центральных учреждений. Так, в 1921–1924 гг. Дагестанский народный комиссариат просвещения приглашал московского лингвиста и культуролога, профессора МГУ и руководителя Комитета по изучению языков и этнических культур Северного Кавказа при Главнауке Н.Ф. Яковлева. Он, в частности, работал в северо-западном Дагестане. Более широкий охват в 1923–1924 гг. имели исследования другого профессора МГУ – этнолога и археолога А.С. Башкирова (Лысенко, 2013. С. 141–142).

В 1924 г. в республике параллельно создаются Дагестанский музей и Научно-исследовательский институт. Обе эти задачи решал приглашенный в Дагестан Д.М. Павлов (Лысенко, 2016. С. 43–48). Но в конце 1920-х гг. эти учреждения стали постепен-

но самостоятельно работать в области учета, сохранения и изучения многочисленных и разнообразных археологических памятников Дагестана. Тогда же НИИ стал Институтом культуры, и был разработан 5-летний план научно-исследовательских работ (Мирзабеков, 2014. С. 4–5).

Как и в предреволюционный период, в первые годы советской власти ведущей фигурой в музейном деле, сохранении и изучении археологических памятников в Ставрополе и Ставропольской губернии (округе) являлся Г.Н. Прозрителев (1849–1933). Он продолжал руководить своим Музеем Северного Кавказа, входил в новые структуры органов управления музеями и объектами наследия, в музейные и иные краеведческие советы или комиссии, осуществил самый удачный на Северном Кавказе опыт создания этнолого-археологической комиссии. Она действовала с 1921 г. вплоть до смерти руководителя (Колесникова, 1999. С. 208–224). Продолжал Прозрителев и научно-публицистическую и полевую археологическую работу (последнюю под эгидой Ставропольской ЭАК). В компетенцию комиссии входило: проведение археологических изысканий вокруг г. Ставрополя с целью выявления, фиксации и постановки на учет памятников старины; проведение раскопок и обследований памятников, которым был нанесен ущерб и разрушившихся в результате строительных работ; осуществление охраны памятников древности и старины. В 1924 г., к примеру, доисследован крупный скифский курган в Ставрополе. Важной заслугой Прозрителева и Ставропольской ЭАК было составление археологической карты ставропольской губернии со сведениями о памятниках, в том числе и выявленных в ранний советский период. Исследователь подготовил и свод по археологии Ставрополя и окрестностей (Колесникова, 1997. С. 87–93).

Помимо Ставрополя превышенным вниманием Г.Н. Прозрителева традиционно пользовалось городище Маджары у г. Прикумска (Буденновска). В этом его поддерживал местный краевед Ф. Мамайханов и другие единомышленники. Так, один из очередных масштабных объездов местонахождения маджарских развалин со сбором керамических и иных фрагментов, скупкой предметов и монет у местных жителей был проведен в 1926 г. (Лунин, 1927а. С. 40). В 1927 г., несмотря на отсутствие необходимых средств, работы на памятниках продолжались. На Маджарах сделаны интересные находки: плита с надписью, керамический светильник, «сфероконус» и др. Велись: фиксация, описание, фотографирование камен-

ных баб в сс. Безопасном, Московском, Донском, на хут. Жадана. Исследовалось Каряжское городище под Ставрополем, на котором найдена поделка в виде головы «крокодила» (!?).

В целом следует подчеркнуть интенсивность работ Ставропольской ЭАК в рассматриваемое время. По-видимому, это было одной из причин того, что экспедиции центральных и иных северокавказских археологических учреждений не работали тогда на Ставрополье. И это даже в условиях, когда уже основательно больной Г.Н. Прозрителев пережил тяжелое для него объединение музеев Северного Кавказа и имени Праве в 1927 г., чему он долго сопротивлялся. Объединение отрицательно оценивали многие краеведы, музейные деятели и археологи (Лунин, 1928. С. 72–73 и др.).

Таким образом, в 1920-е гг. в Северо-Кавказском регионе существовали десятки учреждений различных категорий и научного уровня, действовавших в сфере археологических исследований. Если постараться кратко оценить итоги их работы, то можно констатировать, что в сложных, часто меняющихся политических и организационных условиях, археологические исследования неравномерно, но результативно продолжались. В областях и районах региона были учтены, вновь обследованы известные и выявлены новые, в том числе особо важные и ценные, памятники, включая слабо исследуемые ранее бытовые объекты (городища Кубани, Таманского полуострова, Кабарды, осетинского и ингушского Притеречья, Прикаспийского Дагестана, средневековые башенные комплексы Балкарии, Осетии, Ингушетии, некоторые дагестанские горские селения). Расширены масштабы изучения курганов, дольменов и грунтовых могильников, начата классификация средневековых горских склепов и башен, накоплен разнообразный материал от эпохи камня до позднего средневековья, послуживший основой для научных обобщений. Важно было то, что и в отдельных районах археологические объекты полностью или по эпохам и культурам, были картографированы, что позволило обоснованнее строить перспективы их дальнейшего изучения.

Но время «великого перелома» отрицательно сказалось на наметившихся позитивных тенденциях. Часть организаций 1920-х гг. не смогла сохраниться, а многие были очередной раз преобразованы. Действовавшие музеи и НИИ нередко не пользовались должным вниманием со стороны местных, окружных и краевых властей, в том числе и в национальных субъектах. Серьезно ощущался недостаток средств и материального обеспечения учрежде-

ний. Научная и музейная работа «стимулировалась исключительно любовным отношением к делу» (Крупнов, 1936. С. 111).

Но особенно тяжело сложилась судьба большинства исследователей с дореволюционными корнями биографий и части новых краеведов, выросших под влиянием «старых специалистов». Преследовались и были репрессированы: Е.И. Гладкий, В.Р. Апухтин, А.Ф. Левченко, Д.М. Павлов, Б.В. Лунин и др. Часть ученых и любителей северокавказских древностей вынуждены были покидать «насиженные места» и скрываться, но были «вычищены» позднее. Некоторые умерли своей смертью относительно молодыми (А.И. Яцимирский, В.Ф. Смолин и др.), а при других условиях, возможно, вполне могли бы продолжать свою научную деятельность. И лишь некоторым удалось частично и, редко, полностью избежать репрессий и адаптироваться к новым требованиям и обстановке.

И все же развитие археологии в конце 1920-х гг. на Северном Кавказе не прекратилось, а устояло, также, как и в трагическое время революций и Гражданской войны. Оно продолжилось на новом этапе в других обстоятельствах.

Литература

- Алексеева Е.П.*, 1992. Археологические памятники Карачаево-Черкессии. М.: Наука. 216 с.
- Алибекова Э.Б.*, 2009. Вопросы древней истории Азербайджана в российской историографии XIX – начала XX вв. Баку: Тəhsil. 224 с.
- Атаева Ж.М.*, 2015. История создания краеведческого музея в Нальчике // *Наследие веков.* № 3. С. 103–108.
- Асталов В.А.*, 2006. Национальный музей Чеченской республики: история и современность // *Материалы республиканской научно-практической конференции, посвященной 80-летию Национального музея ЧР.* Грозный: Нац. музей Чеченской республики. С. 6–27.
- Вельмин В.П.*, 1927. Северо-Кавказская краевая ассоциация научно-исследовательских институтов (история возникновения и обзор деятельности) // *Бюллетень Северо-Кавказского бюро краеведения.* № 1–6 (8–12). С. 3–10.
- Гарданов В.К.*, 1957. Музейное строительство и охрана памятников в первые годы советской власти // *История музейного дела в СССР. Труды НИИ музееведения.* М.: Госкультпросветиздат. С. 7–36.
- Горгишпия...*, 2013. Горгишпия / Сост. З.Е. Харалдина. Краснодар: Анапский археологический музей. 50 с.
- Городцов В.А.*, 1928. К итогам археологических трудов в СССР за 10 лет // *Труды секции археологии Института археологии и естествознания РАНИОН.* Т. II. М.: РАНИОН. С. 5–11.

- Горский краеведческий..., 1926. Горский краеведческий журнал. Махачкала: Ассоциация горских краеведческих организаций С.-Кавказа. 41 с.
- Григор Г.Г., 1926. Музеи Северного Кавказа (по данным на 1-ое янв. 1926 г.) // Бюллетень Северо-Кавказского бюро краеведения. № 5–7. С. 1–12.
- Дубянский В.В., 1924. Краеведческая работа на Кавказе в прошлом и теперь // Краеведение. Периодический орган Центрального бюро краеведения. № 4. С. 404–417.
- Дьячков-Тарасов А.Н., 1927. О ближайших задачах Карачаевского краеведческого общества // Бюллетень Северо-Кавказского бюро краеведения. № 1–6 (8–12). С. 73.
- Ермоленко Л.П., 2017. Развитие региональной археологической науки во второй половине XIX – первой четверти XX столетия (по материалам Северного Кавказа) // Гуманитарные и юридические исследования. Серия: История и исторические науки. Ставрополь: СКФУ. С. 58–64.
- Ермоленко М.И., 1927. Археология Кабарды и Балкарии. Нальчик: Тип. им. Революции 1905 г. 4 с.
- Ермоленко М.И., 1928. Кабардино-Балкарский областной музей (его история и экспонаты). Владикавказ: Красный Октябрь. 18 с.
- Есипенко Л.М., 2001. Дела рук и разума нашего (из истории Краснодарского музея-заповедника) // Музейный вестник (к 25-летию музея-заповедника). Краснодар: КГИАМЗ. С. 5–11.
- Жуков Ю.Н., 1989. Становление и деятельность советских органов охраны памятников истории и культуры. М.: Наука. 304 с.
- Иссен А.А., 1941. Археологические памятники Кабардино-Балкарии (Значение древних памятников Республики) // МИА. Вып. 3. М.; Л.: АН СССР. С. 7–50.
- Известия..., 1918. Известия Пятигорского Совета рабочих, солдатских, крестьянских и горских депутатов. 25.05 (12.05). № 30 (103).
- Известия..., 1922. Известия Общества любителей изучения Кубанской области: Вып. 7 / Под ред. Б.М. Городецкого. Краснодар: 4-я типография Кубчерполиграфтреста. 240 с.
- Известия Осетинского..., 1926. Известия Осетинского научно-исследовательского института краеведения. Вып. II / Под редакцией Б. Алборова, Г. Бекоева, М. Мисикова, Г. Дзагурова и Д. Дзагурова. Владикавказ: Осетинский НИИ ин-т краеведения. 653 с.
- Ионова О.В., 1957. Создание сети краеведческих музеев РСФСР в первые десять лет советской власти // История музейного дела в СССР. Труды НИИ музееведения. Вып. 1. М.: Госкультпросветиздат. С. 37–72.
- Исаева Р.М., 2006. Деятельность научных экспедиций музеев страны в Чечне и Ингушетии в 1930-е гг. // Материалы республиканской научно-практической конференции, посвященной 80-летию Национального музея ЧР. Грозный: Нац. музей Чеченской республики. С. 64–70.
- Карайчева В.В., 2008. Роль Донского археологического института в развитии науки и культуры Донского края (1918–1922 гг.) // Известия высших учебных заведений. Северо-кавказский регион. Серия: Общественные науки. № 3. С. 49–52.
- КВИГИ., 2001. КВИГИ – 75 лет. Нальчик: Эль-Фа. 224 с.
- Кваша А.М., Матющенко П.П., 2015. Краеведение на Кубани в период Первой мировой войны // Современные проблемы науки и образования. № 6. (приложение «Исторические науки»). С. 5–6.

- Коваленко А.Н., 1992. Д.М. Павлов – выдающийся краевед Северного Кавказа // Археология и краеведение Кавминвод. Материалы 1-й региональной конференции. Кисловодск: КФ СГОКМ, КНИФСЦ, ККО. С. 37–39.
- Колесникова М.Е., 1997. Вклад Г.Н. Прозрителева в археологию Северного Кавказа // Интеллигенция Северного Кавказа в истории России. Ставрополь: СГУ. С. 87–93.
- Колесникова М.Е., 2001. Ставропольская этнолого-археологическая комиссия. Страницы истории и основные направления культурно-охранительной деятельности в 1921–1933 годах // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. II. Археология. Антропология. Палеоклиматология. М.: Памятники исторической мысли. С. 208–224.
- Корсакова Н.А., 2016. Научная деятельность Краснодарского краеведческого музея и его роль в сохранении культурного наследия. 1918–1928 г. // Научно-исследовательская деятельность музеев Северокавказского региона: Проблемы и перспективы. Фелицынские чтения – XVIII: Материалы межрегиональной научно-практической конференции, г. Краснодар, 18–20 октября 2016 г. Краснодар: Виза-принт. С. 117–120.
- Краеведение., 1928. Краеведение на Северном Кавказе. Периодический орган Сев.-Кавк. краевого бюро краеведения. № 3–4. Ростов-на-Дону: С.-К. краевое бюро краеведения. 96 с.
- Крупнов Е., 1936. Музеи Северо-Кавказского края // Советский музей. № 1. С. 106–111.
- Крупнов Е.И., 1960. Древняя история Северного Кавказа. М.: АН СССР. 520 с.
- Лунин Б., 1932. Войцеховский Сергей Францевич. Некролог // Советское краеведение на Северном Кавказе. Сборник краеведческих материалов. Ростов н/Д: Северный Кавказ. С. 70–72.
- Лунин Б.В., 1925. Перспективы изучения материальной культуры в 1925 г. и частичные итоги работы 1920–1924 гг. // Северо-Кавказский край. № 6. С. 58–72.
- Лунин Б.В., 1926. К вопросу о задачах русской археологии на Северном Кавказе. 1. Доисторическая (первобытная) археология. Отд. оттиск из журнала «Северо-Кавказский край». Ростов-на-Дону. 16 с.
- Лунин Б.В., 1927а. Археологические раскопки и разведки на Северном Кавказе в 1926 г. (предварительные итоги) // Бюллетень Северо-Кавказского бюро краеведения. № 1–6 (8–12). С. 19–41.
- Лунин Б.В., 1927б. Курганные могильники близ г. Пятигорска Терской области (Некоторые данные к вопросу о погребениях старых северо-кавказских племен) // Записки. Кн. 1 (Т. III). Вып. 2. Ростов-на-Дону: С.-К. краевое общество археологии, истории и этнографии. С. 3–17.
- Лунин Б.В., 1928. Археологические раскопки и разведки на Северном Кавказе в 1927 году // Краеведение на Северном Кавказе. № 1–2. С. 58–84.
- Лысенко Ю.М., 2013. Деятельность археологических экспедиций в Дагестане. 1920–1930-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 3 (29): в 2-х ч. Ч. II. Тамбов: Грамота. С. 141–143.
- Лысенко Ю.М., 2016. Роль Д.М. Павлова в становлении и развитии Дагестанского музея и Дагестанского научно-исследовательского института // Первый Кавминводский межрегиональный музейно-научный семинар памяти краеведов: материалы заседаний / Под ред. С.Н. Савенко. Ставрополь: Ставроплит. С. 43–48.

- Мальцев А.А., Новичихин А.М., Жеребятьев Д.И., Королёва С.В., Моор В.В.*, 2018. Античная Горгия: история исследования и исследователи. М.: МАКС-пресс. 84 с.
- Мерперт Н.Я.*, 1995. Введение // Антология советской археологии. Т. I. 1917–1933. М.: ИА РАН, ГИМ. С. 3–14.
- Миллер А.А.*, 1926. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции Государственной академии истории материальной культуры в 1924 и 1925 гг. // Сообщения ГАИМК. Т. 1. Л.: ГАИМК. С. 71–142.
- Миллер А.А.*, 1929. Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции Государственной академии истории материальной культуры в 1926 и 1927 гг. 1929 г. // Сообщения ГАИМК. Т. II. Л.: ГАИМК. С. 60–122.
- Минаева Т.М.*, 1971. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь: Ставропольское кн. изд-во. 248 с.
- Мирзабеков М.Я.*, 2014. У векового рубежа: Институту истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН – 90 лет // Институт истории, археологии и этнографии. Институт истории, языка и искусства им. Г. Цада-сы. 1924–2014 гг. К 90-летию основания. Документы и материалы. Махачкала: Наука-Дагестан. С. 3–28.
- Носов Е.Н.*, 2013. Введение: ИИМК РАН на волнах истории... // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.) / Отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 9–14.
- Павлов Д.М.*, 1927. Искусство и старина Карачая: история изучения и описания: Материалы. Пятигорск: Терек. 32 с.
- Павлов Д.М.*, 1928а. Изучение человека за послереволюционный период // Десять лет научных работ в Дагестане (1918–1928). Сборник / Под ред. Д.М. Павлова и А.А. Тахо-Годи. Махачкала: Дагестанский НИИ. С. 62–66.
- Павлов Д.М.*, 1928б. Евгений Андреевич Ларин // Краеведение на Северном Кавказе. № 3–4. С. 89.
- Панасий Г.К.*, 1926. Организации Терского Окр. Бюро Краеведения в г. Пятигорске // Бюллетень Северо-Кавказского бюро краеведения. № 5–7. Июль-сентябрь. С. 50–54.
- Платонова Н.И.*, 2010. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая четверть XX века. СПб.: Нестор-История. 316 с.
- Платонова Н.И.*, 2017. Революционный подъем и начало системной перестройки археологической науки: приобретения и потери // 1917 год: российская археология на переломе эпох. Материалы международной научной конференции / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: ИА РАН. С. 54–57.
- Подгорнова В., Крупнов Е.*, 1933. Краеведческие музеи Северного Кавказа // Советский музей. № 2. С. 72–75.
- Покровский М.В.*, 1935. Музей краснодарской школы № 8 // Советское краеведение в Азово-Черноморском крае. № 3. С. 161–162.
- Покровский М.В.*, 1936. Пашковский могильник № 1 // СА. № 1. С. 159–169.
- Пономарёва И.З.*, 1975. Из истории Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея // Известия ЧИРКМ. Вып. XI. Грозный. С. 3–17.
- Савенко С.Н.*, 2017. Новые биографические данные о В.Р. Апухтине, Н.М. Егорове, В.Ф. Смолине, М.И. Рыбенко и А.П. Руниче // Третий Кавминводский межрегиональный музейно-научный семинар памяти краеведов: материалы заседаний / Под ред. С.Н. Савенко. Ставрополь: Печатный двор. С. 9–34.
- Семёнов Л.*, 1928. Археологические и этнографические разыскания в Ингуши в 1925–27 гг. Владикавказ: Ингушский НИИ краеведения. 32 с.

- Смолин В.Ф., 1928. Катакомбы на Рым-горе близ Кисловодска // Краеведение на Северном Кавказе. № 1–2. С. 87–90.
- Сорокина И.А., 2016. Археологический подотдел в системе Наркомпроса (1918–1926 годы) // КСИА. Вып. 245. С. 244–256.
- Сорокина И.А., 2017. Археология и «музейное строительство» первых лет советской власти (1918–1925 годы) // КСИА. Вып. 249. С. 311–317.
- Ткачѳв А.Н., 2012. Археологические исследования на Кубани в довоенный период (1920-е – 1941 год) // Культурная жизнь Юга России. Вып. № 1 (34). С. 32–35.
- Ткачѳв А.Н., 2014. Н.А. Захаров: «забытое» имя в кубанской археологии (к 130-летию со дня рождения) // Археология и этнография Понтийско-Кавказского региона. Вып. 2. Краснодар: КубГУ. С. 7–28.
- Ткачѳв А.Н., 2015. Археология в Кубанском педагогическом институте (1920 – 1930-е гг.) // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. № 3–4. С. 202–214.
- Ткачѳв А.Н., 2018. История археологического изучения Северо-Западного Кавказа в советский период (1920-е – 1991 гг.) [Электронный ресурс]. // Дисс... канд. ист. наук. Режим доступа: <http://www.science.vsu.ru/dissertations/6924/> Диссертация_Ткачев_А.Н.pdf Дата обращения 07.02.2019.
- Шматько О.Н., 2009. Деятельность музеев Северного Кавказа по охране памятников на Северном Кавказе в 20-е гг. XX в. // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: IX Минаевские чтения по археологии, этнографии и региональной истории Северного Кавказа (г. Ставрополь, 23–24 октября 2009 г.). Ставрополь: СГУ. С. 460–464.
- Щеблыкин И.П., 1928. Искусство ингушей в памятниках материальной культуры. Владикавказ. 30с.

И.А. Сорокина

**ПОЛЕВАЯ АРХЕОЛОГИЯ В РОССИИ
В 1918 – НАЧАЛЕ 1930-х ГОДОВ:
ОРГАНИЗАЦИЯ, ДИНАМИКА, ТЕНДЕНЦИИ**

Резюме. В статье рассматриваются вопросы, связанные с состоянием полевой археологии в Советской России в период ее становления. С помощью информационно-поисковой системы по полевым исследованиям сделан анализ ее развития в три периода: 1918 – до начала 1920-х гг. – упадок, связанный с общими кризисным состоянием государства – социальные потрясения, экономическая разруха и Гражданская война. Во втором периоде начинается подъем в области полевых исследований (с 1923 г.), обусловленный развитием краеведения в СССР. К сожалению, положительная динамика была прервана разгромом краеведческого движения в начале 1930-х гг. Репрессии против краеведов резко сократили количество исследователей и вызвали катастрофическое снижение объема археологических раскопок и разведок. Некоторый подъем наблюдается в начале 1930-х гг. В это время приступают к работе крупные экспедиции в зонах строительства хозяйственных объектов (Московское метро, канал Москва – Волга и др.). Ведущая роль принадлежит теперь не краеведам, а археологам-профессионалам.

Ключевые слова: полевые исследования, открытый лист, охрана археологического наследия, краеведение, археологические раскопки и разведки.

История России первых 15 лет советской власти – это история внутривластных потрясений, войны, социально-экономического кризиса, осложненного страшным голодом начала 1920-х годов, кратковременного подъема во всех областях общественной жизни и начала индустриализации и коллективизации и конце десятилетия. Эти перемены потрясли патриархальные устои российской глубинки и обусловили глубокие социальные сдвиги в российском обществе. Новые явления в развитии России возникли со сменой государственной власти в результате октябрьского переворота 1917 г., продолжались в течение 1920-х гг. и об-

рели более-менее законченную форму с переходом к мобилизационной модели развития экономики в 1928 г. За это время сменились три внутривнутриполитических курса: «военный коммунизм» (1918–1920), НЭП (1921–1927) и начало перехода от аграрной страны к стране индустриальной с тотальным вмешательством государства во все сферы: от экономики до личной жизни граждан (1929 и последующие годы).

Полевая археология тесно связана с развитием государства и событиями, в нем происходящими. На ее состояние непосредственно влияют революции, войны, резкие смены внутривнутриполитического курса. Обусловлено это, во-первых, собственностью на землю (поскольку памятник археологии находится в земле), во-вторых, возможностями финансирования полевых исследований. В этом отношении выбранный для анализа период крайне интересен. Не менее интересен он и с точки зрения произошедших в то время социальных перемен применительно к археологии. До 1918 г. археологией занималась небольшая, финансово состоятельная часть российского общества. Им часто было под силу организовывать полевые исследования и издавать археологические материалы. Из их среды происходили и спонсоры археологических изысканий, в том числе весьма высокопоставленные. А финансы требовались не маленькие. «Археология – наука людей богатых» – так четко определила проблему председатель МАО графиня П.С. Уварова, прекрасно знавшая, во сколько обходятся раскопки даже при дешевой рабочей силе.

В 1918–1919 гг. в связи с трагическими потрясениями полевых исследований было ничтожно мало по сравнению с периодом до Первой мировой войны. Для сравнения: в 1914 г. зафиксировано 90 исследований (правда, 17 не проведено, видимо, в связи с началом войны)¹, а в 1919 г. – всего 10. Занимались ими в ограниченных объемах в основном известные ученые из старой интеллигенции: преподаватели университетов, сотрудники музеев и члены существовавших с дореволюционного времени научных обществ (Ф.В. Баллод, А.С. Башкиров, Л.А. Моисеев, Б.Э. Петри, А.А. Спицын и др.). С начала 1920-х гг. изучением материальной

¹ Данные по: Белова, 2009. С. 128–132. Надо отметить, что в базе данные зафиксированы несколько иначе, чем в реестре Н.А. Беловой. Так, если ОЛ выдан на два и более мест исследований (например, Н.И. Веселовскому – на работы в Кубанской обл. и Таврической губ.), то они и вносились отдельными записями. Это важно для последующего картографирования исследований в ГИС.

культуры и истории Отечества заинтересовались многочисленные представители местной новой интеллигенции – краеведы. Большую активность в познании прошлого стали проявлять и народные массы, получившие доступ к начальному и среднему образованию. Формировалась новая социальная среда, интерес которой был направлен на познание истории малой родины. Краеведы вели полевые исследования, привлекали к ним молодежь, публиковали результаты, участвовали в создании музеев и формировании их коллекций. Еще одной социальной новацией стало все более широкое участие в постижении археологической науки и практики женщин, что ранее было немыслимо (Аксарева, 2009)².

Произошли и кардинальные изменения в законодательстве, определившие развитие полевой археологии в раннесоветский период. Прежде всего, это отмена частной собственности на землю и передача ее в общенародное пользование³. Отныне не было препятствий к установлению полного контроля над полевыми исследованиями на всей территории государства. Но была и другая сторона медали: эта свобода распоряжения землей спровоцировала ускоренное разрушение всех категорий объектов культурного наследия, в том числе археологического. Памятники уничтожали в ходе сельскохозяйственных работ, строительства и просто грабили. Необходимы были срочные меры со стороны государства, чтобы предотвратить их полную утрату.

В первой половине 1918 г. последовали распоряжения советской власти РСФСР в отношении культурного наследия и науки. Декрет СНК от 05.10.1918 г.⁴ касался, прежде всего, движимых объектов: частных и музейных коллекций, библиотек, которые подлежали постановке на государственный учет. Он не содержал специальных пунктов об археологическом наследии, но косвенно затрагивал вопрос о коллекциях, которые необходимо было учесть,

² Замечательное исключение в дореволюционное время составляла все та же Прасковья Сергеевна Уварова.

³ Декрет о земле, принятый на II Всероссийском Съезде Советов 26 октября (8 ноября) 1917 г. См.: Известия ЦИК и Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. № 209. 28.10.2017. Позднее был заменен Декретом ВЦИК «О социализации земли» от 19.02.1918 г., более полно определявшим порядок землепользования. Действовал до 1923 г. См.: СУ. 1918. № 25. Ст. 346.

⁴ Декрет СНК «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» от 05.10.1918 г. Действовал до 1934 г. См.: СУ. 1918. № 73. Ст. 794.

подвергнуть экспертизе и в перспективе национализировать или защитить охранными документами. Поскольку количество полевых исследований в это время резко сокращается по сравнению с довоенным временем, находящиеся в земле недвижимые памятники археологии не сразу привлекли внимание власти. Почти не было раскопок, и необходимость что-либо регулировать в этой области не была очевидной. Более интересовали предметы, особенно ценные, уже имевшиеся в частных коллекциях. Но очень скоро проблема разрушения памятников археологии обозначилась чрезвычайно остро.

Полноценное охранное законодательство, непосредственно определяющее судьбу археологического наследия, появляется позже. Это Декрет ВЦИК и СНК от 07.01.1924 г.⁵ и в качестве подзаконного акта – «Инструкция» по его практическому применению на местах (Сорокина, 2016а. С. 303). В этих документах меры по охране археологических памятников и находок уже определены в отдельных параграфах. Сдача археологических находок, как из раскопок, так и случайных, в ближайшие музеи становилась обязательной. Принятию Декрета предшествовала большая работа, проведенная Археологическим подотделом Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины (Наркомпрос РСФСР) и лично возглавлявшим его В.А. Городцовым, фактически подготовившим проект Декрета об археологическом наследии еще в 1923 г.

Регламентацию полевой археологии в рассматриваемый период осуществляли две организации. Это созданный 1918 г. в Москве административный орган – Археологический подотдел (АПО) Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины в системе Наркомпроса РСФСР и Российская академия истории материальной культуры (РАИМК), учрежденная специальным Декретом СНК в апреле 1919 г. в Петрограде, подчиненная также Наркомпросу, но другому его отделу – Научному. Таким образом, административная и научная составляющие регламентации должны были дополнять друг друга. Открытый лист на полевые работы выдавался АПО по заключению РАИМК об их целесообразности и квалификации исследователя. Но на практике возник

⁵ Декрет ВЦИК и СНК «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы» от 07.01.1924 г. См.: СУ. 1924. № 18. Ст. 179. Инструкция Наркомпроса «Об учете и охране памятников искусства, старины, быта и природы», утвержденная Президиумом ВЦИК от 07.07.1924 г. См.: СУ. 1924. № 66. Ст. 654.

конфликт двух учреждений, во многом определявшийся личностным фактором: неприятием всей системы существующей в России с 1889 г. регламентации полевых исследований заведующим АПО В.А. Городцовым.

Фактически существовало двоевластие с постоянными конфликтами, в высшей степени негативно отразившееся на таком важнейшем аспекте, как разработка методики полевой археологии. Если за 30 лет до Первой мировой войны, было издано 7 полноценных (по меркам того времени) пособий по методике проведения полевых изысканий, подготовке научной документации и работе с коллекциями⁶ (и это дело было бы, несомненно, продолжено, если бы не война и смена государственных устоев), то в первые годы советской власти, несмотря на наличие мощных научных сил в двух столицах, не только новые разработки, но и хотя бы краткие инструкции к открытым листам отсутствовали. Для сохранения археологических памятников и развития науки это было катастрофой, так как социальная база общественности, стремящейся к ведению полевых работ, как уже было сказано, существенно расширилась. В АПО непрерывно стекались сведения о варварских раскопках без открытых листов и до, и, к сожалению, после принятия Декрета 1924 г., в котором была обозначена ответственность за подобные деяния вплоть до уголовной. Настоящим бедствием стала активность школьных учителей, стремящихся расширить кругозор учащихся посредством раскопок (точнее, разрытия) близлежащих памятников, особенно небольших курганов. Наркомпрос даже вынужден был рассылать циркулярные распоряжения, обязывавшие местные власти и отделы народного образования пресекать такую практику⁷.

Работа по упорядочению как методических основ, так и порядка в системе выдачи открытых листов началась только с приходом в Отдел музеев видного археолога Б.С. Жукова, сменившего в конце 1926 г. В.А. Городцова на посту заведующего ар-

⁶ Авторы – Д.Я. Самоквасов, А.А. Спицын, В.А. Городцов.

⁷ Циркуляр Главнауки от 28.01.1927 г. «О допущении к археологическим раскопкам и разведкам только лиц, имеющих открытые листы Главнауки и о привлечении к ответственности за самовольные археологические раскопки» (ЕНКП. № 10. 1927. Ст. 234); Циркуляр Наркомпроса от 23.01.1929. «О недопустимости производства археологических раскопок и разведок без открытых листов Главнауки» (ЕНКП. № 7. 1929. Ст. 177).

хеологическим подразделением. В корне изменились отношения с Академией истории материальной культуры (теперь ГАИМК, преобразована из РАИМК в 1926 г.), которой отводилась уже никем не оспариваемая роль научно-консультативного органа. Наступил период сотрудничества двух учреждений – административного и научного. В результате в 1927 г. появилась обязательная для всех исследователей на территории РСФСР инструкция к открытым листам (Инструкция..., 1927), а также методическое пособие по археологическим разведкам без вскрытия слоя А.А. Спицына (*Спицын, 1927*), адресованное краеведам.

Рассмотрим динамику развития полевой археологии первых 15 лет советской власти и некоторые тенденции в этом процессе. Анализ сделан с помощью уникальной базы данных по полевой археологии с 1859 по 2010 г., составляемой нами на протяжении ряда лет. База создана на основе преимущественно архивных источников, но существенно дополнена информацией из публикаций. Данные занесены в информационно-поисковую систему «@Археология», разработанную при участии автора и дающую большие возможности как для хранения данных, так и для их статистического анализа. Строгий учет полевых работ установился во второй половине 1930-х гг. Практически полное пресечение производства их без открытых листов (далее – ОЛ) стало возможно в 1940-х, хотя и гораздо позже, в 1950–1970-х, такие случаи фиксировались, но уже далеко не массово. Поэтому важно понимать, что количество исследований в базе на данный момент никак может быть окончательным: всплывают новые документы. И все же выборка столь значительна, что общие тенденции и динамика не измениться не могут.

Необходимо отметить следующие принципы заполнения базы. Под «исследованием» мы понимаем единовременный, так сказать, «разовый» подход к раскопкам определенного памятника или разведкам на определенной территории, то есть выезд в поле с неким результатом. Поэтому, если работы на памятнике проводятся не один год, каждый сезон учитывается как отдельное исследование, ибо требует отдельной организации и финансирования. То же самое с обследованиями, если археолог делает разведку на конкретной территории. Именно так сейчас выдаются открытые листы – на четко указанные памятники и районы разведок. Современный подход предполагает большую точность и ограничения, но в XIX – начале XX вв. формулировки были общими, территории – очень обширными. Несмотря на это, отдель-

ные исследования выделить можно. Например, если Ф.В. Баллод в 1920 г. работал на городище Мечетное и еще двух памятниках в Царицынском уезде, то это учтено как 3 исследования, хотя открытый лист был общий. Часто в течение одного года археолог раскапывал какой-либо памятник и вел разведки в том же, а иногда и в другом уезде/районе – это тоже разные исследования. Таким образом, они всегда привязаны к году их проведения, имени того, кто их вел и региону работ.

Благодаря упомянутой выше регламентации полевых исследований, существовавшей в России с 1859 г., можно использовать документы Императорской археологической комиссии (ИАК), выдававшей ОЛ на полевые исследования с 1859 по 1917 г. и собиравшей сведения о раскопках без них. После падения монархии в начале 1917 г. и реорганизации ИАК сначала в Российскую, потом в 1918 г. – в Российскую государственную археологическую комиссию (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 71; Ф. 1. Д. 20), выдача открытых листов продолжалась. Так, в 1918 г. было выдано на раскопки 6 ОЛ, еще 2⁸ – на обмеры и зарисовки памятников древности (и еще 3 удостоверения на такие же работы), на геологические исследования в Сибири и на инспекционную поездку А.А. Бобринского в Керчь, Киев, Севастополь, с. Парутино Херсонской губернии (Ольвия) «для осмотра городищ, на которых ИАК проводит раскопки» (Белова, 2009. С. 140).

Для периода с 1918 г. особенно важными становятся другие источники: обзоры полевых исследований и публикации как того же, так и последующего времени. В них упомянуты исследования, проведенные местными учеными и краеведами без разрешительной документации. Такие данные нередко содержатся в документах региональных архивов и в малодоступных публикациях раннесоветского периода. В последние десятилетия в связи с возросшим интересом археологов к истории своей науки, многие исследователи обращаются к истории археологического изучения регионов и публикуют ранее недоступные сведения о раскопках и разведках.

Использование этих источников позволило собрать сведения уже о 14 именно археологических исследованиях, имевших место в 1918 г. Большая часть проведена без ОЛ. Это и не удивительно, поскольку в сложной внутривосточной обстановке того време-

⁸ Эти ОЛ в базе не учтены, так как не являются собственно археологическими исследованиями.

ни связи между регионами и центром была затруднена или потеряна. Характерен пример Л.А. Моисеева, работавшего в Крыму. Член ИАК с 1915 г., заведующий раскопками в Херсонесе (1915–1924), в 1918 и нескольких последующих годах работал без ОЛ. В архиве ИИМК есть его переписка за 1918 г. (Белова, 2009. С. 140). Больше сведений о полевых исследованиях того времени в Крыму можно почерпнуть из обзора в публикации К.Э. Гриневича к 100-летию Херсонесского музея (Гриневич, 1927). Еще сложнее обстоит дело с исследованиями в Сибири. Так, данные о раскопках Б.Э. Петри на Верхоленской горе, имеющиеся в документах АПО, который должен был выдавать на них ОЛ, датированы только 1924 годом, все предыдущие исследования с 1918 г. занесены в базу по упоминаниям в литературе.

Данные с 1919 по 1932 г. выявлены в разных источниках. Прежде всего, это архивные материалы из ГАРФ, ОПИ ГИМ и РО НА ИИМК РАН. Просмотрены также довольно многочисленные обзоры полевых исследований в разных регионах или по стране в целом, составленные в интересующий нас период (например: *Городилов*, 1924, 1928; *Жуков*, 1926; *Худяков*, 1933; *Эдинг*, 1937; *Эрнст*, 1931 и т.д.). Много важной информации было извлечено из более поздних изданий (Археологические..., 1962; *Матющенко*, 2001 и др.). Объем статьи не позволяет перечислить даже малую часть использованной литературы. Конечно, особенно ценно, когда информация имеется сразу и в публикациях, и в архивных источниках.

Некоторые архивные материалы следует отметить особо. Поскольку с 1918 г. разрешения на полевые археологические исследования должен был выдавать Музейный отдел Наркомпроса, а точнее его Археологический подотдел, логично было бы искать данные о них в фондах АПО. Такой фонд есть в ОПИ ГИМ (Ф. 54. Ед. хр. 420), он содержит материалы 1920–1921 г. Более полно работа Археологического подотдела с 1918 по 1930 г. представлена в фондах ГАРФ. Имеются документы, отражающие процесс выдачи ОЛ с 1921 г. Однако общий реестр выдачи ОЛ, подобный тому, который вела ИАК, отсутствует. Вместо книг учета – отдельные машинописные листы, видимо, составлявшиеся как приложение от АПО к общему отчету Музейного отдела. Есть список открытых листов, выданных в 1921–1922 гг. – всего 23 ОЛ за 2 года (ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 8. Д. 192. Л. 1). Нумерация не понятна – четырехзначные цифры, но указана дата выдачи. Нет указаний ни на учреждение, подавшее

заявку на ОЛ, ни на место работы исследователя. То же и в более поздних списках. Далее в деле «Список исследователей, проводивших археологические раскопки в 1923 г.» – всего 36 пунктов (ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 8. Д. 192. Л. 2–2 об.). Причем один из них – «студенты 1 МГУ» без указания фамилий. Их можно восстановить по документам фонда В.А. Городцова в ОПИ ГИМ, но здесь представлены официальные документы, определенно предполагающие ясность. В другом деле есть «Список открытых листов, выданных Отделом по делам музеев Главнауки НКП в 1923 г.» – всего 31 ОЛ (ГАРФ. Оп. 8. Д. 4. Л. 110). Есть несовпадения фамилий со списком из вышеуказанного дела. Заметим, что выдача ОЛ не была возможна без участия заведующего АПО в то время В.А. Городцова. Есть ли объяснения такой небрежности в ведении дел? Возможно, маститый ученый не придавал большого значения канцелярской рутинной работе, да и по складу личности не был предрасположен к деятельности чиновника. Кроме того, в 1920–1922 гг. Археологический подотдел переживал не лучшие времена в связи с сокращением штата и финансирования (Сорокина, 2016б. С. 247–248). Технический работник, способный грамотно и педантично вести документацию, отсутствовал. Но и после того, как во второй половине 1923 г. ситуация улучшилась, и в АПО состояли уже 3 сотрудника, списки ОЛ, выданных в 1924 и 1925 г. велись в той же манере (ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 8. Д. 192. Л. 3–3 об.; 4–6 об.). В списке (машинописном) за 1924 г. – 70 позиций. «Список ОЛ, выданных Главнаукой в 1925 г.» имеет вид описи с графами и подзаголовками: № ОЛ, ФИО исследователя, место работ, «характер работ». Всего в нем 109 позиций. И опять присутствуют группы студентов без конкретизации. Сам же Василий Алексеевич в эти 2 года получил (вернее, выдал себе) открытые листы на всю территорию РСФСР. Список за 1926 год отсутствует. Видимо, это связано с тем, что В.А. Городцов осенью этого года покинул пост заведующего АПО и отчет уже не писал.

Новый период в деятельности археологической службы (АПО), как отмечено выше, наступил в конце 1926 г. с приходом в Главнауку плеяды специалистов: Б.С. Жукова, О.Н. Бадера, К.Э. Гриневича. Списки выдачи ОЛ за 1927–1929 гг. разделены по характеру работ: «раскопки» и «обследования» (разведки) (ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 8. Д. 192. Л. 711 об.). Появляется указание на место работы исследователя. В 1929 г. списки имеют вид рукописных структурированных описей, очень похожих на книги выдачи ОЛ из фонда ИАК в РО НА ИИМК РАН. Впервые появляется описание полученных научных

отчетов с пометками о рассмотрении их в ГАИМК⁹. На 1930 г. имеется подробная опись поступивших заявок на выдачу ОЛ с пометками о направлении их на заключение в ГАИМК. Для начала 1930-х гг. очень актуальны данные картотеки экспедиций РО НА ИИМК РАН (Ф. 2. Оп. 1).

Сказанное выше свидетельствует о том, что достоверность приведенного в статье статистического анализа основана на проверке данных посредством сравнения различных источников информации – работе, иной раз, прямо-таки детективного характера. Удалось найти и сопоставить данные по полевым исследованиям интересующего нас периода из фондов трех архивов и большого количества публикаций, прежде всего, 1920–1930-х гг. Поэтому информация в базе намного шире официальных погодных списков выдачи ОЛ. Соответственно, и картина получается более масштабная.

Всего за период с 1918 по 1932 г. нами учтено 1249 исследований, проведенных как по открытым листам, так и без оных. Много это или мало? Простой подсчет дает в среднем примерно 83 исследования в год – цифра, сопоставимая с данными по 1939–1940 гг. (порядка – 85 исследований). Но по отдельным годам данные очень отличаются, и на это влияет ряд факторов.

Прежде всего, следует учесть, что границы территории, на которую в то время распространялась юрисдикция власти РСФСР, во-первых, сильно сжались по сравнению с территорией Российской империи, во-вторых, в результате Первой мировой и Гражданской войн, иностранной интервенции и антисоветских выступлений (Белое движение, Западно-Сибирское восстание, Якутский мятеж и т.д.), они в разные годы существенно менялись. В состав нового государства не вошли Бессарабия, Финляндия, прибалтийские губернии бывшей империи. Кроме того, политически отделились и другие регионы: с 1919 г. после всех потрясений и частой смены власти они вошли в состав вновь образованных Украинской ССР и Белорусской ССР, а также Закавказской Федерации. В декабре 1922 г. эти республики стали союзными в СССР, со своими органами управления, в том числе и ответственными за сохранение археологического наследия. Самостоятельным буферным государством некоторое время была и Дальневосточная Республика, вошедшая в

⁹ Как и было положено делать с 1918 г., но делалось далеко не всегда.

РСФСР в конце 1922 г. Границы советского государства «устоялись» только после образования Советского Союза, то есть фактически с 1923 г. Так что до этого времени выдавать открытые листы, в отличие от ИАК, Наркомпрос мог только на половину страны, а то и на еще меньшую территорию. На рис. 1 показано, какие регионы империи были подконтрольны Советской России все время или частично в самый сложный период – с 1918 по 1923 г. Изначально это большая часть современного Северо-Западного округа и центр европейской части. После разгрома Белого движения, многочисленных местных «правительств» и интервентов под юрисдикцию советской власти попадают южные территории и Кавказ, Поволжье, Приуралье, Сибирь и, наконец, Дальний Восток.

Но обстановка все еще нестабильная, не до археологии. Как уже упоминалось, в 1918 г. выдано только 6 ОЛ на раскопки (Белова, 2009. С. 140). Остальные 8 из зафиксированных нами 14 раскопочных исследований – работы без ОЛ. В 1919–1922 г. в Нижнем Поволжье в экстремальных условиях разрухи и голода работает экспедиция Ф.В. Баллода, организованная по инициативе В.А. Городцова (согласно его плану масштабных разведок по рекам европейской части России) и состоявшаяся благодаря поддержке заведующей Отделом по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса РСФСР Н.И. Троцкой, добившейся финансирования и лично связывавшейся с военными властями для обеспечения экспедиции транспортом (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 420. Л. 68, 139). Вот как начальник экспедиции характеризует условия ее работы в 1921 г.: «Холера, тиф сыпной и брюшной, голод, неожиданно наступившие холода: вот та обстановка, при которой приходилось работать, и я должен сознаться, что по возвращении 15 сентября в Саратов у меня невольно вырвался вздох облегчения, что ответственность за здоровье и жизнь 5 студентов, поехавших с нами, с меня снята» (Баллод, 1923. С. 10). В 1920 г., помимо Поволжья, известны исследования в разных регионах, в том числе: в центральной России (Рязанская и Московская губернии), Сибири (Минусинская экспедиция, Афонтова гора и т.д.). В Херсонской губернии (это уже территория Украины) начинает работать (с перерывами до 1940 г.) Ольвийская экспедиция РАИМК при участии украинских учреждений УАН, ВУАК и др. Она же и первая международная, так как в 1926 г. в состав организаций-участников входил и Германский археологический институт (Археологические..., 1962. С. 7–11).

Динамика полевых исследований в рассматриваемый период представлена на рис. 2. В 1921 г., с началом НЭП, их количество увеличивается до 38. Некоторый провал в 1922 г., как представляется, связан с обострением внутривластной ситуации: страшный голод в Поволжье (и не только) в 1921–1922 гг.; Западно-Сибирское восстание (Омская, Тюменская, Екатеринбургская и Челябинская губернии), Якутский мятеж. Пики этих событий пришлось как раз на осень 1921 – весну 1922 г.

Настоящий рост количества полевых работ начинается в 1923 г. (уже 69 исследований). Этот факт отмечал и заведующий АПО В.А. Городцов (*Городцов, 1924*). Причина – в улучшении экономической и внутривластной обстановки после отмены политики «военного коммунизма». У местных музеев и иных организаций появляются средства на раскопки. Музейный отдел Наркомпроса начинает последовательно проводить политику «музейного строительства» – развития краеведческих музеев на местах. Эти музеи получали пусть и небольшие финансовые дотации от Наркомпроса и местных органов власти. Это позволило более масштабно проводить археологические работы. Еще одной важной составляющей была деятельность учебных заведений (Московский, Иркутский, Саратовский и в меньшей степени другие университеты). Не оставались в стороне и крупные музеи – ГИМ, Русский музей, Музей Приенисейского края, Воронежский, Иркутский, Томский, музеи Крыма и др.

Именно с 1923 г. и начинается массовое краеведческое движение, оживившее жизнь провинции. Еще в 1922 г. по решению 1-й Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края для координации их работы было создано Центральное бюро краеведения. Оно состояло при Российской академии наук, а в начале 1925 г. перешло в подчинение Наркомпросу РСФСР, сосредоточившему, таким образом, «в одних руках» управление всеми организациями археологического профиля и в значительной степени их финансирование. В результате довольно интенсивный рост количества исследований продолжился. Но уже в сентябре того же 1925 г. был принят Декрет ВЦИК и СНК «О передаче в ведение местных исполнительных комитетов музейных и художественных учреждений местного значения»¹⁰.

¹⁰ См.: СУ. 1925. № 64. Ст. 511.

Это по сути означало отказ государства от централизованных дотаций под видом экономии средств. Менялась не в лучшую сторону и система управления и контроля. В результате в 1926 г. наблюдается сокращение полевых исследований – местные бюджеты, очевидно, не справляются. К тому же появляются первые признаки смены курса государственной политики от НЭП к «командным высотам в экономике». Однако накопленный за годы НЭП достаточно мощный экономический потенциал позволяет выправить положение, и в 1927 г. количество проведенных работ возрастает уже до 247 – почти в 2,5 раза по сравнению с 1924 г. Появляется много новых имен, большая часть которых в дальнейшем, к сожалению, не встретится в реестрах выдачи ОЛ и в научных публикациях. Отметим, что это совпадает с упорядочиванием выдачи открытых листов, появлением инструкции от Главнауки и пособия А.А. Спицына.

На разведки в 1927 г. выдано листов больше, чем на раскопки. Это и есть лучшее применение сил для краеведов, не имеющих подготовки для полноценных научных раскопок. В целом же, как видно на рис. 3, с 1918 по 1926 г. раскопки существенно преобладают. Это хорошо связывается с социальной базой археологии того времени: краеведческое движение началось, но основную часть исследований проводят специалисты старой школы и их ученики с хорошим образованием и археологической практикой. Для сравнения (не учитываем исследования, по характеру которых нет данных): в это время зафиксировано около 360 случаев раскопок и около 150 – разведок. С 1927 г. картина меняется: около 370 раскопок и 300 – разведок. Раскопок примерно столько же, так как профессионалы по-прежнему работают, и в связи с развитием археологического образования их становится больше. Но в то же время и разведок больше – их проводят археологи нового поколения и краеведы, многие из которых потом становятся профессионалами. Отдельное место занимают охранные обследования и раскопки, разворачивающиеся с начала 1930-х гг. Ими полностью занимаются археологи-профессионалы.

В 1928 г. количество полевых работ сократилось более, чем вдвое по сравнению с 1927 г. (рис. 2). Причины этого явления, видимо, кроются в том, что новички на археологическом поприще не смогли вовремя сдать отчеты и получить новые открытые листы. Кто-то оказался случайным человеком. Кому-то не хватило средств на работы – местным властям и учреждениям трудно

приспособиться к такой нагрузке на бюджет после Декрета 1925 г. В 1929 г. положение частично восстанавливается. По сравнению с 1925 г. даже наблюдается некий рост, но в основном за счет финансирования центральных учреждений (ГАИМК, ГИМ, НИИ археологии и искусствоведения РАНИОН, НИИ и музей антропологии при МГУ и т.д.). С 1929 по 1931 г. наблюдается резкий спад количества исследований, несомненно, обусловленный разгромом краеведческого движения в государственных масштабах и репрессиями в отношении как региональных археологов и краеведов, так и сотрудников организаций в Москве и Ленинграде. В результате к 1931 г. количество полевых исследований по сравнению с 1927 г. сокращается в 5,5 раз и только в 1932 г. незначительно начинает расти, что связано с началом больших новостроечных проектов, реализованных уже не краеведами, а профессиональными, хорошо подготовленными археологами.

На рис. 4 мы попытались совместить две диаграммы. Первая характеризует развитие полевой археологии в первые 15 лет советской власти (совпадает с графиками на рис. 2 и 3) и далее до 1941 г. – начала Великой Отечественной войны. Она показывает, что после разгрома науки и краеведения начала 1930-х гг. некоторое восстановление археологической деятельности с переменным успехом происходит, но количество исследований меньше, чем могло бы быть, если бы не этот провал. Многие археологи и краеведы погибли в лагерях и тюрьмах, другие были репрессированы. Не все и не скоро вернулись к работе. Финансовая основа тех лет – охранные обследования и разведки, связанные с крупными стройками первых пятилеток. Вторая диаграмма показывает послевоенное развитие. Стартовые позиции, конечно, гораздо прочнее, чем после Первой мировой войны. В 1946 г. выдано 70 открытых листов – столько же, сколько до 21 июня 1941 г. Но важно следующее. К количеству исследований 1927 г. советская археология приблизилась только на рубеже 1950–1960-х гг. и только в 1955 г. был достигнут показатель 1929 г., который, если бы не разгром 1930-х гг., явно был бы промежуточным в поступательном развитии советской полевой археологии. Количество исследований в 1940 г. определенно могло бы быть не меньше, чем во второй половине 1950-х, да и к июню 1941 г. открытых листов было бы выдано, возможно, и вдвое больше, чем получилось в реальности. Такова страшная цена репрессий, на долгие годы затормозивших изучение и сохранение археологического наследия в нашем Отечестве.

Литература

- Аксареева В.Г., 2009. Гендерный взгляд на мемуары Прасковьи Сергеевны Уваровой. [Электронный ресурс]. Режим доступа: cyberleninka.ru/article/n/gendernyy-vzglyad-na-memuaryu-praskovi-sergeevny-uvarovoy/viewer. Дата обращения 09.07.2019.
- Археологические..., 1962. Археологические экспедиции ГАИМК и ИА АН СССР: 1919–1956 гг. М.: АН СССР. 264 с.
- Ауэрбах Н.К., 1927. Археологические исследования в Сибири в 1927 г. 6 с.
- Баллод Ф.В., 1923. Приволжские Помпеи. П-г, Гос. Изд-во. 162 с.
- Белова Н.А., 2009. Перечень материалов экспедиций и исследований в фонде Императорской Археологической Комиссии Рукописного отдела научного архива ИИМК // Императорская Археологическая комиссия (1859–1917 гг.) К 150-летию ее основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. Приложение / Науч. сост. А.Е. Мусин, общ. ред. Е.Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 12–140.
- Гриневич К.Э., 1927. Сто лет херсонесских раскопок. 1827–1927. Севастополь: Изд. Гос. Херсонесского музея. 55 с.
- Городцов В.А., 1924. Археологические раскопки и разведки в Советской России с 1919 по 1923 г. // Древний мир. Вып. 1. 20 с.
- Городцов В.А., 1928. К итогам археологических трудов в СССР за 10 лет // ТСА РАНИОН. Вып. 2. С. 5–11.
- Жуков Б.С., 1926. Работы по палеоэтнологии в СССР за 1918–1925 гг. // Этнография. № 1–2. С. 179–192.
- Инструкция..., 1927. Инструкция к открытым листам на право производства археологических раскопок и обследований // Еженедельник Народного комиссариата просвещения. № 27. Ст. 651.
- Матющенко В.И., 2001. Триста лет истории сибирской археологии. Т. 1. Омск: изд. ОмГУ. 178 с.
- Сорокина И.А., 2016а. Законодательная и нормативная база полевых исследований (в 1918–1934 годах) // Археологическая наука: практика, теория, история / Отв. ред. А.Н. Гей, И.А. Сорокина. М.: ИА РАН. С. 301–307.
- Сорокина И.А., 2016б. Археологический подотдел в системе Наркомпроса (1918–1926 годы) // КСИА. Вып. 245. Ч. 1. С. 244–256.
- Список губерний..., 2018. [Электронный ресурс] / Список губерний. Образованные после октября 1917 г. Wikipedia.org. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>. Дата обращения 26.11.2019.
- Спицын А.А., 1927. Разведки памятников материальной культуры. Пособие для краеведов. Л: ЦБК. 142 с.
- Худяков М.Г., 1933. Археология в приволжских автономных областях и республиках за 15 лет // ПИМК. 1933. № 1–2. С. 15–22.
- Эдинг Д.Н., 1937. Экспедиционная работа советских археологов за 20 лет // Историк-марксист. № 5–6. С. 265–274.
- Эрнст Н.Л., 1931. Летопись археологических раскопок и разведок в Крыму за 10 лет (1921–1930) // Известия ТОИАЭ. Т. IV. Симферополь: б/и. Отдельный оттиск. 23 с.

Д.А. Сташенков**СТАНОВЛЕНИЕ САМАРСКОЙ АРХЕОЛОГИИ:
1918–1930 ГОДЫ**

Резюме. В статье анализируются основные события, связанные с организационным оформлением археологических исследований в Самарском Поволжье в послереволюционные годы. Выделяются этапы в археологическом изучении региона в 1918–1930 гг. Особое внимание уделяется деятельности членов Общества археологии, истории, этнографии и естествознания при Самарском университете и Высших этнолого-археологических курсов (с 1925 г. – Высших курсов краеведения) в Самаре.

Ключевые слова: археология, Самарское Поволжье, история археологии.

Археологические исследования на территории Самарского края начинаются в последней четверти XIX в. При изучении истории археологических изысканий в этот период необходимо учитывать, что административные границы региона на протяжении XIX–XX вв. неоднократно менялись. Правобережная часть территории современной Самарской области до 1917 г. входила в состав Симбирской губернии. Во вновь образованную в 1851 г. Самарскую губернию были включены земли, ныне находящиеся на территории Саратовской, Ульяновской, Оренбургской областей, Республики Татарстан. В состав Средневожской области, образованной в мае 1928 г. и в 1929 г. преобразованной в Средневожский край с центром в Самаре, вошли территории Пензенской, Ульяновской, Оренбургской губерний и Мордовской автономной области (Средняя Волга..., 1932). В настоящей публикации речь пойдет об исследователях и учреждениях, которые работали непосредственно в Самаре.

До 1916 г. археологические работы в Самарской губернии производились эпизодически по инициативе отдельных подвижников – П.В. Алабина, В.Н. Глазова, В.А. Миллера, М.А. Миллера, как постоянных жителей Самары, так и приезжих. Какая-либо программа исследования региона выработана не была, как не было и какой-либо организации, которая могла бы такие исследования осуществить.

Создание в 1916 г. Самарского археологического общества (САО) ситуацию принципиально не изменило. Несмотря на то, что на заседаниях Общества обсуждалась самая общая программа организации археологических исследований в Самарской губернии и определялись памятники, исследование которых должно было начаться в первую очередь, отсутствие специалистов и общая ситуация в стране не располагали к каким-либо планомерным работам. В 1916 и 1918 гг. членами САО К.П. Головкиным и Ф.Т. Яковлевым были организованы раскопки средневекового мордовского могильника на Барбашиной поляне. Не исключено, что после отъезда К.П. Головкина из Самары небольшие работы на Барбашинском могильнике летом 1919 г. самостоятельно осуществил Ф.Т. Яковлев. Необходимо подчеркнуть, что официальной поддержки со стороны властей и официальных учреждений идея археологических исследований на территории Самарской губернии так и не получила, и сами раскопки, по сути, являлись личным делом членов САО (Сташенков, 2017).

После того, как в октябре 1918 г. Советом Народных Комиссаров был издан Декрет «О регистрации, приеме на учет и охранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений», ситуация изменилась кардинально. Охрана и изучение памятников истории становятся государственным делом. Работы по регистрации и по выяснению памятников, подлежащих учету, возлагались на комиссии по охране и регистрации памятников искусства и старины (в Москве и Петербурге), а на местах – на губернские Советы Рабочих и Крестьянских Депутатов и отделы народного образования (ОНО). В течение месяца со дня опубликования Декрета (10 октября 1918 г.) информация о памятниках искусства и старины должна была поступить в соответствующие органы.

Выполнить подобную работу в чрезвычайно сжатые сроки на местах было невозможно. В Самаре же отсутствовали не только официальная государственная структура, которая отвечала бы за учет и сохранение памятников, но и квалифицированные специалисты, способные объективно оценить значимость предлагаемых к охране памятников.

Советским чиновникам нельзя было отказать в последовательности в реализации принятых решений: в скором времени в Самаре был создан Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины. Пытались решить и проблему с нехваткой специалистов. Так, например, на должность заведующего музей-

ной секцией внешкольного подотдела Губернского отдела народного образования была приглашена профессиональный археолог и музейный работник – Вера Владимировна Гольмстен (рис. 1)¹, ученица В.А. Городцова, приехавшая приехала в Самару из Москвы летом 1919 г. (*Кузьминых, Сафонов, Сташенков, 2007. С. 15*). К осени 1919 г. стало очевидным, что силами нескольких чиновников без помощи специалистов наладить системную работу по учету и сохранению памятников было невозможно.

2 ноября 1919 г. по инициативе преподавателей недавно образованного Самарского университета при университете было создано Общество археологии, истории, этнографии (СОАИЭ). В этот же день, по решению общего собрания членов, «сохраняя свою полную самостоятельность, к общей научной организации университета под именем “Общество археологии, истории, этнографии при Самарском государственном университете”» присоединилось САО (*Крайнова, 1995. С.136*). Председателем нового Общества был избран профессор Самарского университета Алексей Степанович Башкиров², специалист в области классической археологии, председателем Археологической комиссии Общества стал профес-

¹ Гольмстен Вера Владимировна (1880–1942) – археолог, доктор исторических наук. В 1910 г. окончила Московский археологический институт. В 1911–1919 гг. работала в Российском историческом музее (г. Москва), в 1919–1929 – в Самаре (профессор Самарского университета, Высших этнолого-археологических курсов, директор Самарского губернского музея), в 1929–1942 – в Ленинграде (ГАИМК – ИИМК, Гос. Эрмитаж, ученый секретарь, зав. секцией, действительный член). Первый организатор планомерных археологических исследований в Самарском Поволжье.

² Башкиров Алексей Степанович (1885–1963) – историк-антиковед, археолог. Доктор исторических наук (1945), профессор. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета (1913) учился в Санкт-Петербургском археологическом институте. Направлен в Русский археологический институт в Константинополе (1913), магистрант Петроградского университета (1917). С 1919 – профессор Самарского университета, председатель Общества археологии, истории и этнографии при СГУ (1919–1922). С 1923 – зав. отделом византийских древностей в ГИМе, профессор 2-го МГУ (1922–1924). 1924–1934 – член Института археологии и искусствознания и Института народов Востока СССР РАНИОН. В 1930–1931 – зав. кафедрой археологии историко-философского факультета МГУ. Действительный член НИИ художественной промышленности (1932–1934) и Всесоюзной академии архитектуры (с 1934). В 1935 репрессирован, арестован и выслан в Казахстан. С 1938 – в Калининском педагогическом институте. В 1945–1962 – зав. кафедрой всеобщей истории Ярославского государственного университета. В 1955 г. реабилитирован.

сор Павел Александрович Преображенский (рис. 2)³. Вскоре при Обществе были созданы археологический музей и библиотека, заведование которыми взяла на себя В.В. Гольмстен.

С 1920 г. археологические исследования в регионе инициировались уже не членами САО, которые больше не фигурировали в качестве основных исполнителей археологических работ, а членами Общества археологии, истории, этнографии (с 1923 г. – и естествознания) при Самарском университете, преподавателями Самарского университета и Высших этнолого-археологических курсов, работниками губернского (краевого) музея при официальной поддержке властных структур.

В 1920 г. СОАИЭ подготовило «Систему археологического изучения Самарского края», утвержденную Наркомпросом РСФСР. Летом 1920 г. эта программа была одобрена Российской академией истории материальной культуры, которая отметила Самарское общество как первую провинциальную организацию, вошедшую в «Объединение научных организаций». Своими представителями в Совете Объединения СОАИЭ избрало профессоров А.А. Спицына и Б.В. Фармаковского (*Крайнова*, 1995. С. 139).

В.В. Гольмстен составила обращение к жителям губернии по поводу сбора историко-археологического материала, а П.А. Преображенский разработал инструкцию по археологическому обследованию для сотрудников СОАИЭ и его отделений по уездам (*Крайнова*, 1995. С. 141). Такие отделения были организованы в нескольких городах губернии – Абдулино, Бузулуке, Бугуруслане, Мелекесе, Пугачёве, Ставрополе, причем для одного из них – Пугачёвского отделения – археологическое направление вскоре становится одним из ведущих благодаря энергии молодого исследователя Константина Ивановича Журавлёва⁴, в 1921 г. на-

³ Преображенский Павел Александрович (1858–1942) – историк, педагог, профессор Самарского университета. Окончил Казанскую духовную академию, кандидат богословия. Преподавал историю, логику, психологию в Самарской духовной семинарии (1883–1909 гг.), коммерческом училище Глазова (с 1908), гимназии Хардиной (с 1907). Один из основателей Самарского общества народных университетов. С 1919 преподавал в Самарском университете, с 1922 – в сельскохозяйственном институте. С 1916 – один из учредителей и член САО, с 1919 – первый товарищ (заместитель) председателя ОАИЭИЕ при Самарском университете, возглавлял Высшие этнолого-археологические курсы в Самаре.

⁴ Журавлёв Константин Иванович (1901–1950) – геолог, археолог, палеонтолог, краевед. Активный член ОАИЭИЕ при Самарском университете. В 1921–1946 г.

значенного директором Пугачёвского краеведческого музея, и его совсем юного помощника – Алексея Тереножкина, будущего известного археолога (Сулейманова, 2009).

В марте 1920 г. по инициативе академика Владимира Николаевича Перетца (рис. 3)⁵ для подготовки работников в области археологии, архивоведения, этнографии, музееведения и библиотековедения были созданы Высшие этнологические-археологические курсы, сыгравшие значительную роль в изучении истории Самарского региона. Руководителем курсов был назначен В.Н. Перетц. В 1922 г., после отъезда академика из Самары, Перетца сменил профессор П.А. Преображенский. Секретарем курсов, занимавшимся решением многочисленных организационных вопросов, была профессор В.В. Гольмстен. На курсах в 1920 г. действовали три отделения: археологическое, археографическое и этнографическое, но из-за малого количества записавшихся слушателей этнографическое отделение уже в 1920 г. было закрыто (Крайнова, 1995. С. 140). Первоначально установленный срок обучения на курсах – 6 месяцев, затем, по мере усложнения программы обучения, он был увеличен до трех лет. Программа обучения была тщательно продумана: первый год обучения отводился общеобразовательным предметам и специальным общим курсам, на втором курсе занятия «получали чисто краеведческий уклон» и «много времени отдается всякого рода практикумам», на третьем курсе каждый слушатель специализировался на избранном им предмете. Летний триместр посвящался экскурсиям и практическим работам в поле, о которых В.В. Гольмстен поместила информацию в газете «Коммуна»⁶ (Гольмстен, 1924).

Нужно отметить, что слушателями курсов зачастую становились лица с высоким образовательным уровнем. Например,

директор Пугачёвского краеведческого музея. В 1920-е гг. проводил археологические, этнографические экспедиции на территории Пугачевского уезда Самарской губернии, в 1930-е гг. – геологические и палеонтологические исследования.

⁵ Перетц Владимир Николаевич (1870–1935) – историк, филолог, палеограф. С 1914 – академик Российской академии наук. В 1917–1921 гг. работал в Самаре: сначала помощником директора Педагогического института, с сентября 1918 – декан историко-филологического факультета Самарского университета. В Самаре занимался описанием коллекций рукописей, старопечатных книг, икон медного литья. Среди учеников этого времени – В.П. Андрианова (с 1920 – Андрианова-Перетц) и М.Н. Тихомиров.

⁶ «Коммуна» – областная газета, издавалась в Самаре с 1918 г., в 1928–1929 гг. – «Средневожская коммуна», с 1919 г. до настоящего времени – «Волжская коммуна».

в 1923 г. среди 68 принятых на курсы слушателей преобладали лица с высшим образованием (Коммуна, 03.11.1923). Лица, не имевшие высшего образования, окончив курсы, получали право поступать на третий курс в ведущие университеты страны, в частности, в Московский университет, чем и воспользовались некоторые выпускники. Известно, например, что студентами Московского университета в 1927 г. стали А.А. Марущенко и В.И. Марков, ученики В.В. Гольмстен (Храмков, 2007).

Именно силами преподавателей и слушателей курсов были проведены основные археологические исследования 1920-х гг.

Уже летом 1920 г. на дюнах р. Самары в Бузулукском уезде, а также в окрестностях Самары под руководством В.В. Гольмстен проводились комплексные археологические исследования, организованные Обществом археологии, истории, этнографии в форме практических занятий по археологии со слушателями археологических курсов. Целью этих занятий было получение слушателями курсов знаний о методике проведения археологической разведки и основах археологических раскопок, ведения полевой археологической документации. Под руководством геолога П.Н. Ефимова⁷ проводились практические занятия по топографической съемке местности и описанию геологических разрезов.

Осенью 1920 г. при непосредственном участии В.А. Городцова, на тот момент заведующего Археологическим подотделом Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины в системе Наркомпроса РСФСР, специально приехавшего в Самару, была разработана программа археологического обследования Самарской губернии. В соответствии с предложениями В.А. Городцова были намечены основные разведочные маршруты:

1. Северный – по течению Волги от границ Казанской губернии до с. Спасского Самарского уезда.
2. Южный – по течению Волги от с. Спасского до границ Саратовской губернии.
3. Восточный – по течению р. Самарки от места впадения в нее р. Кинель до границы Оренбургской губернии.

⁷ Ефимов Петр Николаевич – геолог, горный инженер. В 1916–1919 гг. – член Самарского археологического общества. Член Комитета по заведению Самарским Публичным музеем (1918–1919). В 1920–1922 – ученый секретарь ОАИЭиЕ при Самарском университете. Участник комплексных геолого-археологических экспедиций 1920–1922 гг.

Каждый маршрут должен был выполняться отдельной экспедицией в составе одного руководителя и двух помощников.

Несмотря на то, что формальным лидером самарских археологов в это время считался А.С. Башкиров, а в непосредственной разработке программы принимал участие П.Н. Ефимов, реализовывать программу пришлось В.В. Гольмстен. В 1921 г. под ее руководством состоялась первая масштабная – «восточная» экспедиция, с которой, по сути, и началось планомерное археологическое изучение региона. «Северную» и «южную» экспедиции в 1921 г. организовать не удалось. Летом 1922 г. слушатели курсов под руководством В.В. Гольмстен проводили разведочное обследование Самарской Луки, территория которой незадолго до этого была присоединена к Самарской губернии. Было пройдено несколько разведочных маршрутов, в ходе которых выявлялись, описывались и шурфовались городища и селища, раскапывались курганы (Пастухов, 1922).

В последующие годы экспедиции были уже не столь длительными. На характере археологических работ в регионе сказались как постепенная ликвидация Самарского университета в 1922–1923 гг., так и реорганизация в 1925 г. Высших этнолого-археологических курсов (они стали называться Высшими курсами краеведения). Срок обучения на курсах сократился до одного года. Соответственно, сократились и возможности для привлечения слушателей курсов к проведению археологических исследований на территории губернии.

Начиная с 1922–1923 гг. происходит и инициированная властями постепенная переориентация деятельности членов Общества на изучение природных особенностей края, составление геологической карты губернии, выявление тех ресурсов, которые непосредственно могли бы быть использованы в народном хозяйстве.

В эти годы продолжал работать созданный в 1920 г. музей СОАИЭиЕ, в котором главное место занимал археологический отдел. Заведовала музеем В.В. Гольмстен. Вера Владимировна в этот период была директором двух музеев – музея Общества и Государственного областного музея. Благодаря сложной цепочке межмузейного обмена ей к 1925 г. удалось создать в музее СОАИЭиЕ полноценную экспозицию по археологии Самарского края, располагавшуюся в шести комнатах (Гольмстен, 1926).

Несмотря на то, что вплоть до конца 1920-х гг. в документах встречаются упоминания Общества археологии, истории, этно-

графии и естествознания в г. Самаре, уже как минимум с 1924 г. в официальных бумагах фигурирует и Самарское краеведческое общество. Плодотворную деятельность этого Общества, которое с 1924 г. работало как «самостоятельная организация, находясь в ведении Главнауки Наркомпроса», отмечало Центральное бюро краеведения (Крайнова, 1995. С. 155). В 1924 г. в состав ЦБК была избрана В.В. Гольмстен.

Члены СОАИЭиЕ (В.П. Арапов, В.В. Гольмстен, П.А. Преображенский, А.Ф. Терехов и др.) принимали активное участие и в работе Губернской краеведческой комиссии, образованной в январе 1925 г.

Масштабы краеведческой работы изменились после административной реформы 1928 г., в результате которой в состав Средневолжской области вошли территории из нескольких бывших губерний – Оренбургской, Пензенской, Ульяновской, Самарской (без Бугульминского и Пугачёвского уездов, переданных в Нижневолжскую область).

В ноябре 1928 г. в серии постановлений Президиум Средневолжского облисполкома связал задачи ускорения роста народного хозяйства и всестороннего развития краеведения, которое с этого момента стало носить планомерный характер, что привело к окончательному смещению акцента в сторону естественнонаучных исследований. Официальным закреплением этого факта в 1929 г. явилась реорганизация СОАИЭиЕ в Самарское окружное краеведческое общество и создание Областного бюро краеведения, в составе которого археологов уже не было.

В 1929 г. В.В. Гольмстен уезжает из Самары в Ленинград по причине упадка деятельности Общества и желания работать в крупном научном центре, как она сама писала в автобиографии (Архив ГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 192. Л. 3). В 1929–1930 гг. состоялись последние экспедиции В.В. Гольмстен на Самарскую Луку, в ходе которых проводились детальное разведочное обследование в центральной части Самарской Луки, а также раскопки Муромского городка и Сосново-Солонецкого селища.

После 1930 г. планомерные археологические работы в регионе сворачиваются.

Летом 1930 г. по предложению КрайОНО Общество приняло решение передать археологический музей Самарскому краевому музею; часть собранных коллекций – Государственному Эрмитажу и Академии истории материальной культуры; библиотеку –

Самарскому педагогическому институту (*Крайнова*, 1995. С.159). Фактически это поставило точку на этапе активного археологического изучения региона.

Таким образом, в изучении Самарского Поволжья в 1918–1930 гг. можно выделить четыре этапа:

1. 1918–1920 гг. Период становления. В это время происходил переход от любительских исследований членов Самарского археологического общества, не имевших базовой археологической подготовки, к целенаправленному изучению территории Самарской губернии, координирующемуся Обществом археологии, истории и этнографии при Самарском государственном университете. Новые работы официально поддерживались государственными структурами.

2. 1921–1924 гг. Период активного разведочного обследования территории Самарской губернии. Работы проводились профессиональными археологами, объединенными в единый коллектив под руководством профессора В.В. Гольмстен. После закрытия Самарского университета в 1923 г. и реорганизации Высших этнолого-археологических курсов интенсивность работ снижается.

3. 1925–1928 гг. Период первоначального обобщения полученного материала. Подготовка серии работ по археологии Самарского Поволжья, построение схемы археологического развития региона, научное формирование и описание археологической коллекции в губернском музее, оформление цельной археологической музейной экспозиции в археологическом музее СОАИЭиЕ.

4. 1929–1930 гг. Сворачивание археологических исследований в регионе. Ликвидация СОАИЭиЕ, археологического музея и библиотеки Общества. Окончательная переориентация официальных органов на поддержку естественнонаучного краеведения.

Литература

- Гольмстен В.В.*, 1924. Четырехлетие высших этнолого-археологических курсов // Коммуна. 28.03.1924 г. (подписано – В.Г.).
- Гольмстен В.В.*, 1926. Музей общества АИЭиЕ при СГУ // Бюллетень Общества археологии, истории, этнографии и естествознания при Самарском государственном университете. № 4. С. 1–7.
- Крайнова Т.В.*, 1995. Самарское общество археологии, истории, этнографии и естествознания при Самарском государственном университете (1919–1929) //

- Краеведческие записки. Вып. VII / Отв. Ред. П.С. Кабытов. Самара: «СамВен», СОИКМ им. П.В. Алабина. С. 137–62.
- Кузьминых С.В., Сафонов И.Е., Сташенков Д.А.*, 2007. Вера Владимировна Гольмстен: Материалы к биографии. Самара: Офорт. 168 с.
- Пастухов Ник.*, 1922. Археологическое обследование Самарской Луки // Коммуна, 10.10.1922 г.
- Средняя Волга..., 1932. Средняя Волга Социально-экономический справочник с 84 краевыми и районными картами в тексте. М.; Самара: Средневожское краевое гос. Изд-во. 174 с.
- Сташенков Д.А.*, 2017. Археологические исследования в Самарской губернии в 1910–1920-е гг. // 1917 год: российская археология на переломе эпох. Материалы Международной научной конференции / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: ИА РАН. С. 69–72.
- Сулейманова Н.И.*, 2009. Заволжская сокровищница. История Пугачёвского краеведческого музея (к 90-летию музея). Пугачёв. 48 с.
- Храмков Л.В.*, 2007. Владимир Иванович Марков – самарский историк, археолог и педагог // Самарский край в истории России. Вып. 3. Самара. С. 164–166.

И.Л. Тихонов

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ В 1920-е ГОДЫ

Резюме. В статье анализируется создание системы подготовки археологов в России в 1920-е гг. Археологические институты в Петрограде и Москве в 1922 г. были присоединены к университетам, на их базе развернули свою деятельность археологические отделения, осуществляющие подготовку высококвалифицированных профессиональных археологов. В региональных центрах (Казань, Воронеж) попытки наладить археологическое образование в это период оказались не столь успешными и к концу 1920-х гг. оно было свернуто. В столичных университетах в начале 1930-х гг. в связи с выделением гуманитарных факультетов в отдельные институты и усилением идеологического пресса также наступил кризис в подготовке археологов, который был преодолен только во второй половине 1930 г.

Ключевые слова: археология, образование, университеты, археологические институты, подготовка археологов

Важным элементом процесса институционализации любой науки является создание системы воспроизводства кадров для нее. Вопрос о необходимости начала преподавания археологии в русских университетах начал обсуждаться уже на первых Всероссийских археологических съездах, которые выступили за ее введение в круг университетских дисциплин на рубеже 1860–1870-х гг. XI Археологический съезд в 1899 г. ходатайствовал перед министерством народного просвещения об открытии кафедр археологии в русских университетах. В качестве программы преподавания Московским археологическим обществом предлагалась программа, намеченная А.С. Уваровым в 1874 г. Между тем, эта программа уже была реализована в Санкт-Петербургском археологическом институте, открытом в 1878 г. Собственно археология занимала в ней довольно скромное место, отдавая пальму первенства комплексу вспомогательных исторических дисциплин, изучающих разные виды источников: геральдике, сфрагистике, палеографии, нумизматике и т.д.

Тем не менее, в нашей литературе широко распространены представления о том, что «подробнее и глубже, чем в университетах, археология изучалась в археологических институтах» (Шер, 2011. С. 578) или «в дореволюционной России археологическую подготовку можно было получить не в университетах, а в археологических институтах» (Скрипкин, 2018. С. 76). Эти же взгляды беспелляционно высказываются в книге, посвященной деятельности археологических институтов дореволюционной России (Николаев, 2008), причем автор даже утверждает, что археологические институты значительно опередили историко-филологические факультеты университетов в процессе подготовки специалистов с магистерской степенью (Николаев, 2010. С. 23). Полная несостоятельность подобных выводов уже была показана в рецензии на эту книгу (Тихонов, 2011).

Предлагаемая на съездах кафедра археологии так и не появилась в русских университетах в дореволюционный период. Тем не менее, археология в начале XX в. была уже довольно широко представлена в разных учебных курсах Санкт-Петербургского университета. На историко-филологическом факультете лекции и семинары по классической археологии вели С.А. Жебелёв, М.И. Ростовцев, Б.В. Фармаковский; по славяно-русской и первобытной археологии – А.А. Спицын. На факультете восточных языков занятия по археологии Закавказья вели Н.Я. Марр и И.А. Орбели, на кафедре географии и этнографии физико-математического факультета курсы по первобытной археологии читал Ф.К. Волков (Тихонов, 2003). Все эти курсы по своему объему и глубине значительно превосходили популярные по своему характеру лекции Н.И. Веселовского в Петербургском археологическом институте, который более ориентировался на подготовку архивистов. В Московском археологическом институте (МАИ), открытом в 1907 г., преподавание археологии было поставлено лучше за счет активной педагогической деятельности В.А. Городцова, воспитавшего до 1915 г. нескольких ярких учеников: Н.К. Ауэрбаха, В.В. Гольмстен, П.С. Рыкова Д.Н. Эдинга (Стрижова, 1988. С. 28–31). Еще в предреволюционные годы Московский археологический институт имел несколько своих отделений в Нижнем Новгороде, Калуге, Смоленске, Витебске и Ярославле. Занятия в них проводили командированные из Москвы преподаватели, а также деятели местного краеведческого движения.

В Московском университете основными центром археологии являлись Общество любителей естествознания, антропологии

и этнографии, созданное в 1863 г. профессором зоологии и антропологом А.П. Богдановым, а также кафедра географии и этнографии с Антропологическим музеем, возглавляемые учеником Богданова – антропологом, этнографом и археологом Д.Н. Анучиным. Под руководством последнего формировалась московская палеоэтнологическая школа, понимающая археологию как часть антропологии и ориентирующаяся на естественные науки.

Археологией увлекались некоторые ученики знаменитого профессора Московского университета историка В.О. Ключевского: П.Н. Милюков, Ю.В. Готье, С.К. Богоявленский. Они проводили раскопки, публиковали отчеты о них, участвовали в работе всероссийских археологических съездов (Мандрик, 2011. С. 118) На кафедре истории искусства после Ф.И. Буслаева работали К.К. Герц, проводивший археологические исследования в Северном Причерноморье; создатель Музея изящных искусств (в котором были и археологические коллекции) И.В. Цветаев; ученик Н.П. Кондакова В.Н. Лазарев. Особо можно отметить плодотворную деятельность исследователя античного искусства В.К. Мальберга, сменившего И.В. Цветаева на посту руководителя кафедры и музея. Он сумел органически связать воедино учебную, научную и музейную работу по изучению древнего искусства в Московском университете в начале XX в. (Историческая..., 2004. С. 554).

В Казанском университете в конце XIX – начале XX вв. занятия по истории древнего и средневекового искусства и археологии в Музее древностей и изящных искусств проводили В.К. Мальберг, Д.В. Айналов, А.М. Миронов (Сыченкова, 2012. С. 102–111). С 1878 г. в Казанском университете действовало Общество археологии, истории и этнографии, в работе которого принимали участие многие профессора, как гуманитарии, так и естественники. Изучением древностей Поволжья занимался профессор истории русского права С.М. Шпилевский, издавший в 1877 г. специальную монографию, посвященную древним городам и другим булгаро-татарским памятникам Казанской губернии. Широко использовал археологические источники в своей магистерской диссертации «Меря и ростовское княжество» (1872 г.) будущий профессор этого же университета Д.А. Корсаков. Профессор геологии и палеонтологии А.А. Штукенберг и профессор медицины Н.Ф. Высоцкий опубликовали серию статей по каменному веку в изданиях Общества естествоиспытателей и Общества археологии, истории и этнографии при Казанском уни-

верситете. Археология входила в круг научных интересов антиковеда М.М. Хвостова и этнографа, хранителя Этнографического музея Казанского университета, Б.Ф. Адлера.

В Томском университете с 1882 г. существовал музей археологии и этнографии, в формирование коллекций которого внесли большой вклад В.М. Флоринский, А.В. Адрианов, С.К. Кузнецов, Н.Ф. Кащенко и другие исследователи древностей Сибири. К 1917 г. археологическое собрание музея насчитывало 34 коллекции, содержащие 3994 предмета (Китова, 2007. С. 32).

При подготовке нового устава российских университетов рассматривался вопрос о создании кафедры археологии на историко-филологическом факультете и кафедры антропологии на естественном разряде физико-математического факультета, где преподавалась бы первобытная археология. (Тихонов, 2003). Но устав так и не был принят до 1917 г. Возникновение системы подготовки профессиональных археологов происходило уже в новых условиях послереволюционного времени. Две революции 1917 г., сломавшие старый бюрократический аппарат, открыли широкие возможности деятелям науки для реализации их творческих планов и замыслов. Весной 1918 г. началась реорганизация Петроградского археологического института, в котором преподавание археологии до этого времени было весьма скромным. Инспирирована она была самими членами института, которые стремились превратить его в полноценное высшее учебное заведение и доказать полезность его существования для новой власти. Уже с начала 1918 г. институт сотрудничал с ней, выполняя распоряжения Наркомата просвещения. В марте учреждению предоставили новое просторное помещение на Фонтанке, 22.

Основными направлениями реорганизации стали: превращение института в специальное высшее учебное заведение, увеличение срока обучения до 3 лет, расширение учебного плана и разделение на факультеты. Первоначально рассматривался проект разделения института на три отделения: археологическое, этнографическое, истории искусств. Но в итоге к 1920 г. было создано два факультета: этнографический и археологический с 11 кафедрами. Значительно расширился состав преподавателей. К 1921 г. в институте работали 25 профессоров, 5 преподавателей, 2 ассистента, Это больше, чем в 1914 г. (7 профессоров, 6 преподавателей и 4 лектора). Профессорами института стали А.А. Миллер, Б.В. Фармаковский, С.А. Жебелёв, Д.В. Айналов, Н.П. Сычёв,

Г.И. Боровко, К.К. Романов, Н.Н. Бауер. Продолжал преподавать и А.А. Спицын (рис. 1).

Учебный план факультета, включавший в себя как общие, так и частные дисциплины, позволял обеспечить высокий уровень археологического преподавания и подготовки кадров археологов. Но уже с 1920 г. обсуждался вопрос об объединении Петроградского археологического института с Российской академией истории материальной культуры. В итоге, в мае 1922 г. было принято решение о включении института в структуру Петроградского университета и создании на его базе археологического отделения факультета общественных наук (ФОН). Это решение продолжало политику укрупнения учебных заведений. Так, еще в 1919 г. в университет были влиты Высшие женские (Бестужевские) курсы и Психоневрологический институт. 30 июня 1922 г. состоялось совещание руководства института с ректором Петроградского университета по вопросу преобразования института в археологическое отделение университета. На нем было определено: «Отделению предоставить полную внутреннюю автономию. Отпускаемые на его личный состав 40 платежных единиц распределяются по его усмотрению. Сохраняется помещение, канцелярия, бухгалтерия и хозяйственная часть прежнего института. Все служащие его признаются состоящими на службе в Петроградском университете» (ЦГА СПб. Ф. 2559. Оп. 1. Д. 104. Л. 32). То есть Археологический институт был вовсе не закрыт новой властью, как утверждают некоторые современные авторы, а включен в состав университета. Безболезненности этого слияния способствовало и то обстоятельство, что многие профессора института одновременно являлись и профессорами университета. Первыми студентами археологического отделения также стали слушатели бывшего Петроградского археологического института, среди них был и будущий заведующий кафедрой археологии ЛГУ М.И. Артамонов (рис. 2).

Включением института в состав университета был реализован проект создания университетской структуры по подготовке профессиональных археологов. На археологическом цикле обучалось свыше 60 студентов. Учебный план цикла предусматривал на 1 и 2 курсах лекции по методологии археологических дисциплин, археологии русской и классического мира, доисторической археологии, археологии Древнего Востока и Европы и т.д. С 3 курса студенты специализировались в рамках группы русско-

византийской археологии, группы Дальнего Востока и классического мира, группы доисторической археологии. Продолжалось чтение лекций по отдельным разделам археологии, активно использовался семинарский метод в преподавании. Всего в течение 1924/25 учебного года на археологическом отделении велось тридцать шесть семинаров по различным разделам археологии (рис. 2). Преподавательский состав пополнился П.П. Ефименко, О.Ф. Вальдгауером, Б.Л. Богаевским, К.Э. Гриневичем, И.А. Орбели, Н.Д. Флитнер, И.И. Мещаниновым. В то же время в учебный процесс все более внедрялись общественно-политические дисциплины. Так, в выпускном свидетельстве М.И. Артамонова от 1924 г. на первом месте стоят: государственное устройство РСФСР и СССР, исторический материализм, политическая экономия, история социализма (ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 5. Д. 175. Л. 4) (рис. 3).

Летом 1925 г. отделения языкознания, литературное и археологическое были выделены из состава ФОН и образовали факультет языкознания и материальной культуры (ямфак). Учебный план отделения истории материальной культуры на 1925/26 учебный год отличался от прежнего некоторым сокращением, как общего числа курсов, так и специальных дисциплин. Однако окончательный учебный план был утвержден Государственным ученым советом только в 1927 г., и в нем мы снова встречаем значительное число лекций и семинаров по разделам археологии (до 20 часов в неделю на 3 и 4 курсе). Срок обучения на ямфаке был увеличен до четырех лет, вводились дипломные работы как итог обучения студентов. Открылась аспирантура, первыми аспирантами стали Т.С. Пассек, Б.А. Латынин, М.К. Каргер.

В Московском университете 1 августа 1921 г. при факультете общественных наук были учреждены семь научно-исследовательских институтов и среди них Институт искусствознания и археологии, но, судя по кадровому составу, искусствоведение там явно доминировало. 8 июля 1922 г. в составе ФОН Московского университета было создано археологическое отделение взамен закрытого Московского археологического института. В комиссию по организации нового отделения вошли: декан факультета Н.М. Лукин и профессор В.А. Городцов, Ю.В. Готье, В.Ф. Преображенский (Летопись..., 2009. С. 16). В 1923 г. литературно-художественное, этнолого-лингвистическое и археологическое отделения факультета общественных наук были преобразованы в отделения языка и литературы, археологии и искусствознания. В 1925 г. ФОН МГУ был рас-

формирован и отделение археологии и искусствознания перешло на этнологический факультет (Янин, Канторович, 2015. С. 7).

Особая роль в работе археологического отделения I МГУ принадлежала Василию Алексеевичу Городцову. Его педагогическая деятельность в Московском университете началась в 1919 г., когда в качестве внештатного преподавателя он был приглашен читать курс истории первобытной культуры на историческом отделении факультета общественных наук. В 1920 г. его назначили профессором кафедры первобытной археологии. В скором времени он разработал программу трехлетнего преподавания археологии по 12–14 часов в неделю. На 1 курсе она включала в себя занятия по археологии эпохи камня и металла, методам археологии, геологии, антропологии, этногеографии, черчению и съемке планов и обмеров. На втором году обучения предлагались курсы по археологии Египта, Месопотамии, Передней Азии; крито-микенской, античной и скифо-сарматской археологии. На 3 курсе программа предусматривала изучение славяно-русской, германской и галльской археологии, нумизматики и сфрагистики, эпиграфики, музееведения (Канторович, 2009. С. 310). В окончательном виде учебный план на 1923/24 учебный год предусматривал на первом курсе только лекции по каменному веку и просеминарий по топографической съемке и обмерам. Большинство дисциплин было включено в программу второго курса: первобытная археология (бронза), археология классического Востока, археология греко-римского мира, археология России, археология Древнего Востока, археология русского искусства, практикум по археологии. Все предметы читались по два часа в неделю и факультативно преподавалась еще историческая география России. Программа третьего курса предусматривала первобытную археологию (эпоха раннего железного века), археологию западноевропейского средневековья, историю археологических открытий, методологию археологии и семинарий по археологии России (ГАРФ. Ф. 298. Оп. 1. Д. 24. Л. 83–84).

Большое значение В.А. Городцов придавал летней практике, где студенты могли получать навыки полевой работы археолога. Ежегодно он выезжал со студентами для проведения раскопок различных археологических памятников на территории Московской, Калужской и Рязанской губерний. Являясь одновременно заведующим отделом археологии ГИМ, Городцов очень широко использовал в своей преподавательской деятельности экспозиции и коллекции музея. По воспоминаниям А.Я. Брюсова

В.А. читал лекции очень увлекательно и «умел заинтересовывать своих слушателей своим предметом, нередко приводил примеры своего личного опыта или рассказывал о случаях из опыта выдающихся археологов, с которыми он встречался. Особенно важно было, что студенты археологи каждое лето принимали участие в раскопках В.А. Городцова, а раскопки – дело увлекательное, тем более что В.А. Городцов во время этих раскопок давал пространные объяснения, имевшие еще более значения, чем его лекции в аудитории. А зимой В.А. Городцов привлекал студентов к своей работе в Государственном историческом музее и заставлял их знакомиться с огромными коллекциями этого музея» (*Кузьминых, Щавелёв, 2012. С. 685–686*).

В середине 1920-х гг. под руководством Городцова образовался студенческий археологический кружок, в котором начинающие археологи пробовали свои силы на научном поприще (рис. 4). Они образовали особое братство, шутливо назвав его «Тотем Лягавой лягушки» (*Белозёрова, Кузьминых, 2015. С. 43.*) Его членами стали крупнейшие впоследствии археологи: А.В. Арциховский, А.Я. Брюсов, Б.А. Рыбаков, С.В. Киселёв, Б.Н. Граков, А.П. Смирнов и многие другие. В.А. Городцов явился подлинным создателем московской археологической школы.

Среди преподавателей археологического отделения в МГУ в 1920-е гг. были такие видные ученые, как Ю.В. Готье, Ф.В. Баллод, А.С. Башкиров, А.А. Захаров, Н.И. Новосадский, А.И. Некрасов, А.А. Некрасов и др. (рис. 5). Ученик В.О. Ключевского Ю.В. Готье уже в начале XX столетия проводил раскопки курганов в Подмосковье, обосновывая принципы параллельного изучения вещественных и письменных источников, относящихся к ранним этапам отечественной истории (*Мандрик, 2001. С. 120*). Он выпустил две книги по древностям Восточной Европы: (*Готье, 1925; 1930*). Оба издания носили характер скорее учебников для студентов, чем исследовательских монографий. В первом каждая глава заканчивалась списком важнейшей литературы по теме, а вторая имела на титульном листе указание, что допущена Научно-политической секцией Государственного ученого совета в качестве учебного пособия для вузов.

А.С. Башкиров после переезда в Москву на археологическом отделении 1 МГУ читал курсы лекций «История археологических открытий» (1922–1923 гг.) и «Археология Крыма» (1925–1926 гг.), курсы по античному и средневековому искусству и археологии,

спецкурс по болгарской культуре. В его архиве, поступившим в Отдел письменных источников ГИМ, сохранились работы студентов по античным и византийским древностям Крыма и Таманского полуострова (Белозёрова, 2016. С. 551). Учениками и последователями А.С. Башкирова стали Л.П. Харко, В.Д. Блаватский, М.М. Кобылина, А.Л. Якобсон, К.В. Голенко и др.

Археологические отделения Московского и Петроградского университетов создали очень эффективную систему подготовки кадров для отечественной археологии. Там получили отличное образование многие выдающиеся представители первого поколения советских археологов. В Петроградском (после 1924 г. – Ленинградском) университете не было такого ярко выраженного лидера, как В.А. Городцов, и там формировалось несколько научных школ, в которых наиболее заметными были ученики А.А. Спицына, А.А. Миллера, Б.В. Фармаковского.

В 1920-е гг. продолжалось успешное развитие палеоэтнологического направления отечественной археологии, сформировавшегося как раз на базе Московского и Петроградского университетов. Курсы по первобытной археологии в Московском университете читались на кафедре антропологии, существовавшей на физико-математическом факультете в 1880–1884 гг. и с 1919 г. под руководством Д.Н. Анучина. Там формировалась московская палеоэтнологическая школа. После смерти Д.Н. Анучина в 1923 г. ее возглавил Б.С. Жуков (Чтецов, Негашева, 2010. С. 8). Из этой школы вышли крупные исследователи археологи и антропологи А.Е. Алихова, О.Н. Бадер, М.В. Воеводский, Е.И. Горюнова, Г.Ф. Дебец, П.И. Зенкевич, А.В. Збруева, М.Г. Левин, С.Ф. Преображенский, М.В. Талицкий, С.П. Толстов, Т.А. Трофимова, Н.Н. Чебоксаров и др. (Кузьминых, 2004. С. 142).

Палеоэтнологи, ориентируясь на естественные науки, много внимания уделяли этнической стороне культуры и считали археологию лишь отраслью этнологии, обращенной в прошлое. Б.С. Жуков в своих лекциях значительное место отводил методике археологических работ, применял для обмеров керамики краудиологические инструменты, статистические методы. Он критиковал классификацию Городцова за искусственно выделенные хронологические рубежи, которые пересекали однотипные культуры (Клейн, 2014. С. 42). Ученики Жукова участвовали в диспутах с учениками Городцова, отстаивая преимущество своих подходов к изучению археологического материала.

Важную роль в преподавании всех разделов антропологии играл Антропологический музей Московского университета, возникший в 1879 г. после Антропологической выставки. К 1920-м гг. музей обладал значительными археологическими коллекциями и в 1930 г. был выделен в самостоятельную университетскую структуру (МГУ–2013: К 130-летию...).

В Петрограде в 1918 г. был открыт Географический институт. В 1925 г. он стал географическим факультетом университета. Среди преподавателей на этнографическом и антропологическом отделениях были ученики Ф.К. Волкова: С.И. Руденко, П.П. Ефименко, Д.А. Золотарёв, Г.А. Бонч-Осмоловский, С.А. Теплоухов. Они вели различные курсы по антропологии, проблеме происхождения человека, палеоантропологии, палеоэтнологии, используя кроме собственных работ новейшие труды русских и зарубежных авторов (Обозрение..., 1927. С. 13–25). Студентами географического факультета в 1920-е гг. были М.П. Грязнов, впоследствии выдающийся исследователь первобытных древностей Сибири, А.М. Линевский, изучавший петроглифы Карелии, исследовательница палеолита Армении М.З. Паничкина, сотрудница крымских экспедиций Г.А. Бонч-Осмоловского С.А. Трусова. Особенно много студентов-географов участвовало в экспедициях Г.А. Бонч-Осмоловского в горном Крыму.

В первые послереволюционные годы предпринимались попытки наладить подготовку археологов и в ряде других университетов. В Казани еще в 1916 г. у профессора истории права Казанского университета С.П. Покровского созрел план устройства археолого-этнографического института, который, хотя и был бы близок по характеру к ПАИ и МАИ, должен был отличаться от них тем, что помимо предметов русской археологии «должно быть отведено место изучению финских, бугарских и монгольских древностей с их языками» (цит. по: *Кузьминых, Смирнов*, 2015. С. 215). В 1917 г. Северо-Восточный археологический и этнографический институт был учрежден. Вследствие невозможности приезда в Казань В.А. Городцова для чтения курса первобытной археологии, в 1919 г. этот курс был поручен члену Общества археологии, истории и этнографии профессору медицины Казанского университета Н.Ф. Высоцкому, но в скором времени перешел к М.Г. Худякову. Молодой начинающий археолог разработал детальную программу по археологии бронзового века Волжско-Камского края. В 1922 г. после ряда реорганизаций этого учебного заведения кафедру архе-

ологии на отделении востоковедения Восточного педагогического института занял В.Ф. Смолин. Он создал Археологический кабинет и студенческий археологический кружок, читал курсы «История и культура Камско-Волжского края», «Основы краеведения и экскурсионного дела», «Археология Камско-Волжского края» и общий курс археологии (*Кузьминых*, 2004а. С. 12–13). Тем не менее, в 1929 г. Смолин был вынужден покинуть Казань. Создать эффективно действующую систему подготовки археологов в Казани в то время не удалось. А после обвинений ряда членов Общества археологии, истории и этнографии в контрреволюционной деятельности и окончательного закрытия Общества в 1931 г. ситуация с преподаванием археологии в столице советского Татарстана еще ухудшилась. Археологические коллекции Общества, хранившиеся в университете, в 1929–1931 гг. были переданы в Центральный музей ТССР и составили там более 8 тысяч предметов (*Сидорова*, 2012. С. 121).

В 1920 г. был открыт филиал Московского археологического института в Воронеже, где на археологическое отделение был принят 31 человек. К концу первого учебного года количество студентов археологического факультета достигло 47, среди них – известные впоследствии археологи С.Н. Замятнин и М.Е. Фосс. Темой выпускной работы С.Н. Замятнина были «Археологические карты, их научное значение и методы их составления (с приложением археологической карты Воронежской губернии)». В связи с присоединением МАИ к Московскому университету, которое произошло летом 1922 г., Воронежское отделение попытались преобразовать в учебные курсы при Воронежском историко-археологическом обществе. Но реализовать эту реорганизацию в полной мере не удалось, поскольку многие преподаватели вызывали подозрения в ГПУ и к началу 1923 г. курсы были закрыты. (*Сафонов*, 2017. С. 140–145). Восстановить подготовку археологов в Воронежском университете сумели только в послевоенное время.

В 1917/18 учебном году был создан Саратовский университет, где на историко-филологическом факультете до 1923 г. преподавал Ф.В. Баллод. В 1919 г. по результатам его доклада было открыто отделение истории искусств и археологии. С 1920 г. там началась преподавательская деятельность П.С. Рыкова, возглавившего Археологический научно-исследовательский институт при СГУ. В 1924 г. этот институт был преобразован в Нижне-Волжский краеведческий институт. П.С. Рыков возглавлял его до своего ареста в 1937 г. (*Малов*, 2017. С. 403–405).

В Пермском университете на базе созданного вместе с университетом музея древностей в 1918–1924 гг. разворачивалась активная исследовательская, педагогическая и собирательская деятельность А.В. Шмидта (*Мельникова*, 2003. С. 41–45).

В Томском университете в 1918 – начале 1920-х гг. произошел заметный подъем археологических исследований, связанных с временной работой там С.И. Руденко, С.А. Теплоухова, В.Ф. Смолина. После их отъезда занятия продолжались только факультативно в университетском музее, археологические коллекции которого возросли к 1927 г. до 5024 предметов. Однако, к началу 1930-х гг. всякая археологическая деятельность в области археологии прекратилась и там (*Китова*, 2007. С. 48–51).

В Ростове-на-Дону в 1918 г. по инициативе профессора А.И. Яцемирского был учрежден Донской археологический институт как частное высшее учебное заведение с двумя отделениями: истории искусств и археологии. С установлением советской власти на Дону в январе 1920 г. Донской археологический институт был национализирован, и с апреля этого года стал государственным вузом, но в 1922 г. был закрыт (*Карайчева*, 2008; *Римская*, 1999).

Закрытие археологических институтов было связано с тем, что в феврале 1921 г. все вузы РСФСР были переданы в ведение Главпрофобра – Главного комитета профессионально-технического образования Наркомпроса. Новый орган административного управления высшей школой активно приступил к ее реформированию. В итоге Декретом Совнаркома РСФСР от 3 июля 1922 г. было принято «Положение о высших учебных заведениях». Фактически этот документ стал первым уставом советской высшей школы, действующим до 1930 г. Положение укрепляло жесткое партийно-государственное руководство образовательными учреждениями страны, при этом вузы окончательно лишались автономии (*Донченко, Самоловова*, 2014. С. 231). Существовавшие археологические институты давно вызывали подозрения советской власти как осколки «старого режима» и подлежали ликвидации. Таким образом, многие попытки наладить подготовку археологов в ряде провинциальных центров в начале 1920-х гг. были принесены в жертву начавшей складываться в СССР административной системе управления наукой и высшей школой.

Самостоятельная научная школа с собственной методологией исследования, методикой и системой организации раскопок, подготовкой кадров смогла возникнуть только в Иркутском универ-

ситете благодаря деятельности Б.Э. Петри. Переехав из Петрограда в Иркутск в 1918 г., он начал работать в только что созданном университете. За счет собственных раскопок Б.Э. Петри создал кабинет археологии и этнографии туземных народов Сибири и привлек целую группу студентов к его работе. В 1927 г. в кабинете насчитывалось уже более 13 тысяч археологических предметов (Пержакова, 2009. С. 11). Являясь приверженцем палеоэтнологического направления, Б.Э. Петри сочетал занятия археологией, этнографией и антропологией. Среди его учеников были известные археологи и антропологи: А.П. Окладников, М.М. Герасимов, Г.Ф. Дебец, Г.П. Сосновский, П.П. Хороших. С.Н. Лаптев, И.И. Веслов, О.И. Толстихина и др. Но кафедра истории первобытной культуры, позже переименованная в кафедру этнографии, в 1926 г. была закрыта, и все археологические работы в Иркутске продолжались только по линии Восточно-Сибирского отдела РГО и краеведческого музея. В 1930 г., как и во всей стране, краеведческому движению в Иркутске был нанесен сокрушительный удар, и деятельность ВСОРГО была переориентирована исключительно на изучение экономики и географии края. Еще через несколько лет Б.Э. Петри был арестован по надуманному обвинению в шпионаже и расстрелян (Сирина, 2002. С. 76).

Становление археологического образования и в столичных университетах было фактически прервано начавшимися реформами и заметным усилением идеологизации гуманитарного образования на рубеже 1920–1930-х гг. Весной 1929 г. в связи с приближающимися перевыборами профессорско-преподавательского состава ЛГУ, на страницах газеты «Студенческая правда» разворачивается кампания политических обвинений и травли по отношению к многим заслуженным ученым, и среди них: С.И. Руденко, Г.А. Бонч-Осмоловский, С.А. Теплоухов и др. Например, в заметке под названием «Злостный прогульщик» Бонч-Осмоловский обвинялся в том, что он игнорирует занятия со студентами, предпочитая проводить время в профессорском кабинете. Заканчивалась заметка выводом, что подобный преподаватель доверия не заслуживает. Еще более серьезные, политические обвинения газета выдвигала против С.И. Руденко. В статьях с показательными названиями «Арап от науки», «На поводу у реакционной профессуры», подписанными даже не именами, а псевдонимами, ему приписывались фразы: «марксизм никак не может быть связан с наукой», «дух марксизма и дух антропологии несовместимы, и поэтому сту-

денты, являющиеся убежденными марксистами, должны оставить его отделение». Далее ему инкриминировались рассказы «о веселых похождениях в Париже» и, естественно, недобросовестное отношение к занятиям. В итоге университетская комиссия, в которой все больше начинали задавать тон подобные «писак», постановила отчислить С.И. Руденко из состава профессоров. Также университет были вынуждены покинуть Г.А. Бонч-Осмоловский и С.А. Теплоухов.

Начиная с 1929 г., Совет народных комиссаров СССР и Народный комиссариат просвещения РСФСР приняли ряд постановлений, касающихся реорганизации государственных университетов с целью сосредоточения в них подготовки научно-исследовательских кадров по естественнонаучным и физико-математическим специальностям. В этой связи все не соответствующие данному профилю структуры советских вузов были изъяты, став основой различных отраслевых институтов.

Летом 1929 г. ямфак ЛГУ был преобразован в историко-лингвистический факультет, где на отделении истории еще продолжал работать цикл материальной культуры с кафедрами доисторической археологии, античной археологии, русского искусства и материальной культуры, истории материальной культуры Востока. Однако в следующем году этот факультет был выделен из состава ЛГУ и образовал самостоятельный Историко-лингвистический институт, что привело к фактическому прекращению преподавания археологии. В 1932 г. все доставшиеся ему от университета археологические коллекции были переданы в Эрмитаж как ненужные.

В Московском университете этнологический факультет в 1929 г. был переименован в историко-этнологический, а в 1930 г. в историко-философский. Самостоятельного археологического отделения в его составе уже не было. В.А. Городцов в 1929 г. был уволен без объяснения причин из Исторического музея, а в 1930 г. и из Московского университета (рис. 5). Весьма показательно, что если в 1925 г. задачей историко-археологического отделения являлась подготовка «археологов-практиков, могущих производить самостоятельные археологические изыскания, музейных работников, историков-лекторов, историков-архивистов» (Отчет..., 1927. С. 20), то теперь целью работы нового факультета ставилась «подготовка специалистов с марксистско-ленинским мировоззрением в области истории, литературы, искусств и этнографии». На историко-философском факультете были только три отделения: философ-

ское, антирелигиозное, историческое. Последнее должно было готовить «преподавателей истории классовой борьбы на рабфаках, в техникумах и в совпартшколах 2-й ступени, работников историко-краеведных и историко-революционных музеев, работников институтов Ленина и Маркса и Энгельса» (Летопись факультета...). При таких новых установках археология там была уже не нужна и свелась к небольшой кафедре, заведующим которой стал А.С. Башкиров (*Белозёрова, Кузьминых*, 2016. С. 93–103). Однако и она просуществовала недолго, так как в апреле 1931 г. все специальные кафедры были ликвидированы, а вскоре приказом Наркомата просвещения № 202 от 03.07.1931 г. историко-философский факультет вообще был выделен из состава МГУ, образовав самостоятельный институт истории, философии, лингвистики (МИФЛИ). Курс по истории доклассового общества там стал читать этнограф В.К. Никольский (Университеты..., 1935. С. 263).

А.А. Захаров был вынужден перейти на работу в Антропологический музей МГУ на должность библиотекаря. После возникновения самостоятельного исторического факультета в 1934 г., он выступил с инициативой создания в его составе кафедры археологии, но в 1935 г. стал жертвой репрессий. По этому же делу были арестованы профессора А.С. Башкиров и И.Н. Бороздин (*Формозов*, 2004. С. 227–244; *Ватлин, Канторович*, 2001). Восстановить преподавание археологии на историческом факультете МГУ удалось только в 1937 г., когда А.В. Арциховский стал читать общий курс по археологии для всех студентов факультета. К 1939 г. под его руководством была создана кафедра археологии, где начали работать С.В. Киселёв, В.Д. Блаватский, М.В. Воеводский, Б.А. Рыбаков (*Авдусин*, 1968. С. 184)

В Ленинграде смогли нормализовать ситуацию с преподаванием археологии чуть раньше. С 1933 г. в ЛИФЛИ начал читать общий курс истории доклассового общества и специальные курсы по археологии выпускник ЛГУ 1930 г. Е.Ю. Кричевский (Архив СПбГУ. Оп. 3. Д. 1660, 1565. Оп. 23. Д. 437. Л. 3.). Отдельные курсы в институте читали П.П. Ефименко, В.И. Равдоникас, Б.Л. Богаевский, А.А. Миллер, А.Ю. Якубовский, П.Н. Шульц, Н.Д. Флитнер. К концу 1935 г. существовала кафедра истории доклассового общества, в состав которой входили: С.Н. Быковский, П.И. Борисковский, М.И. Артамонов, М.Г. Худяков, П.Н. Третьяков, Е.Ю. Кричевский, антрополог Г.И. Петров. Помимо аудиторных занятий студенты занимались камеральной обработкой материалов ГАИМК,

Эрмитажа, Кунскамеры, и участвовали во многих экспедициях. Выпускниками ЛИФЛИ были С.Н. Бибиков, Л.Я. Крижевская, С.И. Капошина, Е.Г. Кастанаева (Кастанаян).

Решающую роль в возобновлении преподавания археологии в Московском и Ленинградском университетах сыграло постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» от 16 мая 1934 г. согласно которому в двух ведущих отечественных университетах открывались исторические факультеты. С 1 сентября 1936 г. исторический факультет ЛИФЛИ «со всем составом студентов, профессорско-преподавательским составом и кредитами» был передан в ЛГУ. Соответственно с начала 1936/37 учебного года кафедра истории доклассового общества, вскоре переименованная в кафедру археологии, оказалась в составе исторического факультета ЛГУ под руководством В.И. Равдоникаса.

Таким образом, уже к концу 1930-х годов сложилась отечественная система подготовки археологов в рамках исторической специальности. Без сомнения на ее формирование оказали воздействие марксистские представления о единстве исторического процесса и теория общественно-экономических формаций. Принципы «встроенности» археологии в историю были провозглашены А.В. Арциховским и противопоставлены деятельности археологических отделений 1920-х гг., которые, по его мнению, являлись «своеобразными маленькими факультетами», а «археологи изучали историю не в полном объеме, а небольшими дозами» (Арциховский, 1949. С. 25). Между тем, нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что в большинстве зарубежных университетов и по сей день, археология представлена в виде отдельных от истории институций, то есть именно так, как и было в ведущих отечественных университетах в 1920-е гг.

Подводя итоги, можно выделить следующие периоды в процессе становления археологического образования в российских университетах в первой половине XX века. В 1900–1917 гг. в ряде университетов, особенно в Санкт-Петербургском, археология уже занимала определенное место в учебных программах, начиналось формирование научных школ, активно пополнялись университетские собрания древностей. В 1918–1922 гг. проходила реорганизация Петроградского и Московского археологических институтов, предпринимались попытки наладить подготовку археологов в нескольких региональных центрах. 1922–1929 гг. – период очень успешной деятельности археологических отделений в Московском

и Петроградском университетах, подготовивших первое поколение советских археологов; одновременно происходило свертывание археологического образования за пределами столичных вузов. 1930–1935 гг. – время острого кризиса, ознаменовавшегося фактическим прекращением подготовки археологов в связи с резко усилившейся идеологизацией гуманитарного образования и непродуманными реформами структуры университетов. С середины 1930-х гг. начинается восстановление преподавания археологии, на исторических факультетах ЛГУ и МГУ появляются специализированные кафедры археологии, а в послевоенное время этот процесс постепенно затрагивает и другие университеты.

Литература

- Авдусин Д.А., 1968. Археология в Московском университете (1922–1965) // Очерки по истории советской науки и культуры. М.: МГУ. С. 181–199.
- Арциховский А.В., 1949. Преподавание археологии // КСИИМК. Вып. XXIX. М.-Л.: АН СССР. С. 24–32.
- Белозёрова И.В., 2016. Обзор научного архивного фонда археолога А.С. Башкирова из Отдела письменных источников Государственного исторического музея // Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах / Сост., отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Т. 1. Казань: Мирас-наследие. С. 545–552.
- Белозёрова И.В., Кузьминых С.В., 2015. Жизненный и научный путь В.А. Городцова (по архивным документам и воспоминаниям) // Городцов В.А. Дневники. 1928–1944: в 2 кн. / Сост. И.В. Белозерова, С.В. Кузьминых / Отв. ред. П.Г. Гайдуков, А.Д. Яновский. Кн. 1. М.: Триумф принт. С. 12–72.
- Белозёрова И.В., Кузьминых С.В., 2016. Башкиров Алексей Степанович // Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах / Сост., отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Т. 1. Казань: Мирас-наследие. С. 86–112.
- Ватлин А.Ю., Канторович А.Р., 2001. Из истории отечественной археологической науки (несостоявшийся судебный процесс 1935 года) // РА. № 3. С. 124–132.
- Готье Ю.В., 1925. Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы до основания первого русского государства. 1. Каменный век. Бронзовый век. Железный век на юге России. Л.: Брокгауз–Ефрон. 270 с.
- Готье Ю.В., 1930. Железный век в Восточной Европе. М.; Л.: Гос. изд-во. 280 с.
- Донченко А.С., Самоловова Т.Н., 2014. Реформирование высшей школы советского государства в декретах и постановлениях партии правительства (1917–1938 гг.) // Вестник КрасГАУ. № 10. С. 229–235.
- Историческая..., 2004. Историческая наука в Московском университете. 1755–2004 / Ред. С.П. Карпов. М.: МГУ. 2004. 640 с.
- Канторович А.Р., 2009. Заметки о преподавательской деятельности В.А. Городцова в Московском университете // Хорошие дни. Памяти Александра Сте-

- пановича Хорошева / Сост. А.Е. Мусин. Вел. Новгород; СПб.; М.: ЛеопАрт. С. 309–313.
- Карайчева В.В.*, 2008. Роль Донского археологического института в развитии науки и культуры Донского края (1918–1922) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. № 3. С. 49–52.
- Китова Л.Ю.*, 2007. История Сибирской археологии (1920–1930-е годы): Изучение памятников эпохи металла. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 272 с.
- Кузьминых С.В.*, 2004. Отто Николаевич Бадер и отечественная археология эпохи раннего металла // РА. № 4. С. 142–150.
- Кузьминых С.В.*, 2004а. Виктор Федорович Смолин, 1890–1932. Казань: КазГУ. 32с.
- Кузьминых С.В., Смирнов А.С.*, 2015. Археология в Северо-Восточном археологическом и этнографическом институте // Поволжская археология. № 1 (11) С. 214–240.
- Кузьминых С.В., Щавелёв С.П.*, 2012. Воспоминания Александра Яковлевича Брюсова «На тропах археологии» // Российский археологический ежегодник. № 2. С. 673–739.
- Летопись..., 2009. Летопись Московского университета. Исторический факультет. М.: Изд-во Московского университета. 384с.
- Летопись факультета Летопись факультета общественных наук (ФОН) [Электронный ресурс] // Летопись Московского университета. Режим доступа: <http://letopis.msu.ru/content/letopis-fakulteta-obshchestvennyh-nauk-fon>.
- Малов Н.М.*, 2017. Археология в Саратовском университете и Нижне-Волжском институте краеведения на переломе эпох (1920–1930-е годы) // Известия Саратов. ун-та. Нов. сер. Серия: История. Международные отношения. Т. 17. Вып. 3. С. 403–406.
- Мандрик М.В.*, 2001. К биографии Ю.В. Готье // Университетские Петербургские чтения / Отв. ред. Ю.В. Кривошеев. СПб.: СПбГУ. С. 116–128.
- МГУ–2013: К 130-летию.... МГУ–2013: К 130-летию Музея антропологии [Электронный ресурс] // Летопись Московского университета». Режим доступа: <http://letopis.msu.ru/content/mgu-2013-k-130-letiyu-muzeya-antropologii>.
- Мельникова О.М.*, 2003. Пермская научная археологическая школа О.Н. Бадера (1946–1955). Ижевск: УдГУ. 183с.
- Николаев А.Л.*, 2008. Археологические институты дореволюционной России: монография. Нижнекамск: НМИ. 177 с.
- Николаев А.Л.*, 2010. Деятельность Санкт-Петербургского и Московского археологических институтов в 1877–1917 гг.: автореферат дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Казань. 25 с.
- Обозрение..., 1927. Обзорение преподавания на географическом факультете ЛГУ на 1926–1927 учебный год. Б.И.М.Г
- Отчет..., 1927. Отчет Московского 1-го государственного университета за 1925–1926 г. (с 1-го января 1925 г. по 1-е сентября 1926 г.). Москва: б/и. 469 с.
- Пержакова А.С.*, 2009. Иркутская школа палеоэтнологии в 1920–1930-е годы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 8. Вып 5: Археология и этнография. С. 9–14.
- Римская З.Н.*, 1999. Донской археологический институт // Донская археология. № 2. С. 69–76.
- Сафонов И.Е.*, 2017. Археология в Воронежском отделении Московского археологического института (1920–1923 гг.) // Университетская археология: прошлое

- и настоящее. Материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию первой в России кафедры археологии / Отв. ред. И.Л. Тихонов. СПб: СПбГУ. С. 140–145.
- Сидорова И.Б.*, 2012. Судьба гуманитарных музеев Казанского университета в 1920-е годы // Вопросы музеологии. № 1 (5). С. 113–123.
- Сирина А.А.*, 2002. Забытые страницы сибирской этнографии: Б.Э. Петри // Репрессированные этнографы. Вып. 1. М.: Восточная литература. С. 57–80.
- Скрипкин А.С.*, 2018. История отечественной археологии: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт. 171 с.
- Стрижова Н.Б.*, 1988. Педагогическая деятельность В.А. Городцова // Наследие В.А. Городцова и проблемы современной археологии. Труды ГИМ. Вып. 68. С. 27–32.
- Сыченкова Л.А.*, 2015. Основатели Музея изящных искусств Казанского университета: Дмитрий Айналов и Алексей Миронов // Вопросы музеологии. 1 (5). С. 98–112.
- Тихонов И.Л.*, 2003. Археология в Санкт-Петербургском университете. Историко-графические очерки. СПб.: СПбГУ. 332 с.
- Тихонов И.Л.*, 2011. Рец.: Николаев А.Л. Археологические институты дореволюционной России: Монография. Нижнекамск: НМИ, 2008. 177 с. // РА. № 1. С. 174–176.
- Университеты..., 1935. Университеты и научные учреждения. 1935. М.-Л.: Научн.-техн. изд-во. 583 с.
- Формозов А.А.*, 2004. Русские археологи в период тоталитаризма М.: Знак. 320 с.
- Чтецов В.П., Негашева М.А.*, 2010. 90-летие кафедры антропологии в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова: история и перспективы развития // Вестник МГУ. Серия: XXIII. Антропология. № 4. С. 5–22
- Шер Я.А.*, 2011. Возродится ли в России археологическое образование? // Российский археологический ежегодник. № 1. С. 574–588.
- Янин В.Л., Канторович А.Р.*, 2015. К 75-летию кафедры археологии исторического факультета МГУ [Электронный ресурс] // Исторические исследования. Электронный журнал исторического факультета МГУ. № 3. С. 5–45. Режим доступа: <http://www.historystudies.msu.ru/ojs2/index.php/ISIS/article/view/44>.

С.П. Щавелёв

ЛИКВИДАЦИЯ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ АРХЕОЛОГИИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ НА РУБЕЖЕ 1920–1930-х ГОДОВ: «ДЕЛО КРАЕВЕДОВ ЦЧО»

Резюме. На документальных материалах прослежена трагическая судьба объединений археологов и других краеведов в Курской губернии и сопредельных регионов в 1920-е гг. Отмечены их небезуспешные попытки помогать новому строю на своем научно-просветительском поприще. Выявлены мотивы, по которым представители советской власти сначала всячески ограничивали краеведческое движение, а затем приступили к его поэтапной ликвидации. Приведены архивные данные «Дела краеведов ЦЧО» 1931 г., по которому чекистами были репрессированы исследователи и музейные хранители древностей из Воронежа, Задонска, Липецка, Острогжска, Тамбова, Орла, Курска, Старого Оскола. Выделены этапы полного запрета краеведческих обществ в СССР и негативные последствия этого шага для отечественной археологии.

Ключевые слова: русская археология, советские краеведы, претензии большевиков к изыскателям древностей, репрессии чекистов против краеведов.

Ори Ройвена не убили. Они были заказными убийцами. А в полученных ими приказах об Ори Ройвене не было ни слова.

Орибастус Джанфранко Паоло Ройвен, магистр права, провел шесть лет в различных тюрьмах...

Через шесть лет освободили. К тому времени он уже был совершенной развалиной. Цинга лишила его зубов, анемия – волос, глаукома – зрения, астма – дыхания. Пальцы обеих рук ему сломали на допросах.

На воле он прожил неполный год. Умер в храмовом приюте. В нужде. Забытый всеми.

Рукопись книги «Люди – тени, или История секретных королевских служб» пропала без следа.

А. Сапковский («Владычица озера»)

Кризис, обусловленный Первой мировой войной, помешал, конечно, отечественной археологии, но не сразу и не фатально. Разумеется, часть археологов оказалась среди военнотружущих или беженцев этой войны, но организации, которые занимались древностями, продолжали, как могли, свою работу. В довоенном 1913 г. Императорская археологическая комиссия (ИАК) выдала 123 открытых листа на осмотр, разведки и раскопки памятников старины, а в первом военном 1914 – 97; 2015 – 59; 2016 – 64 (Белова, 2009. С. 122–138). Как ни странно, в чем-то война даже помогла археологии: среди пленных германцев оказалось несколько знатоков далекого прошлого (Детлова, 2017. С. 19–22); военно-политические интересы Российской империи инициировали некоторые экспедиции (на Балканы, в Среднюю Азию, на Дальний Восток), среди задач которых была и археология (Смирнов, 2011).

Гораздо хуже пришлось археологам и другим ученым, особенно гуманитариям, в период революций 1917 г. и последовавшей вслед за ними Гражданской войны. Многие специалисты эмигрировали, часть оставшихся на родине погибла от голода, тифа или пала жертвой красного террора; а часть выживших потеряла интерес к научным занятиям. В 1917 г. ИАК выдан 31 открытый лист, а в 1918 — всего 17 (Белова, 2009. С. 138–140¹). 1917 годом датирует «начало агонии», то есть прекращение заседаний и изданий Императорского Русского археологического общества, его историк (Жебелёв, 2017. С. 93).

Похожие сдвиги произошли и на местах – в губернских и уездных объединениях археологов и близких к ним любителей старины. Однако, несмотря на военные события, эмиграцию одной и апатию другой части своих членов, губернские ученые архивные комиссии и им подобные комитеты пытались продолжать свою работу и в самое лихолетье рубежа 1910–1920-х гг. Разумеется, с переменным успехом.

И центральные, и провинциальные объединения археологов просуществовали до начала 1920-х гг., когда чуть раньше или чуть позже все они оказались закрыты большевиками. На их место вскоре пришли новые – советские объединения. На периферии ими стали губернские общества краеведения. Этот последний неологизм был призван продемонстрировать революционным властям, что

¹ Это общее количество записей в реестре Н.А. Беловой за 1918 г. Уточненные данные см.: статью И.А. Сорокиной в настоящем сборнике. С. 342 (прим. ред.).

любители истории и природы перешли на их сторону и стараются помочь, как могут, новому строю. В литературе по этому вопросу с легкой руки С.О. Шмидта утвердился тезис о «золотом десятилетии» советского краеведения (*Шмидт*, 1999. С. 2); о том, что «вскоре после революции краеведение пережило подлинный расцвет» (*Аграфонов, Праздников, Стиридонова*, 2009. С. 102). Если же разобратся, краеведам, в особенности археологам, при «советах» было отведено для работы гораздо, примерно вдвое, меньше времени. Да и денег новые власти выделяли им в обрез. Так что в окрестностях Курска активистам краеведческого Общества² удалось провести всего одни небольшие раскопки (кургана роменской культуры возле Шуклинского городища), да совершить несколько экскурсий на терпящие бедствие городища, могильники и места находки и разграбления кладов. В «Плане экскурсионно-обследовательных и лабораторных работ КГОК на 1928/29 гг.» остались по археологической части следующие пункты: «3) раскопки Ратского, Шуклинского и у с. Лебяжьего городищ. Установление границ древних поселений: финны – славяне – татары – славяне. – 300 руб.; 4) составление археологической карты Курского, Белгородского и Льговского округов. Выезды по Сейму, Тиму, Ворскле, Донцу. Руководитель Л.Н. Соловьёв. Один выезд в б. Щигровский уезд – Г.И. Булгаков. По 50 руб. на выезд. – 250 руб.» (ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 1 – 1927. Д. 44. Л. 45 об.). Но, в связи с общим сокращением губернского бюджета по культурно-просвещенческому и научно-исследовательскому статьям, субсидия краеведам оказалась безжалостно (в 10 раз) урезана и составила на все про все 300 руб. на 1929 и 250 руб. на 1930 г., «что является не только недостаточным для проведения каких бы то ни было мало-мальски серьезных научно-исследовательских работ, но даже весьма скромной поддержкой издательской деятельности» краеведов. Так писал в протесте (бесполезном) окружкому ВКП(б) очередной председатель краеведов, новый заведующий губернским музеем, партийно вполне выдержанный товарищ А.С. Молчин. Не помогло и специальное ходатайство ЦБК перед Курским губисполкомом «об усилении субсидии Обществу изучения Курской губернии». А до революции Курская ГУАК получала казенную субсидию в 2000 рублей ежегодно, и это были менявшиеся на золото по курсу 0,8 граммов за рубль деньги.

² Курское губернское общество краеведов (КГОК).

Уже со второй половины 1920-х – начала 1930-х гг. произошло заметное торможение как столичной, университетской, так и провинциальной, краеведческой археологии в СССР. И в этой, казалось бы, отдаленной от злобы текущего дня области знаний возобладала политическая конъюнктура, процвело вульгаризаторство. «В марксистско-ленинской классификации наук археология не имеет места, как самостоятельная наука, противопоставляющая себя или параллельная истории. Классовая борьба на археологическом фронте, разоблачение всех и всяческих извращений и враждебных вылазок в последние годы (1932–33) достигла особой остроты и напряженности...» (Энциклопедический..., 1934. С. 70). За такого рода абстрактными лозунгами неистовых ревнителей советской идеологии всегда следовали конкретные обвинения. Так, книгу известного историка и археолога Ю.В. Готье «Железный век в Восточной Европе», изданную в Москве в 1930 г., журнал «Историк-марксист» оценил как «идеологию интервенции против СССР» (Куришанак, 1931. С. 115). И если от университетского профессора-гуманитария или члена Академии наук партийные начетчики требовали «ползти в марксистскую Каноссу» с томом Маркса в руках – демонстрацией идейной «перековки», то для краеведа-любителя к тому времени археологические занятия стали прямым доказательством измены интересам социализма.

В историографии успело сложиться мнение, будто власти на протяжении 1920-х гг. всецело поддерживали «старых» ученых и краеведов, а ополчились на них только на рубеже 1930-х. Собранные мной по Центрально-Чернозёмной области (ЦЧО) данные говорят о том, что атака большевистских властей и на прежних академиков и на краеведческое движение готовилась гораздо раньше, по сути, с самого начала изучения древностей под советскими лозунгами.

Одно из многих подтверждений тому представляет собой отзыв выходявшего в Курске губернского журнала «Спутник большевика» на первое печатное издание Курского губернского общества краеведения – альманах «Курский край». Автор этого опуса, скромно подписавшийся инициалами И.К., – Иван Григорьевич Клабуновский, 28-летний член ВКП(б), имевший за плечами три курса Московского университета. Сын сапожника из Коломны, он, не служив в армии, сумел попасть в руководители среднего звена и был брошен партией в Курск на культпросветработу. Меняя одну должность за другой (глава Губмузея, инспектор Наркомпроса, за-

ведущий отделением Госиздата, заместитель заведующего агитпропом Курского губкома партии), он одновременно состоял заместителем председателя (то есть как бы большевистским комиссаром) Общества курских краеведов.

Рецензируя труд своих товарищей по краеведческому Обществу, Клабуновский для начала клеймит позором аналогичные по тематике издания Курской ученой архивной комиссии. «Сами “ученые” деятели Архивной комиссии, – пишет он, – представляли собой образец самодовольной бюрократии. <...> Неудивительно [для этого недоучившегося “обществоведа”. – С.Щ.], что революция смела не только трон и его “ученых” лакеев [излюбленное самим Лениным оскорбление ученых-немарксистов. – С.Щ.], но и самые организации последних – архивные комиссии. “Камергеры” [вроде основателя Курского археологического музея губернатора Н.Н. Гордеева или курского помещика, поэта А.А. Фета, заслуживших именно этот придворный чин. – С.Щ.] и “действительные статские советники” [вроде первого в Курске профессионального археолога и нумизмата К.П. Сосновского – С.Щ.] бежали <...>, мелкие сошки, оставшиеся на местах, растерялись, попрятались и до сих пор не могут подняться до былого величия своей ученой деятельности» (И.К., 1925. С. 88).

В 1931 г. в качестве прелюдии к полной ликвидации краеведения было создано Общество краеведов-марксистов (ОКРАМ). Заместителем его председателя стал этот же самый И.Г. Клабуновский, не замедливший заявить навсю страну: «Долгие годы краеведение в СССР было на откупе у “старых” специалистов-краеведов. Вытесненные историей из русла общественно-политической жизни, эти “специалисты” наши себе убежище в краеведении. Здесь они отсиживались вплоть до 1929 года» (Кузеванов, 2015. С. 1).

Поначалу главной претензией к исследователям местной истории, археологии, этнографии и географии стала их якобы оторванность от нужд социалистического строительства. В установочном выступлении на II Всесоюзной краеведческой конференции (декабрь 1924 г.) нарком просвещения А.В. Луначарский «выразил пожелание, чтобы краеведческое дело впредь было тесно спаяно с общегосударственной работой и школой». К чему председатель Главнауки Наркомпросса Ф.Н. Петров прибавил требование, дабы «краеведческое дело вошло в тесную связь с восстановлением производительных сил страны при условии установления связи с широкими массами рабочих и крестьян» (ГАКО. Ф. Р-2633.

Оп. 1 – 1924. Д. 4. Л. 72). Что заставило обе стороны – власти, партийцев, с одной стороны, и беспартийных краеведов старой закалки, с другой, – идти в течение ряда лет на компромисс?

С первой, официальной стороны, по всей видимости, бралось в расчет, что факт добросовестной, плодотворной работы части прежней интеллигенции на благо рабоче-крестьянского государства в какой-то степени украшает его международный фасад, как сейчас говорят – имидж во внешней и внутренней политике. Не случайно Курский губисполком периодически требовал с КГОК отчета «для помещения его в общий отчет ГИК к предстоящему губсъезду Советов». Информацию о своей деятельности губернские краеведы предоставляли также для справочно-адресной книги «Культурные центры СССР», для «Информационного бюллетеня» Всесоюзного общества культурных связей с заграницей, многих других центральных изданий.

С другой, интеллигентской стороны имелись желание или необходимость примениться к новым, весьма своеобразным порядкам советского режима; легально продолжать свои литературные, исследовательские, коллекционерские, педагогические занятия, вообще развить общественную активность, причем в мало к чему обязывающей, политически нейтральной форме краеведческих встреч и бесед. До поры до времени это поощрялось или, по крайней мере, снисходительно терпелось партийно-государственными властями.

С обеих сторон – и большевистской, и интеллигентской – присутствовали культуртрегерские порывы к ликвидации неграмотности в крестьянско-мещанской России, ее просвещению, в том числе по гуманитарно-исторической части. «Дореволюционная интеллигенция жила идеей просвещения народа (“сейте разумное, доброе, вечное”), а власти в 1920-е гг. эту идею поддерживали (ликбез, рабфаки, лектории в церковных зданиях и т.д.). Но этой почве мог возникнуть достаточно принципиальный альянс» (Формозов, 1993. Л. 1).

Однако большевики, действительно ликвидируя в массовом масштабе элементарную, функционально-грамматическую безграмотность, заодно добивались политико-идеологического «зомбирования» малограмотного сознания научившихся наконец читать и писать простых людей в духе ненависти ко всему буржуазному, «бывшему» и надежды на радужные перспективы социализма, пролетаризации жизни. Краеведы же дореволюционной закалки, даже не монархически, а демократически настроенные (вроде отца

и сына И.Д. и В.И. Стрельских³, прятавших у себя при временной победе белых оригинал письма В.И. Ленина курским рабочим), органически не могли унизиться до подобных вульгаризаций в своей просветительской деятельности. А их согласные со здравым смыслом попытки сблизиться с официальной политикой коммунистов чаще всего выглядели в глазах последних подозрительно.

Русская интеллигенция после революции в своей массе оказалась заметно маргинализированной («стала ничем») по сравнению с кадровыми пролетариями и совслужащими («ставшими всем» в смысле бытовых привилегий – пайка, жилплощади, уважения окружающих, перспектив служебной карьеры, права голоса на собраниях и в газетах). Поэтому ностальгия по нормальной, до- или внереволюционной жизни выражалась тогда, помимо прочего, и в краеведческих формах. Нередко на сугубо маниловский манер. Как в метаироничной передаче А.М. Ремизова: «Если бы им [Манилову и Чичикову] жить вместе, незаметно проходили бы часы деревенской скуки, изучали бы какую-нибудь науку – памятники древней русской письменности, словарь Даля, и потом рассуждали бы о мыслях и словах...» (Ремизов, 1989. С. 97). Хотя само искусный писатель Ремизов был археологом, правда, в старом смысле этого слова – знатоком старинных рукописей, почерков да книг. Но кроме какой-то доли самолюбивых демагогов среди первых советских краеведов начитывалось множество дельных и энергичных любителей старины. Так что главное заключалось совсем в другом, гораздо более значительном, долговечном эффекте тогдашнего краеведения. В провинции оно послужило основным способом духовного сопротивления интеллигенции революционному натиску на русскую культуру. В своих парижских воспоминаниях «Лихие годы. 1925–1941» искусствовед А.Э. Краснов-Левитин так оценивал позицию научной интеллигенции тех лет относительно большевистских реалий: «Недостатков много, но все они временные, постепенно они будут изживаться. Поэтому надо работать не

³ Илья Дмитриевич Стрелков (1881–1937) – курский чиновник, педагог; на до- суде – литератор (псевдоним – Стрельский, как жителя Стрелецкой слободы), член Курской ученой архивной комиссии. Расстрелян по приговору «тройки»; реабилитирован в 1956 г. Вячеслав Ильич Стрельский (1910–1983) – в юности активный член Курского губернского общества краеведов (проводил археологические разведки и раскопки, собирал фольклор). Впоследствии, сделав псевдоним отца своей фамилией, сбежал из Курска, окончил Московский историко-архивный институт и стал видным архивистом и историком, доктором исторических наук.

за страх, а за совесть. Работаем мы не для власти, а для народа». В бытность свою аспирантом Научно-исследовательского института театра и музыки, мемуарист «ко всем руководителям института <...> относился с пренебрежением: мне они казались беспринципными; я обвинял их в холуйстве, в подлизывании к большевикам. Боже мой! Как я был не прав! В труднейших условиях они делали свое дело, сохраняя традиции русской науки. И ведь всю эту работу приходилось вести в обстановке непрерывной травли, неожиданных качаний из стороны в сторону политического корабля, когда от малейшей прихоти любого прохвоста зависела судьба ученого и сама его жизнь! Часто упрекают нашу интеллигенцию за трусость, за молчание, за то, что она не нашла ответа перед лицом зверств. Неправда! Стиснув зубы, в тяжелых условиях она продолжала свою работу, развивала русскую науку, русскую культуру. Это и был ее ответ» (Краснов-Левитин, 1977. С. 161).

На протяжении всех 1920-х гг. краеведы Курска и сопредельных регионов время от времени совершали археологические экскурсии, обследовали аварийные памятники старины и проводили небольшие раскопки; пополняли губернские и уездные музеи древностей; использовали их экспонаты в школьной и просветительской работе (Щавелёв, 1998). Однако небольшие казенные субсидии на эти статьи бюджета краеведческого Общества из года в год не увеличивались, а уменьшались.

Руководители курского Общества позаботились внести в членские списки немало «мертвых» для краеведения, но классово вроде бы правильных «душ» – крестьян разных уездов, агрономов, инженеров, служащих, старшеклассников средних школ. Рабочих от станка им удалось наскрести всего двоих. Но ни расширение «социальной базы» своей организации, ни вся прочая просоветская мимикрия краеведов им не помогла. В июле 1928 г. губернские общества краеведов были распущены, а их члены вошли в состав Областного бюро краеведения (ОБК) – в связи с очередным изменением административно-территориального деления, по которому бывшая Курская губерния, вместе с рядом соседних, вошла в единую Центрально-Чернозёмную область. Председателем ОБК назначили Д.А. Авксентьевского, заведующего областным отделом народного образования в Воронеже; заместителем его – А.А. Комарова, который там же Воронеже возглавлял архивное бюро, а ответственным секретарем – доцента Воронежского университета С.Н. Введенского.

На заседании ОБК в сентябре 1929 г. в Воронеже слушался отчет Курского отделения и 5-летний план его работы. Тогда «отмечается наличие в организации небольшой группы старых краеведов, не желающих уяснить идей массового советского краеведения, пытающихся стащить краеведческую работу на старые, замкнутые от масс кабинетные рельсы» (стоит задержать внимание читателя на этом перле советского новояза: «рельсы, пролегающие через кабинет...»). Решено было «считать необходимым повести с ними решительную борьбу, вплоть до полного очищения краеведческих рядов от таких социально чуждых элементов». Так над краеведами стали сгущаться политические тучи. В предчувствии такого решения в Курске уже принесли одну жертву из обреченной на заклание «группы старых краеведов» – в 1928 г. сняли с должности и отдали под суд за некие финансовые упущения беспартийного директора губернского музея В.М. Василькова, которому якобы «были чужды интересы рабочего класса» (как выразился его преемник из номенклатуры губкома ВКП(б) Анатолий Сергеевич Молчин (*Молчин*, 1928. С. 72).

Следующих жертв наметил состоявшийся в январе 1930 г. I Областной съезд ЦЧО по краеведению. К необходимости выявить в краеведческих рядах «козлов отпущения» прямо подводили доклад заместителя председателя ОБК А.А. Комарова «Об итогах и перспективах краеведческого движения в ЦЧО» и доклад его сотрудника археолога П.Н. Черменского «Социалистическая реконструкция хозяйства ЦЧО и задачи краеведения». Краеведческое Общество было переименовано в «Общество по изучению местного края в целях социалистического переустройства страны».

В резолюции съезда отмечалось: «С большим удовлетворением съезд констатирует решительную политику ОБК за очищение краеведческих организаций от социально-чуждых вредительских элементов (типа С.Н. Введенского, Ф.И. Поликарпова, бывшего земского начальника, Г.И. Булгакова-церковника)⁴» (ГАКО. Ф. Р-2633.

⁴ Сергей Николаевич Введенский (1867–1940) – сын сельского священника из Липецкого уезда Тамбовской губернии; получил богословское образование (Тамбовская семинария, Московская духовная академия, где он слушал лекции В.О. Ключевского); богослов и историк. Кандидат богословия (1891). С 1892 года преподавал в Задонском духовном училище, с 1910 служил инспектором народных училищ Задонского и Землянского уездов. Член Воронежской ученой архивной комиссии, тамошнего же церковно-археологического комитета. С 1919 г. жил в Воронеже, стал доцентом ВГУ (на кафедре истории ФОН). Создатель (1924) и председатель Воронежского городского общества краеведов и ответственный

Оп. 1 – 1930. Д. 48. Л. 108). Все, помеченные каиновой печатью испуганных коллег, «бывшие краеведы» в том же году были арестованы органами ГПУ.

Курские краеведы тут же, 26 января, вывели своего ученого секретаря Булгакова, столь несвоевременно «согрешившего» церковностью (в виде членства в управленческой «двадцатке» совета Благовещенской церкви), из своих рядов как «лишенца» (избирательных прав). В справке, выданной Георгию Ильичу по этому случаю, значилось: «На протяжении всего времени с момента организации общества, учредителем коего он состоял, <...> был активным работником, неоднократно выступал докладчиком, проводил лекции по вопросам краеведения, как на собраниях рабочих, так и на съездах и конференциях учительства. <...> Исключен из общества за связь с религией» (ГАКО. Ф. Р–2633. Оп. 1 – 1930. Д. 48. Л. 4 об.) (выразившуюся в конце его общественной «проработки» просто в посещении церковных служб). Дух захватывает от этого советского силлогизма: получается, исключен за то, что работал активно... Тогда же Булгакова исключили из профсоюза работников просвещения. Это означало потерю педагогической работы и права на трудовой паек в Курске. Пришлось перебираться в Воронеж,

секретарь Областного бюро краеведения. По вопросам публикации своих научных работ неоднократно бывал в Москве и Ленинграде, познакомился с несколькими академиками-историками, включая С.Ф. Платонова. Это позволило ОГПУ представить его организатором и вдохновителем черноземного филиала «заговора в Академии наук». О нем см.: «Сергей Николаевич Введенский...», 1927 г.

Фёдор Иванович Поликарпов (1882–1931) – уроженец Нижнедевицкого уезда Воронежской губернии. Его дореволюционная служба в армии и гражданской администрации (в годы мировой войны – подпоручик, земский начальник Острогожского уезда, затем вроде бы участвовал в Белом движении) позволила на процессе краеведов представить его одним из самых опасных «заговорщиков». Хотя в 1920–1921 гг. он уже отбывал тюремное заключение за службу в Белой армии. После освобождения заведовал этнографическим отделом Воронежского краеведческого музея. Будучи уволен оттуда, стал сельским священником (вплоть до ареста и гибели по делу краеведов)

Георгий Ильич Булгаков (1883–1945) – курский педагог; историк церкви (кандидат и магистр богословия) и Курского Посеймья с древнейших времен; организатор и руководитель общества курских краеведов; сотрудник Курского губернского музея, спасший и пополнивший его фонды в период Гражданской войны, чьи фронты неоднократно проходили через Курск. Неоднократно проводил археологические разведки в районе Курска. Пятилетний срок лишения свободы по делу краеведов отбывал на строительстве Беломорканала. После лагеря и ссылки вернулся в Курск безнадежно больным и прожил меньше года.

где в одной из школ ФЗО да на Высших экономических курсах нашлось место для опального учителя с четвертьвековым стажем и ученой степенью.

Воронеж оказался неудачным пристанищем для опального краеведа. Именно этот город чекисты избрали для продолжения так называемого «Дела Академии наук» (заключенные в кавычки определения здесь и ниже приводятся из документов чекистов ЦЧО, опубликованных мной: *Щавелёв*, 2007). По этому делу с января и по август 1930 г. были схвачены академики С.Ф. Платонов, Н.П. Лихачёв, М.К. Любавский, Е.В. Тарле, Ю.В. Готье; члены-корреспонденты А.И. Андреев, В.Г. Дружинин, Д.Н. Егоров, А.И. Яковлев; профессора С.К. Богословский, С.В. Рождественский, Б.А. Романов, П.Г. Васенко, М.Д. Присёлков, С.В. Бахрушин; А.И. Заозерский, В.И. Пичета, И.А. Голубцов, Л.В. Черешнин; прочие члены их якобы «подпольной контрреволюционной организации историков». Следователи назвали ее «Всенародным союзом борьбы за возрождение свободной России». С.Ф. Платонов на первых же допросах рассказал о своих «связях» с немецкими политиками, признался в том, что он «убежденный монархист». Через несколько месяцев психологического прессинга он «полностью разоружился» перед следствием и подтвердил, что с весны 1928 г. руководил этим самым «Всенародным союзом» (*Брачев*, 2006. С. 102–103).

Чтобы антисоветская организация казалась поразветвленное внутри страны, к ней «пристегнули» руководителей Центрального бюро краеведения, имевшего тесные связи на местах. Так были арестованы ученый секретарь ЦБК Д.О. Святский, его сподвижники Б.Б. Веселовский, С.И. Тхоржевский, М.П. Бабенчиков, М.Н. Смирнова и др. Кроме краеведов и экскурсоводов, взяли целую группу священнослужителей разных конфессий (вина этих последних для чекистов заключалась в самом роде их занятий).

В конце концов, у С.Ф. Платонова получили показания «о связи с организацией Введенского Сергея Николаевича» и переправили их в Воронеж. А именно, академик показал: «... Были группы в Москве, Саратове, кроме того, были отдельные лица, связанные с руководящим ядром в других городах. Введенский Сергей Николаевич, Воронеж...» Еще раньше Сергей Фёдорович приписал членство в «своей организации» многим ленинградским ученым, в частности академикам И.Ю. Крачковскому, Е.Ф. Карскому, В.В. Бартольд, В.М. Истрину, П.А. Лаврову; В.М. Алексею, А.Н. Самойловичу. «Очень близко примыкали к организации по политическим взгля-

дам» академики Б.М. Ляпунов, Н.К. Никольский, Ф.И. Щербатской. «Что же касается академиков Жебелёва, Бузескула, Грушевского и Владимирцова, то они членами организации не состояли». «Привлечением в организацию новых лиц занимались все члены организации»: член-корреспондент АН С.В. Рождественский, Н.В. Измайлов, Н.П. Лихачёв. Последний, «насколько мне известно, был мало активен; что касается Тарле Е.В., то в этом отношении он был активнее, чем другие». Не всех, но многих из платоновского списка тогда или впоследствии репрессировали.

Признательные показания, то есть поклопы на своих ни в чем не повинных коллег допустили и другие жертвы «дела академиков» (начиная с Е.В. Тарле, С.В. Бахрушина, Д.О. Святского). Об этом, в частности, свидетельствует в своих мемуарах их одноделец Н.П. Анциферов. Упоминает, что называется, без гнева и пристрастия, но вполне определенно. Нынешние историки «Академического дела» (включая цитируемых здесь В.С. Брачева, А.Н. Акиншина) нередко затушевывают моменты духовного слома своих персонажей на следствии. Я считаю это неправильным, несправедливым по отношению к тем нашим предшественникам, которые в тех же самых камерах и на том же самом следствии не дали себя сломать, никого не оклеветали и тем показали высокий пример мужества будущим поколениям российских сограждан.

По документам «Академического дела» и воспоминаниям его участников вырисовывается следующий «проект» ОГПУ: разоблачить еще одну крупную антисоветскую организацию, наподобие уже «разгромленных» групп технических специалистов («Промпартии», «вредителей» Шахтинского дела, членов «Крестьянской трудовой партии», «саботажников» из ВСНХ и многих других в близком для советского террора будущем). Одни из этих судебных процессов были открытыми, другие закрытыми для прессы. «Эти процессы закрепляли миф о саботаже и выполняли тройную функцию. Во-первых, был найден “козел отпущения” за срывы в экономике. Во-вторых, заставляли молчать кадровых работников, не поддерживавших политику ускоренной индустриализации. И, в-третьих, они ставили в пример другим бдительность и эффективность новых пролетарских кадров» (Верт, 1994. С. 219).

Настала очередь гуманитарной интеллигенции, для большевиков априорно еще более подозрительной политически, нежели инженеры, агрономы и экономисты старой закалки. Вот чекисты и взялись за историков и археологов, богословов, философов,

искусствоведов, музейных работников. Личное знакомство Платонова с великим князем Андреем Владимировичем (1876–1956), находившимся в эмиграции, позволяло выдать того за кандидата на русский престол. Монархия, разумеется, уже конституционная, чтобы кадет Платонов мог занять в ней видное место. Ему якобы отводилась роль премьер-министра будущего российского правительства. Историк французской революции Е.В. Тарле подходил на должность министра иностранных дел, историк церковного права В.Н. Бенешевич – юстиции или вероисповеданий. Контакты этих ученых с немецкими и итальянскими коллегами были истолкованы как поддержка их заговора со стороны нацистской Германии и Ватикана. После начала военной интервенции против СССР, краеведческие группы на местах должны были «взять власть во избежание анархии»⁵. Резонные возражения вроде того, что «краеведы обычно люди пожилые, совершенно непрактичные, разве они способны справиться с анархией?» (Анциферов, 1992. С. 352) вызывали у следователей по этому делу только новые приступы агрессии по отношению к «запирающим заговорщикам».

Так из действительно мирных, хотя и не вполне советских по убеждениям краеведов сделали боевиков будущей военной интервенции. Если сравнить с расстрелами первых лет после революции, скажем, боевого офицера Н.С. Гумилева и его сообщников в 1921 г., то дело краеведов выглядит следующим этапом абсурдизации большевистского террора, переходным к запредельному безумию 1937 г. (когда под нож репрессий отдали не только всяческих оппозиционеров, но и самих преданных партии чекистов ежовского набора), и, затем, последних лет сталинского режима (когда убийцами объявили даже врачей с биологами-генетиками).

Тем самым советская контрразведка подтверждала тезис И.В. Сталина о «войне классов» по ходу социалистических преобразований в СССР. «... Наши классовые враги существуют. И не только существуют, но растут, пытаются выступить против совет-

⁵ Стоит заметить, что, когда в будущем немцы действительно оккупировали многие русские города, не отбывшие по разным причинам в эвакуацию краеведы (археологи, архивисты, музейные сотрудники) в своем большинстве продолжили свою работу на прежних должностях. Случаи, чтобы они входили в состав оккупационной администрации, равно как и примыкали бы к партизанскому подполью, мне неизвестны.

ской власти» (*Сталин*, 1947. С. 177), – провозгласил вождь на очередном съезде ВЛКСМ в мае 1928 года. Сигнал к новой волне репрессий прозвучал.

5 ноября 1930 г. воронежские чекисты под руководством заместителя их начальника («полномочного представителя») ОГПУ по ЦЧО С.С. Дукельского⁶ начали «реализовывать поступивший материал на группу Введенского». Кроме него самого, были обысканы и арестованы А.М. Путинцев, Г.А. Замятин (1882–1953), В.В. Литвинов, А.Н. Аверин (1868 – после 1941), Т.М. Олейников, В.А. Преображенский, Н.М. Беззубцев (1885–1957), М.Н. Крашенинников (1865–1932), а неделю спустя – С.Н. Шестова, В.А. Долгополов. Все они якобы «путем организованных контрреволюционных действий подготавливали свержение советской власти, имея в виду установление конституционного монархического образа правления при помощи иностранной интервенции и восстания внутри СССР».

В одной из единиц хранения архивной коллекции по делу краеведов (с обвинительным заключением по всему делу) имеется фотокопия графической «Схемы Воронежской монархической организации “Краеведы”». Должно быть, педант С.С. Дукельский демонстрировал ее начальству для наглядности при отчетах об этом деле.

Как видно из этой схемы, «нити академического заговора» якобы распростерлись из Ленинграда и Москвы в Воронеж как культурную «столицу» ЦЧО, а уже оттуда во все основные города региона. Везде арестовали краеведов (выборочно), а в Воронеже еще и представителей других учреждений и общественных групп, которые будто бы готовились вместе свергать советскую власть. Среди них бывшие дворяне, офицеры, чиновники, чины полиции, купцы, священнослужители – независимо от того, чем они занимались к моменту ареста; фотографы, музейные и научные работ-

⁶ Семен Семенович Дукельский (1892–1960) – получил начальное образование; перед революцией работал пианистом-тапером в синематографах ряда южнорусских городов. Член партии большевиков с марта 1917 года. В начале 1930-х гг. – заместитель полномочного представителя ОГПУ по ЦЧО. Рвение по делу краеведов и аналогичным делам принесло ему повышение. С 1932 он стал полномочным представителем, а в 1934–1937 – начальником управления НКВД по Воронежской области. После вынужденного ухода из «органов» (травма в автоаварии) работал председателем Комитета по кинематографии; наркомом морского флота СССР; на других хозяйственных и чиновничьих должностях.

ники, преподаватели; а также лица гораздо более прозаичных профессий, вплоть до сторожей и безработных.

Таблица выглядит так (ГАОПИ. Ф. 9353. Оп. 2 – 1931. Д. 16967. Ч. 86. Л. 19).

«Всенародный Союз борьбы за возрождение России

г. Ленинград

Академик Платонов; секретарь Археографической комиссии
Андреев

Академия наук

Москва

В.С.Б.

Академик Богословский⁷

Москва

ЦБК

проф. Богданов, Григорьев, проч.

Введенский

Олейников Литвинов

Путинцев

ЦЧО Воронеж

Обл. центр к.-р.

монарх. орг.

Группа военных (5); группа учителей (9); группа ВГУ (9); Обл. краев. об-во (6);
Краев. музей (4); Никитинский музей; группа церковников (4); фото об-во (2);
ОМИХР (3)

Задонская группа; Липецкая группа (3); Острогожская группа (5);
Тамбовская группа (14); Орловская группа (9); Курская группа (4);
Старо-Оскольская группа (5)»

⁷ М.М. Богословский умер в апреле 1929 г. вскоре после кратковременного ошибочного ареста (чекисты спутали его с однофамильцем, бывшим белым офицером), а на следствии по «Академическому делу» из него сделали главу московского филиала «организации» «В[сенародного] С[юза] Б[орьбы...].»

Личные знакомства, нередко случайные, превращались в глазах следствия в свидетельства организации заговора. Так «контрреволюционная организация» выросла почти до сотни членов. Единственным доказательством ее существования для чекистов могли стать и стали личные признания обвиняемых (Щелкунов, 2018). Перед нами явная репетиция 1937 г. (как символа максимального террора): Наркомат внутренних дел задает органам на местах планы на аресты «врагов народа», а те рвутся заданные цифры перекрыть. Узнать множество фамилий «врагов народа» можно только из показаний арестованных ранее – тогда вина всех окажется априорной: раз знаком, общался, как-то сотрудничал с уже признавшимся врагом, значит, и сам враг...

Первый и главный фигурант – С.Н. Введенский на вопросы о «связях с краеведами, живущими и работающими в разных местах ЦЧО», поначалу отвечал правду: «В Курске знал краеведа Молчина (партийный, бывший заведующий музеем); видел его однажды в Воронеже, у себя в квартире, причем весь вечер мы провели в беседе, обмениваясь сведениями о постановке краеведческой работы вообще и в нашем крае. Другой курский краевед Булгаков стал мне известен с 1924 г., со времени II Всесоюзной краеведческой конференции в Москве, где мы присутствовали оба в качестве делегатов. С 1930 г. Булгаков переселился в Воронеж, и я видел его однажды здесь в библиотеке университета; он ко мне обратился как к заведывающему [так писали тогда. – С.Щ.] этой библиотекой; за статистическими справками по ЦЧО. Кроме обычных разговоров на краеведческие темы, мы иных каких-либо разговоров [не вели], ни более близкого знакомства у меня с Булгаковым не было. В Рыльске знаю зав. музеем т. Репину, с которой встретился в Москве в 1924 г., видел ее несколько раз в Воронеже, на краеведческих конференциях, переписывался с нею по краеведению и литературным вопросам; знаю ее как человека, искренне преданного музейному и краеведческому делу, а в политическом и общественном отношении как вполне лояльную и всецело отдающуюся строительству новой жизни» (ГАОПИ. Ф. 9353. Оп. 2 – 1931. Д. 16967. Ч. 8б. Л. 153–153 об.).

Вот – это правильные, продуманные показания честного и мужественного человека. К сожалению, «в несознанке», как говорят уголовники, Введенскому удалось продержаться месяца два. Еще 23 января он «запирался» на допросе, отрицал антисоветский характер своих дружеских отношений с коллегами по краеведческо-

му Обществу. Затем методы следствия сделали свое черное дело. Что-то произошло за очередные сутки пребывания Введенского в камере, после чего он, что называется, сломался – «не остался в долгу перед Платоновым» и на допросах 25–26 января 1931 г. продолжил роковую эстафету клеветнических признаний. Сначала «бумерангом» переадресовал академику обвинение в плетении заговорщицкой сети. Якобы «обратив [Археографическую] комиссию в штаб своего контрреволюционного союза, Платонов решил и Воронежский филиал [ее] обратиться в одно из своих отделений». Кроме Платонова, «глава воронежского центра» показал на нескольких ученых, преимущественно историков, ленинградцев: С.И. Тхоржеского, С.К. Богоявленского, академика А.Е. Ферсмана, И.М. Гревса, Н.П. Анциферова, А.И. Андреева, и на москвича, академика М.М. Богословского. «Их человеком» является будто бы и живший в Курске после северной ссылки историк, бывший полковник старой армии Г.С. Габаев. В свою антисоветскую «группу» Введенский зачисляет многих знакомых воронежцев – коллег-преподавателей, студентов, врачей, фотографов, пенсионеров...

Уровень зла растет от допроса к допросу. Психологически надломленный человек под явную диктовку чекистов не только выдает на расправу отдельных коллег и вообще посторонних краеведению людей, но и ставит под удар все краеведческое движение страны и, прежде всего, Чернозёмной области. «Равным образом, столь же удачно выбран был Платоновым для его цели и фронт краеведческих обществ. Обнимая в своем составе старых педагогов, ответственных чиновников – пенсионеров разных ведомств, бывших служащих земства, статистических комитетов, архивных комиссий и подобных им лиц, краеведческие общества содержат в себе много социальных элементов, чуждых советскому строю, а иногда прямо ему враждебных. Таким подбором членов, между прочим, в сильной степени страдают и краеведческие организации ЦЧО – области, в городах которой, особенно в Воронеже, было много контрреволюционных и антисоветских элементов и объектов старого общественного строя, что способствовало быстрому развитию и укреплению идей контрреволюционной монархической организации...» (ГАОПИ. Ф. 9353. Оп. 2 – 1931. Д. 16967. Ч. 86. Л. 6–7). Так что «под прикрытием научной работы проводилась антисоветская работа...». Ее целью якобы ставилось «уничтожение сов. строя и замена его буржуазно-демократической респу-

бликой» (эта последняя нестыковка с навязчивыми обвинениями в «монархизме» всех старых краеведов чекистов не смущала – все антисоветское они валили в одну кучу).

Далеко не все арестованные по делу краеведов лица могли выглядеть социально чуждыми советскому строю. Среди них немало простых, вовсе безграмотных или слабообразованных людей, представителей массовых профессий, самых примитивных занятий – конторщиков, архивариусов, сотрудников почты, рядовых преподавателей, счетоводов, библиотекарей, продавцов, фотографов, сторожей, безработных и тому подобной в глазах «истинных пролетариев» «шушеры». Вся их «вина» (на самом деле, беда) состояла в знакомстве, нередко случайном и шапочном, с представителями краеведческих обществ, музеев, учебных заведений. Для следственного спектакля, разыгранного чекистами, это статисты, массовка. С тем большим рвением палачи-контрразведчики выискивали в показаниях арестованных малейшие намеки на любые «чуждые» факты их биографий. Такие обстоятельства были подчеркнуты в обвинительных заключениях по делу краеведов. А именно, – чуждые социальное происхождение, общественный статус, род занятий: «из духовных; имеет собственный дом» (Г.И. Булгаков); «дочь попа, имеет собственный дом» (Н.И. Пузанова); «бывший капитан штаба Особой армии» (М.А. Рязанцев); «бывший торговец, нумизматик» (Т.А. Горохов); и прочая, и прочая в том же фантазмагорическом духе.

Попутно замечу, что, как ни трагичны судьбы «брошенных волкам» из ЧК замечательных русских людей, как ни жаль, что ни за что, ни про что поубивали нужных стране специалистов, еще печальнее, на мой взгляд, та ужасающе нелепая идеология, которая легла в основание абсурдных обвинений и надолго овладела умами значительной части населения СССР, а значит и современной России. «Иметь собственный дом», «служить офицером на войне своей страны с ее врагами», «торговать чем-то» (в не тачать болванки у станка), «верить в Бога» – вот что коммунисты объявили преступлениями перед народом. Как этот самый народ будет жить без семейного жилья, без профессиональной армии, без торговых «точек» и храмов – в это коммунисты не вдавались.

К «внутреннему врагу» чекисты, как видно, должны были добавить врага внешнего. Сломленный безжалостным следствием Введенский охотно обращает их внимание, что в Воронеж-то был эвакуирован в годы Первой мировой войны Юрьевский (быв-

ший Дерптский) университет, «бывший настоящим немецким университетом». Немецкая речь де в преподавательских комнатах звучала не реже русской. Те преподаватели, кто по обмену опытом ездили в Германию, Болгарию и Италию, «знакомились с ролью фашистских организаций для целей интервенции против СССР».

На дальнейших допросах Введенский детализировал свою версию подрывной работы краеведов. Те, «будучи разгромлены в своей частной жизни» революцией, снова объединились «под покровом общественной или научной организации». Так краеведческие общества, музеи, учебные заведения превратились в резиденции «антисоветского настроения». Морально подавленному историку-разночинцу не составило труда обосновать особую «контрреволюционность» этого региона: «Центрально-Чернозёмная область как территория ярко выраженного крепостного помещичьего хозяйства, после революции 1905–1906 гг., сделалась оплотом самых крайних монархических организаций (Тамбов, Курск), которые руководились помещиками, духовенством, педагогами и т.п. <...> Связанные одинаковыми антисоветскими настроениями, эти люди мечтали о том, что скромные краеведческие ячейки сыграют известную роль в благоприятный момент для активных антисоветских выступлений» (ГАОПИ. Ф. 9353. Оп. 2 – 1931. Д. 16967. Ч. 86. Л. 125).

Получив такие показания, ОГПУ в Курске схватило всех вышепоименованных «агентов Введенского»: нумизмата краеведческого музея Т.А. Горохова и орнитолога М.А. Рязанцева, а вскорости и выпускницу Бестужевских курсов, учительницу Н.И. Пузанову. В самом Воронеже среди прочих – Г.И. Булгакова.

В Щиграх арестовали руководителя тамошнего отделения Краеведческого общества Михаила Николаевича Исаева (57 лет, крестьянин с образованием топографа; в анкетной графе судимость обозначил было «нет», но затем припомнил: «В 1919 г. белыми приговаривался к расстрелу»).

В Старом Осколе арестовали братьев Николая Михайловича (1882 г. р.) и Дмитрия Михайловича (1890 г. р.) Рождественских и жену старшего Татьяну Александровну (1898 г. р.). Первый заведовал краеведческим музеем (им же основанным; а до того воевал сначала на Германской войне прапорщиком, затем в Красной Армии, «участвовал в делах против Деникина и Врангеля»), второй преподавал в педтехникуме.

В Тамбове, среди нескольких человек, арестовали Петра Николаевича Черменского⁸. То был один из наиболее подготовленных и научно дееспособных историков и археологов Черноземья тех лет. А один из лидеров орловских краеведов, археолог и музейный сотрудник П.С. Ткачевский⁹, оказывается, «был душой организации. Довольно скрытый человек...» (этот перл напоминает уже яacobинский «декрет о подозрительных»).

Как ясно видно по датам решающих для чекистов допросов, именно с 24 на 25 января терпение следователей лопнуло (по приказанию начальства?), и они предъявили подследственным такие аргументы, от которых многие не смогли отказаться. Выжившие заключенные рубежа 1920–1930-х гг., впрочем, не упоминают в своих воспоминаниях про избиения и другие физические пытки. Им придет черед в 1937 и следующих годах. Пока шло в основном «давление психическое». Как видно из сходных протоколов и воспоминаний, почти всегда действовали в нужном чекистам направлении угрозы арестовать членов семьи. Такой угрозы многие, в особенности гражданские, а не военные в прошлом люди не выдерживали. Ломаясь психологически, они уже не могли сообразить, что на самом деле ничем своим родственникам, родителям, супругам, детям не помогут своей клеветой на ни в чем не повинных людей. А скорее приблизят казнь и себе, и другим, в том числе жене, отцу, ребенку... Шанс выжить был только у тех узников чекистских тюрем, кто ни в чем не признавался и не подписывал протоколов допросов. Но таких героев было мало, единицы.

Курянин М.А. Рязанцев под нажимом следователя признал, что отдельные доклады по истории Курска приукрашивали его до-революционное прошлое, игнорировали тогдашний негатив («эксплуатация, прибыль, отсутствие плана и прочее»). Обвинения

⁸ Петр Николаевич Черменский (1884–1973) – историк, археолог и краевед Тамбовщины, Рязанщины и Курского края. Закончил несколько духовных и светских учебных заведений, включая Историко-филологический институт в Санкт-Петербурге. Работал на раскопках Ольвии под руководством Б.В. Фармаковского. Десятилетний срок заключения по делу краеведов отбыл в Белбалтлаге. После войны участвовал в раскопках Деснинской экспедиции М.В. Воеводского. Самостоятельными разведками выявил несколько археологических памятников в окрестностях Курска. Автор нескольких книг и рукописей по истории Московской Руси в начале Нового времени.

⁹ Петр Сергеевич Ткачевский (1880–1966) — педагог, музейный работник, археолог. См. о нем: *Патрик*, 2006.

же в создании контрреволюционной организации и в антисоветской работе краеведов Михаил Алексеевич на каждом допросе решительно отвергал. Как видно, обстрелянного и в Германскую, и в Гражданскую войну офицера-добровольца чекистам не удалось запугать.

Но самой стойкой среди подследственных краеведов, как ни странно, оказалась женщина – Наталья Ильинична Пузанова. Для следователей по делу краеведов она казалась подарком – дочь церковнослужителя (хоть и на пенсии); родственница (кузина) главного курского «монархиста» Булгакова, подруга дочерей С.Ф. Платонова и ученица его самого, квартирохозяйка сосланного в Курск полковника Габаева. Ни на кого из других курян не находилось столько компромата. Казалось, вот он, четкий след платоновского заговора в Курске. Переписка с Платоновыми, переписка с заграницей. Но не тут-то было. Первый же допрос Пузановой оказался последним: столь категорически и логично она отмела все обвинения чекистов. Заявила о своей полной лояльности к советской власти; о том, что гордится своей многолетней добросовестной работой в советских учреждениях. Платоновых обвинила в том, что они не пожелали отвечать на ее письма и устные приветия, переданные через знакомых. Она сочла себя «забытой ученицей» маститого академика. И следователи отступили от этой упрямой «дочери служителя культа». Она никого не выдала, себя не оболгала и не унизилась перед суровым следствием. Парадоксальной наградой за мужество стало самое легкое в рамках этого дела наказание – три года ссылки, а не концлагерь, как для большинства ее однодельцев (которые в своем большинстве знать не знали главу всей их «организации» – академика Платонова и его коллег по Академии и университетам).

5 мая 1931 г. следствие по делу 92 краеведов ЦЧО закончилось. В соответствующем постановлении «уполномоченный 2-го Отделения Секретно-политического отдела полномочного представительства ОГПУ по ЦЧО Кушнир» констатировал, что все подследственные «вполне изобличены в предъявленном им преступлении, предусмотренном ст. 58–10, 11 Уголовного кодекса» (ГАОПИ. Ф. 9353. Оп. 2 – 1931. Д. 16967. Ч. 86. Л. 689). Суда краеведов не удостоили: коллегия ОГПУ в Москве заочно, без вызова обвиняемых из Воронежа, Курска, Тамбова, Орла, 5 июня вынесла внесудебный приговор. По все той же печально известной 58-й статье советского уголовного закона. По заключению первого

историка этого «Дела» А.Н. Акиньшина, «расправа поражает своей масштабностью и бессмысленностью по отношению к беззащитным людям. Пятеро приговорены к расстрелу¹⁰, подавляющее большинство к заключению в концлагерь сроком от 3 до 10 лет и лишь несколько человек – к высылке в Северный край, Западную Сибирь, Казахстан» (Акиньшин, 1992. С. 219–220).

Современному читателю надо пояснить, что десятилетнее лишение свободы по действовавшему тогда советскому уголовному праву было максимальным сроком заключения. Трехгодичный срок считали «детским». Оценка «пятерки» зависела от личности того, кто ее получил. Для явно уж ни в чем не повинного, но заправившегося на следствии человека, это месть «органов». Тот же пятилетний срок для так или иначе (в глазах следствия или на самом деле) виновного, но сдавшегося чекистам человека, это награда за сговорчивость. Впрочем, из этих правил случались исключения. Логика массового террора подразумевала и момент алогичности – «на кого бог пошлет», кому какое наказание. Чем непонятнее, тем страшнее для общества.

Краеведы, по версии следствия рядовые «заговорщики», в целом получили не менее, а то и более суровые наказания, чем их столичные «вербовщики» и «руководители» из числа сотрудников Академии и ЦБК. Среди арестованных по собственно «Академическому делу» в Москве и в Ленинграде 112 человек расстреляли шестерых (бывших офицеров); 63 получили концлагерь на срок от 3 до 10 лет; 21 (все академики) – трех- или пятилетнюю ссылку.

В «черноземном» деле картина схожая. Расстреляли, как уже сказано, нескольких давно отошедших от краеведческих занятий,

¹⁰ Ф.И. Поликарпов (до революции земский начальник Острогожского уезда, подпоручик, служил в Белой армии, за что сидел в советском концлагере 2 года в 1920–1921 гг.; затем работал в Воронежском краеведческом музее, пока не принял сан священника); В.А. Бекенёв (до революции – директор реального училища, статский советник; в ходе Гражданской войны ушел с белыми при их отступлении, но вскоре вернулся в Воронеж, где преподавал на рабфаке ВГУ); А.П. Назаров (бывший полицейский, воронежский пристав; перед арестом работал в бюро по найму квартир); В.В. Петиков (служил в Деникинской армии, за что в 1920 г. приговаривался к расстрелу, замененному 5-ю годами концлагеря; потом работал руководителем статистического отдела горсовета в Орле); Г.В. Ерёмко (острогожский крестьянин, на своей родине работал сотрудником краеведческого музея).

но как-то связанных в прошлом с царской «охранкой» и белыми лиц. На 10 лет обрели даже не воронежских «руководителей», а их более провинциальных сателлитов. Так, постановили «заключить в концлагерь на 10 лет» П.Н. Черменского, «главу тамбовской организации».

Один-единственный, 92-й по счету обвиняемый, Виктор Алексеевич Преображенский, оказался освобожден из-под стражи, следствие в его отношении прекратили.

Так была «раскрыта и ликвидирована ПП ОГПУ по ЦЧО в ноябре–декабре 1930 г.» очередная «контрреволюционная организация». Думается, власти не случайно не вывели краеведов на открытый судебный процесс, как «вредителей» некоторых других категорий, а приговорили втайне. Слишком уж контрастировали фантастические обвинения в подготовке военного переворота и мирные краеведческие занятия. Звание краеведа превратилось в 1930-е гг. почти в столь же мрачную «каинову печать» политической опасности, как и принадлежность к дворянству, высшему чиновничеству, буржуазии, церкви, офицерству при старом режиме, «кулачеству» и тому подобным коллективным «врагам народа».

Сопоставимые с ЦЧО по количеству жертвы понесли в период Большого террора археологические организации Белоруссии, Украины и некоторых других субъектов СССР (Формозов, 2006). С этих пор и вплоть до послевоенного периода на местах некому стало вести разведки и раскопки памятников археологии; квалифицированно разбирать, хранить и экспонировать коллекции древностей. С рубежа 1940–1950-х гг. в отдельных областях Российской Федерации снова появились одиночные энтузиасты полевой и музейной археологии. Они оказывали большую помощь экспедициям из Москвы, Ленинграда и Киева и даже сами кое-что разведывали да копали, но заменить целые коллективы знатоков древностей уже не могли.

Только в июле 1978 г. Воронежский областной суд отменил вынесенный по «Делу краеведов» приговор «за отсутствием события преступления».

Литература

Аграфонов П.Г., Праздников В.В., Спиридонова Е.В., 2009. История ярославской археологии. М.: Квадрига. 287 с.

- Акинъшин А.Н., 1992. Трагедия краеведов (по следам архива КГБ) // Русская провинция. Записки краеведов. Воронеж: Центрально-Чернозёмное книжное изд-во. 1992. С. 215–222.
- Анциферов Н.П., 1992. Из дум о былом. Воспоминания. М.: Феникс. 592 с.
- Белова Н.И., 2009. Перечень материалов экспедиций и исследований в фонде Императорской археологической комиссии Рукописного отдела научного архива Института истории материальной культуры // Приложение. Императорская Археологическая комиссия (1859–1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Науч. ред.-сост. А.Е. Мусин / Под общей ред. Е.Н. Носова. СПб.: Дмитрий Буланин. 208 с.
- Брачев В., 2006. Травля русских историков. М.: Алгоритм. 318 с.
- Верт Н., 1994. История советского государства. 1900–1991. 2-е изд. М.: Прогресс-академия. 219 с.
- Детлова Е.В., 2017. Сибирская археология в первые годы советской власти (по страницам мемуаров и личной переписки Геро фон Мергарта) // 1917 год: российская археология на переломе эпох / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: ИА РАН. С. 19–21.
- Жебелёв С.А., 2016. Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования. 1897–1921. Исторический очерк. Приложение. Библиографический словарь членов РАО (1846–1924) / Отв. ред. И.В. Тункина. М.: Индрик. 672 с.
- И.К., 1925. «Курский край» (вместо рецензии) // Спутник большевика. Курск. № 3. С. 88–90.
- Краснов-Левитин А.Э., 1977. Лихие годы. 1925–1941. Воспоминания. Paris: YMCA-Press. 455 с.
- Кузванов Л.И., 2015. Было ли краеведение 1920-х годов «советским» и «золотым?» [Электронный ресурс] // Некоммерческое электронное издательство «Российская историография». С. 1–5. Режим доступа: <http://klio.3dn.ru/publ/41-1-0-517>.
- Куришанак И., 1931. Готье Ю. Железный век в Восточной Европе // Историк-марксист. № 21. С. 115–134.
- Молчин А.С., 1928. Курский государственный музей // Известия Курского губернского общества краеведения. № 3. С. 70–78.
- Патрик Г.К., 2006. Доклад П.С. Ткачевского на собрании Орловского историко-археологического общества 27 августа 1910 г. // Археология Верхнего Поволжья (К 80-летию К.И. Комарова) / Под ред. А.В. Кашкина. М.: ИА РАН. С. 349–357.
- Ремизов А.М., 1989. Огонь вещей. М.: Советская Россия. С. 97. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.booksite.ru/fulltext/ogonveshei/text.pdf>
- Сергей Николаевич., 1997. Сергей Николаевич Введенский (1867–1940) // Библиографический указатель / Сост. А.Н. Акинъшин, Н.М. Фёдорова. Воронеж.
- Смирнов А.С., 2011. Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX – начала XX века) / Отв. ред. И.В. Тункина. М.: ИА РАН. 592 с.
- Сталин И.В., 1947. Полное собрание сочинений. Т. 11. М.: Государственное издательство политической литературы. 351 с.
- Формозов А.А. – Щавелёву С.П. 16 июня 1993 г. // Архив автора.
- Формозов А.А., 2006. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. Изд. 2-е. М.: Знак. 344 с.
- Шмидт С.О., 1999. Без краеведения нет России! // Мир библиографии. 1999. № 1. С. 2–12.

- Щавелёв С.П.*, 1998. Курское краеведческое общество 1920-х гг. и его археологические работы // Очерки истории отечественной археологии. Вып. 2 / Сост. А.А. Формозов / Отв. ред. А.А. Формозов, И.С. Каменецкий. М.: Богородицкий печатник. С. 187–213.
- Щавелёв С.П.*, 2007. «Дело краеведов ЦЧО» 1930–1931 годов. (Курский «филиал»). Курск: КГМУ. 271 с.
- Щелкунов А.А.*, 2018. Тотальный следственный подлог как инструмент Большого террора // Российская история. № 4. С. 43–57.
- Энциклопедический..., 1934. Энциклопедический словарь ЦЧО, 1934. Т. I / Гл. ред. В.Н. Алексеев. Воронеж: Коммуна. 742 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алкин Сергей Владимирович – к.и.н., с.н.с. Отдела археологии палеометалла, Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск.

Белова Наталья Андреевна – н.с. Рукописного отдела Научного архива, Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург.

Бойко Андрей Леонидович – к.и.н., доцент кафедры археологии и истории древнего мира, кандидат исторических наук, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону.

Бояркин Михаил Викторович – аспирант кафедры археологии и истории древнего мира, Воронежский государственный университет, г. Воронеж.

Бухарин Михаил Дмитриевич – д.и.н., академик РАН, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории Древнего Востока Института всеобщей истории РАН, г. Москва.

Жукова Елена Николаевна – к.и.н., доцент кафедры отечественной истории, Тверской государственный университет, г. Тверь.

Захарова Елена Юрьевна – д.и.н., доцент кафедры археологии и истории древнего мира, Воронежский государственный университет, г. Воронеж.

Китова Людмила Юрьевна – д.и.н., профессор кафедры археологии, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово.

Левченко Валерий Валерьевич – к.и.н., доцент, Одесский национальный морской университет, г. Одесса (Украина).

Малов Николай Михайлович – к.и.н., доцент кафедры истории России и археологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет, г. Саратов.

Медведева Мария Владимировна – к.и.н., с.н.с., зав. Научным архивом, Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург.

Мельникова Ольга Михайловна – д.и.н., зав. кафедрой истории Удмуртии, археологии и этнологии, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск.

Непомнящий Андрей Анатольевич – д.и.н., профессор, зав. кафедрой исторического регионоведения и краеведения, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь.

Палиенко Сергей Владимирович – к.и.н., независимый исследователь, г. Киев (Украина).

Панкратова Евгения Григорьевна – к.и.н., с.н.с., Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, г. Санкт-Петербург.

Руденко Константин Александрович – д.и.н., профессор кафедры истории, музееведения и искусствоведения, Казанский государственный университет культуры и искусств, г. Казань.

Савенко Сергей Николаевич – к.и.н., заслуженный работник культуры РФ, директор ГБУК Ставропольского края «Пятигорский краеведческий музей», г. Пятигорск.

Сорокина Ирина Анатольевна – к.и.н., с.н.с. Отдела теории и методики, Институт археологии РАН, г. Москва.

Сташенков Дмитрий Алексеевич – к.и.н., ученый секретарь, Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, г. Самара.

Тихонов Игорь Львович – д.и.н., профессор кафедры археологии, зав. Музеем истории СПбГУ, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург.

Толочко Ирина Викторовна – к.и.н., с.н.с. Лаборатории археологических исследований, Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону.

Тункина Ирина Владимировна – д.и.н., директор Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, г. Санкт-Петербург.

Щавелёв Сергей Павлович – д.и.н., д.филос.н., профессор, зав. кафедрой философии, Курский государственный медицинский университет, г. Курск.

ABSTRACTS

S.V. Alkin

ARCHAEOLOGY OF TRANSBAIKALIA, AMUR REGION AND YAKUTIA IN THE 1920s

Abstract. During the Civil War and in the first years of Soviet power, the focus of archaeological work in Transbaikalia, Amur and Yakutia (modern Trans-Baikal Territory, the Republic of Sakha [Yakutia], Amur region and Khabarovsk Territory) was carried out as part of the activities of the Russian Geographical Society and local history museums. An important transitional stage was the Far Eastern Republic period, when a generally successful attempt was made to retain museum personnel, support the local history movement, and utilise the knowledge and experience of professional archaeologists. As a result, the foundation was laid for organizing archaeological studies of local lore after the Far East became part of the Russian Soviet Federal Socialist Republic, which contributed to the intensification of archaeological research in the second half of the 1920s and early 1930s. The participation of academic expeditions from the institutions of central Russia was particularly important: The archaeological funds of museums were replenished, the mapping of archaeological monuments was carried out, and local experts were involved in the development of archaeology in the country.

Keywords: Transbaikalia, Amur Region, Far Eastern Republic, history of archaeology, local history, museum work.

Alkin Sergey V. – Institute of Archaeology and Ethnography, Russian Academy of Sciences, Siberian branch, Academica Lavrentieva pr., 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation.

N.A. Belova, M.V. Medvedeva

ARCHIVE OF THE ACADEMY OF HISTORY OF MATERIAL CULTURE IN THE 1920-1930s AND DOCUMENTARY COLLECTIONS OF ARCHAEOLOGICAL INSTITUTIONS OF TWO CAPITALS

Abstract. During the 1920s and 1930s in Russia, there was a complete reformation of the structure of domestic science. During these years, the Academy of the History of Material Culture had kept in its completely

or partially documentary collections of archaeological institutions of St. Petersburg, Petrograd – Leningrad and Moscow; institutions that were transformed or disbanded in the first decades of Soviet power. Among these were the archives of the Imperial Archaeological Commission, the Russian Archaeological Society, the Moscow Archaeological Society, the St. Petersburg Archaeological Institute and other organisations. Among already indicated it was more than these four. The documents of the Scientific Archive of the IHMC RAS¹ allows exploration of the history of their receipt against the background of the formation of the Academy's archive and the establishment of archiving in Russia.

Keywords: Academy of the History of Material Culture, archival documents, scientific institutions, archaeology.

Belova Natalya A. – Institute for the History of Material Culture Russian Academy of Sciences, Dvortsovaya nab., 18, St. Petersburg, 191186, Russian Federation.

Medvedeva Maria V. – Institute for the History of Material Culture Russian Academy of Sciences, Dvortsovaya nab., 18, St. Petersburg, 191186, Russian Federation.

A.L. Boyko, I.V. Tolochko

UNDER OBVIOUSLY UNFAVOURABLE CONDITIONS: THE ARCHAEOLOGY OF THE DON IN 1920–1931

Abstract. The article is devoted to the initial period of the formation of archaeology in the Don region, under the conditions of the Soviet government that had won the Civil War. The authors analyse the complex of conditions for the original development of science in the context of “political banditry” (1920–1922) and subsequent years of reconstruction. Various options for relations between the Soviet government and the preserved local history scientific societies and museums of the Don region are considered. Particular attention is paid to the history of the Don Archaeological Institute, created in 1918 and since 1920 under administrative and ideological pressure from local authorities subordinate to the People's Commissariat of Education. The Don Archaeological Institute was closed in 1922, despite attempts by the Russian Academy of the History of Material Culture to preserve

¹ IHMC RAS – Institute for the History of Material Culture Russian Academy of Sciences.

this institution by incorporating it into its own structure. The potential accumulated by Don archaeologists and local historians was used during the period of work on the Don North-Caucasian expedition SAHMC², which was under the leadership of A.A. Miller since 1923. The work of a major academic expedition to the Lower Don and the transfer to Rostov-on-Don of the administrative capital of the North Caucasus region became important factors in the further development of local archaeology, as interrupted by political repressions against the “bourgeois local historians” in 1931.

Keywords: Don Archaeological Institute, Russian Academy of the History of Material Culture, local history, archaeological research, North Caucasus expedition SAHMC.

Boyko Andrey L. – Southern Federal University, ul. Bol. Sadovaya, 105/42, Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation.

Tolochko Irina V. – Southern Scientific Centre Russian Academy of Sciences, Chekhov pr., 41, Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation.

M.D. Bukharin, I.V. Tunkina

**THE PERMANENT TURKESTAN COMMISSION
OF RAHMC³: FIRST PROTOCOL
OF THE MEETING ON JANUARY 8, 1921**

Abstract. The article reveals the minutes of the first meeting of the Turkestan Commission of the Russian Academy of History of Material Culture (RAHMC), which are now stored in the personal archival fonds of S.F. Oldenburg, in the St. Petersburg Branch of the RAS⁴ Archive. Being an active centre for the Department of Archaeology of Central Asia and the Department of Muslim Archaeology of the RAHMC, the Turkestan Commission focused its efforts on mounting an expedition to Samarkand and Bukhara to study the monuments of Muslim architecture, together with the General Directorate of Museums.

Keywords: RAHMC, the Turkestan Commission, S.F. Oldenburg, V.V. Bartold, S.M. Dudin, the first minutes of the meeting.

Bukharin Mikhail D. – Institute of World History Russian Academy of Sciences, Leninsky pr., 32A, Moscow, 119334, Russian Federation.

² SAHMC – State Academy of the History of Material Culture.

³ RAHMS – Russian Academy of the History of Material Culture.

⁴ RAS – Russian Academy of Sciences.

Tunkina Irina V. – St. Petersburg Branch of the Archive Russian Academy of Science, Universitetskaya nab., 1, St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

E.N. Zhukova

ARCHAEOLOGY IN THE TVERPROVINCE IN THE '20s OF THE XXth CENTURY

Abstract. The article is devoted to the study and protection of archaeological sites in the Tver province in the 20s. XX century. The main role in this process was played by local history organisations. Thanks to their activities, field studies were carried out, scientific papers were published. The leaders of the local history movement in Tver of the 20s. became employees of two state institutions: the provincial museum and the pedagogical institute (I.A. Vinogradov, A.N. Vershinsky). Interaction with the leading scientific centres of Moscow and Leningrad was carried out in the form of coordination of actions and methodological support of local historians in field studies.

Keywords: Archaeological study of local lore, preservation of monuments, Tver Pedagogical Institute, Tver Museum, A.A. Spitsyn, Society for the Study of the Tver Province.

Zhukova Elena N. – Tver State University, ul. Zhelyabova, 33, Tver, 170100, Russian Federation.

E.Yu. Zakharova, M.V. Boyarkin

AT THE ORIGINS OF “SOVIET SCIENCE IN PLACES”: 1920s IN THE HISTORY OF VORONEZH ARCHAEOLOGY

Abstract. In the history of Russian archaeology, the ‘twenties of the twentieth century’ is a milestone period associated with the determination of structure and functions of archaeology in the new state. The contradictions between the internal logic of the development of science and the ideologisation of all spheres of Soviet society, which have been growing since the middle of this crucial decade, have led to a repressive mechanism purposed to introduce of Marxism into archaeology. These leading trends are considered using materials of the Voronezh province. It is shown that, after five years of Soviet power, for a brief period conditions favoured the formation of a professional

archaeological environment centred on institutions of higher education. Of Voronezh University, specifically the Voronezh branch of the Moscow Archaeological Institute, only the Provincial Museum remained. And after its reorganisations in the second half of the 1920s, the development of archaeology in Voronezh as a sphere of research and educational activity in the 1930s was only possible due to the ongoing fieldwork in the region of the SAHMC expeditions.

Keywords: archaeology, Voronezh Provincial Museum, Voronezh University, Voronezh branch of the Moscow Archaeological Institute, Voronezh Local History Society, S. N. Zamyatnin, 1920s.

Zakharova Elena Yu. – Voronezh State University, University pl., 1, Voronezh, 394018, Russian Federation.

Boyarkin Mikhail V. – Voronezh State University, University pl., 1, Voronezh, 394018, Russian Federation.

L.Yu. Kitova

AT THE ORIGINS OF SOVIET ARCHAEOLOGY IN SIBERIA: ORGANISATIONS AND INSTITUTIONS IN THE NEW REALITIES

Abstract. The article discusses the efforts of Siberian institutions and organisations to identify, study, and preserve archaeological sites in Siberia before the Revolution, during the Civil War, and at the beginning of the Soviet period. It is determined that institutions such as provincial statistical committees, archival scientific commissions, societies for the study of history, and antiquities appeared much later in Siberia than in the European part of Russia, and acted in the field of archaeology only at the urgent requests of the Imperial Archaeological Commission, and Russian and Moscow archaeological societies. Local museums and departments of the Imperial Russian Geographical Society were distinguished by greater activity and deeper research in the pre-revolutionary period. This article demonstrates that the years of the Civil War, despite all existential hardships, opened up completely new opportunities for the development of archaeology and historical education in Siberia. With the creation of historical and philological faculties at Tomsk University and in the opened at A.V. Kolchak University of Irkutsk, as well as in connection with the evacuation to Siberian universities of highly qualified specialists in the field of humanitarian sciences from the western part of Russia, it

became possible to offer student lectures on archaeology, ethnology, ancient history, museology and the protection of monuments, and to conduct full-fledged archaeological research, as well as to create the first Siberian archaeological school at Irkutsk. The Soviet state, due to lack of financial resources and a number of ideological reasons, refused to develop a historical education in Siberia and curtailed the activity of local history organisations. By the beginning of the 1930s, all archaeological centres in Siberia had been destroyed, which delayed the development of provincial archaeological science for several decades.

Keywords: archaeology, museums, departments of the Imperial Russian Geographical Society, Tomsk University, Irkutsk University, Society for the Study of Siberia.

Kitova Lyudmila Yu. – Kemerovo State University, ul. Krasnaya, 6, Kemerovo, 650000, Russian Federation.

V.V. Levchenko

THE PROCESS OF INSTITUTIONALISATION OF ARCHAEOLOGY IN THE SOUTH OF THE UKRAINIAN SSR: 1917–1930s

Abstract. The analysis of the processes of the institutionalisation in the south of the Ukrainian SSR within the system of Soviet historical science and in the framework of the new Soviet model of science is devoted to formation and development of regional archaeology. This study considers the main stages of and issues embedded in the institutionalisation of archaeological research in the south of the Ukrainian SSR in the 1917–1930s, including changes in the position of the government regarding archaeology in higher education, and the features of higher education reform in c. 1920 through the 1930s. At this time, the leaders of Odessa archaeology were united at the Odessa Historical and Archaeological Museum; some of these experts subsequently taught at the Department of Ancient World History and Archaeology within the History Department at Odessa State University, which opened in 1934. The process of institutionalisation of archaeological research took place under complex and unstable socio-political and socio-economic conditions in the historical and archaeological museums of Nikolaev, Odessa, and Kherson. Despite the cataclysms of the first post-revolutionary decade, the constant transformations of the network of

universities and research institutions, and the persecution and death of many specialists, the South Ukrainian archaeologists of this period were able to maintain the traditions of Russian archaeology that had developed over the 19th century, and pass them on to the successors.

Keywords: archaeology, science, institutionalisation, south of the Ukrainian SSR, Odessa, Nikolaev, Kherson, regional archaeology.

Levchenko Valery V. – Odessa National Maritime University, ul. Mechnikova, 34, Odessa, 65029, Ukraine.

N.M. Malov

**ARCHAEOLOGY OF THE LOWER VOLGA REGION:
STATE INSTITUTIONS AND SOCIETIES
IN THE FIRST SOVIET DECADE (TO THE 100th ANNIVERSARY
OF THE FIRST ARCHAEOLOGICAL EXPEDITION
THE UNIVERSITY OF SARATOV)**

Abstract. The essay discusses the archaeological activities of state institutions and societies involved in the study of the Lower Volga, Volga-Ural and the Volga-Don interfluvium in the first Soviet decade. The activities of archaeologists of the Saratov University, the Lower Volga Institute of Local History, local history museums and state scientific societies are analysed, based on a study of archival documents.

Keywords: archaeology, Volga region, Volga-Ural interfluvium, Volga-Don interfluvium, Saratov University, local history museums.

Malov Nikolay M. – Saratov National Research State University, ul. Astrakhanskaya, 83, Saratov, 410012, Russian Federation.

O.M. Melnikova

**THE SOVIET DEVELOPMENT OF ARCHAEOLOGY
IN THE 1920s:
EXPERIENCE IN THE VOTKA AUTONOMOUS REGION,
VYATKA AND PERM PROVINCES**

Abstract. This article identifies methodological approaches to the study of the history of regional archaeology characteristic of the 1920s, emphasizing the influence of socio-political features on the determination of objectives of archaeological study of the Votka Autonomous Region, such as the administrative division of the country, and the political and

legal status of the territory. The example of this region indicates that in the national-territorial formations of the 1920s, a key role was played by the task of creating an ethnically oriented regional history. The emphasis of this central goal led to changes in research programmes in the study of regional archaeology from the beginning of the 1930s, as expressed in the activities of the SAHMC–IHMC scientific expeditions in the Kama region.

Keywords: history of regional archaeology, Prikamye, Scientific Society for the Study of the Votsky Territory, local research tradition, Vyatka Research Institute of Local Lore, Perm University, A.V. Schmidt, A.P. Smirnov, S.G. Matveev.

Melnikova Olga M. – Udmurt State University, ul. Universitetskaya, 1, Izhevsk, 426034, Russian Federation.

A.A. Nepomnyashchy

**“WE DO WHAT WE CAN ...”:
PROTECTION OF THE CULTURAL HERITAGE
IN CRIMEA IN 1917–1920**

Abstract. This article resumes the practice of organizing measures to protect historical and cultural monuments in the Crimea that began during the hard times of the revolutionary period, which was characterised in the peninsula by frequent changes of power and, accordingly, by institutions supervising measures for the conservation of monuments and other culture. The attempt to merge all the scientific forces of the region into the Committee of the united scientific institutions and societies of the Tauride province, in order to organise the conservation of movable and immovable monuments, is considered. The initiatives of Arseniy Markevich, chairman of the Taurida Scientific Archival Commission, and Lavrentiy Moiseev, the head of the Museum and Excavations in Khersones, to organise special bodies to curate and conserve monuments are also shown.

Keywords: Crimea, protection of cultural heritage, Committee of the united scientific institutions and societies of the Tauride province, Tauride scientific archival commission, State Archaeological Commission, A.I. Markevich, L.A. Moses.

Nepomnyashchy Andrey A. – Crimean Federal University, pr. Academica Vernadskogo, 4, Simferopol, 295007, Russian Federation.

**THE INSTITUTIONAL HISTORY
OF ARCHAEOLOGY IN UKRAINE
(1917 – EARLY 1930s)**

Abstract. The article is focused on the development of archaeological institutions in the territory of the Ukrainian SSR in the period after the February Revolution of 1917, specifically 1920–1934. During this period, the first attempts were made to create archaeological and monument-protecting structures independent of the former imperial centre. These attempts lasted until the early 1930s (not later than 1934), by which point virtually all the institutions that had existed in the 1920s ceased to exist or were reorganised. The history of archaeological institutions and public associations that existed both in capitals and in regions is examined.

Keywords: history of archaeology, institutional history, Ukrainian archaeology, USSR, 1920s.

Palienko Sergey V. – independent researcher, Kiev, Ukraine.

E.G. Pankratova

**“TERRORIST ORGANISATION OF SAHMC” (1936):
REVIEW OF THE INVESTIGATION CASE IN ARCHIVES**

Abstract. Repression of the scientific and management staff of SAHMC in 1936 entailed the loss of the status of the State Academy of the History of Material Culture (SAHMC) in Russian archaeological science, and its later inclusion in the USSR Academy of Sciences. It is possible to restore the tragic details of these events by analysing the materials of the P-23819 archive-investigative file, which is stored in the Archive of the Department of the Federal Security Service in St. Petersburg and the Leningrad Region. The defendants in this case were the chairman of SAHMC F.V. Kiparisov, and employees S.N. Bykovsky, M.G. Khudyakov, and V.S. Adrianov. A study of interrogation protocols and confrontations allows us to understand the direction of political repressions in 1936, as well as to see the absurdity and meaninglessness of the accusations aimed at destroying the scientific intelligentsia of Leningrad.

Keywords: political repressions, history of repressions, ancient archaeology, archaeological site, rehabilitation.

Pankratova Evgenia G. – St. Petersburg Branch of the Archive Russian Academy of Science, Universitetskaya nab., 1, St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

K.A. Rudenko

**ORGANISATIONS AND INSTITUTIONS
OF ARCHAEOLOGICAL PROFILE
IN 1917 – EARLY 1930s IN THE KAZAN PROVINCE – TASSR**

Abstract. The article discusses organisations and institutions in the Kazan province that were engaged in archaeological or archaeology-related activities in the early twentieth century: the Society of Archaeology, History and Ethnography at Kazan University; the Church Historical and Archaeological Society of the Kazan Diocese; and the Northeast Archaeological and Ethnographic Institute. In addition, the author analysed the work of the Central Museum of the Tatar Republic and other organisations involved in archaeological studies in the 1920s, and concluded that, as a result of the changes that took place in Russia in 1917, the old organisations either ceased to exist (e.g., the Church Society) or gradually transformed, losing their main organisational, structural and even target functions, and becoming more politicised (e.g., the Society of Archaeology and Ethnography). Ultimately, they ceased to exist as they were incompatible with the new ideology. However, in the 1920s the goal of educating their own archaeological personnel on the model of Kazan University and the Northeast Archaeological and Ethnographic Institute (which has not been developed for subjective reasons) began to be realised. The social need for archaeological personnel at the national level was not met either – archaeologists from the Tatars did not appear during this period. But a new stage in the development of archaeological institutions in the republic can be associated with the Central Museum of the TASSR.

Keywords: V.F. Smolin, M.G. Khudyakov, N.F. Kalinin, Central Museum of the TASSR, Society of Archaeology, History and Ethnography at Kazan University, Kazan University, Northeastern Archaeological and Ethnographic Institute.

Rudenko Konstantin A. – Kazan State University of Culture and Arts, ul. Orenburgsky tract, 3, Kazan, 420059, Russian Federation.

**ARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF THE NORTH CAUCASUS:
LOCAL INSTITUTIONS AND PERSONALITIES
IN THE EARLY SOVIET PERIOD**

Abstract. The article analyses, refines, and summarises information about institutions and personalities in the cities and regions of the North Caucasus that organised and carried out archaeological research in the region during the 1920s. In the early Soviet period, it was necessary to prevent the loss of archaeological heritage, and to expand the scope of its study. These tasks required the evolution of institutions to solve the new problems that resulted from this broader perspective. Despite the fundamental socio-political and economic changes in the country that led to this restructuring, continuity was maintained with the final stages of development of pre-revolutionary Russian archaeology. During the period under review, primarily pre-Soviet specialists worked in this area, with their characteristic theoretical and practical baggage. These specialists became active participants in the transformation of existing structures and institutions – and the formation of new ones on the ground (i.e., governing bodies, societies, museums, universities, institutes, etc.) – the broad local history movement, as well as overcoming organisational and financial difficulties. They were particularly attracted to institutions that created local branches: the work of scientific expeditions in the region was unfolding, but new cadres only emerged under the influence of mentors, only gaining independence by the end of the 1920s. Archaeological research continued in these difficult changing political and organisational conditions, unevenly but effectively, until mass repression and the defeat of the old local historical institutions at the turn of the 1920–1930s, which led to the closure or further transformation of existing institutions, and moving to the next problems in the preservation and study of cultural heritage.

Keywords: North Caucasus, archaeology, early Soviet period, organisation, institutions, specialists, expeditions, results.

Savenko Sergey N. – Museum of Local Lore, ul. Bratiev Bernardazzi, 2, Pyatigorsk, 357503, Russian Federation.

**FIELD ARCHAEOLOGY IN RUSSIA FROM 1918
TO THE EARLY 1930s:
ORGANISATION, DYNAMICS, TRENDS**

Abstract. This article discusses issues related to the state of field archaeology during the formation of Soviet Russia. Using the information retrieval system for field research, the analysis here considers three periods of its development. The first period, from 1918 until the early 1920s, is characterised by declines associated with the general crisis state of the nation: social upheaval, economic devastation, and the Civil War. In the second period, beginning c. 1923, a rise in field research begins due to the development of local history in the USSR. Unfortunately, this positive dynamic was interrupted by the crushing of the local history movement in the early 1930s: repression of local historians sharply reduced the number of researchers, which led to an overall reduction in the volume of archaeological excavations and explorations. However, the first hints of a third stage also appear in the early 1930s: at this time, large expeditions began to work in the areas of construction of economic facilities (the Moscow metro, the Moscow-Volga channel, etc.). From this point, the leading role has belonged not to local historians, but to professional archaeologists.

Keywords: field research, license, archaeological heritage protection, local history, archaeological excavations and explorations.

Sorokina Irina A. – Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation.

D.A. Stashenkov

THE FORMATION OF SAMARA ARHCAEOLOGY: 1918–1930

Abstract. The article analyses the main events associated with the organisational design of archaeological research in the Samara Volga region in the post-revolutionary years, and distinguishes stages in the archaeological study of the region in the period from 1918 to 1930. Particular attention is paid to the activities of members of the Society of Archaeology, History, Ethnography and Natural Sciences at Samara University, and the Higher Ethnological and Archaeological Courses (since 1925 – Higher Courses in Local History) in Samara.

Keywords: archaeology, Samara, Volga region, history of archaeology.

Stashenkov Dmitry A. – Samara Regional Museum of History and Local Lore, ul. Leninskaya, 142, Samara, 443041, Russian Federation.

I.L. Tikhonov

ARCHAEOLOGICAL EDUCATION AT RUSSIAN UNIVERSITIES IN THE 1920s

Abstract. The article analyses the creation in the 1920s of a system for training archaeologists in Russia. Archaeological institutes in Petrograd and Moscow in 1922 were attached to universities; and on this basis archaeological departments began their activities, which included training highly qualified professional archaeologists. Attempts to establish archaeological education in regional centres (Kazan, Voronezh) were less successful by the end of the 1920s, and ultimately failed in metropolitan universities by the early 1930s. In connection with the separation of humanitarian faculties into separate institutes and the strengthening of the ideological press, a crisis also occurred in the training of archaeologists, which was overcome only in the second half of 1930s.

Keywords: archaeology, education, universities, archaeological institutes, training of archaeologists.

Tikhonov Igor L. – St. Petersburg State University, Universitetskaya nab., 7–9, St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

S.P. Shchavlev

ELIMINATION OF PROVINCIAL ARCHAEOLOGY IN SOVIET RUSSIA AT THE LATE 1920s – BEGINNING 1930s: “CASE OF LOCAL HISTORY SPECIALISTS OF THE CBER”⁵

Abstract. Documentary materials trace the tragic fate of associations of archaeologists and other local historians in the Kursk province and adjacent parts of the Central Black Earth Region following the revolution in the 1920s. Particularly marked are the unsuccessful attempts to

⁵ CBER – Central Black Earth Region.

work for the good of the people, and to help the new system in their scientific enlightenment. This essay reveals some of the motives: first, the representatives of the Soviet government limited the local history movement in every way possible, and then proceeded to their phased elimination. The archive record of the “Case of the Local Lore of the Central Council of Central History” of 1931 is given here, according to which the Chekists repressed researchers and museum keepers of antiquities from Voronezh, Zadonsk, Lipetsk, Ostrogozhsk, Tambov, Orel, Kursk, Sary Oskol. The stages of the complete ban on local history societies in the USSR and the negative consequences of this step for Russian archaeology are also highlighted.

Keywords: Russian archaeology, Soviet local historians, Bolshevik claims to prospectors of antiquities, repression of Chekists against local historians.

Shchavelev Sergey P. – Kursk State Medical University, 3, Kursk, 305041, Russian Federation.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВЕС – Археология Восточно-Европейской степи
АН СССР – Академия наук СССР
АН ТаджССР – Академия наук Таджикской Советской Социалистической республики
АН УзССР – Академия наук Узбекской Советской Социалистической республики
АН УССР – Академия наук Украинской Советской Социалистической республики
АФСБ РФ РО – Архив УФСБ Российской Федерации по Ростовской области
Белбалтлаг – Беломорско-Балтийский исправительно-трудовой лагерь
БГУ – Брянский государственный университет
БНЦ СО РАН – Бурятский научный центр СО РАН
ВАО – Вотская автономная область
ВГУ – Волгоградский государственный университет
ВГУ – Воронежский государственный университет
ВОКМ – Воронежский областной краеведческий музей
ВО МАИ – Воронежское отделение Московского археологического института
ВСНХ – Высший совет народного хозяйства
ВСОРГО – Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества
ВУАК – Воронежская ученая архивная комиссия
ВУАК – Всеукраинский археологический комитет при ВУАН
ВУАН – Всеукраинская академия наук
ВУКОПИС – Всеукраинский комитет охраны памятников искусства и старины
ВЦИК – Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет РСФСР
ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при СНК РСФСР
ГАЗК – Государственный архив Забайкальского края, г. Чита
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГАВО – Государственный архив Воронежской области
ГАКО – Государственный архив Курской области
ГАНО – Государственный архив Новосибирской области
ГАОО – Государственный архив Одесской области
ГАОПИ – Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области
ГАРК – Государственный архив Республики Крым
ГАРО – Государственный архив Ростовской области
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ГАСК – Государственный архив Ставропольского края

ГАСО – Государственный архив Саратовской области
ГАТО – Государственный архив Тверской области
ГАТО – Государственный архив Томской области
ГИК – Губернский исполнительный комитет
ГИМ – Государственный исторический музей
ГИНО – Государственный институт народного образования, ДВР
Главархив – Главное управление архивным делом при Народного комиссариата просвещения РСФСР
Главнаука – Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями Народного комиссариата просвещения РСФСР
Главпрофобр – Главный комитет профессионально-технического образования Наркомата просвещения РСФСР
Главпрофобр – Украинский главный комитет профессионально-технического и специально-научного образования
ГПУ – Государственное политическое управление при НКВД РСФСР
ГПУ УССР – Государственное политическое управление УССР
ГУАК – губернская ученая архивная комиссия
Губмузей – Губернское управление музеев и охраны памятников искусства, старины, народного быта и природы
ГубОНО – Губернский отдел народного образования
Губпрофобр – Губернский комитет профессионально-технического и специально-научного образования
ГУЛАГ – Государственное управление лагерями ОГПУ
ГУС – Государственный ученый совет при Народном комиссариате просвещения РСФСР
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ДАИ – Донской археологический институт
ДВР – Дальневосточная республика
ДОНО – Донской отдел народного образования
ДПЗ – Дом предварительного заключения, Ленинград.
ЕНКП - Еженедельник Народного комиссариата просвещения РСФСР
ЗККМ – Забайкальский краевой краеведческий музей, г. Чита
ЗОРГО – Забайкальский отдел Русского географического общества
ЗОИРГО – Забайкальский отдел Императорского Русского географического общества
ЗСКОАИЭ – Записки Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии.
ИАИ РАНИОН – Институт археологии и искусствознания Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
ИАК – Императорская археологическая комиссия

ИА РАН – Институт археологии РАН
ИАЭ – Институт археологии и этнографии АН СССР
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
ИрГУ – Иркутский государственный университет
ИГУАК – Иркутская губернская архивная комиссия
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
ИИС – Институт исследования Сибири
ИООИД – Императорское Одесское общество истории и древностей
ИРГО – Императорское Русское географическое общество
Истархэт – Общество истории археологии и этнографии при СГУ
ИСОРГО – Известия Сибирского отдела Русского географического общества
ИТЛ – исправительно-трудовой лагерь
ИЯЛИ АН РТ – Институт языка, литературы и истории Академии наук
Республики Татарстан
КАИ – Киевский археологический институт
КБИГИ – Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт
гуманитарных исследований Правительства КБР и Кабардино-Бал-
карского научного центра Российской академии наук
КБР – Кабардино-Балкарская Республика
КГИАМЗ – Краснодарский государственный историко-археологический
музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына
КГО – Кавказское горное общество в Пятигорске
КГОК – Курское губернское общество краеведения
КГУ – Казанский государственный университет
КемГУ – Кемеровский государственный университет
КИСК – Кружок по изучению Северного края
ККО – Кисловодское краеведческое общество
КМВ – Кавказские Минеральные Воды
КНИФСЦ – Кавминводский научно-исследовательский филиал Ставро-
польского центра «Великий шелковый путь»
КОПИС – Комитет охраны памятников искусства
КПХИ – Комитет популяризации художественных изданий
КрайОНО – Краевой отдел народного образования
КрасГАУ – Красноярский государственный аграрный университет
КРИРПО – Кузбасский региональный институт развития профессио-
нального образования
КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КубГУ – Кубанский государственный университет
КуйбГУ – Куйбышевский государственный университет

КФ СГОКМ – Кисловодский филиал Ставропольского государственного
объединенного краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве
ЛВИ – Ленинградский восточный институт
ЛГИЛИ – Ленинградский государственный историко-лингвистический
институт
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
ЛИФЛИ – Ленинградский институт философии, лингвистики, истории
ЛИЭТО – Литературно-историческое и этнологическое общество
ЛОКА – Ленинградское отделение Коммунистической академии
ЛОЦИА – Ленинградское отделение Центрального исторического архива
ЛЦИА – Ленинградский Центральный исторический архив
МАО – Московское археологическое общество
МАИ – Московский археологический институт
МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии Академии наук СССР
МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МИФЛИ – Московский институт истории, философии, лингвистики
МНП – Министерство народного просвещения
МПГУ – Московский педагогический государственный университет
НА ІА НАНУ – Научный архив Института археологии НАНУ
НАНУ – Национальная академия наук Украины
НКП, Наркомпрос – Народный комиссариат просвещения РСФСР
НВИК – Нижне-Волжский институт краеведения
НГИАМ – Николаевский государственный историко-археологический
музей
НГУ – Новосибирский государственный университет
НИИ – научно-исследовательский институт
НИК – Научно-исследовательская кафедра
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел СССР
НКП УССР – Народный комиссариат просвещения УССР
НКЮ – Народный комиссариат юстиции РСФСР
НМИ – Нижнекамский муниципальный институт
НОИВК – Научное общество изучения Вотского края
НОТ – Научное общество татароведения
ОАИ – Одесский археологический институт
ОАИЭ – Общество археологии, истории и этнографии при Казанском
университете
ОБК – Областное бюро краеведения
ОблОНО – Областной отдел народного образования
ОГИАМ – Одесский государственный историко-археологический музей

ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление при
СНК СССР
ОГУ – Одесский государственный университет им. И.И. Мечникова
ОИМК – Общество изучения Маньчжурского края, г. Харбин
ОИНО – Одесский институт народного образования
ОИС – Общество изучения Сибири и ее производительных сил
ОИТ – Общество изучения Татарстана
ОКК при ВУАН – Одесская комиссия краеведения при ВУАН
ОКРАМ – Общество краеведов-марксистов
ОЛИКО – Общество любителей изучения Кубанской области
ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного истори-
ческого музея
ОРРК НБ ПФУ – Отдел рукописей, редких книг научной библиотеки
Приволжского федерального университета
ПАИ – Петербургский/Петроградский археологический институт
ПИМК – Памятники истории материальной культуры
ПКМ – Пятигорский краеведческий музей
ПУАК – Пермская ученая архивная комиссия
РА – Российская археология
РАИМК – Российская академия истории материальной культуры
РАН – Российская академия наук
РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институ-
тов общественных наук
РАО – Русское археологическое общество
РГАК – Российская государственная археологическая комиссия
РГО – Русское географическое общество
РИИИ – Российский институт истории искусств
РКИСВА – Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии
в историческом, археологическом и лингвистическом отношении
РККА – Рабоче-крестьянская Красная Армия
РО НА ИИМК РАН – Рукописный отдел Научного архива ИИМК РАН
РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований
СА – Советская археология
САО – Самарское археологическое общество
СВАИЭИ – Северо-Восточный археологический и этнографический ин-
ститут в Казани
СППИ – Саратовский государственный педагогический институт
СГУ – Самарский государственный университет
СГУ – Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского
СГУ – Ставропольский государственный университет

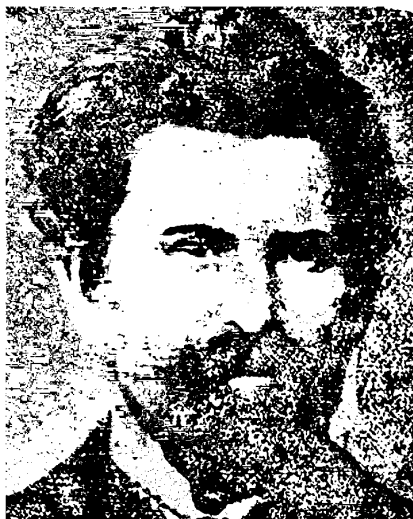
СГСЭУ – Саратовский государственный социально-экономический университет
СИМК – Секция истории материальной культуры Академии наук Украины
СКЭ – Северо-Кавказская экспедиция ГАИМК
СКФУ – Северо-Кавказский федеральный университет
СНК РСФСР – Совет народных комиссаров РСФСР
СНК УССР – Совет народных комиссаров УССР
СОАИЭ – Самарское общество археологии, истории, этнографии при Самарском государственном университете
СОАИЭиЕ – Самарское общество археологии, истории, этнографии и естествознания при Самарском государственном университете
СОИГСИ – Северо-Осетинский научно-исследовательский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева
СОИМК – Совет обследования и изучения Кубанского края
СОИМК – Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина
СОМК – Саратовский областной музей краеведения
СОФИН – «Союз освобождения финских народностей»
СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал архива РАН
СПбГУ – Санкт-Петербургский университет
СПбГУКИ – Санкт-Петербургские государственный институт культуры
СПО – секретно-политический отдел
СУ – Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства
СУАК – Саратовская губернская ученая архивная комиссия
ТАССР – Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика
ТБК – Татарское бюро краеведения
ТвГУ – Тверской государственный университет
ТГОМ – Тверской государственный объединенный музей
ТГУ – Томский государственный университет
ТНА – Таврическая научная ассоциация
ТНКП – Татарский народный комиссариат просвещения
ТНУ – Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского
ТОИАЭ – Таврическое общество истории археологии этнографии
ТУАК – Таврическая ученая архивная комиссия
ТУАК – Тверская ученая архивная комиссия
ТЦДНИ – Тверской центр документации новейшей истории РСФСР
УАН – Украинская академия наук
УГБ – Управление государственной безопасности
УдГУ – Удмуртский государственный университет
УИИЯЛ УрО РАН – Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН

УНО – Украинское научное общество
УНКВД – Управление народного комиссариата внутренних дел СССР
УНР – Украинская Народная Республика
УОЛЕ – Уральское общество любителей естествознания
УССР – Украинская Советская Социалистическая Республика
УФСБ – Управление Федеральной службы безопасности
УЦГАЛ – Управление центральных государственных архивов Ленинграда
ЦГАИПД – Центральный государственный архив историко-политических документов, СПб.
ЦГА СПб – Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
ЦГА УР – Центральный государственный архив Удмуртской республики
ЦК ВКП(б) – Центральный комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)
ФЗО – фабрично-заводское обучение
ФОН – факультет общественных наук
ФО НА ИИМК РАН – Фотографический отдел Научного архива ИИМК РАН
ХГИАМ – Херсонский государственный историко-археологический музей
ЦБК – Центральное бюро краеведения
ЦГАВОВ Украины – Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины
ЦГА РСО-А – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания
Центрархив – Управление Центральным архивом при ВЦИК РСФСР
ЦИАО КЕ – Церковное историко-археологическое общество Казанской епархии
ЦКОПСИУ – Центральный комитет охраны памятников старины и искусства на Украине
ЦМТР – Центральный музей Татарской Республики
ЦЧО – Центрально-Чернозёмная область
ЧИРКМ – Чечено-Ингушский республиканский краеведческий музей
ЧувАССР – Чувашская Автономная Советская Социалистическая Республика
ЭАК – этнолого-археологическая комиссия
ЮФУ – Южный федеральный университет

CBER – Central Black Earth Region
ИИМК RAS – Institute for the History of Material Culture Russian Academy of Sciences
РАНМС – Russian Academy of the History of Material Culture
RAS – Russian Academy of Sciences
САНМС – State Academy of the History of Material Culture

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Бойко А.Л., Толочко И.В. При явно неблагоприятных условиях: археология Дона в 1920–1931 годах

*Рис. 1. Профессор
А.И. Яцимирский (1873–1925) –
ректор Донского археологического
института*

*Рис. 2. С.А. Локтюшев
(1878–1943) – преподаватель
Донского археологического
института*

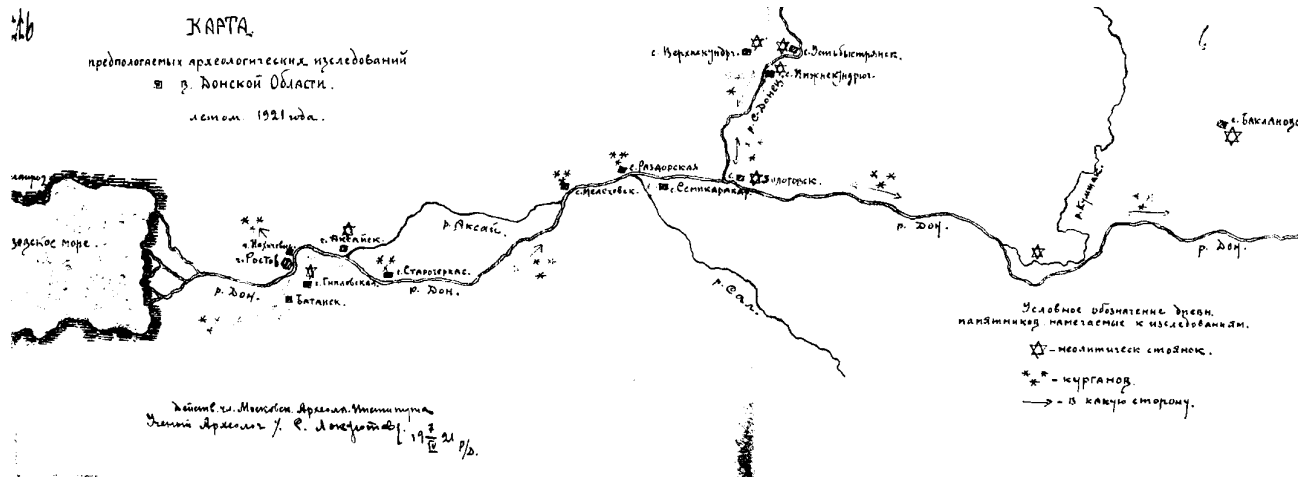

Рис. 3. Карта С.А. Локтюшева с определением предполагаемых мест раскопок летом 1921 г.

Рис. 4. Групповая фотография В.А. Гордцова с группой сотрудников Северо-Кавказского государственного университета и членами Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии. В дни чествования 40-летия научной деятельности В.А. Гордцова.

Ростов-на-Дону, май 1928 г.

Слева направо:

сидят: А.Т. Стефанов (1868–1934); Н.Н. Любович (1855–1935);

В.А. Гордцов (1860–1945); А.М. Ладыженский (1891–1972);

А.М. Ильин (1870–1937), И.П. Козловский (1869–1942).

стоят: М.А. Миллер (1883–1968); М.Б. Краснянский (1873–1944);

И.И. Ногин (1882–1934); Б.В. Лунин (1906–2001); Л.А. Ширман (1890–1942);

Л.А.Абаза (?); 13. С.А. Вязигин (1896–1955); М.Л. Ямтольский (?)

*Бухарин М.Д., Тункина И.В. Постоянная Туркестанская комиссия
РАИМК в 1921 году*

*Рис. 1. Академик С.Ф. Ольденбург.
© СПбФ АРАН. Р.Х. Оп. 1-О. Д. 5. Л. 2.*

*Рис. 2. Академик В.В. Бартольд.
© СПбФ АРАН. Р.Х. Оп. 1-Б. Д. 119. Л. 1.*

**Захарова Е.Ю., Бояркин М.В. У истоков «советской науки на местах»:
1920-е годы в истории воронежской археологии**

Рис. 1. Обед в честь 25-летия Воронежского губернского музея, сентябрь 1919 г.

Слева направо:

сидят: А. М. Былова; С.А. Стрижевский; Э.Р. Фельсберг;

Е.В. Петухов; В.С. Ярцев; С.Е. Зверев; В.Н. Тевяшов; Т.М. Потапова; ?;

З.В. Яковлева; Н.С. Ярцев.

стоят: Г.С. Зверев; К.К. Сент-Илер; М.С. Зверев; Н.Н. Смирнов; Х.П. Глонти;

?; И.И. Лапто; С.Н. Замятин (выше всех); ?; М.К. Паренаго; Н.В. Томановский;

С.Н. Шестова; С.Н. Введенский; И.Ф. Алмазов; ?; ?; М.Н. Селиверстов.

Из коллекции фотографий, негативов и кинодокументов ВОКМ. © ВОМ 1363-Ф.

*Рис. 2. Экспозиционный зал
Воронежского Государственного Историко-Культурного Музея. Октябрь 1923 г.
Фото С.Н. Замятина. © ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 288. Л. 14*

Малов Н.М. Археология Нижнего Поволжья: государственные учреждения и общества в первое советское десятилетие (к 100-летию первой археологической экспедиции Саратовского университета)

Рис. 1. Билет для входа в Саратовский университет А.Н. Кушевой. 1917 г.
Опубликован: Андреева Т.В., Соломонов В.А. 2006

ОБЪЕДИНЕННАЯ
СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ

ОТДЕЛ ПО ДЕЛАМ МУЗЕЕВ И ОХРАНЕ
ПАМЯТНИКОВ ИСКУССТВА И СТАРИНЫ

О Т К Р Ы Т Ы Й Л И С Т .

16 Мая для 1923 г.

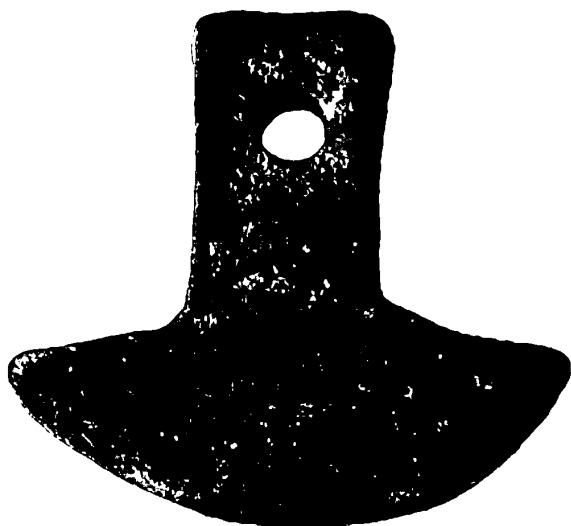
№ 2280

Отдел по Делах Музеев и охране памятников искусства, старины и природы НАРКОМПРОСА, выдавая сей ОТКРЫТЫЙ ЛИСТ проф. Саратовского Государственного Университета Павлу Сергеевичу РЫКОВУ на производство археологических раскопок в 1923 году в Саратовской Губернии и Области немцев Поволожья, просит все Органы Советской Власти оказывать П. С. РЫКОВУ всемерное содействие для успешного выполнения, возложенного на него поручения.

Исследователь объявляется не позднее 15-го Ноября 1923 г. представить в Центральное Археологическое Бюро при Отделе по Делах Музеев НАРКОМПРОСА "Дневник раскопок" и все добытые раскопками памятники древностей.

ОТДЕЛОМ ПО ДЕЛАМ МУЗЕЕВ: *Н. Троцкая*
ЦЕНТРАЛЬНОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ
БЮРО: *С. Машиков*
УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ: *И. С. Рыков*

Рис. 2. Открытый лист П.С. Рыкова на проведение полевых исследований в 1923 г. с подписью Н.И. Троцкой (зав. Отделом по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса РСФСР)

*Рис. 3. Мотыга бронзового века, подаренная А.М. Тальгренем (?) Покровскому
Центральному музею Автономной Социалистической Советской Республике
Немцев Поволжья в 1928 г.*

**Панкратова Е.Г. «Террористическая организация ГАИМК» (1936 год):
обзор материалов архивно-следственного дела**

*Рис. 1. Абрам Григорьевич Пригожин.
1930-е гг. Фото из личного дела.
©РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 535.
Л. За. Публикуется впервые*

*Рис. 2. Федор Васильевич Кипарисов,
1910-е гг. Фото из семейного
альбома А.А. Волковой (дочери
А.Ф. Кипарисова).
Публикуется впервые*

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
71
72
73
74
75
76
77
78
79
80
81
82
83
84
85
86
87
88
89
90
91
92
93
94
95
96
97
98
99
100

Заменено на органа НКВД

Форма № 6

4.

АНКЕТА арестованного

ВОПРОСЫ:	ОТВЕТЫ:
Фамилия	<u>Быковский</u>
Имя и отчество	<u>Сергей Николаевич</u>
Дата и место рождения	Родился <u>24 августа</u> года <u>1896</u> г. (<u>г. Чойн</u>). области, края _____ района _____ _____ уезд _____ _____ село _____
Бюроиск. местожительство (адрес)	<u>Александров</u> <u>Ул. Коммунистическая дом 56 кв. 6.</u>
Место службы и должность, или вид занятий	<u>Александров</u> <u>Институт Ветеринар. Мед. им. В. И. Вавилова</u> <u>Зав. архивом, с 1924 г. - с 1934 г.</u>
Профессия и профессия за арестованностью. На билетах	<u>ветеринар</u> <u>Член буржуазной партии "Народ. Тру." с 1918 г.</u>
Имущественное положение в момент ареста (перечислить подробно движимое и недвижимое имущество: постройки, сложные и простые орудия, количество обрабатываемой земли, количество скота, лошадей и проч., сумма налога с ох. и иждивен. Если колхозник, указать имущественное положение до вступления в колхоз, время вступления в колхоз).	<u>Нет ни чего</u>
То же до 1929 г.	<u>То же</u>
То же до 1917 г.	<u>То же</u>
Социальное положение в момент ареста	<u>Буржуазный</u>
Служба в царской армии и чин	<u>Внушил</u> <u>прапорщик.</u>
Служба в белой армии и чин	<u>Нет</u>

Рис. 3. Анкета арестованного. С.Н. Быковский. 4 августа 1936 г.

Заполнена следователем.

Сканированная копия. © Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819. Т. 1. Л. 4

Учреждение органа НКВД *УНКВД* Форма № 3

АНКЕТА арестованного

В О П Р О С Ы	О Т В Е Т Ы
Имя	<i>по отцу Кайсаров со Свс Митариков</i>
Фамилия	<i>Федор Васильевич</i>
Дата и место рождения	Родился <i>25/1/1886</i> года <i>50</i> лет области, края <i>Московской</i> района гор. <i>Засорек</i> село
Последнее местожительство (адрес)	<i>П-град чл. Коммунарки дом 5 кв 5.</i>
Вид службы и должность, или занятия	<i>И.О. предс. Гос. акад. Материал. культуры и др. "Р. Мара" с 1929.</i>
Образования и профессиональная принадлежность, № билета	<i>Историк чл. М. союза Раб. выш. школы и Коммунарки.</i>
Существенное положение в момент ареста (перечислить подробно недвижимое и движимое имущество, постройки, садовые и прочие входы, орудия, количество принадлежащей земли, количество скота, лошадей и проч., сумма наличных и вкладов. Если крохотное, указать имущество поименно до вступления в колхоз для вступления в колхоз).	<i>Ни имущества</i>
Служба до 1929 г.	<i>тоже</i>
Служба до 1917 г.	<i>тоже</i>
Служебное положение в момент ареста	<i>Служащий с 1915.</i>
Служба в царской армии и чин	<i>Ни службы</i>
Служба в белой армии и чин	<i>тоже</i>

Рис. 4. Анкета арестованного. Ф.В. Кипарисов. 27 августа 1936 г.

Заполнена следователем.

Сканированная копия. © Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819. Т.1. Л. 5-5об.

дело № 00246.

28

ПРИГОВОР

именем Союза Советских Социалистических Республик
Высшая судебная инстанция
Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР

в составе:

Председательствующего Адвокат-генерала В.В. УЛЬРИХ

Членов: Дивизионных прокуроров Н.М. ПЕТКОВА и Я.П. ДМИТРИЕВА

При секретаре военной коллегии I ранга А.А. БАТКР

В закрытом судебном заседании, в городе Ленинграде

19 декабря 1936 года

, рассмотрела дело

по обвинению:

1. БЫКОВСКОГО Сергея Николаевича, 1896 г.р., служащего;
2. ХУДЯКОВА Михаила Георгиевича, 1894 г.р., служащего;
3. КИПАРИСОВА Федора Васильевича, 1886 г.р., служащего и
4. АДРИАНОВА Василия Степановича, 1904 г.р., служащего -

в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-8 и 58-11 УК РСФСР.

Предварительным и судебным следствием установлено *всё*
наши обвиняемые, Быковский, Худяков, Кипарисов,
Адрианов, что они в составе группы

Рис. 5. Обвинительный приговор, вынесенный Ф.В. Кипарисову, С.Н. Быковскому, В.С. Адрианову и М.Г. Худякову. 19 декабря 1936 г. Сканированная копия.
© Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819. Л. 37

Сорокина И.А. Полевая археология в России в 1920-е – начале 1930-х годов: организация, динамика, тенденции

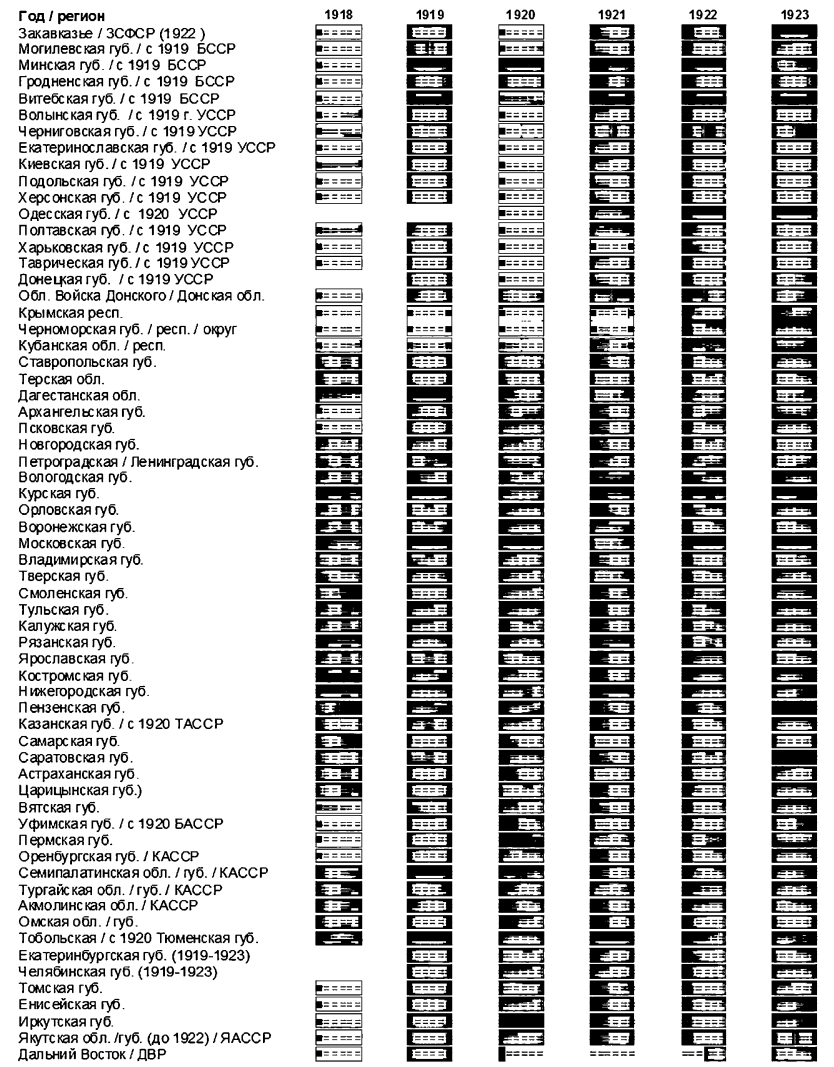

Рис. 1. Регионы Российской империи – РСФСР с 1918 по 1923 г.

□ – территории РСФСР, подконтрольные советской власти, ■ – территории, НЕподконтрольные советской власти, ■ – ЗСФСР, □ – УССР, ■ – БССР, □ – Дальневосточная Республика

Рис. 2. Динамика полевых исследований по годам

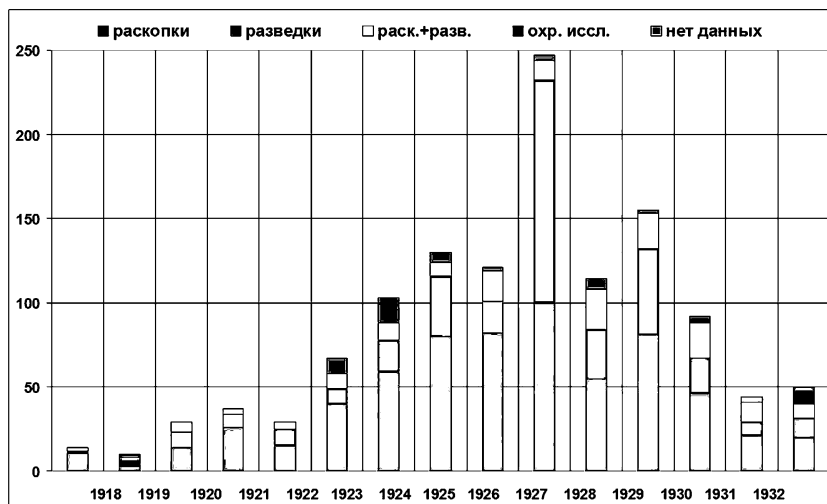

Рис. 3. Структура полевых исследований по годам

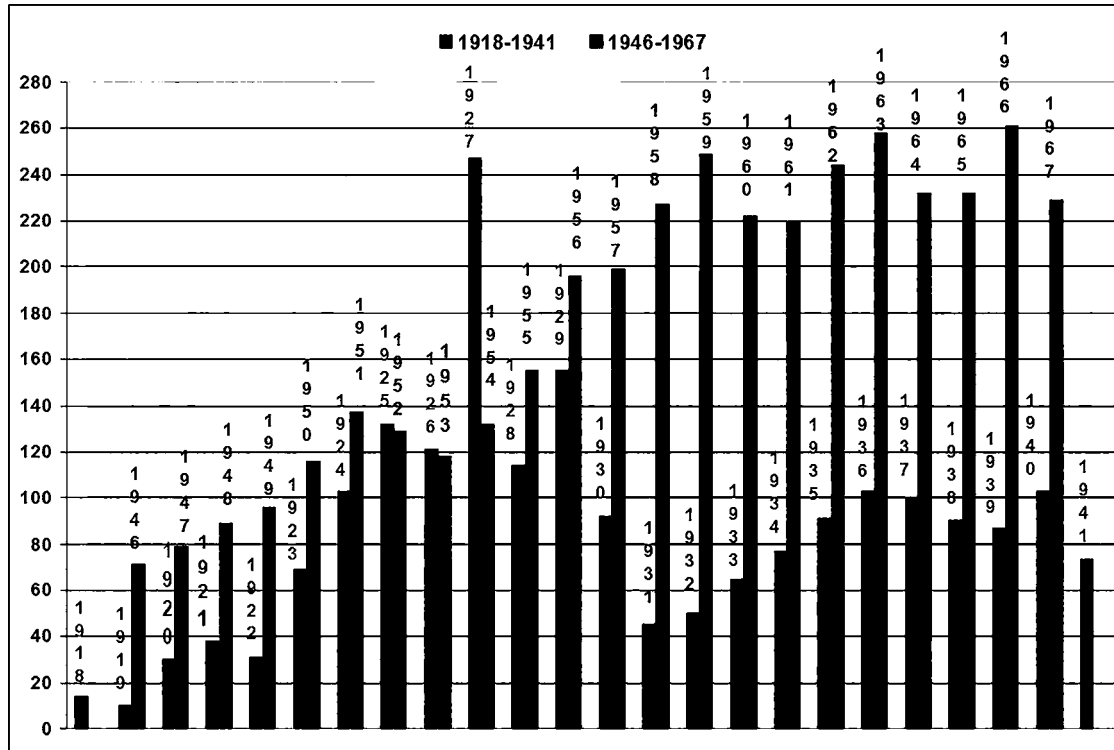

Рис. 4. Показатели количества полевых исследований для двух периодов: 1918–1941 и 1946–1967 годы

Рис. 1. В.В. Гольмстен. Самара,
1927 г.

Рис. 2. П.А. Преображенский

Рис. 3. В.Н. Перец и В.П. Андрианова-Перец

Рис. 4. В.В. Гольмстен на раскопках Муромского городка

Тихонов И.Л. Археологическое образование в российских университетах в 1920-е годы

*Рис. 1. Преподаватели и студенты Археологического отделения ЛГУ. 1924 г.
Третий ряд: слева: второй – Н.П. Сычев, третий – Б.Л. Богаевский (?),
четвертый – К.К. Романов (?), пятый – Б.В. Фармаковский,
шестая – М.И. Максимова. © РО НА ИИМК РАН*

Дело № 3
21 года

ОСОБОЕ ПОЛНОМОЧИЕ
за Военную службу
Коллежского регистратора

Запись слушателя
Петроградского Археологического
Института.

ОСОБОЕ ПОЛНОМОЧИЕ
за Военную службу
Коллежского регистратора

Имя и отчество *Михаил Александрович Артамонов*

Поступивший в Институт в 1921 году

3 секретарь

Декан
Ученый секретарь Института *Стороженко*

Рис. 2. Запись слушателя Петроградского археологического института
М.И.Артамонова. 1921 г. © ЦГА СПб.

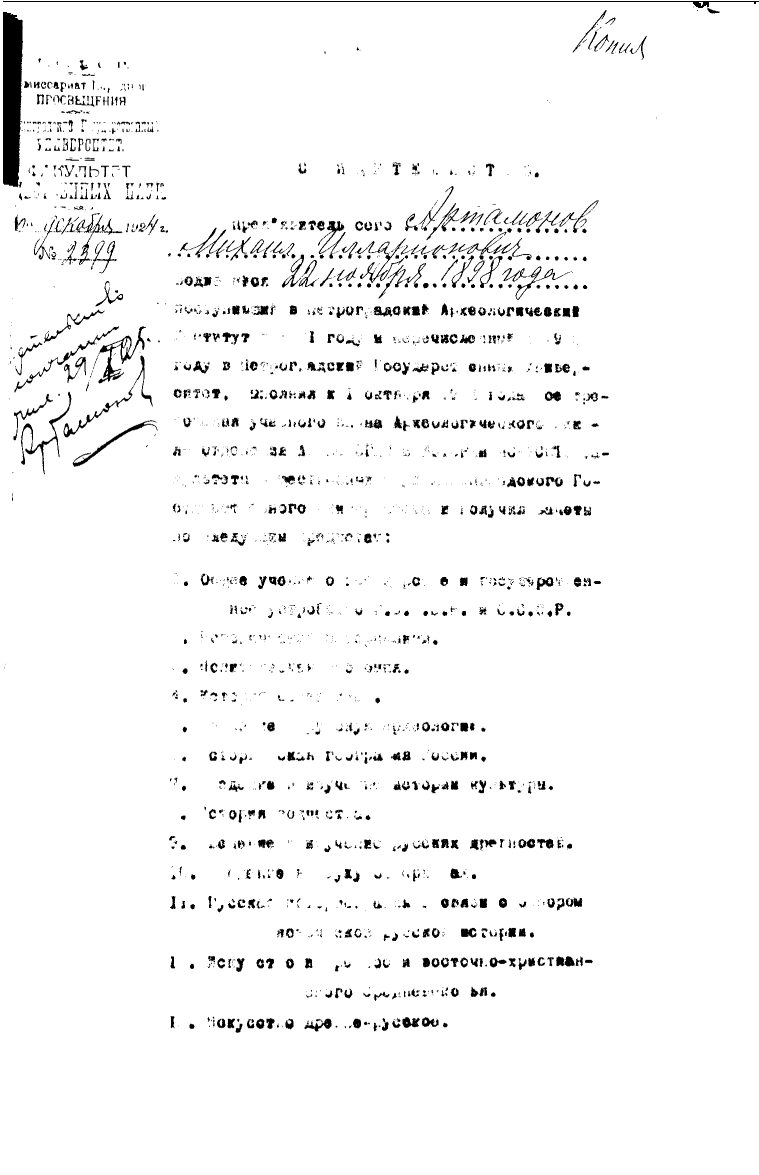

Рис. 3. Свидетельство М.И.Артамонова об окончании Отделения археологии и истории искусств ФОН ЛГУ. 1924 г. © ЦГА СПб.

*Рис. 5. В.А. Городцов, А.С. Баширов, А.А. Захаров среди студентов археологов МГУ
1930 г. © ОПИГИМ*

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ

Выпуск V

Отв. редактор: И.А. Сорокина
Верстка: Г.С. Пузакова

Подписано в печать 30.11.2019
Формат 60x90/16
Уч.-изд.л. 24,5.
Тираж 300. Заказ №

ИА РАН
117292 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано в ООО "Объединенный полиграфический комплекс"
г. Москва, Дербеневская набережная д. 7 стр. 2,
тел. 8(499) 1306019, e-mail: info@opk.bz

ISBN 978-5-94375-301-5

9 785943 753015